ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА 1945

Энтони БИВОР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Книга известного английского историка Энтони Бивора "Падение Берлина. 1945" посвящена решающему этапу Второй мировой войны — подготовке штурма и взятию столицы Третьего рейха. При подготовке издания автор использовал материалы из архивов стран Западной Европы, СНГ и России. Помимо анализа боевых действий, Энтони Бивор достаточно подробно описывает отношение бойцов Красной Армии к населению оккупированной Германии. Этот аспект истории Второй мировой войны советская историография долгие годы обходила молчанием. Вероятно, именно поэтому публикация книги "Падение Берлина. 1945" в Великобритании вызвала бурю протестов российских историков и официальных лиц.

- Бивор Энтони
  - От автора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
  - Глава двадцать пятая

- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Избранная библиография
- Расшифровка терминов
- Избранная библиография
- Исторический архив

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168

- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212

- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256

- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300

- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344

- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388

- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432

- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476

- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520

- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564

- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608

- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652

- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696

- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740

- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784

- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828

- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872

- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916

- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960

- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004

- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026

Бивор Энтони
Падение Берлина, 1945

От автора

"Для истории всегда важен только конечный результат", — горько заметил Альберт Шпеер на допросе, проводившемся американскими следователями[1]. Его угнетало, что все "достижения" гитлеровского режима теперь будут преданы забвению. Подобно другим видным нацистам, Шпеер считал второстепенными те элементы нацистской диктатуры, которые как раз и являлись ее сущностью и характеризовали ее лидеров. По его мнению, к крушению режима привело роковое стечение обстоятельств. Эта позиция ближайшего соратника Гитлера еще раз доказывает, что необходимо знать и помнить о последних днях "третьего рейха" — государства, которое может показаться таким совершенным в глазах современной молодежи, особенно молодежи Германии[2].

Какой будет месть Германии со стороны Советского Союза, немцы могли себе представить еще за два года до капитуляции. 1 февраля 1943 года среди развалин Сталинграда группу изможденных немецких военнопленных, шедших под конвоем, остановил некий советский полковник. "Именно так будет выглядеть и Берлин", — зло произнес он, указывая на разрушенные вокруг здания. Когда я прочитал об этом шесть лет назад, то внезапно понял, о чем будет моя следующая книга. Среди сохраненных на рейхстаге надписей советских воинов сегодня можно найти две, которые с поразительной точностью передают торжество мести победителей, торжество тех солдат, которые изгнали врага с родной земли и добили в его же логове.

Воспоминания о поражении под Сталинградом, как наваждение, преследовали Гитлера всю вторую половину войны. В ноябре 1944 года, когда войска Красной Армии уже подходили к границам рейха, он снова заговорил об этом городе, заявив, что все поражения Германии "начались с прорыва румынского фронта на Дону в ноябре 1942 года"[3]. Фюрер обвинял своих беспомощных и плохо вооруженных союзников, что те оставили открытыми фланги и игнорировали все предупреждения об опасности. В результате они поставили и себя, и немецкие части в Сталинграде в безвыходное положение. Гитлер так и не вынес никаких уроков из этого поражения. Но он ничего и не забыл.

Слова фюрера со всей очевидностью демонстрируют нам искривленную логику мышления вождей "третьего рейха", восприняв которую немцы сами себя загнали в ловушку. В одном из своих выступлений, сутью которого была фраза: "Капитуляция означает уничтожение", он предупреждал: если большевики

выиграют войну, германский народ ожидает полный крах, насилие и рабство, "колонны немцев, двигающихся в направлении сибирской тундры".

Гитлер неистово отрицал свою личную ответственность за сложившуюся ситуацию. Во всем, по его мнению, были виноваты те или иные личности и обстоятельства. К сожалению, немцы слишком поздно осознали, что они находятся в созданной фюрером западне. Вместо того чтобы уничтожить большевизм, как это было обещано им германскому народу, Гитлер, напротив, привел его в самый центр Европы. Жестокую войну против России вело то поколение немецкой молодежи, которое подверглось дьявольски продуманной идеологической обработке. Геббельсовская пропаганда не просто превращала в недочеловеков евреев, комиссаров и славян, она заставляла всю Германию ненавидеть этих людей. Затем, в преддверии катастрофы, совершенные против них массовые преступления позволяли Гитлеру держать нацию в крепкой узде. Приближающееся насилие со стороны Красной Армии казалось немцам не чем иным, как осуществлением пророчества своего вождя.

Сталин, который также любил использовать различные символы, когда они были ему полезны, тем не менее оказался более расчетлив. Конечно, наступление на столицу рейха являлось для советского лидера кульминационным пунктом всех операций Красной Армии в войне[4], но Сталин имел в отношении Берлина и более практичный интерес. По меньшей мере одной из причин штурма немецкой столицы были планы Лаврентия Берии. Нарком внутренних дел знал, что там существует учреждение, связанное с ядерными исследованиями. И он желал захватить все его оборудование и уран еще до того, как туда войдут американские и британские войска. К тому времени в Кремле, благодаря прокоммунистическому шпиону Клаусу Фуксу, уже обладали информацией о Манхэттенском проекте, осуществлявшемся в лабораториях Лос-Аламоса. Советские ученые пока сильно отставали от американцев. Поэтому Сталин и Берия были убеждены, что, получив доступ к немецким атомным исследованиям в Берлине, СССР сможет создать свою бомбу, которая будет не хуже американской.

Нашему поколению, особенно тем, кто рос и воспитывался уже в демилитаризованном обществе после окончания "холодной войны", практически невозможно представить себе все масштабы человеческой трагедии, ставшей очевидной к концу второй мировой бойни. Из этой трагедии мы можем и должны сделать выводы. Один из наиболее важных ее уроков состоит в том, что

следует чрезвычайно осторожно подходить к любому обобщению, вызванному поведением отдельных личностей. Невиданные страдания, унижения могут развить в человеке как самые возвышенные, так и самые низменные качества. Человеческое поведение непредсказуемо, как сама наша жизнь или смерть. Многие советские солдаты на передовой линии, не в пример тем, кто шел следом за ними, часто с необычайной добротой относились к простым немецким гражданам. В мире, где правили жестокость и ужас, где само понятие гуманности оказалось раздавлено прессом идеологии, лишь примеры альтруизма и самопожертвования (часто достаточно неожиданные) были способны смягчить безжалостную картину истории.

Все даты в книге относятся к 1945 году, за исключением тех, в которых год обозначен специально.

Глава первая
Берлин встречает Новый год

Истощенные от постоянного недоедания и стресса, берлинцы праздновали Рождество 1944 года далеко не в радостном настроении. Значительная часть столицы "третьего рейха" была уже разрушена бомбовыми ударами союзной авиации. В этот отнюдь не веселый сезон шутки горожан все больше стали напоминать черный юмор. На вопрос: "Какие подарки лучше всего выбрать для своих родственников?" — следовал ответ: "Будь практичным — подари им по гробу".

Настроения берлинцев стало меняться в худшую сторону еще два года назад. Перед самым Рождеством 1942 года по городу стали распространяться слухи, что Красная Армия окружила на Волге 6-ю армию генерала Паулюса. Для нацистского режима было тяжело признать, что одно из самых мощных объединений вермахта теперь обречено на гибель в руинах Сталинграда и в заснеженных русских степях. Для того чтобы подготовить страну к плохим новостям, Йозеф Геббельс, рейхсминистр пропаганды и просвещения, объявил о наступлении "германского Рождества", что в переводе с нацистской терминологии означало аскетизм и идеологическое единение, то есть никаких свечей, венков из сосновых веток и распевания "Штилле нахт, хайлиге нахт". К 1944 году традиционный рождественский жареный гусь стал уже весьма далеким воспоминанием.

Многие фасады берлинских домов оказались разрушены. Однако в помещениях, которые раньше служили для своих хозяев гостиными или спальнями, еще можно было увидеть висящие на стенах картины. Актриса Хильдсгард Кнеф никак не могла отвести взгляд от пианино, оставшегося в полуразрушенном доме. Никто не мог добраться до этого инструмента, и у нее невольно возник интерес — как долго он еще продержится в целости и сохранности, прежде чем рухнуть вниз вместе с остатками этажа. На многих стенах разбитых домов теперь часто встречались различные надписи, выведенные мелом или краской. Это был обмен посланиями между родными и близкими. Сын писал, что приезжал на побывку с фронта и у него все хорошо. Бывший житель разрушенного здания сообщал, что обитает теперь в таком-то месте и т. п. Рядом висели официальные объявления нацистского руководства. Некоторые из них обещали мародерам неминуемую смертную казнь.

Воздушные налеты (днем американской авиации, а ночью —

британской) стали настолько частыми, что берлинцам казалось — теперь они проводят больше времени в подвалах и бомбоубежищах, чем в собственных постелях. Вследствие постоянного недосыпания у них странным образом смешались симптомы истерии и фатализма. Некоторые острые на язык горожане, которых гестапо, несомненно, могло обвинить в пораженческих настроениях, зло подшучивали, что аббревиатуры LSR ("Luftschutzraum", в переводе с немецкого "бомбоубежище") теперь надо расшифровывать как "Lernt schnell Russisch" ("учи быстрее русский")[5]. Большинство берлинцев более не использовали в общении друг с другом нацистское приветствие "Хайль Гитлер!". Когда член организации гитлерюгенд Лотар Лойе, долгое время отсутствовавший в городе, зашел в один из столичных магазинов и по привычке произнес нацистское приветствие, все покупатели обернулись и посмотрели на него со странным выражением лица. Этот случай стал последним в его жизни, когда он воздал хвалу фюреру, находясь вне службы. Лойе обнаружил, что наиболее распространенным приветствием теперь стало "Bleib Ubring!" ("Выживай!")[6].

Юмор берлинцев отражал всю гротесковость, подчас сюрреалистичность ситуации, в которой они оказались. Самым большим бомбоубежищем в городе являлся так называемый "Зообункер". Это была огромная железобетонная крепость с зенитными батареями на башнях и обширным укрытием под землей. Толпы горожан устремлялись туда после сигнала воздушной тревоги. Урсула фон Кардорф отмечала в своем дневнике, что все происходящее выглядело словно декорация к сцене с заключенными из оперы "Фиделио"[7]. Вместе с тем любовные парочки, облокотившиеся на перила спиральной лестницы, ведущей вниз, напоминали участников пародии на бал-маскарад.

Вся атмосфера жизни большого города была пронизана ожиданием скорого конца. Никто не сомневался, что приближается катастрофа, и она на этот раз коснется не просто государства, но и каждого человека в отдельности. Люди безрассудно тратили деньги, сознавая, что скоро все эти бумажки превратятся в хлам. По городу ходили слухи, правда не подтвержденные, что в районе зоопарка, темных углах вокруг станции метро, да и в самом парке Тиргартен, молодые девушки совокупляются с чужестранцами. Желание расстаться со своей невинностью стало среди молодых женщин еще более отчаянным несколько позднее, когда Красная Армия уже подходила к воротам Берлина.

Бомбоубежища, освещенные синими лампами, многим могли

казаться адом. Люди спускались туда только с самым необходимым: одеждой и небольшими чемоданами, в которых, кроме всего прочего, были уложены бутерброды и термосы с чаем. Теоретически их ждал полный комфорт. Имелась даже санитарная комната с медсестрой, и женщины в случае необходимости могли рожать прямо под землей. Многим казалось, что разрывы авиабомб даже ускоряют рождение детей. Причем возникало ощущение, что эпицентры взрывов находятся не только сверху, но и снизу — словно бы земля отвечала ударом на удар. Потолки укрытий на случай отключения электричества были покрашены специальной люминесцентной краской и в темноте она поначалу светилась, а затем начинала тускло мерцать. Снабжение бомбоубежищ водой прекратилось вследствие разрушения водопроводов. По этой причине уборные вскоре оказались в ужасном состоянии, что стало настоящим бедствием для нации, привыкшей к чистоте и гигиене. Иногда дежурные опечатывали общественные туалеты. Причем они опасались не только распространения инфекций, но и очередных случаев суицида. Находившиеся в депрессии люди часто запирались в уборных и кончали жизнь самоубийством.

Трехмиллионному городу не хватало бомбоубежищ, поэтому они были постоянно переполнены. Спертый воздух заполнял коридоры. Потолки главных залов и спальных помещений были покрыты сыростью. В комплексе бомбоубежищ на станции метро "Гезундбруннен", рассчитанном на полторы тысячи человек, нередко собиралось в три раза больше. Для измерения уровня оставшегося в убежище кислорода использовали свечи. Как только гасла свеча, поставленная на пол, родители поднимали детей выше и сажали их на свои плечи. После затухания свечи, стоящей на стуле, все поднимались на ноги. А если уж начинала мерцать свеча, расположенная на уровне подбородка, люди, находящиеся в убежище, должны были немедленно его покинуть, невзирая на то, что в данный момент творилось наверху.

В Берлине находилось до трехсот тысяч иностранных рабочих, на одежду которых нашивались специальные буквы, обозначающие страну, откуда прибыл тот или иной человек. Вход в бомбоубежища и подвалы домов для этих людей был закрыт, что, с одной стороны, объяснялось политикой режима, запрещавшего немцам смешиваться с представителями другой нации, с другой — чиновников мало волновали жизни иностранцев, хватало забот и со своими согражданами. К иностранцам, особенно к "остарбайтерам" ("восточным рабочим"), относились как к расходному материалу. Большинство "восточных рабочих" были насильно угнаны немцами в Германию

из Украины и Белоруссии. Но все-таки иностранные рабочие, находящиеся в городе (рекрутированные или отправившиеся в рейх по собственному желанию), имели гораздо большую степень свободы, чем их несчастные сограждане, попавшие в лагеря. Те, кто работал на военных заводах в районе Берлина, построили собственное убежище в одном из помещений на станции "Фридрихштрассс". Они воссоздали там маленький очаг своей родной культуры, в котором нашлось место стенным газетам, различным играм и т. п. Их настроение заметно улучшалось по мере приближения Красной Армии, в то время как у их эксплуататоров, напротив, оно резко падало. Большинство немцев смотрело на иностранных рабочих со смятением и дрожью. Они видеди в них своеобразного троянского коня, все более опасного и готового к мести по мере того, как вражеские армии ближе и ближе подходили к Берлину.

Да, больше всего на свете берлинцы боялись славянского вторжения с востока. Боязнь легко переходила в ненависть. Геббельсовская пропаганда вновь и вновь напоминала им о жертвах Неммерсдорфа[8]. Еще осенью 1944 года части Красной Армии вторглись в юго-восточные районы Восточной Пруссии, где, захватив эту деревню, изнасиловали и убили многих ее жителей.

Спускались в бомбоубежища далеко не все берлинцы. У некоторых из них были на то личные причины. Так, один женатый мужчина регулярно посещал квартиру своей любовницы в районе Пренцлауерберг. Он не спускался в укрытие во время бомбежек, поскольку это сразу бы вызвало подозрение у соседей. Однажды вечером в здание, в котором он на тот момент находился, попала авиабомба. Невезучий любовник, сидевший на диване, был погребен по самую шею в щебне и осколках кирпича. Уже после налета его стоны услышали юноша по имени Эрих Шмидтке[9] и чешский рабочий, к присутствию которого в бомбоубежище жители относились достаточно терпимо. Они откопали раненого и отправили в госпиталь. Четырнадцатилетний Эрих нашел жену этого человека и правдиво рассказал ей, что тот был найден в квартире, принадлежащей другой женщине. Жена впала в истерику. Она плакала не от горя и сострадания, ее буквально взбесило известие, что муж имеет любовницу. Поведение многих взрослых являлось тяжелым зрелищем для детей того времени.

Генерал Гюнтер Блюментрит, подобно большинству других военачальников, был убежден, что бомбежки германских городов должны поднять среди немцев чувство настоящего "Volksgenosscnschaft" ("патриотического товарищества")[10]. Действительно, такое "товарищество" могло быть в 1942 и даже в

1943 году, но к концу 1944-го налеты союзной авиации стали оказывать на моральное состояние немцев весьма неоднозначный эффект. Настроения сторонников твердой линии и уже уставших от войны граждан становились все более полярными. Берлин до 1933 года считался городом с самым большим процентом людей, негативно относящихся к нацистскому режиму. Об этом говорили и результаты голосования горожан. Однако теперь, за редким исключением, их протест против нацизма выражался лишь в насмешках над главарями рейха и тихом роптании. Большинство жителей пришли в неподдельный ужас, узнав о покушении — неудачном — на Гитлера 20 июля 1944 года. Они продолжали верить потоку лжи, исходящей от геббельсовской пропаганды и, несмотря на то что границы рейха находились сейчас под угрозой как с запада, так и с востока, надеялись, что фюрер в скором времени применит против враждебных государств так называемое "чудо-оружие", словно бы он являлся уже не человеком, а Юпитером, поражающим своих врагов огненными стрелами.

Результат нацистской пропаганды хорошо виден из письма одной немецкой женщины, направленного мужу, уже находящемуся в лагере военнопленных во Франции: "У меня такая вера в наше великое предназначение, что эту веру уже ничто не сможет поколебать. Она основывается на всей нашей истории, на нашем славном прошлом, как говорит доктор Геббельс. И это совершенно невероятно, чтобы история повернула вспять. Возможно, сейчас мы достигли самой крайней черты, но мы имеем решительных людей. Вся нация готова к маршу. Оружие в наших руках. Мы располагаем секретным оружием, которое будет использовано в надлежащий момент. Но важнее всего то, что нами руководит наш фюрер, за которым мы готовы следовать хоть с закрытыми глазами. Держись изо всех сил, не позволяй, чтобы тебя свалили с ног"[11].

Немецкое наступление в Арденнах, начавшееся 16 декабря, оказало наркотическое воздействие на сторонников Гитлера. Они посчитали, что фортуна опять стала к ним благосклонной. Вера в фюрера и новое "чудо-оружие" (как, например, в Фау-2) буквально ослепляла им глаза. Распространялись слухи, что вся американская 1-я армия окружена и взята в плен благодаря применению нервно-паралитического газа. Эти люди думали, что в запасе у Германии еще много козырей и она отомстит за все свои страдания. К числу наиболее отравленных пропагандой немцев принадлежали унтер-офицеры, прослужившие в армии уже достаточно много времени. Одни из них утверждали, что скоро снова захватят Париж. Другие сожалели, что французская столица была оставлена нетронутой, тогда как бомбежки Берлина

превратите его практически в руины. И всех их приводила в восторг одна лишь мысль о том, что историю еще можно поправить, повернуть вспять.

Однако само германское верховное командование не разделяло подобного энтузиазма. Офицеры генерального штаба спасались, что наступление против американцев в Арденнах ослабит в решающий момент Восточный фронт. В любом случае гитлеровский план являлся чрезмерно амбициозным. Ударную силу немецких войск составляли 6-я танковая армия СС обергруппенфюрера Зеппа Дитриха и 5-я танковая армия генерала Хассо фон Мантейфеля, и было ясно, что недостаток горючего вряд ли позволит им достичь хотя бы Антверпена — главной базы снабжения западных союзников.

Гитлер, одержимый идеей изменить ситуацию на Западе, заставить Рузвельта и Черчилля согласиться с его условиями, даже не рассматривал какие-либо предложения о переговорах с Советским Союзом. Причиной тому являлось его убеждение, что в сталинские планы входит только полный разгром Германии. Кроме того, Гитлер оказался жертвой собственного тщеславия. Он не мог просить мира именно в тот момент, когда Германия терпела поражение. Поэтому победа в Арденнах имела для него огромное значение. Однако уже через неделю наступательный порыв германских войск иссяк. Этому способствовали как упорная оборона американских частей, особенно в районе Бастони, так и массированное применение авиации союзников в результате наступления хорошей погоды.

В самый канун Рождества шикарный "мерседес" начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта (ОКХ), генерала Хайнца Гудериана, въехал на территорию ставки фюрера на Западном фронте. Свою ставку Вольфшанце(Волчье логово) в Восточной Пруссии Гитлер покинул еще 10 ноября 1944 года. Он переехал в Берлин, где ему сделали небольшую операцию на горле. 10 декабря Гитлер на своем бронированном поезде выехал из столицы рейха в другую засекреченную ставку, расположенную в лесном массиве неподалеку от Цигенберга, что менее чем в сорока километрах от Франкфурта-на-Майне. Эта полевая штаб-квартира фюрера оказалась последней, которой было присвоено кодовое наименование. Оно, несомненно, попахивало ребячеством — Адлерхорст (Орлиное гнездо).

Гудериан, ведущий теоретик танковой войны, с самого начала знал об опасностях, которые будут подстерегать немецкие войска на Восточном фронте в случае развертывания операций на Западе. Но, даже несмотря на то что командование сухопутных сил отвечало за военную ситуацию на Востоке, он ничего не мог

поделать, хотя бы потому, что операциями на Западном фронте непосредственно занималось верховное командование вооруженных сил Германии (ОКБ), Штаб-квартиры обеих этих командных структур (ОКХ и ОКБ) располагались к югу от Берлина, в комплексе подземных помещений в Цоссене.

Гудериан был таким же вспыльчивым, как и сам Гитлер. Более того, он имел собственную точку зрения на все происходящие события. Генерал не собирался рассуждать о глобальных вопросах внешнеполитической стратегии в то время, как страна подвергалась ударам одновременно с двух сторон. Вместо этого он полагался на свой солдатский инстинкт, который подсказывал, откуда в настоящий момент проистекает наибольшая опасность. Сомнений быть не могло. В его портфеле лежали разведывательные сводки генерала Рейнхарда Гелена, возглавлявшего отдел Иностранные армии Востока — разведывательную организацию, занимающуюся сбором данных по советско-германскому фронту. Гелен считал, что Красная Армия может начать большое наступление на Висле примерно 12 января 1945 года. В информации отдела говорилось, что враг имеет превосходство в пехоте в одиннадцать раз, танках — в семь, артиллерии и авиации — в двадцать раз[12].

Войдя в зал заседаний в Адлерхорсте, Гудериан обнаружил, что здесь уже находятся Гитлер со своими военными помощниками, а также рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Тот после июльского покушения на фюрера был назначен также командующим резервной армией. Все руководители гитлеровской ставки достигли высокого положения благодаря беспрекословной лояльности вождю. Начальник штаба ОКБ, фельдмаршал Кейтель, был известен своим непомерным угодничеством Гитлеру. Раздраженные армейские офицеры даже называли его "государственным гаражным слугой" либо "придворным ослом". Генерал-полковник Йодль, человек холодный и жесткий, являлся куда более компетентным военачальником. Но и он почти никогда не пытался воспротивиться попыткам Гитлера контролировать действия каждого фронтового батальона. Осенью 1942 года над Йодлем даже замаячила угроза отставки за то, что он посмел противоречить своему начальнику. Генерал Бургдорф, главный военный адъютант фюрера и начальник управления по личному составу армии, заменил на этом посту генерала Шмундта, смертельно раненного в Вольфшанце бомбой Штауффенберга. Именно Бургдорф передал яд фельдмаршалу Роммелю, сопровождая этот акт ультимативным требованием совершить самоубийство.

Используя разведывательные данные генерала Гелена,

Гудериан обрисовал ситуацию на Восточном фронте и заявил о готовности Красной Армии начать мощное наступление. Он отметил, что операция может начаться в течение ближайших трех недель, а поскольку наступление в Арденнах теперь приостановлено, необходимо перебросить с Запада на Вислу максимально возможное количество дивизий. Не дожидаясь окончания доклада, Гитлер прервал начальника генерального штаба. Фюрер объявил, что все эти оценки ничего не стоят. Они являются полным абсурдом. Советская стрелковая дивизия, по его мнению, никогда не достигала численности в семь тысяч человек, а русские танковые корпуса едва ли вообще имеют танки. "Это величайший обман со времен Чингисхана, — закричал он, вставая с места. — Кто несет ответственность за составление всей этой чепухи?"[13]

Гудериан уберег себя от искушения ответить Гитлеру, что обманщиками сейчас являются не русские, а сам фюрер. Что это он, Гитлер, оперирует номерами германских "армий", хотя те, по существу, превратились в корпуса, это он говорит о "пехотных дивизиях", размер которых уменьшился до одного батальона. Вместо этого Гудериан принялся защищать правдивость сведений генерала Гелена. Однако его речь была вновь прервана. Генерал Йодль неожиданно взял слово и заявил, что продолжение наступления на Западе вопрос решенный. Именно эти слова и хотел услышать Гитлер. На тот момент Гудериан, видимо, ему уже надоел.

За обедом начальник генерального штаба услышал еще более категорическое высказывание по поводу своего доклада. Гиммлер, назначенный к тому времени еще и командующим группой армий на Рейне, обратился к Гудериану со следующими словами: "Мой дорогой генерал-полковник, я полагаю, что русские и не думают о наступлении. Все это не более чем блеф". Гудериану не оставалось ничего другого, как вернуться назад, в Цоссен.

Тем временем потери немецких войск на Западном фронте продолжали расти. Во время наступления в Арденнах и во вспомогательных операциях вермахт потерял восемьдесят тысяч человек. К тому же наступление съедало огромное количество и так быстро тающих запасов горючих материалов. Однако Гитлер с маниакальной настойчивостью продолжал отрицать, что нынешняя ситуация опасно напоминает события 1918 года. Тем не менее становилось все яснее, что германская военная инициатива в Арденнах зимой 1944–1945 годов по своим последствиям будет практически равнозначна последнему большому наступлению немецкой армии в Первой мировой войне — операции "Кайзершлахт". Для Гитлера события 1918 года по-

прежнему оставались символом предательства, ударом "ножом в спину" со стороны революционеров, которые скинули кайзера и подтолкнули Германию к поражению.

Гитлер между тем, как никогда, стал откровенен в приватных высказываниях. "Я знаю, что война проиграна, — признался он своему адъютанту по люфтваффе полковнику Николаусу фон Белову. — Вражеское превосходство слишком велико"[14]. Однако фюрер не уставал обвинять в нескончаемых поражениях именно окружавших его генералов. Для него вообще все армейские офицеры являлись потенциальными "предателями". Гитлер подозревал многих из них в симпатиях к участникам неудавшегося заговора, хотя и продолжал награждать их орденами. "Мы никогда не сдадимся, — говорил он. — Нас могут уничтожить, но тогда мы возьмем вместе с собой и весь остальной мир".

Опасаясь фатального развития событий на Восточном фронте в районе реки Вислы, Гудериан еще дважды посещал ставку фюрера в Адлерхорсте, но что-нибудь изменить ему так и не удалось. Более того, он неожиданно узнал, что Гитлер без всякого совета с ним приказал перебросить танковые войска СС с фронта на Висле в Венгрию. Фюрер, как всегда убежденный, что только он может правильно оценить стратегическую обстановку, неожиданно решил нанести контрудар именно в этом районе. Он обосновывал это необходимостью вернуть для Германии потерянные нефтяные месторождения. На самом деле Гитлер хотел прорваться к Будапешту, окруженному Красной Армией еще накануне Рождества.

Очередной визит Гудериана к фюреру 1 января 1945 года совпал с традиционной раздачей режимом наград отличившимся военачальникам и персональными пожеланиями фюреру "счастливого Нового года"[15]. В этот же день в Эльзасе началась крупная операция немецких войск, призванная поддержать наступление вермахта в Арденнах. Однако с первых же часов она обернулась катастрофой для сил люфтваффе. Геринг безответственно собрал на одном участке до тысячи немецких самолетов и приказал им атаковать наземные цели западных союзников. Этот приказ, который весьма впечатлил Гитлера, на самом деле привел к окончательному краху боевой мощи немецких ВВС. Он дал возможность союзникам завоевать полное господство в воздухе.

В тот день немецкое радио транслировало новогоднюю речь фюрера. О боях на Западе, которые начали складываться неудачно, в ней не упоминалось. На удивление мало Гитлер говорил и о "чудо-оружии". У многих немцев возникло сомнение,

что передача шла в прямом эфире, подозревали, что выступление фюрера записали предварительно на пленку. Особо недоверчивые даже посчитали, что вся речь была сфальсифицирована. У таких подозрений имелись серьезные основания. Действительно, Гитлер не показывался на публике уже довольно долгое время, и распространение различных слухов стало неизбежным[16]. Кто-то утверждал, что фюрер уже совершенно сошел с ума, а его друга Геринга упекли в секретную тюрьму, поскольку тот хотел убежать в Швецию.

В новогоднюю ночь многие берлинцы не захотели поднимать бокалы и традиционно желать друг другу счастья. Слишком велик был страх перед наступающим годом. Семья Геббельса ужинала в компании полковника Ханса Ульриха Руделя, выдающегося воздушного аса, неоднократно отмеченного высшими наградами рейха. Главным блюдом в меню был картофельный суп. Тем самым один из руководителей рейха подчеркивал свой аскетизм[17].

Новогодние каникулы закончились 3 января. Германская привычка к труду и дисциплине никуда не исчезла, но многим немцам теперь было просто нечего делать в заводских цехах и учреждениях. Предприятия простаивали из-за отсутствия необходимых материалов и оборудования. Тем не менее немцы продолжали исправно ходить на работу, добираясь до нее либо пешком, либо на общественном транспорте. Ремонтные бригады творили буквально чудеса, снова и снова восстанавливая разрушенные пути железных дорог и метрополитена. Окна заводов и фабрик были разбиты. По цехам гулял ветер. Обогревать их было невозможно — отсутствовало горючее. Немцы, заболевшие простудой или гриппом, полагались теперь только на самих себя. Лишь с очень серьезным недугом можно было идти к врачу. Большинство докторов к тому времени уже отправили на фронт. В тыловых госпиталях и в больницах в основном работали иностранцы[18]. Даже в центральной берлинской больнице, Шарите, коллектив врачей являлся многонациональным и состоял из датчан, румын, украинцев, венгров и прочих.

Тем не менее германскую военную промышленность еще можно было называть процветающей отраслью экономики. Ею руководил личный архитектор Гитлера, "вундеркинд" Альберт Шпеер. 13 января 1945 года он выступил перед немецкими военачальниками в местечке Крампниц, неподалеку от Берлина. Шпеер подчеркнул важность взаимодействия между фронтовым командованием и руководством военной промышленности. Он, не в пример другим нацистским министрам, не скрывал реального

положения дел и открыто говорил о "катастрофических потерях"[19], понесенных вермахтом за последние восемь месяцев.

Однако он отметил, что бомбардировки союзников не нанесли существенного ущерба военной экономике рейха. Только за декабрь 1944 года на заводах было собрано двести восемнадцать тысяч винтовок, что почти в два раза превысило среднемесячное производство 1941 года. Выпуск автоматического оружия возрос почти в четыре раза, а танков — почти в пять раз. Только за декабрь 1944 года из цехов в армию было отправлено тысяча восемьсот сорок бронированных машин, что составило больше половины от числа всех бронированных машин, произведенных в 1941 году. Вермахт получал теперь и значительно большее число тяжелых танков. Одной из самых серьезных проблем, по мнению Шпеера, оставалась проблема с горючим. Но он на удивление мало сказал о выпуске боеприпасов. Действительно, рост производства оружия и военной техники еще ничего не значил, если не дополнялся выпуском достаточного количества патронов и снарядов.

Шпеер выступал свыше сорока минут, подкрепляя свой доклад статистическими данными. Он не стал более говорить об огромных потерях на фронте, но выразил надежду, что к весне 1946 года Германия сможет производить до ста тысяч пистолетов-пулеметов в месяц. Естественно, министр ни словом не обмолвился о том, что рост военного производства происходит в основном за счет рабской эксплуатации иностранных рабочих, которые каждый день умирали тысячами.

В этот самый момент советские армии, насчитывавшие более четырех миллионов человек, сосредоточились в Польше, вдоль реки Висла и южнее границы Восточной Пруссии. Они были готовы начать наступление, которое Гитлер считал невозможным.

Глава вторая
"Карточный домик" на Висле

Оценка мощи советских войск, представленная генералом Геленом, отнюдь не была преувеличением. Напротив, можно сказать, что существовал определенный недостаток сведений о противнике на наиболее опасных участках. Красная Армия имела от шести до семи миллионов человек на фронте, протянувшемся от Балтики до Адриатики[20]. Таким образом, она располагала силами, более чем в два раза превосходящими войска вермахта и его союзников на момент их вторжения в Советский Союз. Летом 1941 года Гитлер был убежден, что Красная Армия едва ли не полностью разгромлена, что оказалось одним из самых катастрофических просчетов в мировой истории.

"Мы проиграли, — признавал в январе 1945 года германский унтер-офицер, — но мы будем сражаться до последнего человека"[21]. Ветераны Восточного фронта считали, что война может закончиться только смертью. Любой другой исход казался им просто немыслимым. Они хорошо знали, что Красная Армия будет им мстить за все произошедшее на оккупированных территориях. Сдача русским в плен означала работу в качестве "Stalinpferd" ("сталинской лошади") и последующую неминуемую гибель в сибирских лагерях. "Мы больше не воевали ни за Гитлера, ни за национал-социализм, ни за третий рейх, — писал один из эльзасцев, ветеранов дивизии СС "Великая Германия". — Мы не воевали даже за наших невест, матерей, родных и близких, запертых в ловушке опустошенных бомбардировками городов. Мы воевали из-за одного только страха… Мы воевали за самих себя; воевали, чтобы не погибнуть в грязных щелях и траншеях, заполненных снегом; мы воевали, подобно крысам"[22].

Все бедствия предыдущего года, особенно окружение и разгром группы армий "Центр", забыть было невозможно. Офицеры, насаждавшие национал-социалистические идеи в армии — нацистский аналог советских комиссаров, — старались поднять боевой дух простого германского солдата ("ланд-зера"), раздавая обещания, равно как и угрожая каждому, кто дезертирует либо отступит с поля боя без приказа. "Вы не должны бояться русского наступления, — говорили они солдатам. — Если враг начнет атаку, наши танки будут здесь через четыре часа"[23]. Однако более опытные военнослужащие понимали, что их ожидало.

Несмотря на то что информация штабных офицеров

Гудериана в Цоссене относительно времени начала наступления оказалась точной, создается впечатление, что до фронта она не доходила. Капрал 304-й пехотной дивизии Алоис К., который был захвачен в качестве "языка" советскими разведчиками, рассказывал офицерам 1-го Украинского фронта, что начало наступления Красной Армии ожидалось первоначально накануне Рождества, затем им сказали, что оно произойдет 10 января, поскольку это вроде бы день рождения Сталина[24].

9 января, после экстренной инспекции трех важнейших участков Восточного фронта — в Венгрии, на Висле и в Восточной Пруссии, — генерал Гудериан, сопровождаемый своим адъютантом майором бароном Фрайтагом фон Лорингхофеном, был вновь вызван на прием к Гитлеру в Цигснберг. Начальник генерального штаба сухопутных войск представил фюреру последние оценки сил противника. Наряду с донесениями Гелена там присутствовала также информация командующего люфтваффе генерала Зайдемана. Воздушная разведка отмечала, что на фронте у Вислы и в Восточной Пруссии сосредоточено восемь тысяч советских самолетов. Однако Геринг неожиданно прервал начальника генштаба. "Мой фюрер, не верьте этому, — обратился он к Гитлеру. — Это не настоящие самолеты. Это всего-навсего макеты"[25]. Кейтель, ударив при этом кулаком по столу, подхалимски заключил: "Рейхсмаршал прав".

Продолжение приема походило скорее на фарс. Гитлер еще раз повторил: имеющиеся разведданные являются "полным идиотизмом"[26] и добавил, что того человека, который их подготовил, нужно запереть в сумасшедшем доме. Гудериан зло парировал, сказав, что, поскольку лично он этим данным полностью доверяет, то не направить ли на психиатрическую экспертизу его самого. Гитлер категорически отказал генералам Харпс и Рейнгардту, державшим оборону соответственно у Вислы и в Восточной Пруссии, в просьбах отвести войска на более выгодные позиции. Он также настоял на том, чтобы двести тысяч германских военнослужащих, зажатых на Курляндском полуострове в Латвии, остались там, и не разрешил их эвакуацию морем для защиты границ рейха. Гудериан, которому опротивела вся эта "страусиная стратегия" гитлеровской ставки, попросился в отпуск.

"Восточный фронт, — вдруг сказал фюрер, пытаясь его успокоить, никогда ранее не располагал столь мощными резервами, как сейчас. Это ваша заслуга, и я благодарю вас за это".

"Восточный фронт, — возразил Гудериан, — сейчас напоминает карточный домик. И если фронт будет прорван в

одном месте, то рухнет и все остальное".

Ирония ситуации заключалась в том, что Геббельс говорил то же самое в 1941 году о Красной Армии.

Гудериан возвратился в Цоссен в "самом мрачном настроении". Он размышлял над тем, существует ли связь между явным отсутствием у Гитлера и Йодля реального представления о положении дел, и тем, что оба они выходцы из земель рейха, которые сейчас не находятся под непосредственной угрозой, Австрии и Баварии. Гудериан же был из Пруссии. Его родине грозило опустошение, а возможно, и гибель. Гитлер, награждая своего танкового полководца за успехи в начальный период войны, подарил ему экспроприированное имение Дайпенхоф в Вартегау, которое располагалось на западе Польши, территории, захваченной нацистами, а затем присоединенной к рейху. Но теперь неминуемое русское наступление на Висле угрожало и этому поместью. Жена Гудериана находилась все еще там. Она, строго опекаемая местными нацистскими чиновниками, не сможет уехать до самого последнего момента.

Спустя всего сутки штаб Гудериана в Цоссене получил подтверждение, что до начала советского наступления осталось уже не несколько дней, а, скорее, несколько часов. Саперы Красной Армии расчищали ночью минные поля, а танковые корпуса заняли исходные позиции для атаки. Гитлер приказал выдвинуть вперед немецкие танковые резервы, находящиеся на Висле, невзирая на предупреждения, что они окажутся в пределах досягаемости огня советской артиллерии. Некоторые старшие германские офицеры поневоле стали подумывать нет ли у фюрера подсознательного желания поскорее проиграть войну.

Казалось, для Красной Армии стало обычным начинать наступление при плохих погодных условиях. Привыкли к этому и ветераны германских частей, которые говорили, что как раз настала "погода для русских"[27]. Советские военные также были убеждены, что они имеют преимущество именно в зимних кампаниях, будь то морозы или распутица. Сравнительно низкий уровень обморожений в Красной Армии объяснялся тем, что советские солдаты использовали грубую, но теплую обувь и носили портянки вместо носков. По прогнозам, ожидалась "странная зима"[28]. После крепких январских морозов "сильные дожди и мокрый снег"[29]. В войска поступил приказ: "Привести в порядок кожаную обувь".

К этому времени Красная Армия значительно увеличила свою боевую мощь. По таким критериям, как количество и качество тяжелого вооружения, профессионализм в планировании операций, маскировка и управление войсками, преимущество

чаще всего оказывалось на ее стороне. Но недостатки все еще оставались. Самой сложной проблемой было отсутствие в частях надлежащего уровня дисциплины, что являлось достаточно удивительным для тоталитарного государства. Частично эта проблема объяснялась жутким положением, в котором находились молодые офицеры.

То была действительно тяжелейшая школа для восемнадцати — или семнадцатилетних младших лейтенантов, прошедших ускоренную подготовку и оказавшихся командирами стрелковых подразделений. "Молодые люди, — отмечал писатель и военный корреспондент Константин Симонов, — тогда взрослели за год, за месяц, за один бой"[30]. Для многих из них первый бой был и последним. Решив доказать, что они способны командовать солдатами, которые часто годились им в отцы, они проявляли безрассудную храбрость и становились ее жертвами.

Недисциплинированность проистекала также и от антигуманного отношения советского командования к солдатам Красной Армии. И конечно же, от силы и слабости русского национального характера. "Русский пехотинец, — заметил один писатель, — вынослив, неприхотлив, беспечен и убежденный фаталист… Эти черты делают его непобедимым". Военнослужащий одной из стрелковых дивизий Красной Армии обобщил свои наблюдения о различных состояниях и настроениях его товарищей в дневнике: "Первое: без начальства. Тогда он брюзга и ругатель. Грозится и хвастает. Готов что-нибудь слямзить и схватиться за грудки из-за пустяков. По этой раздражительности видно, что солдатское житье его тяготит. Второе: солдат при начальстве. Смирен, косноязычен. Легко со всем соглашается, легко поддается на обещания и посулы. Расцветает от похвалы и готов восхищаться даже строгостью начальства, над которым за глаза куражится. Третье состояние: артельная работа или бой. Тут он — герой. Он умирает спокойно и сосредоточенно. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное дело"[31].

Танковые войска Красной Армии находились в особенно хорошем состоянии. В начале войны они (как и советская авиация) оказались деморализованы, но теперь обретали героический статус. Василий Гроссман, писатель и военный корреспондент, был почти так же восхищен танкистами, как ранее снайперами в Сталинграде. Он с восторгом называл танкистов "кавалеристами, артиллеристами и механиками в одном лице"[32]. "И всех солдат Красной Армии, конечно, особенно вдохновляло то, что до границ рейха остался всего один, последний бросок. Те,

кто издевался над их Родиной, наконец узнают подлинное значение пословицы: "Что посеешь, то и пожнешь"[33].

Основной замысел кампании в общих чертах был разработан еще в конце октября 1944 года. Во главе Ставки Верховного Главнокомандования стоял Сталин, который присвоил себе маршальское звание еще после битвы под Сталинградом. Он намеревался и впредь держать армию под своим полным контролем. Да, он предоставил командующим такую свободу действий, которой завидовали немецкие военачальники, и, не в пример Гитлеру, внимательно выслушивал контраргументы генералов. Однако Сталин не собирался слишком многого позволять своим командирам, когда победа была уже у порога. Он изменил устоявшуюся практику назначения "представителей Ставки" для надзора за операциями. Это дело он взял на себя, хотя никогда и не посещал какой-либо участок фронта.

Сталин также решил перетасовать своих ключевых командующих. Вследствие этого между ними возникли трения, ревность и обиды[34], что его нисколько не смущало. Главной рокировкой стала замена на посту командующего 1-м Белорусским фронтом, главной группировки войск на берлинском направлении, маршала Константина Рокоссовского[35]. Рокоссовский, будучи высоким, элегантным и красивым кавалеристом, разительно отличался от большинства других русских командиров, в основном коренастых, с толстой шеей, чисто выбритыми головами. Было и еще одно отличие. Рожденный как Константи Рокоссовски, он являлся наполовину поляком, внуком и правнуком польских кавалерийских офицеров. Это делало его опасным в глазах Сталина. Сталинская нелюбовь к Польше возникла еще в 1920 году, когда на него возложили часть вины за сокрушительное поражение Красной Армии, наступавшей на Варшаву.

Рокоссовский был в ярости, когда узнал, что должен принять командование 2-м Белорусским фронтом и наступать в Восточной Пруссии. Его место, как и ожидалось, занял маршал Георгий Жуков, невысокий ростом, зато очень жесткий командир, который возглавлял оборону Москвы в декабре 1941 года. "Почему такое унижение? — задавался вопросом Рокоссовский. — Почему меня переводят с главного направления на второстепенный участок?"[36] Рокоссовский стал подозревать Жукова, которого считал своим другом, что тот роет под него яму. Но в действительности Сталин просто не желал, чтобы лавры взятия Берлина достались поляку. Ничего необычного не было и в том, что к Рокоссовскому относились с подозрением. Его арестовывали еще во время чисток Красной Армии в 1937 году. Бериевские

палачи, требовавшие от каждого обвиняемого признания в измене, могли из самого стойкого человека сделать едва ли не параноика. Да и Рокоссовский знал, что Лаврентий Берия, глава НКВД, равно как и Виктор Абакумов, руководитель контрразведки СМЕРШ, внимательно наблюдают за ним. Для него было понятно, что обвинения 1937 года никуда не исчезли и все еще висят над ним, а он выпущен на волю лишь условно. Любая ошибка могла вновь привести его в тюрьму НКВД. "Я знаю, что Берия может это сделать, — сказал Рокоссовский Жукову во время сдачи командования. — Я был в тюрьме"[37]. Советские генералы ничего не забыли и через восемь лет отомстили Берии.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, сосредоточенные у Вислы, не просто превосходили противника, они имели над ним подавляющее преимущество. Части 1-го Украинского фронта маршала Конева, расположенные к югу от сил Жукова, имели задачу атаковать в западном направлении на город Бреслау. Главный удар планировалось нанести с Сандомирского плацдарма самого большого плацдарма, захваченного Красной Армией на западном берегу Вислы. В отличие от Жукова Конев намеревался уже в первый день наступления ввести в бой две танковые армии и с их помощью сломить оборону врага.

По воспоминаниям сына Берии, у Конева были маленькие злые глазки и бритая голова, напоминавшая тыкву. Вообще, он выглядел очень самодовольным[38]. Конев, по всей вероятности, ходил в фаворитах у Сталина, вызывая даже у него восхищение своей беспощадностью. Советский вождь присвоил ему звание маршала еще год назад, после ликвидации окруженных немецких войск под Корсунью[39]. То было одно из самых безжалостных сражений даже для такой жесточайшей войны. Конев приказал своей авиации разбомбить зажигательными бомбами местечко Шандеровка и тем самым заставить германских солдат, окопавшихся там, выйти в открытое поле. После того как 17 февраля 1944 года немцы стали прорываться из окружения, Конев устроил им западню. Его танки атаковали немецкие колонны, уничтожая противника огнем своих орудий и давя его гусеницами. После того как колонны были рассеяны, преследованием убегающих по глубокому снегу немцев занялась кавалерия. Казаки рубили противника без всякой жалости, по-видимому не щадя и тех, кто поднимал руки вверх. Только в тот день погибло около двадцати тысяч немцев.

Наступление на Висле началось 12 января в 5 часов по московскому времени с удара частей 1-го Украинского фронта с Сандомирского плацдарма. Толщина снежного покрова была

довольно глубокой, а видимость — практически нулевой. После того как штрафные роты прошли через минные поля, в дело вступили стрелковые батальоны. В этот момент началась полномасштабная артиллерийская подготовка, в которой приняли участие до трехсот орудий на километр фронта. То есть расстояние от одного орудия до другого было всего три или четыре метра[40]. Германская оборона рухнула. Большинство солдат, запачканных грязью и трясущихся от страха, было взято в плен. Немецкий офицер-танкист, наблюдавший за всей этой картиной из тыла, описывал советскую артподготовку как "огненный шторм" и добавлял, что у него создалось впечатление, будто "небо упало на землю"[41]. Один из взятых в плен военнослужащих 16-й танковой дивизии показал, что, как только начался артиллерийский обстрел, командир их соединения генерал-майор Мюллер покинул войска и бежал в город Кельце.

Башни советских танков были разрисованы лозунгами: "Вперед в фашистское логово!", "Смерть немецким оккупантам!"[42]. Танки Т-34 и тяжелые ИС (Иосиф Сталин) натолкнулись лишь на незначительное сопротивление и уже к двум часам дня вышли на оперативный простор. Белый иней, покрывший их бронированные корпуса, служил хорошим камуфляжем при движении по заснеженной равнине. Однако на передовой позиции немцев снаряды ложились настолько плотно, что снежного покрытия там почти не осталось.

Впереди находился город Бреслау и силезский индустриальный район главная цель для 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко и 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко. Сталин, принимая Конева у себя в кабинете до начала наступления, обвел пальцем вокруг этого района и сказал одно-единственное слово: "Золото"[43]. Других комментариев и не требовалось. Сталин хотел, чтобы заводы и фабрики Силезии остались нетронутыми.

13 января, на следующее утро после начала операции Конева, наступление в Восточной Пруссии начали войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала Черняховского. 14 января Восточная Пруссия была атакована с плацдармов на реке Нарев силами 2-го Белорусского фронта генерала Рокоссовского. 1-й Белорусский фронт маршала Жукова начал свою часть операции с двух плацдармов на реке Висла — Магнушевского и Пулавского. Земля была покрыта тонким слоем снега, над которым витал густой туман. В 8.30 14 января войска Жукова открыли огонь. Артиллерийский обстрел переднего края противника продолжался двадцать пять минут, а затем орудия перенесли огонь в глубину обороны. Стрелковые батальоны,

поддержанные самоходными орудиями, ворвались на германские позиции. Введенные в бой части 8-й гвардейской армии и 5-й ударной армии окончательно подавили немецкое сопротивление. Жуков бросил вперед стрелковые дивизии, чтобы расчистить дорогу для танковых бригад. Главным препятствием впереди оставалась река Пи-лица.

Первой форсировала Пилицу бригада, действовавшая на правом фланге 2-й гвардейской танковой армии Богданова. Действуя на острие атаки, 47-я гвардейская танковая бригада имела значительные силы поддержки, включая саперные части, самоходную и зенитную артиллерию, а также батальон автоматчиков, посаженный на грузовики. Ее главной целью был аэродром южнее города Сохачева[44] — важного транспортного узла, расположенного западнее Варшавы. В последующие два дня бригада успешно продвигалась в северном направлении, круша все на своем пути, включая колонны германских войск и штабные автомашины[45].

1-й гвардейской танковой армии, действовавшей южнее, потребовалось намного больше времени, чтобы прорвать вражескую оборону. Дважды Герой Советского Союза полковник Гусаковский был нетерпеливым офицером. Когда части его 44-й гвардейской танковой бригады достигли Пилицы, он не стал ждать подхода саперов. Оказалось, что на реке имеются отмели, и, чтобы выиграть "два или три часа"[46], Гусаковский приказал сперва разрушить на Пилице лед огнем танковых пушек, а затем форсировать ее вброд. Танки шли к противоположному берегу реки, словно ледоколы, с ужасным грохотом ломая на пути оставшийся лед. Можно себе представить, что чувствовали в тот момент экипажи танков. Однако этот психологический аспект мало волновал самого Гусаковского. Жуков также был озабочен прежде всего тем, чтобы советские бригады как можно быстрее форсировали Пилицу и прорвали оборону немецких 25-й и 19-й танковых дивизий. После этого путь на запад мог быть полностью открыт.

На Пулавском плацдарме события также развивались вполне успешно. Планом операции не предусматривалась атака на всем протяжении фронта. Была поставлена задача пробить лишь брешь во вражеской обороне. Уже к вечеру 14 января советские части прорвали передовые линии противника и устремились к городу Радому. Тем временем 47-я армия, действовавшая на крайнем правом фланге 1-го Белорусского фронта, стала окружать Варшаву с севера, а части 1-й армии Войска Польского уже вышли на окраины своей столицы.

Получив 15 января известия о том, что русским удалось

продвинуться на Восточном фронте[47], Гитлер покинул свою ставку в Цигенберге и отправился на специальном поезде в Берлин. Гудериан добивался этого возвращения на протяжении последних трех дней. Поначалу Гитлер считал, что Восточный фронт должен изыскать собственные резервы для организации обороны, но в конце концов согласился приостановить все активные боевые действия на Западе и вернулся в столицу. Но теперь Гитлер, не проконсультировавшись ни с Гудерианом, ни с двумя командующими группами армий, приказал начать переброску корпуса "Великая Германия" из Восточной Пруссии на фронт у Вислы, к городу Кельце. Фюрера почему-то мало волновал вопрос, что эта переброска займет довольно приличное время и как минимум на неделю оторвет соединение от активных действий.

Гитлер добирался до Берлина целых девятнадцать часов. Нельзя сказать, что он теперь полностью забыл о домашних проблемах. Фюрер попросил Мартина Бормана остаться на какое-то время в Оберзальцберге и составить вместе с собственной женой компанию Еве Браун и ее сестре Гретл Фегеляйн.

Тем временем Сталин пребывал в отличном расположении духа. Вечером 15 января он принимал у себя главного маршала авиации Теддера, начальника штаба при главнокомандующем экспедиционными силами союзников в Европе генерале Эйзенхауэре. Теддер наконец прибыл в Москву из Каира после долгой задержки в связи с непогодой. Он намеревался обсудить с советским лидером вопросы возможного развития обстановки на фронтах. В самом начале беседы Сталин самодовольно заметил, что было "очень глупо" со стороны Германии начинать наступление в Арденнах. Он также выразил удовлетворение тем, что немцы держат в Курляндии остатки группы армий "Север" (тридцать дивизий "гарнизона престижа")[48], которые Гудериан первоначально намеревался использовать для обороны границ рейха.

Сталин сделал попытку еще больше расположить к себе заместителя Эйзенхауэра. Он сказал Теддеру, что со своей стороны сделал все возможное, чтобы помочь союзникам в момент кризисной ситуации в Арденнах, и начал наступление на советско-германском фронте раньше намеченных сроков. Сейчас невозможно сказать, хотел ли Сталин тем самым обострить разногласия между американцами и Черчиллем.

Советские историки всегда подчеркивали, что Сталин планировал начать наступление 20 января 1945 года. Но, получив 6 января телеграмму от Черчилля с просьбой о помощи, он отдал распоряжение перенести сроки операции на 12 января, даже

несмотря на неудовлетворительные погодные условия. Однако все это не соответствует действительности. Телеграмма Черчилля не являлась просьбой о помощи в Арденнах. Еще до нее он писал, что союзникам удалось выправить ситуацию. Более того, через своих офицеров связи Сталин знал, что атаки немцев выдохлись уже к Рождеству. На самом деле Черчилль просто спрашивал советского лидера, когда Красная Армия собирается начать свое большое зимнее наступление[49]. Он хотел это выяснить, поскольку Кремль решительно отказывался давать информацию такого рода, хотя советские офицеры связи были оповещены о планах Эйзенхауэра в полном объеме.

План операции на Висле разрабатывался еще с октября 1944 года, и наступление было хорошо подготовлено. В одном из советских источников даже говорится, что его могли начать 8-10 января[50]. Сталин был чрезвычайно рад предстать перед своими союзниками в роли их спасителя, хотя у него самого имелись основания для переноса наступления на более ранний срок. Было известно, что Черчилль сильно обеспокоен намерением советского лидера основать в Польше марионеточное "Люблинское правительство", сформированное в СССР из подконтрольных Берии польских коммунистов. В свою очередь Сталин желал, чтобы к моменту открытия Крымской конференции (4 февраля 1945 года. Примеч. ред.) Красная Армия контролировала уже всю Польшу. Тогда установление в ней советских порядков можно было бы объяснить чисто военными причинами — необходимостью обезопасить ближайший тыл наступающих войск. Всякий, кто попытался бы протестовать против этого, рассматривался бы как саботажник или фашистский агент. Имелась и не политическая причина для начала наступления раньше срока. Сталин, получив прогноз погоды, опасался, что в середине февраля мерзлая почва превратится в грязное месиво, что замедлит продвижение советских танков.

Следующий момент встречи между Сталиным и Теддером стал наиболее интересным. "Сталин подчеркнул, — говорится в американском отчете, — что одной из трудностей [наступления на Висле] являлось большое количество подготовленных Германией агентов из поляков, латышей, литовцев, украинцев и знающих немецкий язык русских. Он сказал, что все они были оснащены рациями, в результате чего элемент внезапности оказался практически утрачен, Однако русским удалось устранить исходящую от них опасность проведением ряда мероприятий. Он добавил, что проведение зачисток в тыловых районах по своему значению не уступает снабжению боевых частей"[51]. Все эти данные о германских агентах являлись

большим преувеличением. Но они нужны были Сталину, чтобы оправдать свои последующие безжалостные действия в Польше. Берия также старался навесить ярлык на польское Сопротивление, которое не находилось под контролем коммунистов. Он относился к Армии Крайовой не иначе как к "фашистской" организации, несмотря на все ее жертвы во время восстания в Варшаве в 1944 году.

Темп наступления Красной Армии продолжал оставаться чрезвычайно высоким и в последующие сутки. Казалось, что части соревнуются друг с другом в скорости передвижения. Частично столь быстрое наступление объяснялось простотой и надежностью конструкции танка Т-34, а также его широкими гусеницами, позволявшими двигаться как по грязи, так и по глубокому снегу и льду. Многое теперь зависело от опыта механиков-водителей, поскольку их машины оторвались от своих баз снабжения и ремонтных мастерских. "Ах, что за жизнь была до войны! — говорил один из танкистов писателю Гроссману. — Было так много запасных частей"[52]. Как только небо расчистилось, головные колонны танков стали получать воздушную поддержку. Им на помощь, как и обещал Жуков, вылетели советские штурмовики, которых немцы называли "Jabos" (сокращение от "Jagdbomber" — истребитель-бомбардировщик). Полковник Гусаковский, форсировавший Пилицу, впоследствии хвастался, что "советские танки двигались вперед быстрее, чем поезда на Берлин"[53].

Небольшой немецкий гарнизон, остававшийся в Варшаве, был просто бессилен продолжать оборону города. В его состав входили только инженерные части и четыре батальона (один из них ремонтный)[54]. Гарнизон потерял контакт с командованием 9-й армии в результате наступления советских войск быстрого продвижения 47-й танковой бригады на Сохачев с юга и обхода Варшавы с севера частями 47-й армии.

16 января штаб группы армий "А" генерала Харпе поставил ОКХ в известность, что Варшаву удержать не удастся. Сложившуюся ситуацию Гудериан обсудил со своим начальником оперативного управления полковником Богиславом фон Бонином. Было решено предоставить группе армий свободу рук, после чего Гудериан подписал соответствующее распоряжение. Однако Гитлер узнал о решении оставить Варшаву несколько раньше, чем об этом ему успел доложить заместитель Гудериана, генерал Вальтер Венк. Гитлер буквально взорвался. "Немедленно все остановите! — закричал он. — Крепость Варшава должна продолжать сопротивление"[55]. Однако было уже слишком поздно отменить решение — радиосвязь с гарнизоном

прервалась. Несколько дней спустя Гитлер отдал приказ, согласно которому любое распоряжение командующим группами армий должно быть предварительно одобрено лично им.

Падение Варшавы еще более увеличило трещину во взаимоотношениях между Гитлером и Гудерианом. Последний все еще продолжал оспаривать приказ фюрера о переброске танкового корпуса "Великая Германия" из Восточной Пруссии на юг. Более того, Гудериан пришел в ярость, когда узнал, что фюрер отдал распоряжение направить 6-ю танковую армию СС с Западного фронта не на Вислу, а в Венгрию. Однако Гитлер, разгневанный сдачей Варшавы, отказался даже обсуждать этот вопрос.

На следующий день, 18 января, Гудериан получил публичный выговор от фюрера. Но худшее было впереди. По воспоминаниям полковника из штаба ОКХ, барона фон Гумбольдта[56], в тот вечер штабные работники собрались вместе, чтобы отпраздновать день рождения фон Бонина. Когда стоявшие вокруг большой оперативной карты офицеры подняли бокалы шампанского в честь начальника оперативного управления, в помещение неожиданно вошел генерал Майзель. Он являлся помощником начальника управления кадрами верховного командования. За ним следовали два обер-лейтенанта с автоматами. Майзель отчеканил: "Господин фон Бонин. Я должен просить вас следовать за мной". Вместе с Бонином были арестованы также подполковник фон Кристен и подполковник фон дем Кнезебек. Их, по прямому указанию фюрера, отправили в тюрьму на Принц-Альбрехтштрассе, где арестованных уже поджидало гестапо.

Гитлер рассматривал случай со сдачей Варшавы как еще одно доказательство предательства со стороны армии. Дискредитировав генерала Харпе, он также снял с командования 9-й армией генерала фон Лютвица. В сущности, фюрера не интересовал оперативный аспект произошедших событий. Им двигало маниакальное тщеславие, которое побуждало его до последнего момента оборонять столицу захваченного немцами государства, несмотря даже на то, что этот город был ранее разрушен почти до основания. Гудериан заступился за трех арестованных штабных офицеров, утверждая: поскольку решение оставить Варшаву лежит целиком на его совести, то он также должен быть допрошен. Гитлер, стремясь предъявить обвинение и генеральному штабу, поймал Гудериана на слове. Поэтому в самый критический момент битвы на Висле начальник генерального штаба сухопутных войск просидел несколько часов на допросе, который проводили Эрнст Кальтенбруннер,

начальник Управления имперской безопасности, и Генрих

Мюллер, шеф гестапо. Гудериану удалось все же добиться освобождения двух штабных офицеров, но Бонин оставался в концентрационном лагере вплоть до конца войны.

Мартин Борман добрался до Берлина 19 января. На следующий день он отметил в своем дневнике, что ситуация на востоке становится все более и более угрожающей: немецкие части отступают из района Вартегау, а передовые части противника уже приблизились к Катовице[57]. В этот же день советские войска пересекли границу рейха в районе Верхней Силезии.

Жена Гудериана покинула имение Шлосс-Дайпенхоф за полчаса до того, как оно стало подвергаться артиллерийскому обстрелу[58]. Начальник генштаба писал, что слуги (которые являлись, возможно, прибалтийскими немцами) со слезами ни глазах умоляли ее взять их с собой. И дело тут было не только в их лояльности режиму — уже начали распространяться слухи о том, что творится в Восточной Пруссии.

Солдаты Красной Армии, а особенно их польские союзники, вряд ли собирались проявлять снисхождение к немцам после того, что они увидели в Варшаве. Капитан Клочков из 3-й ударной армии вспоминал: 17 января они вошли в польскую столицу и увидели на улицах только пепел и руины, покрытые снегом[59]. Жители города были истощены и одеты почти в лохмотья. Из миллиона трехсот десяти тысяч человек довоенного населения теперь в Варшаве осталось только сто шестьдесят две тысячи[60]. После неимоверно жестокого подавления варшавского восстания в октябре 1944 года немцы систематически уничтожали все исторические здания города, хотя не одно из них не было использовано восставшими для своей обороны. Василий Гроссман прошел через руины столицы к варшавскому гетто. Все, что от него осталось, представляло собой стену примерно трех с половиной метров высотой, с остатками колючей проволоки наверху. Виднелось также административное здание, так называемый "юденрат". Все остальное — только море битого кирпича[61]. Гроссман думал о том, сколько же людей погребено под ним. Было невозможно себе представить, чтобы кто-то остался в живых. Однако сопровождавший его поляк неожиданно обратил внимание писателя на четырех евреев. Те вылезли из землянки, накрытой балкой от разрушенного здания.

Глава третья
Огонь и меч и "ярость благородная" [62]

Когда войска генерала Черняховского 13 января начали наступление на Восточную Пруссию, политработники фронта подготовили лозунг: "Солдаты, помните, что вы вступаете в логово фашистского зверя!"

Поначалу наступление развивалось не так, как ожидалось. Командующий немецкой 3-й танковой армией, получив разведывательную информацию, в самый последний момент сумел отвести свои войска с переднего края. Это привело к тому, что мощная артиллерийская подготовка прошла впустую. Затем германские части произвели ряд достаточно успешных контратак. Дальнейшие события показали, что прорыв обороны противника в районе Инстербурга обошелся советским войскам весьма дорогой ценой.

Необходимо отметить, что Черняховский был одним из самых решительных и интеллигентных советских военачальников. Вскоре ему представилась хорошая возможность исправить положение. Поскольку на его правом фланге 39-я армия добилась наибольшего успеха, он приказал перебросить на это направление 11-ю гвардейскую армию. Результатом неожиданного удара в промежутке между реками Прегель и Неман стала паника среди подразделений "фольксштурма". Удар был поддержан частями 43-й армии из района Тильзита. Положение в германском тылу становилось все хуже. Хаос усиливался и из-за того, что чиновники нацистской партии долгое время запрещали эвакуацию населения. Уже к 24 января войска 3-го Белорусского фронта Черняховского находились на расстоянии всего одного броска от Кенигсберга — столицы Восточной Пруссии.

Черняховский, будучи искусным военачальником, считал возможным игнорировать, когда это было необходимо, инструкции со стороны Ставки ВГК[63]. Он также не боялся действовать вразрез с устоявшимися тактическими принципами, если того требовала боевая обстановка. Василий Гроссман отмечал, что самоходные орудия сделались после форсирования Немана неотъемлемой частью наступающей пехоты[64]. Ивану Даниловичу Черняховскому было всего тридцать семь лет (на момент описываемых событий — тридцать восемь. Примеч. ред.), — намного меньше, чем большинству других советских

командиров высшего звена. Интеллектуал по своей сути, он, переписываясь с Ильей Эренбургом, не упускал возможности процитировать кого-нибудь из поэтов-романтиков. Черняховский был соткан из противоречий[65]. Он, например, считал Сталина наглядным примером диалектического процесса и считал, что вождя невозможно понять. Все, что остается, — это просто верить в него. Черняховскому не было суждено жить при Сталине в послевоенной стране, что, возможно, стало для него не худшим исходом. Спустя некоторое время он погиб в бою, сохранив нетронутой свою непоколебимую веру в вождя государства.

Писатель Илья Эренбург между тем гипнотизировал читателей газеты "Красная звезда" своими лозунгами, призывавшими отомстить Германии. Надо сказать, что эти лозунги нашли громадное число сторонников среди солдат-фронтовиков. Геббельс относился с крайним раздражением и гневом к деятельности этого "еврея Ильи Эренбурга, любимого сталинского вожака для всякого сброда"[66]. Министр пропаганды "третьего рейха" обвинял Эренбурга в подстрекательстве к насилию над немецкими женщинами. И действительно, западные историки часто ставили этого писателя в один ряд с нацистскими пропагандистами, поскольку Эренбург никогда не гнушался использовать в своих выступлениях самые кровожадные слова. Его обвиняли в том, что он буквально понуждал советских солдат относиться к немецким женщинам как к "законному трофею" и ломать их расовую гордость. Отвечая на обвинения Геббельса, Эренбург писал, что было время, когда нацистские главари фальсифицировали важнейшие государственные документы, теперь же они опустились до того, что стали фальсифицировать его статьи[67]. Однако утверждения Эренбурга, что солдат Красной Армии интересуют не Гретхен, а лишь те фрицы, которые оскорбляли советских женщин, оказались весьма далеки от истины. Его публикации, характеризующие Германию как "белую ведьму", также отнюдь не способствовали гуманному отношению советских солдат к немкам да и к полькам.

2-й Белорусский фронт маршала Рокоссовского перешел в наступление 14 января, день спустя после войск Черняховского.

Его главной задачей было отрезать Восточную Пруссию от остальной Германии, прорвавшись к морю в районе города Данциг и устья Вислы. План Ставки вызывал у Рокоссовского тревожные чувства, поскольку его армии должны были прикрывать все расширяющуюся брешь по мере продвижения фронта Черняховского к Кенигсбергу, а фронта Жукова — к западу от Вислы.

Командир немецкого корпуса на данном направлении

отмечал, что наступление русских против немецкой 2-й армии началось в очень хороших для неприятеля погодных условиях[68]. Земля была покрыта лишь тонким слоем снега, а река Нарев покрылась льдом. К полудню туман рассеялся, и наземные войска русских получили массированную поддержку авиации. В первые два дня наступление развивалось не такими быстрыми темпами, как намечалось, но затем тяжелая артиллерия и реактивные установки "катюша" сделали свое дело. Эффективность артиллерийского огня была особенно большой, поскольку снаряды разрывались сразу же, как только касались корки мерзлой земли. Вскоре все пространство покрылось чернеющими воронками.

Вечером первого дня наступления командующий группой армий генерал Рейнгардт связался с Гитлером, который тогда еще находился в Адлерхорсте. Он предупредил фюрера, что если сейчас же не отдать приказ об отходе, опасность будет угрожать уже всей Восточной Пруссии. Однако Гитлер отказался даже обсуждать этот вопрос. Более того, в три часа ночи Рейнгардт получил распоряжение о переброске корпуса СС "Великая Германия" на Вислу. Таким образом, он лишался своего единственного боеспособного резерва.

Рейнгардт оказался не единственным командующим, который был недоволен приказами собственного начальства. 20 января настала очередь и Рокоссовского получить неожиданный приказ изменить направление удара, поскольку его сосед справа, Черняховский, продвигался слишком медленно. Теперь Рокоссовскому предстояло повернуть на северо-восток и не просто отрезать Восточную Пруссию от рейха, но и продвигаться в ее внутренние районы. Рокоссовского беспокоила прежде всего все расширяющаяся брешь между его войсками и армиями маршала Жукова, устремившимися к Берлину. Но и для немцев разворот сил 2~го Белорусского фронта стал абсолютно неожиданным. Уже в ночь на 22 января части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса захватили Алленштейн, а 5-я гвардейская танковая армия стремительно продвигалась к Эльбингу, расположенному неподалеку от устья Вислы. Советские танки, которые поначалу немцы приняли за свои, ворвались в город 23 января. Однако вскоре они были вытеснены из него подоспевшими немецкими резервами. Тем не менее основные силы армии, развивая атаку в северном направлении, вскоре вышли к заливу Фришес-Хафф, завершив окружение Восточной Пруссии с востока.

Несмотря на то что Восточную Пруссию готовили к обороне на протяжении нескольких месяцев, теперь на улицах ее городов

и деревень царил полный хаос. В тыловом районе свирепствовала полевая жандармерия. Солдаты с фронта называли ее служащих "цепными псами", поскольку те носили на груди металлические бляхи, держащиеся на цепи.

Утром 13 января полевая жандармерия задержала отправку поезда на Берлин. Там находились солдаты, собиравшиеся в отпуск. Жандармы объявили, что все военнослужащие, которые принадлежат частям из имевшегося у них списка, должны немедленно выйти из вагонов и отправиться на фронт. Солдаты, затаив дыхание, слушали голос офицера. Они молили Бога, чтобы в списке не оказалось их части. Однако почти всем пришлось выйти на платформу. Тот, кто ослушался, был сразу же арестован. Молодой солдат Вальтер Байер[69] оказался среди тех немногих военнослужащих, кому (по странному стечению обстоятельств) разрешили ехать дальше. Не веря своему счастью, он продолжил свой путь к Франкфурту-на-Одере, где жила его семья. Но когда солдат добрался до дома, то, к своему ужасу, обнаружил, что войска Красной Армии уже стояли у ворот города.

Основные обвинения в разразившемся хаосе были предъявлены гауляйтеру Эриху Коху, известному своим предыдущим руководством рейхскомиссариатом Украины. Кох так гордился своей жестокостью, что даже не возражал, когда его за глаза называли "вторым Сталиным"[70]. Он, как и Гитлер, и слышать не хотел о маневренной обороне и мобилизовал тысячи людей на строительство укреплений и рытье окопов. Причем он даже не посоветовался с армейским начальством, где именно возводить оборонительные рубежи. Кох стал также одним из первых нацистских чиновников, который организовал мобилизацию в фольксштурм стариков и подростков, тем самым обрекая их на верную гибель. Но хуже всего было то, что он отказался проводить эвакуацию гражданского населения.

Кох и местные партийные чиновники приравнивали такую эвакуацию к пораженчеству. Тем не менее когда советское наступление все же началось, то они первыми бежали от опасности. Все последствия политики Коха обрушились теперь на женщин, детей и стариков. Люди потянулись на запад по заснеженным дорогам, когда температура воздуха упала до минус двадцати по Цельсию. Однако некоторые и вовсе не захотели никуда бежать, полагая, что хуже, чем сейчас, уже не может быть и при новых властях.

Страх людей увеличивался по мере приближения канонады. Женщины Восточной Пруссии, несомненно, слышали о жертвах Хеммерсдорфа. Это случилось еще прошлой осенью, когда войска Черняховского сумели захватить на непродолжительное время

кусок немецкой территории. В кинотеатрах Германии потом показали страшные кадры хроники, на которых были запечатлены шестьдесят две женщины и молодые девушки, изнасилованные и убитые советскими солдатами[71]. Министерство Геббельса старалось получить как можно больше информации о подобных фактах, чтобы затем по максимуму использовать их в своей пропаганде. Собственно говоря, моральные аспекты такого рода событий Геббельса интересовали меньше всего — главное, чтобы все стали бояться прихода русских.

Драматург Захар Аграненко, воевавший в Восточной Пруссии в составе подразделения морской пехоты, писал в своем дневнике, что советские солдаты не верили, будто немецкие женщины станут добровольно вступать с ними в индивидуальные интимные контакты. Поэтому красноармейцы насиловали их коллективно — на одну женщину по девять, десять, двенадцать человек[72]. Позднее он рассказал о том, как немки сами стали предлагать себя морским пехотинцам, опасаясь за свою жизнь.

Наступающие советские войска представляли собой довольно странный симбиоз архаики и современности. Танковые колонны "тридцатьчетверок" продвигались вперед бок о бок с казаками, к седлам которых были прикреплены мешки с награбленным барахлом. Рядом проезжали ленд-лизовские "студебекеры", "доджи" и открытые "шевроле", мощные гаубицы на гусеничном ходу. За всем этим следовали тылы — конные повозки, везущие всевозможные припасы. Характеры красноармейцев различались так же, как и их оснащение. Были солдаты, которые в каждом немецком ребенке видели будущего эсэсовца и считали, что его нужно убить еще до того, как он вырастет и вновь нападет на Россию. Но были и те, чего спасал немецких детей, заботился о них, делился пропитанием. Имелись и красноармейцы, занимавшиеся пьянством и насилием абсолютно без всякого стыда, вызывая отвращение у многих членов коммунистической партии, выходцев из интеллигенции, просто нормальных людей. Так, писатель Лев Копелев был арестован сотрудниками СМЕРШа зато, что пытался пропагандировать "буржуазный гуманизм и жалость к врагу"[73]. Кстати, Копелев также критиковал Илью Эренбурга за жестокость, присутствовавшую в его статьях.

Первоначальные темпы наступления войск Рокоссовского были настолько велики, что немецкие чиновники в Кенигсберге отправили несколько поездов с беженцами в город Алленштейн, не зная, что он уже захвачен частями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для советских казаков эти поезда стали настоящим подарком, поскольку состояли из женщин и их личного имущества.

Берия и Сталин были прекрасно осведомлены о том, что происходит на захваченных советскими войсками территориях. В одном из докладов с фронта сообщалось, что многие немцы заявляют о насилиях над женщинами, оставшимися в русском тылу[74]. Приводился ряд примеров, когда жертвами становились девушки моложе восемнадцати лет или пожилые женщины. Изнасилованными могли стать даже двенадцатилетние подростки. В информации по линии НКВД из 43-й армии имелись сведения о немецких женщинах из Шпалайтена, пытавшихся совершить самоубийство. Была допрошена некая Эмма Корн, которая рассказала следующее: "Части Красной Армии вошли в город 3 февраля. Когда советские солдаты спустились в подвал, где укрывались местные жители, они направили свои автоматы на меня и еще двух женщин и приказали подняться наверх. Здесь двенадцать солдат по очереди насиловали меня. Другие солдаты насиловали еще двух женщин. Ночью в подвал спустились еще шесть пьяных солдат и насиловали нас на глазах у других женщин. 5 февраля приходили три солдата, а 6 февраля восемь пьяных солдат, которые также насиловали и били нас". Три дня спустя эта женщина предприняла попытку убить своих детей и совершить самоубийство. Попытка не удалась. Очевидно, Эмма Корн плохо знала, как это делается.

В Красной Армии некоторые офицеры относились к служащим в ней женщинам как к своей собственности. Это стало особенно заметно после того, как сам Сталин разрешил офицерам иметь на фронте походно-полевых жен, или ППЖ. (Сокращение ППЖ стало популярным, поскольку очень напоминало сокращенное название автоматического оружия красноармейцев — ППШ.) Старшие офицеры выбирали себе любовниц из молодых девушек, служивших машинистками в штабе, связистками, медсестрами. Обычно армейские девушки носили не пилотки, как мужчины, а береты.

Большинство походных жен понимали, что у них остается мало выбора, если домогательства мужчин становились особенно настойчивыми. Молодая девушка Муся Анненкова, служившая в 19-й армии, писала своей подружке о том, что на самом деле означает на фронте мужская любовь. Она отмечала, что вначале кажется, будто мужчины относятся к тебе с нежностью, но очень трудно понять, что у них в действительности на уме. Часто они не проявляют к тебе искренних чувств, а хотят только развлечься; бывает, их любовь напоминает животную страсть. "Как это трудно, — заключала девушка, — найти здесь настоящего и верного друга"[75].

Маршал Рокоссовский издал приказ № 006, в котором

говорилось о том, что чувство ненависти к врагу должно проявляться только во время боя. Приказ предусматривал наказание солдат за грабежи, кражи, насилие над местным населением, бессмысленные поджоги и разрушение зданий. Однако кажется, что этот приказ не достиг должного эффекта. Предпринимались, правда, попытки навести порядок. Ходили рассказы о том, что некий командир дивизии самолично расстрелял лейтенанта, насиловавшего вместе со своими солдатами немецкую женщину[76]. Однако в большинстве случаев начальству наводить в собственных частях порядок было очень тяжело, а среди пьяных солдат, вооруженных к тому же автоматическим оружием, — просто опасно.

Даже генерал Окороков, начальник политического управления 2-го Белорусского фронта, 6 февраля выступил против того, что он называл "отказом мстить своим врагам". В Москве же больше заботились о том, чтобы предотвратить бессмысленные разрушения, чем насилие. 9 февраля "Красная звезда" писала, что любое нарушение дисциплины только ослабляет победоносную Красную Армию, месть не должна быть слепой, а злость — неразумной. Далее в газетной статье говорилось, что солдаты в слепом гневе могут разрушить то или иное производство, которое является очень ценным для Красной Армии.

Политруки на фронте пытались применить похожий подход к проблеме изнасилований. Если правильно воспитать солдат, говорилось в документах политуправления 19-й армии, то они просто не захотят иметь половые связи с немецкими женщинами. Солдаты будут испытывать к ним отвращение[77]. Однако такая софистика только осложняла дело, загоняла проблему в тупик. Даже советские женщины, находящиеся в армии, не осуждали мужчин-военнослужащих. "Поведение наших солдат в отношении немцев, особенно немецких женщин, совершенно корректное", — говорила 21-летняя девушка из разведывательного подразделения Аграненко[78]. А по словам Копелева, одна из его помощниц в политотделе даже как-то пошутила по поводу случаев изнасилования немок, что вызвало естественное раздражение у этого писателя.

Нет сомнения, что преступления, совершенные германскими войсками на оккупированной территории Советского Союза, а также специфическая политическая пропаганда способствовали тому, что по Восточной Пруссии прокатилась волна ужасных изнасилований женщин. Но месть — это только часть объяснения. Если солдаты были пьяными, то для них не имела значения национальность своей добычи. Лев Копелев вспоминал, что,

будучи в Алленштейне, он вдруг услышал пронзительный крик. Затем увидел, как молодая девушка убегает от двух пьяных советских танкистов. Она кричала: "Я полька! Святая Мария, я полька!"[79]

Об изнасилованиях немецких женщин в советское время было запрещено не только писать, но и говорить. Даже сегодня ветераны войны отказываются вспоминать о таких вещах. Да, они могут признать, что слышали об этом, но затем сразу добавят, что подобные факты носили частный характер и являлись неизбежным следствием войны. И лишь немногие сейчас готовы открыто признать, что являлись свидетелями таких позорных сцен. Однако и эти люди не собираются раскаиваться. "Все они поднимали перед нами юбки и ложились на кровать", — говорил о немецких женщинах бывший комсорг танковой роты. Он даже хвастался, что "два миллиона детей рождены в Германии от советских солдат"[80].

Весьма примечательна способность ветеранов убедить самих себя, что все немецкие женщины были даже рады войти с ними в половую связь, а случаи изнасилования — неизбежный результат войны, слепой мести. Один советский майор рассказывал британскому журналисту, что советские солдаты так долго не общались с женщинами во время войны, что порой вступали в сексуальный контакт с шестидесяти-, семидесяти-, а то и восьмидесятилетними старухами. Для этих немецких старух, продолжал майор, такие вещи были весьма удивительны, если не сказать приятны[81].

Но основным побудительным мотивом для изнасилований являлось все же пьянство. Пили всё подряд, включая различные химические препараты из лабораторий. Является фактом, что постоянное пьянство ослабляло боевые возможности Красной Армии. Ситуация стала настолько критической, что органы НКВД были вынуждены донести в Москву о массовых случаях отравления алкоголем, захваченным на оккупированной территории Германии[82]. Многие женщины, изнасилованные пьяными солдатами, оказались на всю жизнь изувеченными. Может показаться, что красноармейцам просто необходимо было напиться, чтобы изнасиловать женщину, однако порой они так напивались, что даже не могли завершить половой акт.

Разобраться в психологии советских солдат и сегодня довольно трудно. Как, например, объяснить такой факт: когда в захваченном Кенигсберге изнасилованные красноармейцами женщины стали умолять своих новых хозяев убить их, те ответили буквально следующее: "Русские солдаты не стреляют в женщин. Так поступают только немцы"[83]. Видимо, советские солдаты

смогли убедить себя в том, что, поскольку они выполняют в Европе освободительную миссию, поступать с женщинами надо именно так, а не иначе.

Да, изнасилованные в Восточной Пруссии женщины были в основном жертвами мести за те преступления, которые совершили немцы на оккупированной территории СССР. Однако затем, когда первоначальный запал ярости у советских солдат несколько угас, то главной причиной унижений женщин и садистского отношения к ним стало уже нечто другое. Три месяца спустя, в период битвы за Берлин, немки являлись для красноармейцев не столько предметом ненависти, сколько объектом добычи. Солдаты продолжали унижать женщин, но это унижение было, скорее, следствием негуманного обращения советских командиров со своими подчиненными. Василий Гроссман писал в романе "Жизнь и судьба", что жестокость тоталитарной системы парализует гуманное отношение людей друг к другу на всех континентах[84].

Были, однако, и другие причины подобного поведения советских солдат. Дело в том, что в 1920-е годы вопрос о сексуальной свободе активно обсуждался внутри коммунистической партии, однако в последующее десятилетие Сталин добился того, что советские люди стали считать себя живущими в обществе, где о сексе в принципе речи идти не может. И дело здесь не в пуританстве, а в том, что возобладала доктрина "деиндивидуализации" индивидуума[85]. Чисто человеческие устремления и эмоции были задавлены. Работы Фрейда оказались под запретом. Развод и супружеская измена вызывали серьезное неодобрение партии. Против гомосексуалистов проводились репрессии. В советской системе вообще не предусматривалось никакого сексуального образования. В живописи считалось недопустимой эротикой рисовать женщин в платье с большим вырезом на груди. Они должны были изображаться в закрытых костюмах. Режим однозначно требовал, чтобы любая форма вожделения превращалась в любовь к партии, и прежде всего к Великому Вождю.

Следствием подавления советским государством сексуальных желаний своих граждан стал так называемый "барачный эротизм"[86], который, несомненно, был более примитивным и жестоким, чем самая убогая иностранная порнография. И на все это накладывалось бесчеловечное влияние пропаганды, которая окончательно подавляла все сексуальные импульсы у людей. Таким образом, большинство советских солдат не имели необходимого сексуального образования и просто не знали, как

правильно обходиться с женщиной.

Негерманское происхождение не спасало женщин от насилия, в Германии же не чувствовали себя в безопасности даже коммунисты. Долгое время они ждали своих освободителей, но, когда те пришли, просоветски настроенные немцы все равно оказались под подозрением. Улыбки на лицах встречающих Красную Армию вскоре исчезли, поскольку многих из них вызвали на допрос в управление СМЕРШа. Сотрудники этой организации ко всему относились с подозрением. Сочувствовавшим СССР они задавали поистине убийственный вопрос, который был заранее подготовлен в Москве: "А почему вы не воевали вместе с партизанами?" Тот факт, что в Германии вообще не имелось партизан, никого не волновал. Это была политическая линия, которая подпитывалась и снизу. Советские солдаты на протяжении всей войны спрашивали своих комиссаров, почему рабочий класс Германии не поднимается на борьбу против Гитлера. Но они так и не получили на него ясного ответа. Поэтому неудивительно, что, когда в середине апреля линия партии изменилась и был взят курс та то, чтобы ненависть красноармейцев распространялась только на нацистов, а не на всех немцев, многие бойцы просто не обратили на это внимания.

Пропаганда ненависти к врагу превращалась в пропаганду ненависти ко всему немецкому. "Даже деревья были нашими врагами"[87], - вспоминал красноармеец 3-го Белорусского фронта. Когда генерал Черняховский был убит шальным снарядом со стороны Кенигсберга, потрясенные советские солдаты решили похоронить его во временной могиле. Никаких цветов еще не было, и бойцы положили на гроб ветки деревьев. Неожиданно молодой солдат спрыгнул в могилу вслед за опустившимся туда гробом. Он собрал все эти ветки и выкинул их на поверхность. Это были вражеские ветки, с вражеских деревьев. Они осквернили могилу советского героя.

После гибели Черняховского на пост командующего 3-м Белорусским фронтом был назначен по приказу Сталина бывший начальник Генерального штаба Красной Армии маршал Василевский. После его прихода ситуация с дисциплиной в войсках практически не изменилась. Однажды начальник штаба Василевского стал докладывать ему о том, что солдаты ведут себя неподобающим образом — грабят имущество, бьют посуду, зеркала, мебель[88]. Офицер спросил, какие инструкции будут по этому поводу. Маршал Василевский, один из самых образованных и интеллигентных военачальников Красной Армии, какое-то время молчал, а затем ответил, что теперь настало время для наших солдат устанавливать собственные законы.

Поведение советских солдат в Восточной Пруссии стало выходить за всякие рамки. У начальства вызывало тревогу, что они не только разрушали мебель, но и поджигали дома, которые могли быть использованы для отдыха и обогрева войск. Солдаты приходили в бешенство, когда видели, что жизненный уровень немецких крестьян был намного выше, чем они могли себе представить. Это еще больше оскорбляло чувства красноармейцев, которые не могли понять, зачем богатым немцам понадобилось нападать на их Родину, грабить и разрушать ее.

В дневнике Аграненко есть запись о пожилом сапере из его части. "Как мы должны относиться к немцам, товарищ капитан? — спрашивал солдат. — Вы только подумайте, они хорошо жили, хорошо питались, имели скот, огороды, яблони. И они напали на нас. Они дошли аж до моей Воронежской области. И за это, товарищ капитан, мы должны их задушить". Спустя некоторое время сапер добавил: "Мне только жалко их детей, товарищ капитан. Хотя они и дети фрицев"[89].

Руководители советского государства, несомненно спасая Сталина от обвинений в том, что именно он допустил трагедию 1941 года, внушили советским людям мысль о коллективной ответственности за то, что их Родина оказалась под ударом, то есть об ответственности всего народа. Очевидно, что желание искупить как бы собственную вину за эту трагедию еще больше ужесточало месть советских солдат. Но причины мести носили иногда и более приземленный характер. Дмитрий Щеглов, политрук из 3-й армии, вспоминал, что у красноармейцев вызывало отвращение количество вещей и продуктов, которые они видели в немецких подвалах и кладовых. Им был противен сам стиль жизни немцев. Щеглов писал, что ему нравилось разбивать вдребезги все эти банки и бутылки[90]. Советские солдаты могли видеть электрические провода почти на каждом германском доме. Выходило так, что СССР не являлся таким уж раем для рабочих и крестьян, как утверждала советская пропаганда. Поэтому восприятие Восточной Пруссии в умах красноармейцев было совсем неоднозначным. В нем смешались изумление, ревность, восхищение и злость. Все это, в свою очередь, тревожило политических руководителей армии[91].

Опасения политических управлений и отделов подтверждались сообщениями органов НКВД, которые проверяли солдатские письма. Цензоры подчеркивали негативные моменты синим карандашом, а позитивные — красным. Цензура усилила проверку писем, отправлявшихся с фронта, надеясь тем самым контролировать солдатские рассказы о жизни обычных немцев и связанные с этим политически неправильные выводы[92].

Сотрудники НКВД ужаснулись, когда обнаружили, что солдаты посылают домой не только письма, но и открытки. На некоторых из них были даже антисоветские лозунги, взятые из речей Гитлера[93]. Все "неправильные" слова и выражения, естественно, вычищались из текста.

Полагая, что они вошли в жилище германских баронов, красноармейцы били там чайники, зеркала, часы, даже не подозревая, что находятся в доме обычного немца из среднего класса. Женщина-военврач писала домой с фронта под Кенигсбергом, что просто невозможно себе представить, сколько ценных вещей было разбито советскими солдатами и как много хороших домов сожжено. Но в то же время она считала, что солдаты правы, поскольку они не могут взять все это с собой. И когда солдат бьет зеркало величиной со стену, он начинает чувствовать себя лучше, как физически, так и морально[94].

На улицах немецких деревень разыгралась метель из пуха от вспоротых подушек и матрасов. Выходцы из советской Средней Азии множество бытовых вещей видели в первый раз в своей жизни. У красноармейцев вызывали изумление даже зубочистки. Офицеры же, по воспоминаниям Аграненко, курили трофейные сигары, затягиваясь ими все равно как дымом махорки, набитой в скрученную газетную бумагу[95].

Какой-нибудь предмет, захваченный в качестве добычи, мог через несколько минут быть выброшенным и растоптанным. Никто не хотел оставлять что-нибудь для "штабных крыс" и особенно для "тыловых крыс". Солженицын описывал шумный рынок, где солдаты примеряли на себя женские панталоны[96]. Некоторые красноармейцы надевали под свое обмундирование так много тряпья, что им тяжело было передвигаться. Странный вид имели советские танки, на броне которых экипажи закрепляли награбленное барахло. Вещи, привязанные к лафетам, порой затрудняли разворот орудийного ствола. Подвоз боеприпасов для артиллерии также осложнился, поскольку шоферы везли на грузовиках, кроме снарядов, еще и добытые трофеи. Офицеры в изумлении качали головами, видя, как их подчиненные складывали в ежемесячные посылки домой шикарные вечерние костюмы. Лев Копелев крайне отрицательно относился к решению советского командования позволить солдатам отсылать домой посылки весом до пяти килограммов[97]. Фактически это стало косвенным одобрением грабежей. Кстати говоря, офицерам разрешалось отсылать домой посылки в два раза тяжелее. Для армейских генералов и офицеров СМЕРШа какой-либо лимит вряд ли существовал, а их подчиненные сами приносили им не самое худшее из

награбленного. Даже Копелев послал своему начальнику, генералу Окорокову, охотничье ружье и гравюру Дюрера.

На фронт в Восточной Пруссии была послана группа просоветски настроенных немецких офицеров, ранее захваченных в плен. Они были поражены увиденным здесь. Граф фон Айнзидель, заместитель руководителя подконтрольного НКВД Национального комитета "Свободная Германия", по возвращении с фронта рассказывал своему товарищу, что русские абсолютно не умеют употреблять спиртное. Они насилуют женщин, напиваются до потери сознания и поджигают дома. Эти слова, кстати, немедленно передали Берии. Даже Илья Эренбург, пламенный пропагандист, был шокирован происходящим. Однако его впечатления никак не отразились на содержании публикуемых им газетных статей[98].

Красноармейцы никогда не наедались досыта в течение предыдущих военных лет. Большую часть времени, проведенного на фронте, они ощущали чувство голода. Если бы не ленд-лизовская тушенка и зерно из Америки, то многие солдаты были бы близки к голодной смерти. Они оказались просто вынуждены добывать себе пропитание среди местного населения, хотя конфискация продовольствия никогда не возводилась в Красной Армии в ранг официальной политики, как в войсках вермахта. В Польше советские солдаты воровали посевное зерно и забивали на мясо немногих оставленных немцами домашних животных, В Литве они вскрывали ульи и доставали оттуда мед: осенью 1944 года лица и руки многих военнослужащих были покрыты пчелиными укусами. Но хорошо ухоженные и богатые фермы Восточной Пруссии представлялись солдатам чем-то совсем уж запредельным. Коровы с разбухшим выменем мычали от боли. Их хозяева в страхе бежали, оставив скотину на произвол судьбы. Красноармейцы убивали коров выстрелом из винтовки или автомата и прямо на месте разводили костер и жарили мясо. Солдаты писали с фронта, что немцы бежали в сильной спешке, оставив все свое хозяйство нетронутым[99]. Теперь красноармейцы имели все — и свинину, и сахар, и любое другое продовольствие. Один из них писал: у солдат стало так много еды, что они уже не хотят есть все подряд.

Хотя советские руководители были хорошо осведомлены об ужасных эксцессах, творящихся в Восточной Пруссии, они все же были раздосадованы, почти оскорблены тем фактом, что большинство немцев бежало от советских войск. Города и деревни остались фактически безлюдными. Представитель НКВД во 2-м Белорусском фронте доносил Г.Ф. Александрову, отвечавшему за идеологию в Центральном Комитете партии, что

в тылу советских войск осталось очень мало немцев, многие населенные пункты совершенно опустели[100]. Он называл деревни, где насчитывалось всего с полдюжины крестьян, и города с пятнадцатью жителями. Почти всем оставшимся было уже за сорок пять лет. "Ярость благородная" вырвалась из-под контроля и стала причиной невиданной в истории паники среди населения. С 12 января до середины февраля 1945 года почти восемь с половиной миллионов немцев покинули свои насиженные места в восточных провинциях рейха.

Некоторые жители Восточной Пруссии, особенно члены фольксштурма и беззащитные женщины, пытались укрыться в лесах, чтобы ярость красноармейцев не обрушилась на их головы. Основная масса бежала в тыл незадолго до прихода Красной Армии. Многие оставляли на домах сообщения для родных. Дмитрий Щеглов обнаружил на одной из дверей следующую надпись мелом, выведенную детской рукой: "Дорогой папа! Мы уезжаем на повозке в Альт-П. А оттуда пароходом в рейх"[101]. Вряд ли кто-либо из них вновь увидел свой родной дом. Происходило тотальное разрушение всего региона с его неповторимыми культурой и характером, этого форпоста Германии на границе славянских народов. К тому времени Сталин уже планировал отрезать северную часть Восточной Пруссии вместе с Кенигсбергом и сделать ее частью Советского Союза. Остальная территория могла быть отдана союзной Польше как частичная компенсация за аннексию ее восточных земель — "Западной Белоруссии" и "Западной Украины" в 1939 году. Сама Восточная Пруссия как единый регион должна была исчезнуть с географической карты Европы.

Когда 5-я гвардейская танковая армия 2-го Белорусского фронта Рокоссовского вышла к заливу Фришес-Хафф, для эвакуации в рейх осталась единственная возможность — морской транспорт: на корабле из порта Пиллау. Правда, еще некоторое время пролив, отделяющий Земландский полуостров от косы Фрише-Нерунг[102] и выводящий в район Данцига, можно было пересечь по льду. Пожалуй, самыми несчастными оказались те немцы, которые бежали в Кенигсберг. Он в скором времени был окружен с двух сторон и отрезан от Земландского полуострова со спасительным портом. Нацистские чиновники практически не подготовились к эвакуации столицы Восточной Пруссии, и прошло достаточно большое количество времени, прежде чем первый транспортный корабль показался на рейде Пиллау. Между тем осада столицы Восточной Пруссии стала одной из самых ужасных страниц в истории войн.

Для счастливчиков, которым все же удалось добраться до

песчаной косы Фрише-Нерунг, единственным путем спасения оставалась дорога на запад, но она была занята немецкой военной техникой. Германские офицеры сгоняли беженцев с твердого покрытия, и тем приходилось оставлять свои повозки и двигаться дальше пешком по прибрежным дюнам. Многие немцы так никогда и не добрались до косы Фрише-Нерунг. Советские танковые колонны догоняли их в пути и уничтожали пулеметным огнем. 19 января советские танки перехватили конвой е беженцами и перебили людей, ехавших на машинах и повозках[103].

Хотя в Восточной Пруссии и не имелось наиболее ужасных концентрационных лагерей, но и здесь органы НКВД, обследовавшие местность, наткнулись на следы нацистских преступлений. В лесу, неподалеку от деревни Куменнен, были найдены тела ста человек в гражданской одежде, которые, вероятно, стали жертвами "марша смерти" заключенных. Когда войска Красной Армии начали приближаться, Гиммлер приказал эвакуировать концентрационные лагеря. Большинство погибших являлись женщинами в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет[104]. Согласно отчету НКВД, на их одежде оказались нашиты номера и шестиконечные звезды. Многие были в деревянных башмаках и несли с собой кружки и ложки. В карманах некоторых женщин обнаружилась незатейливая еда — в основном небольшие клубни картошки и зерно. Специальная комиссия, расследовавшая это преступление, пришла к заключению, что женщин расстреливали с близкого расстояния, вероятно потому, что они уже не могли больше двигаться и падали от истощения. Показательно, что советские официальные представители идентифицировали их не как евреев, несмотря на нашитые шестиконечные звезды, а как граждан СССР, Франции и Румынии. Нацисты убили во время войны порядка полутора миллионов советских евреев[105]. Убили только потому, что те были евреями. Однако Сталин хотел сфокусировать внимание общественности на том, что эти люди страдали и погибли именно за свою Родину.

Глава четвертая
Большое зимнее наступление

Когда германские генералы обращались к солдатам в неформальной манере, то часто называли их своими детьми. Такое отношение восходило еще к прусской традиции, которая со временем распространилась на всю страну. "Солдат — сын своего народа"[106], - говорил в конце войны генерал фон Блюментрит. Однако к тому времени отношение гражданского общества к своей армии было уже совсем иным.

Напрасные жертвы будили среди людей гневные чувства. Они были уже готовы прятать в своих подвалах дезертиров с фронта. Польский крестьянин, случайно оказавшийся в Берлине 24 января, стал свидетелем следующей сцены. Когда по улице проходила колонна солдат, к ней неожиданно подбежала немецкая женщина. Выйдя вперед, она громко закричала офицерам и унтер-офицерам, сопровождавшим свои подразделения: "Отпустите наших мужей домой! Пусть "золотые фазаны" [высшие нацистские чины] воюют вместо них!"[107] А офицеры генерального штаба, носившие на форменных брюках красные лампасы, получили прозвище "вампиры"[108]. Однако дыхания революции, как это было в 1918 году, совсем не чувствовалось. Военный атташе посольства Швеции в Берлине отмечал в начале 1945 года, что в Германии вряд ли возникнет революция, пока людям еще есть чем питаться. Этот факт нашел свое отражение и в популярной в то время шутке: боевые действия не прекратятся до той поры, пока Геринг не сможет влезть в одежды Геббельса[109].

Осталось очень мало людей, которые питали какие-либо иллюзии по поводу ближайшего будущего Германии. Департамент здравоохранения Берлина приказал городским госпиталям организовать дополнительно десять тысяч коек для гражданских лиц и столько же для военных[110]. Это указание — вполне типичное для нацистской бюрократии. Оно совершенно не учитывало интенсивность бомбежек, наличных ресурсов и количества подготовленного медицинского персонала. Врачи и медсестры и так уже были перегружены работой. Не хватало даже носильщиков, которые спускали раненых в подвалы после ночных авиаударов. Но даже в этих условиях администрации госпиталей приходилось тратить массу времени на переговоры с нацистскими официальными лицами, уговаривая последних не включать медицинских работников в списки ополченцев

фольксштурма.

Сам фольксштурм был образован еще осенью 1944 года. Гитлер не доверял армейскому начальству, подозревая его в пораженчестве и склонности к предательству. Поэтому руководство ополчением не должно было попасть под его контроль. Очевидным кандидатом на роль руководителя фольксштурма являлся глава войск СС, а после покушения на Гитлера в июле 1944 года еще и командующий Резервной армией — Гиммлер. Однако амбициозный Мартин Борман настоял, что организацией новых подразделений должны заниматься гауляйтеры нацистской партии непосредственно на местах. Естественно, весь контроль над фольксштурмом в этом случае оказывался в его руках, так как гауляйтеры подчинялись непосредственно Борману. Почти все немецкие мужчины в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет были уже в армии, поэтому фольксштурм стал своеобразной смесью подростков и стариков.

Геббельс, ставший к тому времени еще и рейхскомиссаром обороны Берлина, организовал мощную пропагандистскую кампанию. "Призыв фюрера — это священный приказ для нас! — восклицал он. — Верьте! Сражайтесь! Побеждайте!"[111] В кинотеатрах показывали кадры марширующих колонн, состоящих из стариков и юношей. Они шли плечом к плечу. Подразделения фольксштурма получали на вооружение фаустпатроны и торжественно клялись в верности фюреру. Камеры показывали лица людей, находящихся в строю. Среди них оказалось немало тех, кто верил Гитлеру, забывая о реальном положении дел, а некоторые были ослеплены организованным шоу. Немецкая женщина писала мужу на фронт, что весь мир поднялся против Германии, но "мы еще покажем, на что способны". Она рассказала супругу, что наблюдала затем, как дают клятву верности солдаты фольксштурма. "Ты должен был это видеть. Я никогда не забуду этой демонстрации нашей силы и гордости"[112].

Однако возникновение фольксштурма отнюдь не подняло боевой дух немцев, воюющих на фронте. Напротив, солдат расстроило известие о том, что их отцы, деды или младшие братья теперь должны каждое воскресенье тренироваться с оружием в руках. Большинство немцев скептически относились к созданию ополчения в принципе[113]. Генерал Ганс Киссель позднее отмечал, что раз уж вермахт ранее не смог переломить ситуацию, то было бы смешно думать, что это сможет сделать фольксштурм.

Да и большинство солдат фольксштурма догадывались, что их посылают на бессмысленный убой с символической целью.

Они не верили, что смогут остановить советское наступление. До сорока батальонов фольксштурма перебросили на охрану восточных и северо-восточных границ рейха. Ранее там было возведено лишь небольшое количество железобетонных укреплений. Более того, поскольку ополченцы не имели почти никакого противотанкового оружия, то советские танки довольно быстро прорвали созданную здесь оборону.

В индустриальных районах Верхней Силезии ("золотом" районе, как было отмечено Сталиным) среди директоров крупных компаний возникло сильнейшее беспокойство. Они опасались, что начнутся волнения трехсот тысяч иностранных рабочих, большинство из которых были поляками и "остарбайтерами" из Советского Союза. Директора просили власти принять срочные меры против возможных восстаний еще до того, как русские части приблизятся к промышленным центрам[114]. Однако никто не ожидал, что танки маршала Конева прорвутся сюда так быстро.

Советское наступление понуждало немцев к срочной эвакуации не только концентрационных лагерей, но и лагерей для военнопленных. По заснеженным дорогам потянулись колонны узников. Их охрана вряд ли имела представление о конечном пункте этого марша. Однажды вечером группа британских военнопленных догнала колонну бывших военнослужащих Красной Армии. Советские пленные оказались одеты совсем не по-зимнему и даже не имели обуви. Их ноги были обернуты какими-то тряпками. "Изможденные бледные лица, — писал впоследствии Роберт Ки, — резко контрастировали с черными бородами измученных людей. Только глаза выдавали в них наличие чего-то человеческого, чего-то очень слабого, затаенного, но все же человеческого. Именно эти глаза посылали последний отчаянный призыв о помощи"[115]. Британцы стали рыться в своих карманах и бросать советским пленным различные предметы: кто-то мыло, кто-то сигареты. Одна из пачек упала слишком далеко. Русский пленный отошел чуть в сторону, чтобы подобрать ее, но тотчас же подбежал охранник-фольксштурмовец и раздавил пачку. Затем он стал бить пленного прикладом винтовки. Среди британцев раздался гул возмущения. Охранник такого поворота событий не ожидал. Он прекратил избивать русского и в недоумении уставился на колонну англичан. Жестокость в обращении с узниками лагерей стала настолько привычной для него, что любой ропот возмущения казался ему просто немыслимым. Тогда он стал угрожать своей винтовкой англичанам, но ропот среди них все равно не умолкал. В конце концов порядок был установлен охраной самой британской колонны, а фольксштурмовец отошел к русским. "Мой Бог! —

сказал один из товарищей Ки. — Я заранее прощаю русским все, что они сделают с этой страной, когда придут сюда. Абсолютно все".

Поскольку Геринг теперь находился в немилости, основная борьба за власть в нацистском руководстве развернулась между Гиммлером и Борманом. Июльское покушение сильно повысило ставки Гиммлера. К тому же он отвечал за войска СС и гестапо и через них мог контролировать армию. Физические и моральные силы Гитлера пошатнулись, и Гиммлер рассчитывал на то, что сможет в случае чего стать новым фюрером. Его способности руководить нацией, конечно, оставляли желать лучшего, но это — уже совсем другой вопрос. Рейхсфюрер, обладатель выступающего вперед подбородка и тяжелой челюсти, был далек от всякого проявления гуманности[116]. Но он мог быть порой достаточно наивным и благодушным. Уверив себя, что является ближайшим к трону человеком, Гиммлер явно недооценил своего толстошеего и круглолицего конкурента, Мартина Бормана. Секретарь партийного аппарата нашел конфиденциальный подход к Гитлеру и теперь контролировал практически все ниточки, связывающие первое лицо нацистского государства с окружающим миром. Борман втайне презирал Гиммлера и за глаза называл его "дядя Генрих".

Борман подозревал, что Гиммлер, будучи организатором войск СС, страстно желает стать еще и армейским командующим. Это желание Борман полагал использовать с выгодой для себя. Он решил предоставить рейхсфюреру возможность проявить себя на фронте, но, одновременно убрав его из Берлина, то есть из центра сосредоточения всей власти. В начале декабря 1944 года совершенно ясно, что по совету Бормана — Гитлер назначил Гиммлера командующим небольшой группой армий на верхнем Рейне. Рейхсфюрер и не думал подчиняться приказам фельдмаршала фон Рундштедта, главнокомандующего войсками на Западе, но, будучи провинциалом, уроженцем земли Шварцвальд на юго-западе Германии, он сразу не оценил, что быстро теряет свое влияние в Берлине. Борман провел комбинацию, которая значительно усилила влияние Кальтенбруннера, главы службы безопасности рейха. Теперь Кальтенбруннер, в карьере которого Гиммлер ранее сыграл решающую роль, стал протеже Бормана и именно через партийного секретаря получил прямой доступ в канцелярию Гитлера. Гиммлер также не знал, что его связной офицер в ставке фюрера, группенфюрер СС Герман Фегеляйн, является еще и доверенным лицом Бормана.

Пока нацистские руководители интриговали друг против

друга, фронт на Висле рухнул окончательно. Советские танковые бригады безостановочно продвигались вперед. Они наступали не только днем, но и ночью, поскольку в темноте, как отмечал впоследствии один военачальник, советские танки были менее уязвимы и к тому же казались немцам еще более угрожающими[117].

Советские головные части продвигались за сутки порой по шестьдесят семьдесят километров. Полковник Гусаковский вспоминал, что один немецкий генерал, проверив вечером положение войск на своем фронте, преспокойно улегся спать. Ему казалось, что враг еще далеко. Каково же было его удивление, когда, проснувшись, он обнаружил советских солдат, стоявших прямо у его постели. Генерала взяли в плен еще тепленьким. Даже если учитывать тот факт, что военачальники Красной Армии не прочь были прихвастнуть, совершенно очевидно: советское наступление полностью расстроило всю систему управления германскими войсками. Донесения о положении частей противника, доложенные разведкой ночью, поступали в штаб группы армий только к восьми часам утра. Затем их отправляли в штаб командования сухопутных войск. Там производилась их обработка для доклада фюреру. Это могло занять определенное время. Помощник Гудериана, Фрайтаг фон Лорингхофен, вспоминал, что однажды этот процесс занял целых семь часов[118]. В результате приказы фюрера, основанные на данных с фронта, поступали в войска не раньше чем через сутки.

Система управления германскими войсками была малоэффективной. Она и не могла быть иной хотя бы по той причине, что ответственные руководители погрязли во внутренних склоках. Они использовали любую возможность, чтобы разделаться со своими реальными или мнимыми конкурентами. Геринг вообще перестал участвовать в обсуждении военных вопросов. На совещании у фюрера он отходил в сторону и садился в кресло. Удивительно, что Гитлер не делал ему замечаний, когда Геринг засыпал у всех на виду. И это происходило во время обсуждения важнейших вопросов. Фрайтаг фон Лорингхофен отмечал, что в тот момент рейхсмаршал походил на обычного располневшего торговца, присевшего отдохнуть и не справившегося с навалившейся на него дремотой.

Экипажи советских танков испытывали на себе огромные нагрузки. Танкисты часто засыпали прямо во время движения. Но сами танки, Т-34 и тяжелые ИС, имели солидный запас прочности. Желание советских солдат выспаться гасилось радостным возбуждением, когда они видели, сколько трофеев оставляет им убегающий противник. Их окрыляла сама мысль,

что враг застигнут врасплох и необходимо и дальше не давать ему никакой передышки[119].

Получая время от времени доклады о незначительном сопротивлении немцев, советские командиры приказывали механизированным войскам обходить узлы вражеской обороны и подтягивать к ним тяжелую артиллерию. Василий Гроссман отметил в записной книжке интересный эпизод, относящийся к поведению одного немецкого военнопленного. Тот, видимо, получил сильную контузию во время артиллерийского обстрела, и его разум помутился. Теперь (конвоируемый в советский тыл) он каждый раз становился по стойке "смирно", одергивал китель и отдавал честь любому проезжавшему мимо автомобилю[120].

В течение всей третьей недели января войска Жукова продолжали безостановочный марш в северо-западном направлении. На правом фланге наступали 2-я гвардейская танковая и 5-я ударная армии, а на левом — 1-я гвардейская танковая и 8-я гвардейская армии. Продвижение частей было настолько стремительным, что даже штаб Жукова порой не успевал адекватно реагировать на развитие ситуации. Иногда отдавались приказы занять тот или иной населенный пункт, который находился уже в тылу советских соединений. После того как 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова 18 января на целых пять суток раньше запланированного срока подошла к городу Лодзь, важному индустриальному центру, ее командующий не стал ждать новых приказаний, а взял инициативу в свои руки. Он не стал консультироваться со штабом фронта, а решил продолжать движение вперед. На следующее утро некоторые части армии даже попали под бомбежку своей авиации, которая также не ожидала, что советские войска подошли к городу. Тем не менее он был захвачен уже к вечеру. На улицах города вповалку лежали убитые немцы. Многие из них нашли свою смерть от рук не знающих пощады польских патриотов[121].

24 января Чуйков, имевший богатый опыт руководства боями в городе (он сражался еще в Сталинграде), получил приказ взять город Познань. Выслушав указание, он попросил штаб Жукова предоставить ему всю возможную информацию о состоянии этой массивной старой крепости.

Части 1 — го Украинского фронта маршала Конева продвигались вперед несколько медленнее. Большим успехом явилось освобождение Кракова, который немцы так и не успели разрушить. Однако серьезной проблемой для всех армейских объединений теперь стала борьба с остатками германских войск, оказавшихся в советском тылу. Быстрое наступление и обход вражеских укреплений привели к тому, что на освобожденной

территории остались десятки тысяч немецких солдат. Многие из них теперь старались прорваться на запад. Представитель НКВД в 1-м Украинском фронте, Мешик, докладывал Берии, что войска по охране тыла вступают в боевые столкновения с группами немцев, численность которых достигает двухсот человек[122].

На запад прорывались и германские механизированные колонны. Чтобы добраться до границ рейха и не быть раздавленными советскими танками, немецким солдатам приходилось бросать часть машин и сливать из них бензин для техники, оставшейся в строю. Брошенные машины, равно как и другое ценное имущество, поджигались, чтобы не достались русским. Наиболее сильной прорывавшейся из окружения группой являлись остатки танкового корпуса генерала Неринга, по пути обраставшего все новыми отрядами военнослужащих вермахта. Однажды Неринг приказал даже пожертвовать двумя танками, которые были использованы в качестве опоры для разрушенного моста. Генерал надеялся проскользнуть в промежутке между двух мощных клиньев советского наступления — войсками Жукова и Конева. Из короткого радиосообщения он узнал, что к нему хотят присоединиться также остатки корпуса "Великая Германия" под командованием генерала фон Заукена. Это действительно произошло 21 января, а уже 27 января все окруженные части вышли к своим войскам, стоявшим на Одере.

В тот же день, когда Неринг пересек Одер, в двухстах километрах к юго-востоку советские войска нашли еще одно свидетельство нацистских преступлений. Поверить в то, что обнаружили красноармейцы, поначалу было почти невозможно. Части 60-й армии, входившей в состав фронта маршала Конева, наткнулись на сеть концентрационных лагерей вокруг Аушвица (Освенцима. — Примеч. ред.)[123].

Конная разведка 107-й стрелковой дивизии, выехав из заснеженного леса, встретила на своем пути самый мрачный символ истории "третьего рейха".

Как только красноармейцы поняли, что именно здесь находится, они немедленно послали в тыл за медицинской помощью. Однако для многих из трех тысяч оставшихся в живых узников эта помощь была уже бесполезной. Они находились при смерти от истощения и болезней. Эсэсовцы не стали их эвакуировать, поскольку люди уже не могли ходить. Адам Курилович, бывший глава профсоюза польских работников железнодорожного транспорта, рассказал, что находился в лагере с июня 1941 года. 15 сентября 1941 года немцы провели на заключенных первое пробное испытание отравляющего газа. В этот день в газовой камере нашли свою смерть восемьдесят

советских и шестьсот польских военнопленных. Венгерский ученый, профессор Мансфельд, сообщил, что немцы проводили "медицинские эксперименты", вкалывая заключенным смертельные инъекции различных ядовитых препаратов. Таким образом были убиты сто сорок польских детей. Советские официальные лица сделали заключение, что в Аушвице замучено до четырех миллионов человек, хотя позднее эту цифру признали преувеличенной. Камеры советских фотографов запечатлели ворота лагеря, которые "украшала" надпись: "Работа делает свободным", мертвые тела детей с выпуклыми животами, клубки человеческих волос, трупы с открытыми ртами и номера на руках живых скелетов. Все эти кадры были посланы в Москву, главе советской пропаганде Александрову. Материал о лагере был опубликован 9 февраля в газете "Сталинское знамя". Однако следующая информация об Аушвице появилась в печати только 8 мая, когда война уже фактически закончилась.

Советские офицеры обнаружили также приказ Гиммлера, в котором говорилось, что необходимо приостановить экзекуции тех русских пленных, которые по своему физическому состоянию еще способны к работе на каменоломнях. Этой зимой русских заключенных выгоняли на улицу с помощью палок и прутьев при температуре воздуха минус тридцать пять градусов, и немногие из тех, кто пока остался в живых, теперь просто замерзали на холоде. Почти все пленные были одеты либо только в солдатские гимнастерки, либо вообще в одно нижнее белье. Узникам требовалась немедленная медицинская помощь. В лагере они вообще не имели никакого медицинского обслуживания. Тот факт, что части вермахта передавали пленных в СС, лишь ужесточил ненависть красноармейцев к германским военнослужащим. Переводчик из немецкого штаба рассказал, что сразу по прибытии в один из лагерей советским пленным приказали раздеться догола. Тех, кого объявляли евреем, расстреливали на месте[124]. Но опять-таки советские официальные представители повели речь о преступлениях именно против "советских граждан и военнослужащих". Все увиденное в Аушвице побуждало красноармейцев к мести. Теперь они вообще не собирались брать пленных.

В январе 1945 года силы германских солдат были подорваны окончательно. Но еще тяжелее зима ударила по гражданскому населению. Несколько миллионов жителей Восточной Пруссии, Силезии, Померании покинули тогда свои дома. Жители немецких деревень, знавшие и более суровые зимы, теперь вдруг с ужасом поняли, насколько они беззащитны перед природой. Двигаясь в тыл, беженцы часто не находили ни приюта, ни еды. В

наступившем хаосе многие дома были сожжены, а продовольственные припасы — разграблены. Некоторые, правда, понимали — то, что происходит сейчас с ними, нисколько не отличается от случившегося ранее с польскими, украинскими и русскими крестьянами. И то, что тогда творилось на Востоке, было делом рук немецких солдат — их братьев, сыновей и отцов.

Путь беженцев из земель, прилегающих к Балтийскому морю, Восточной и Западной Пруссии и Померании, проходил через Одер и район Берлина. Тот, кто жил южнее, в Силезии и Вартеланде, двигался к реке Нейсе, южнее Берлина. Большинство бегущих от Красной Армии являлись женщинами и детьми, поскольку почти все мужчины находились теперь либо в армии, либо в фольксштурме. Варианты транспортных средств были чрезвычайно разнообразными — от ручных тележек и детских колясок до странного вида повозок. Никаких автомобилей у беженцев не имелось, поскольку всех их уже реквизировали, равно как и горючее, для нужд армии. Колонны двигались чрезвычайно медленно, и не только из-за снега. Тачки и коляски были перегружены различным тряпьем, поэтому колеса часто, не выдержав тяжести, ломались. Повозки из-под сена набивали различными припасами, бочонками, чемоданами. Все это сверху покрывали брезентом. Для беременных женщин и кормящих матерей внутри стелили матрасы и подушки. Лошадям оказалось нелегко тащить по льду эти импровизированные средства передвижения. В некоторые повозки запрягали быков, но их копыта были не приспособлены к такому маршу. На снегу за ними оставался кровавый след. А когда животные умирали, то люди разрезали их на мясо. Страх надвигающегося русского наступления гнал беженцев все дальше от родных мест.

По ночам большинство из них ютилось в амбарах и сараях. В самих домах кров получали в основном лица аристократического происхождения. Хозяева открывали перед ними свои двери, будто встречали богатых гостей, приехавших к ним поохотиться. Неподалеку от города Штольп в Восточной Померании барон Еско фон Путткамер зарезал свинью, чтобы покормить голодных беженцев. Однако к нему сразу подошел "коротконогий и толстобрюхий" представитель нацистской партии и предупредил его, что забой скота без предварительного разрешения может караться серьезным наказанием[125]. Барон пришел в ярость и предупредил местного партийного начальника, что если тот сейчас же не уберется отсюда, то придется зарезать и его тоже.

Те, кто покидал Восточную Пруссию на поезде, оказались отнюдь не в лучшем положении. 20 января на станцию Штольп прибыл состав грузовых вагонов, буквально переполненный

беженцами. Вид у людей был страшным. Одетые не по-зимнему, некоторые просто в лохмотья, они тряслись от холода. Лица у всех были серыми[126]. Немногие из беженцев могли теперь самостоятельно встать и выбраться из вагона. Никто не разговаривал. Из вагонов стали вынимать маленькие продолговатые кулечки и складывать прямо на платформе. Это были грудные младенцы, замерзшие в вагоне. Среди ужасающей тишины раздался громкий вопль матери, которая никак не могла расстаться со своим умершим ребенком. Людей охватила паника. Один свидетель этих событий вспоминал, что никогда прежде не видел такого горя и страдания.

Спустя неделю мороз еще более усилился. По ночам температура колебалась от минус десяти до минус тридцати градусов по Цельсию. Дополнительно к этому выпало еще полметра снега, что сделало многие дороги практически непроходимыми даже для танков. Тем не менее количество бегущих от русского наступления немцев постоянно росло. Советские войска быстро приближались к столице Силезии, городу Бреслау, который Гитлер объявил очередной "крепостью", и ее необходимо было оборонять до самого последнего человека. Но вскоре громкоговорители на улицах оповестили жителей, что они должны покинуть Бреслау так быстро, как только возможно. Беженцы устремились на вокзал, где давили друг друга в надежде занять свободное место в вагоне. Об эвакуации больных и раненых теперь никто и не думал. Им раздали по гранате, которой необходимо было взорвать себя и хотя бы одного русского. Поезда на запад шли медленно. Путь, который обычно занимал всего три часа, теперь мог продлиться почти сутки[127].

Ильзе, сестра Евы Браун, жила в Бреслау и была одной из тех беженок, которые покинули город на поезде. На вокзале в Берлине она вышла из правительственного вагона и отправилась в отель "Адлон", где в то время располагались апартаменты Евы. Вечером обе сестры присутствовали на ужине в рейхсканцелярии. Ева, которая даже не подозревала, какие ужасы теперь творятся на Востоке, повела поначалу разговор в таком духе, будто Ильзе вернулась из краткосрочного отпуска. Последняя не могла сдержать себя. Она стала рассказывать о том, как беженцы покидали родные дома и шли по глубокому снегу, спасаясь от врага. Ильзе была настолько злой, что обвинила во всех бедах самого Гитлера. Ева была шокирована этим признанием. Кому она могла рассказать о свидетельствах своей сестры, о том, как люди в действительности относятся к Гитлеру? К тому же фюрер настолько добр и любезен с ней, что даже позволил жить в своей резиденции в Бергхофе. Теперь она готова была идти за ним в

огонь и в воду[128].

По официальной нацистской статистике, на 29 января 1945 года около четырех миллионов немцев покинули свои дома и устремились в центр Германии[129]. Но данные были явно преуменьшенными. Через две недели эта цифра увеличилась до семи миллионов[130], а к 19 февраля — до восьми миллионов трехсот пятидесяти тысяч человек[131]. К концу января порядка сорока — пятидесяти тысяч немцев ежедневно прибывали в Берлин на поезде. Но столица рейха была им совсем не рада. Вокзал на Фридрихштрассе стал "транзитом германских судеб"[132], как писал свидетель тех событий. Аморфные массы людей сходили на платформу. Они были настолько подавлены своим горем, что даже не замечали расклеенные повсюду объявления: "Собакам и евреям пользоваться эскалатором категорически запрещается!"[133] Сотрудники Красного Креста вынуждены были принимать энергичные меры, чтобы как можно скорее убрать беженцев с Анхальтского вокзала. Ответственные работники, опасаясь, что беженцы привезут с собой различные инфекционные заболевания, направляли составы вокруг Берлина[134]. Принимались меры к недопущению распространения дизентерии, тифа, дифтерии и других инфекций.

Примечательным является пример с организацией помощи беженцам в Данциге. 8 февраля было объявлено, что в городе находится от тридцати пяти до сорока пяти тысяч беженцев, но следует ожидать четыреста тысяч. Всего два дня спустя официальные лица обнаружили, что в Данциг уже прибыло четыреста тысяч человек, и было неясно, что с ними делать. Беженцы расплачивались за нежелание фюрера признать реальное положение дел. Нацистские чиновники решили организовать нечто вроде шоу, приказав бомбардировщикам сбрасывать грузы с припасами в районы движения колонн с беженцами. Однако те же партийные деятели сразу же стали жаловаться, что самолетам и так не хватает горючего для ведения боевых действий.

Вокруг Данцига начали было организовывать пункты снабжения продовольствием, но их вскоре разграбили солдаты немецких воинских частей, которых самих держали на голодном пайке. Наиболее критическая ситуация с беженцами сложилась в Восточной Пруссии, к берегам которой первый транспортный корабль пришвартовался лишь 27 января. Суда с продовольствием для населения пришли и вовсе только в начале февраля. Естественно, что местные жители и беженцы оказались в отчаянном положении. Попытки снабжать их по воздуху

окончились также безрезультатно. Первый же транспортный самолет с двумя тоннами сухого молока на борту был сбит советской авиацией.

Фронты Черняховского и Рокоссовского прижали остатки трех немецких армий, действовавших в Восточной Пруссии, к самому морю. Левофланговые армии Рокоссовского занимали одну за другой старые тевтонские крепости на восточном берегу Вислы и овладели городом Мариенбургом. Германская армия была вынуждена отойти к устью Вислы. Однако она все еще удерживала за собой косу Фрише-Нерунг. Поэтому беженцы пока могли перебираться на нее по тридцатисантиметровому льду залива Фришес-Хафф и уже оттуда идти к Данцигу. Тем временем правый фланг Рокоссовского вел тяжелые бои с немецкими войсками, пытавшимися прорвать кольцо окружения и выйти на запад.

Гитлера преследовала навязчивая идея во что бы то ни стало удержать оборону в районе Мазурских озер. Он пришел в ярость, когда узнал, что командующий 4-й армией генерал Хоссбах 24 января сдал краеугольный камень всей обороны в этом районе — крепость Лётцен. Даже Гудериана шокировала эта новость. Но Хоссбах, равно как и его непосредственный начальник, генерал Рейнгардт, были убеждены в необходимости выхода из окружения, чтобы избежать в Кенигсберге нового Сталинграда. Атака немецких войск, которая позволила бы прорваться на запад не только воинским частям, но и беженцам, началась в морозную ночь на 26 января. Внезапность контрнаступления позволила оттеснить назад советскую 48-ю армию. Германские войска почти достигли Эльбинга, который все еще оставался в руках немецкой 2-й армии. Но спустя всего три дня упорных боев части Рокоссовского сумели нанести противнику ответный удар и восстановить положение на месте прорыва. Гитлер снял со своих постов и Рейнгардта, и Хоссбаха, войска которых теперь быстрыми темпами отходили к Фришес-Хаффу. К заливу устремились тысячи беженцев.

Между тем войска 3-го Белорусского фронта полностью блокировали Кенигсберг со стороны суши. Значительные силы немецкой 3-й танковой армии теперь были отрезаны от Земландского полуострова, а следовательно, и от единственного доступного балтийского порта Пиллау. В Кенигсберге оставалось приблизительно двести тысяч мирных жителей. Кормить их было практически нечем. Такое положение дел вынуждало ежедневно до двух тысяч женщин и детей совершать по льду ужасное путешествие к переполненному Пиллау. Сотни отчаявшихся людей решались на переход через советскую линию фронта,

надеясь на сомнительное милосердие красноармейцев. Первый пароход из Пиллау, на борту которого находились тысяча восемьсот гражданских лиц и тысяча двести раненых, добрался до рейха без особых проблем[135]. Гауляйтер Кох, обвинив генералов Рейнгардта и Хоссбаха в попытке вырваться из Восточной Пруссии, вскоре сам покинул осажденный район. Перед этим он приказал удерживать Кенигсберг до последнего человека. Побывав в Берлине, Кох возвратился в Пиллау, где развернул непомерно бурную деятельность по организации эвакуации. Однако вскоре он вновь оставил Восточную Пруссию.

Порт Пиллау не был приспособлен для швартовки крупнотоннажных судов, поэтому главным пунктом эвакуации беженцев стала Гдыня (или Готенхафен), расположенная на балтийском побережье немного севернее Данцига. Только 21 января гросс-адмирал Дёниц отдал приказ о начале операции "Ганнибал", которой предусматривалось использование крупнотоннажных судов для перевозок гражданских лиц. 30 января крупнейший лайнер организации "Сила через радость" "Вильгельм Густлов", рассчитанный на две тысячи пассажиров, покинул порт, приняв на борт примерно от шести тысяч шестисот до девяти тысяч человек. Его сопровождал один-единственный военный корабль — торпедный катер. Этой же ночью лайнер был атакован советской подводной лодкой под командованием А.И. Маринеско. Лодка выпустила по "Вильгельму Густлову" три торпеды, каждая из которых достигла цели. Среди изможденных беженцев, находившихся на корабле, возникла паника. Люди, давя друг друга, устремились к спасательным шлюпкам. Но многие лодки разбились о волны либо были опрокинуты самими беженцами, спрыгнувшими за борт и старавшимися забраться в них со всех сторон. Долго в холодной воде никто находиться не мог температура воздуха была минус восемнадцать градусов. Судно пошло ко дну менее чем через час. Погибло, по разным данным, от пяти тысяч трехсот до семи тысяч четырехсот человек. Оставшиеся в живых были спасены кораблями, приведенными к месту трагедии германским тяжелым крейсером "Адмирал Хиппер". Потопление "Вильгельма Густлова" стало самой большой морской катастрофой.

До сих пор российские историки, следуя линии официальной советской историографии, продолжают утверждать, что на борту торпедированного лайнера находилось шесть тысяч гитлеровцев, из которых три тысячи семьсот были подводниками[136]. Но кажется, что наибольшее внимание в России привлекает сегодня не трагедия людей, ставших жертвами советской подводной лодки, а судьба ее капитана Маринеско. Дело в том, что органы

НКВД отказали в присвоении ему звания Героя Советского Союза, поскольку он имел сношения с иностранными гражданами. Маринеско едва избежал военного трибунала, за которым последовало бы неизбежное заключение в ГУЛАГ. И лишь в 1990 году, "накануне 45-й годовщины Победы", ему посмертно было присвоено звание Героя.

Одним из следствий массовой эвакуации немцев стал острый кризис с транспортом и горючими материалами. Было прервано снабжение углем, поскольку вагоны использовались для перевозки беженцев по территории Померании. Во многих местах прекратилась выпечка хлеба. Ситуация стала настолько угрожающей, что вскоре вышло указание использовать грузовые железнодорожные составы в первую очередь не для перевозки беженцев, а для нужд вермахта и топливного снабжения[137]. Такое решение было объявлено 30 января в день двенадцатой годовщины прихода к власти в Германии нацистской партии.

Некоторые немецкие генералы относились к беженцам не как к жертвам мести Красной Армии за вторжение вермахта в СССР, а как к досадной и непредвиденной неприятности. Один из наиболее обласканных нацистским режимом военачальник, генерал Шёрнер, объявил тридцатикилометровую полосу к востоку от Одера зоной, предназначенной только для военных операций. Он также открыто жаловался, что гражданское население скрывается от военной обязанности, и просил фельдмаршала Кейтеля приказать остановить эвакуацию беженцев. Шёрнер считал необходимым принять карательные меры против гражданских лиц, бегущих от Красной Армии.

Впрочем, и руководство нацистской партии относилось к беженцам немногим лучше, чем к узникам концентрационных лагерей. Местные партийные представители, крайсляйтеры, отказывались заботиться о них, особенно если те являлись больными. Три товарных состава, до отказа набитые беженцами, были направлены в Шлезвиг-Гольштейн. Только в одном из поездов находилось три с половиной тысячи человек, в основном женщины и дети. Согласно отчету чиновников, все они находились в ужасающем состоянии[138]. Практически у всех были вши и различные болезни. После выгрузки истощенных людей на платформу на полу открытых вагонов еще оставалось лежать много тел. Они умерли в дороге. Некоторые вагоны по прибытии на станцию назначения и вовсе не разгружались, а сразу прицеплялись к новому локомотиву и отправлялись в другой район. "За исключением этой ситуации, — заключалось в отчете, — в Шлезвиг-Гольштейне сохраняется полный порядок".

Гитлер посчитал хорошей идеей направить часть потока

беженцев в "протекторат" — оккупированную Чехословакию. Он полагал, что чехи, увидев страдания немцев, не будут поднимать восстание против Германии[139]. Однако это решение имело прямо противоположный эффект[140]. Согласно докладу, полученному всего три недели спустя, чехи восприняли прибытие беженцев как еще одно доказательство скорого поражения Германии и, не теряя времени, активизировали подготовку к восстановлению в стране собственной власти во главе с Бенешем.

Кризис национал-социализма, естественно, не обошел своим влиянием и армию. Гитлер убедил самого себя в том, что если поставить во главе Восточного фронта безжалостного и идеологически преданного командующего, то положение там вскоре исправится. Генерал Гудериан вначале не поверил своим ушам, когда услышал, что во главе вновь образуемой группы армий "Висла", призванной держать линию фронта от Восточной Пруссии до остатков группы Рейнгардта в Силезии, поставлен не кто иной, как рейхсфюрер СС Гиммлер. Гудериан понял, что этим назначением фюрер, по сути, начинает реализацию своей угрозы — разрушить существующую систему управления генерального штаба[141] и отомстить "группе интеллектуалов", которые докатились до того, что начинают указывать и "навязывать свою точку зрения непосредственному начальству".

В день назначения Гиммлера на Восточный фронт полковник генерального штаба Ганс Георг Айсман получил приказ прибыть в Шнейдемюль[142]. Он назначался начальником оперативного отдела штаба новой группы армий. Генерал, ответственный за назначения офицеров, объяснил, что группа "Висла" только что образована. Айсман с не меньшим удивлением, чем Гудериан, узнал, что ее командующим будет рейхсфюрер СС.

Айсману ничего не оставалось делать, как тем же вечером отправиться на автомобиле в восточном направлении. Когда они ехали по Райхсштрассе-I, перед глазами полковника в полном объеме предстала картина всеобщего хаоса и огромного горя, свалившегося на людей. Все дороги вокруг были забиты колоннами беженцев, направляющихся с востока. Многие из них, казалось, уже потеряли всякую надежду и двигались без определенной цели.

Айсман надеялся, что, как только он доберется до штаб-квартиры группы, ему удастся составить для себя ясное представление о положении дел. Но вскоре он осознал, что командный пункт Гиммлера представляет собой нечто особенное. В Шнейдемюле он спросил военного регулировщика, как добраться до нового штаба, но не получил ясного ответа. Очевидно, что его расположение было строго засекречено. К

счастью, ему встретился знакомый майор, фон Хазе, который и помог добраться до места назначения.

Штаб группы располагался в специальном поезде — длинном ряду спальных вагонов, к которым были прицеплены платформы с зенитными орудиями. Охрану состава несли подразделения эсэсовских автоматчиков. Молодой и элегантный унтерштурмфюрер СС встретил Айсмана и провел в вагон Гиммлера.

Рейхсфюрер СС сидел за рабочим столом. Завидев Айсмана, он встал и пожал ему руку. Айсман успел заметить, что рука Гиммлера была мягкой, как у женщины. Рейхсфюрер оказался одет не в обычную эсэсовскую форму, а в полевой армейский китель. Тем самым он, видимо, хотел подчеркнуть свое нынешнее положение военного руководителя. Гиммлер казался немного вялым. Выпуклый подбородок и узкие глаза делали его похожим на представителя монголоидной расы. Он подвел Айсмана к столу, где лежала карта боевых действий. Полковник успел заметить, что данные, нанесенные на нее, были устаревшими как минимум на двадцать четыре часа.

"Что мы должны сделать, чтобы закрыть брешь и организовать новый фронт?" — спросил Айсман. Он не в первый раз сталкивался с кризисной ситуацией. В декабре 1942 года он даже летал по приказу Манштейна в "сталинградский котел" и обсуждал оперативные решения с фельдмаршалом Паулюсом.

Гиммлер ответил сразу, практически не задумываясь: "Немедленно контратаковать". Он полагал, что необходимо как можно скорее ударить во фланг русским. В его речи не чувствовалось и толики знаний военного искусства. У Айсмана создалось впечатление, что он имеет дело со слепым, разглагольствовавшим о различных оттенках красок[143]. Полковник спросил, какие боеготовые соединения имеются в распоряжении группы. На этот вопрос Гиммлер не смог ничего ответить. Ему был даже неизвестен тот факт, что 9-я армия существует практически только на бумаге. Ясно стало одно, что рейхсфюрер СС не терпит вопросов, заданных в стиле офицеров генерального штаба.

Как оказалось, командный пункт группы армий "Висла" не имеет не только подготовленных штабных офицеров, но и необходимых служб связи, транспорта и снабжения. Средством общения с внешним миром и отдачи приказов являлся один-единственный штабной телефон. Не было и никаких других операционных карт за исключением той, которая лежала на столе у Гиммлера. Даже генералы, которым ранее пришлось побывать в тяжелейшем положении, видеть хаос и неразбериху, творящиеся

среди штабного командования, удивлялись степени некомпетентности и безответственности "гитлеровской камарильи".

Гиммлер был убежден в необходимости срочного контрудара. Причем он намеревался вводить в бой войска по частям — разрозненными подразделениями. Айсман предложил поручить это дело командиру дивизии, который по крайней мере имеет в своем распоряжении хоть какое-то штабное управление. Но рейхсфюрер не согласился с этим и приказал произвести удар силами целого корпуса. Он назначил его командующим обер-группенфюрера Демлхубера (армейские офицеры дали этому эсэсовцу прозвище Тоска, по названию хорошо известного одеколона, которым тот пользовался). Руководство корпуса было тотчас же сформировано, и на следующий день Демлхубер принял командование. Он не был особо рад поставленной перед ним задаче. Обергруппенфюрер имел несколько больший военный опыт, чем Гиммлер, и знал, какие трудности стоят перед ним. Контрудар (если его вообще можно было так назвать), как и следовало ожидать, с треском провалился. Демлхубер стал одним из немногих генералов СС, которого сняли со своего поста за военную неудачу. Эта отставка спровоцировала злую шутку, распространившуюся среди фронтовых офицеров, в которой говорилось, что хотя Тоска оказался неудачником, но зато ему теперь не придется плясать под дудочку гитлеровской камарильи.

Начальником штаба группы армий "Висла" был назначен еще один эсэсовец бригаденфюрер Ламмердинг, который ранее командовал танковой дивизией СС "Рейх". Несмотря на то что Ламмердинг являлся хорошим фронтовым командиром, он не имел практически никакого опыта штабной работы и к тому же не умел идти на компромисс. Тем временем неослабевающее советское наступление вынудило Гиммлера отвести свою ставку из Шнейдемюля дальше на север — в Фалькенбург. Шнейдемюль, равно как и Познань, были объявлены Гитлером "крепостями" и предоставлены собственной судьбе. Для обороны "крепости" Шнейдемюль Гиммлер оставил восемь батальонов фольксштурма, несколько инженерных подразделений и части крепостной артиллерии. Все было сделано в соответствии со словами фюрера: там, куда однажды ступила нога немецкого солдата, ни о какой сдаче противнику речи идти не может[144]. Барон Еско фон Путкамер, землевладелец, угрожавший зарезать толстобрюхого нацистского чиновника, являлся как раз командиром одного из батальонов фольксштурма, направлявшегося поездом в Шнейдемюль. Сам барон и его помощники были одеты в униформу образца еще Первой мировой войны и имели на

вооружении старые пистолеты. Подчиненные им фольксштурмовцы, в основном крестьяне и мелкие лавочники, и вовсе не имели никакого оружия. Их поезд вышел со станции Штольп, проследовал мимо состава Гиммлера и продолжал двигаться дальше к фронту. Внезапно он был обстрелян советскими танками. Машинист сумел остановить поезд и сдать назад. Когда опасность миновала, Путкамер приказал своим людям выйти из вагонов. Но он повел их не по дороге на фронт, а обратно в Штольп. Барон не хотел, чтобы солдаты бесцельно сложили свои головы. Когда фольксштурмовцы возвратились домой, местные жители встретили их почти как героев и приветствовали на главной площади города, Но Путкамер пошел в свой особняк с тяжелым сердцем. Он снял и убрал подальше старую униформу, которая была теперь опозорена такими людьми, как Гитлер и Гиммлер[145].

Глава пятая
Наступление к Одеру

К началу четвертой недели января Берлин уже пребывал в состоянии, близком к истерии[146]. Его экономическая жизнь была полностью дезорганизована. За одну ночь теперь объявлялось по две воздушные тревоги. Беженцы с востока рассказывали страшные свидетельства о судьбе тех немцев, которые попали в руки Красной Армии. Венгрия, последний союзник нацистской Германии, теперь открыто переходила на сторону Советского Союза, и ходили слухи, что советские танки вот-вот прорвутся к столице рейха. Восточный фронт практически полностью развалился. Однако простые солдаты надеялись, что русские будут расстреливать только офицеров. Рабочие и мелкие служащие также рассчитывали на то, что красноармейцы не причинят им вреда.

Самая точная информация о ситуации на фронте поступала от работников железнодорожного транспорта. Часто они знали лучше офицеров генерального штаба, до какого именно пункта уже успели продвинуться войска противника. Все больше немцев отваживались теперь слушать радио Би-би-си, пытаясь составить для себя реальную картину событий. Они, безусловно, рисковали, так как соседи могли донести на них в гестапо. Тогда их ждал концентрационный лагерь. Еще много немцев продолжали верить каждой передаче, подготовленной для них в так называемом "Проми" — министерстве пропаганды Германии.

Общественный транспорт пока продолжал действовать, и люди каждый день вставали и отправлялись на работу, добираясь до нее по узким дорогам, расчищенным от обломков. Но большинство берлинцев, оказавшись на своем рабочем месте, снова ложились спать. Делать теперь практически было нечего. Спальный чемоданчик стал неотъемлемым предметом обихода почти каждого жителя столицы. Владельцам уцелевших квартир теперь приходилось обзаводиться дополнительными кроватями или раскладушками, чтобы разместить на них своих родственников или друзей, дома которых были разбомблены союзной авиацией. Наиболее информированные берлинцы обсуждали возможные пути эвакуации из столицы. Рассказы беженцев с востока стали причиной распространения слухов, что первой целью русских являются обеспеченные слои населения землевладельцы и капиталисты. Советская пропаганда действительно не уставала призывать к искоренению как

национал-социализма, так и "юнкерского милитаризма".

Те, кто все же решил бежать из Берлина, должны были быть крайне осторожными. Дело в том, что Геббельс заявил, что люди, самовольно оставившие столицу, будут считаться дезертирами. Прежде всего жителям необходимо было обзавестись разрешением на проезд. Но для этого должна иметься веская причина — например, срочная работа в интересах обороны за пределами Берлина. Большинство из тех, кому удавалось добиться такого официального разрешения, получали на прощание тихий совет от своих родственников и знакомых: "Не возвращайся назад, оставайся там"[147]. Почти все берлинцы мечтали уехать в деревню, где еще имелось достаточно продуктов и не было бомбежек. Некоторые даже рассматривали возможность купить фальшивый паспорт, а иностранные дипломаты вдруг заметили, что стали необычайно популярны среди горожан. В наилучшем положении оказались сотрудники различных министерств — большинство ведомств эвакуировали теперь на юг Германии[148].

По мере приближения советских войск к Берлину в Германии усилились репрессии и возросло число экзекуций[149]. 23 января, в день, когда советские войска пересекли старую границу рейха, были казнены еще несколько членов немецкого сопротивления, связанных с июльским заговором 1944 года. Приговор привели в исполнение в тюрьме Плётцензее. В число жертв нацистского режима вошли граф Гельмут фон Мольтке, Ойген Больц и Эрвин Планк, сын нобелевского лауреата, физика Макса Планка.

Новый лозунг Геббельса: "Мы победим, потому что мы должны победить" вызвало среди немцев презрение, смешанное с чувством отчаяния. Большинство из них просто не понимало, куда катится их страна. Но хотя теперь только неисправимые фанатики верили в "окончательную победу Германии", основная масса населения продолжала покорно подчиняться нацистскому руководству. Люди просто не знали или не представляли, как можно жить иначе. Безжалостная геббельсовская пропаганда убивала любую попытку проявить свободомыслие.

Геббельс, который занимал сразу два поста — министра пропаганды и рейхскомиссара, ответственного за оборону Берлина, — был самым ярым сторонником ведения тотальной войны на уничтожение. Он не уставал посещать войска на фронте, произносить речи, инспектировать части фольксштурма и принимать их парады. Основная масса населения Гитлера теперь не видела. Он полностью исчез из хроники новостей. Последняя его речь по радио была произнесена 30 января, в день двенадцатилетней годовщины нацистского режима. Его голос был

настолько слаб, что это заметили буквально все. Неудивительно, что поползли слухи о подмене фюрера. Многие считали, что настоящий Гитлер либо уже мертв, либо взят под стражу. Общественность ничего не знала и о местонахождении главы государства — находился ли он в Берхтесгадене или в Берлине? И пока Геббельс навещал жертв бомбовых ударов, зарабатывая тем самым для себя дополнительную популярность, фюрер не желал даже смотреть на свою разрушенную столицу.

Исчезновение Гитлера из общественной жизни, с одной стороны, произошло по его собственному желанию, а с другой — по причине невозможности показывать его на людях. Эфицеры, посещавшие рейхсканцелярию фюрера и не видевшие его со времени прошлогоднего покушения, в один голос говорили о том, как сильно изменился внешний вид Гитлера. "Он стал таким сгорбленным, рассказывал помощник Гудериана майор Фрайтаг фон Лорингхофен, — что порой кажется, он хочет подпрыгнуть"[150]. Когда-то сверкающие глаза теперь помутнели. Бледная кожа на лице стала почти серой. Когда фюрер входил в кабинет, где его ожидали военные, всем было видно, как он хромает на левую ногу. Его рукопожатие стало слабым. Часто он был вынужден придерживать левую руку, чтобы она не тряслась. В пятьдесят лесть лет Гитлер выглядел практически стариком. Фюрер потерял также возможность блеснуть перед собравшимися своим удивительным качеством держать в уме многие детали дела и относящиеся к нему статистические данные. И самое равное — теперь он не мог доставить себе удовольствие наблюдать, как его помощники и заместители грызут друг другу глотки за место у его трона. Вокруг себя фюрер видел сейчас одни только измены и предательства.

Офицеры генерального штаба, ежедневно посещавшие рейхсканцелярию, были хорошо осведомлены об антиармейских настроениях, распространявшихся в бункере фюрера. Приезжая к Гитлеру из Цоссена, Гудериан проходил мимо вооруженного караула эсэсовцев. Как только он и его помощники заходили в помещение, им немедленно предлагали раскрыть свои портфели для проверки. Затем у них отбираюсь личное оружие. Унизительнее всего было стоять под пристальным взглядом охранников, которые с подозрением рассматривали любую выпуклость на одежде генерала.

Армейским офицерам, заходя в рейхсканцелярию, следовало забыть о том, как отдается честь в вермахте, а салютовать истинным "германским приветствием" — выкидывая руку вперед и вверх. Для многих армейцев этот жест былнепривычным, и поначалу их рука тянулась к голове. Но заем, остановившись на

полпути, она все же вытягивалась вперед. Фрайтаг фон Лорингхофен в нацистской канцелярии чувствовал себя чрезвычайно неуютно. Его предшественник на этом посту был казнен за участие в июльском покушении. Кроме того, его двоюродный брат, полковник барон Фрайтаг фон Лорингхофен, также подозревался в заговоре. Но тот успел покончить жизнь самоубийством.

Рейхсканцелярия была почти пустой. Картины, ковры и мебель были убраны. Повсюду виднелись результаты бомбежек — трещины на потолке, разбитые стекла, забитые фанерой окна. Однажды Фрайтаг встретил в коридоре, ведущем в комнату для военных заседаний, двух женщин. Они были хорошо одеты и имели красивые прически. Фрайтаг сильно удивился такой фривольности, которая совсем не подходила для этого места. Он обернулся к сопровождавшему его адъютанту Кейтеля и спросил его, кто это такие.

"Одна из них Ева Браун".

"А кто такая Ева Браун?" — снова удивился Фрайтаг.

"Она — любовница фюрера, — улыбнулся адъютант. — А вторая — ее сестра, которая замужем за Фегеляйном"[151].

Фрайтаг фон Лорингхофен счел за лучшее далее не задавать лишних вопросов. Вряд ли кто еще за пределами рейхсканцелярии слышал об этих женщинах, даже те офицеры, которые регулярно приезжали сюда из Цоссена.

Фрайтаг, конечно же, знал Фегеляйна, связного офицера Гиммлера, и находил его "страшно вульгарным типом, с ужасным мюнхенским акцентом и дурными манерами". Фегеляйну ничего не стоило прервать посередине речь какого-нибудь генерала. Он пытался влезть в любое дело, которое его не касалось. Но, несмотря на все это, Фрайтаг фон Лорингхофен старался добиться его расположения. У него был тайный умысел. Одного из друзей Фрайтага арестовали и посадили в подвал гестапо. Он числился в списке подозреваемых в заговоре против Гитлера. Фрайтаг как-то сказал Фегеляйну, что абсолютно уверен в непричастности своего друга в покушении на фюрера, и попросил выяснить, что именно ему инкриминируют. К удивлению Фрайтага, Фегеляйн согласился узнать, в чем дело. Но что еще больше поразило помощника Гудериана — его друга вскоре выпустили на свободу.

Фегеляйн, офицер СС, отличившийся в боях против югославских партизан, был чрезвычайно самовлюбленным человеком. Ему, конечно, доставляло искреннее удовольствие использовать свои солидные связи, которые проистекали, во-первых, из его должности связного офицера Гиммлера, а во-

вторых, из его близости к самому Гитлеру. Он стал очень близок и к Еве Браун; с которой прогуливался верхом на лошадях и танцевал на различных вечеринках. Некоторые уже подозревали, что между ними что-то происходило — хотя это маловероятно. Ева целиком посвятила себя Гитлеру, а Фегеляйн не был настолько сумасшедшим, чтобы рисковать всем, вступив в интимную связь с любовницей фюрера. 3 июня 1944 года, накануне высадки союзников в Нормандии, Гитлер являлся свидетелем на свадьбе Фегеляйна с младшей сестрой Евы Браун — Гретл, После этого Фегеляйн стал одним из самых приближенных к фюреру людей.

Удивительно, что окружение Гитлера могло одновременно быть и исполнительным, и коррумпированным. Некомпетентность и хаос среди ответственных лиц скрывались под лаской их показной лояльности фюреру и фальшивого единства мнений. Менталитет этих людей не позволял им упускать любую подвернувшуюся возможность добиться власти. И по мере того, как здоровье Гитлера ухудшилось, внутри круга его соратников стали плестись различные интриги. Геринг, Геббельс, Гиммлер и Борман — каждый из них уже видел себя преемником Гитлера. Они убедили себя, что внешний мир, несомненно, воспримет любого другого руководителя рейха, если к тому времени у Германии останется хоть какая-либо территория.

К концу третьей недели января войска маршала Конева, захватив Краков и Радом, волной накатились на Силезию. Получив инструкцию от Сталина сохранить нетронутыми заводы Верхней Силезии, Конев решил провести не полное, ачастичное окружение немецких сил в районе Катовице и Ратибора. В результате для германских частей оставался бы свободным путь на запад. 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко, наступавшая изначально на Бреслау, получила неожиданный приказ повернуть резко на юг, на Опельн, а затем продвигаться вдоль правого берега Одера. С востока немецкие войска уже теснили 21-я, 59-я и 60-я армии.

В ночь на 27 января дивизии немецкой 17-й армии были вынуждены начать быстрый отход из Верхней Силезии к Одеру. Танки генерала Рыбалко теперь действовали как стационарные артиллерийские орудия, уничтожая бегущих германских солдат. Советские боевые машины были закамуфлированы достаточно странным образом. Броню покрывала белая ткань, захваченная на текстильных фабриках Силезии[152].

Через два дня "золото" Силезии было в советских руках. Для Германии это стало тяжелейшим ударом. Прогноз Шпеера на выпуск немецкой военной продукции, представленный

германским военачальникам всего две недели назад, теперь лежал в руинах. Это осознал и сам Шпеер. По его мнению, поражение Германии стало теперь вопросом всего нескольких недель. Потеря индустриального региона в Силезии нанесла Германии, пожалуй, даже больший удар, чем все союзные бомбардировки Рура в течение последних двух лет.

Самым удивительным здесь являлось то, что отход из Силезии был одобрен самой ставкой Гитлера. Фюрер заменил генерала Харпе на своего фаворита генерала Шёрнера. Шёрнер, убежденный нацист, придерживался принципа "сила через страх"[153]. Он получал удовлетворение лишь тогда, когда немецкие солдаты больше боялись его самого, чем русских.

17-я армия избежала окружения, но в Верхней Силезии осталось огромное количество мирного населения. У людей, особенно стариков, просто не нашлось другого выхода. Зачастую вдовы не хотели покидать могилы своих мужей, а домовладельцы — свое имущество, которое принадлежало их семье многие поколения. Они чувствовали, что если они покинут родные места, то больше никогда уже сюда не вернутся. Одна шведка, которая оказалась в советском тылу, впоследствии рассказала в шведском посольстве о поведении солдат Красной Армии. По ее словам, в некоторых местах красноармейцы "вели себя корректно"[154], однако в основном гитлеровская пропаганда о Красной Армии оказалась правдивой. Женщина добавила, что ее это не удивляет после всего того, что немцы натворили в России. Советские войска вели себя в Германии практически так же безжалостно, как и немцы в СССР. Советским солдатам повсюду мерещились "партизаны". Офицеры одной из стрелковых рот приказали уничтожить все население немецкой деревни, когда обнаружили на ее улице убитого красноармейца.

Быстрое продвижение войск 1-го Украинского фронта создавало советскому командованию большие проблемы в тылу. Полкам НКВД, ответственным за наведение порядка в захваченных областях, часто приходилось вступать в тяжелые бои с остатками немецких частей, прорывающимися на запад. Охрану тыла необходимо было срочно реорганизовывать. Генерал Карпов, командир одного из полков НКВД, 26 января жаловался Мешику, командующему силами НКВД фронта, что существующих трех полков для охраны тыла совершенно недостаточно. Территория, которую им приходится зачищать, имеет пересеченный характер и изобилует лесными массивами. Требуются дополнительные войска и грузовые машины для поддержания в безопасности коммуникаций фронта[155]

Тем временем в центре фронта маршала Конева 5-я

гвардейская армия сумела быстро продвинуться вперед и с ходу занять плацдарм на левом берегу Одера в районе Олау — между Бреслау и Опельном. На правом фланге 1-го Украинского фронта 4-я гвардейская танковая армия генерала Лелюшенко захватила еще один плацдарм в районе Штейнау — северо-западнее Бреслау. Хотя сам Штейнау еще некоторое время оборонялся курсантами из находившейся в нем школы унтер-офицеров. Танкисты Лелюшенко хорошо подготовились к наступлению. Всю прошлую осень они тренировались поражать тяжелые немецкие танки "тигр". Мощность советских башенных орудий, ранее уступавшая по некоторым показателям немецким танковым пушкам, теперь значительно возросла. После форсирования Одера экипажи советских бронемашин продолжили тренировки в меткости стрельбы. Теперь их целью были немецкие пароходы, пытающиеся вырваться из Бреслау.

Немецкому командованию удалось остановить наступление советской 169-й стрелковой дивизии на Бреслау и тем самым организовать прочную оборону столицы Силезии. Гитлер объявил, что отныне она будет именоваться "крепость Бреслау". Узнав, что русские захватили плацдарм на Одере в районе Штейнау, фюрер приказал генералам Заукену и Нерингу немедленно контратаковать. Он не брал в расчет, что немецкие войска в этом районе оказались совершенно деморализованы предыдущим стремительным отступлением из Польши и практически были не в состоянии вернуть утраченные позиции.

Многих беженцев из Бреслау, отправившихся в путь на пароходах, потопили советские танкисты. Однако и судьба тех, кто покинул город пешком, также была ужасной. Все мужчины, не призванные в армию или фольксштурм, женщины и дети оказались предоставлены самим себе. Громкоговорители объявили, что всем гражданским лицам необходимо срочно покинуть город. Испуганные женщины, которым не хватило места в переполненных вагонах поездов, стали выходить из города пешком. Матери брали с собой сухое молоко, термосы с горячей пищей, чтобы как-то кормить своих детей. Они также надеялись, что в пути будут организованы пункты помощи беженцам, как это было объявлено официальными представителями нацистской партии.

Однако, выйдя из Бреслау, женщины обнаружили, что никаких пунктов помощи нет и в помине. Для эвакуации не было предоставлено почти никакого автомобильного транспорта, поэтому все шли пешком. Снег на дороге оказался настолько глубоким, что матерям приходилось бросать свои повозки и брать маленьких детей на руки. На ледяном ветру горячая пища, даже

та, которая находилась в термосах, быстро остывала. Оставался только один способ накормить младенцев — своей грудью. Но женщины не могли обнаружить в пути никакого подходящего для этого места. Все дома были наглухо заколочены. Их обитатели либо уже покинули свой кров, либо просто не хотели никому открывать. В отчаянии матери пытались кормить малышей грудью прямо на улице. Но это не приводило ни к чему хорошему. Младенцы отказывались от молока, а у женщин поднималась температура. Некоторые из них просто заморозили свои груди. Одна молодая женщина писала матери о том, как умер в пути ее грудной ребенок. Она также рассказала о судьбе других несчастных женщин, которые кричали в отчаянии над кулечками с замерзшими малышами. Другие просто садились без сил возле какого-нибудь дерева и тупо смотрели перед собой. Более взрослые дети стояли неподалеку и не могли понять — то ли их мать лишилась чувств, то ли уже умерла". Хотя на таком морозе это не имело практически никакой разницы.

Войска 1-го Белорусского фронта продвигались вперед еще большими темпами. Жуков приказал не ввязываться в бой с сильным противником, а обходить его узлы обороны, Скорость наступления должна была достигать семидесяти — ста километров в день[156]. Еще 25 января Жукову позвонил Сталин. Он отметил, что, когда фронт достигнет Одера, его передовые войска будут отстоять более чем на сто пятьдесят километров от частей 2-го Белорусского фронта[157]. Этого нельзя допустить. Сталин сказал, что Жуков должен подождать, пока Рокоссовский завершит Восточно-Прусскую операцию и форсирует Вислу. Верховный Главнокомандующий был обеспокоен возможностью немецкой контратаки против правого фланга войск 1-го Белорусского фронта со стороны Померании — с так называемого "Балтийского балкона". Жуков умолял Сталина позволить ему продолжить операцию. Если он будет ждать Рокоссовского еще десять дней, пока тот закончит дела в Восточной Пруссии, то немцы сумеют организовать оборону по линии фортификационных укреплений в районе Мезереца. Сталин неохотно, но согласился с доводами Жукова.

Армии Жукова шли теперь по земле так называемого Вартеланда территории Западной Польши, захваченной немцами еще в 1939 году и включенной в состав рейха. Гауляйтером Вартеланда был Артур Грайзер — твердокаменный расист, даже по нацистским стандартам. Подчиненная ему территория стала ареной ужасающих насилий над мирными жителями. Более семисот тысяч поляков навсегда потеряли свои дома и владения, в которых теперь обосновались так называемые "фольксдойче" —

немцы, жившие в различных регионах Центральной и Юго-Восточной Европы. Поляки были выброшены из родных мест, как хлам, без всякой надежды найти новое жилье и работу. Отношение к местному еврейскому населению было еще хуже. Более ста шестидесяти тысяч из них оказались в гетто, расположенном в городе Лодзь[158]. Те, кто не умер там, были замучены затем в концентрационных лагерях. К моменту прихода советских войск живых в городе оставалось только восемьсот пятьдесят евреев.

Желание поляков отомстить было настолько велико, что это стало даже вредить сбору разведывательной информации. Начальник управления НКВД 1-го Белорусского фронта Серов жаловался Берии, что солдаты 1-й армии Войска Польского относятся к немецким военнослужащим особенно жестоко[159]. Он докладывал, что захваченные немецкие пленные часто не доходят до места сбора. Их расстреливают по дороге. Например, на участке 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии поляками были взяты в плен восемьдесят германских солдат, но только двое из них добрались до штаба. Всех остальных убили в пути. После того как эти двое счастливчиков были допрошены полковым начальством, их отправили в разведотдел. Но до него они так и не дошли. Их также расстреляли неподалеку от штаба.

Рискованное решение Жукова продвигать как можно быстрее вперед две свои танковые армии целиком оправдало себя. Немцам так и не был предоставлен шанс организовать нормальную оборону. На правом фланге 1-го Белорусского фронта действовали 3-я ударная, 47-я, 61-я армии и 1-я армия Войска Польского. Они были нацелены на Бромберг и Шнейдемюль и имели задачу прикрытия ударных сил Жукова со стороны Померании. 2-я гвардейская танковая армия Богданова и следующая за ней 5-я ударная армия Берзарина действовали в центре фронта, тогда как 1-я гвардейская танковая армия Катукова продвигалась на левом фланге в направлении Познани. Однако город Познань был совсем не похож на Лодзь. Достигнув Познани 25 января, Катуков сразу понял, что с ходу город взять не удастся. Поэтому он двинул танки дальше на запад, как того и хотел Жуков. Захват Познани поручался теперь 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова. Тому вряд ли понравилась новая задача, которая, видимо, еще более усилила его нелюбовь к Жукову.

Гауляйтер Грайзер, подобно Коху в Восточной Пруссии, также покинул свою столицу, одновременно приказав оборонять ее до последнего человека. По причине того, что он запрещал начало массовой эвакуации вплоть до 20 января, почти половина мирных жителей еще оставались к этому времени на своих местах.

Василий Гроссман, находившийся при штабе 8-й гвардейской армии, отмечал пристальные взгляды немцев, тайно наблюдавших из-за занавесок домов за проходящими советскими колоннами[160].

Там действительно было на что посмотреть. Пехота ехала в основном на кочных повозках. Бойцы курили махорку, ели, пили, играли в карты. Повозки были декорированы различными коврами, возничие сидели на толстых матрасах. Солдаты больше не ели сухой паек. Они питались свининой, индейками, курами. Впервые за время войны их лица стали розовыми и толстощекими. Гроссман видел многих возвращающихся домой германских беженцев, двигавшихся вслед за советскими танками. Они шли пешком. Их лошади были уже отобраны поляками, которые не упускали любой возможности, чтобы ограбить немцев. Гроссман, как и большинство советских граждан, мало знал о том, что случилось с Польшей в 1939 и в 1940 годах. И он слабо представлял, почему поляки ненавидят немцев так же сильно, как и советские люди. Секретный протокол между Сталиным и Гитлером, разделивший страну на две части в 1939 году, был известен только немногим посвященным.

Гроссман не останавливался перед тем, чтобы записать в свой дневник даже самые неудобные факты, которые ему удалось наблюдать, даже если потом он и не собирался их нигде публиковать. Он записал рассказ о двухстах пятидесяти советских девушках, угнанных немцами в Германию из Ворошиловградской, Харьковской и Киевской областей. Начальник политуправления армии сказал ему, что этих девушек нашли практически без одежды. Все они оказались покрыты вшами, а их животы вздулись от голода. Но затем один офицер из фронтовой газеты сообщил ему, что эти девушки были достаточно хорошо и опрятно одеты. Но когда сюда пришли советские солдаты, то они сняли с них всю одежду и отняли все припасы.

Гроссман отметил в дневнике, что освобожденные из немецкой неволи советские девушки часто жаловались на то, что красноармейцы насилуют их. Одна из них сказала ему в слезах, что ее насиловал уже пожилой солдат, который годился ей в отцы. Однако и Гроссман отказывался верить в то, что все эти ужасные вещи могли совершать фронтовики.

Солдаты на передовой день и ночь продвигались вперед, несмотря на вражеский огонь. Они боролись за святое дело, и их помыслы были чистыми. Гроссман добавлял, что акты насилия, грабежа, пьянства совершались солдатами из тыловых обозов.

Уличные бои в Познани предвосхитили то, что затем происходило в Берлине. Гроссману, проведшему немало времени

в окопах Сталинграда, было весьма интересно понаблюдать за тем, как собирается брать Познань генерал Чуйков. Именно Чуйкову, одному из командующих советскими частями в Сталинграде, принадлежала фраза: "Сталинград — это академия уличных боев". Гроссман вспоминал, что главным результатом сражения в Сталинграде было то, что советским войскам удалось проявить силу своей пехоты и подчеркнуть уязвимость немецкой военной техники. Но теперь "академик" Чуйков был поставлен в такое же положение, что и немцы в Сталинграде. Генерал безжалостно атаковал врага в Познани, применяя огромную мощь военной техники и используя малые силы пехоты.

Гроссман провел некоторое время с Чуйковым во время боев за Познань. Чуйков расположил свой штаб на втором этаже реквизированной для военных нужд виллы[161]. В комнате, освещенной яркой лампой, было достаточно холодно. Телефоны беспрестанно звонили. Командиры частей докладывали боевую обстановку. В перерывах между телефонными переговорами Чуйков вспоминал, каким образом ему удалось разрушить немецкую оборону в районе Варшавы.

Выслушав очередной доклад, Чуйков обращался к карте и просил офицера на другом конце провода немного подождать, пока он наденет очки[162]. Гроссман вспоминал, что очки на его суровом и жестком лице выглядели достаточно странно. Он мог быть добродушным со своим окружением, но когда был зол на какого-нибудь подчиненного, то часто пускал в ход кулаки[163]. Гроссману удалось присутствовать при одном телефонном разговоре, когда Чуйкову доложили, что немцы пытаются прорваться из окружения. В ответ тот прокричал в трубку, что пусть немцы прорываются на запад. Когда они выйдут из города, их перебьют, как жуков. Немцы найдут там свою смерть. Никому не удастся уйти живым,

Чуйков все это время не переставал обижаться на решение Жукова оставить его для взятия Познани. Он саркастически удивлялся, как это столь опытная советская разведка могла упустить из виду такую деталь, что Познань является первоклассной военной крепостью. "Неужели никто не знал, что она является одной из самых мощных крепостей во всей Европе? Мы думали, что можем взять ее с марша. Но этого не получилось".

Пока Чуйков занимался Познанью, часть его армии вместе с 1-й гвардейской танковой армией продолжала двигаться в направлении мезерецкой линии обороны, восточнее Одера. Главной проблемой для советских войск стало теперь не германское сопротивление, а недостаточное снабжение передовых соединений. Железнодорожное полотно, как правило,

уничтожалось немцами во время отступления. К тому же ширина колеи была уже, чем в Советском Союзе. В результате все снабжение войск осуществлялось грузовыми автомобилями — в основном американскими "студебекерами". Показательно, что в российской историографии достаточно мало уделялось внимания тому факту, что не будь поставок этих американских грузовиков по ленд-лизу, то наступление Красной Армии развивалось бы значительно медленнее. И могло так случиться, что западные союзники достигли бы Берлина раньше, чем советские войска.

Почти каждый советский ветеран, сражавшийся в Германии, помнит тот момент, когда его часть пересекла довоенную границу Германии 1939 года. Старший лейтенант Клочков, ветеран 3-й ударной армии, рассказывал: когда его подразделение вышло из некоего леса, то он и его бойцы вдруг увидели прибитую к столбу доску[164]. На ней было написано, что здесь начинается территория Германии. Советские солдаты входили на территорию гитлеровского рейха. Они с любопытством смотрели по сторонам. Германские деревни сильно отличались от польских. Многие дома были построены из кирпича или камня. Вокруг них аккуратно посажены фруктовые деревья, разбиты палисадники. Дороги находились в хорошем состоянии. Клочков, как и многие его боевые товарищи, не мог понять, зачем немцам, которых не назовешь глупыми людьми, нужно было так рисковать всем этим благосостоянием и вторгаться в Советский Союз.

От Познани Василий Гроссман пошел дальше к германской столице вместе с частью сил 8-й гвардейской армии. Политуправление армии повсюду вдоль дороги развесило плакаты: "Трепещи от страха, фашистская Германия, пришел час расплаты!"[165]

Гроссман был вместе с армией, когда ее бойцы грабили город Шверин. Все, что увидел, он записал в походную записную книжку. "Город был в огне, но грабежи продолжались… Из окна горящей квартиры выпрыгнула женщина… Пожары продолжались всю ночь… К коменданту города пришла женщина, одетая в траур, и молодая девушка. Лицо, шея, руки девушки были покрыты синяками. Слабым голосом женщина рассказала, что эту девушку изнасиловал солдат из штабной роты связи. Тот солдат также присутствовал здесь. У него было толстое красное лицо и заспанные глаза. Комендант города вел допрос всех троих присутствовавших"[166].

Гроссман отмечал ужас в глазах германских женщин и девушек. С ними теперь творились страшные вещи. Один образованный немец, коверкая русские слова, рассказал, что его жену изнасиловали в этот день сразу десять солдат. Советские

девушки, освобожденные из лагеря, испытали ту же участь. Ночью некоторые из них нашли прибежище в комнате, предоставленной для военных корреспондентов. Посреди ночи вдруг раздался пронзительный крик. Один из корреспондентов вступился за девушек. Произошла дикая ругань между ним и солдатами, но порядок был восстановлен. Позднее Гроссман записал то, что услышал о судьбе одной молодой немецкой матери. Ее постоянно насиловали в сарае на ферме. Родственники молодой матери подошли к солдатам и попросили их оставить женщину в покое, поскольку ее ребенку пора кормиться грудью и он постоянно плачет. Все это творилось рядом с различными воинскими штабами и на глазах многих офицеров, ответственных за наведение порядка.

30 января, в день, когда Гитлер произнес свою последнюю речь к германской нации, представители немецкого командования осознали: то, чего они так боялись — непосредственной угрозы столице рейха, — является уже свершившимся фактом. Передовые части Жукова не только беспрепятственно преодолели мезерецкую зону обороны, но находились уже в пределах одного броска от Одера. В 7 часов 30 минут на командный пункт группы армий "Висла" поступило сообщение, что вся дорога от города Лансберг заполнена вражескими танками[167]. В этот район вылетела авиационная разведка.

Гиммлер настаивал на том, чтобы туда был срочно послан батальон танков "тигр" — единственный резерв, которым он располагал. Протест штабных офицеров не оказал на него никакого эффекта, поскольку рейхсфюрер убедил себя, что всего один батальон может разгромить целую советскую танковую армию[168]. Однако пятидесятитонные немецкие бронированные монстры были обстреляны советскими танками еще до того, как их сумели выгрузить с железнодорожных платформ. Батальон "тигров" понес тяжелые потери, а сам поезд вскоре отогнали назад, к Кюстрину. Гиммлер хотел отдать командира батальона под трибунал. Но в конце концов его убедили, что танки вовсе не приспособлены вести бой прямо на железнодорожной платформе, причем с наступающими и мобильными частями противника.

В период этого кризиса Гиммлер решил взять пример со Сталина и издать распоряжение, напоминающее по своей сути знаменитый советский приказ № 227 ("Ни шагу назад"), изданный в июле 1942 года. Германская версия документа была названа "Смерть и наказание за отказ выполнять свои обязанности"[169]. В нем присутствовали также слова, которые были призваны поднять боевой дух немецких солдат. "После тяжелых испытаний

последних нескольких недель, говорилось в тексте приказа, — настанет день, когда территория Германии будет снова свободной". Еще один приказ запрещал немецким женщинам под страхом смерти кормить отступающие войска[170]. Более того, Гиммлер счел нужным заявить: "Бог никогда не покидал наш народ, и он всегда помогал смелым и мужественным людям в час тяжелых испытаний"[171]. В ситуации, в которой оказались к тому времени Германия и ее население, это утверждение выглядело более чем вызывающим[172].

Гиммлер решил также провести показательные экзекуции. Одновременно с изданием упомянутых приказов он решил казнить начальника полиции города Бромберг за то, что тот посмел оставить свой пост. Еще один бургомистр был повешен через несколько дней в городе Шведт-на-Одере — тот покинул свой город без разрешения на эвакуацию.

Двенадцатая годовщина прихода к власти нацистов совпала со второй годовщиной разгрома немцев под Сталинградом. Берия был осведомлен о том, какие разговоры ведутся в заключении между пленными немецкими военачальниками — фельдмаршалом Паулюсом, генералом Штрекером и генералом фон Зейдлицем. В помещении, где они находились, вмонтировали специальный микрофон.

Берия получал информацию, что пленные немецкие генералы находились в плохом расположении духа[173]. Их привела в ужас речь Черчилля в палате общин, в которой он поддержал сталинское предложение о том, что Польша должна получить территориальную компенсацию за счет Восточной Пруссии и других германских областей. Немецкие генералы теперь чувствовали, что их дальнейшее нахождение в составе национального комитета "Свободная Германия", контролируемого советской стороной, становится более невозможным. Фельдмаршал Паулюс в этой связи даже признал, что политика нацистов в территориальном вопросе представляется даже более позитивной, поскольку они стараются сохранить целостность Германии.

Даже генерал Зейдлиц, который предлагал переброску антинацистски настроенных немецких военнопленных в Германию для того, чтобы организовать там революцию, теперь отмечал, что отбирать у Германии земли ради создания против нее защитного барьера — нечестно. Все немецкие генералы, попавшие в советский плен, теперь осознали, что Комитет германских офицеров, объединивший противников нацизма, был создан и использовался Советским Союзом только для своих собственных целей. Генерала Зейдлица продолжал мучить вопрос,

правильный ли он сделал выбор. Между тем нацистский режим объявил его предателем и заочно приговорил к смертной казни.

По мнению Паулюса, все действия Гитлера направлены только на то, как еще больше ввергнуть Германию в пучину бедствий. "Никогда до этого ложь не была таким сильным оружием в дипломатии и политике. Нас, немцев, очень ловко обвел вокруг пальца человек, который узурпировал всю полноту власти". Паулюса поддержал генерал Штрекер, который жаловался на Бога за то, что он послал немцам Гитлера. "Неужели немцы такие подлые? — вопрошал он. — Разве они заслужили такое наказание?"

"Сегодня исполняется два года сталинградской катастрофе, — заключил Паулюс. — А теперь вся Германия становится гигантским Сталинградом".

Угрозы и увещевания Гиммлера не могли спасти ситуацию. В тот же день передовые советские батальоны, ведомые заместителем командира 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковником Есипенко, достигли Одера и под покровом ночи форсировали его по льду. Советским подразделениям удалось образовать небольшой плацдарм на левом берегу реки севернее Кюстрина.

Войска 5-й ударной армии генерала Берзарина утром 31 января форсировали замерзший Одер и захватили деревню Киниц[174]. Они прошли буквально по следам немецких крестьян, собиравших дрова на восточном берегу реки. Часть под командованием полковника Есипенко захватила состав, в котором находились шесть зенитных орудий, тринадцать офицеров и шестьдесят три молодых новобранца. Небольшой группе немцев, одетых лишь в нижнее белье, удалось бежать и добраться до города Врицеи. До рейхсканцелярии теперь оставалось всего около семидесяти километров.

В тот же день части полковника Гусаковского форсировали Одер южнее Кюстрина. Данное событие было отмечено вручением ему второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Советские войска тотчас же приступили к укреплению своих позиций. Они стали рыть окопы в пойме реки, восточнее Зееловских высот. Срочно подтягивалась артиллерия на случай немецких контратак. Однако германское командование было настолько шокировано произошедшим (Геббельс все еще думал, что бои идут рядом с Варшавой), что прошло определенное время, прежде чем к месту прорыва стали подтягиваться подразделения вермахта. Единственными, кто поначалу доставлял неприятности красноармейцам и обстреливал их свежевырытые траншеи, оказались немецкие самолеты "фокке-вульф". Обещанный

зенитный дивизион прибыл на место только через три дня, поэтому солдаты Чуйкова несли значительные потери от налетов авиации противника. Тем не менее советскому командованию удалось доставить на левый берег Одера достаточное количество противотанковых орудий.

Новость о том, что советские войска достигли Одера, стала неожиданной как для командования вермахта, так и для мирного населения. Вальтер Байер, которому посчастливилось не попасть в списки полевой жандармерии в Восточной Пруссии и отправиться в отпуск, теперь наслаждался последними днями отдыха в своей деревне Буксмюленвег, которая располагалась между Кюстрином и Франкфуртом-на-Одере. Однако его отпуск закончился еще скорее, чем он ожидал[175]. Вечером 2 февраля в дом Вальтера вбежал сосед и сообщил, что в дубовом лесу, всего в пятистах метрах от дома, заняли позиции до восьмисот русских.

Вокруг деревни не было никаких немецких частей, за исключением нескольких рот фольксштурма, вооруженных только винтовками и двумя-тремя фаустпатронами. Когда фольксштурмовцы приблизились к лесу, то обнаружили, что на деревьях уже устроились советские снайперы, которые открыли по ним прицельный огонь. Из Франкфурта к месту прорыва подтягивался батальон 6-го крепостного полка, состоявший преимущественно из лиц кавказских национальностей, перешедших на сторону немцев. Немецкий офицер приказал Байеру, как опытному фронтовику, возглавить одну из боевых групп. Он оказался в одной канаве с кавказским добровольцем. Внезапно тот обратился к нему на ломаном немецком языке: "Вы не стреляете, и мы не стреляем туда. Мы не стреляем по своим товарищам". Байер доложил об этом офицеру, и кавказец был снят с передовой линии и отправлен в тыл рыть траншеи. Если он впоследствии попал в руки русских, то вряд ли с ним стали обращаться мягче, чем с остальными добровольцами, по причине его отказа стрелять по своим.

Вскоре к сборным немецким частям присоединилась еще одна группа в триста пятьдесят человек — очень молодых солдат из моторизованной дивизии "Фельдхернхалле". Большинство бойцов было в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. Они принесли с собой минометы и стали обстреливать лес. Форма одежды на юношах была самая разнообразная. Некоторые носили стальные шлемы еще времен Первой мировой войны, другие не имели ничего, кроме своей формы, выданной организацией гитлерюгенд. Они очень гордились оказанным им доверием, но для многих из них было пока тяжело таскать с собой сумку с патронами и держать на плече винтовку — ее приклад оказался

слишком велик для их неокрепших рук. В первой же атаке на лес юнцы понесли жестокие потери. Их командир упал, получив пулю в голову. Только горсть недавних членов гитлерюгенда вышла живыми из боя.

Байеру удалось избежать этой печальной участи и выбраться из-под огня. Он вновь оказался в родительском доме. Вальтер обнаружил, что теперь в подвале здания был организован госпиталь. По мере того как к плацдарму подтягивались значительные силы с обеих сторон, Чуйков приказал усилить натиск в направлении возвышенности Райтвайн. Она занимала в этом районе господствующее положение и упиралась прямо в Зееловские высоты. 2 февраля 506-й артиллерийский батальон СС занял позиции с северной стороны плацдарма и за три последующих дня выпустил по советским частям четырнадцать тысяч снарядов. С юга к месту прорыва подтягивался недавно пополненный танковый батальон полка "Курмарк". 4 февраля он перешел в контратаку. Однако предсказанная синоптиками оттепель размыла все дороги. Атака сорвалась во многом потому, что бронемашины просто застревали в грязи.

Берлин также был шокирован новостью о появлении советских войск на левом берегу Одера. Вильфрид фон Овен, пресс-атташе Геббельса, записал 1 февраля в своем дневнике, что ужасная весть вихрем распространилась по германской столице[176].

Национал-социалистская риторика сделалась еще более фанатичной, если не сказать — истеричной. В Берлине прошел парад охранного полка дивизии "Великая Германия"[177]. Солдатам сообщили, что плацдарм на Одере должен быть освобожден. Этого желает сам фюрер. Многие столичные автобусы были реквизированы военным командованием. Теперь они использовались для перевозки новых частей к Одеру в район Зееловских высот.

Была также сформирована новая дивизия СС, названная "30 января" — в честь двенадцатой годовщины прихода нацистов к власти. Она была укомплектована в основном ветеранами войск СС, многие из которых являлись выздоравливающими ранеными. Среди них находился и Эберхард Баумгарт, бывший военнослужащий эсэсовской дивизии "Лейбштандарт". Когда выздоравливающих солдат построили на улице, то к ним обратился оберштурмфюрер, сообщивший, что теперь им предстоит сражаться в новом соединении. Их задача — оборона германской столицы, которая ложится на плечи закаленных в боях ветеранов. Он призвал их быть мужественными и дисциплинированными и помнить о чести немецкого солдата[178].

Однако, как с тревогой замечали высшие чины СС, подобный фанатизм становился все большей редкостью. 12 февраля обергруппенфюрер СС Бергер доносил Гиммлеру, что как гражданское население, так и армия относятся все с большим неуважением к эсэсовским организациям. Такое отношение можно назвать "не товарищеским"[179].

Даже у эсэсовских добровольцев падал боевой дух, когда они приближались к берегу Одера — к его унылым заливным лугам, пересеченным плотинами. "Теперь мы на краю земли!" — отметил один из солдат дивизии "30 января". Настроение у солдат еще больше упало, когда обнаружилось, что в соединении нет ни одного танка или самоходной артиллерийской установки. "Это вовсе не дивизия, — продолжал тот же солдат, — а наспех собранная солянка". Поскольку рана Баумгарта все еще давала о себе знать, он был назначен в дивизионный штаб, который расположился в реквизированном крестьянском доме. Молодая хозяйка дома, чей муж также воевал где-то на фронте, ошарашенно смотрела на то, как вся мебель была вынесена на улицу, а ее место заняли рабочие столы с полевыми телефонами и печатными машинками. Новые обитатели помещения вскоре обнаружили, что черепичная крыша дома служит хорошей мишенью для советской артиллерии.

Баумгарт был посажен за стол печатать боевые донесения и приказы. Как-то раз ему пришлось присутствовать при допросе трех советских дезертиров, перешедших линию фронта. Согласно их показаниям, они покинули свою часть после того, как их заставили нести на себе дивизионного командира, боявшегося замочить ноги в ледяной воде Одера. Переводчик из поволжских немцев позднее прочитал штабным немецким офицерам статью из трофейной газеты "Правда". В ней было опубликовано итоговое коммюнике о встрече глав трех союзных держав в Ялте. Из него ясно вытекало, что союзники намереваются делать после войны с Германией. Страх поражения не давал покоя Баумгарту и его товарищам. Они говорили друг другу: "В конце концов, мы теперь просто должны побеждать!"

Перешедший на сторону гитлеровцев бывший советский генерал Андрей Власов приказал, с одобрения Гиммлера, 9 февраля 1945 года бросить в сражение за Одер один из своих охранных батальонов. Этот русский батальон, вошедший в подчинение дивизии "Дёберитц", атаковал 230-ю советскую стрелковую дивизию севернее Кюстрина. Охранники Власова воевали хорошо, несмотря даже на то, что сама атака оказалась неудачной. Германская пропаганда сразу же раструбила по всем газетам, что добровольцы вступили в бой с "энтузиазмом и

фанатизмом"[180], доказав, что они являются отличными бойцами в рукопашном бою. Их ловкости удивлялись даже немецкие солдаты. Командир подразделения полковник Захаров и еще четыре добровольца получили в награду Железные кресты второй степени. Рейхсфюрер СС самолично послал поздравление генералу Власову, в котором он "по-товарищески приветствовал" тот факт, что батальон "сражался так великолепно"[181].

Это было резким изменением отношения нацистского режима к власовцам, то есть к тем людям, которых они раньше считали не иначе как "унтерменьшен" ("недочеловеками"). Собственно говоря, сам Гитлер не одобрял привлечение к боевым действиям военнослужащих власовской армии. Но то, что они все-таки появились на фронте, еще раз доказывает, в каком отчаянном положении оказались лидеры "третьего рейха". 12 февраля Геббельс принял делегацию казаков в качестве "первых добровольцев на нашей стороне в борьбе против большевизма". Им даже было предложено распить бутылку "Вайсбир". Министр пропаганды похвалил казаков, назвав их "свободолюбивыми людьми" и "крестьянскими воинами". К сожалению, их "свободолюбивый" путь в Северной Италии был омрачен жестоким обращением с гражданским населением области Фриули, и по этому поводу поступали тревожные жалобы от тамошнего германского советника по гражданским делам. Казаки тем не менее не хотели иметь ничего общего ни с генералом Власовым, ни с его идеями о величии России. То же самое можно было сказать и о других добровольцах в формированиях СС, состоящих из различных национальных меньшинств СССР.

Ответом фюрера на прорыв советских танковых бригад в направлении Берлина стал приказ сформировать так называемую дивизию истребителей танков — "Панцерягд"[182]. Это многообещающее название оказалось очередным нацистским блефом. Соединение представляло собой подразделения велосипедистов. Многих его военнослужащих взяли прямо из гитлерюгенда. Каждый велосипедист должен был везти с собой по два фаустпатрона. Предполагалось, что в момент появления советских танков ИС или Т-34 боец должен был спрыгнуть с велосипеда и быть готовым к уничтожению бронированных махин. Следует заметить, что даже японцы не посылали своих камикадзе в бой на велосипедах.

Гиммлер говорил о фаустпатроне как об очередном "чудо-оружии" сродни Фау-2. Он с энтузиазмом повторял, как это будет здорово уничтожать советские танки на близком расстоянии. Тем не менее любой опытный солдат предпочел бы стрелять по бронированным машинам из 88-миллиметрового орудия с

расстояния как минимум в полкилометра. Рейхефюрера едва не хватил паралич, когда до него дошли слухи, что фаустпатроны не столь эффективны и могут и не пробить броню вражеского танка. Он относился к такой информации не иначе как к абсолютному вранью[183].

По мере приближения вражеских войск к столице были замечены приготовления нацистских лидеров к совершению самоубийства. Официальные лица нацистской партии получали разрешение на ношение огнестрельного оружия[184]. Исполнительный директор одной фармацевтической компании сказал Урсуле фон Кардорф, что на предприятии появились "золотые фазаны"[185] и требовали выдачи им яда для нужд рейхсканцелярии.

Гитлер и его окружение теперь окончательно прочувствовали на себе всю жестокость войны, которую они сами и развязали. Не заставило себя ждать и отмщение за недавние казни людей, связанных с июльским заговором против Гитлера. Утром 3 февраля американская авиация произвела неожиданно мощный бомбовый удар по Берлину. Около трех тысяч мирных жителей оказалось убито. Почти полностью были уничтожены редакции многих газет. Сильно пострадало большинство районов столицы. Подверглись бомбежке партийная канцелярия и рейхсканцелярия. Получили серьезные повреждения административное здание гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и помещение Народного суда. Рональд Фрайслер, президент Народного суда, выносивший приговоры подозреваемым в заговоре, был погребен заживо в том самом подвале, где он прятался от авианалета. Эта новость сразу облетела членов германского Сопротивления, однако слухи о том, что эсэсовцы минируют концентрационные лагеря, привели в ужас родственников тех людей, которые еще оставались живыми за колючей проволокой. Их единственной надеждой оставалось теперь предположение, что Гиммлер может держать узников в качестве товара для сделки. В день налета Мартин Борман записал в своем дневнике, что от бомбового удара пострадали новое здание рейхсканцелярии, апартаменты Гитлера, столовая, зимний сад и партийная канцелярия[186]. Его заботили в тот момент только символы нацистского режима. Он ни разу не упомянул о жертвах среди гражданского населения.

Согласно тому же дневнику Бормана, наиболее значительным событием 6 февраля стал день рождения Евы Браун. По-видимому, Гитлер был в прекрасном настроении, наблюдая за тем, как его любовница танцует с другими кавалерами. Затем Борман совещался с Кальтенбруннером. 7 февраля с Гитлером встречался гауляйтер Кох. Очевидно, что он был прощен за то,

что сбежал из осажденного Кенигсберга, приказав остальным оборонять город до последнего. Тем же вечером Борман ужинал с четой Фегеляйн. Одним из гостей был Генрих Гиммлер, под которого уже подкапывались сам Борман, Фегеляйн и Кальтенбруннер. Гиммлер не считал нужным отказывать себе в удовольствии оставлять свой командный пункт и ходить в гости, несмотря на угрожающую обстановку в полосе его группы армий. После ужина Борман и Фегеляйн беседовали с Евой Браун. Основной темой разговора стал, очевидно, вопрос о переезде Евы из Берлина, поскольку Гитлер хотел держать ее подальше от опасности. На следующий день она организовала небольшой прощальный вечер для Гитлера, Бормана и Фегеляйнов. 9 февраля она вместе с сестрой Гретл выехала в Берхтесгаден. Гитлер попросил Бормана лично проводить их до вокзала.

В подчинении начальника партийной канцелярии Бормана находились все гауляйтеры. В большинстве случаев именно они запрещали эвакуацию мирных жителей до того момента, пока это распоряжение не становилось уже бесполезным. Но в своем дневнике Борман ни разу не обмолвился о тех страданиях, которые испытали простые немцы, бегущие с востока от советских войск. В случае с беженцами партийные чиновники показали свою полную некомпетентность, хотя в условиях нацистского режима было достаточно сложно определить, где заканчивается элементарная халатность и начинается преступное бездушие. В отчетах по эвакуации беженцев за 10 февраля говорилось о том, что еще порядка восьмисот тысяч человек продолжают оставаться на побережье Балтийского моря[187]. Однако поскольку на поезде или корабле можно перевезти одновременно в среднем не более тысячи человек, то транспортных средств для эвакуации явно не хватало. Естественно, что вопрос о том, чтобы нацистские лидеры предоставили в распоряжение беженцев свои роскошные "специальные поезда", никогда не ставился.

Глава шестая
Восток и Запад

Утром 2 февраля, в тот самый день, когда началась первая германская контратака против русских плацдармов на Одере, на Мальту прибыл корабль ВМС США "Куинси". Крейсер, на борту которого находился американский президент, величественно пришвартовался в порту столицы Ла-Валлетте. На борт судна поприветствовать президента поднялся Уинстон Черчилль. И хотя сам он не обратил внимания на то, что Рузвельт болен, все окружение премьера было поражено, насколько плохо выглядит американский президент.

Встреча двух лидеров происходила в дружеской, если не сказать в сердечной обстановке. Это отнюдь не успокоило министра иностранных дел Великобритании Антони Идена. Дело в том, что трения между западными союзниками продолжали возрастать с момента их высадки в Северной Франции. С Мальты они должны были лететь в Крым, в Ялту, на встречу с советским руководителем Сталиным. Там им предстояло обсудить послевоенную карту Европы. По этому вопросу между Рузвельтом и Черчиллем имелись противоречия, тогда как Сталин точно знал, чего он хочет. Черчилль и Идеи более всего были обеспокоены решением вопроса о независимости Польши. Президент Рузвельт думал в основном об образовании в послевоенном мире Организации Объединенных Наций.

Ранним утром 3 февраля президент и премьер-министр вылетели с Мальты. Самолеты западных лидеров эскортировали истребители "Мустанг". Вскоре в иллюминаторах показалось Черное море. После семи с половиной часов полета обе делегации прибыли в аэропорт города Саки, рядом с Евпаторией. Там Рузвельта и Черчилля встретили нарком иностранных дел СССР Молотов и Вышинский — ранее являвшийся прокурором на известных процессах против врагов народа, а теперь назначенный заместителем наркома иностранных дел. Сталин, боявшийся летать на самолетах, прибыл в Крым только утром 4 февраля. Он выехал из Москвы на поезде, состоявшем из вагонов в стиле Арт Ново, доставшихся большевикам по наследству от царского режима.

Американские начальники штабов обосновались в бывшем императорском дворце. Генерал Джордж Маршалл обнаружил в бывшей ванной комнате царицы секретную лестницу, которая якобы предназначалась для визитов к ней Григория Распутина.

Британскую делегацию разместили в Воронцовском дворце в Алупке, построенном в середине XIX века. Чтобы не беспокоить президента Рузвельта дополнительными переездами, ему предложили апартаменты в Ливадийском дворце, где и должны были проводиться основные дискуссии Ялтинской конференции. Повсюду в Крыму виднелись следы не столь давнего пребывания здесь немецких войск. Очень много оказалось разрушено при эвакуации отсюда германских частей. К приезду союзных делегаций была проведена огромная работа по восстановлению разрушенных зданий[188]. Для того чтобы сделать их приемлемыми для обитания, приходилось даже восстанавливать водопровод. Несмотря на ужасные следы войны, советская сторона решила не экономить на угощениях для своих гостей. Было приготовлено большое количество различных деликатесов, включая икру, кавказские вина и шампанское. Черчилль называл этот берег "адской Ривьерой"[189]. Разумеется, НКВД разместил повсюду в зданиях секретные микрофоны.

В день своего приезда в Крым Сталин нанес визит Черчиллю. Он сказал, что Красная Армия может уже сейчас захватить Берлин. Затем он посетил Рузвельта, изложив ему совершенно другую версию происходящих событий. Сталин сделал упор на силу германского сопротивления и трудности форсирования Одера. Рузвельт был уверен, что именно он, а не Черчилль, знает, как вести дела с советским лидером. Со своей стороны, Сталин не упускал возможности играть на этой уверенности американского президента. Рузвельт также считал, что необходимо завоевать доверие советского лидера — то, что никогда не получалось у Черчилля. Он даже открыто выражал свое несогласие с британской стратегией по вопросу вторжения в Германию. Когда Рузвельт предложил, чтобы Эйзенхауэр установил прямой контакт с советской Ставкой, Сталин горячо его поддержал. Сталин всегда приветствовал большую открытость американской стороны, мало чего предоставляя взамен.

У американцев была и еще одна причина не входить в конфронтацию со Сталиным. Они пока еще не знали, насколько эффективной будет создаваемая ими атомная бомба. Поэтому Рузвельт очень нуждался в русской помощи в войне США против Японии. Он, казалось, не принимал в расчет, что Сталину также нужна была эта война, чтобы оказаться потом за одним столом с победителями при решении территориальных вопросов.

На первом заседании Сталин милостиво предложил, чтобы его председателем стал Рузвельт. Советский лидер был одет в форму Маршала Советского Союза с медалью Героя Советского Союза на груди. Брюки с лампасами заправлены в кожаные

кавказские сапоги с большими каблуками. Сталин очень стеснялся своего маленького роста. Руководитель советского государства избегал также яркого света, при котором становилась особенно заметной рябь на его лице. Все официальные портреты Сталина были сильно отретушированы, чтобы скрыть этот недостаток.

Генерал Антонов, начальник Генерального штаба Красной Армии, сделал впечатляющий доклад о ситуации на советско-германском фронте. Однако как американские, так и британские начальники штабов отметили, что в нем явно не хватало многих оперативных деталей. Англичане полагали, что обмен информацией между союзниками осуществляется только в одном направлении — с запада на восток. Антонов заострил внимание на том факте, что советское командование специально перенесло сроки начала зимнего наступления для того, чтобы помочь союзникам. Со своей стороны, генерал Маршалл указал на огромный разрушительный эффект бомбовых ударов по Германии, осуществляемый американской и британской авиацией. Налеты на коммуникации врага, несомненно, способствовали успеху советского наступления. Настроение на заседании и вовсе стало мрачным, когда Сталин принялся искажать смысл слов, сказанных Черчиллем, а Рузвельт не счел нужным вмешиваться в это.

Вечером того же дня состоялся ужин. В целом дружественная обстановка на нем вновь была испорчена советскими заявлениями, отражающими полное неуважение к правам малых наций. Пытаясь как-то смягчить атмосферу, Рузвельт сказал Сталину, что в своей переписке с Черчиллем они прозвали советского лидера "Дядей Джо". Сталин был оскорблен, посчитав такое прозвище явным неуважением к своей персоне. Его дипломаты ранее не информировали советского лидера об этом факте. Спасать ситуацию пришлось Черчиллю, который предложил тост за Большую тройку — своеобразное поздравление самих себя, на которое Сталин просто не мог не отреагировать. Но в своем ответном тосте он особо подчеркнул, что именно Большая тройка будет решать судьбу всего мира и что малые страны не должны иметь права вето. Как Черчилль, так и Рузвельт посчитали разумным промолчать.

На следующее утро, 5 февраля, представители англо-американского Объединенного комитета начальников штабов встретились со своими коллегами из советской Ставки, которых возглавлял генерал Антонов. Советская сторона настаивала на том, чтобы западные союзники усилили давление на германские войска в Северной Италии для того, чтобы немцы не смогли

перебрасывать свои дивизии в Венгрию. Сама постановка такого вопроса являлась довольно логичной. Однако не исключено и то, что командование Красной Армии было просто заинтересовано в том, чтобы американцы и англичане перебросили как можно больше своих сил в Италию, а не на берлинское направление. Тем не менее как начальник штаба американской армии генерал Маршалл, так и начальник британского имперского генерального штаба сэр Алан Брук предупредили Антонова, что западные союзники не в силах предотвратить переброску немецких сил с одного фронта на другой. Единственное, чем они могут этому помешать — бомбовыми ударами по коммуникациям противника.

Наиболее важные вопросы, которые предстояло решить конференции, были подняты на вечернем заседании и на следующий день, 6 февраля. В процессе дискуссии обсуждались проблемы послевоенного мирного устройства и отношения к побежденной Германии. Стороны согласились, что конец войны можно ожидать уже в начале лета. Рузвельт заговорил о Европейской консультативной комиссии и зонах оккупации Германии. Сталин дал понять союзникам, что он хочет видеть Германию полностью раздробленной. После этого Рузвельт без всякой подготовки неожиданно заявил, что американские войска не останутся в побежденной Германии более чем на два года. Черчилль откровенно испугался этих слов. Они могли сделать Сталина еще более упрямым в достижении своих целей. Опустошенная войной Европа могла и не справиться самостоятельно с коммунистической смутой.

Сталин намеревался получить с Германии промышленное оборудование в счет советских репарационных требований в десять миллиардов долларов. Он не сказал об этом открыто на самой конференции. Однако в Москве была образована специальная правительственная комиссия, а к каждой армии прикрепили переодетых в военную форму чиновников. Они смотрелись довольно нелепо в своей новой полковничьей форме[190]. В дополнение к этому НКВД создал в армейских штабах группы специалистов по взламыванию сейфов. Это начинание стало необходимым, дабы предотвратить стрельбу по ним советских солдат из трофейных фаустпатронов. В таком случае заряд вместе с дверью уничтожал и все содержимое сейфов. Сталин, безусловно, хотел выжать из Германии все до последней унции золота.

Наиболее животрепещущим в дискуссиях между Черчиллем и Сталиным был вопрос о судьбе Польши. Главные разногласия вызывала даже не конфигурация будущих польских границ, а состав нового правительства государства. Черчилль заявил, что

Британия вступила в войну именно из-за Польши, и поэтому вопрос о ее независимости является для англичан делом чести.

В своем ответе Сталин косвенно обращался к секретному протоколу советско-германского договора от 1939 года, по которому СССР смог вторгнуться в Польшу и захватить ее восточную часть, равно как и Прибалтийские республики. Германия, со своей стороны, захватила тогда западную часть Польши. Советский лидер отметил, что для СССР польский вопрос также является делом чести, поскольку русские сделали много нехорошего для поляков и теперь хотят возместить им ущерб[191]. После столь откровенного и бесстыдного заявления Сталин перешел к сути дела. Он отметил, что польский вопрос — это также вопрос о безопасности его страны, поскольку Польша представляет собой ключевую стратегическую проблему для Советского Союза, она исторически являлась коридором для вражеского вторжения в Россию.

Сталин также подчеркнул, что для предотвращения подобных инцидентов в будущем необходимо иметь сильную Польшу. Вот почему СССР заинтересован в основании мощной и независимой Польши. По словам Сталина, польский вопрос являлся вопросом жизни и смерти для советского государства. Взаимные противоречия между двумя странами продолжались на протяжении последних двух столетий. Однако советский лидер не сказал открыто, что он хочет видеть полностью и рабски подчиненную ему Польшу, которая служила бы в качестве буферной зоны. Ни Рузвельт, ни Черчилль никогда не представляли себе в полном объеме, какой шок вызвало в СССР начало германской агрессии в 1941 году. Для них была непонятна решимость Сталина во что бы то ни стало исключить подобную неожиданность со стороны любого другого противника в будущем. Возможно, что и причина возникновения "холодной войны" лежит именно в этом горьком для СССР опыте.

Черчилль обнаружил вскоре, что ему нечем стало крыть сталинские аргументы, когда тот заговорил о необходимости обезопасить коммуникации советских войск в Польше в момент приближающейся решающей битвы за Берлин. Сталин очень умно вел свою игру. Советский лидер заявил, что "Варшавское правительство" (западные союзники все еще называли контролируемое НКВД прокоммунистическое польское правительство "Люблинским") находится уже на месте и чрезвычайно популярно в народе. Что же касается демократии, то лондонское эмигрантское правительство обладает не большей поддержкой, чем де Голль во Франции. Трудно сказать с уверенностью, понял ли Черчилль скрытый намек Сталина:

союзникам не следует мешать ему в Польше, поскольку под его контролем находилась французская коммунистическая партия; между тем бойцы французского Сопротивления, в котором главную роль играли именно коммунисты, не нарушают коммуникаций союзников.

Желая застолбить за собой сферы влияния, Сталин с напускной серьезностью спросил Черчилля о том, как идут дела в Греции. Согласно так называемому "процентному соглашению", заключенному между Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 года, к советской сфере влияния отходили Балканские страны, тогда как к Великобритании — Греция. Советский лидер не должен был вмешиваться в греческие дела, даже в случае возникновения там каких-либо трудностей, поскольку эта страна должна контролироваться англичанами. Казалось, что в Ялте Сталин предлагал расширить "процентное соглашение" в отношении еще двух стран — Польши и Франции. Однако Черчилль, видимо, не расшифровал этого намека. Фельдмаршал сэр Алан Брук подозревал, что было много таких вещей на конференции, которые Черчилль не сумел прочувствовать.

Сталин не ослаблял своего нажима на союзников. Он заявил, что в Польше, в тылу советских войск, было убито двести двенадцать красноармейцев. Черчилль был вынужден согласиться, что нападения бойцов некоммунистического Сопротивления, Армии Крайовой, на советских солдат недопустимы. Премьер-министр не знал в то время, что охранные части НКВД в большинстве случаев сами провоцировали подобные явления. Они производили аресты членов подпольного Сопротивления и часто под пытками заставляли их выдавать имена и местонахождение остальных бойцов. Рузвельт же был слишком истощен, чтобы вмешиваться в дискуссию между Черчиллем и Сталиным. Единственное, на чем он настаивал, — на проведении в Польше свободных выборов. Однако надежда на такой исход была призрачной, поскольку теперь весь механизм управления в польском государстве находился в советских руках. Главный советник американского президента Гарри Гопкинс отмечал, что Рузвельт едва ли воспринимал хотя бы половину сказанного на конференции.

Сталин был убежден, что выиграл у своих союзников. Как только советская сторона осознала, что со стороны англичан и американцев больше не будет попыток вмешательства в польские дела, Сталин внезапно изменил свою позицию по вопросу о голосовании в Организации Объединенных Наций. Система голосования была предложена ранее американским правительством. Во время встречи со Сталиным 8 февраля

Рузвельт еще раз убедился, что СССР собирается вступить в войну против Японии спустя непродолжительное время после разгрома Германии.

Совершенно не чувствовалось, что Сталин был снисходительным к своим врагам в момент приближающейся победы. На одном из последующих заседаний Черчилль выразил беспокойство, что большое приращение польской территории за счет Германии может привести к огромным перемещениям среди населения. Сталин ответил, что это не является проблемой. Он торжествующе объявил, что массы немцев уже теперь покидают свои дома и бегут от Красной Армии.

13 февраля, спустя два дня после окончания Крымской конференции, советское командование смогло объявить об окончательном падении Будапешта[192]. Конец этой жестокой битвы ознаменовался сценами убийств, грабежа, разрушений и изнасилований. В то время Гитлер все еще рассчитывал произвести контратаку в Венгрии силами 6-й танковой армии СС, надеясь смять силы 3-го Украинского фронта маршала Толбухина. Однако после Арденнской операции части этой танковой армии были серьезно ослаблены.

В ту же ночь британская авиация произвела налет на Дрезден. А на следующее утро удары по некоторым менее значительным целям нанесли ВВС Соединенных Штатов Америки. Все это было представлено как быстрый ответ на желание советской Ставки предотвратить переброску немецких войск с одного фронта на другой. Планировщики этих ударов были обозлены также фактом непрекращающихся немецких атак по Англии с использованием новейшего оружия ракет фау. Только за последнюю неделю немцы выпустили по Британским островам сто восемьдесят ракет — что стало своеобразным рекордом. В свою очередь, Дрезден, импозантная столица Саксонии, никогда ранее не подвергался сильным бомбежкам союзной авиации. Дрезденцы даже шутили, что вроде бы в их городе проживает тетя Черчилля, и именно потому они живут достаточно спокойно. Этому спокойствию настал конец во время безжалостных налетов 13 и 14 февраля. Эффект от ударов был сравним с разрушениями Гамбурга. Более того, дополнительно к местным жителям в Дрездене в тот момент находилось еще порядка трехсот тысяч беженцев с востока. Несколько поездов с ними расположились на главном вокзале города. Вопреки утверждениям советской стороны эти железнодорожные поезда перевозили не немецкие войска, а мирных граждан, — к тому же не на восток, а на запад.

Геббельс, по-видимому шокированный произошедшим, хотел немедленно расправиться с таким же количеством союзных

военнопленных, сколько мирных граждан было убито во время налетов[193]. Эта идея понравилась Гитлеру. Однако столь жестокие меры шли вразрез со статьями Женевской конвенции и еще раз показали бы общественному мнению Запада, против кого они ведут борьбу. Такой шаг не оставил бы немцам другого выхода — только сражаться до самого конца. Видимо, поэтому генерал Йодль, поддержанный Риббентропом, фельдмаршалом Кейтелем и гросс-адмиралом Дёницем, в конце концов смог настоять на том, что подобная эскалации террора не принесет Германии никакой пользы. Тем не менее Геббельс постарался выжать все возможное из этой "террористической атаки". Солдатам на фронте, у которых имелись родственники в Дрездене, предоставили несколько дней отпуска[194]. Ханс Дитрих Геншер (государственный и политический деятель ФРГ. — Примеч. ред.) вспоминал впоследствии, какой вид был у тех военнослужащих, которые возвращались из города обратно на фронт. Они не хотели говорить о том, что им пришлось увидеть.

На Западном фронте продвижение союзников было не столь стремительным, как у Красной Армии. Сражение за Рейнланд, начавшееся в дни работы Ялтинской конференции, также поначалу развивалось достаточно медленно. Эйзенхауэр не торопился. Он полагал, что весеннее половодье сделает Рейн невозможным для форсирования вплоть до начала мая[195]. Более того, должно было пройти еще как минимум шесть недель, прежде чем все его силы смогли бы сосредоточиться на западном берегу реки. Лишь счастливая неожиданность помогла союзником ускорить наступление. В Ремагене им удалось захватить совершенно не разрушенный мост через Рейн.

Эйзенхауэр был раздражен непрекращающейся британской критикой по поводу его стратегии — вести наступление на широком фронте. Сам Черчилль, Брук и фельдмаршал Монтгомери, напротив, хотели сосредоточить удар на одном избранном участке — в направлении Берлина. Такое желание имело прежде всего политическую подоплеку. Захват Берлина еще до того, как к нему подойдет Красная Армия, мог способствовать выравниванию, баланса сил в ведении дел со Сталиным. Британская сторона также рассчитывала на то, что быстрое падение германской столицы явится сильным психологическим ударом для немцев, подорвет их сопротивление и тем самым значительно сократит сроки войны. Однако британская позиция относительно одного мощного удара по Берлину была поколеблена нестерпимым поведением фельдмаршала Монтгомери. В конце первой недели января он стал добиваться большего участия своих сил в срыве немецкого

наступления в Арденнах, что уже выходило за пределы его ответственности. Это привело в ярость американских генералов и в замешательство Черчилля. Естественно, что Эйзенхауэр не имел после данного инцидента большого желания предоставить Монтгомери возможность нанести главный удар через Северную Германию в направлении немецкой столицы.

Эйзенхауэр, как главнокомандующий союзными силами в Европе, постоянно утверждал, что в круг его обязанностей не входит вопрос о послевоенном устройстве на континенте. Его главной задачей было эффективно закончить войну и понести при этом как можно меньше потерь. Он хорошо чувствовал, что британцы ставят проблемы послевоенной политики выше конкретных вопросов военной стратегии. Эйзенхауэр был благодарен Сталину, что тот начал свое зимнее наступление раньше срока, не зная о тайных мотивах советского лидера освободить всю территорию Польши еще до начала Ялтинской конференции.

Политические деятели Соединенных Штатов вообще не хотели никоим образом провоцировать Сталина. Джон Вайнант, посол США в Лондоне, при обсуждении в Европейской консультативной комиссии зон оккупации союзников в Германии даже отказывался поднимать вопрос о сухопутном коридоре для западных армий в Берлин. Как он считал, это могло испортить его отношения с представителями советской стороны. Политика умиротворения Сталина брала начало с руководства США и была воспринята на низовом уровне. Рузвельт напутствовал Роберта Мёрфи, политического советника Эйзенхауэра, что "самое важное — убедить русских доверять нам". Но такая политика являлась совершенно неэффективной в отношениях со Сталиным. Согласно Мёрфи, уверенность Рузвельта в том, что он может вести дела со Сталиным, была частью более широкой политической теории[196]. Американцы считали, что дружеские отношения способны влиять на курс национальной политики. Но Мёрфи тут же добавлял, что "советские политические деятели и дипломаты никогда не следовали подобной теории". Стремление американцев завоевать доверие Сталина делало их неспособными задаться следующим вопросом: насколько они сами могут доверять советскому лидеру? Сталин был человек, лишенный всякого уважения к международному праву. Он мог даже спокойно предложить своим союзникам атаковать Германию через нейтральную Швейцарию, для того чтобы обойти с фланга "Западный вал"[197].

Русские были обижены на союзников, поскольку те понесли в войне сравнительно небольшие потери. И относились к военнопленным из западных стран немцы также совсем по-

другому, чем к взятым в плен солдатам из Советского Союза. Когда войска 1-го Белорусского фронта освободили лагерь военнопленных возле Торна, то красноармейцы стали свидетелями впечатляющего отличия между пленными из различных стран. Заключенные из государств Запада имели, как правило, вполне здоровый вид. В докладе говорилось, что эти пленные выглядели так, будто они находились в отпуске, тогда как советские узники оказались сильно истощены и одеты в тряпье[198]. Военнопленным западных союзников не нужно было работать, им позволялось играть в футбол и получать через Красный Крест продовольственные посылки. В то же время в другой, советской части лагеря было убито или погибло от истощения и болезней порядка семнадцати тысяч человек. "Специальный режим" для советских военнопленных означал триста граммов эрзац-хлеба и один литр супа, приготовленного из гнилых отрубей, в сутки. Еще здоровых пленных заставляли копать траншеи, а ослабевших — расстреливали либо закапывали заживо.

Впрочем, английские военнопленные, находившиеся в "Stalag XXA" (Шталаг XXA), утверждают, что их место заключения отнюдь не походило на лагерь для отдыха, а их продовольственный рацион был не лучше, чем в лагере для советских военнопленных. Однако от голода их спасали посылки из Красного Креста.

Советских узников охраняли "предатели" из бывших военнослужащих Красной Армии. Их набирали из тех же военнопленных, пообещав за службу дополнительную тарелку супа. В докладе штаба 1-го Белорусского фронта говорилось, что эти добровольцы относились к узникам лагерей даже с большей жестокостью, чем сами немцы. Некоторые охранники были из поволжских немцев. Они заставляли пленных раздеваться, а затем спускали на них собак. Очевидно, что немцы проводили большую пропагандистскую работу, пытаясь заставить узников вступать в РОА ("Русскую освободительную армию") генерала Власова. Она состояла из бывших советских солдат, надевших униформу вермахта. Один из узников сообщил, что немцам продалось большое количество украинцев и узбеков. Теперь, после освобождения лагеря, этот самый узник был назван в донесении как "бывший член партии" и "бывший старший лейтенант". Дело в том, что все советские военнослужащие, сдавшиеся врагу, автоматически лишались своего звания и положения.

В качестве наказания советских военнопленных заставляли приседать без остановки по семь часов подряд. Это окончательно калечило их. Узников гоняли вверх-вниз по лестнице, сопровождая пытку ударами резиновых палок. В другом лагере

раненого офицера поставили зимой под холодный душ и оставили умирать от переохлаждения. Советские солдаты были предметом самых изощренных пыток, корни которых уходили еще в XVIII столетие. Одна из них называлась "вижу лошадь" — пленных сажали верхом на огромные козлы и крепко привязывали. Затем их выгоняли на плац, и они становились живыми мишенями для эсэсовских охранников. Другая пытка называлась "Внимание!". Пленного раздевали догола и ставили на колени. Рядом стояли охранники с собаками. В тот момент, когда несчастный переставал кричать: "Внимание! Внимание! Внимание!" — на него немедленно спускали овчарок. Собаки использовались и тогда, когда узники ходили "гусиным шагом" на время[199]. Кстати говоря, русские, возможно, переняли эту практику. В своих лагерях они также заставляли немецких пленных ходить "гусиным шагом". Освобожденный частями 1-го Украинского фронта британский военнопленный, летчик-истребитель, наблюдал, как советские солдаты заставили молодого эсэсовского солдата играть на пианино[200]. Они дали ему понять, что, когда он остановится, в тот же момент его расстреляют. Солдат смог проиграть целых шестнадцать часов, пока не упал головой на клавиатуру. Советские солдаты поставили его на ноги, оттащили в сторону и расстреляли.

Вторгнувшаяся в Германию Красная Армия была грозной и торжествующей силой. Василий Гроссман отмечал, что почти каждый солдат имел при себе губную гармошку[201]. Это был единственный музыкальный инструмент, приспособленный для игры на марше — в машине или на повозке. Между тем красноармейцы продолжали терять своих боевых товарищей. Артиллерист Яков Зиновьевич Аронов был убит 19 февраля неподалеку от Кенигсберга. Незадолго до смерти он писал домой, что продолжает бить врага, который спрятался в своем логове, словно раненый зверь. Аронов писал, что жив-здоров, хорошо питается и все его мысли сейчас лишь о том, чтобы побыстрей добить врага и вернуться домой[202]. Другое его письмо носит более откровенный характер. Оно написано другу, также фронтовику. Несомненно, тот мог понять его намного лучше. Он писал, что очень любит жизнь, поскольку еще и не жил на свете ему было всего девятнадцать. Он часто видит смерть перед глазами. Но он сражается и потому побеждает. Аронов писал, что является артиллерийским разведчиком и корректирует огонь своей батареи. И лишь тогда, когда советские снаряды попадают в цель, он испытывает удовлетворение.

Аронов был убит на рассвете. Его товарищ, прошедший с ним фронтовыми дорогами от Витебска до Кенигсберга, писал сестре

погибшего, Ирине, что война разлучила многих друзей. Было пролито много крови. Но бойцы отомстят гитлеровским гадюкам за смерть их братьев и друзей. Аронов был похоронен однополчанами на краю леса.

Скорее всего его могилу обозначили только палкой с прикрепленным к ней куском красной материи. Если впоследствии на нее случайно натолкнулись пионеры, то могила могла приобрести еще и деревянную мемориальную табличку. Слишком много погибло людей и на столь обширной территории, чтобы можно было перезахоронить всех павших на воинском мемориальном кладбище.

Навстречу войскам Красной Армии двигались тысячи освобожденных славянских рабочих — "остарбайтеров". Немцы их угнали в Германию, теперь же они старались вернуться домой. В основном это были крестьянские женщины с платками на голове. Драматург Аграненко вспоминал, что в Восточной Пруссии ему встретилась повозка, целиком забитая женщинами в самой разнообразной одежде. Он спросил, кто они такие. "Мы русские, русские", — ответили они[203]. Аграненко пожал каждой из них руку. Очевидно было, что они рады услышать его дружеский голос. Одна пожилая женщина неожиданно разрыдалась. Сквозь слезы она произнесла, что впервые за три года кто-то пожал ее руку.

Аграненко также повстречал молодую красавицу из Орловской области, которую звали Татьяна Хильчакова. Она возвращалась домой вместе с двухмесячным ребенком. В германском лагере для славянских рабочих она повстречалась с молодым чехом и полюбила его. Она обручилась с ним, но, когда пришли советские войска, этого чеха сразу же мобилизовали в армию сражаться против немцев. Татьяна не знала даже его адреса. А он не знал ее местопребывания. И навряд ли они встретились в будущем вновь. Возможно даже, что она понесла наказание за то, что имела в Германии связь с иностранцем.

Наибольшее беспокойство Ставки в это время вызывал так называемый "Балтийский балкон", разделявший 1-й Белорусский фронт Жукова и левый фланг 2-го Белорусского фронта Рокоссовского. 6 февраля Сталин позвонил Жукову прямо из Ялты. Он спросил, чем тот сейчас занимается. Жуков ответил, что проводит заседание вместе со своими командующими армиями, на котором обсуждается вопрос удара по Берлину с захваченных на Одере плацдармов. Сталин сказал Жукову, что тот напрасно теряет время. Войска фронта должны закрепиться на Одере и наступать на север — навстречу Рокоссовскому.

Чуйков, командующий 8-й гвардейской армией, был обижен

на Жукова еще со времен битвы за Сталинград. Он отрицательно отнесся к тому, что маршал не стал настаивать на продолжении наступления на германскую столицу. Дебаты по этому вопросу продолжались и в послевоенное время. Чуйков утверждал, что быстрое продвижение к Берлину в начале февраля застало бы противника врасплох, и город был бы захвачен. Однако Жуков знал, что его войска сильно истощились и израсходовали большинство резервов. В случае немецкого контрудара с севера фронт мог попасть в очень тяжелую ситуацию.

Тем временем в Восточной Пруссии немецкие войска были окружены, но еще не уничтожены. Остатки 4-й немецкой армии, после неудачной попытки прорыва на запад в конце января, теперь оказались прижаты к заливу Фришес-Хафф. Артиллерийская поддержка германских войск осуществлялась главным образом из тяжелых орудий крейсеров "Адмирал Шпеер" и "Лютцов". Снаряды летели со стороны Балтийского моря над песчаной косой Фрише-Нерунг и замерзшим заливом, отделяющим ее от материка.

Остатки 3-й танковой армии, засевшие в самом Кенигсберге, были отрезаны от Земландского полуострова. Однако 19 февраля немцы провели контратаку и образовали к нему сухопутный коридор, который затем ожесточенно обороняли. Темпы эвакуации гражданских лиц и раненых из порта Пиллау возросли, но многие жители теперь боялись плыть на пароходе. Они постоянно думали о судьбе тех, кто отправился в путь на "Вильгельме Густлове", и других потопленных советскими подводными лодками германских кораблях. Так, утром 12 февраля был торпедирован плавучий госпиталь "Генерал фон Штойбен", на борту которого находилось две тысячи шестьсот восемьдесят раненых. Почти все они утонули.

Тем временем немецкая 2-я армия была оттеснена к устью Вислы. Ей поставили задачу держать оборону портов Данциг и Гдыня. Армия представляла собой левый фланг группы армий "Висла" под командованием Гиммлера. В центре фронта этой группы заняла позиции только что сформированная 11-я танковая армия СС. Правый фланг Гиммлера, стоявший на реке Одер, прикрывали остатки 9-й армии генерала Буссе. Она понесла очень большие потери в период отступления из западных районов Польши.

Гиммлер редко покидал роскошный поезд, который называл своей полевой штаб-квартирой. Только теперь он наконец осознал, какую большую ответственность несет на себе командующий войсками. "Его несостоятельность как военного лидера, — отмечал полковник Айсман, — не позволяла ему

представлять объективные доклады Гитлеру"[204]. Гиммлер возвращался от фюрера всегда с расстроенными нервами. Этот напуганный Гитлером человек теперь начинал угрожать своим штабным офицерам. Раболепство Гиммлера перед фюрером и нежелание признать ужасающее состояние германских войск стоило немцам большой и бесполезной крови.

Гиммлер находил успокоение в приказах о все новых и новых контрударах по советским войскам. После неудачного наступления Демлхубера рейхсфюрер приказал сформировать 11-ю танковую армию СС. К тому времени во всей группе армий "Висла" оставались всего три сильно потрепанные танковые дивизии. Оставшихся в распоряжении войск хватало разве что на формирование корпуса. Однако Гиммлер настаивал на том, чтобы была образована именно "армия"[205]. В штаб объединения и командирами частей назначались теперь офицеры войск СС. Командующим всей армией стал обергруппенфюрер СС Штейнер. Несомненно, что выбор Штейнера — опытного военного — был наилучшим из многих других возможных кандидатур. Но задача перед ним стояла чрезвычайно сложная.

Генерал Гудериан был уверен в необходимости удержать коридор к Восточной Пруссии. На совещании в начале февраля он настаивал на необходимости проведения смелой операции против ударных советских частей. Выпив определенное количество спиртного за завтраком с японским послом, Гудериан стал еще более откровенен[206]. Он хотел отрезать передовые соединения Жукова ударом своих сил от Одера (юго-восточнее Берлина) и из Померании. Чтобы собрать необходимое число войск, нужно было эвакуировать морем немецкие части, запертые в Курляндии, которые не приносили там никакой пользы, и отменить контрудар в Венгрии. Однако Гитлер вновь не посчитался с мнением Гудериана.

"Вы должны поверить мне, что я не несу чушь, когда предлагаю эвакуацию из Курляндии, — говорил Гудериан Гитлеру. — Я просто не вижу другого пути накопить необходимые резервы, а без резервов мы не сможем оборонять нашу столицу. Я уверяю вас, — продолжал Гудериан, — что действую только в интересах Германии"[207]. Гитлер был настолько разозлен этими словами, что даже подпрыгнул со своего места. "Как вы можете говорить мне подобные вещи?! — закричал он. — Вы что думаете, я действую не в интересах Германии!" Недавно назначенный в Цоссен офицер оперативного управления полковник де Мезьер никогда ранее не видел здесь столь ожесточенного спора. Он не на шутку опасался за судьбу своего начальника штаба. Чтобы несколько остудить ярость фюрера, Геринг подошел к Гудериану

и увел его в другую комнату. Оставшиеся с Гитлером офицеры хранили гробовое молчание.

В тот момент Гудериана больше всего тревожила возможность перехода русских в наступление против немецкой 2-й армии, которая старалась установить прочный сухопутный коридор между Померанией и Восточной Пруссией. Поэтому он так настаивал на ударе со стороны "Балтийского балкона" в южном направлении. Более того, данный удар, несомненно, отвлек бы значительные советские силы и не позволил бы им немедленно перейти в наступление на Берлин. 13 февраля в рейхсканцелярии состоялось заключительное совещание по этому вопросу. На нем присутствовали также командующий группой армий "Висла" Гиммлер вместе с обер-группенфюрером Зеппом Дитрихом. Гудериан явился туда вместе со своим талантливым заместителем генералом Вент ком. Гудериан сразу же дал собравшимся понять, что собирается начать контрнаступление через два дня. Гиммлер стал возражать, поясняя, что к этому времени невозможно подвести необходимое количество горючего и боеприпасов. Фюрер поддержал последнего. А вскоре между Гитлером и начальником штаба сухопутных войск разгорелся новый спор. Гудериан настаивал на том, что операцией должен руководить генерал Венк.

"Рейхсфюрер СС, — отметил Гитлер, — сам способен провести эту операцию".

"Рейхсфюрер СС, — возразил Гудериан, — не имеет необходимого опыта и достаточно компетентного штаба, чтобы контролировать операцию. Поэтому присутствие генерала Венка является необходимым".

"Я не разрешаю вам, — закричал Гитлер, — говорить мне о том, что рейхсфюрер СС не способен исполнять свои обязанности!"[208]

Спор продолжался достаточно длительное время. Гитлер был в сильном гневе. Гудериан смотрел на висевший в рейхсканцелярии портрет Бисмарка в металлическом шлеме и думал о том, что же случилось со страной, которую и помог создать этот "Железный канцлер"? К удивлению начальника штаба, Гитлер неожиданно прекратил шагать по комнате взад-вперед и сказал Гиммлеру, что генерал Венк может выехать в его штаб сегодня же и возглавить наступательную операцию. Потом он присел и улыбнулся Гудериану. "Теперь вы можете продолжать совещание, — произнес он. — Сегодня генеральный штаб выиграл свое сражение". Позднее, уже в приемной, Гудериан отверг предположение Кейтеля о том, что спор с Гитлером мог быть болезненным для фюрера, и он чувствовал, что его сегодняшний

успех будет отнюдь не долгим.

Контрнаступление в Померании, известное так же, как танковое сражение при Штаргарде, началось 16 февраля. Операцией руководил генерал Венк. Намечалось ввести в бой до тысячи двухсот танков. Однако возникли большие проблемы с транспортировкой их по железной дороге. Даже танковая дивизия в сокращенном составе требовала до пятидесяти поездов, чтобы перевезти ее людей и технику. Еще более серьезной была проблема с обеспечением соединений горючим и боеприпасами. Их хватало только на три дня наступления.

Очевидно, что уроки Арденнского сражения остались невостребованными.

Штабные офицеры хотели дать для операции кодовое название "Рейд гусар", что ясно отражало немецкие возможности осуществить теперь не более чем диверсионную операцию против советских войск. Но эсэсовское командование настояло на том, чтобы операции присвоили более драматическое имя "Солнцестояние". На самом деле не получилось ни "рейда", поскольку внезапное потепление размочило дороги и танки просто застревали в грязи, ни тем более "солнцестояния", так как операция мало что изменила в общем раскладе сил. Советская 2-я гвардейская танковая армия нанесла собственный удар по противнику, и части вермахта понесли большие потери в танках.

Наиболее высокопоставленной потерей для войск стал сам генерал Венк. Он получил тяжелую травму во время аварии своего автомобиля, когда возвращался на фронт из ставки фюрера и заснул прямо в дороге. Его заменил генерал Кребс, подготовленный штабной офицер, являвшийся германским военным атташе в Москве еще до начала операции "Барбаросса". Попытки остановить дальнейшее советское продвижение в Померании не привели к успеху. Единственным результатом немецкого контрудара стал выигрыш времени на берлинском направлении. В Кремле окончательно убедились, что быстрый бросок в сторону германской столицы невозможен, и необходимо вначале обезопасить свой фланг в Померании.

Гитлер продолжал запрещать немецким войскам прорываться из окруженных городов. Он присваивал таким пунктам названия "крепостей". Все это являлось примером самоубийственной стратегии режима и бесполезного кровопролития. Гитлер знал, что обрекает гарнизоны таких "крепостей" на верную гибель, поскольку у люфтваффе просто не хватало горючего, чтобы сбрасывать припасы окруженным солдатам. В этих котлах группа армий "Висла" продолжала бесцельно терять свои опытные боевые части.

Кенигсберг и Бреслау еще продолжали держаться, тогда как другие "крепости", или "волнорезы", скоро пали под русскими ударами. 14 февраля в Южной Померании после жестоких и кровопролитных боев был сдан Шнейдемюль. На этот раз даже Гитлер не смог обвинить германские части в отсутствии упорства. Командующий обороной города и его заместители были награждены рыцарскими крестами. Четыре дня спустя, как раз в тот момент, когда операция "Солнцестояние" застряла в грязи, Чуйков дал команду начать штурм Познани. 7-й отдел политуправления его армии, как и ранее в Сталинграде, подготовил специальные пропагандистские мероприятия, предваряющие начало артподготовки. Из установленных в окопах громкоговорителей до окруженных немцев доносилась музыка, которую прерывали слова о том, что единственным путем их спасения является немедленная сдача в плен. Германским солдатам также говорили, что у них нет никакого шанса — основной фронт отстоял от Познани уже на двести километров.

Артиллерийский обстрел немецких позиций начался еще за девять дней до начала штурма. Но 18 февраля был произведен удар невиданной силы. Тысяча четыреста орудий и ракетных установок "катюша" утюжили германскую оборону целых четыре часа. После чего в разрушенные здания крепости ворвались советские штурмовые группы. Если противник продолжал сопротивление в каком-либо месте, то к нему срочно подтягивались 203-миллиметровые гаубицы. Они начинали бить по укрепленным позициям прямой наводкой. Штурмующие активно использовали огнеметы для того, чтобы выкуривать немцев из подвалов домов. Тех германских солдат, которые решались сдаться в плен, расстреливали их же офицеры. Однако скорый конец был неотвратим. В ночь с 22 на 23 февраля комендант познаньского гарнизона генерал-майор Эрнст Гомель положил на пол комнаты флаг со свастикой, лег на него и застрелился. Остатки гарнизона капитулировали.

Осада Бреслау продолжалась намного дольше — город еще держался, когда уже пал Берлин. В результате оборона Бреслау стала одной из самых ужасных в истории этой войны. Фанатичный гауляйтер Ханке был убежден, что столица Силезии должна оставаться немецкой. Именно он объявил

по городским громкоговорителям в конце января об эвакуации женщин и детей. Жизни тех, кто тогда замерз в пути, лежат целиком на его совести.

В Бреслау имелись значительные запасы продовольствия, но очень мало боеприпасов. Попытки сбросить их на парашютах привели к быстрому истощению ресурсов немецкой транспортной

авиации. Тогда в конце февраля генерал-полковник Шёрнер решил послать на помощь осажденным часть 25-го парашютного полка. Командир полка пытался протестовать, утверждая, что в районе города совершенно нет посадочных площадок. Однако его возражения не возымели действия, и 22 февраля батальон парашютистов был посажен в Ютербоге, что южнее Берлина, на транспортные самолеты Ю-52. В полночь самолеты приблизились к Бреслау. "Вокруг всего города, — вспоминал один из десантников, — бушевало пламя, и наши самолеты встретил интенсивный зенитный огонь"[209]. Вскоре прервалась связь с землей, и транспортники вынуждены были взять обратный курс. Новую попытку высадки произвели два дня спустя. В эту ночь советские зенитки, расположенные вокруг города, стреляли еще сильнее. Целых двадцать минут пилоты старались найти удобное место для посадки. Три самолета было сбито. Один из них врезался прямо в трубу предприятия.

Гауляйтер Ханке, за которым стоял авторитет генерала Шёрнера, провел в городе ряд мер дисциплинарного характера. Другими словами, он на деле стал проводить политику "силы через страх". Ее последствия были просто ужасны. Экзекуции мог подвергнуться любой человек. Даже десятилетних детей заставляли работать на строительстве посадочной полосы для самолетов, несмотря на артиллерийские обстрелы и бомбовые удары. Любая попытка немцев "спасти свои жалкие жизни"[210] и сдаться врагу каралась смертью. В этом случае "определенные мероприятия" проводились и против семей сдающихся. Шёрнер утверждал, что "почти четыре года азиатской войны" совершенно изменили солдата на фронте[211]. Они "закалили его и сделали фанатичным борцом против большевизма… Кампания на Востоке произвела на свет политического бойца".

* * *

Утверждение Сталина на Ялтинской конференции, что население Восточной Пруссии и Силезии бежало от наступающей Красной Армии, было не совсем верным. Еще слишком много гражданских лиц оставалось в осажденных городах. Продолжало страдать население Восточной Пруссии, часть которого пыталась эвакуироваться из порта Пиллау, а другие обреченно отсиживались в своих домах. Февральская оттепель означала, что залив Фришес-Хафф теперь уже нельзя пересечь на автомобиле или повозке. Оставался лишь один путь пешком. Проход на Данциг и в Померанию все еще оставался открытым, но все прекрасно понимали, что выход советских войск к побережью Балтийского моря стал лишь вопросом времени.

Офицеры НКВД информировали Берию о том, что в

Кенигсберге находится значительное количество гражданского населения, бежавшего в город из различных частей Восточной Пруссии[212]. В нем не хватало жилых помещений, чтобы разместить всех беженцев. Еще меньше имелось продовольственных запасов. Люди были счастливы, если им выдавали в день по сто восемьдесят граммов хлеба. В тылу Красной Армии немецкие женщины с детьми выходили на дорогу, по которой двигались советские части, в надежде на то, что русские солдаты накормят их. От этих гражданских лиц советская разведка получала сведения о катастрофическом моральном состоянии солдат кенигсбергского гарнизона. Там даже издали приказ о том, чтобы расстреливать на месте всех немецких мужчин, которые уклоняются от службы. Однако солдаты все равно переодевались в гражданскую одежду и бежали с фронта. 6 и 7 февраля на железнодорожной станции на севере Кенигсберга были свалены в кучу тела восьмидесяти расстрелянных немецких солдат. Табличка, висевшая над ними, гласила: "Они были трусами, трусами и погибли".

После неудачного завершения операции "Солнцестояние" в непосредственной опасности оказался уже Данциг. Военно-морской флот Германии сделал огромные усилия, чтобы эвакуировать из города как можно больше гражданских лиц и раненых. Только за один день, 21 февраля, была принята на борт пятьдесят одна тысяча человек. Официальные нацистские представители рассчитывали, что теперь осталось эвакуировать всего сто пятьдесят тысяч человек. Однако неделю спустя они вдруг обнаружили, что в городе все еще находится один и две десятых миллиона человек, из которых пятьсот тридцать тысяч являются беженцами. Были активизированы усилия по ускорению темпов эвакуации. 8 марта из Померании на Мекленбург ушло сразу тридцать четыре поезда. Гитлер намечал переместить сто пятьдесят тысяч беженцев в Данию. Спустя два дня вышел его приказ — подготовить для этой цели столицу страны Копенгаген[213]. 10 марта число немецких беженцев из восточных районов Германии оценивалось в одиннадцать миллионов человек.

Является фактом, что даже в тот момент, когда Данциг был уже заполнен тысячами беженцев, пытающимися прорваться на запад, в городе все еще продолжал работать Медицинский анатомический институт. После того как Данциг был захвачен частями Красной Армии, была образована специальная комиссия, призванная исследовать характер деятельности этого института. Она обнаружила целое производство мыла и кожи "из тел граждан СССР, Польши и других стран, убитых в

концентрационных лагерях"[214]. Профессор Шпаннер и его ассистент профессор Фольман начали свои эксперименты еще в 1943 году. Позднее они пустили производство на поток. Во время осмотра помещений было выявлено сто сорок восемь человеческих тел, предназначенных для изготовления из них мыла. Из них сто двадцать шесть мужских, восемнадцать — женских и четыре детских. Восемьдесят мужских тел и два женских нашли обезглавленными… Было найдено еще восемьдесят девять других тел. Все тела и головы были положены в металлические контейнеры и залиты спиртовым раствором. Оказалось, что большинство убитых привезли в институт из концентрационного лагеря Штутгоф, расположенного неподалеку от Данцига[215]. Погибшие заключенные были люди различных национальностей, но большинство — поляки, русские и узбеки. Работа "ученых", по-видимому, получила официальное одобрение властей. Этот факт доказывает высокий ранг визитеров, посещавших институт. Среди них были министр образования Руст и министр здравоохранения Конти. Гауляйтер Данцига Альберт Фёрстер также приезжал сюда в 1944 году, когда производство мыла уже шло полным ходом. Он осмотрел все помещения и, несомненно, был осведомлен, из чего, собственно, производится сей гигиенический продукт. Самое удивительное в этом деле то, что нацисты не произвели никаких разрушений в институте до прихода в Данциг Красной Армии, а профессор Шпаннер и его помощники не подверглись судебному преследованию после войны. Обработку мертвых тел не признали за криминал.

В концлагере Штутгофе содержались в основном советские и польские заключенные — как военнопленные, так и лица еврейской национальности. Порядка шестнадцати тысяч узников умерло там от тифа всего за шесть недель. Когда линия фронта стала приближаться к лагерю, заключенным приказали уничтожить все следы нацистских преступлений. Тогда в полную силу заработал крематорий. Были сожжены также десять бараков, в которых содержались евреи. По-видимому, в казнях советских военнопленных и гражданских лиц принимали участие и простые немецкие солдаты.

Движимые либо страхом оказаться в Сибири, либо быть немедленно наказанными за свои преступления, истощенные немецкие солдаты все еще поднимались и шли в бой. "Немцы потеряли пока не всю надежду, — отмечал в феврале 1945 года аналитик французской разведки. — Они просто боятся представить себе, что с ними будет в противном случае"[216]. Советские офицеры характеризовали немцев несколько по-иному: "Моральное состояние на низком уровне, но дисциплина

строгая"[217].

Глава седьмая
Зачистка тыловых районов

14 февраля 1945 года колонна советских военных машин, двигавшаяся по Восточной Пруссии по шоссе от Растенбурга на Ангебург, неожиданно свернула на небольшую дорогу, ведущую в густой дубовый лес. Окружающий тоскливый пейзаж наводил на меланхолические настроения.

Вдоль дороги тянулась колючая проволока. Вскоре колонна остановилась перед табличкой с надписью на немецком языке: "Стой. Военная зона. Гражданским лицам вход воспрещен"[218]. Это были ворота в бывшую ставку Гитлера Вольфшанце.

На советских автомобилях находились военнослужащие пограничных войск из 57-й дивизии НКВД[219]. Командовали ими офицеры, одетые в военную форму, хотя они и не подчинялись армейскому командованию. В качестве сотрудников СМЕРШа они теоретически могли держать ответ только перед Сталиным. Отношение контрразведчиков с армейскими подразделениями нельзя было назвать дружескими. Имевшиеся у смершевцев машины были переданы им из фронтовых частей. Часто армейское командование избавлялось таким образом от уже изживших свой срок автомобилей. Это стало повсеместной практикой, и командиры подразделений СМЕРШа и НКВД были ей абсолютно недовольны.

Начальник всей автоколонны носил форму генерала. Им являлся комиссар государственной безопасности 2-го ранга Виктор Семенович Абакумов. Он был назначен руководителем контрразведки СМЕРШ самим Берией вскоре после победы под Сталинградом. Абакумов, равно как и его шеф, не гнушался арестом молодых женщин и их последующим изнасилованием. Однако его основной специальностью являлось выколачивание показаний из заключенных с помощью резиновой дубинки. Для того чтобы не портить лежащий на полу его кабинета шикарный персидский ковер, Абакумов приказывал сворачивать его перед тем, как в помещение приводили очередного несчастного узника[220].

Именно Абакумов был послан Берией провести "специальные чекистские мероприятия" в тылу войск 3-го Белорусского фронта. Здесь под его началом находилось двенадцать тысяч военнослужащих НКВД — то есть больше, чем все немецкие охранные войска, подчиненные трем группам армий, вторгнувшимся в 1941 году в СССР. Даже фронт Жукова не

располагал таким числом военнослужащих специальных подразделений.

Повсюду лежал мокрый снег. Согласно отчету Абакумова Берии, военнослужащие НКВД спрыгнули с машин и заблокировали дорогу. Тем временем он сам и другие офицеры СМЕРШа начали осмотр территории. Повсюду остались следы недавнего пребывания немцев. Справа от главного входа стояло несколько каменных блокпостов, в которых находились мины и камуфляжный материал. С левой стороны стояло несколько бараков, в которых жили охранники. Советские военнослужащие обнаружили там эполеты и форму батальона охраны ставки фюрера. Численность этого батальона была по приказу Гитлера увеличена до размеров бригады. Фюрер постоянно опасался неожиданного парашютного десанта со стороны русских[221].

Следуя дальше по дороге, уводящей все глубже в лес, Абакумов постоянно натыкался на стоящие по обеим сторонам таблички. Его переводчик объяснил, что они предупреждают о расставленных вокруг минах. Абакумов очень подробно описывал в своем отчете все детали осмотра. Он знал, что затем этот документ будет, несомненно, доложен Сталину, интересующемуся подробностями жизни Гитлера.

Самой удивительной деталью, однако, стала длительная неосведомленность русских о месторасположении ставки Гитлера. Она кажется и вовсе непонятной, исходя из того, что они захватили в 1943 и 1944 годах большое количество немецких генералов, которые в разное время посещали Вольфшанце. Лишь две недели спустя после прихода частей Красной Армии советское командование обнаружило этот комплекс строений площадью четыре квадратных километра. Тем не менее нужно признать, что заметить место ставки с воздуха представлялось довольно затруднительным. Все дороги были покрыты сверху зеленой камуфляжной сеткой. Любые прямые линии маскировались искусственными насаждениями деревьями и кустами. Фонари светили только синим светом. Даже наблюдательные посты, высотой под тридцать пять метров, ничем не отличались от обычных сосен.

Когда Абакумов и его сопровождающие прошли через первый внутренний периметр, их взору предстали массивные железобетонные укрепления с колючей проволокой и расположенными перед этими укреплениями минными полями. Поодаль располагались огневые позиции для стрелков и казармы. За воротами № 1 все бункеры взорвали еще в прошлом году, сразу после окончательного отъезда отсюда фюрера 20 ноября 1944 года. Однако Абакумов не имел ясного представления о том,

когда именно были оставлены эти помещения. Они прошли через второй периметр, затем через третий. В центре комплекса Абакумов увидел несколько бункеров, соединенных с подземными гаражами. Выяснилось, что гаражи были рассчитаны на стоянку для восемнадцати автомобилей.

Абакумов писал, что он и его сопровождающие вошли в эти бункеры с чрезвычайной осторожностью. Они увидели сейф, который был пуст. Меблировка всех комнат оказалась чрезвычайно простой. Сотрудники СМЕРШа осознали, что находятся на правильном пути, когда увидели перед собой дверь с табличкой "Адъютант фюрера". Вскоре обнаружили и комнату Гитлера. Ее опознали с помощью фотографии, где в этом помещении был запечатлен он сам и Муссолини.

Абакумов не выразил никаких эмоций по поводу того, что он находится как раз там, откуда фюрер дал приказ произвести безжалостное нападение на СССР. Казалось, что больше всего его интересовали железобетонные укрепления и их размеры. Потрясенный увиденным, он, вероятно, уже обдумывал — можно ли соорудить нечто подобное для охраны безопасности Сталина и Берии. В своем докладе Абакумов специально отметил, что советским специалистам будет чрезвычайно интересно посетить бывшую ставку Гитлера и осмотреть все имеющиеся там бункеры и их организацию[222]. Несмотря на приближающуюся победу, выходило так, что советский лидер чувствовал себя не в большей безопасности, чем его поверженный враг.

По словам самого Сталина, подразделения СМЕРШа и НКВД, приданные фронтам, были "несовершенны" для того, чтобы эффективно противостоять всем подозрительным элементам на захваченных территориях[223]. Во время беседы с маршалом авиации Теддером, которого сопровождал американский генерал Булл, Сталин сказал последнему, что дивизии НКВД совершенно не имеют артиллерии. Однако добавил, что они хорошо вооружены автоматическим оружием и бронемашинами. Он считал, что эти войска должны иметь все возможности для расследования и ведения допросов.

На захваченной германской территории, в Восточной Пруссии и Померании, первой задачей частей НКВД было вылавливание оставшихся в советском тылу немецких военнослужащих. Советские офицеры приравнивали фольксштурмовцев к солдатам вермахта. Но поскольку почти всех немецких мужчин в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет так или иначе использовали в фольксштурме, то их автоматически превращали в военнопленных. Тех фольксштурмовцев, которые не убежали, а остались у себя дома,

признавали за участников групп по организации саботажа в тылу советских войск. Согласно донесениям, более двухсот немцев было расстреляно тогда на месте "за саботаж и терроризм"[224]. Однако действительная цифра убитых, видимо, намного больше.

Согласно сталинскому пониманию, небольшая прослойка поляков, сотрудничавших с гитлеровскими властями, относилась к "подозрительным лицам" в Польше в меньшей степени, нежели люди, которые поддерживали польское правительство в эмиграции и Армию Крайову, организовавших восстание в Варшаве летом 1944 года. Сталин относился к этому событию как к преступному антисоветскому акту[225]. В его глазах оно было не чем иным, как попыткой захватить польскую столицу и переместить туда "лондонское эмигрантское правительство" прямо под носом у наступающей Красной Армии[226]. Той армии, которая сражалась и умирала ради освобождения Варшавы. Сталин, естественно, не принимал в расчет, что Польша была продана им нацистам в 1939 году, и то, что Берия расстрелял польских офицеров в Катыни в 1940 году. Советский лидер игнорировал и тот факт, что Польское государство понесло в войне пропорционально большие потери, чем Советский Союз, — двадцать процентов от всего населения. Сталин считал, что по праву завоевателя он может основать в Польше свое собственное правительство. В этом, кстати, было убеждено и немало командиров Красной Армии. Когда же советские войска пересекали границу Польского государства с Германией, многие бойцы чувствовали, что именно теперь они вступают на территорию иностранного государства[227], инстинктивно полагая, что Польша является составной частью Советского Союза.

Утверждение Сталина на конференции в Ялте, что временное прокоммунистическое правительство Польши имеет большую популярность в народе, являлось не более чем субъективным мнением. Оценки Жукова были куда более реалистичны. Он вспоминал о том, что лишь часть поляков лояльно относились к Красной Армии[228]. Противники советской власти объявлялись "вражескими агентами" даже несмотря на то, что они воевали против гитлеровцев. Совершенно сбрасывалось со счетов то обстоятельство, что Армия Крайова официально являлась вооруженной силой, воюющей на стороне союзников. Жуков признавал необходимость контроля над собственными войсками в момент прохождения их через Польшу. С советскими солдатами требовалось проводить воспитательную работу ради недопущения с самого начала их пребывания в Польском государстве различных необдуманных поступков. Это пребывание затянулось

на целых сорок пять лет.

Масштабы контроля НКВД над польским временным правительством хорошо видны из того факта, что Берия назначил 20 марта 1945 года генерала Серова в качестве "советника" в новом польском министерстве безопасности[229]. Генералу был присвоен псевдоним "Иванов". Советник имел звание комиссара государственной безопасности 2-го ранга. Серов был хорошо подготовлен для исполнения своих служебных обязанностей. Он в свое время координировал массовую депортацию горских народов с Кавказа, а еще раньше, в 1939 году, отвечал за проведение репрессий во Львове сразу после его захвата Красной Армией. По его приказу арестовывались и расстреливались польские офицеры, землевладельцы, священники, учителя, заподозренные в оппозиции советскому режиму. Около двух миллионов поляков были депортированы тогда в лагеря ГУЛАГа, а в восточной Польше начался процесс насильственной коллективизации.

Сталин намеренно проводил политику, в которой Армия Крайова и украинские националисты из организации УПА (Украинская повстанческая армия) ставились на одну плоскость. По крайней мере он пытался доказать, что они тесно сотрудничают между собой. Со своей стороны, Геббельс не упускал возможности использовать эти утверждения в собственных пропагандистских целях. Он заявлял, что в тылу Красной Армии развернулось мощное партизанское движение. Количество бойцов сопротивления в Эстонии достигло сорока тысяч человек, в Литве — десяти тысяч, а на Украине — пятидесяти тысяч. Министр пропаганды "третьего рейха" даже цитировал газету "Правда" от 7 октября, где говорилось о действиях в советском тылу "украинско-германских националистов"[230]. Все это давало НКВД еще больше возможностей для оправдания своих карательных мер по зачистке освобожденных территорий. Показательно, что оба режима, и советский и нацистский, питали друг друга необходимым пропагандистским материалом.

Еще одного потенциального польского врага НКВД пытался обнаружить в начале марта 1945 года, сразу после того, как в Польше обосновались органы СМЕРШа. Его сотрудники стали наводить справки о родственниках маршала Рокоссовского, пытаясь узнать, не замешан ли кто из них в антисоветской деятельности[231]. Рокоссовский был наполовину поляком, и не вызывает сомнения, что это расследование велось по прямому указанию Берии. Он не забыл, что в свое время Рокоссовский сумел улизнуть из его рук. Вынюхивать следы врагов на 2-м Белорусском фронте Сталин поручил члену Военного совета

фронта Николаю Булганину.

Убежденность советского лидера в необходимости ликвидировать Армию Крайову наглядно проявилась в небольшом инциденте, произошедшем между военными представителями СССР и США. 5 февраля 1945 года, вскоре после начала Ялтинской конференции, неподалеку от местечка Куфлево совершил вынужденную посадку американский самолет Б-17, пилотировавшийся лейтенантом Мироном Кингом. Вскоре к самолету подошел молодой поляк и попросил американских летчиков взять его с собой. Парня взяли на борт и доставили на аэродром в Щучине, где намечалось произвести более тщательный ремонт боевой машины. Поляка переодели в летную униформу и после посадки выдали его за члена команды Джека Смита[232]. Генерал Антонов позднее отмечал в своем докладе, что только после того, как в дело вмешались советские представители, лейтенант Кинг вынужден был признать, что этот поляк является не членом команды, а иностранцем, о происхождении которого они не имеют никакого понятия. Тем не менее американцы взяли его на борт и хотели увезти в Англию. По словам Антонова, этот поляк являлся не кем иным, как террористом и саботажником, которого заслали в Польшу из Лондона. Правительство Соединенных Штатов вынуждено было принести свои извинения. Оно даже организовало судебный процесс на своей арендованной в СССР авиабазе под Полтавой и запросило Антонова предоставить необходимые свидетельские материалы. Сталин сумел раскрутить этот инцидент по полной программе. Он сказал Авереллу Гарриману, американскому послу в Москве, что этот случай доказывает, что США снабжают белополяков, чтобы те наносили удары по Красной Армии.

Еще один инцидент случился на советской авиабазе в Мелеце, где из-за недостатка горючего совершил посадку американский "Либерейтор". Советское командование, к тому времени уже хорошо осведомленное о происшествии с лейтенантом Кингом, заставило американских летчиков покинуть самолет и разместило их в близлежащем домике. Однако вместо одной ночи командир экипажа лейтенант Дональд Бридж и девять членов его команды провели в нем двое суток[233]. Тогда они решили, что пришла пора принимать самостоятельные действия. Летчики проникли на самолет якобы забрать оттуда личные вещи. Но, как только команда оказалась на борту, командир включил двигатели и машина взмыла в небо, невзирая на все сигналы и предупреждения советского обслуживающего персонала[234]. Впоследствии генерал Антонов сообщал американскому генералу Риду, что советский инженер-капитан

Меламедов, ответственный за команду Дональда Бриджа, был настолько обескуражен и расстроен случившимся, что в тот же день застрелился. Хотя его смерть лежит скорее на совести тех офицеров СМЕРШа, которые отвечали за охрану самолета. Этот инцидент был также использован в качестве "доказательства" того, что посадки самолетов используются для транспортировки на территорию Польши террористов, саботажников и агентов польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Сейчас тяжело предположить, чем тогда руководствовались советские официальные лица — либо они на самом деле были параноиками, либо речь шла о нарушении их моральных устоев. После посещения в Москве освобожденных из немецкого плена союзных летчиков неким американским подполковником тот вдруг узнал, что генерал Антонов изучает вопрос о нахождении авиации США как в Советском Союзе, так и на территориях, контролируемых Красной Армией[235].

Согласно докладам НКВД, на территории Восточной Пруссии, в тылу 2-го Белорусского фронта Рокоссовского, действовали немецкие банды численностью до тысячи человек. Специальные части прочесывали лес в их поисках и для последующей ликвидации. Однако в большинстве случаев этими бандитами являлись небольшие группы местных фольксштурмовцев, скрывающихся от советских солдат. Иногда они устраивали засады на грузовики, мотоциклы и повозки, чтобы добыть себе пропитание. В Крайсбурге части НКВД обнаружили даже две замаскированные пекарни, выпекавшие хлеб для немецких солдат, прятавшихся в лесной чаще[236]. Патруль арестовал молодую женщину, несшую им свежую выпечку.

21 февраля 1945 года патруль 127-го гвардейского полка пограничных войск, возглавляемый младшим лейтенантом Хизматулиным, проводил осмотр лесного массива. Неожиданно сержант Завгородный наткнулся на мешок, висевший прямо на дереве. У него возникло подозрение, что неподалеку прячутся какие-то люди. В ходе дальнейшей проверки были обнаружены три хорошо замаскированные траншеи, которые привели советских солдат к землянке. В ней находились вооруженные люди — три немецких солдата с винтовками[237].

Основной проблемой при зачистке тыла оставались мины и неразорвавшиеся снаряды[238]. Для того чтобы ускорить процесс разминирования, каждому полку НКВД были приданы двадцать две обученные собаки[239]. Более того, овчарки по запаху могли определить места нахождения спрятавшихся германских военнослужащих.

Многие командиры частей НКВД в своих докладах нарочно

драматизировали ситуацию для того, чтобы придать своей деятельности еще большую значимость. Показательно, что все допрашиваемые органами СМЕРШа "террористы" были уже людьми пожилого возраста — родились, как правило, еще до 1900 года. В докладе представителя НКВД на 2-м Белорусском фронте Цанавы говорится о некоем Ульрихе Бере, 1906 года рождения, который признался, что в феврале 1945 года был завербован офицером германской разведки капитаном Шрапом. В его задачу входило обосноваться в советском тылу и проводить там активную террористическую и разведывательную деятельность[240]. Кроме того, вербовать сторонников и проводить с их помощью организованный саботаж. В ходе своей деятельности Бер завербовал двенадцать агентов. Во многих докладах офицеры НКВД называли оставшихся в советском тылу фольксштурмовцев не иначе как агентами, оставленными немецкой разведкой для "организации саботажа"[241]. В этой связи возникало много нелепостей. Одной из них был инцидент с "саботажем" на линии электропередач неподалеку от Гинденбурга, в Силезии. Однако после детального осмотра места происшествия выяснилось, что провода оказались перерезаны отнюдь не саботажниками, а осколками от разрывов советских снарядов.

В другом донесении говорилось о целой школе немецких саботажников, обнаруженной неподалеку от деревни Ковалево[242]. В этом случае офицеры СМЕРШа были, пожалуй, правы. Дело в том, что все эти "саботажники" имели украинские и русские фамилии. Находясь в отчаянном положении, немцы все больше и больше использовали рабский труд советских военнопленных. Вполне возможно, что найденная в деревне группа советских граждан добровольно пошла на работу к немцам, чтобы оказаться поближе к фронту и побыстрее вернуться домой. Однако они напрасно торопились. Все эти люди сразу же попали под подозрение.

Создается впечатление, что наибольшую активность части НКВД проявляли при обыске домов и сараев, чем при осмотре прилегающей к ним местности. Одно из советских спецподразделений заметило группу из восьми немецких женщин, сидевших возле стога сена. "Бдительный сержант"[243] неожиданно обнаружил, что это вовсе не женщины, а переодетые в женскую одежду германские солдаты. Донесений подобного рода встречалось тогда довольно много.

Оказалось также, что крестьяне Восточной Пруссии могут быть столь же наивными, как и жители русских деревень. Патрульные советские солдаты часто замечали, что немцы во

время осмотра их жилищ не перестают смотреть на одно и то же место и не отходят от него. В одном из домов немецкая женщина не слезала со своего сундука. Солдат согнал ее оттуда, открыл сундук и обнаружил там спрятавшегося человека. Внимание другого патруля привлекла кровать, с которой не сводил глаз хозяин дома. Солдаты скинули с кровати матрас и увидели, что ее боковые стенки слишком высокие. После того как их оторвали, обнаружили мужчину, одетого в женское платье. В другом доме патруль нашел человека, спрятавшегося в шкафу под одеждой. Его обнаружили по ногам, торчащим из-под пальто. Обычным местом для потайных мест были сараи, амбары, сеновалы. Овчарки быстро находили подобные убежища. Лишь немногие немцы рыли для себя землянки. Порой солдаты НКВД не затрудняли себя обыском в немецких домах. Они просто поджигали подозрительное жилище, и те несчастные, кто не сгорел в нем, расстреливались из автоматов, когда выбегали на улицу.

Если большинство фольксштурмовцев прятались рядом со своими родными домами, то военнослужащие регулярных частей вермахта пытались всеми силами прорваться через линию фронта. Во многих случаях они переодевались в советскую форму, снятую с убитых красноармейцев. Если таких немцев ловили, то расстреливали прямо на месте. Всех военнопленных, будь то немцы, поляки или русские, первоначально отправляли на сборный пункт. Зачастую он представлял собой всего лишь дом, огороженный колючей проволокой. На нем висела табличка: "Тюрьма: НКВД СССР". Пленные допрашивались офицерами СМЕРШа. В зависимости от показаний их направляли либо в лагерь, либо в рабочий батальон.

Старшие офицеры НКВД следили и за порядком в собственных частях. Генерал-майор Рогатин, командующий войсками НКВД 2-го Белорусского фронта, а в прошлом представитель НКВД в Сталинграде" обнаружил, что в некоторых случаях военнослужащие спецподразделений не исполняют своих служебных обязанностей, а занимаются в основном грабежом. Было установлено, что награбленное имущество распределяется по частям "без ведома штаба дивизии". В полках имелись случаи продажи и обмена различных предметов — сахара, табака, вина, керосина, взятых у водителей автомашин и мотоциклов, остановленных в прифронтовой полосе. Такая ситуация, по мнению генерала, вела к подрыву дисциплины и возникновению чрезвычайных происшествий. В частях имелись добросовестные солдаты, которые честно исполняли свой долг[244]. Но были и такие, которые не занимались ничем, кроме грабежа. Рогатин

приказывал командирам подразделений немедленно пресекать подобные явления и заставлять всех честно исполнять свой долг. Показательно, что подобные явления не пресекались в судебном порядке. Интересно также, что генерал упоминает выражение "без ведома штаба дивизии". Видимо, штабные работники забеспокоились лишь тогда, когда обнаружили, что они никак не причастны к распределению значительного количества ценных вещей, проплывающих мимо их рук.

Нет никакого сомнения, что армейские части недолюбливали "тыловых крыс" из НКВД. Однако такая неприязнь была обоюдной. Спецподразделения довольно неохотно занимались сбором оружия и боеприпасов, брошенных отступающими немецкими войсками и красноармейцами. Все это вело к их расхищению и использованию бандитами и местным населением. Было установлено, что оружие часто попадает в руки подростков и молодых людей, которые объединяются в вооруженные группы и терроризируют местных жителей. Таким образом, брошенное оружие создавало благоприятные условия для роста бандитизма[245]. Процветала также ловля рыбы на озерах и реках Восточной Пруссии и Польши с использованием боевых гранат. Подобный "спорт" был тогда довольно популярен и в войсках, что запрещалось советскими приказами.

Частям НКВД приходилось иметь дело не только с загнанными в леса немецкими солдатами и фольксштурмовцами, но и с группами дезертиров из Красной Армии. 7 марта патруль НКВД захватил в тылу 2-го Белорусского фронта, неподалеку от деревни Дертц, группу советских военнослужащих, состоящую из пятнадцати человек. Вскоре в этом же районе была обнаружена еще одна группа из восьми человек. Все военнослужащие покинули свои части еще в декабре 1944 года. В отчетах войск НКВД указывалось на большое количество дезертиров, пытающихся уйти с фронта в тыловые районы. Так, в лесном массиве возле Ортелсбурга была захвачена "бандитская группа" дезертиров, возглавляемая советским капитаном, украинцем по национальности. Он покинул госпиталь еще 6 марта, но в свою часть не вернулся. Интересно, что капитан являлся членом партии и был кавалером ордена Красной Звезды. Состав этой группы, вооруженной автоматическим оружием, оказался чрезвычайно разнообразным. В ней были уроженцы Тулы, Свердловска, Воронежа, Украины, а также поляки, три немецкие женщины и один немец из окрестностей Ортелсбурга.

Однако большинство дезертиров, в первую очередь уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии, старались пробраться домой в одиночку либо с одним напарником. Некоторые из них

переодевались в женскую одежду. Другие калечили себя и пробирались на железнодорожные станции. Там они воровали документы у раненых военнослужащих[246]. Для предотвращения таких эксцессов советское начальство было вынуждено ввести для раненых сопроводительные документы нового образца. Иногда люди просто исчезали, и никто не мог понять, то ли они дезертировали, то ли погибли в бою. 27 января во время сражения в Восточной Пруссии пропало сразу два танка Т-34 из 6-го гвардейского танкового корпуса[247]. Никто больше не видел ни этих танков, ни шестнадцать находившихся при них человек — членов экипажа и пехотинцев. Никто так и не узнал, остались ли они живы либо погибли.

Несмотря на то что в тылу советских фронтов находилось довольно большое количество частей НКВД, их контроль над личным составом армейских соединений оставлял желать много лучшего. Согласно донесению немецкой разведки от 9 февраля, в советских войсках наблюдалось дальнейшее падение дисциплины[248]. Этот факт, по мнению немецких офицеров, произрастал из того, что Красная Армия вступила сейчас в такие области, которые, по русским понятиям, являются зажиточными. В донесении говорилось, что советские солдаты грабят местных жителей и мобилизуют их на принудительные работы, а красноармейцы убивают немцев за малейшее неповиновение. Причиной хаоса, творящегося в советском тылу, являлись также бывшие "остарбайтеры", граждане СССР, которые направлялись в Восточную Пруссию и собирали там различное имущество[249].

Многие командиры 1-го Белорусского фронта были потрясены нелепой гибелью Героя Советского Союза, командира гвардейской танковой бригады полковника Горелова. В начале февраля 1945 года он пытался разобраться с пробкой, возникшей на дороге всего в нескольких километрах от границы с Германией. Но это стоило ему дорого — его застрелил пьяный солдат[250]. Писатель Василий Гроссман также отмечал, что подобные случаи кровавого пьяного насилия были отнюдь не единичными в Красной Армии. Полк НКВД всего за несколько первых недель 1945 года потерял из-за стычек с водителями пять человек убитыми и тридцать четыре ранеными[251].

Молодые девушки-регулировщицы, как правило, не использовали свисток для того, чтобы навести порядок на дорогах. Они просто стреляли вверх из своих автоматов. Однажды на 2-м Белорусском фронте регулировщица по имени Лидия подбежала к грузовику, заблокировавшему всю дорогу. Она стала ругаться на водителя. Но это произвело на него мало эффекта — в ответ посыпались непристойные выражения. Неожиданно ей на

помощь пришел не кто иной, как маршал Рокоссовский. Он видел происходящую сцену и, не вытерпев, вышел из своего штабного автомобиля, вытащил пистолет и направился прямо к грузовику[252]. При виде Маршала Советского Союза водителя буквально парализовало от страха. А сидевший рядом с ним офицер буквально потерял голову. Он выпрыгнул из кабины и быстро побежал в близлежащие кусты.

Вступление Красной Армии на территорию Германии означало и реализацию сталинского плана использования для советских нужд германской рабочей силы. 6 февраля был издан приказ, в котором говорилось о необходимости мобилизации всех немцев от семнадцати до пятидесяти лет в рабочие батальоны. Каждый такой батальон насчитывал от тысячи до тысячи двухсот человек. Их предполагалось послать в различные области Украины и Белоруссии для восстановления разрушенного там народного хозяйства[253]. Всем мобилизованным гражданам предписывалось являться на сборные пункты. С собой необходимо было брать теплую одежду, крепкую обувь, запасное нижнее белье, а также одеяла и запас еды на две недели.

Поскольку всех захваченных фольксштурмовцев отправляли сразу в лагеря для военнопленных, органы НКВД смогли к 9 марта собрать для принудительных работ шестьдесят восемь тысяч шестьсот восемьдесят человек[254]. В основном это были женщины, взятые из тыловых районов войск Жукова и Конева. Первоначально рабочие батальоны использовались в близлежащих районах непосредственно для нужд Красной Армии. Немцев заставляли расчищать и ремонтировать дороги. Аграненко врезалось в память отношение к ним со стороны советских солдат. Один сержант, возглавлявший группу рабочих, скомандовал: "В Сибирь шагом марш!"[255]

К 10 апреля количество немецких рабочих батальонов значительно возросло. Только в западные области Советского Союза, в основном на Украину, было послано пятьдесят девять тысяч пятьсот тридцать шесть человек. Однако и это количество отставало от запланированного. Необходимо отметить, что угнанные на принудительные работы немцы испытали в СССР отнюдь не меньше лишений, чем советские "остарбайтеры" в Германии. Многих женщин заставляли отдавать своих детей на попечение родных или друзей. Имелись случаи, когда дети и вовсе оставались одни. Жизнь в Советском Союзе не была легкой. Мало того, что женщин заставляли работать, их подвергали постоянному насилию. В лагерях, где они находились, по этой причине распространялись различные венерические заболевания. Еще двадцать тысяч немцев были посланы в Силезию на работы

по демонтажу оборудования заводов и фабрик.

Сталин говорил американскому генералу Буллу, что части НКВД выполняют в тыловых районах полицейские функции[256]. Однако он умолчал о том, как неэффективно они борются с грабежами, изнасилованиями, убийствами мирных граждан. Пожалуй, можно привести лишь один пример, когда части НКВД пресекли подобные явления. В апреле 1945 года спецподразделение 217-го гвардейского погранполка арестовало пять советских солдат, пытавшихся изнасиловать репатриируемых польских женщин[257].

О том, насколько мало войска НКВД делали по части предотвращения различного рода насилий, косвенно говорится в докладе Серова Берии. 8 марта Серов, представитель НКВД на 1-м Белорусском фронте, донес своему начальнику, что среди немцев продолжает расти число самоубийств. 12 марта, спустя два месяца после начала наступления войск Черняховского, ответственный за очистку тылового района на севере Восточной Пруссии информировал Берию о том, что количество случаев самоубийства, особенно среди женщин, приобретает все более угрожающие размеры[258]. Те самоубийцы, у которых не было пистолета или яда, как правило, вешались на чердаках домов, закрепив веревку на верхней балке. В нескольких случаях матери, не нашедшие в себе силы повесить своих детей, перерезали им вены, а затем то же самое делали себе.

Командиры полков НКВД не наказывали подчиненных за сами факты совершенного ими изнасилования. Наказания следовали лишь тогда, когда солдаты заражались от немецких женщин каким-либо венерическим заболеванием. Это заболевание женщины, как правило, подхватывали в результате предыдущего изнасилования. Само изнасилование считалось не больше чем "аморальным поведением"[259]. Интересно, что российские историки по сей день дают уклончивые объяснения такому "поведению". Некоторые из них говорят лишь о "негативном феномене", присутствовавшем в армии освободителей[260], который подрывал престиж Советского Союза и его вооруженных сил и негативно влиял на будущие взаимоотношения с теми странами, через которые проходили части Красной Армии.

Упоминание о взаимоотношениях с другими странами косвенно доказывает тот факт, что многочисленные случаи изнасилования происходили и на территории Польши. Но наиболее шокирующими, с российской точки зрения, выглядят факты насилия советских солдат и офицеров, совершенные против украинских, русских и белорусских женщин и девушек,

освобожденных из немецких рабочих лагерей[261]. Многим девушкам было всего по шестнадцать, а то и по четырнадцать лет, когда их угоняли на принудительные работы в Германию. Подобного рода случаи делают совершенно несостоятельной любую попытку оправдать поведение советских солдат с помощью слов о том, что они, мол, мстили за преступления нацистов в Советском Союзе. Информацию об этом можно встретить не только в неопубликованном дневнике Василия Гроссмана. Существуют детальные доклады, в которых подробно описываются все обстоятельства дела.

Так, 29 марта Центральный Комитет комсомола передал помощнику Сталина Маленкову доклад, поступивший из войск 1-го Украинского фронта. Он касался молодых советских людей, ранее угнанных немцами на работу в Германию и недавно освобожденных из вражеской неволи. Заместитель начальника политуправления 1-го Украинского фронта Цыганков рассказывал в нем об экстраординарных фактах, которые негативно влияют на настроения бывших "остарбайтеров". В момент своего освобождения все они были счастливы и выражали огромную благодарность товарищу Сталину и Красной Армии.

Однако в ночь на 24 февраля, как вытекает из доклада Цыганкова[262], в деревню Грутенберг, что неподалеку от Ельса, явились тридцать пять советских солдат, возглавляемые своим батальонным командиром. Они вошли в спальню, где находились советские девушки, и изнасиловали их. Три дня спустя неизвестный старший лейтенант подъехал на лошади к тому месту, где советские девушки собирали зерно. Он слез с лошади и заговорил с одной из них, оказавшейся из Днепропетровской области, Анной Гриценко. Он спросил: "Откуда ты?" Та ответила. После этого лейтенант приказал ей подойти поближе. Она отказалась. Тогда он снял с плеча оружие и выстрелил в нее. Однако девушка осталась жива. Подобных инцидентов было довольно много.

В городе Бунслау находилось порядка ста советских девушек. Они жили рядом со зданием комендатуры, однако из-за недостатка охраны подвергались частым унижениям со стороны различных солдат. Были даже случаи, когда военнослужащие являлись в женскую спальню по ночам, терроризировали и насиловали их. Так, 5 марта в спальню явилось шестьдесят офицеров и солдат из 3-й гвардейской танковой армии. Большинство военнослужащих были пьяными. Они набросились на женщин и стали их унижать. Даже после того, как комендант приказал танкистам покинуть помещение, они не успокоились, а стали угрожать ему оружием и затеяли драку. Этот случай не

являлся единичным. Множество подобных инцидентов происходило в Бунслау практически каждый день. Поэтому, как отмечал Цыганков, все женщины, находившиеся в городе, были напуганы и деморализованы. Среди них росло недовольство. Одна из таких женщин, Мария Шаповал, сказала: "Я ждала Красную Армию днями и ночами. Я ждала моего освобождения, а сейчас наши солдаты обращаются с нами хуже немцев. Я не испытываю радости от того, что осталась жива". "Было очень тяжело жить с немцами, — отмечала Клавдия Малашенко, — но сейчас мы также живем очень плохо. Это не освобождение. Наши солдаты относятся к нам ужасно. Они делают с нами страшные вещи".

Цыганков отмечал, что число случаев унижения советских женщин очень велико. Так, в ночь с 14 на 15 февраля военнослужащие штрафной роты под командованием старшего лейтенанта окружили одну деревню, перебили охрану, а затем зашли в дом, где находились спящие женщины, и начали организованное массовое изнасилование. Эти женщины лишь недавно были освобождены частями Красной Армии.

Было также множество случаев насилия против советских женщин, которые совершали офицеры Красной Армии. 26 февраля три офицера вошли в женскую спальню, которая располагалась на хлебном складе. Когда комендант, майор Соловьев, пытался остановить их, один из вошедших, также майор, сказал: "Я только что с фронта, и мне нужна женщина". После этого он устроил в спальне дебош.

Вера Ланцова, 1926 года рождения, была изнасилована дважды. В первый раз, когда через город прошли передовые советские части, а во второй раз, 14 февраля, одним из солдат. С 15 по 22 февраля лейтенант А.А. Исаев заставлял ее спать с собой, бил ее и угрожал убить, если та не будет подчиняться. Некоторые офицеры, солдаты и сержанты говорили освобожденным женщинам, что есть приказ, не позволяющий им, этим женщинам, возвращаться в Советский Союз, а если все-таки кого-то туда отправят, то только на Север (другими словами, в лагеря ГУЛАГа). Вследствие такого отношения женщины стали думать, что в СССР к ним не будут относиться как к советским гражданам и с ними действительно можно вести себя как угодно — убивать, насиловать, бить. А в родной дом им возвратиться не позволят.

Среди военнослужащих Красной Армии получило широкое распространение мнение, что женщины, насильственно угнанные в Германию, "продавали там себя немцам"[263]. Это в какой-то степени объясняет сложившееся к ним у советских солдат

отношение. Молодых девушек, которым удалось выжить при нацистском режиме, они часто называли "германскими куклами"[264]. Некоторые летчики даже пели про них песню, в которой говорилось о том, как молодые девушки улыбаются немцам, забыв своих парней, своих соколов. Когда же времена становятся тяжелыми, они продают себя немцам за корку хлеба.

Достаточно тяжело сказать, откуда именно возникло такое представление о советских женщинах. Оно не могло проистекать только из имевших место фактов их сожительства с немцами. Доклады офицеров политуправления о подобных явлениях стали появляться на светлишь в конце 1944 — начале 1945 года. Но само представление возникло намного раньше. Скорее всего оно идет от общей идеи, сформулированной сталинским режимом еще в начале войны. Согласно этой мысли, захват немцами любого советского гражданина (в плен либо на рабскую работу в Германию) мог произойти не иначе, как с его (или ее) молчаливого согласия. Считалось, что в противном случае у этого человека был выбор убить себя либо уйти к партизанам. Слова о "чести и достоинстве советских женщин"[265] могли относиться только к тем из них, которые служили в армии или работали на военном производстве. Однако показателен факт, подмеченный одной женщиной-военнослужащей. Как только советские войска вступили на вражескую территорию, отношение к ней со стороны коллег-мужчин заметно изменилось — оно стало намного хуже[266].

Жаловаться в официальном порядке старшим офицерам, что тебя кто-то изнасиловал, было совершенно бесполезно[267]. Ева Штуль, 1926 года рождения, рассказывала, что ее отца и двух братьев призвали в Красную Армию в самом начале войны. Когда пришли немцы, ее насильственно забрали на работу в Германию. Там она работала на фабрике. Ей было очень тяжело, и она с нетерпением ждала часа своего освобождения. Однако когда пришла Красная Армия, то советские солдаты обесчестили ее. Ева в слезах рассказала старшему офицеру о том, что два ее брата и отец находятся в Красной Армии. Но он лишь избил ее, а затем изнасиловал. Ева говорила, что "было бы лучше, если бы он убил ее".

Все эти факты, по мнению Цыганкова, создавали благодатную почву для роста нездоровых, негативных настроений среди освобожденных советских граждан. У них появлялось недовольство и недоверие к своей армии еще до возвращения на Родину. Однако рекомендации Цыганкова по исправлению сложившегося положения отнюдь не касались улучшения дисциплины в Красной Армии. Вместо этого он предлагал

политическому управлению Красной Армии и комсомолу улучшить политическую и культурную работу среди репатриируемых граждан. По его мнению, это позволило бы избежать случаев негативного отношения к Красной Армии.

* * *

К 15 февраля 1945 года войска одного только 1-го Украинского фронта освободили сорок девять с половиной тысяч советских граждан и около девяти тысяч граждан других национальностей, угнанных на работу в Германию. В основном в районе Силезии[268]. Однако это было только начало. Всего неделю спустя официальные представители в Москве предположили, что надо быть готовыми к репатриации как минимум четырех миллионов бывших военнопленных и гражданских лиц[269].

В ходе репатриации основное внимание должно было быть уделено не медицинской помощи тем несчастным, которые так много перенесли в немецкой неволе, а поиску среди них предателей родины. Для тех, кто оказался слаб перед вражеской пропагандой, предусматривались мероприятия по политическому перевоспитанию. Как 1-му Белорусскому, так и 1-му Украинскому фронту предписывалось создать в своих тыловых районах, на территории Польши, по три сборных и транзитных лагеря. Каждая команда по политическому перевоспитанию была снабжена передвижной установкой для показа кинофильмов, громкоговорителями, двумя аккордеонами, библиотекой, состоящей из двадцати тысяч книг партийной литературы, а также сорока метрами красной материи и портретами товарища Сталина.

Вид бывших советских военнопленных, двигающихся по дороге на восток, поразил Солженицына. Он вспоминал, что все они шли с опущенными головами. Они боялись наказания просто за то, что оказались во вражеской неволе. Однако нужда в пополнении была столь велика, что большинство бывших военнопленных посылались в запасные полки для перевоспитания и переподготовки. Они оказались нужны для финального наступления на Берлин. Однако это была лишь временная передышка. Новое расследование ожидало их уже после войны. И не было никакой гарантии в том, что человек, даже если он сражался геройски, вновь не окажется за колючей проволокой — теперь уже в советском лагере.

Потребность командования Красной Армии в новых порциях "пушечного мяса" означала, что многие тысячи недавно освобожденных советских граждан без всякой предварительной подготовки будут брошены в сражение. В армию призывались и

жители западных областей Белоруссии и Украины, захваченных Сталиным в 1939 году. Они не имели никакого шанса избежать мобилизации, хотя по-прежнему считали себя поляками.

Оказавшись в проверочных лагерях, бывшие советские военнопленные начинали задавать множество вопросов: "Каков теперь будет их статус? Будут ли они пользоваться всеми гражданскими правами, когда вернутся в СССР? Что им не будет позволено? Не пошлют ли их в лагеря?"[270] Офицеры, ответственные за проведение репатриации, считали такие вопросы неуместными. Они относили их на счет "фашистской пропаганды". По их мнению, немцы запугивали советских граждан, и их пропаганда усиливалась к концу войны.

Политические работники беседовали с репатриантами в основном об успехах Красной Армии и достижениях в советском тылу. Они рассказывали о руководящей роли Коммунистической партии, ее лидерах и особенно о товарище Сталине. Согласно отчету начальника политуправления 1-го Украинского фронта, репатрианты очень любили смотреть советские фильмы. Они всякий раз кричали "ура!", когда на экране появлялся товарищ Сталин. Репатрианты также скандировали лозунг: "Да здравствует Красная Армия!" После просмотра кинофильмов они еще долго не могли прийти в себя от радостного возбуждения. По информации начальника политуправления, среди освобожденных советских граждан было очень мало тех, кто предал Родину. В проверочном лагере в Кракове за измену Родине арестовали всего четыре человека из общего числа в сорок подозреваемых. Однако число арестованных впоследствии значительно возросло.

Существуют свидетельства (которые, однако, достаточно тяжело подтвердить) о том, что многих советских граждан, включая репатриантов, расстреливали без всякого суда сразу после освобождения. Так, например, военный атташе Швеции слышал о том, что сразу после захвата частями Красной Армии города Опельна в Силезии освобожденные там советские граждане были согнаны на митинг. Внезапно их окружили войска НКВД или армейские подразделения[271]. Кто-то из солдат задал репатриантам вопрос, почему они не пошли в партизаны. А затем солдаты открыли огонь.

Понятие "предатель Родины" относилось не только к тем бывшим красноармейцам, пошедшим на службу к немцам, но и к тем тысячам военнопленных, которые оказались в лагере, будучи тяжело раненными и не способными к дальнейшему сопротивлению. Солженицын отмечал, что в этом случае речь может идти не о "предателях Родины", а о "преданных Родиной". Здесь действительно вкралась ошибка. Эти несчастные никогда не

предавали свою Родину, а расчетливая Родина предала их[272]. Советское государство возложило на них вину за свою собственную некомпетентность и неподготовленность к германскому вторжению в 1941 году. Затем оно не захотело признавать их ужасного положения во вражеском плену. Уже в конце войны оно еще раз предало их, заставив искупать свою "вину" кровью в финальных сражениях. Когда война закончилась, государство возобновило аресты. Солженицын отмечал, что ничего не может быть хуже предательства государством собственных солдат и возведения их в ранг "предателей". Это самое отвратительное событие во всей русской истории.

Мало кто из ветеранов войны — будь то бывшие военнопленные либо те, кому посчастливилось не попасть в плен — когда-либо простят тех советских людей, которые надели германскую форму. Для них не имеет значения, где именно служили эти люди — в армии генерала Власова ("Русской освободительной армии"), в добровольческих частях СС, в охране лагерей, в кавкорпусе генерала фон Паннвица, в отрядах по борьбе с партизанами, просто при немецких частях (в качестве "добровольных помощников" — "хиви"). В любом случае они навечно заклеймены как изменники.

По различным оценкам, число лиц, так или иначе сотрудничавших с противником, колеблется от одного до полутора миллиона человек. Представители командования Красной Армии утверждали, что в германской армии насчитывалось более миллиона "хиви"[273]. Красноармейцы часто расстреливали прямо на месте тех советских граждан, которые носили немецкую форму[274]. Об этом свидетельствует и официальная российская историография. Это неудивительно. Боевой устав требовал от советского бойца быть безжалостным ко всем отступникам и предателям Родины. Имели место случаи, когда этот вопрос становился предметом сохранения чести своей нации либо гордости за свою малую родину — узбек убивал узбека, а уроженец Орла — своего земляка[275].

Понятно, что части НКВД особенно безжалостно относились к тем советским гражданам, которые состояли в охране лагерей[276]. Зачастую эти охранники были более жестокими к своим согражданам, чем сами немцы. Однако является фактом, что в системе НКВД существовало одинаковое отношение как к действительным предателям Родины, носившим германскую униформу, так и к простым советским военнопленным[277]. Части НКВД 2-го Белорусского фронта имели распоряжение не разделять "заключенных" по категориям. Всех их относили к лицам, "предавшим наше государство", независимо от того, были

ли они дезертирами, грабителями или бывшими военнопленными.

Естественно, не может быть никакой симпатии к тем лицам, которые служили в охране лагерей. Однако существовали и другие категории советских людей, носивших немецкую форму. Как можно относиться, например, к "хиви", которые шли на немецкую службу либо под воздействием угроз, либо просто из-за того, чтобы не умереть с голоду? Многие части СС в германской армии были национальными — украинские, прибалтийские, казачьи, кавказские. Все оказавшиеся в них люди буквально ненавидели советский режим. Некоторые власовцы хорошо помнили, что такое заградотряды, когда на их глазах офицеры Красной Армии расстреливали их боевых товарищей в 1941 и 1942 годах. Другие были простыми крестьянами, которые пострадали от насильственной коллективизации. Следует признать, что многие из тех, кто служил в качестве "хиви" либо в армии генерала Власова, были достаточно наивными и очень плохо информированными людьми. Во время набора добровольцев во власовскую армию в одном из лагерей для советских военнопленных один из присутствующих на собрании задал вопрос: "Товарищ начальник, мы хотели бы знать, сколько сигарет выдают в день на человека в армии Власова?"[278]. Очевидно, что для многих власовские формирования были просто очередным местом службы. Какая разница, чью униформу ты носишь, если тебя за это кормят вместо того, чтобы бить и морить голодом? Однако все те" кто пошел по данному пути, даже не представляли, что их ждет. Даже те люди, которые вышли из ГУЛАГа после пятнадцати или двадцати лет заключения, оставались неполноценными гражданами. На них лежало клеймо. Права лиц, которых подозревали в сотрудничестве с врагом, были восстановлены лишь к пятидесятой годовщине победы над Германией, в 1995 году[279] [280].

Было найдено полуграмотное письмо одного советского военнопленного — из числа, по всей вероятности, "хиви". Написанное на странице из немецкой книги, оно являлось, по существу, обращением к солдатам Красной Армии. В нем говорилось о том, что он и его товарищи сдаются и умоляют о пощаде. Они не понимают, почему красноармейцы расстреливают тех людей, которые попали в германский плен. Случилось так, что они оказались во вражеской неволе и пошли на службу немцам лишь из-за того, чтобы не умереть с голоду. Теперь они хотят вновь сражаться на советской стороне, на стороне Красной Армии, но боятся, что советские, солдаты расстреляют их. "За что? — спрашивал бывший военнопленный. — За то, что

советское командование предало нас в 1941 и в 1942 годах?"[281]

Глава восьмая
Померания и плацдармы на Одере

Пока в феврале и марте 1945 года продолжались ожесточенные бои за плацдармы на Одере, часть сил Жукова и Рокоссовского крушила так называемый "Балтийский балкон" в Померании и Восточной Пруссии. Во второй половине февраля четыре армии Рокоссовского вторглись в южную часть Западной Пруссии. 24 февраля левый фланг фронта Жукова и правый фланг Рокоссовского устремились в северном направлении к Балтийскому морю для того, чтобы разрезать немецкие войска в Померании на две части.

Наиболее уязвимым объединением вермахта была 2-я армия. Она все еще продолжала удерживать сухопутный маршрут из Восточной Пруссии по песчаной косе Фрише-Нерунг к устью Вислы. Но фронт армии был сильно растянут. Его левый фланг опирался на позиции у Эльбинга и старой тевтонской крепости Мариенбург.

Наступление фронта Рокоссовского началось 24 февраля. 19-я армия продвигалась в северо-западном направлении, к Нойштеттину и Балденбургу. Однако ее наступление развивалось медленно из-за отчаянного сопротивления немецких войск. Рокоссовский снял с должности командующего армией, придал ей дополнительно танковый корпус и приказал усилить натиск на противника. Наступление советских танков, поддержанное атакой 2-го и 3-го гвардейских кавалерийских корпусов, достигло своей цели. Вскоре пал город Нойштеттин ключевой пункт всей обороны в Померании[282].

Советская кавалерия играла активную роль в сражении за Померанию. Используя фактор внезапности, она собственными силами захватила несколько крупных населенных пунктов. Среди них был и прибрежный город Леба. 2-й гвардейский кавалерийский корпус действовал на самом правом фланге Жукова, Его командиром являлся Владимир Викторович Крюков, находчивый генерал-лейтенант, женатый на знаменитой певице Лидии Руслановой.

Наступление войск Жукова в северном направлении началось 1 марта. Он ввел в действие достаточно мощные силы -1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии и 3-ю ударную армию. Ослабленным германским соединениям не было оставлено ни единого шанса. Советские танки проносились по улицам городов на глазах у их изумленных жителей. Они совершенно не были подготовлены к

такому повороту событий. За передовыми танковыми бригадами следовали стрелковые части 3-й ударной армии и 1-й армии Войска Польского. Уже 4 марта соединения 1-й гвардейской танковой армии достигли балтийского побережья в районе Кольберга. Полковник Моргунов, чьи танки первыми вышли к морю, набрал две бутылки соленой воды и послал одну Жукову, а вторую — своему командующему армией Катукову[283]. Происходящие события еще раз доказывали верность слов Катукова, сказанных Василию Гроссману, что успех быстрого наступления советских войск определяется их громадным техническим превосходством над противником[284]. Красная Армия никогда не имела еще такого большого количества механизированных войск, а колоссальная скорость их наступления позволяла быстро подавлять сопротивление врага, неся при этом несущественные потери.

Теперь вся 2-я армия и часть 3-й танковой армии были полностью отрезаны от остальной части рейха. Еще одна плохая новость пришла в Берлин за день до этого события. Германии объявила войну ее бывшая союзница — Финляндия. Это было сделано под сильным давлением Советского Союза. Среди отрезанных Жуковым вражеских соединений оказалась и уже довольно ослабленная дивизия СС "Шарлемань". Она занимала оборону вместе с тремя немецкими дивизиями в районе Бельгарда. Генерал фон Теттау приказал им нанести удар в северо-западном направлении и попытаться прорваться к устью Одера. Командир эсэсовской дивизии, бригаденфюрер Густав Крукенберг, вывел из окружения около тысячи своих подчиненных французов[285]. Им пришлось пробираться по заснеженному лесу, ориентируясь только по компасу. Случилось так, что эти французы — интеллектуалы правого толка, рабочие и аристократы, объединенные в одно целое лишь по причине своей ненависти к коммунизму, — оказались затем на последней линии обороны гитлеровской рейхсканцелярии в Берлине.

Однако сам Гитлер, казалось, не выражал никакой симпатии к защитникам "третьего рейха". Когда командующий 2-й армией генерал-полковник Вайс информировал фюрера о том, что окруженный Эльбинг больше не в силах сопротивляться, поскольку потери уже слишком велики, Гитлер лишь заметил: "Вайс такой же лжец, как и все остальные генералы"[286].

Вторая фаза Померанской операции началась всего через два дня после того, как 1-я гвардейская танковая армия вышла к Балтийскому морю. Она была временно передана фронту Рокоссовского. Жуков позвонил Рокоссовскому и сказал, что хочет, чтобы армия Катукова вернулась к нему в таком же

состоянии, в котором он ее передает[287]. Теперь главные советские силы развивали наступление в восточном направлении, к Данцигу, тогда как 2-я ударная армия атаковала противника с юга, параллельно Висле.

Командующий 2-й ударной армией генерал-полковник Федюнинский очень внимательно наблюдал за календарем. В ходе войны он был ранен четыре раза, и каждый раз это случалось двадцатого числа какого-нибудь месяца. Поэтому двадцатого числа он никогда не покидал своего штаба. Федюнинский считал необходимым с максимальным эффектом использовать трофейные ресурсы Пруссии. Он приказал снабженцам своей армии загружать в поезда скот, хлеб, рис, сахар и сыр и посылать их в Ленинград. Жители города должны были получить компенсацию за те страдания, которые они перенесли во время вражеской блокады.

Продвижение армии Федюнинского отрезало от основного фронта немецкие части, находящиеся в Мариенбурге. Теперь их поддерживали только артиллерийские орудия тяжелого крейсера "Принц Ойген", курсирующего вдоль побережья Балтийского моря. Старинная крепость пала 8 марта. А два дня спустя, как и предупреждал генерал Вайс, был оставлен и Эльбинг. Немецкая 2-я армия оказалась полностью прижата к портам Гдыня и Данциг. Теперь ее основные усилия были направлены на удержание этого небольшого плацдарма для эвакуации возможно большего числа беженцев и раненых, скопившихся в тех городах.

8 марта советские войска взяли город Штольп, а 10 марта части 1-й гвардейской танковой армии и 19-й армии подошли к Лауенбургу. Колонны беженцев, двигавшиеся к балтийским портам, были перехвачены советскими танковыми бригадами. Женщины и дети, оставив повозки, бежали в заснеженный лес. Советские танки сметали все на своем пути. Тем не менее беженцы были рады, что под гусеницами бронированных машин оказалось всего-навсего их имущество, а не они сами.

Неподалеку от Лауенбурга советские солдаты обнаружили еще один концентрационный лагерь. В нем немцы содержали женщин. Туда срочно были посланы врачи, чтобы спасти тех, кто еще оставался в живых.

Судьба мирных жителей Померании была похожа на судьбу немцев из Восточной Пруссии. В результате того, что Гиммлер запрещал эвакуацию из Восточной Померании, около одного и двух десятых миллиона германских граждан оказались после 4 марта отрезанными от остальной части рейха. Как и жители Восточной Пруссии, померанцы имели очень мало информации о том, что творится на фронте. Однако до них доходили некоторые

слухи по поводу действий Красной Армии. Они уже больше не верили ни в какие обещания официальных нацистских представителей и готовы были встретить самое страшное.

Землевладельцы — или "феодалы", как их называли жители деревень понимали, что скорее всего они будут расстреляны. Арендаторы уговаривали их поскорее покинуть свои дома для их же собственной безопасности. Неподалеку от Штольпа готовилась к эвакуации Либусса фон Ольдерсхаузен, падчерица барона Еско фон Путкамсра, того самого землевладельца, который отказался бесцельно губить жизни подчиненных ему фольксштурмовцев из Шнейдемюля. Она была на девятом месяце беременности. Плотник из их поместья соорудил из повозки нечто вроде вагона, покрытого ковром из библиотеки. Это давало возможность как-то укрыться от снега и холода. Внутри "вагона" положили матрасы, на которых и должна была лежать во время движения будущая мать.

Ранним утром 8 марта раздался сильный стук в дверь. Кто-то кричал: "Скорее собирайтесь! Мы отправляемся!"[288] Одевшись так быстро, как только она смогла, Либусса собрала и взяла с собой ювелирные изделия. В доме было много беженцев из других районов, и многие из них уже стали воровать хозяйскую собственность, даже не дожидаясь, пока сами хозяева покинут поместье.

Многие семьи в Померании, равно как и в Восточной Пруссии, успели заметить, что их французские рабочие стараются уехать вместе с ними. Они отнюдь не хотели дожидаться своего освобождения Красной Армией. Когда Либусса садилась в покрытую ковром повозку, то вдалеке уже слышался гул канонады. Их дорога лежала на восток — к Данцигу. Однако с самого начала пути стало понятно, что советские танковые бригады передвигаются быстрее беженцев. Вскоре среди них разнесся слух, что им не успеть вовремя к спасительному причалу порта.

Проснувшись посреди ночи, Либусса поняла, что происходит что-то не то. Ее отчим, барон Еско фон Путкамер, надевал свою военную униформу с многочисленными медалями. Ее мать также одевалась. Еще с того момента, как они осознали, что части Красной Армии обошли их колонну, родители Либуссы решили совершить акт самоубийства. События в Неммерсдорфе, а также недавняя информация о поведении советских войск в Восточной Пруссии убедили их в том, что они не должны остаться в живых. "Время пришло, — произнес барон Еско. Русские будут здесь через час или два". Либусса, вышедшая на дорогу вместе с родителями, первоначально также хотела покончить счеты с

жизнью. Но в последний момент она внезапно изменила свое решение. "Я хотела бы уйти вместе с вами, — сказала она, — но я не могу. Я несу в себе ребенка, моего ребенка. Он стучится уже так сильно. Я останусь жить. Я не могу убить его". Мать Либуссы поняла цочь и сказала, что она тоже останется вместе с ней. Барон, озадаченный и встревоженный, был вынужден снять военную форму и отложить в сторону пистолет. Теперь единственной надеждой на спасение оставалось слиться с другими беженцами и сделать все возможное, чтобы русские не признали в них богатых землевладельцев.

Вспышка сигнальной ракеты, появившаяся на краю поля, возвестила о том, что русские уже пришли. Как только свет от ракеты погас, послышался звук надвигающихся танков. Советские танки, словно монстры, выезжали из леса, ломая по пути небольшие деревья. Несколько танков выстрелили из башенных орудий в сторону деревни, очевидно, чтобы запугать ее жителей. Затем по домам ударили танковые пулеметы. Они стреляли короткими очередями по окнам и дверям, заставив всех жителей прижаться к полу. Со стен посыпалась штукатурка. Красноармейцы оказались не похожи на тех завоевателей, которых немцы ожидали увидеть. Они были одеты в поношенную коричневую форму, запачканную и рваную. Их ботинки почти развалились на части, а оружие висело на плечах не на ремне, а на веревке. Все это так не походило на образ солдата-победителя, известного немцам по кадрам кинохроники о прошлых успехах германского вермахта.

Грабеж начался практически сразу же. Заходя в помещение, советские солдаты первым делом кричали: "Ур! Ур!" Так они требовали у немцев снять свои наручные часы. Французский военнопленный, находившийся вместе с колонной беженцев, запротестовал и стал говорить русским, что является их союзником. Но он немедленно получил удар прикладом в живот. Затем русские стали обыскивать багаж беженцев. Неизвестно, сколько бы это еще продолжалось, но внезапно на улице прозвучал приказ их офицера выйти на улицу и построиться. Солдаты стали прятать захваченные вещи под телогрейки и выходить из дома. Там их уже ждали бронированные машины.

Беженцы, только что испытавшие страх от первого появления смертельного врага, вздохнули с облегчением. Но оно было недолгим. Следом пришла другая волна русских, на сей раз кавалерийское подразделение. Они уже не слишком спешили, а это означало, что у них имелось время для изнасилований. Дверь с треском отворилась, и в помещение вошла небольшая группа красноармейцев, внимательно всматривавшихся в лица своих

жертв.

Генерал Вайс, предупреждавший фюрера о невозможности удержания Эльбинга, был снят им с поста командующего 2-й армией. На это место назначили генерала фон Заукена, бывшего командира корпуса "Великая Германия".

12 марта генерала Заукена вызвали в рейхсканцелярию для получения нового назначения. Бывший офицер кавалерии появился там в монокле и с рыцарским крестом с мечами и дубовыми листьями. Стройный и элегантный, Заукен слыл ультраконсерватором. Он не боялся открыто называть нацистский режим "коричневой бандой". Гитлер попросил Гудериана кратко описать ситуацию, сложившуюся в районе Данцига. Когда тот закончил, Гитлер сказал Заукену, что он должен будет получать приказы от гауляйтера города Альберта Фёрстера. Генерал вышел вперед и произнес: "Я не собираюсь подчиняться приказам гауляйтера"[289]. Все присутствовавшие отметили, что Заукен не только вставал в открытую оппозицию Гитлеру, но он даже не удосужился обратиться к нему "Мой фюрер". Даже Гудериан, который имел куда больше стычек с Гитлером, чем кто-либо другой, и то был шокирован таким поведением. Однако самым удивительным было поведение самого фюрера. "Хорошо, Заукен, тихим голосом ответил он. — Берите на себя все командование".

Заукен вылетел в Данциг на следующий день. Он намеревался удерживать оба порта, Данциг и Гдыню, так долго, как это возможно, что позволило бы вывезти оттуда максимальное количество беженцев. По некоторым оценкам, количество людей, находящихся в тот момент в Данциге, возросло до полутора миллионов, из которых по крайней мере сто тысяч были ранеными. Для того чтобы предотвратить хаос и панику, эсэсовские части стали производить массовые экзекуции случайно подворачивающихся им под руку военнослужащих. Они вешали несчастных на деревьях как дезертиров. Продовольственное снабжение населения было мизерным. Немецкий транспортный пароход, везший двадцать одну тонну груза (шестидневный запас пропитания для Данцига и Гдыни), напоролся на мину и затонул[290].

Личный состав кораблей германского военно-морского флота демонстрировал незаурядные мужество и выдержку. Моряки не только делали все возможное для быстрейшей эвакуации мирных жителей, но и оказывали огневую поддержку сухопутным частям. Немецкие боевые корабли, несмотря на угрозу со стороны советской авиации и подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота, подходили к берегу и оттуда обстреливали части Красной Армии. Орудия главного калибра вели огонь с

крейсеров "Принц Ойген" и "Лейпциг", а также со старого линкора "Шлезин". Однако 22 марта советские войска нанесли мощный удар по немецкой обороне и вышли к балтийскому побережью между двумя портами — Гдыней и Данцигом. Сразу после этого оба города стали подвергаться массированному артиллерийскому обстрелу вдобавок к никогда не прекращавшимся налетам советской авиации.

Самолеты бомбили городские постройки и портовые сооружения. Советские штурмовики уничтожали как военные, так и гражданские объекты. Хорошей целью для них являлись храмы, выделявшиеся на общем фоне городских построек. В храмах были хорошие подвалы, и там укрывалось от бомбежек множество гражданских лиц. На набережной находилось огромное количество раненых, ожидавших погрузки на суда. Рядом стояли беженцы, боявшиеся пропустить свою очередь и поэтому никуда не уходившие. Все они также являлись хорошим объектом для бомбометания с советских самолетов. У людей не было времени на оказание помощи раненым или сбор убитых. Только дети, в одночасье ставшие сиротами, собирались возле тел своих родителей. Но за шумом стрельбы 88-миллиметровых зенитных орудий и очередей зенитных пулеметов никто не слышал их рыданий.

Сборные команды военных моряков использовали все возможные плавучие объекты — тендеры, баржи, буксиры и спасательные лодки — для того, чтобы перевезти как можно больше беженцев и раненых военнослужащих из порта на косу Хель. Во время этих челночных операций зенитные батареи, расположенные на берегу, старались прикрыть их от ударов с воздуха. Моряки без тени сомнения уходили в очередной рейс, хотя прекрасно понимали, что любая крупная бомба, разорвавшаяся рядом с их лодкой или небольшой баржей, неминуемо перевернет судно.

25 марта в штаб генерала Катукова был доставлен детальный план обороны Гдыни. Его сумела добыть молодая женщина — участница польского Сопротивления. Вначале генерал подумал, что здесь кроется какой-то обман, но затем выяснилось, что этот план настоящий. Когда советские войска вышли уже на окраины Гдыни, военные моряки все еще продолжали эвакуацию мирных жителей. Более того, они удвоили свои усилия по спасению беженцев. Но теперь немецким судам угрожала еще большая опасность. По ним стали стрелять прямой наводкой советские танкисты.

Среди тех, кто оборонял Гдыню, были солдаты взвода, входившего в состав корпуса "Великая Германия". Ранее им

удалось вырваться из окруженного Мемеля, являвшегося крайней северо-восточной точкой Восточной Пруссии. Однако они вновь оказались прижатыми к морю — теперь уже в Гдыне. Пока советская артиллерия вела огонь по портовым сооружениям, они укрылись в подвале одного из полуразрушенных зданий. Оказалось, что в нем уже находятся люди. Врач при тусклом свете фонаря принимал роды у женщины. "Обычно роды являются радостным событием, — вспоминал германский солдат, оставшийся живым в этом море огня. — Но рождение этого младенца производило на нас гнетущее впечатление. Оно лишь подчеркивало общую трагедию людей, творящуюся вокруг. Стоны матери больше ничего не значили в мире, состоящем из одних только стонов. Казалось, что и ребенок сожалел, что появился на свет именно в этот момент"[291]. Когда солдаты возвращались обратно в порт, то они не желали ребенку ничего иного, кроме быстрой и легкой смерти. Он не мог продолжать жить в этом мире. Огонь советского наступления приближался все ближе к Гдыне. Финальное сражение началось 26 марта, и к вечеру этого дня части Красной Армии захватили этот город и порт.

Разграбление Гдыни и обращение с ее местными жителями потрясло, казалось, даже представителей советского командования. Политическое управление отмечало рост чрезвычайных происшествий в войсках, равно как и случаев аморального и преступного поведения советских военнослужащих[292]. Политработники считали позорным и политически вредным явлением то, что под предлогом мести некоторые солдаты и офицеры совершают незаконные проступки, грабят население вместо того, чтобы честно выполнять свой долг перед Родиной.

Данциг еще держался, хотя находился под сильным огнем советской артиллерии. Шаг за шагом немцев теснили с их позиций. 28 марта город пал. Остатки частей генерала Заукена отступили в восточном направлении — к устью Вислы, где они держали оборону вплоть до самого конца войны. Но в Данциге оставалось еще значительное количество мирных жителей.

Для германских офицеров, особенно родившихся в Померании и Пруссии, падение Данцига с его старинными зданиями, неповторимыми фронтонами домов означало непоправимую утрату. Это означало потерю Германией выхода к Балтийскому морю. Потерю навсегда. Однако, испытывая колоссальную горечь от утраты своих национальных и культурных ценностей, немецкие офицеры предпочитали не вспоминать об ужасах того режима, в котором они жили и который так горячо поддерживали. Возможно, что эти офицеры

ничего не знали о производстве мыла из человеческих тел в данцигском медицинском анатомическом институте, но до них определенно доходила информация о существовании концентрационного лагеря Штутгоф, расположенного в устье Вислы. В массовых экзекуциях узников лагеря участвовали не только части СС, но и подразделения вермахта.

Возможно, жители Западной Пруссии и Померании не испытали в полном объеме всех ужасов, выпавших на долю населения Восточной Пруссии. Однако их судьба все равно была трагичной. Насилию подвергались не только люди, но и культура. Старые дома, церкви — все они предавались пламени.

Советский комендант города Лауенбург жаловался капитану Аграненко, что он совершенно бессилен остановить творящееся на улицах насилие[293]. Аграненко также отметил, что советские солдаты не имеют в своем лексиконе таких официальных выражений, как "насилие против гражданского населения" или "безнравственность". Для них достаточно одного грязного выражения, обозначающего половое сношение. Один из офицеров казачьих войск сказал ему, что немецкие женщины "слишком гордые" и их нужно "оседлать"[294]. Другой офицер жаловался, что немецкие женщины выглядят словно "ломовые лошади". В Гловитце он заметил, что немки используют в качестве прикрытия собственных детей. Советские солдаты снова демонстрировали в своем поведении удивительную смесь иррационального насилия, пьяной похоти и спонтанной доброты к детям.

Молодые немецкие женщины использовали все возможное, чтобы избежать внимания к себе советских солдат. Они вымазывали лица в саже и надевали на головы крестьянские платки. Выходя на дорогу, горбились и нарочно хромали. Девушки старались походить на древних старух. Однако если даже им и удавалось замаскировать свои фигуру и возраст, это не означало автоматической защиты. Насиловали не только молодых, но и пожилых женщин.

Способ защиты других женщин был совсем иным. Они считали, что лучше "уступать" советским солдатам[295]. Либусса фон Ольдерсхаузен с удивлением отмечала, что одна из женщин "уступила" тринадцать раз. Казалось, что она даже испытывает гордость за то, что ей пришлось перенести. Но гораздо большее количество немок получили от опыта общения с советскими солдатами неизгладимую травму. Некоторые становились безразличными ко всему, другие кончали жизнь самоубийством. Беременной Либуссе удалось избежать самого худшего. Во многом ее спасал инстинкт сохранения своего еще не

родившегося ребенка.

Некоторым женщинам пришла в голову идея разукрасить собственное лицо пятнами, словно бы они заражены инфекционным заболеванием. Другие, выучив, как пишется по-русски слово "тиф", прикрепляли табличку с этим словом к дверям их домов. В местах, отстоящих далеко от главной дороги, в одном доме могло прятаться все население целой деревни. Дверь его была всегда плотно закрыта. По ночам карманный фонарик включался только на самое короткое время. Днем же кто-нибудь всегда был настороже, чтобы не пропустить тот момент, когда советские солдаты свернут с дороги и станут приближаться к их убежищу. Женщины немедленно бежали в укрытие, уводя с собой в лес домашнюю птицу и свиней. Подобный способ выживания использовался мирными жителями еще со времен Тридцатилетней войны. Возможно, что он существовал столько же лет, сколько сама война.

Посреди всего хаоса, творящегося в Данциге после его падения, самым ужасным для возвращавшихся туда мирных жителей было видеть "аллеи с виселицами". Эсэсовцы и полевая жандармерия вешали на них дезертиров. На трупах были прикреплены различные таблички, например: "Меня повесили за то, что я не верил в фюрера"[296]. Либусса фон Ольдерсхаузен, которая после падения Данцига и Гдыни вместе с семьей оказалась вынуждена возвращаться обратно домой, видела и трупы двух жандармов, которых повесили уже красноармейцы. Дорогу назад забила советская военная техника. Броня танков была увешана награбленным имуществом, состоящим из сундуков, чемоданов, игрушек и даже посуды. По обеим сторонам дороги, в канавах, валялись мертвые лошади с вырезанными у них по бокам кусками мяса.

Многие померанцы погибли в первую же неделю оккупации. Неподалеку от деревни, где жили Путкамеры, советские солдаты загнали в пруд пожилую чету. Они умерли прямо там, в холодной воде. Другого немца запрягли в плуг и вынудили пахать землю, пока он не упал без сил. Его мучители расправились с ним, выпустив по нему автоматную очередь. Тело убитого фон Ливониуса было разрублено на части и брошено на съедение свиньям[297]. Отношение к тем немцам, которые участвовали в антифашистском движении Сопротивления, оказалось отнюдь не лучшим. Эберхард фон Брауншвейг и его семья не опасались русских. Они спокойно ожидали прихода Красной Армии, находясь в своем родовом доме в Любцове, что близ Карзина. Но его не спасли ни антинацистская репутация, ни многочисленные аресты гестапо. Фон Брауншвейг и вся его семья были выведены

на улицу и там расстреляны. Иногда немецкие крестьяне и даже бывшие французские военнопленные старались защитить своих хозяев землевладельцев. Но в большинстве случаев "феодалы" оказались предоставлены собственной судьбе.

Впрочем, ожидать можно было чего угодно. Находясь в Карзине, пожилая фрау фон Путкамер уже ложилась спать, когда за окном послышался лязг гусениц и стрельба из автоматов. Вскоре после этого дверь ее спальни распахнулась, и туда ввалился молодой русский солдат. Он был сильно пьян после посещения соседнего крестьянского дома. Стоя перед кроватью, солдат знаком приказал женщине слезть с нее и уступить ему место. Фрау Путкамер стала возражать и сказала, что если тот хочет спать, она может постелить ему рядом, на полу, устроив его на ковре и дав подушку. После этого пожилая женщина сложила руки и стала молиться о своем спасении. Молодой солдат, видимо, был настолько пьян, что не смог продолжать спор. Он лег туда, куда ему показали.

В захваченной Померании Аграненко продолжал делать дневниковые записи и вдруг стал замечать, что в такие минуты все окружающие смотрят на него с опаской. Вероятно, они думали, что он не кто иной, как представитель НКВД.

Весна застала Аграненко 23 марта в Кольберге. Природа стала расцветать. Запели птицы, а на деревьях стали распускаться почки. Казалось, все живое противится войне[298]. Аграненко наблюдал за тем, как советские солдаты стараются на- учиться ездить на трофейных велосипедах. У них не получалось. Они постоянно теряли равновесие. Командование фронта издало даже специальный приказ, запрещавший советским военнослужащим кататься на велосипедах. Было много случаев, когда из-за неумелой езды на них солдаты попадали под колеса автомобилей и погибали.

Быстрый захват Померании означал освобождение из немецкой неволи тысяч иностранных рабочих и военнопленных. Ночью вдоль дорог загорались огни костров, у которых собирались репатрианты. Днем они поднимались и продолжали нелегкий путь домой. Практически каждая колонна репатриантов имела свой национальный флаг. Они несли его для того, чтобы их случайно не посчитали за немцев. Аграненко и его боевые товарищи встретили по пути группу литовцев со своим национальным флагом. Аграненко стал объяснять им, что теперь у них другой символ. Их национальный флаг — красного цвета. Понятно, что Аграненко, как и большинство русских, относился к захвату Советским Союзом Прибалтики как к само собой разумеющемуся. Он и его друзья не имели представления о том,

что Прибалтика была присоединена к СССР согласно секретному протоколу между Москвой и нацистами.

Если бывшие военнопленные и подневольные рабочие несли с собой национальные флаги, то немцы надевали на рукава белые повязки и выставляли из окон белые флаги. Это означало, что они безоговорочно сдаются на милость советских властей. Немцы прекрасно понимали, что малейшая попытка сопротивления или даже выражение возмущения могут для них кончиться очень плохо. На должность нового бургомистра города Кёзлин был назначен пятидесятипятилетний еврей ювелир по имени Юзеф Людински. Когда ему необходимо было зачитать очередной приказ или распоряжение советского командования, то он надевал на голову котелок, прикреплял к рукаву красную повязку и шел к лестнице городской ратуши. Жители слушали его слова в гробовом молчании. В Лебе советские кавалеристы украли у местного населения все часы, включая настенные и наручные. Поэтому бургомистр города вынужден был каждое утро ходить по улицам, трясти колокольчик и кричать: "На работу!"[299] Советское командование проводило мобилизацию людей на различные работы.

В Штаргарде Аграненко стал свидетелем того, как к свежим могилам напротив магистратуры подошел танкист в запачканном шлеме. Молодой солдат внимательно читал имена на каждой табличке. Наконец он, видимо, нашел то, что искал. Солдат снял шлем и склонил голову. Потом он внезапно вскинул вверх автомат и дал из него длинную очередь. Танкист отдавал последний салют своему командиру, умершему на его руках.

Аграненко успел поболтать и с молодой девушкой — военной регулировщицей. Она сказала ему, что никто из ее боевых подруг не ждет скорого замужества. Регулировщицы уже совсем забыли, что они — женщины. "Мы — просто солдаты", — заключила она. Действительно, этим женщинам не приходилось рассчитывать на скорое замужество. Более чем вероятно, что они так и не нашли после войны своего избранника. Их потенциальные мужья оказались в числе тех девяти миллионов красноармейцев, кто погиб на этой войне.

* * *

Пока войска Жукова крушили "Балтийский балкон", армии Конева все еще были связаны боями в Силезии. Главным препятствием здесь стала "крепость" Бреслау на Одере. Ее защитники, подчиненные фанатичному гауляйтеру Карлу Ханке, обороняли город до последней возможности. Однако Конев не хотел пропустить битвы за Берлин. Поэтому он приказал своим войскам обойти Бреслау и развернуть наступление западнее

Одера с двух захваченных плацдармов — в районе Штейнау и Олау. Его целью была река Нейсе, текущая к Одеру с юга. С этого рубежа он уже мог начать наступление в направлении Берлина.

8 февраля войска 1-го Украинского фронта Конева атаковали противника одновременно с обоих плацдармов. Однако главный удар наносился из района Штейнау против остатков 4-й танковой армии вермахта, Немецкие оборонительные рубежи были быстро прорваны. Для того чтобы ускорить наступление с плацдарма Олау, Конев ввел в действие 3-ю гвардейскую танковую армию генерала Рыбалко. К 12 февраля Бреслау был полностью окружен. В городе оказались запертыми более восьмидесяти тысяч мирных жителей.

4-я гвардейская танковая армия Лелюшенко достигла Нейсе всего через шесть дней. Во время наступления командиры танковых частей отмечали, что в городах и деревнях оставалась лишь незначительная часть местного населения. Иногда к передовым советским подразделениям выходил местный священник, который нес с собой письмо, заверяющее русских в том, что местные жители питают к ним самые "дружеские" чувства[300]. Бывали даже случаи, когда немецкие гражданские врачи соглашались оказать первую помощь раненым советским бойцам.

Лелюшенко пришлось пережить ряд неприятных моментов. Он внезапно обнаружил, что в тылу его армии еще действуют остатки корпуса "Великая Германия" и 24-го танкового корпуса генерала Неринга. Немецкие части пытались нарушить коммуникации наступающих советских войск. Однако спустя два дня эти немецкие части были разбиты, и порядок в тылу удалось восстановить. В результате своего наступления армии Конева вышли к Нейсе на фронте более чем в сто километров, полностью окружив при этом Бреслау. Тем самым была подготовлена неплохая стартовая позиция для последующего броска на Берлин. Однако бои южнее плацдарма Олау с остатками германской 7-й армии продолжались всю оставшуюся часть февраля и в марте.

Нацистское руководство полагало, что вступление противника на германскую землю автоматически усилит фанатизм немецких солдат в борьбе с противником. Однако во многих случаях это было совсем не так[301]. Германский пленный из 359-й пехотной дивизии поведал советским офицерам, что война на немецкой земле совершенно деморализовала военнослужащих. Им приказывали сражаться до последней капли крови, но, по мнению пехотинца, это был путь в никуда.

Генерала Шёрнера не оставляло в покое желание нанести по противнику мощный контрудар. 1 марта он приказал атаковать

противника в районе города Лаубан. Часть сил советской 3-й гвардейской танковой армии была застигнута врасплох, и немцам удалось на какое-то время вернуть себе этот город. Геббельс пребывал в экстазе. 8 марта он вместе с сопровождающими его фоторепортерами отправился в Гер-лиц, где его уже поджидал Шёрнер. Затем они выехали в Лаубан. На рыночной площади города Геббельс и Шёрнер произнесли пламенные речи перед строем регулярных частей, фольксштурмовцев и гитлерюгенда. Фотокамеры запечатлели вручение министром пропаганды орденов немецким подросткам и его осмотр подбитых советских танков.

На следующий день Шёрнер возобновил наступление. На сей раз его целью являлся Штригау, расположенный всего в сорока километрах западнее Бреслау. Германские войска, вновь овладевшие городом, утверждали, что нашли в нем всего несколько оставшихся в живых мирных жителей. Гражданские лица были морально надломлены пребыванием здесь советских солдат. Немецкие солдаты клялись, что теперь они будут убивать каждого русского, который попадется им в руки. Однако и поведение самих военнослужащих вермахта нельзя было назвать безупречным. Официальных представителей нацистской партии не волновал факт расстрела немецкими солдатами советских военнопленных, но их шокировали доклады о том, что военнослужащие вермахта занимаются грабежом в эвакуированных районах[302]. В связи с этим Борман попросил фельдмаршала Кейтеля обязать германских офицеров по крайней мере раз в неделю обращаться к своим солдатам с напоминанием об их долге перед гражданским населением рейха.

Жестокие бои в Силезии сопровождались с обеих сторон драконовскими мерами по наведению в войсках порядка и дисциплины. Генерал Шёрнер объявил безжалостную войну всем солдатам, покинувшим линию фронта. Среди них оказалось много тех, кто симулировал ранение или заболевание. Их немедленно вешали на придорожных деревьях даже без попытки произвести хоть какое-то расследование. Согласно показаниям взятого в советский плен военнослужащего из 85-го саперного батальона, только в одном городе Нейсе за вторую половину марта было таким образом казнено двадцать два человека[303]. По сообщениям других пленных, сделанных во время их допроса офицерами 1-го Украинского фронта, число экзекуций немецких солдат, обвиненных в дезертирстве, самострелe и тому подобных фактах, в вермахте постоянно возрастало. Причем смертные приговоры зачитывались перед строем всех солдат боевой части.

Офицеры из 7-го отдела политуправления фронта,

допрашивавшие немецких солдат, вскоре сообразили, что они могут использовать в пропагандистской атаке на противника обиду рядовых военнослужащих на своих командиров. Действительно, при плохих линиях связи и в обстановке, когда приказ об отступлении приходит внезапно, достаточно легко заставить германских солдат поверить в то, что их командиры бежали с поля боя и оставили подчиненных на произвол судьбы. Так, например, когда 20-я танковая дивизия вермахта была окружена в районе Опельна, на головы немецких солдат стали сыпаться листовки, утверждавшие, что генерал-полковник Шёрнер оставил свои войска; он взял с собой только охрану и убежал к Нейсе[304].

Антисанитарные условия, в которых находились немецкие войска, также не способствовали укреплению их морального духа. Германские солдаты сильно завшивели. Они не меняли нижнее белье и не были в бане еще с декабря прошлого года. Все, что они получили взамен, — совершенно бесполезный в таких условиях порошок от вшей. Начиная с января солдатам не платили и никакого денежного содержания. Большинство из них получили последние письма из дома еще до Рождества.

Более жесткой становилась дисциплина и в советских войсках. Командование Красной Армии считало, что причиной ряда военных неудач являлось отсутствие надлежащего порядка в подразделениях. Основной упор делался на строгом выполнении сталинского приказа № 5 об укреплении бдительности. Полковника Ф., руководившего обороной Штригау, обвинили в преступном отсутствии бдительности, поскольку его полк не выставил надлежащую охрану[305]. Несмотря на то что его часть сражалась самоотверженно, город был сдан. Это "позорное" событие стало предметом рассмотрения на Военном совете фронта, и командира наказали. В деле не имеется экземпляра приговора, но можно уверенно предположить, что он был осужден на длительный срок заключения в ГУЛАГе. Об этом говорит пример с капитаном Д. Его отдали под суд военного трибунала после того, как капитан Д. оставил свою батарею без присмотра в деревне и не подготовил для нее соответствующей позиции. Затем он ушел в дом, где напился и лег спать[306]. Внезапно немцы перешли в контратаку, и батарея, не подготовленная к бою, понесла серьезные потери. Этого капитана исключили из партии и приговорили к десяти годам заключения в ГУЛАГе.

Солдаты и офицеры на фронте не просто опасались военнослужащих СМЕРШа, стоящих за их спинами. Им, фронтовикам, прошедшим через огонь, ранения, не раз смотревшим смерти в лицо, было оскорбительно видеть, как

контрразведчики обвиняют в предательстве или трусости проверенных боевых товарищей. Обиднее всего, что расследование вели те люди, которые отнюдь не участвовали в боях и не кормили вшей на переднем крае обороны.

Была даже "самиздатовская" солдатская песня про работу в войсках отделов СМЕРШа, в которой упоминалось еще старое (существовавшее до 1943 года) название этой организации: Особый отдел. В ней от имени танкиста рассказывается, как его Т-34 был подбит вражеским снарядом, но он чудом остался в живых, выпрыгнув из горящей машины. Тем не менее солдат был вызван в Особый отдел, где ему задали вопрос, почему, собственно, он не сгорел вместе с танком? Заканчивалась песня следующими словами танкиста: "Я вам обещаю, я вам говорю, в следующей атаке обязательно сгорю"[307].

Солдаты 1-го Украинского фронта были не просто истощены непрерывными боями с противником. Они давно не мылись в бане, имели крайне неопрятный внешний вид. Бойцы были завшивлены, а многие болели дизентерией. Проблемы возникали из-за того, что забота о здоровье и безопасности не стояла в ряду приоритетов в Красной Армии. Нижнее белье никогда не стиралось. Вода для питья редко когда кипятилась. Туда, вопреки инструкциям, не добавлялась хлорка. Более того, пища готовилась в ужасных антисанитарных условиях. Отчеты командования свидетельствуют, что мясо скотины советские бойцы обычно разделывали на грязной соломе прямо возле дороги[308]. Затем его сразу же варили в полевой кухне. Колбасу также резали на грязном столе, причем делал это повар, одетый в запачканную шинель.

В течение второй недели марта советское командование было сильно обеспокоено распространением среди войск тифа. Во время обследования частей Красной Армии военные медики сумели обнаружить целых три типа тифозного заболевания. Даже войска НКВД находились в плохом санитарном состоянии. От одной до двух третей всех спецподразделений оказались завшивлены. Естественно, процент завшивленности среди фронтовых войск был намного выше. Положение стало улучшаться лишь тогда, когда боевая ситуация в Силезии стабилизировалась и солдаты получили возможность сходить в баню в тыловом районе. Согласно инструкции, баню необходимо было организовывать не реже трех раз в месяц. Во время помывки солдатское белье проходило дезинфекцию, то есть обрабатывалось сильным химическим составом. Все военнослужащие должны были также пройти прививки против тифа. Однако, как правило, у военных медиков не хватало

времени, чтобы охватить вакцинацией все боевые части.

15 марта 1945 года Конев по приказу Сталина активизировал военные действия в Южной Силезии. На левом фланге 1-го Украинского фронта части советских войск нанесли удары по сходящимся направлениям и отрезали в районе Опельна тридцатитысячную группировку немецких войск. В течение короткого промежутка времени советские 59-я и 21-я армии окружили эстонскую 20-ю дивизию СС и 168-ю пехотную дивизию вермахта. Специалисты по спецпропаганде 7-го отдела политуправления подготовили и послали во вражеский тыл антифашистски настроенных немецких военнопленных. Существовала надежда, что они сумеют убедить германских солдат в бесполезности сопротивления, а также в том, что в советских лагерях с ними будут обращаться вполне корректно. Однако, добравшись до немецких позиций, многие из этих посыльных были расстреляны по приказу офицеров.

Окруженная группировка испытывала большие лишения. Однако германские солдаты забавлялись, чем могли. Им доставляло удовольствие наблюдать, как солдаты национальных частей СС, эстонцы и украинцы, подходили к фронтовикам с пропагандистскими листовками на немецком языке и спрашивали, что в них написано[309]. Дело в том, что сами немцы могли быть немедленно расстреляны не только за прочтение таких советских листовок, но просто за то, что они свернули из нее самокрутку либо использовали для туалета. 20 марта неподалеку от деревни Ринквиц солдаты Красной Армии поймали и сразу расстреляли группу штабных офицеров из эстонской 2-й дивизии СС. Они занимались уничтожением документов. Несколько полусожженных бумажек, унесенных ветром, удалось все-таки найти на заднем дворе крестьянского дома. В них были приговоры эсэсовского военного трибунала.

Попытка германского командования пробить брешь в кольце вокруг Опельна была отражена советскими частями. Половина из тридцатитысячной окруженной группировки оказалась уничтожена. Соседний 4-й Украинский фронт очень помог Коневу в уничтожении противника. 30 марта 60-я армия и 4-я гвардейская танковая армия заняли город Ратибор. Теперь 1-й Украинский фронт контролировал практически всю Верхнюю Силезию.

Несмотря на потерю значительной части немецкой территории, нацистское руководство не стало менять названия армейских группировок войск, хотя название "Висла" для объединения, стоящего на Одере, стало не просто неподходящим, но уже и нелепым.

Штаб Гиммлера находился в девяноста километрах к северу от Берлина в лесном массиве неподалеку от Хасслебена. Он расположился в деревне в окрестностях Пренцлау. Такое большое расстояние от столицы рейха гарантировало безопасность от воздушных ударов. Штабные службы были размещены в обычных деревянных домах, окруженных высокой колючей проволокой. Единственным исключением стал командный пункт самого Гиммлера — высокое здание с хорошо меблированными внутренними помещениями. "Спальня, — как вспоминал один из штабных офицеров, — была элегантно отделана красным деревом, на одной из ее стен висел светло-зеленый ковер[310]. Вся она напоминала скорее будуар великосветской леди, чем помещение для командующего армейской группой". На стенах прихожей висели гобелены с рисунками "нордической" тематики. Все вещи, включая фарфор, были изготовлены на специальных предприятиях, находящихся под контролем СС. Армейские офицеры приходили в недоумение, разглядывая всю эту роскошь. Она резко контрастировала с издержками "тотальной войны", объявленной доктором Геббельсом. Распорядок дня Гиммлера также не имел ничего общего с деятельностью обычного фронтового командующего. После утренней ванны он шел на массаж, который делал ему его личный массажер. Затем был завтрак. К работе он приступал не ранее 10 часов 30 минут. Во время сна никто не имел права потревожить Гиммлера, даже если необходимо было принять срочное решение. Зато рейхсфюрер любил вручать награды. Ему доставляла удовольствие вся эта церемония, позволявшая еще раз ощутить чувство собственного превосходства. Как вспоминал Гудериан, Гиммлер сам втайне желал получить в награду рыцарский крест.

Напротив, присутствие Гиммлера на совещании у фюрера, по свидетельству армейских офицеров, всегда оставляло довольно жалкое впечатление. Как отмечал полковник Айсман, рейхсфюрер не переставал твердить фразы о деятельности военного трибунала. Он говорил, что отступление означает отсутствие воли к борьбе и что укрепить эту волю можно только самыми жестокими мерами. Гиммлер также указывал на ошибки "некомпетентных и трусливых генералов"[311]. Однако за свои мнимые или действительные ошибки генералы расплачивались лишь потерей должности или отставкой. За отход с позиций казнили, как правило, рядовых солдат.

Гитлеровская ставка поддерживала активность военных трибуналов. Во многом она следовала примеру Красной Армии. Как только советские части в начале февраля достигли Одера, фюрер издал фактическую копию сталинского приказа 1942 года

"Ни шагу назад". В нем, в частности, предписывалось создавать на фронте заградительные отряды, а в пятом параграфе говорилось: "Военные трибуналы должны утверждать самые суровые приговоры на основе следующего принципа: тот, кто боится принять честную смерть в бою, будет казнен за трусость"[312].

9 марта фюрер издал новый приказ, в котором уточнялись детали деятельности полевых военных трибуналов. В их состав входили три старших офицера, два помощника, две машинистки и — что самое существенное — "один унтер-офицер и восемь человек расстрельной команды"[313]. Главный принцип деятельности трибуналов выглядел чрезвычайно простым: "Мягкие приговоры неприемлемы". Они начали свою работу буквально на следующий день и были готовы осудить любого военнослужащего вермахта или войск СС. Гитлеровский блицкриг против собственных солдат был распространен инструкцией генерала Бургдорфа на части люфтваффе и военно-морской флот. Генерал требовал, чтобы председатель каждого трибунала был идеологически преданным борцом рейха. Мартин Борман, не желая остаться в стороне от этого процесса, также издал приказ гауляйтерам, чтобы военные трибуналы боролись с "трусостью и пораженчеством"[314] с помощью смертных приговоров.

Спустя четыре дня после выхода приказа о полевых военных трибуналах Гитлер издал новое распоряжение — на сей раз о национал-социалистской идеологии в армии. Вполне вероятно, что его проект был составлен Борманом. Там, в частности, говорилось, что задачей командира является воодушевлять своих солдат, сделать их фанатичными в борьбе. В отношении национал-социалистского поведения командир становился ответственным перед самим фюрером[315].

Для Гиммлера, человека, проповедовавшего безжалостность ко всем колеблющимся, бремя командования на фронте оказалось слишком велико. Поэтому он, даже не предупредив Гудериана, лег с диагнозом "грипп" в санаторий в Хохенлихене, в сорока километрах от Хасслебена. Там за ним стал присматривать его персональный врач. Гудериан, узнав о том, что происходит в штабе группы армий "Висла", немедленно отправился туда. Показательно, что даже начальник гиммлеровского штаба СС Ламмердинг умолял Гудериана сделать что-нибудь. Получив информацию, что Гиммлер лежит в Хохенлихене, Гудериан решил нанести ему визит. По дороге он все время думал, какую тактику ему лучше применить в разговоре с рейхсфюрером. Войдя к нему, Гудериан сказал, что тот явно перегружен различной работой — Гиммлер являлся рейхсфюрером СС, начальником германской полиции, министром внутренних дел, командующим Резервной

армией и командующим группой армий "Висла". Гудериан предложил Гиммлеру отказаться от одного из постов, а именно — командующего группой армий "Висла". Когда стало ясно, что и сам рейхсфюрер не против, но не хочет самолично говорить об этом Гитлеру, Гудериан воспользовался предоставленным ему шансом. Он предложил: "Тогда дайте мне полномочия сказать это за вас". Гиммлер не возражал. В ту же ночь Гудериан встретился с Гитлером и предложил ему новую кандидатуру командующего — генерал-полковника Готтхарда Хейнрици. Хейнрици являлся командующим 1-й танковой армией, ведущей бои против фронта Конева в районе Ратибора. Выслушав Гудериана, Гитлер с величайшей неохотой, но все же согласился с его предложением.

Когда Хейнрици прибыл в Хасслебен, то там также появился и Гиммлер. Он стал рассказывать новому командующему о складывающейся ситуации на фронте. Слова Гиммлера больше были похожи на самооправдание. Когда Хейнрици уже устал слушать этот бесконечный монолог рейхсфюрера, в комнате вдруг зазвонил телефон. Гиммлер взял трубку. Звонил генерал Буссе, командующий 9-й армией. Он сообщил, что в районе Кюстрина немецкие войска постигла новая крупная неудача. Коридор на восточном берегу Одера, связывавший крепость Кюстрин с основным фронтом, был перерезан русскими войсками. Гиммлер быстро передал трубку генералу Хейнрици, "Вы — новый командующий группой армий, — произнес он. — Вам и отдавать приказы"[316]. После этого рейхсфюрер поспешно покинул помещение.

Борьба за плацдармы по обеим сторонам Одера носила крайне ожесточенный характер. Если советские войска захватывали какую-нибудь деревню и находили там нацистскую униформу или свастику на стенах домов, то они часто расстреливали всех оставшихся в живых жителей данного населенного пункта. Во многом именно поэтому обитатели деревень, которые были вначале захвачены частями Красной Армии, а потом вновь освобождены немецкими войсками, мало что говорили о жестоком поведении советских военных властей. Дело в том, что свидетелей подобного поведения уже не оставалось в живых[317].

Все больше германских фронтовиков и недавно мобилизованных юнцов открыто выражали свое недовольство необходимостью воевать до последней капли крови. Представитель шведского посольства, совершивший поездку от Кюстрина до Берлина, докладывал военному атташе Швеции в Германии майору Юхлин-Даннфелу о том, что он насчитал на своем пути целых двадцать постов полевой жандармерии. В

задачу охранников входил арест дезертиров, бегущих с фронта[318]. Еще один швед отмечал, что германские войска, продвигающиеся к фронту, не представляют собой внушительную силу. "Солдаты выглядят апатичными и истощенными"[319].

Условия для строительства обороны в пойме Одера, этой сырой равнины со множеством искусственных дамб, оказались чрезвычайно плохими. Рытье траншей и щелей было ужасной работой. Уже на глубине меньше чем в один метр начинала сочиться вода. Февраль не был на этот раз таким холодным, как обычно, что, впрочем, не облегчало работу землекопов. К недостатку опытных солдат в германской армии прибавились еще и трудности с обеспечением боеприпасами и горючими материалами. Так, например, в дивизии СС "30 января" штабные автомобили можно было использовать только в случае крайней необходимости. Ни одна артиллерийская батарея не имела права открыть огонь без предварительного разрешения свыше. Дневная норма для одного орудия составляла всего два снаряда.

Советские солдаты также закапывались в землю. Они рыли длинные траншеи и индивидуальные ячейки. Снайперы выбирали себе удобные позиции в кустарнике, в перелеске или на крыше полуразрушенных домов и тщательно маскировали их. Они могли по шесть, а то и по восемь часов находиться без движения. Их основными целями были немецкие офицеры, за которыми по значимости следовали повозки с продовольствием. Днем немецкие военнослужащие просто не могли передвигаться по фронту. Без движения целый день лежали и советские разведчики. Но, как только наступала темнота, они проникали сквозь германские заслоны, захватывая в плен зазевавшихся солдат — "языков". После этого их тащили в советский тыл для допроса. Артиллерийские наблюдатели также ощущали себя снайперами; действительно, им нравилось думать о себе как о снайперах, только с куда более длинными стволами своих оружий.

Весеннее половодье во многом было на руку Красной Армии. Поверхность мостов через Одер, построенных советскими инженерами, находилась от двадцати пяти до тридцати сантиметров ниже уровня воды. Фактически мосты превратились в искусственные броды[320]. Пилотам люфтваффе, вылетающим на бомбежку переправ на своих "фокке-вульфах" и "штуках" (пикирующих бомбардировщиках. Примеч. пер.), было чрезвычайно тяжело обнаружить подобного рода вооружения.

* * *

Пока министр пропаганды Геббельс все еще проповедовал неизбежность окончательной победы немецкого оружия,

рейхскомиссар Геббельс, лицо, ответственное за оборону Берлина, приказал строить различные препятствия вокруг германской столицы. В результате десятки тысяч голодных мирных жителей, в основном женщины, были отправлены на рытье противотанковых рвов. Там они теряли остатки своей силы и энергии. Несмотря на все наказания и обвинения в пораженчестве, среди немцев стали упорно распространяться слухи о некомпетентности нацистской бюрократии, о бесполезной трате времени на возведение укреплений, которые никогда не пригодятся[321]. "За всю войну, отмечал один штабной офицер, — я ни разу не видел ни одного противотанкового рва — будь то наш или вражеский, — который смог был остановить танковую атаку"[322]. Армейские офицеры были против возведения таких земляных рвов еще и потому, что они мешали транспортному движению в направлении Зееловских высот и создавали хаос среди мирных жителей, бегущих с западного берега Одера в Берлин.

Бранденбургские крестьяне, вынужденные остаться на своей земле по причине того, что их призвали в фольксштурм, вдруг обнаружили, что им просто невозможно заниматься собственным хозяйством. Представителю нацистской партии, отвечавшему за сельскохозяйственные работы в этом районе, было приказано реквизировать всех лошадей и повозки для транспортировки раненых и боеприпасов[323]. Даже велосипеды передали так называемой дивизии истребителей танков. Однако наиболее показательным примером степени оснащенности германских соединений являлось то, что регулярные войска были вынуждены после бегства с Вислы отбирать у фольксштурмовцев ранее выданное им оружие. В ряде случаев это действительно позволяло повысить боеспособность воинских частей.

Батальон фольксштурма 16/69 был дислоцирован в районе Врицена, неподалеку от передовой линии фронта. В нем насчитывалось сто тринадцать человек, из которых тридцать два занимались оборонительными работами в тылу, а сорок — находились на излечении в госпитале. Остальные военнослужащие охраняли противотанковые рвы и мосты. На вооружении батальона имелись целых три типа различных пулеметов (включая несколько советских единиц), огнемет, к которому не хватало необходимых деталей, три испанских пистолета и двести двадцать восемь винтовок из шести стран. Отчет о наличном оружии батальона вряд ли содержал какие-то неточности, поскольку районная администрация в Потсдаме особо предупреждала, что ложные доклады "равносильны военному преступлению"[324]. Но во многих случаях даже этот

бесполезный арсенал не мог быть передан подразделениями фольксштурма стоящим поблизости от него боевым частям, поскольку нацистские гауляйтеры заявляли, что оружие, которое в свое время было одолжено у вермахта, может ему и передаваться.

В отчетах гестапо, распространявшихся среди лидеров нацистской партии, говорилось о растущем презрении немцев к своему руководству. Простых граждан возмущало, почему они должны умирать за тех, кто сам ничего не делает и находится в безопасности. Особенно резко высказывались в отношении так называемых "выдающихся людей"[325]. Попытки гауляйтеров поднять моральное состояние подопечного им населения были порой похожи на дурной анекдот. В частности, изобретались различные лозунги. В Бранденбурге, например, представителям нацистской партии предстояло мобилизовывать людей на борьбу с врагами со следующим воззванием: "Лучше свежий воздух фронта, чем духота квартир!"[326] Доктор Лей, заведующий организационным отделом национал-социалистской партии, представил перед фюрером план создания добровольческого корпуса "Адольф Гитлер", в который предполагалось набрать до сорока тысяч фанатичных волонтеров[327]. Он также просил Гудериана резервировать для новых добровольцев восемьдесят тысяч пулеметов. Не больше — не меньше. Гудериан пообещал ему это сделать, как только люди будут зачислены в боевые части. Однако он прекрасно понимал, что все слова Лея являются не чем иным, как пустой болтовней. Даже Гитлер не поверил в это.

На протяжении всех последних месяцев Геббельс был сильно обеспокоен исчезновением Гитлера из общественной жизни. В конце концов ему удалось убедить фюрера посетить фронт на Одере, в основном для того, чтобы запечатлеть это в хронике новостей. Визит Гитлера на фронт 13 марта проходил в обстановке величайшей секретности. Эсэсовские патрули обследовали всю прилегающую местность и выстроились вдоль дороги во время проезда машины фюрера. На этот раз Гитлер не встречался с рядовыми солдатами. Командующие соединениями были приглашены в поместье неподалеку от Врицена. Их собрали в большом доме, который когда-то принадлежал самому Блюхеру (прусский генерал-фельдмаршал, участник битвы при Ватерлоо. — Примеч. ред.). Военных сильно удивил вид осунувшегося фюрера. Один из офицеров отмечал, что лицо у Гитлера было белым, словно мел, а его глаза блестели, как у змеи[328]. Обстановку на фронте докладывал генерал Буссе, в походной фуражке и очках. Когда Гитлер заговорил о

необходимости удерживать оборону на Одере, то генерал отметил, что для укрепления позиций использованы последние имеющиеся в наличии запасы вооружения[329].

Речь Гитлера перед фронтовыми командующими окончательно истощила его силы. По дороге домой он не промолвил больше ни единого слова. По воспоминаниям его личного водителя, фюрер сидел, "углубившись в собственные мысли"[330]. Это был его последний выезд из города. Больше он уже никогда не покидал рейхсканцелярию.

Глава девятая
Цель — Берлин

8 марта 1945 года, когда операция 1-го Белорусского фронта в Померании была в самом разгаре, Сталин неожиданно вызвал Жукова в Москву. Сталин выбрал для этого довольно странный момент: он отрывал командующего от руководства операцией. Прямо с центрального аэропорта маршал отправился на сталинскую дачу, где советский лидер восстанавливал силы после напряженной работы.

После того как Жуков рассказал Сталину о проведении Померанской операции и ситуации на одсрских плацдармах, вождь пригласил командующего прогуляться на свежем воздухе. Неожиданно Сталин заговорил о своем детстве. Когда они возвратились в дом, Жуков спросил, известно ли что-нибудь о сыне Сталина, Якове Джугашвили, который попал в немецкий плен еще в 1941 году. Сталин отрекся от него, чтобы у того появилась возможность выжить в плену. Но теперь его отношение к Якову, казалось, претерпело изменение. Он молчал некоторое время, а потом сказал, что Яков вряд ли вернется домой живым, убийцы расстреляют его[331]. По имевшейся у Сталина информации, немцы держали Якова изолированно и пытались заставить его изменить Родине. Потом Сталин опять некоторое время молчал и наконец заключил: "Нет. Яков предпочтет любую смерть измене Родине".

Когда Сталин говорил об имеющейся в его распоряжении информации, то, несомненно, имел в виду сведения, поступающие через Абакумова. А самые последние известия о Якове были получены от генерала Степановича, командующего югославской жандармерией[332]. Степанович был освобожден войсками Жукова еще в конце января. Затем его доставили в СМЕРШ для допроса. Некоторое время Степанович находился в одном лагере ("Straflager X–C" в Любеке) со старшим лейтенантом Джугашвили. По словам Степановича, Яков держал там себя "независимо и гордо". Он отказывался вставать, когда к нему в комнату входил германский офицер, и отворачивался в сторону, если с ним кто-либо пытался заговорить. Немцы в качестве наказания посадили Якова в подвал. Несмотря на то что в германской прессе появились записи его интервью, он утверждал, что не отвечал ни на один из заданных ему вопросов. Вскоре Якова забрали из лагеря и перевезли в неизвестном направлении.

И по сей день вес обстоятельства его смерти досконально не

ясны. Наиболее распространенной является версия, что он сам бросился на колючую проволоку, вызвав на себя огонь охранников. Возможно, что Сталин и изменил свое отношение к сыну, но он был по-прежнему безжалостным к тем сотням тысяч советских военнопленных, которым пришлось испытать не меньше, а то и больше страданий в германских застенках.

Сталин поменял тему разговора. Он сказал Жукову, что очень доволен результатами Ялтинской конференции[333]. Рузвельт был особенно дружественно настроен к нему. В комнату вошел секретарь Сталина Поскребышев. Он принес — на подпись какие-то бумаги. Жуков посчитал, что настал момент уходить. Однако именно теперь Сталин решил сказать маршалу, для чего, собственно, тот был вызван в Москву. Он попросил Жукова направиться в Ставку и сделать вместе с Антоновым все необходимые расчеты для проведения Берлинской операции. На завтра, на 13.00, была намечена новая встреча у Сталина.

Антонов и Жуков, которые понимали, что Сталин их торопит отнюдь не спроста, работали над планом операции всю ночь. На следующее утро Сталин изменил и время, и место совещания. Несмотря на свое слабое состояние, он сам приехал в Москву и собрал в Ставке целую конференцию с участием Маленкова, Молотова и других членов Государственного Комитета Обороны. Основной доклад делал Антонов. Когда тот закончил, Сталин высказал свое удовлетворение и дал распоряжение разработать необходимые приказы по войскам.

Жуков признается в своих мемуарах, что когда они работали над планом Берлинской операции, то принимали в расчет действия западных союзников[334]. Он даже говорит о том, что у советского командования существовало беспокойство относительно поведения британского военного руководства, которое все еще вынашивало планы захватить Берлин раньше Красной Армии. Но Жуков не упомянул, что 7 марта, за день до того, как его вызвали в Москву, части американской армии захватили мост через Рейн в Ремагене. Для Сталина стало совершенно ясно, к чему может привести столь быстрое преодоление союзниками рейнского барьера.

Советский лидер знал, что англичане не теряют надежды захватить Берлин первыми. Еще во время визита Черчилля в Москву, в октябре 1944 года, фельдмаршал Алан Брук сообщил Сталину о том, что после окружения Рура "вектор наступления союзных армий против держав оси будет направлен в сторону Берлина"[335]. Британский премьер, со своей стороны, добавил, что союзники надеются окружить в Голландии около ста пятидесяти тысяч немцев, после чего будет немедленно

организовано наступление на Берлин. Сталин никак не прокомментировал эти высказывания.

У советского лидера была очень серьезная причина, побуждавшая его захватить германскую столицу раньше своих союзников. Еще в мае 1942 года, за три месяца до начала Сталинградской битвы, он пригласил к себе на дачу Берию и ведущих советских ученых-физиков[336]. Вождь пришел в бешенство от полученной разведывательной информации, в которой говорилось, что американцы и англичане работают над созданием урановой бомбы. Сталин обвинял советских ученых, что они не воспринимают эту опасность всерьез, хотя сам он несколько ранее называл все эти сведения о производстве атомного оружия не иначе как "провокацией". Первые разведданные на этот счет поступили от британского шпиона Джона Кейрнкросса в ноябре 1941 года. Неверие Сталина в возможность создания атомного оружия курьезно повторяло его поведение перед началом германского вторжения в Советский Союз, когда он отказывался приводить войска в боевую готовность.

Но последующие три года советская атомная программа развивалась бурными темпами. Ее ускорению содействовала информация о деталях Манхэттенского проекта, получаемая через разведывательные каналы от коммунистически настроенных ученых, подобных Клаусу Фуксу. Берия лично курировал советский проект и поставил под полный контроль НКВД команду физиков во главе с Игорем Курчатовым.

Однако главной трудностью для советских ученых являлась нехватка урановой руды. В Советском Союзе еще не было открыто ни одного месторождения этого минерала. В Европе главные залежи урана находились в Саксонии и Чехословакии, то есть под контролем нацистов. Однако до вступления Красной Армии в Берлин советская сторона, пожалуй, имела лишь очень поверхностное представление о находящихся в тех местах ископаемых. Советская закупочная комиссия в США, согласно инструкциям Берии, запрашивала американскую Администрацию по торговле военной продукцией о возможности продажи СССР восьми тонн урановой окиси. Правительство Соединенных Штатов после консультации с генерал-майором Гроувзом, возглавлявшим Манхэттенский проект, решило продать советским представителям чисто символическую долю из запрашиваемого объема вещества, и то лишь для того, чтобы получше разузнать о намерениях Советского Союза.

В 1945 году залежи урана были обнаружены в Казахстане, однако пока только в незначительных количествах. Поэтому

основная надежда Сталина и Берии состояла в том, чтобы захватить немецкие запасы еще до того, как к ним подступятся западные союзники. Берия располагал информацией советских ученых, которые ранее работали в Германии, что центром немецких атомных исследований является Институт кайзера Вильгельма в Далеме, расположенный на юго-западной окраине Берлина. Работы велись в длинном бункере, известном как "Дом вирусов"[337]. Это кодовое название, очевидно, было присвоено ему, чтобы избежать внимания посторонних глаз. Неподалеку от входа в бункер стояла башня-громоотвод, располагавшаяся прямо над циклотроном, способным вырабатывать энергию в полтора миллиона вольт. Берия, однако, не знал, что большая часть ученых, оборудования и материалов Института кайзера Вильгельма, включая семь тонн окиси урана, была эвакуирована в Хайгерлох, находящийся в Шварцвальде. Но из-за творящейся в Германии неразберихи многие грузы, предназначенные для института, по-прежнему отправлялись в Далем вместо Хайгерлоха. Поэтому захват Далема не являлся для СССР совершенно уж бесполезным предприятием.

Лидеры нацистской партии никогда не сомневались, что битва за Берлин будет означать кульминацию всей войны. "Национал-социалисты, — утверждал Геббельс, — либо одержат в Берлине победу, либо там и погибнут". Возможно, министр пропаганды даже не подозревал, что он перефразирует известное изречение Карла Маркса: "Кто обладает Берлином, тот обладает Германией"[338]. Однако Сталин, напротив, хорошо помнил эту цитату. Но самое главное, он помнил ее окончание — "кто контролирует Германию, тот контролирует Европу".

Но американские военные руководители явно не рассматривали всерьез проблему стратегического значения Германии для будущей расстановки сил в Европе. Такое положение дел вынуждало Алана Брука на нелицеприятные высказывания в адрес своих союзников. Так, после рабочего завтрака с Эйзенхауэром 6 марта в Лондоне он отметил: "Нет сомнения, что он [Эйзенхауэр] чрезвычайно привлекательный человек, но в то же время у него явно отсутствует стратегическое мышление"[339]. Однако Бруку было невдомек, что американцы на этой стадии войны просто не считали нужным рассматривать Европу со стратегической точки зрения. Они имели простую и ограниченную цель: как можно с меньшими потерями и максимально быстро выиграть войну против Германии, а затем сконцентрировать все усилия на разгроме Японии. Эйзенхауэр, подобно своему президенту, начальникам штабов и другим представителям власти, просто не хотел забегать вперед и

совершенно недооценивал сталинский характер. Некоторые британские офицеры считали, что поведение Эйзенхауэра в отношении советского лидера можно выразить словами "давай, Джо"[340] — это выражение использовали лондонские проститутки, когда приставали к американским солдатам.

2 марта Эйзенхауэр послал следующий запрос генерал-майору Джону Р. Дину, главе американской военной миссии в СССР: "Произошли ли какие-нибудь изменения в планах командования Красной Армии в связи с быстрым развитием операций на советско-германском фронте?" Эйзенхауэр уточнял: есть ли какая-нибудь новая информация, отличная от той, которую союзники получили от Теддера еще 15 января[341]? Главнокомандующего союзными войсками в Европе также интересовало, будет ли на Восточном фронте "затишье в операциях с середины марта до середины мая?". Однако Дину не удалось узнать что-либо полезное от генерала Антонова. В конце концов русские ввели в заблуждение Эйзенхауэра, скрыв свое намерение захватить Берлин первыми.

Часто бывает так, что, когда точки зрения сторон по важнейшим стратегическим вопросам отличаются друг от друга, роль взаимоотношений личностей неизмеримо возрастает. Эйзенхауэр подозревал, что желание Монтгомери сконцентрировать все внимание на берлинском направлении, которое привело бы к большим потерям среди союзных войск, является не чем иным, как личными амбициями британского командующего. Между тем Монтгомери не скрывал своего намерения командовать англо-американскими войсками непосредственно на фронте, тогда как Эйзенхауэр оставался бы главнокомандующим всеми союзными силами в Европе. Более того, он не переставал хвастаться своими заслугами в сражении в Арденнах, что также не улучшило мнение Эйзенхауэра по его поводу. "Его [Эйзенхауэра] отношения с Монти совершенно ненормальные, — написал фельдмаршал Брук 6 марта в дневнике. — Он видит только худшие стороны Монти"[342]. И американцы соответственно считали, что если наступление на Берлин и должно состояться, то им не должен руководить Монтгомери. Его кандидатура — наихудшая. Он настолько педантичен в отношении всяких деталей, что организация наступления заняла бы у него куда больше времени, чем у любого другого генерала.

К северу от Везеля 21-й группе армий Монтгомери противостояла достаточно большая группировка немецких сил. Поэтому британский командующий планировал провести форсирование Рейна поэтапно, используя значительное

количество автомобилей-амфибий и парашютно-десантные части. Однако еще до того, как поминутно рассчитанные операции Монтгомери были воплощены в жизнь, к югу от фронта его войск произошло знаменательное событие. Гитлер пришел в ярость, когда узнал, что американские войска захватили мост через Рейн в городе Ремаген. Он приказал немедленно уничтожить плацдарм союзников. Однако переброска немецких сил на этот участок неминуемо оголила другие участки обороны на Рейне. Вскоре на правом берегу реки высадились передовые части американской 3-й армии генерала Паттона. Они захватили ряд плацдармов к югу от Кобленца.

Как только 24 марта Рейн пересекли передовые отряды британской 21-й группы армий, Эйзенхауэр, Черчилль и Брук встретились на берегу реки. Все они пребывали в определенной эйфории. Монтгомери верил, что теперь Эйзенхауэр позволит ему произвести удар в северо-восточном направлении — к побережью Балтийского моря у Любека, а возможно, даже на Берлин. Однако вскоре он был разочарован.

Пока генерал Ходжес успешно расширял свой плацдарм у Ремагена, войска Паттона сумели быстро продвинуться южнее Майнца. Эйзенхауэр приказал продолжать наступление в восточном направлении. Генералу Ходжесу предстояло также обойти Рурский индустриальный регион с юга и окружить находящиеся там немецкие силы. К большому неудовольствию Монтгомери, Эйзенхауэр отобрал у него 9-ю армию Симпсона и приказал 21-й группе армий продвигаться в направлении Гамбурга и Дании, но не на Берлин. 9-я армия должна была составить северную часть клещей, предусмотренных для окружения группы фельдмаршала Моделя, обороняющей Рур. Самый большой удар по британским надеждам относительно Берлина нанесло решение Эйзенхауэра от 30 марта. Главнокомандующий союзными силами в Европе намеревался сконцентрировать усилия на захвате прежде всего центральной и южной Германии.

12-я группа армий Брэдли, усиленная частями 9-й армии, имела цель после окружения Рура как можно быстрее продвигаться к центральным районам Германии. В ее задачу входил захват Дрездена и Лейпцига. 6-й группе армий генерала Диверса предстояло наступать на Баварию и Северную Австрию. Британские начальники штабов были не на шутку встревожены, когда Эйзенхауэр, даже не проконсультировавшись с ними, в конце марта телеграфировал Сталину о всех деталях его плана операций на Западном фронте. Об этом не знал даже английский заместитель командующего главный маршал авиации Теддер[343].

Сообщение Эйзенхауэра, имевшее кодовый номер SCAF-252, вызвало серьезное недоразумение между союзниками.

Желание Эйзенхауэра сконцентрировать усилия на юге Германии частично объяснялось его уверенностью в том, что Гитлер будет отводить свои силы именно в Баварию и Северную Австрию. По имевшимся сведениям, именно там фюрер намечал создание так называемой "Альпийской крепости", где должна была проходить последняя линия обороны рейха. Впоследствии в своих мемуарах Эйзенхауэр признавал, что Берлин "как символ Германии, оставался важной целью как с политической, так и с психологической точек зрения"[344]. Однако он считал нежелательным организовывать наступление на берлинском направлении. Его окончательное решение было основано на том факте, что войска Красной Армии, стоящие на Одере, находились к Берлину гораздо ближе западных союзников. Поэтому логичней выглядело продвинуться в южные и центральные районы Германии, после чего встретиться с русскими войсками и разделить Германию на две части.

Всего шесть дней назад, стоя на берегу Рейна, Черчилль надеялся на то, что наступление союзных армий встретит лишь незначительное сопротивление со стороны германских войск. В этом случае у них будет шанс достигнуть Эльбы или даже Берлина быстрее русского "медведя"[345]. Теперь же премьер-министр был не на шутку встревожен. Все выглядело так, словно бы Эйзенхауэр и Маршалл решили задобрить Сталина. Действительно, советские военные находились в ярости после того, как американская авиация по ошибке сбила несколько советских самолетов. Их реакция совсем не походила на мягкое замечание Сталина, сделанное еще в январе Теддеру, о том, что такие инциденты случаются на войне. Один из них имел место 18 марта неподалеку от Кюстрина. Пилоты американских истребителей подумали, что вступили в бой с группой из восьми немецких самолетов, из которых два "фокке-вульфа" были сбиты. Советская сторона, напротив, утверждала, что эти восемь самолетов были советскими. Более того, русские потеряли тогда целых шесть машин. Два их летчика погибли, а один получил серьезное ранение. Советская сторона вину за это происшествие возложила на преступные действия отдельных лиц в американских военно-воздушных силах[346].

По иронии судьбы американцы стали зачинщиками еще одного скандала, который спровоцировал самый большой кризис во взаимоотношениях между союзниками. Речь идет о деятельности агентов Аллена Даллеса, возглавлявшего в Швейцарии подразделение Управления стратегических служб

США. Обергруппенфюрер СС Карл Вольф — вошел с ним в контакт на предмет заключения перемирия в Северной Италии. Участие советских представителей в ведении переговоров было отвергнуто под тем предлогом, что Вольф в этом случае мог не пойти на такой шаг. Американская сторона совершила явную ошибку. Черчиллю стало известно, что советский лидер сильно встревожен. Сталин боялся, что союзники заключат сепаратное перемирие на Западном фронте. Он даже подозревал американцев в том, что они станут снабжать необходимыми припасами части вермахта, хотя такой ход мыслей шел против всякой логики. Основная масса боевых соединений германской армии была к тому времени либо уже уничтожена, либо взята в плен. Поэтому, даже если бы американцы задумали снабжать немецкую армию оружием, собранным со всего света, то вермахт образца 1945 года очень мало походил бы на ту организованную разрушительную машину, которая существовала в 1941 году.

Сталин также считал, что число германских военнослужащих, взятых в плен западными союзниками, столь велико совсем не потому, что на востоке немцы просто боятся попадать в русский плен; он подозревал другое — германское командование стремится открыть свой фронт перед англичанами и американцами и позволить им войти в Берлин первыми. На самом же деле всевозрастающее число военнопленных было прямым следствием отказа Гитлера санкционировать любое отступление. Если бы он отвел свои армии к Рейну после сражения в Арденнах, то западные союзники находились бы сейчас в достаточно трудном положении. Но фюрер этого не сделал. В результате англичанам и американцам удалось окружить значительное число немецких соединений западнее Рейна. К таким же гибельным последствиям привела жесткая оборона Моделем Рурского индустриального региона. Позднее Эйзенхауэр отмечал, что успехи союзников во многом обязаны решениям Гитлера[347].

В любом случае Черчилль был теперь абсолютно уверен, что, пока сталинские намерения в отношении Центральной Европы еще полностью не проявили себя, западные союзники должны запасаться как можно большим количеством козырных карт. Их можно будет использовать против него за столом переговоров о послевоенном устройстве мира. Последние сообщения из Польши свидетельствовали, что советский лидер вовсе не желает, чтобы в стране было создано и развивалось независимое правительство. Агрессивную позицию по польскому вопросу занял и нарком иностранных дел Молотов. Он заявил, что советская сторона не потерпит участия в делах Польши западных представителей.

Стало очевидным, что его интерпретация соглашений, достигнутых союзниками в Ялте, совершенно отличалась от того, что англичане и американцы понимали под "буквой и духом" подписанных там документов.

Черчилль стал терять доверие к советскому лидеру, которое ранее базировалось на отказе Сталина вмешиваться в греческие дела. У него возникли подозрения, что и он сам и Рузвельт стали жертвами искусного обмана, основанного на создании атмосферы доверия. Но Черчилль, казалось, все еще не уяснил, что Сталин судит о других только по себе. В понимании советского лидера, Черчиллю необходимо было придать демократический лоск тем мероприятиям, вопрос о которых уже в принципе решен, и тем самым заглушить их возможную критику. Именно так Сталин расценивал ялтинское заявление премьер-министра, что польский вопрос необходимо будет представить на суд палаты общин. Теперь же Сталин разозлился на Черчилля, возобновившего критику советских действий в Польше.

Советские официальные лица были, безусловно, осведомлены о противоречиях, существующих в стане западных союзников, хотя, конечно, не знали всех деталей их военных и политических разногласий. Трещина между американцами и англичанами еще более расширилась после письма Эйзенхауэра Сталину, известного под кодовым названием SCAF-252. Уязвленный реакцией британской стороны на это послание, Эйзенхауэр впоследствии отмечал, что после январского визита Теддера в Москву Объединенный комитет начальников штабов позволил ему связываться с руководством СССР напрямую "по вопросам военного характера"[348]. Однако в ходе развития боевых действий это разрешение стал оспаривать Черчилль. Эйзенхауэр отмечал, что главная трудность произрастала из старинной истины о неразделимости войны и политики. Так или иначе, мнение командующего союзными войсками в Европе, что сам по себе Берлин потерял свою стратегическую ценность, выглядит удивительно наивным[349]. Тем не менее с позиции сегодняшнего дня следует признать, что решение Эйзенхауэра не наступать на Берлин было в той ситуации, пожалуй, наиболее правильным, хотя оно и основывалось на абсолютно неверных суждениях. Для Сталина захват германской столицы являлся не просто вопросом приобретения хороших стартовых позиций в послевоенной политической игре. Берлин был слишком важной целью во многих отношениях. И если бы какие-нибудь союзные части форсировали Эльбу и стали продвигаться к столице рейха с запада, то они, несомненно, попали бы под удар советской авиации, а затем и артиллерии. Сталин без угрызения совести

обвинил бы своих союзников в преступном авантюризме. Очевидно, что Эйзенхауэр недооценивал стратегического значения Берлина, однако Черчилль, со своей стороны, недооценивал решимости советского лидера захватить город во что бы то ни стало. Британский премьер недопонимал, какой моральный удар будет нанесен Красной Армии, если этот желанный приз у нее уведут из-под самого носа.

В конце марта, пока британские и американские начальники штабов ломали копья по поводу плана Эйзенхауэра, в Москве заканчивалась подготовка к Берлинской операции. Ранним утром 29 марта Жуков покинул свой штаб и вылетел в Москву. Однако плохая погода задержала его на некоторое время в Минске. Вечер он провел в компании первого секретаря Компартии Белоруссии Пономаренко. И поскольку погода не улучшалась, Жуков продолжил свой путь в Москву на поезде.

В Кремле его ждала напряженная атмосфера. Сталин был убежден, что немцы сделают все возможное, чтобы договориться с Западом, а тем временем будут продолжать держать фронт на Востоке, Переговоры в Швейцарии между американцами и генералом Вольфом о прекращении огня в Северной Италии только подтверждали самые худшие подозрения. Советская сторона была настолько раздражена поведением западных союзников, что даже перестала принимать в расчет исключительный фанатизм самого Гитлера. Действительно, некоторые лица в окружении фюрера могли идти на контакт с американцами и англичанами, но для него самого перемирие было абсолютно неприемлемым. Оно не давало Гитлеру никакого будущего и означало крах всех его планов и неизбежную виселицу. Союзники просто не могли вести никаких официальных переговоров о заключении перемирия, пока в германском рейхе не произошел бы дворцовый переворот.

Жуков, которому было поручено взятие германской столицы, также разделял опасения Сталина, что немцы откроют фронт перед англичанами и американцами. Еще 27 марта, за два дня до того, как он вылетел в Москву, корреспондент агентства Рейтер, прикомандированный к 21-й группе армий союзников, отмечал, что части англичан и американцев, наступающих в сердце Германии, не встречают практически никакого сопротивления. Репортаж корреспондента вызвал сильную тревогу в Москве.

Первое, что Жуков услышал от Сталина, когда наконец добрался до Москвы, стало признание советским лидером полного коллапса немецкого фронта на Западе[350]. Сталин утверждал, что гитлеровцы не хотят принимать никаких мер для того, чтобы остановить продвижение союзников. Одновременно

они усиливают свою оборону против частей Красной Армии. Советский лидер сделал жест в сторону карты. Вытряхнув пепел из своей трубки, он заметил, что, по-видимому, советским войскам предстоит очень серьезная схватка.

Жуков развернул привезенную с собой карту, где были отмечены разведывательные данные о силах противника. После того как Сталин ее внимательно изучил, он спросил, когда планируется начать наступление на берлинском направлении. Жуков ответил, что войска 1-го Белорусского фронта готовы выступить через две недели. Очевидно, что и 1-й Украинский фронт закончит свои приготовления к этому же времени. По имевшейся у Жукова информации, силы 2-го Белорусского фронта могли быть заняты ликвидацией противника в портах Данциг и Гдыня до середины апреля.

"Ну что ж, — ответил Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского". Затем он подошел к своему рабочему столу, взял с него листок бумаги и протянул собеседнику. По признанию Жукова, это было письмо от иностранного источника, благожелательно относящегося к СССР, который предупреждал советское руководство о секретных переговорах между западными союзниками и нацистами. И хотя в информации источника говорилось также, что американцы и англичане отвергли германские предложения о сепаратном мире, тем не менее сохранялась возможность, что немцы откроют фронт перед западными союзниками.

Сталин спросил Жукова, что он думает по данному поводу, но, не дожидаясь ответа, заметил, что Рузвельт вряд ли пойдет на нарушение ялтинских договоренностей. Что же касается Черчилля, то от этого человека можно ждать чего угодно.

В 8 часов вечера 31 марта посол Соединенных Штатов Америки Аверелл Гарриман и его британский коллега сэр Арчибальд Кларк Керр, сопровождаемые генералом Дином, приехали в Кремль. Их встретили там Сталин, генерал Антонов и Молотов. Как отметил в своем донесении генерал Дин, "Сталину было вручено письмо Эйзенхауэра SCAF-252[351] на английском и русском языках. После того как он прочел послание, мы показали упомянутые в нем операции на карте. Сталин немедленно отреагировал, сказав, что план ему нравится, но что он, конечно, не может дать развернутого ответа, пока не проконсультируется со своим штабом. Он сказал, что даст нам ответ завтра. Советский лидер, казалось, был чрезвычайно удовлетворен предлагаемым направлением удара в центральные и южные районы Германии. Мы подчеркнули также срочность получения ответа от Сталина для того, чтобы должным образом скоординировать наши

планы… На Сталина произвело впечатление количество немецких военнопленных, захваченных западными союзниками за март, и он отметил, что этот факт, несомненно, поможет быстрее завершить войну". Затем Сталин стал подробно объяснять ситуацию на каждом участке фронта, исключая, правда, важнейший участок фронта на Одере. По его расчетам, "только около одной трети немцев хотят воевать". Советский лидер вновь обратился к посланию Эйзенхауэра, сказав, что ему нравятся выбранные им основные направления ударов, которые позволят захватить важнейшие пункты Германии и разделить страну на две части. Он также полагал, что "последняя линия германской обороны будет проходить в горах западной Чехословакии и в Баварии". Было очевидно, что Сталин не просто согласен, но и пытается всеми силами поддержать идею, что немецкая нация строит свой оборонительный бастион в южных районах страны.

На следующее утро, 1 апреля, за большим столом кремлевского кабинета, над которым висели портреты Суворова и Кутузова, состоялось совещание. На него были приглашены маршалы Жуков и Конев. Присутствовали также начальник Генерального штаба генерал Антонов и начальник оперативного управления Генштаба генерал Штеменко.

Сталин спросил обоих маршалов, осведомлены ли они, насколько острой является ситуация[352]. Жуков и Конев предусмотрительно ответили, что осведомлены ровно настолько, насколько знакомы с имеющейся в их распоряжении информацией.

Тогда советский лидер попросил генерала Штеменко прочитать им еще одну телеграмму. Это было послание, поступившее, вероятнее всего, от советских военных представителей при штабе союзных войск. В нем говорилось, что на Берлин будут наступать как силы Монтгомери, так и 3-я армия генерала Паттона, которая, захватив Лейпциг и Дрезден, будет продвигаться к германской столице с южного направления. До Ставки уже доходили слухи, что союзники имеют план высадки в Берлине парашютной дивизии в случае внезапного краха нацистского режима. И все это происходило бы под видом помощи частям Красной Армии. Нельзя сбрасывать со счетов и такую возможность, что никакой телеграммы не было. Сталин просто приказал подготовить сфальсифицированный текст и прочитать его маршалам с целью подстегнуть их усилия в подготовке к операции.

Сталин внимательно посмотрел на двух маршалов и спросил: "Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?" — "Берлин будем брать мы, — ответил Конев, — и возьмем его раньше

союзников".

Сталин с улыбкой посмотрел на Конева и задал ему вопрос, как тот собирается подготовить для этого свои войска; ведь основные силы 1-го Украинского фронта после Силезской операции находились на южном фланге, и для того, чтобы организовать их наступление на Берлин, необходимо было осуществить большую перегруппировку. Конев ответил, что беспокоиться за это не стоит — фронт в состоянии произвести все необходимые мероприятия. От взгляда Сталина не могло ускользнуть откровенное желание Конева опередить Жукова и взять Берлин первым. Советский лидер был удовлетворен. Он никогда не упускал возможности создать атмосферу соперничества между своими подчиненными.

Генерал Антонов рассказал об общем замысле операции, после чего Жуков и Конев представили собственные планы. Сталин сделал лишь одну-единственную поправку. Он не согласился с разграничительной линией для 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, предложенной Ставкой. Сталин наклонился над картой и провел ее до района западнее города Люббен, который располагался в шестидесяти километрах юго-восточнее Берлина. Обратившись к Коневу, он сказал, что в случае сильного сопротивления противника на восточных подступах к германской столице войска 1-го Украинского фронта должны быть готовыми атаковать город своими танковыми армиями с юга[353]. Сталин утвердил общий план операции и отдал приказ, чтобы наступление было подготовлено в самое кратчайшее время и в любом случае не позднее 16 апреля[354].

Как свидетельствует российская официальная историография, "Ставка спешила, опасаясь, как бы союзники не опередили советские войска в овладении Берлином"[355]. Предстояла большая работа по налаживанию взаимодействия родов войск. Для операции привлекались силы в количестве двух с половиной миллионов человек, сорок одна тысяча шестьсот орудий и минометов, шесть тысяч двести пятьдесят танков и самоходных артиллерийских установок и семь с половиной тысяч самолетов. Нет сомнения, что Сталин был весьма удовлетворен, что он сконцентрировал для захвата только одной немецкой столицы такие механизированные силы, которые по своей мощи превышали те, что Гитлер собрал в 1941 году для нападения на весь Советский Союз.

После совещания с военными 1 апреля Сталин ответил на послание Эйзенхауэра, содержащее детализированную информацию о планах американских и британских войск. Советский лидер сообщил американскому верховному

командованию, что план Эйзенхауэра "полностью соответствует"[356] планам Красной Армии. Затем Сталин заверил союзника, что "Берлин потерял свое былое стратегическое значение" и советское командование пошлет против него только второстепенные войска. Основной удар Красной Армии будет осуществлен в южном направлении, для встречи с войсками западных армий. Начало наступления главных сил начнется приблизительно во второй половине мая. Сталин также добавил, что данный план может быть подвергнут определенным изменениям, которые будут зависеть от складывающихся обстоятельств. Это была самая большая первоапрельская шутка в современной истории.

Глава десятая
Камарилья и генеральный штаб

Во время завершающих боев в Померании генерал Типпельскирх организовал в Меллснзее вечерний прием для иностранных военных атташе, аккредитованных в Берлине. Военные атташе сочли необходимым откликнуться на приглашение. Они сделали это в основном потому, что надеялись услышать что-нибудь новое о положении на фронте, и самое главное — отличное от официальной информации. Тому, что говорилось министерством пропаганды, теперь уже никто не верил. Берлин был переполнен слухами. Некоторые жители были убеждены, что Гитлер уже умер от рака и война кончится в ближайшие дни. Другие шептались о возрастающей активности германских коммунистов, радовавшихся приближению Красной Армии. Ходили также разговоры о мятеже среди военнослужащих фольксштурма.

Присутствовавшие на вечере немецкие офицеры говорили о катастрофе в Померании. Ее основной причиной, по их мнению, стал недостаток в резервах. Согласно отчету шведского военного атташе, майора Юхлин-Даннфела, в конце беседы немецкие военные стали говорить о том, какие большие надежды они возлагают на начало серьезных переговоров с англичанами. "Англичане несут большую долю ответственности за судьбу Европы, — отметил один из немецких офицеров[357]. — И это просто их обязанность: предотвратить уничтожение германской культуры в пучине красного урагана". Немцы все еще полагали, что не будь англичане так упорны и надоедливы в стремлении продолжать войну в 1940 году, то в 1941 году вермахт мог сосредоточить против Советского Союза всю свою мощь. В этом случае исход войны был бы совершенно другим. "Некоторые из присутствующих, — заключил Юхлин-Даннфел, — на поверку оказались очень сентиментальными личностями, а вся атмосфера вечера производила достаточно грустное впечатление".

Представители германского офицерского корпуса, которые никогда не входили в ближайший круг Гитлера, были подвержены отнюдь не меньшим иллюзиям. Примечательно, что они сожалели вовсе не о решении Гитлера напасть на Советский Союз, а о том, что это нападение не достигло успеха. К стыду германской армии, в ее рядах нашлась лишь горстка офицеров, которые действительно были оскорблены действиями эсэсовских специальных подразделений и других карательных команд.

Антинацистские настроения, усиливающиеся в армейской среде за последние девять месяцев, частично возникли из-за жестоких репрессий против участников июльского покушения, но в основном — из-за общего неуважения Гитлера к офицерам и его предубеждения против всей армии. Его открытая ненависть к представителям генерального штаба и желание возложить вину за свои собственные ошибки на фронтовых командующих вызывали у офицеров особую обиду. Вдобавок ко всему кадровым военным не могло понравиться, что войска СС имеют массу привилегий перед армейскими соединениями при получении нового оружия, пополнении личным составом и продвижении командиров по служебной лестнице.

Старший офицер германского военно-морского флота рассказал майору Юхлин-Даннфелу, что недавно прошло совещание высшего командного состава, где обсуждалась возможность нанесения по русским последнего отчаянного удара. В немецкие планы входило заставить Красную Армию отступить к границам 1939 года. "Если эта попытка удастся, — заключил морской офицер, — тогда появится возможность начать переговоры. Но для этого необходимо будет также сместить фюрера. Его место займет Гиммлер, который станет гарантом сохранения порядка"[358]. Такая идея свидетельствовала не только об отсутствии здравого мышления среди офицеров, оставшихся в Берлине, но и о том, что они не имеют никакого реального представления о положении дел на фронте. Висло-Одерская операция советских войск окончательно надломила германскую армию, лишила ее самой возможности организовать нечто похожее на наступление. Теперь вопрос состоял лишь в том, за сколько именно дней Красная Армия дойдет до столицы рейха. Как долго она будет продвигаться к Берлину с линии Одера (с той самой линии, которая, к ужасу немецких офицеров, теперь должна была стать новой германо-польской границей)?

Конфликт между Гитлером и Гудерианом достиг своего апогея в связи с положением в городе-крепости Кюстрин, расположенном на слиянии рек Одер и Варта. Кюстрин, который считался воротами в Берлин, очутился теперь между двумя советскими плацдармами на левом берегу Одера. От него до столицы рейха по прямой дороге Берлин — Кенигсберг (Райхсштрассе-1) было всего восемьдесят километров.

Обе противоборствующие стороны рассматривали Кюстрин ключом к Берлину. Жуков хотел соединить два советских плацдарма на Одере; северный плацдарм 5-й ударной армии генерала Берзарина и южный — 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова. Это позволило бы использовать более мощные силы для

нанесения главного удара по германской столице. Со своей стороны, Гитлер настаивал на проведении контрнаступления силами пяти дивизий со стороны Франкфурта-на-Одере для того, чтобы окружить армию Чуйкова с юга.

Гудериан всеми силами пытался отменить этот план, прекрасно понимая, что немецкие войска не имеют ни достаточного количества танков, ни авиации, ни артиллерии, чтобы осуществить такое предприятие. 22 марта, в тот самый день, когда Гиммлер сдавал дела Хейнрици в штабе группы армий "Висла", случилась настоящая катастрофа. Немецкие дивизии осуществляли перегруппировку для проведения намеченного Гитлером контрнаступления. Однако 25-я моторизованная дивизия покинула Кюстринский коридор раньше времени, еще до того, как подошла ее замена. Берзарин и Чуйков среагировали мгновенно. Встречными ударами 8-й гвардейской и 5-й ударной армий коридор был перерезан. Таким образом, Кюстрин оказался полностью изолирован от основного фронта.

Тем не менее Гудериан продолжал надеяться на мирные переговоры с союзниками, которые спасут вермахт от полного уничтожения. Еще 21 марта, за день до потери кюстринского коридора, Гудериан прибыл в рейхсканцелярию. Он подошел к Гиммлеру, который в этот момент прогуливался с Гитлером по парку, засыпанному щебнем и мусором[359]. Гитлер оставил их наедине. Обращаясь к Гиммлеру, Гудериан без лишних предисловий признал, что война уже проиграна. Единственное, по его мнению, что следовало теперь предпринять, — как можно быстрее предотвратить бессмысленные жертвы и бомбардировки. Гудериан отметил, что, кроме Риббентропа, только Гиммлер является тем человеком, который еще поддерживает контакты с нейтральными государствами. И поскольку министр иностранных дел доказал свое нежелание обращаться к Гитлеру с предложением начать переговоры, Гудериан попросил Гиммлера использовать свои связи. Он предложил также пойти вместе с ним к фюреру и убедить того заключить перемирие.

"Мой дорогой генерал-полковник, — ответил Гиммлер, — для этого еще не пришло время". Гудериан продолжал настаивать на своем, но все его дальнейшие попытки убедить рейхсфюрера оказались тщетными. Возможно, что Гиммлер еще слишком боялся Гитлера, но не исключено, что он играл в свою собственную игру. Одно из доверенных лиц рейхсфюрера, группенфюрер фон Альфенслебен, под большим секретом поведал полковнику Айсману, что Гиммлер имеет желание войти в контакт с западными союзниками через графа Фольке Бернадотта, представителя шведского Красного Креста. На все это

Айсман ответил, что время уже ушло. Ни один из западных лидеров не будет рассматривать условия перемирия. Более того, что касается самого Гиммлера, то он является "самой неподходящей фигурой во всей Германии для ведения таких переговоров"[360].

Вечером того же дня, когда Гудериан разговаривал с Гиммлером, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта был вызван к фюреру. Гитлер сказал генералу, что тот должен подать в отставку по болезни, ссылаясь на проблемы с сердцем. Гудериан возразил, что, поскольку генерал Венк попал в автомобильную катастрофу, а генерал Кребс все еще не оправился от ранения, полученного во время недавней бомбежки Цоссена, он не может оставить свой пост. По свидетельству самого Гудериана, во время этого разговора к Гитлеру подошел адъютант и сообщил, что прибыл Шпеер и хочет с ним встретиться. (Гудериан мог ошибиться в дате, поскольку в это время Шпеер находился вне пределов Берлина.) Гитлер взорвался: "Почему, если кто-то хочет видеть меня наедине, — здесь он намекал и на Гудериана, — то он обязательно хочет сказать мне что-нибудь неприятное? Я больше не могу так работать. Его меморандум [Шпеера] начнется со слов "Война проиграна!". Да, именно это он хочет мне теперь сказать. Все его записки я сразу прячу в сейф, и даже не читаю их". Однако адъютант фюрера Николаус фон Белов позднее говорил нечто другое. На самом деле Гитлер читал все, что писал ему Шпеер. Однако, как и в случае с потерей моста в Ремагене, он не желал объективно оценивать ситуацию. Единственной его реакцией на бедственное положение дел было обвинение в некомпетентности окружающих лиц. 8 марта, в тот самый день, когда союзные армии захватили мост через Рейн, Гитлер поначалу сохранял гробовое молчание[361]. Однако на следующий день, как свидетельствовали штабные офицеры, присутствовавшие на совещании у фюрера, Гитлер находился в сильно возбужденном состоянии. Он, не задумываясь, приказал провести казнь пяти армейских офицеров — решение, которое ужаснуло весь вермахт.

Репрессии не миновали и войска СС. Услышав от Бормана или Фегеляйна (оба пытались подкопаться под Гиммлера) о том, что эсэсовские дивизии в Венгрии отошли без приказа сверху, Гитлер приказал лишить их отличительных знаков на униформе. Среди частей, подвергнувшихся этому наказанию, была и личная гвардия самого фюрера — "Лейб-штандарт Адольф Гитлер". Гиммлер лично выехал в Венгрию проследить за выполнением приказа[362]. Как отмечал Гудериан, эта поездка не принесла ему дополнительной популярности в войсках СС.

Атака с целью освобождения Кюстрина, которую Гитлер так и не пожелал отменить, началась 27 марта. Руководство операцией было поручено командующему 9-й армией генералу Буссе. Он взялся за предприятие с большим нежеланием. Наступление, которое поначалу хотя и застало врасплох советскую 8-ю гвардейскую армию, закончилось полным провалом и привело к большим потерям среди немецких войск. Германские танковые и пехотные части были расстреляны на голом пространстве огнем русской артиллерии и авиации.

На следующий день, направляясь из своей ставки в Цоссене в Берлин на встречу с Гитлером, Гудериан принял окончательное решение. "Сегодня я скажу ему всю правду", — услышал за своей спиной майор Фрайтаг фон Лорингхофен[363]. Наконец "мерседес" начальника генерального штаба подъехал к рейхсканцелярии. Атмосфера в ней накалилась до предела еще до появления фюрера. Генерал Бургдорф объявил в своей привычной манере: "Господа, прибыл фюрер!"[364] Это было сигналом для всех присутствующих встать и воскликнуть "Хайль Гитлер!". На совещании, кроме Гудериана, присутствовали еще Кейтель, Йодль и генерал Буссе. Фюрер вызвал их для того, чтобы они объяснили причины неудачи под Кюстрином.

Йодль выглядел как обычно. Лицо его оставалось холодным и не выражающим никаких эмоций[365]. Гудериан, напротив, пребывал в свирепом настроении. О состоянии самого Гитлера также можно судить достаточно определенно. Он только что получил известие о выходе на окраины Франкфурта-на-Майне танковых частей генерала Паттона, Генерала Буссе попросили представить свой доклад. Фюрер не мог дождаться окончания его речи. Он внезапно вскочил и потребовал у того объяснения, почему атака на советский плацдарм сорвалась. И пока Буссе собирался с мыслями, Гитлер завел длинный монолог по поводу того, что офицерский корпус, равно как и весь генеральный штаб, показали свою полную некомпетентность. Он также обвинил Буссе, что тот не использовал имевшуюся у него артиллерию.

Тогда за генерала Буссе вступился Гудериан. Он сказал, что 9-я армия использовала все боеприпасы, имевшиеся у нее в наличии. "Но тогда вы должны были выделить ему больше снарядов!" — откликнулся фюрер. Фрайтаг фон Лорингхофен наблюдал, как лицо Гудериана все больше становилось красным, когда он защищал Буссе. Начальник генерального штаба теперь сам стал обвинять Гитлера за отказ вывести немецкие войска из Курляндии, которые возможно было бы использовать для обороны германской столицы. Это обвинение накалило обстановку до предела. "Лицо Гитлера становилось все бледнее и бледнее, —

отмечал Фрайтаг фон Лорингхофен, — тогда как лицо Гудериана все больше наливалось кровью"[366].

Свидетели этой дискуссии были не на шутку встревожены. Фрайтаг фон Лорингхофен потихоньку выбрался из зала заседаний и позвонил из приемной в Цоссен, генералу Кребсу. Он объяснил создавшуюся ситуацию и предложил под каким-либо благовидным предлогом прервать совещание. Кребс согласился. Тогда Фрайтаг фон Лорингхофен вернулся назад и сообщил Гудериану о том, что Кребс желает с ним срочно переговорить. Кребс разговаривал с Гудерианом десять минут, за это время начальник генерального штаба не проронил ни слова. Когда он вернулся в зал заседаний, Йодль докладывал обстановку на Западе. Внезапно Гитлер объявил, чтобы все покинули помещение, за исключением фельдмаршала Кейтеля и Гудериана. После чего он потребовал от Гудериана немедленно покинуть Берлин и заняться восстановлением собственного здоровья. "Через шесть недель ситуация станет критической, — добавил Гитлер, — тогда вы мне будете срочно нужны". На прощание Кейтель спросил Гудериана, куда тот собирается отправиться. Последний, подозревая, что этот вопрос может таить в себе что-то нехорошее, ответил, что пока не имеет на сей счет точных планов. События этого дня потрясли штабных офицеров в Цоссене и привели их в мрачное расположение духа. Они оказались в плачевной ситуации — вынужденные страдать от сумасбродства одного человека, находящегося в трансе[367]. Военным не оставалось ничего другого, как продолжать делать свою работу, прекрасно понимая, что она в создавшихся условиях совершенно бесполезна. Отказ Гитлера признавать стратегию войны, саму ее логику, приводил военных в полнейшее отчаяние. В конце концов они признали, что харизма диктатора основана на "преступной энергии" и безразличии к тому — что есть добро, а что зло. Поведение Гитлера, если и нельзя было назвать сумасшествием, несомненно, несло в себе элементы умственного расстройства. Он настолько полно ассоциировал себя со всем немецким народом, что поверил: кто выступает против него, тот выступает и против всей германской нации; и если ему суждено погибнуть, то пусть вместе с ним погибает и весь народ.

Новым начальником генерального штаба вместо Гудериана был назначен генерал Кребс. "На лице этого невысокого, немного прихрамывающего человека, — писал один из штабных офицеров, — была постоянная улыбка"[368]. Его остроумие частенько носило саркастический оттенок, и он всегда имел в запасе подходящий к случаю анекдот. Кребс был образцом командира-штабиста, то есть офицера, находящегося в

подчинении у вышестоящего начальника. Именно такой тип начальника генерального штаба и был нужен теперь Гитлеру. Кребс являлся военным атташе в Москве в 1941 году, незадолго до нападения Германии на СССР, и как представитель вермахта встречался со Сталиным. "Мы должны всегда оставаться друзьями, что бы ни случилось"[369], - сказал ему советский лидер во время проводов на вокзале в Москве в апреле 1941 года японского министра иностранных дел. "Я убежден в этом", — ответил Кребс, быстро оправившись от первоначального удивления. Между тем германские фронтовые военачальники относились к Кребсу без должного уважения. Они видели в нем оппортуниста. Кребс всегда мог перекрасить черное в белый цвет[370].

После отъезда Гудериана Фрайтаг фон Лорингхофен настаивал на своем назначении во фронтовую дивизию, однако Кребс попросил его остаться вместе с ним. "Война в любом случае заканчивается, — произнес он, — и я хотел бы, чтобы вы помогли мне на этой последней стадии"[371]. Фрайтаг фон Лорингхофен чувствовал себя обязанным согласиться с этой просьбой. Он думал, что Кребс не является нацистом и не присоединился к заговорщикам против Гитлера только по той причине, что чувствовал — путч обязательно потерпит неудачу. Однако другие офицеры вспоминали, как генерал Бургдорф пытался привлечь Кребса к кругу лиц, близких к Борману и Фегеляйну. По всей вероятности, Борман рассчитывал на генерала Кребса. В случае чего на него легла бы обязанность обеспечить лояльность со стороны армии. Толстошеий Борман настойчиво пытался собрать под свое крыло как можно больше сторонников, которые помогут ему в назначенный день занять кресло хозяина. И этот день, по его мнению, неумолимо приближался. Он и Фегеляйн имели далеко идущие планы, в которых отводилось место и личности рейхсфюрера СС. Для обсуждения своих проектов они использовали места, где их не могли подслушать, например сауну.

Штабные офицеры из Цоссена смотрели на происходящие в рейхсканцелярии события как зачарованные. Но это очарование было насквозь пронизано ужасом. Они наблюдали, как происходят перестановки, как люди теряют и приобретают благосклонность фюрера, что одновременно означало потерю или приобретение власти над другими людьми. К потерявшему доверие Герингу Гитлер обращался теперь не иначе, как "господин рейхсмаршал", подчеркивая этим, насколько низко теперь его ценит. Со времени июльского заговора стал терять свою былую близость к фюреру Генрих Гиммлер, хотя Гитлер все

еще продолжал пребывать с ним в достаточно фамильярных отношениях (на ты). Вероятнее всего, фюрер видел в Гиммлере, занимавшем, кроме всего прочего, пост командующего войсками СС, единственную силу, способную противостоять влиянию армии.

Что касается Геббельса, то его талант пропагандиста был еще востребован нацистским режимом. Однако и он лишился того доверия, которое питал к нему ранее фюрер. Геббельса подвел роман с чешской актрисой. Гитлер был напуган тем, что один из ведущих членов нацистской партии может развестись с Магдой Геббельс. Министру пропаганды ничего не оставалось делать, как продолжать на собственном примере укреплять семейные ценности среди граждан "третьего рейха".

Фаворитом Гитлера стал гросс-адмирал Дёниц. Это произошло, во-первых, по причине беспрекословной лояльности Дёница фюреру и, во-вторых, из-за того, что Гитлер рассматривал последнее поколение немецких подводных лодок как наиболее обещающее оружие возмездия. В кругах германских морских офицеров Дёниц был известен под псевдонимом "гитлерюнге Квекс"[372] — имя юного героя пропагандистского фильма о гитлеровской молодежи. Действительно, Дёниц всегда заглядывал в рот к Гитлеру и свято верил во все, что тот говорил.

Однако самое выдающееся место среди гитлеровской "камарильи" занимал Борман. Этого всегда готового и обязательного помощника и главного администратора партии фюрер называл дорогим Мартином.

От внимания офицеров вермахта не ускользала и подковерная борьба, ведущаяся внутри "камарильи", за наследование престолом после Гитлера. Несмотря на то что Гиммлер и Борман обращались на ты, было хорошо заметно, с каким подозрением они относятся друг к другу[373]. Рядом с рейхсфюрером крутился Фегеляйн, "сующий свои грязные пальцы во все дела" и подкапывающий под Гиммлера — под того человека, дружбы с которым он так искал и наконец добился. А рейхсфюрер, казалось, не замечал, что рядом с ним находится предатель. Он благосклонно разрешал своему подчиненному (являвшемуся свояком Гитлера) обращаться к себе на ты.

* * *

Тем временем Ева Браун решила вернуться в Берлин, чтобы теперь уже до самого конца остаться со своим горячо любимым и обожаемым фюрером. Согласно широко распространенной после войны точке зрения, возвращение Евы из Баварии было совершенно неожиданным для хозяина рейхсканцелярии. Однако этот факт опровергается свидетельством из дневника Бормана от

7 марта 1945 года. В тот день Борман писал: "Вечером Ева Браун выехала в Берлин курьерским поездом"[374]. Если уж Борман знал о всех деталях ее передвижения, то об этом, несомненно, было известно и самому Гитлеру.

13 марта, в день, когда во время воздушного налета погибло две с половиной тысячи берлинцев, а еще сто двадцать тысяч остались без крова, Борман отдал приказ о перемещении во внутренних районах рейха заключенных, находившихся поблизости от линии фронта[375]. Это решение обосновывалось необходимостью обеспечения их безопасности. Доподлинно неизвестно, подстегивал ли данный приказ уже осуществлявшиеся эсэсовские программы по эвакуации концентрационных лагерей из угрожаемых районов. Ясно другое убийство обессиленных и больных заключенных во время этих маршей смерти стало одной из наиболее ужасающих трагедий финального периода существования "третьего рейха". Заключенные, не способные к передвижению или считавшиеся политически опасными, просто уничтожались. Вешали и расстреливали людей не только части СС или гестапо, в некоторых случаях для проведения массовых экзекуций привлекался местный фольксштурм. Среди тех, кого считали политически опасными, был большой процент мужчин и женщин, взятых под стражу всего-навсего за прослушивание иностранных радиопередач. СС и гестапо жестоко реагировали и на случаи грабежа, особенно если дело касалось иностранных рабочих. Как правило, к самим немцам за такие провинности относились более снисходительно. Особо жестокое обращение испытали на себе итальянцы[376]. Немцы мстили им как бывшим союзникам, изменившим и перешедшим на сторону противника.

15 марта, два дня спустя после приказа о начале эвакуации заключенных, Борман вылетел в Зальцбург. В течение последующих трех дней он посещал местные предприятия. Целью этого визита должен был стать выбор места, где предполагалось спрятать награбленное нацистами имущество и собственность самого Гитлера. 19 марта, совершив ночное путешествие на поезде, Борман возвратился в Берлин. В тот же день Гитлер издал приказ, известный по названием "выжженная земля". Согласно ему, надлежало уничтожать при отступлении абсолютно все имущество и оборудование, которое могло быть использовано противником. Показательно, что дата отдачи этого приказа практически совпала по времени с поисками Борманом места сокрытия награбленного нацистского имущества.

Последний меморандум Альберта Шпеера лишь подстегнул решение Гитлера о проведении политики "Выжженной земли".

Фюрер сделал все наоборот. Шпеер настаивал на том, чтобы не проводить необдуманных разрушений, не взрывать мосты, если для этого не существует крайней необходимости. Разрушения лишь усугубят положение и "устранят возможность для выживания немецких граждан"[377]. Своим приказом Гитлер выражал презрение к своим соотечественникам. Шпееру же он сказал, что на представленный им меморандум даст ему письменный ответ. "Если война проиграна, — добавил фюрер, — то народ тоже должен погибнуть. И нет надобности заботиться о средствах его существования. Напротив, будет лучше, если мы уничтожим эти средства. Эта нация доказала, что она является слабой; а будущее полностью принадлежит сильному народу Востока. В любом случае, все, что останется от немецкой нации после этой битвы, окажется второсортным, поскольку лучшая ее часть погибнет"[378].

Шпеер получил письменный ответ Гитлера утром 20 марта, когда направлялся в штаб фельдмаршала Моделя в Рурском бассейне. Шпеер надеялся убедить командующего не портить понапрасну систему железнодорожных линий. В письме же фюрера говорилось следующее: "весь военный транспорт, коммуникации и предметы снабжения, равно как и материальное имущество на территории рейха", должны быть уничтожены, Рейхсминистр Шпеер освобождался от всех своих обязанностей в этой области, а все его приказы о сохранении предприятий должны были быть немедленно отменены. Ранее Шпеер аргументировал свою позицию тем, что потерянные заводы и фабрики могут быть отбиты у противника в ходе контрнаступления. Но теперь Гитлер не принимал этого аргумента. Самым удивительным в данной истории является то, что Шпеер только теперь осознал, насколько преступным являлось поведение Гитлера. Озарение к министру пришло после получения последнего письма от своего шефа.

Совершив поездку на фронт фельдмаршала Моделя, 26 марта Шпеер возвратился в Берлин. Он сразу же был вызван в рейхсканцелярию.

"Мне сообщили, что вы больше не доверяете мне" — этими словами Гитлер встретил своего бывшего протеже. — Очевидно также, что вы более не верите, что война может быть выиграна"[379]. Гитлер хотел уже было отпустить министра, но в этот момент Шпеер предложил свою отставку. Однако фюрер отказал ему в ней.

Несмотря на то что Шпеер был отстранен от контроля за уничтожением предприятий, он все еще мог ставить палки в колеса тем гауляйтерам, которые чересчур рьяно взялись

выполнять приказ фюрера. Дело в том, что рейхсминистру подчинялись службы, снабжавшие местные власти взрывчатыми веществами. Но 27 марта Гитлер издал еще один приказ, в котором говорилось о "тотальном уничтожении путем подрыва, поджога или разбора" всей железнодорожной сети и других транспортных путей и коммуникаций, включая телефонные станции, телеграфные линии и радиоаппаратуру. Вновь оказавшись в Берлине 29 марта, Шпеер стал искать контакты с сочувствующими ему генералами, включая Гудериана, а также с гауляйтерами, которые не являлись неисправимыми фанатиками. Эти люди могли бы поддержать его план воспрепятствования маниакальному стремлению фюрера к тотальному разрушению имущества, коммуникаций и оборудования. Однако в ответ на конфиденциальное предложение Шпеера в сотрудничестве Гудериан посоветовал ему "не потерять свою собственную голову"[380].

Вечером 29 марта Гитлер вновь вызвал к себе Шпеера. Он начал подозревать его в ведении двойной игры. Фюрер прямо спросил своего министра, верит ли тот, что война еще может быть выиграна[381]. Шпеер откровенно признался, что нет. Гитлер возмутился, что министр посмел потерять всякую надежду. Он стал рассказывать о превратностях своей жизни, о тех невзгодах, которые ему пришлось испытать. Но эти невзгоды в конце концов связали его собственную судьбу с судьбой всей Германии. Гитлер призывал Шпеера раскаяться и встать на путь истинный. Рейхсминистру было отведено двадцать четыре часа для того, чтобы вновь поверить в невозможное. Фюрер явно нервничал. Он очень боялся потерять своего самого компетентного министра. Гитлер не стал дожидаться, пока истечет отведенное Шпееру время и позвонил в министерство вооружения. Через некоторое время Шпеер вновь прибыл в рейхсканцелярию.

"Ну и что?" — спросил Гитлер.

"Мой фюрер, — произнес министр, — я, безусловно, остаюсь с вами". Шпеер неожиданно решил солгать своему патрону. В тот же самый момент Гитлера захлестнули эмоции. Его глаза увлажнились, и он тепло пожал руку министра. После чего Шпеер предложил Гитлеру восстановить его функции в полном объеме, включая ответственность за выполнение приказа от 19 марта. Гитлер согласился и попросил его написать проект распоряжения. В этом документе Шпеер зарезервировал за министерством вооружения и военной продукции (то есть за собой) почти полное право принимать решения об уничтожении имущества и оборудования. И хотя Гитлер, очевидно, подозревал, что Шпеер хочет обвести его вокруг пальца, тем не менее, нужда в таком

выдающимся специалисте оказалась для него сильнее подозрений.

Тем временем Борман продолжать издавать различного рода приказы, которые затем доводились до сведения гауляйтеров. Приказы носили самый разнообразный характер. Так, до его сведения дошла информация, что врачи начали делать аборты немецким женщинам, эвакуированным из восточных районов страны. Они утверждали, что были изнасилованы советскими солдатами[382]. 28 марта Борман посчитал необходимым внести в этот процесс определенный порядок.

Он подписал инструкцию, которая вышла под грифом "совершенно секретно!" В ней говорилось, что любая женщина, обратившаяся с просьбой об аборте, должна прежде всего быть допрошена представителем криминальной полиции. Необходимо было выяснить, действительно ли она изнасилована солдатами Красной Армии. Только в случае положительного заключения аборт мог быть разрешен.

В процессе своих стараний предотвратить ненужные разрушения Шпеер нередко посещал штаб группы армий "Висла" в Хасслебене. Он обнаружил, что генерал Хейнрици полностью согласен с его точкой зрения. Более того, после войны, во время допроса в американской зоне оккупации, Шпеер утверждал, что предлагал начальнику штаба группы армий "Висла" генералу Кинцелю отвести немецкие войска к западу от Берлина, для того чтобы спасти город от разрушения[383].

Хейнрици отвечал за оборону Берлина в целом, поэтому он нередко работал в тесном контакте со Шпеером. Во время обсуждения различных деталей они касались и вопроса о сохранении возможно большего количества мостов. Эта проблема считалась особенно важной, поскольку берлинский водопровод и канализация являлись составной частью мостовых конструкций. Пятидесятивосьмилетний генерал Хейнрици сыскал себе популярность среди многих сотрудников генерального штаба. По свидетельству одного из его почитателей, он являлся "прекрасным образцом прусского офицера"[384]. Несколько ранее Хейнрици был удостоен рыцарского креста с мечами и дубовыми листьями. Этот "седой солдат" гораздо лучше чувствовал себя в куртке из овечьей шкуры и в кожаных крагах, чем в блестящем генеральском кителе. Его адъютант тщетно старался убедить его переодеться хотя бы в новую униформу.

Непосредственным начальником обороны германской столицы был назначен генерал Гельмут Рейман. Этот не столь одаренный офицер планировал уничтожить в Берлине все имеющиеся мосты. Для того чтобы помешать этому, Шпеер, при

поддержке Хейнрици, затеял против Реймана "игру в пораженчество". Министр прямо спросил генерала, верит ли он в победу. Естественно, что Рейман не мог ответить отрицательно. После этого Шпеер убедил начальника берлинской обороны принять компромиссную формулу генерала Хейнрици, которая подразумевала уничтожать мосты перед фронтом приближающейся Красной Армии, но оставлять нетронутыми те из них, которые находятся в центре города. После встречи с Рейманом Хейнрици сказал Шпееру, что не имеет намерения вести долгую борьбу за Берлин. Он надеется, что Красная Армия придет сюда быстро и застанет врасплох Гитлера и все нацистское руководство.

В штаб группы армий "Висла" в Хасслебене постоянно прибывали какие-то визитеры, присутствие которых там было совсем необязательным. Приехал сюда и гауляйтер Грайзер. Под предлогом срочных дел в Берлине он покинул Познань, оставив на произвол судьбы жителей этого осажденного города. Перемещаясь без всякой цели по штабным помещениям, Грайзер говорил, что хочет работать в качестве помощника. Здесь находились также гауляйтер Хильдебрандт из Мекленбурга и гауляйтер Штюрц из Бранденбурга. Все они требовали получения полной информации о ситуации на фронте. На самом деле их волновал лишь один-единственный вопрос: "Когда придут русские?"[385] — но попытаться узнать об этом открыто они не решались — боялись обвинения в пораженчестве.

Геринг также часто бывал в штабе группы армий "Висла". Он приезжал сюда из своего шикарного особняка в Каринхолле. В основном Геринг занимался планированием штурмовых ударов по советским мостам через Одер с применением новых радиоуправляемых бомб. Этот вопрос находился под контролем специальной группы ("Sonderstaffel") под командованием знаменитого аса, подполковника Баумбаха. Со своей стороны, военно-морской флот разработал нечто похожее на средневековые огненные корабли, пытаясь применить на реках специальные лодки, начиненные взрывчаткой ("Sprengboote"). Однако все немецкие удары как с воздуха, так и с водной глади не принесли желаемого эффекта. Советские саперы в самые сжатые сроки устраняли повреждения, работая порой по горло в ледяной воде. Многие из них погибли от переохлаждения. Подполковник Баумбах вынужден был признаться перед штабными офицерами, что продолжение дальнейших попыток разрушения русских переправ является бесполезной тратой времени. Было бы лучше распределить горючее, используемое авиацией, между армейскими частями. По мнению полковника Айсмана, у

Баумбаха совершенно отсутствовали замашки примадонны, которые были присущи большинству германских воздушных асов. Более того, он в отличие от рейхсмаршала являлся реалистом и объективно оценивал ситуацию.

Насколько Геринг был тщеславным человеком, настолько и безответственным. Офицеры штаба группы армий "Висла" отмечали, что мерцающие глаза и меховая подкладка на специально украшенной униформе делали его похожим скорее на "рыночную торговку", чем на маршала "третьего рейха"[386]. Собираясь инспектировать какую-нибудь часть, он обязательно прикреплял к форме золотые эполеты и надевал все свои многочисленные награды. Вернувшись домой, рейхсмаршал долгое время проводил за составлением депеш фронтовым командующим, жалуясь в них на то, что его не приветствовали должным образом.

Во время одного из совещаний в Хасслебене Геринг стал утверждать, что дислоцированные на Одере две его парашютные дивизии состоят не иначе как из "сверхчеловеков". "Вы должны бросить эти дивизии в наступление, — объявил он, — и тогда вы можете послать всю русскую армию к дьяволу". Геринг не брал в расчет тот факт, что основу упомянутых им соединений составляют вовсе не десантники, а наземный персонал люфтваффе, оказавшийся в сухопутных войсках. Естественно, они не имели никакого опыта боевых действий на фронте. А его любимой 9-й парашютной дивизии предстояло находиться на острие атаки.

Геринг и Дёниц предлагали послать дополнительно на фронт тридцать тысяч человек, служивших на авиационных и военно-морских базах. Тот факт, что этот персонал не имел практически никакого боевого опыта, их нисколько не беспокоил. Командиром морской дивизии был назначен адмирал, а к ее штабу прикомандировали только одного армейского офицера, которому предстояло давать советы по вопросам тактики и ведения штабного делопроизводства. Не желая быть обойденными в соревновании с другими войсками, командование СС также взялось за формирование новых частей из контингента, ранее служившего при различных штабах. Были сформированы несколько полицейских батальонов и целая эсэсовская бригада. Ей дали странноватое название "Тысяча и одна ночь". Впрочем, под конец войны части СС стали именоваться самым экзотическим образом. Так, подразделению истребителей танков в этой бригаде присвоили имя "Сулейка", а разведывательному батальону — "Гарем".

2 апреля из специального поезда Гиммлера поступило

предложение набрать на фронт еще четыре тысячи человек дополнительно к тем двадцати пяти тысячам, которые предстояло мобилизовать из почтовой службы "третьего рейха". Нацистские лидеры явно старались выполнить план по призыву на службу восьмисот тысяч человек[387]. В штабе армии группы "Висла" стали опасаться: если для всех этих людей не хватит оружия, то их пребывание на фронте будет более чем бесполезно. Но нацистское руководство оказалось вполне готово к такому повороту событий. Оно собиралось снабдить новобранцев небольшим запасом фаустпатронов, а также раздать каждому по гранате, чтобы солдат мог подорвать себя вместе с несколькими военнослужащими противника. "Это приказ об организации массового убиения людей, — писал полковник Айсман, — ни больше ни меньше"[388].

Тем временем представителей нацистской партии не оставляла идея о создании корпуса "Адольф Гитлер", Борман обсуждал этот вопрос с доктором Кальтенбруннером[389]. Надо отметить, что нацистские лидеры очень щепетильно относились к своим научным званиям и гордились познаниями в области истории. Доктор Геббельс не упускал возможности в пропагандистских выступлениях упомянуть исторический пример, повествующий о том, как фортуна вновь возвращалась к какому-нибудь полковнику после долгой череды военных неудач. Фигуры Фридриха Великого и Блюхера были уже сильно поношены, поэтому Кальтенбруннер рекомендовал министру пропаганды использовать в своих речах личность персидского царя Дария[390].

Обещания, которыми нацистское руководство регулярно снабжало командование группы армий "Висла", были практически невыполнимыми. Численность личного состава боевых частей оставляла желать лучшего. Количество танков в так называемой 3-й танковой армии генерала фон Мантейфеля, державшей фронт на Одере к северу от 9-й армии, едва ли соответствовало штату полнокровной танковой дивизии. Сами дивизии, входившие в состав объединения, по своему составу больше напоминали батальоны. В не лучшем положении находились и части самой 9-й армии. В ней существовала даже рота штурмовых орудий, одетая в форму немецких подводников.

Этот сектор германской обороны на Одере был почти полностью укомплектован военнослужащими учебных подразделений. Их послали на фронт, снабдив лишь небольшим пайком, состоящим из порции хлеба, сухой колбасы и табака. Полевые кухни располагались, как правило, в деревнях, в тылу боевых позиций. Люди проходили мимо них и направлялись

дальше — рыть окопы и укрепления. Один из этих "товарищей по несчастью"[391] писал, что всю эту массу людей назвать боевыми частями было невозможно. Никто, даже их офицеры, не знали, каковы их прямые обязанности и для чего их сюда направляют. Они просто рыли землю и ждали. В их сознании рождались мрачные шутки. Пленный немец повторил одну из них в советском штабе: "Жизнь, она как детская рубашка — короткая и грязная"[392].

Видавшие виды немецкие солдаты хорошо понимали, что только шутка может повысить настроение и создать чувство комфорта в "уютных" землянках[393]. Как правило, их рыли на двух — или трехметровую глубину, перекладывали сверху деревом и засыпали дополнительно метровым слоем земли. "Моя конура была действительно уютной, — писал один из военнослужащих. — Я сделал из нее маленькую комнату с деревянным столом и табуреткой". Матрасы и одеяла солдаты воровали в соседней деревне, и это придавало жилищу "дополнительный комфорт".

Поскольку огонь или дым мог привлечь внимание снайперов противника, немецкие солдаты вскоре перестали греть воду и соответственно мыться и бриться. К концу марта рацион питания стал еще хуже. В основном в течение дня военнослужащие получали полбуханки ржаного хлеба, твердую, как скала, булку, тушеное мясо или суп, которые доставлялись на передовую только по ночам. Все полевые кухни находились в тылу. Были счастливые дни, когда солдаты получали по четвертинке шнапса. И только в очень редких случаях им раздавали так называемый "Frontkampferpackchen" — небольшой пакет для военнослужащих, находящихся на передовых позициях, в котором находились какое-нибудь пирожное, сладости и шоколад. Однако самой большой проблемой для солдат был недостаток чистой питьевой воды. В результате этого многие из них стали страдать дизентерией. Все окопы теперь напоминали отхожие места.

Лица молодых солдат исхудали и осунулись от усталости и напряжения. Хорошая погода была плохой приметой. В любую минуту могли налететь советские штурмовики и обрушить смертоносный груз на головы обороняющихся. Ежедневные "концерты" исполняли артиллерия и минометы противника. По ночам немецких военнослужащих будил беспокоящий огонь советских орудий и пулеметов. Время от времени артиллеристы Красной Армии начинали пристреливаться к тому или иному зданию, полагая, что в нем может находиться вражеский командный пункт. После пристрелки дом поджигался снарядами, начиненными фосфорсодержащими веществами. Но самым

тяжелым испытанием для необстрелянных солдат являлись ночные караулы. Абсолютно все боялись быть захваченными в плен советскими разведчиками в качестве "языка".

Днем никто не передвигался. Советский снайпер застрелил военнослужащего Полмайера из учебного полка "Потсдам". Его убили во время попытки выбраться из траншеи. Как свидетельствовал затем его товарищ Герхард Тиллери, пуля попала несчастному прямо в голову. Другой военнослужащий по фамилии Оттерштедт пытался затащить тело обратно, но и его настигла советская пуля. Никто не видел вспышек от выстрелов, поэтому определить, откуда велся огонь, было невозможно. Однако в этом секторе работал и немецкий снайпер. Он выглядел как настоящий сумасшедший[394]. Когда снайпер находился не на задании, он надевал на голову высокую шляпу и наряжался во фрак, к которому прикреплял еще и свою награду — Золотой крест. (Этот крест на фронте называли "жареным яйцом".) Однако командование снисходительно относилось к вульгарным выходкам этого человека. Неудивительно, ведь на его счету было сто тридцать подстреленных солдат противника. Обычно он выбирал позицию внутри какого-нибудь сарая или амбара, расположенного неподалеку от траншей. Военнослужащие с биноклями, наблюдавшие за противником непосредственно в окопах, указывали ему на определенную цель. Затем следовал выстрел. В один из дней, когда ничего особенного на фронте не происходило, наблюдатель обратил внимание снайпера на собаку, бегающую возле русских траншей. Собака оказалась убита всего одним-единственным выстрелом.

Нехватка боеприпасов была настолько острой, что командование требовало ежедневных отчетов о количестве истраченных патронов или снарядов. Опытные командиры рот шли на подлог и завышали объем истраченных боеприпасов. Они прекрасно знали, что большое наступление русских не за горами, и к этому времени надо создать хоть какой-нибудь неприкосновенный запас. Тревожные настроения все более распространялись среди командиров германских частей. Они чувствовали, что русские играют с ними "в кошки-мышки", преследуя как минимум две цели. Бои за плацдармы на западном берегу Одера не просто улучшали исходные позиции советских войск для финального удара по Берлину, они также подтачивали силы 9-й немецкой армии и заставляли обороняющихся растрачивать и без того скудные запасы боевых средств. Германским артиллеристам было позволено расходовать в день только по паре снарядов на орудие, поэтому они не могли участвовать в серьезных перестрелках. Советские же

артиллеристы выбирали любую понравившуюся им цель и беспрепятственно уничтожали ее. Большое наступление в направлении Зееловских высот было лишь вопросом времени.

Днем немецкие солдаты либо спали, либо писали письма домой. Начиная со второй половины февраля почта стала работать крайне плохо. Однако офицеры видели в этом и одно преимущество. Дело в том, что военнослужащие иногда кончали жизнь самоубийством, получая с родины вести о гибели их семьи и разрушении под бомбами родного очага. Пленные немецкие солдаты рассказывали советским офицерам, что снаряды собственной, германской, артиллерии ложились как раз позади их окопов, и это было предупреждением тем, кто желал убежать в тыл. Трудно сказать, говорили солдаты правду либо просто хотели снискать расположение советских командиров.

Немцы знали, что противная сторона превосходит их во много крат, и поэтому они ждали только одного — приказа на отступление. Если командир взвода, пытаясь дозвониться до роты, долгое время не получал никакого ответа, его буквально охватывала паника. Основой для нее служило предположение, что те самые командиры, которые приказали им сражаться до последней капли крови, бросили их и отступили, а высокие начальники просто не захотели рисковать людьми и посылать связных на передовую позицию. В таком случае самым правильным решением казалось зарыться поглубже в землю и молить Бога, чтобы русские дали тебе шанс сдаться в плен, прежде чем они бросят в блиндаж гранату. Несмотря на то что солдаты в принципе были готовы поднять руки вверх, страх репрессий за этот шаг со стороны своего командования оставался все еще очень сильным. Следом за русским наступлением могла последовать немецкая контратака. А любой военнослужащий знал, что попытка сдачи в плен означает неминуемый смертный приговор.

Несмотря на все свои слабости, нехватку боеприпасов и опытного пополнения, германская армия все еще представляла собой грозного противника. 22 марта части 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова атаковали противника в районе Гут-Гатеноу неподалеку от Райтвайн-Шпура. Немецкое командование подняло по тревоге 920-ю учебную бригаду самоходных орудий и части 303-й пехотной дивизии "Деберитц". Они вошли в боевое соприкосновение с советскими танками Т-34. Оберфельдфебель Вайнхаймер четко отдавал приказы: "Расстояние до цели, бронебойным, цель, огонь!" После каждого выстрела Герхард Лаудан перезаряжал орудие. Их экипаж добился большого успеха. Они подбили четыре советских танка в течение всего нескольких

минут. Однако затем последовал сильный удар по их машине — и вспышка огня. Голова Лаудана сильно ударилась о броню. Но он успел услышать, как командир крикнул: "Всем из машины!" Тогда он сильно надавил на люк. Но сразу вылезти на воздух ему помешал шлемофон. Когда Лаудан наконец покинул поврежденную машину, то обнаружил, что получил лишь легкое ранение. Все его товарищи нашли укрытие под самоходной установкой. Казалось, что спасения не было. Все поле оказалось заполнено советскими танками. Неожиданно механик-водитель Кляйн открыл люк и забрался в машину. К своему удивлению, члены команды услышали, что мотор у машины каким-то чудом вновь завелся. Все заняли свои боевые места. Машина стала медленно отходить назад. Советский снаряд насквозь пробил броню рядом с орудием, но, к счастью, кроме основной броневой защиты, в кабине имелась еще внутренняя стальная перегородка. Она-то и спасла экипаж от неминуемой гибели. "Солдатское счастье, — вспоминал Лаудан, — на этот раз оказалось на нашей стороне"[395]. Они смогли даже отвести машину в тыл и добраться до ремонтной базы в Рефельде, к югу от Штраусберга.

Как на одерском фронте, так и на участке против 1-го Украинского фронта на реке Нейсе германские полевые командиры находились в состоянии крайнего смятения. Немецкие офицеры имели две точки зрения на развитие ситуации, отмечала советская разведка[396]. Первая соответствовала официальной версии, вторая — основывалась на их собственных наблюдениях. Своими оценками положения на фронте они делились только с близкими товарищами. Немцы были твердо убеждены в необходимости защищать отечество и собственные семьи, но одновременно понимали, что ситуация на фронте практически безнадежна. Состояние дисциплины в войсках вермахта имело свои особенности. Пленный немецкий старший лейтенант отмечал на допросе советским офицерам из 7-го отдела политуправления 21-й армии, что регулярные германские части достаточно крепкие, их дисциплина и воинский дух находятся на должном уровне. Но в поспешно созданных боевых группах ситуация прямо противоположная. Дисциплина там находится в ужасном состоянии. При первом появлении русских солдаты начинают паниковать и бросают позиции.

"Быть офицером, — писал один немецкий лейтенант своей невесте, — значит качаться словно маятник между двумя вещами — рыцарским крестом на твоей груди и березовым крестом на твоей могиле"[397].

Глава одиннадцатая
Подготовка последнего удара

3 апреля маршал Жуков вылетел из Москвы обратно на фронт. В тот же день сел в свой самолет и маршал Конев. Задача была поставлена. Наступление начать 16 апреля, а Берлин взять 22 апреля — ко дню рождения Ленина. Жуков находился в постоянном контакте с Москвой, но все его переговоры строго контролировались органами НКВД. Техническое обеспечение их прослушивания осуществлялось 108-й специальной ротой связи, прикрепленной к штабу 1-го Белорусского фронта.

Как отмечалось в сводке политического управления 1-го Украинского фронта, план Берлинской операции подготовлен "гениальным Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным"[398]. Говоря по правде, это был не такой уж плохой план. Трудность состояла лишь в том, что полоса наступления 1-го Белорусского фронта проходила как раз через наиболее приспособленный к обороне и хорошо укрепленный район Зееловских высот. Позднее Жуков вспоминал, что он недооценил мощи находящихся там немецких оборонительных позиций.

Задачи, стоявшие перед двумя советскими фронтами, привлеченными к операции, были чрезвычайно масштабными. Военные инженеры перешивали железнодорожное полотно под советский стандарт ширины колеи. Через Вислу было перекинуто несколько временных мостов. Миллионы тонн грузов неудержимым потоком направлялись к фронту — снаряды для артиллерии и реактивных минометов, военное оборудование, горючее, продовольствие.

Наиболее важным расходным материалом в Красной Армии являлись сами солдаты, поэтому боевые части активно пополнялись личным составом. Потери советских войск во время проведения Висло-Одерской операции и в Померании, исходя из русских стандартов, особенно высокими назвать нельзя. Их можно считать приемлемыми и соответствующими тому гигантскому расстоянию, которое было пройдено фронтами на запад. Однако стрелковые дивизии Жукова, равно как и Конева, так никогда и не достигали своего штатного расписания. В среднем их численность колебалась вокруг отметки в четыре тысячи человек[399]. К 5 сентября 1944 года из лагерей ГУЛАГа в Красную Армию было направлено миллион тридцать тысяч четыреста девяносто четыре заключенных[400]. Среди них находились, например, те, кто получил срок за то, что покинул

свое рабочее место. Осужденные за политические преступления рассматривались органами НКВД как слишком опасный контингент. Их запрещалось посылать на фронт, пусть даже в штрафную роту.

Ранней весной 1945 года отправка заключенных в специальные штрафные подразделения шла полным ходом. Основание для освобождения было только одно — людям предлагалось искупить свою вину перед Родиной и государством собственной кровью. Нужда в новом пополнении была настолько велика, что в конце марта, то есть всего за две недели до начала наступления на Берлин, вышло специальное постановление Государственного Комитета Обороны, которое регламентировало отправку заключенных на фронт[401]. Определенное количество людей должны были поставить областные управления НКВД, сам Наркомат внутренних дел, а также следственные органы прокуратуры в войсках.

Сейчас трудно сказать, насколько охотно бывшие заключенные шли на фронт, насколько сильно их мотивировала перспектива погибнуть смертью храбрых, вместо того чтобы безвестно, словно собака, сгинуть в лагере ("собаке собачья смерть")[402]. Данный вопрос остается открытым, даже несмотря на то что пятеро бывших зэков стали впоследствии Героями Советского Союза. В эту пятерку входит и знаменитый Александр Матросов, бросившийся на амбразуру вражеского дота. Однако следует признать, что заключенным предоставлялся определенный шанс. Они были воодушевлены одной возможностью избавиться от однообразия и безвременья, которые пропитывали лагерную атмосферу. Некоторые из них действительно "искупили свою вину кровью"[403], находясь либо в штрафных ротах, либо в подразделениях по разминированию местности. Естественно, что положение тех, кого прикрепляли к саперам, было неизмеримо лучшим, чем тех, кого отправляли в штрафные роты.

Отношение к бывшим советским военнопленным, прошедшим все круги ада в гитлеровских лагерях, заслуживает особого рассмотрения. 1 октября 1944 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны, по которому этот контингент предписывалось посылать в специальные запасные части в военных округах. Там бывшие военнопленные проходили проверку органов НКВД и СМЕРШа. Многих из тех, кого посылали затем в боевые части, назвать здоровыми было нельзя. У них просто не хватало времени оправиться от тяжелых испытаний в фашистской неволе. Более того, на фронте к ним продолжали относиться с подозрением. Советское командование и не

скрывало своего беспокойства по поводу поведения тех солдат, которые являлись "советскими гражданами, освобожденными из фашистского рабства"[404]. Как отмечалось, их моральное состояние находилось на очень низком уровне по причине того, что долгое время на них оказывала влияние "фальшивая фашистская пропаганда". Однако методы политических работников, применяемые в работе с бывшими военнопленными, должны были быстро избавить вновь мобилизованных солдат от негативных настроений. В основном им читали приказы Верховного Главнокомандующего, показывали фильмы о Советском Союзе и Великой Отечественной войне и призывали отомстить за ужасные преступления немецких бандитов.

Политическое управление 1-го Украинского фронта полагало, что бывшие военнопленные очень важны для Красной Армии. Они были полны ненависти к врагу и желания отомстить за все жертвы и оскорбления, которые перенесли в неволе. Однако, как отмечали политработники, этот контингент еще не был приучен к строгому выполнению приказов. Более того, бывшие военнопленные имели тенденцию

совершать убийства, насилия и грабежи. Некоторые из них пьянствовали и дезертировали с фронта. Как и у бывших зэков, их чувства и отношение к жизни ожесточились из-за перенесенных ранее страданий.

94-я гвардейская стрелковая дивизия 5-й танковой армии получила пополнение из сорока пяти бывших военнопленных. Эта группа прибыла на фронт всего за пять дней до начала большого наступления на Одере и сразу же оказалась под подозрением у политических работников. Один из офицеров отмечал в своем отчете, что каждый день он проводит двухчасовые занятия с вновь мобилизованными солдатами, рассказывает им о Родине, о зверствах германских солдат, об ответственности за преступления перед страной[405]. Бывших военнопленных распределили таким образом, чтобы в одной роте не могли оказаться два человека, которые ранее вместе содержались в заключении либо были выходцами из одного региона страны. Политический работник писал, что ежечасно получает информацию о поведении бывших военнопленных и их моральном состоянии. Политические занятия включали и показ фотографий об издевательствах немцев над советским населением, женщинами и детьми. Было продемонстрировано также изувеченное тело одного из советских солдат.

Недоверие к бывшим военнопленным инициировалось с самого верха. В его основе лежал сталинский страх, что любой гражданин, проведя долгое время вне пределов СССР, мог

оказаться подверженным антисоветскому влиянию. Сам факт нахождения человека в германском лагере означал, что он уже испорчен "геббельсовской пропагандой". Политработники замечали, что бывшие военнопленные не знают истинного положения дел в Советском Союзе и в Красной Армии. Командование было также обеспокоено любым воспоминанием о трагедии 1941 года, которое могло быть ассоциировано с ответственностью за нее товарища Сталина. Эти негативные тенденции следовало устранять любой ценой. Политработников приводил в замешательство и такой, очевидно нередко задаваемый бывшими военнопленными, вопрос: правда ли, что все военное оснащение Красной Армии было куплено в США и Англии и что это сделал товарищ Сталин[406]?

Представители органов НКВД были также обеспокоены плохим руководством и "несерьезным отношением" командиров к случаям недисциплинированности, нарушения закона и "безнравственного поведения" солдат[407]. В нарушении дисциплины оказались замечены и армейские офицеры. Представители органов НКВД отмечали, что некоторые командиры дошли до того, что вешают занавески на окна своих штабных автомобилей, в то время как вся территория наводнена подозрительными элементами, саботажниками и агентами врага. Вполне вероятно, что эти занавески были предназначены, чтобы скрыть присутствие в автомобиле "военно-полевых жен" — любовниц, выбранных из женского персонала частей связи или госпиталей. И даже если Сталин молчаливо соглашался с присутствием подобных "жен" в составе боевых частей, НКВД просто не мог пройти мимо автомобилей с занавешенными окнами, которые препятствовали визуальной проверке личностей пассажиров[408].

В период подготовки к наступлению политическое воспитание военнослужащих выходило на первое место среди задач не только политработников, но и офицеров НКВД. Последним поручалась общая проверка состояния личного состава, в котором исключительное значение, естественно, занимал уровень его "политической подготовки"[409]. Для представителей национальных меньшинств, плохо или совсем не говорящих на русском языке, на 1-м Белорусском фронте были устроены специальные пропагандистские семинары. В конце марта сюда прибыло новое пополнение, состоящее в основном из поляков "Западной Украины" и "Западной Белоруссии" и жителей Молдавии. Однако многие из этих новобранцев, особенно те, кто подвергся репрессиям в 1939–1941 годах, отрицательно относились к идее самопожертвования советского солдата. Им

была непонятна сама мораль такого поведения, мотивация жертвенности, основанная на коммунистической доктрине[410]. А после беседы о подвиге Героя Советского Союза сержанта Варламова, который закрыл своей грудью амбразуру вражеской огневой точки, среди мобилизованных слышались высказывания, что такое просто невозможно. Политическое управление фронта чрезвычайно настороженно относилось к подобным явлениям.

В докладах представителей НКВД говорилось, что в частях сохраняется большой процент потерь, который не связан с боевыми действиями. В основном это происходит по причине плохого обучения личного состава и игнорирования офицерами вопросов, связанных с обеспечением безопасности. Только в одной из дивизий за месяц погибло двадцать три и было ранено шестьдесят семь солдат из-за неосторожного обращения с автоматическим оружием. Военнослужащие вешали или складывали в кучу свои автоматы, забывая, что они все еще заряжены[411]. Ряд бойцов получили увечья во время изучения незнакомого им оружия или гранат. Так, например, они вставляли в гранаты не подходящие к ним детонаторы или стучали по минам и снарядам твердыми предметами.

С другой стороны, именно недостаток снабжения становился причиной, по которой советские саперы рисковали своей жизнью. Они гордились тем, что научились использовать по новому назначению содержимое немецких мин, обезвреженных ими во время ночных поисков. Саперы разогревали взрывчатое вещество, ранее находившееся в мине, и затем выливали его в новую упаковку как правило, деревянную коробку, которую невозможно было обнаружить с помощью металлоискателя. Уровень риска зависел от состояния взрывчатого вещества, извлеченного из мины. Саперы часто шутили: одна ошибка — и не видать обеда[412]. Их мужество и опыт снискали к ним большое уважение как среди стрелковых частей, так и танкистов, которые обычно не желали признавать над собой превосходства представителей любых других служб или родов войск.

Программа стимулирования ненависти к противнику берет свой отсчет с конца лета 1942 года, когда советские войска отступали по донским степям к Сталинграду и вышел знаменитый приказ Верховного Главнокомандующего "Ни шагу назад!". Это было то время, когда Анна Ахматова написала: "Час мужества пробил". Однако к февралю 1945 года советские политработники переработали ее слова следующим образом: "Солдаты Красной Армии, теперь вы на германской территории. Час мести пробил!"[413] Но первым человеком, который адаптировал стихи Анны Ахматовой к новым условиям, был Илья

Эренбург. Еще в 1942 году он написал "Не считайте дни; не считайте мили. Считайте только немцев, которых вы убили. Убей немца! — это мольба твоей матери. Убей немца! — это плач твоей русской земли. Оставь сомнения и не останавливайся, убивай!"

Командование Красной Армии использовало любую возможность использовать в своей пропаганде информацию о масштабах зверств, творимых гитлеровцами на советской земле. Согласно свидетельству одного французского источника, руководство Красной Армии приказало эксгумировать из массовых захоронений около Одессы и Николаева шестьдесят пять тысяч трупов евреев. Затем их тела были положены по обеим сторонам дороги. Через каждые двести метров для проходящих мимо частей висел специальный плакат с надписью: "Смотри, как немцы обращались с советскими людьми"[414].

В качестве другой иллюстрации к поведению немецких захватчиков использовались освобожденные советскими войсками подневольные рабочие. Молодые женщины, обычно украинской или белорусской национальности, рассказывали солдатам, как дурно с ними обходились на вражеской земле. Один из советских политработников отмечал, что после таких рассказов лица бойцов становились суровыми от ненависти к врагу[415]. Он добавлял, что в некоторых случаях отношение немцев к восточным рабочим было достаточно хорошим, но эти случаи составляли меньшинство, и солдаты запоминали лишь самые мрачные эпизоды поведения гитлеровцев.

В своей работе политическое управление 1-го Украинского фронта старалось усилить у бойцов ненависть по отношению к противнику, утвердить их в желании отомстить нацистам. В войсках распространялись перепечатанные письма подневольных рабочих, оставленные ими в деревнях и населенных пунктах, занятых впоследствии Красной Армией. В одном из них говорилось, что немцы согнали рабочих в специальный лагерь и поместили в темный барак. Их заставляли работать с утра до ночи, оскорбляли, кормили только супом из репы и куском хлеба[416]. Девушка — автор этого письма — сетовала, что так ужасно проходит юность советских людей, угнанных "в проклятую Германию" из своих родных деревень. Среди подневольных рабочих были и дети, которым едва исполнилось тринадцать лет, они вместе с остальными несчастными претерпевали на чужбине огромные лишения, голодали, ходили разутыми. Среди рабочих распространялись слухи о том, что "наши" уже близко, и, может быть, уже скоро они увидят своих "братьев". Тогда их мучениям придет конец. Далее девушка рассказала, как к ней приходила подруга, и они вместе гадали, смогут ли пережить это тяжелое

время, увидят ли когда-либо снова свои семьи. Письмо заканчивалось словами, что терпеть больше нет никаких сил; здесь, в Германии, жизнь просто ужасная. Под ним стояла подпись — Женя Ковальчук. В другом письме, также за ее подписью, советские солдаты нашли стихи, озаглавленные как "Песня подневольной женщины". В них говорилось о том, что время идет неумолимо. Лето сменяет весну, и в саду распускаются цветы. Но она, молодая девушка, все еще находится в немецкой неволе.

Для стимулирования ненависти советских бойцов к противнику политработники не уставали повторять о том, что немцы должны заплатить "по полному счету"[417] за все их преступления на советской земле. В каждом полку солдатам и офицерам рассказывали о зверствах гитлеровских захватчиков над советскими людьми, грабежах и насилиях "фашистских собак". Так, в одном из батальонов военнослужащие определили следующий "счет" противнику, за который им предстояло отомстить: семьсот семьдесят пять родственников солдат и офицеров — убито, девятьсот девять родственников — угнано в немецкое рабство, четыреста семьдесят восемь сожженных домов и триста три уничтоженных колхоза. В каждом полку 1-го Белорусского фронта устраивались митинги отмщения. Они вызывали у бойцов огромный энтузиазм. Политработники отмечали, что бойцы 1-го Белорусского фронта, равно как и все солдаты Красной Армии, полны благородного желания отомстить фашистским оккупантам за все их ужасные преступления и насилия.

Шифровальщица при штабе 1-го Белорусского фронта вспоминала, что над дверями их столовой висел большой плакат. На нем были написаны следующие слова: "Ты еще не убил немца? Тогда убей его!"[418] Все солдаты находились под большим впечатлением от призывов Ильи Эренбурга. И им действительно было за что мстить, Родителей этой девушки, например, убили в Севастополе. По ее словам, ненависть солдат к своим врагам являлась настолько сильной, что ее было тяжело контролировать.

В то время пока политработники в частях культивировали в своих солдатах ненависть по отношению к противнику, готовя их к последнему удару по Берлину, офицеры из 7-х отделов политуправлений занимались пропагандой на вражеские войска. Их деятельность была подчинена задаче: убедить немецких военнослужащих, что добровольная сдача в русский плен означает не только жизнь, но и хорошее обращение в лагере.

Время от времени в 7-е отделы попадали мешки с письмами от родственников немецких солдат, направленные на фронт. В

основном они поступали из разведывательных подразделений, совершивших очередной рейд по немецким тылам. Эти письма вскрывали и читали германские коммунисты или "антифашисты", прикрепленные к упомянутым отделам. Для полноты картины перлюстрировались и письма, отобранные у немецких военнопленных. Советское командование интересовали факты, характеризующие настроения среди германского гражданского населения, информация о его продовольственном снабжении (особенно количество молока для детей), данные, касающиеся эффекта от англо-американских бомбардировок и т. д. Сведения, полученные из этих писем, посылались как в вышестоящие инстанции, так и использовались для составления пропагандистских листовок непосредственно на фронте[419].

Один из самых распространенных вопросов, задаваемых немецким военнопленным, касался наличия у Германии химического оружия. Советское командование было сильно обеспокоено возможностью применения Германией специальных отравляющих средств на заключительном этапе войны. По мнению советских офицеров, безвыходность ситуации была хорошим стимулом для такого шага, тем более что нацистское руководство не раз заявляло об обладании "чудо-оружием". Определенная информация поступала из Германии в Швецию. В ней говорилось, что химическое оружие, помещенное в длинные контейнеры, уже распределено между специальными частями. На контейнерах имеется следующая инструкция: "Может быть использовано только по личному указанию фюрера"[420]. До шведского военного атташе дошли слухи, что только страх за гибель всего живого на огромном пространстве стал причиной отказа от применения отравляющих веществ. Фактически это подтверждают имеющиеся данные, что нервно-паралитический газ (подобный зарину или табуну), хранившийся в цитадели исследовательского центра химического оружия вермахта в Шпандау[421], был уже распределен между частями и готов к применению. Фельдмаршал Кессельринг говорил обергруппенфюреру СС Вольфу, что помощники Гитлера уговаривают его применить "Verzweiflungswaffen", или "оружие отчаяния"[422].

Спустя несколько дней после окончания войны Альберт Шпеер поведал допрашивавшим его американским офицерам, что на заключительном этапе сражений нацистские фанатики действительно "обсуждали вопрос о применении химического оружия"[423]. Согласно советским источникам, немцы использовали отравляющие вещества в феврале 1945 года под Глейвицем. Утверждалось, что противник произвел газовую атаку

с помощью авиации и артиллерии. Однако в этой информации отсутствуют многие детали. Таким образом, можно предположить, что советская сторона либо подняла ложную тревогу, либо сфальсифицировала эти сведения, чтобы привлечь внимание к угрозе применения отравляющих веществ. В процессе обучения советских солдат заставляли тренироваться в противогазах по четыре часа в день и по крайней мере одну ночь не снимать с себя защитных масок. В войсках появились специальные защитные костюмы, равно как и маски для лошадей. Выходили приказы и инструкции, как оберегать от отравления еду и питьевые источники, готовить бункеры и подвалы на случай применения химических веществ. Однако вопрос о том, насколько тщательно бойцы и командиры Красной Армии соблюдали меры предосторожности против газовой атаки, остается открытым: "противохимическая дисциплина" находилась в ведении НКВД.

Более серьезно советские военнослужащие относились к обучению стрельбе из немецких фаустпатронов[424]. Частям Красной Армии удалось захватить большое количество экземпляров этого оружия, и появилась возможность организовать при каждом стрелковом батальоне группу подготовленных военнослужащих, умеющих обращаться с фаустпатронами. Политработники сразу же ухватились за этот факт и провозгласили лозунг: "Бей врага его собственным оружием!" Тренировки включали стрельбу по подбитым танкам или по стенам домов с расстояния примерно в тридцать метров. В 3-й ударной армии комсомольские организации ставили в пример наиболее подготовленных военнослужащих. Так, сержант Беляев из 3-го стрелкового корпуса сделал выстрел по дому с расстояния в пятьдесят метров. Когда дым рассеялся, то в стене обнаружилась дыра, величина которой позволяла быстро проникнуть внутрь здания целому подразделению. На громадное большинство советских солдат стрельба из фаустпатронов производила сильное впечатление. Они также понимали, что это оружие скорее всего будет ими использоваться не по прямому назначению — против танков, а для разрушения кирпичных или каменных стен. Уже тогда было понятно, что в Берлине развернутся ожесточенные уличные бои и борьба будет вестись за каждый дом.

Глава двенадцатая
В ожидании штурма

В начале апреля 1945 года Берлин пребывал в ожидании скорого советского наступления. В атмосфере города витали настроения отчаяния, дурного предчувствия и усталости.

"Вчера фон Типпельскирх вновь пригласил нас на ужин в Меллензее, доносил в Стокгольм шведский военный атташе в Берлине. — Я пошел туда больше из любопытства, чем по какой-либо другой причине, но особо не ожидал услышать что-нибудь интересное. Теперь все жили только одним днем. Вечер прошел в траурном настроении. На нем царила атмосфера полной безнадежности. Никто и не старался скрыть истинное положение дел, а говорил о ситуации так, как она выглядела в действительности. Некоторые пребывали в плаксивом настроении, стараясь заглушить свой страх с помощью бутылки"[425].

Фанатики, собравшиеся бороться до последней возможности, оставались только среди тех нацистов, которые были уверены, что конец "третьего рейха" одновременно означает и их собственный конец. Подобно самому Гитлеру, они считали, что все немцы должны разделить их собственную судьбу. Уже начиная с сентября 1944 года, в период быстрого продвижения частей Красной Армии и западных союзников к Германии, нацистское руководство стало готовиться вести борьбу против врагов и после поражения. Оно решило основать сопротивление на оккупированной противником немецкой территории под кодовым наименованием "Вервольф".

Термин "Вервольф" был взят из романа о Тридцатилетней войне Германца Лёнса, ярого националиста, погибшего еще в 1914 году. В октябре 1944 года, когда идея организации подпольных отрядов стала обретать некие черты, была учреждена должность генерального инспектора по специальной обороне. Им стал обергруппенфюрер СС Ганс Прютцман. В ходе войны Прютцман, находясь на Украине, получил хорошее представление о советском партизанском движении. Затем он находился в Кенигсберге, откуда был вызван в Берлин для руководства штабом новой структуры. Однако этот проект постигла та же участь, что и многие другие нацистские начинания. Сразу объявились соперники, которые захотели создать параллельные организации или поставить существующие под их контроль. Даже в самом СС было две структуры — "Вервольф" и подразделение

под командованием Отто Скорцени "Ягдфербэнде". Число подобных организаций могло вырасти до трех, если бы реализовался проект создания совместными усилиями гестапо и СД подразделения, известного под названием "Бундшу".

Обучение и тренировки спецподразделений должны были включать в себя вопросы организации саботажа, закладки подрывных зарядов, маскировки мин под консервные банки или одежду. Предусмотрели даже использование специального дождевого плаща, под подкладкой которого находилось взрывчатое вещество, Мобилизованных в "Вервольф" военнослужащих обучали, как нужно убивать часового с помощью удавки или выстрелом из пистолета "вальтер" с глушителем. Трофейные документы показывают, что лозунгом членов организации были следующие слова: "Превратим день в ночь, а ночь — в день! Бей врага, где бы ты его ни встретил! Будь хитрым! Воруй у врага оружие, боеприпасы и продовольствие! Немецкие женщины, помогайте борьбе "Вервольфа", где это только возможно!" Тайные операции против врага предполагалось проводить группами, состоящими от трех до шести человек, которые имели бы запас продовольствия на шесть дней. Особое внимание уделялось задаче уничтожения горючего и смазочных материалов противника. Нацистское руководство приказало выделить для "Вервольфа" две тысячи радиостанций и пять тысяч боезарядов. Однако вовремя к месту назначения смогла поступить лишь незначительная часть запрашиваемого оборудования и взрывчатых веществ. Нацисты между тем заставляли узников концлагерей собирать неразорвавшиеся американские авиабомбы, а затем извлекать из них тол для повторного использования.

1 апреля 1945 года по германскому радио прозвучал призыв к населению присоединиться к "Вервольфу". В нем говорилось, что "целью организации является уничтожение любого большевика, англичанина или американца, вступившего на нашу землю… Любой немец, независимо от его профессии или классового положения, который будет сотрудничать с противником, почувствует на себе всю силу нашей мести… У нас один девиз: "Победить или умереть"[426]. Несколько дней спустя Гиммлер издал новый приказ: "В том доме, где появится белый флаг, должны быть расстреляны все жители мужского пола. Расстрел должен проводиться незамедлительно. Наказание предусматривается для всех лиц мужского пола начиная с 14 лет и старше"[427].

Документ, подписанный 4 апреля 1945 года, показывает истинную причину создания организации "Вервольф".

Представляется, что анализ событий 1918 года сыграл здесь основную роль. В документе, в частности, говорилось: "Мы знаем планы наших врагов, и мы знаем, что, в случае нашего поражения, Германии не будет предоставлен шанс когда-либо вновь подняться на ноги, как это случилось после 1918 года"[428]. Угроза уничтожения любого немца, вступившего в сотрудничество с противником, предполагала поставить барьер на пути "политики Штреземана" (Густав Штреземан одобрил от имени Германии Версальский договор 1919 года). Нацистские лидеры были уверены, что поражение означает их неминуемую гибель. Но умирать в одиночестве они не хотели. Падать в пропасть нацисты собирались вместе со всем народом.

Члены гитлерюгенда посылались в различные районы страны, где прятали взрывчатку и связывались с местными нацистскими крайсляйтерами относительно вопросов проживания и продовольственного обеспечения. В основном перед ними ставили какую-нибудь одну расплывчатую задачу и отпускали по домам. По мере ухудшения положения на фронте обучение подростков проходило по все более сокращенной программе, поэтому многие из них могли взорвать скорее самих себя, чем солдат противника.

Следует признать, что все акции, предпринятые "Вервольфом", не достигли больших результатов, исключая, правда, те из них, которые предусматривали мероприятия по запугиванию населения. Было проведено лишь несколько диверсий (наиболее успешные в Аахене и Кранкенхагене). Члены гитлерюгенда писали на стенах домов лозунги примерно следующего содержания: "Предатель, не спи, "Вервольф" следит за тобой". Как оказалось, и Скорцени, и Прютцман не питали особых надежд на успех партизанской войны в Германии. Если верить показаниям Скорцени (Прютцман покончил жизнь самоубийством сразу после первого допроса), лица, ответственные за создание в рейхе подпольного движения, полагали, что проект обречен на неудачу. Интересно, что сами союзники более серьезно относились к возможности сопротивления на оккупированной территории. Показательно, что даже Гиммлер инструктировал Прютцмана о необходимости сокращения активности "Вервольфа" и сведения ее к одной лишь пропагандистской работе[429]. Очевидно, что рейхсфюрер СС играл в свою игру и опасался, что диверсионные акты могут оказать негативное влияние на переговоры с западными союзниками, ведущиеся через Швецию. Однако Гиммлер ничего не мог поделать с радиовещанием, находящимся в ведении Геббельса. "Вервольф" продолжал транслировать свои передачи с призывами к населению вести

партизанскую войну против врагов Германии.

На Восточном фронте организация подпольных групп на оккупированной территории оставляла желать много лучшего. Быстрое продвижение Красной Армии в феврале и марте 1945 года не позволило немцам оставить за линией фронта хорошо подготовленные и экипированные группы сопротивления. Отдельные подразделения фольксштурма, окруженные в советском тылу, естественно, в расчет принимать нельзя. С другой стороны, пропагандистские мероприятия "Вервольфа" давали отличный предлог для контрразведчиков и частей НКВД усилить репрессии против немцев. Западные союзники прекрасно видели, что на их фронте деятельность "Вервольфа" потерпела полное фиаско. Гитлеровская молодежь приходила в недоумение, когда находила в организованных для них подземных бункерах продовольственный запас всего на десять — пятнадцать дней. О каком фанатизме в этом случае можно было говорить? Новоявленные партизаны являлись всего лишь изможденными несчастными юношами. Некоторые из них кончали жизнь самоубийством, "чтобы избежать мучений во время допросов, но прежде всего — не желая идти на предательство". Многие члены "Вервольфа", едва получив от начальства задание подготовить какой-нибудь террористический акт, просто разбегались по домам.

Германское население понимало, что весь проект с "Вервольфом" не отвечает германскому национальному характеру. "Мы, немцы, не являемся нацией партизан, — писала в своем дневнике одна германская женщина. — Нам нужен лидер, который отдавал бы приказы"[430]. Она путешествовала по Советскому Союзу незадолго до того, как к власти в Германии пришли нацисты. Во время длинных бесед в вагоне поезда русские отпускали различные шутки по поводу недостатка у немцев революционной активности. Один из "товарищей" сказал следующую фразу: "Немцы будут штурмовать железнодорожную станцию только в том случае, если до этого они предварительно купят билеты на прибывающий поезд".

Существуют данные, что под конец войны служащие гестапо стали под различными предлогами переводиться в криминальную полицию. Вряд ли такие мероприятия являлись частью деятельности "Вервольфа", просто гестаповцы прекрасно понимали, что оккупационным властям, несомненно, будут нужны полицейские из местного населения. Таким образом, они рассчитывали вновь оказаться востребованными. Накануне поражения члены организации СС, так или иначе, вынуждены были предпринимать меры к самовыживанию. Опасаясь

репрессий со стороны союзников, они запасались фальшивыми документами, ранее приготовленными для членов "Вервольфа". Другие эсэсовцы снимали униформу с убитых военнослужащих вермахта и присваивали себе их солдатские книжки. Германские солдаты были крайне возмущены тем фактом, что эсэсовцы, готовя почву для своего исчезновения, одновременно продолжали расстреливать дезертиров. Немецкие военнопленные рассказывали американским офицерам, что члены СС приказывали портным пришивать на их гражданские костюмы большую букву "П". Это означало, что эсэсовцы намеревались скрыться под видом насильно угнанных в Германию польских рабочих.

Желая ожесточить борьбу против своих противников, нацистское руководство полагалось не только на военные трибуналы и экзекуции со стороны частей СС. Большую работу в этом направлении проводило министерство пропаганды, регулярно сообщавшее о насилиях, творимых над немецким населением. В частности, оно распространяло информацию о женщинах-комиссарах, кастрировавших немецких раненых солдат. Министерство имело свои отделения как в Берлине, так и на одерском фронте. Его сотрудникам было поручено писать на стенах домов различные националистические лозунги. Предполагалось выдавать эти надписи за спонтанное выражение мыслей простых граждан. Составлялись тексты следующего содержания: "Мы верим в победу!", "Мы никогда не сдадимся!" или "Защитим наших женщин и детей от красных зверей!"[431]. Следует отметить, что в Германии существовала большая группа людей, которая уже ничего не боялась и могла достаточно свободно демонстрировать свои чувства и мысли по поводу происходящих событий. Это были калеки. Так, военнослужащие, потерявшие на фронте верхние конечности, не упускали возможности поднять вверх обрубок своей руки и с вызывающим выражением в голосе выкрикнуть: "Хайль Гитлер!"[432]

Генерал-лейтенант Рейман, назначенный командующим обороной территории Большого Берлина, имел многосложную задачу. Он стал свидетелем кульминации хаоса, разразившегося в нацистской системе управления. Генерал Гальдер, являвшийся до 1942 года начальником генерального штаба сухопутных войск, после войны язвительно замечал, что ни Гитлер, ни Геббельс (рейхскомиссар обороны столицы) не отдали ни одного распоряжения относительно защиты Берлина вплоть до того момента, пока не стало уже слишком поздно[433]. Таким образом, план обороны столицы был не чем иным, как обычной "импровизацией".

Начиная с февраля 1945 года Рейман был третьим по счету человеком, которого Гитлер назначал руководить обороной города. Генерал сразу обнаружил, что должен решать возникающие проблемы с огромным количеством людей и организаций: Гитлером, Геббельсом, командующим Резервной армией Гиммлером, штабом люфтваффе, штабом группы армий "Висла", СС, гитлерюгендом, а также представителями местных организаций нацистской партии, которые контролировали фольксштурм. Фюрер отдал приказ готовить Берлин к обороне, но не выделил для этой цели никаких сил. Он просто заверил Реймана в том, что, когда вражеские войска подойдут к столице, необходимые части будут отданы в его распоряжение. Гитлер, равно как и Геббельс, отказывался признавать реалии, считая, что поражения все еще можно избежать. Особенно в этом отношении отличался Геббельс, считавший, что противника остановят на одерском фронте.

К началу апреля население Берлина составляло примерно три — три с половиной миллиона человек, включая сто двадцать тысяч детей младшего возраста. Когда на совещании в рейхсканцелярии Рейман поднял вопрос о снабжении населения продовольствием и прежде всего о питании детей, Гитлер удивленно уставился на него. "В Берлине нет такого количества младенцев"[434], - сказал он. После этой фразы Рейман окончательно убедился, что фюрер оторвался от реальности. Со своей стороны, Геббельс уверял, что в столице имеется достаточное количество концентрированного молока, а в случае чего в центр города можно будет переправить дойных коров. Тогда Рейман задал вопрос, который поставил министра пропаганды в тупик: а чем, собственно говоря, кормить самих коров? Еще одна проблема состояла в том, что все продовольственные склады находились не в самом городе, а за его пределами, и поэтому являлись уязвимыми целями для ударов противника. Вопрос о перемещении их в более безопасные места отложили на потом.

Как Рейман, так и его начальник штаба, полковник Ганс Рефиор, прекрасно понимали, что имеющимися в наличии силами Берлин удержать не удастся, поэтому они предлагали Геббельсу эвакуировать из столицы гражданское население, прежде всего женщин и детей. "Эвакуация, — ответил Геббельс, должна быть организована СС и начальником полиции района Шпрее. Я отдам приказ об эвакуации в надлежащее время"[435]. Совершенно очевидно, что Геббельс в то время не представлял себе всех последствий, которые повлечет за собой массовое бегство людей от войск противника. Во что, например,

превратятся дороги и чем предстоит кормить голодных людей? Уже в то время железнодорожный транспорт испытывал огромный недостаток подвижного состава, а автомобильный — горючего. В столице нашлось бы немного машин, готовых вывозить из города раненых или больных людей. Основной массе людей все равно пришлось бы выбираться из Берлина пешком. Вполне вероятно, что Геббельс, равно как и Сталин в начале Сталинградской битвы, опасался, что эвакуация мирных жителей из города может оказать негативное влияние на солдат, тогда как их присутствие там заставит военнослужащих сражаться еще упорней,

Рейман, находясь со своим штабом в массивном здании на Гогенцоллерндамм, старался выяснить, каким запасом оружия он обладает для ведения устойчивой обороны. Полковник Рефиор, со своей стороны, быстро осознал, что "Берлинский оборонительный район" не является неприступным бастионом для наступающего противника. Столица Германии, с легкой руки фюрера, стала всего лишь очередной "крепостью", которую войска вермахта и сами жители должны были оборонять до последней возможности. Рефиора к тому же просто удручала необходимость постоянно вести дела с нацистской бюрократией, способной выбить из колеи любого человека[436].

Чтобы защищать внешний периметр "берлинского оборонительного района", требовалось как минимум десять дивизий. В распоряжении же Реймана имелось соединение зенитных орудий, девять рот охранного полка "Великая Германия", несколько полицейских и саперных батальонов и двадцать батальонов фольксштурма. Последние состояли из недавно мобилизованных и совершенно не обученных военному делу людей. Предполагалось сформировать еще двадцать батальонов фольксштурма, если город будет окружен войсками противника. Общая численность берлинского фольксштурма выглядела с виду внушительно шестьдесят тысяч человек, но следует заметить, что он делился на две категории: "фольксштурм I" — чьи военнослужащие имели хоть какое-то оружие, и "фольксштурм II" — где оружия не было вовсе. Армейские командиры, хорошо знакомые с положением дел, зачастую распускали фольксштурмовцев по домам. Однако партийные функционеры редко выказывали хотя бы отдаленное проявление гуманности. Один гауляйтер утверждал, что главная проблема по усилению боеспособности фольксштурма состоит в том, чтобы оторвать недавно мобилизованных военнослужащих от своих жен ("муттис")[437], которые подрывают боевой дух солдат на фронте. Однако эта затея не могла осуществиться.

Батальоны фольксштурма не были поставлены на армейское довольствие, поэтому солдатам все равно приходилось кормиться в своих семьях. Так или иначе, командиры подразделений вскоре увидели, что признаки хоть какой-то дисциплины проявляют только ветераны Первой мировой войны[438], остальные же предпочитают уклониться от службы при любой возможности.

Наиболее боеспособным соединением в Берлине была 1-я зенитная дивизия, которая стала подчиняться Рейману только после начала сражения. Основные ее силы располагались на трех огромных бетонных конструкциях, с которых и велся огонь по самолетам противника: Зообункер в Тиргартене, Гумбольдтхайн и Фридрихсхайн. Соединение обладало внушительной огневой мощью. На его вооружении имелись 128, 88 и 20-миллиметровые орудия, к которым прилагалось большое количество боеприпасов. Однако артиллерийские части, приданные пехоте, состояли в основном из устаревших пушек различного калибра, которые ранее были захвачены во Франции, Бельгии и Югославии. Редко когда на одно орудие имелось больше десятка снарядов. Единственным руководством для ведения обороны столицы была предвоенная инструкция, которую Рефиор считал "шедевром германского бюрократического искусства"[439].

Представители нацистской партии говорили о мобилизации целых армий гражданских лиц, призванных строить оборонительные укрепления вокруг Берлина. Работы велись как на внешнем кольце — в тридцати километрах от города, так и непосредственно на его окраинах. Однако ни о каких строительных армиях фактически речи не было. В среднем в день выходило на работу порядка тридцати тысяч человек, и лишь однажды удалось достигнуть рекорда — семидесяти тысяч человек. Но главной проблемой при возведении оборонительных сооружений являлся недостаток транспорта и рабочего инструмента. И все это при том, что большинство берлинских фабрик и учреждений продолжали функционировать, как будто ничего особенного вокруг не происходило.

Чтобы как-то наладить нормальную работу по строительству оборонительных объектов и устранить хаос, создаваемый при этом представителями нацистской партии, Рейман назначил ответственным за данное строительство военного инженера, полковника Лобека. Генерал также связался со школой военных инженеров в Карлсхорсте и попросил ее выделить группы подрывников. Следует отметить, что попытки Шпеера спасти столичные мосты от превентивного разрушения вызывали у армейских офицеров крайне нервную реакцию. Они хорошо помнили, что произошло с теми людьми, которые запоздали со

взрывом моста в Ремагене. Саперные работы велись под общим руководством организации Тодт и Службой труда. Их персонал по сравнению с мобилизованными гражданскими лицами обладал достаточными навыками и хорошим снаряжением. Однако нехватка бензина и запасных частей не позволяла немецкому командованию рассчитывать на механизацию труда при рытье траншей и возведении оборонительных конструкций с помощью экскаваторов. На работу в центре города были привлечены семнадцать тысяч французских военнопленных из Шталага-Ш D. Они возводили баррикады и рыли щели на улицах Берлина. Вопрос о том, насколько они преуспели в своей деятельности, остается открытым, поскольку именно французские пленные чаще всего обвинялись в нежелании трудиться. Было зафиксировано много случаев, когда французы тайно покидали лагеря и встречались с немецкими женщинами[440].

Попытки командующего обороной Берлина получить от армейского начальства боевые подразделения кончались, как правило, неудачей. Когда полковник Рефиор прибыл к начальнику штаба группы армий "Висла" генерал-лейтенанту Кинцелю и передал ему просьбу о пополнении, последний не был особенно любезен. Кинцель взглянул на представленный ему план обороны города и произнес: "Пусть эти сумасшедшие в Берлине варятся в собственном соку"[441]. Начальник штаба 9-й армии, генерал-майор Хёльц, находил план несостоятельным по другим причинам. "Девятая армия стояла и стоит на Одере. И если будет необходимо, — выразился он достаточно театрально, — мы все погибнем здесь, но не отступим"[442].

В то время ни Рейман, ни Рефиор не догадывались о том, что командующий группой армий "Висла" генерал Хейнрици и его штаб имеют совершенно другой план обороны, отличный от утвержденного нацистским руководством. Они надеялись вовсе избежать уличных боев в городе и тем самым спасти его мирное население от уничтожения. Альберт Шпеер предложил Хейнрици, чтобы 9-я армия покинула одерский фронт и отошла в район западнее столицы Германии. Командующий в принципе согласился с этим планом. По его мнению, наилучшим способом избежать боев в городе стал бы приказ частям Реймана покинуть свои позиции и занять оборону на Одере. Таким образом Берлин в последний момент оказался бы без защитников.

Мобилизация нацистским режимом в фольксштурм четырнадцатилетних подростков еще больше усиливала стремление немецких офицеров избежать сражения за Берлин. Огромное число семей уже потеряли своих сыновей, братьев и отцов в войне против русских. Матери молили Бога только об

одном: чтобы режим рухнул еще до того, как их дети будут посланы на фронт в качестве пушечного мяса. Однако открытое неповиновение и уклонение от призыва влекло за собой немедленную экзекуцию, поэтому учителя старшего поколения учили подростков тому, как избежать призыва на фронт вполне легальным способом. Трагедия молодого поколения Германии становилась еще более отчетливой после пропагандистских речей Геббельса, которые теперь воспринимались не иначе как фарс. Министр не уставал повторять в своих выступлениях слова фюрера, что "каждая мать, давшая жизнь ребенку, тем самым нанесла удар по нашим врагам, посягнувшим на будущность германской нации"[443]. Однако теперь и Гитлер, и Геббельс били как раз по этому самому будущему, заранее уверив себя, что после их смерти германская нация исчезнет с лица планеты.

Четырнадцатилетний Эрих Шмидтке из Пренцлауерберга вместе с другими юношами был призван в качестве "помощника" заряжающего зенитного орудия и получил предписание явиться в казармы Германа Геринга в Райникендорфе[444]. До места назначения его провожала мать, тогда как отец находился в Курляндии — в группировке, прижатой советскими войсками к Балтийскому морю. После того как подростки провели в казармах три дня, им приказали собраться в западной части Берлина на Рейхсшпортфельде, неподалеку от Олимпийского стадиона. Там формировались новые части дивизии. По дороге туда Шмидтке постоянно думал о словах отца, сказанных перед отправкой на Восточный фронт, что теперь именно он, сын, несет ответственность за всю семью. Эрих решил дезертировать и скрыться в укромном месте, пока война не кончится. Попытка побега удалась, а большинство его товарищей, вошедших в состав дивизии, были вскоре убиты.

На Рейхсшпортфельде проходила обучение и так называемая дивизия гитлерюгенда, сформированная по приказу лидера германской молодежи Артура Аксмана. Подростки обучались стрельбе из фаустпатронов. Аксман читал им лекции о героях Спарты и призывал люто ненавидеть врагов рейха и безоговорочно подчиняться Адольфу Гитлеру. "У нас есть только один выбор, говорил он, — победа или поражение". Однако большинство юношей были глубоко потрясены предчувствием скорого конца. Рейнгардт Аппель постоянно думал о потерянном поколении, сложившем головы в Первой мировой войне. Некоторую романтическую окраску происходящим вокруг ужасным событиям придало расквартирование на Рейхсшпортфельде подразделения "Блицмэдель", состоящего из юных девушек.

Сама нацистская партия также решила создать вспомогательную часть (так называемый "Корпус помощников вермахта"), состоящий из женщин. Юные представительницы слабого пола давали клятву верности, которая начиналась со слов: "Я клянусь, что останусь верной и лояльной Адольфу Гитлеру, фюреру и главнокомандующему войсками вермахта"[445]. Со стороны могло показаться, что девушки произносят клятву верности собственным мужьям, находясь на массовом венчании. Для некоторых из них поклонение силе становилось еще и своеобразной возможностью выплеснуть свои затаенные сексуальные желания (либо "эрзац"-фантазии).

Тем временем на Вильгельмштрассе, где были расположены многие правительственные учреждения, министерства и посольства, немецкие чиновники старались убедить любого подвернувшегося им под руку иностранного дипломата в том, что германское командование научилось "дешифровать переписку между Рузвельтом и Черчиллем". Причем это делается "спустя два часа после отправления их телеграмм"[446]. С другой стороны, распространялись слухи о том, что в восточной — "красной" части города — формируются коммунистические отряды для убийств членов нацистской партии. "Атмосфера отчаяния достигла своего предела, — доносил в Стокгольм шведский военный атташе в Берлине. Многие желают подороже продать свою жизнь".

Командование Красной Армии также вело активную подготовку диверсий за линией фронта. Оно перебрасывало в Берлин группы немецких антифашистов из подконтрольного Москве комитета "Свободная Германия". Диверсанты переодевались в униформу солдат вермахта и проникали в столицу через многочисленные кордоны охраны. В основном их деятельность сводилась к нарушению линий связи и электропередач. Позднее комитет утверждал, что одной из его диверсионных групп удалось взорвать в Берлине целый склад с боеприпасами. Однако данные об этом эпизоде крайне противоречивы.

9 апреля нацисты казнили в концентрационных лагерях нескольких известных противников режима. В приказе об экзекуции говорилось о необходимости покончить с этими людьми еще до того, как их освободят враги нации. В Дахау был убит Иоган Георг Эльзер, коммунист, который пытался совершить покушение на Гитлера в "Бюргербройкеллере"[447] еще 8 ноября 1939 года. В Флоссенбюрге казнили Дитриха Бонхёффера, адмирала Канариса и генерала Остера. В Заксенхаузене был убит Ганс фон Донаний.

После того как первые ракеты фау полетели к британским

берегам, нацистские лидеры выдвинули лозунг — "отмщение грядет". Однако к апрелю 1945 года эти слова стали не более чем пустым звуком. На Восточном фронте слово "отмщение" имело совершенно противоположное значение. Месть надвигалась именно со стороны русских. Немецкие солдаты, занявшие оборону на одерском фронте, ждали ее с нескрываемым ужасом. В глубине души они понимали, что никакое "чудо-оружие" их уже не спасет. Тем не менее они обманывали сами себя в том, что все еще может измениться. Командиры частей, часто под сильным прессом со стороны вышестоящего начальства, лгали подчиненным, что в тылу готовится новое и еще более мощное "чудо-оружие", к фронту подходит подкрепление, антигитлеровская коалиция начинает разваливаться. Ложь такого рода считалась необходимым элементом для укрепления пошатнувшейся дисциплины.

Обида рядовых солдат на свое начальство стала повсеместным явлением. Возникло оно и в войсках СС. Эберхард Баумгарт[448], служащий штаба эсэсовской дивизии "30 января", возвращался с докладом на командный пункт соединения. Однако, к его изумлению, охрана не позволила ему войти в дом. Причина такого поведения часовых стала ему ясна сразу после того, как Баумгарт заглянул в окно. "Я подумал, что все это мне просто мерещится, писал он позднее. — Внутри дома шла другая жизнь. Офицеры в блестящей униформе сидели за одним столом с проститутками. Вокруг звучали музыка, смех, звон бокалов и клубился дым сигарет". Настроение Баумгарта стало еще более мрачным, когда переводчик из поволжских немцев показал ему вырезку из га-юты "Правда". В ней была карикатура с изображением Гитлера, Геринга и Геббельса, устраивающих оргию в рейхсканцелярии. Подпись под ней гласила: "Каждый день немецкие солдаты продлевают нам жизнь".

Вместо нового "чуда-оружия" на фронт поступало нечто архаичное. Так, военнослужащие вермахта и фольксштурмовцы получили гранату под маркой "Фольксхандгранате-45"[449]. Эта "народная ручная граната" представляла собой кусок бетона, в котором находились небольшое количество взрывчатого вещества и детонатор номер восемь. Свидетели отмечают, что эта граната была более опасной для ее обладателя, тем для противника. Одно из подразделений вермахта, занижавшее оборону против ударных частей гвардейской танковой армии противника, получило на вооружение старые французские винтовки, захваченные немцами еще в 1940 году. К каждой из них имелся и боезапас, насчитывавший, однако, много пять патронов. По заведенной традиции, нацисты продолжали именовать части и

подразделения, прибывающие на фронт, грозными терминами. Потоком шли "штурмовые отряды", не имевшие на вооружении никакого штурмового оружия, или "роты истребителей танков", снабженные лишь гранатами. Военнослужащим последних ставилась задача незаметно подкрадываться к советским танкам.

Среди всех соединений, находящихся на одерском фронте, наибольший страх перед возможностью оказаться в советском плену испытывали военнослужащие 1-й дивизии так называемой "Русской освободительной армии" генерала Власова. Идея послать дивизию в бой впервые пришла в голову Генриху Гиммлеру. Рейхсфюреру СС пришлось довольно долго убеждать Гитлера в желательности такого шага. Последний отнюдь не горел желанием использовать на фронте части, состоявшие из славян. Генеральный штаб сухопутных войск еще в начале войны предлагал создать украинскую армию в количестве до одного миллиона человек. Однако фюрер наложил вето на этот проект, предупредив, что существует различие между "расой господ и славянами". Окончательный удар по идее использования украинских частей в войсках вермахта нанесла нацистская политика в оккупированных областях Украины, проводимая под руководством Розенберга и гауляйтера Коха.

В начале апреля 1945 года генерал Власов, сопровождаемый связным офицером и переводчиком, прибыл в штаб группы армий "Висла" для встречи с генералом Хейнрици. Очевидцы описывают Власова как худощавого высокого офицера с "умными глазами"[450]. На его бледной коже всегда проступала щетина, даже если он недавно брился. После нескольких оптимистических заявлений Власова относительно состояния дел на фронте Хейнрици в упор спросил русского генерала о том, как будет вести себя в боевой обстановке его недавно сформированное соединение. Немецкие офицеры не на шутку опасались, что "добровольцы" в последний момент не станут стрелять в своих сограждан. Тем более что теперь, под конец войны, у них не могло быть ясного представления, за какие идеалы они сражаются против Красной Армии.

Власов не стал особо лукавить. Он объяснил, что у него был план создания по крайней мере шести, а то и десяти дивизий, состоящих из бывших русских военнопленных. Однако нацистское руководство не воспринимало его всерьез до того момента, пока не стало слишком поздно. Власов отметил также, что вполне сознает угрозу, исходящую от пропаганды противника. Тем не менее он хотел бы, чтобы его солдаты доказали свою преданность в бою — в наступлении на одном из участков одерского фронта.

Генерал Буссе определил для соединения власовцев один из

спокойных участков фронта под Эрленхофом, южнее Франкфурта-на-Одере. Разведка советской 33-й армии практически сразу же получила информацию о прибытии на передовую нового подкрепления. Против русских "добровольцев" немедленно была организована пропагандистская работа с помощью громкоговорителей. Наступление власовцев началось 13 апреля. В течение двух с половиной часов 1-я дивизия продвинулась на глубину в полкилометра. Однако огонь советской артиллерии не позволил "добровольцам" достичь сколько-нибудь существенных результатов. Они были прижаты к земле. Видя, что немцы не оказывают им ранее обещанной артиллерийской и авиационной поддержки, командир дивизии генерал Буняченко отдал приказ на отход[451]. Он вывел своих людей из боя, невзирая на все запреты генерала Буссе. Части власовцев потеряли в тот день триста семьдесят человек, включая четырех офицеров. Буссе был настолько разозлен, что немедленно рекомендовал генералу Кребсу зывести дивизию с фронта и разоружить. Боевые средства, недоставленные "добровольцам", по его мнению, должны были найти "лучшее применение"[452]. Со своей стороны, власовцы также затаили обиду на немцев. Они обвиняли их в "оказании артиллерийской поддержки во время наступления. Скорее всего просто никто не предупредил власовцев о том, что немецкие артиллеристы экономят теперь каждый наряд на случай ожидавшегося в ближайшее время больше-то русского наступления.

В течение первых двух недель апреля на одерских плацдармах продолжались боевые столкновения. Советская сторона стремилась расширить их и создать тем самым лучшие возможности для нанесения первого удара. На восточном берегу Одера также велись активные приготовления к наступлению. В общей сложности в интенсивной перегруппировке войск участвовало двадцать восемь советских армий, в их числе и 70-я армия под командованием генерал-полковника Попова. Последнему из-за быстро меняющейся ситуации приходилось отдавать приказы своим корпусам еще до того, как приходило соответствующее распоряжение от вышестоящего начальства.

Некоторым армиям пришлось преодолевать огромные расстояния. Так, согласно советским инструкциям, механизированная колонна могла пройти в день сто пятьдесят километров. Однако 200-я стрелковая дивизия 49-й армии совершила марш в триста пятьдесят восемь километров всего за двадцать пять часов[453]. Как и военнослужащие многих других объединений, бойцы 3-й ударной армии, сражавшиеся в Померании, боялись, что не успеют к началу Берлинской

операции. Они опасались, что доберутся до столицы "третьего рейха" лишь тогда, когда солдаты других частей будут возвращаться из поверженного города к себе на родину[454]. Большинство солдат маршала Жукова с нетерпением ждали решающей схватки. Они прекрасно понимали, какую зависть к ним испытывают военнослужащие с других фронтов.

Несмотря на уверенность большинства фронтовиков в скором и победном окончании войны, дезертирство из армии продолжалось. Ближе к началу наступления его масштабы заметно возросли. Большинство тех, кто покидал свои части, являлись недавно призванными солдатами — поляками, украинцами, румынами. Увеличение числа дезертиров автоматически означало рост бандитизма, грабежа и насилия по отношению к местному населению. В специальных докладах сообщалось, что некоторые дезертиры отбирают у жителей повозки, загружают их различной провизией и, выдавая себя за возничих той или иной части, покидают прифронтовую зону[455].

Только за первую половину апреля части НКВД 1-го Украинского фронта арестовали в прифронтовой полосе триста пятьдесят пять дезертиров[456]. На 1-м Белорусском фронте ситуация была еще сложнее. В докладе, датированном 8 апреля, отмечалось, что в тыловых районах продолжают скрываться еще много военнослужащих, которые выдают себя за солдат, отставших от своих частей[457]. На самом деле они являлись дезертирами, которые совершали акты грабежа и насилия. В документе говорилось, что в одной только 61-й армии за последнее время за дезертирство было арестовано шестьсот человек. Приводились также примеры, когда солдаты использовали автомобильный и гужевой транспорт не по прямому назначению, а для собственных нужд. Они подъезжали к какому-либо дому, оставляли повозку на улице, а сами в это время осматривали помещения на предмет наживы. В докладе подчеркивалось, что многие советские солдаты, сержанты и офицеры уже мало напоминали военнослужащих Красной Армии. Отклонения от уставных требований в форме одежды стали совершенно нетерпимыми. Старший командир порой не мог даже определить, находится ли перед ним рядовой солдат или офицер, военнослужащий или гражданское лицо. Имели место и случаи неповиновения солдат своему начальству.

Части НКВД и органы СМЕРШа продолжали смотреть чуть ли не на любого немца мужского пола как на своего врага, которого необходимо отправить в плен. Информация о плохой работе с военнопленными противника (в которые записывали и людей, арестованных во время зачистки территории) нередко доходила

до самого Берии. По его мнению, органы, ответственные за эту сферу деятельности, слишком переусердствовали. Дело в том, что из ста сорока восьми тысяч пятисот сорока немцев, отправленных в советские лагеря, только половина была способна выполнять физические работы[458]. Кроме того, польские патриоты, ранее боровшиеся с Германией, все еще рассматривались органами НКВД в качестве более опасного контингента, чем сами нацисты.

В Померании и Силезии подразделения НКВД продолжали борьбу против мелких групп немецких войск, пытающихся выбраться с контролируемых Красной Армией территорий за линию фронта[459]. Эти группы часто нападали на отдельные машины и повозки с продовольствием. Советское командование отвечало на данные действия самым жестоким образом, то есть так же, как ранее сами немцы на оккупированной территории Советского Союза. Оно приказываю сжигать близлежащие деревни и расстреливать их мирных жителей.

Психологическое состояние советских солдат и офицеров в этот момент было напряжено до предела. Однако они были уверены в своей силе. 10 апреля 1945 года Петр Митрофанович Себелев, ставший подполковником всего в двадцать два года, писал домой, что на фронте установилась необычная и поэтому пугающая тишина. Он рассказал, что недавно к ним в часть приезжали артисты из самой Москвы. Всем бойцам концерт очень понравился. По его мнению, сроки окончания войны зависели только от самих солдат. Далее он рассказал о двух эпизодах, случившихся с ним накануне. Первый касался его визита на передовую. Пройдя вместе с сопровождающим солдатом лес, он вышел к берегу Одера. Неподалеку находилась песчаная коса, которую занимали немцы. На другой стороне реки располагался город Кюстрин. Внезапно вокруг Себелева запрыгали фонтанчики мокрого песка, и почти одновременно он услышал звуки выстрелов. Немцы обнаружили появление советских военнослужащих и открыли по ним прицельный огонь. А всего за два часа до того, как он взялся писать письмо, разведчики привели к нему пленного немецкого капрала. Тот сразу же спросил: "Где я нахожусь, господин офицер? В войсках Жукова или банде Рокоссовского?" Себелев засмеялся и сказал немцу, что он находится в войсках 1-го Белорусского фронта, которыми командует маршал Жуков. Но его очень заинтересовало, почему пленный капрал назвал части маршала Рокоссовского "бандой". Немец ответил: "Они не соблюдают правила войны, вот почему германские солдаты называют их бандой"[460].

Себелев поведал своей семье еще об одной новости. Его адъютант, Коля Коваленко, был ранен в руку и отправлен в тыл.

Но он сумел убежать из госпиталя. Себелев сделал ему строгий выговор, на что Коваленко сильно обиделся. Он посчитал, что начальник хочет лишить его чести оказаться первым в Берлине.

У большинства советских солдат вызывало сильное беспокойство быстрое наступление частей союзников на Западном фронте. Политуправление 69-й армии также отмечало, что советские военнослужащие недовольны и медленным продвижением своих войск. Некоторые из них считали, что немцы вполне могут сдать Берлин англичанам и американцам[461].

В 4-й гвардейской танковой армии комсомольские организации с большой тщательностью подходили к вопросу подготовки предстоящего наступления. Они направляли старослужащих солдат делиться своим опытом с недавно призванной молодежью. Те без всяких прикрас рассказывали им о реалиях боевых действий. Комсомольцы помогали также писать письма тем солдатам, у которых были проблемы с грамотностью. Солдаты особенно гордились тем, что купили целый танк Т-34 на свои деньги. Как отмечалось в отчете, танк "Комсомолец" уничтожил уже несколько вражеских бронированных машин и автомобилей, а также раздавил своими гусеницами много фрицев[462]. С другой стороны, на партийных собраниях не раз подчеркивалось, что коммунисты должны активно бороться за укрепление дисциплины в частях, пресекать акты грабежа и пьянства[463].

Тем временем артиллерийские командиры были озабочены вопросом будущего пополнения своих подразделений — после начала активных боевых действий[464]. Они прекрасно понимали, что, как только их батареи достигнут Берлина, потери среди солдат резко возрастут. Их беспокойство было обоснованным, поскольку орудиям предстояло вести огонь прямой наводкой. В связи с этим отдавались приказы, чтобы каждый номер в орудийном расчете знал не только собственные обязанности, но и обязанности своего товарища. В каждом полку готовился специальный резерв из подготовленных в артиллерийском деле военнослужащих, призванных заменить погибших и раненых бойцов.

Для того чтобы сохранить в секрете подготовку наступ-1ения, советское командование приказало очистить от местного населения прифронтовую полосу шириной в двадцать километров[465]. Был установлен режим радиомолчания, а на каждом полевом телефоне повесили табличку: "Не говори о том, о чем рассказывать нельзя".

На германской стороне шли свои приготовления. Особое место в них занимала угроза репрессий против тех лиц

независимо от ранга и звания, которые отказывались честно выполнять свой долг. Эти репрессии предусматривались не только для провинившихся военнослужащих, но и для членов их семей. Например, после того, как генерал Лаш, комендант гарнизона Кенигсберга, был заочно приговорен к смертной казни, нацисты арестовали всех его ближайших родственников.

Агония Восточной Пруссии сказывалась на моральном состоянии берлинцев почти так же тяжело, как и осознание прямой угрозы столице с фронта на Одере. 2 апреля советская артиллерия начала массированный обстрел центральных районов Кенигсберга. Старший лейтенант Иноземцев 4 апреля записал в своем дневнике, что его батарея выпустила по врагу шестьдесят снарядов, в результате чего подготовленное к обороне здание оказалось превращено "в кучу щебня"[466]. В то же время части НКВД были обеспокоены возможностью просачивания военнослужащих противника через линию советского фронта. Отмечалось, что окруженные немецкие солдаты переодеваются в штатскую одежду и пытаются выдать себя за мирных жителей. По этой причине приказывалось более тщательно проверять документы всех гражданских лиц[467].

7 апреля Иноземцев отмечал очень эффективную работу советской авиации[468]. Красноармейцы в большом масштабе применяли огнеметы. Если из какого-либо дома продолжал вестись огонь противника, то к нему немедленно отправляли огнеметчиков, которые заливали все помещение огнем. Борьба здесь не шла (как это случалось раньше) за каждый этаж или лестничную клетку. По мнению Иноземцева, бои за Кенигсберг могли войти в историю военного искусства как пример образцового штурма большого города. На следующий день в бою погиб товарищ Иноземцева, по фамилии Сафонов. Но в тот же день их артиллерийский полк произвел последний залп по вражеской цитадели.

Разрушения в городе были ужасны. Тысячи солдат и гражданских лиц нашли себе могилу под обломками зданий. Иноземцев писал, что повсюду витает "запах смерти". Буквально каждый подвал был заполнен ранеными. Генерал Лаш понимал, что никакой надежды на спасение уже нет. Советские 11-я гвардейская и 43-я армии вели бои с остатками вражеского гарнизона непосредственно в центре города. Даже заместитель Коха считал необходимым срочно отступить. Но к этому моменту все дороги к Земландскому полуострову оказались уже перерезаны. В ночь на 8 апреля была предпринята последняя попытка прорыва, но и она потерпела фиаско. Артиллерийские и авиационные удары разрушили большинство коммуникационных

линий в самой крепости и сделали невозможным сосредоточение войск для последнего отчаянного удара. Местное руководство нацистской партии, не уведомив генерала Лаша, объявило о намерении вывести из города и гражданское население. Однако советская артиллерийская разведка быстро установила места скопления людей и открыла по ним уничтожающий огонь.

Пелена дыма над Кенигсбергом оказалась настолько плотной, что сквозь нее можно было разглядеть только огненные линии от пролетающих ракетных снарядов. Оставшиеся в живых мирные жители выкидывали из окон белые флаги. Некоторые даже отбирали у солдат винтовки, чтобы побыстрее прекратить кровопролитие. Лаш знал, что конец уже близок и никакой помощи из рейха не будет. Он не желал более продолжать бессмысленную бойню и страдания гражданского населения. До самого последнего солдата сражались лишь подразделения СС. Однако все их попытки продлить агонию сопротивления оказались бессмысленными. Утром 10 апреля генерал Лаш и сопровождающие его офицеры прибыли в качестве парламентеров в штаб маршала Василевского. Гарнизон Кенигсберга капитулировал. В плен сдалось около тридцати тысяч человек. Естественно, что имевшиеся у них наручные часы и другие полезные вещи сразу же отбирались красноармейцами. Следует отметить, что советские бойцы быстро нашли в городе достаточные запасы алкогольной продукции. Количество актов изнасилования, совершенных в руинах города, подсчету просто не поддается.

Старший лейтенант Иноземцев решил совершить экскурсию по дымящимся развалинам столицы Восточной Пруссии. Его внимание привлек бронзовый монумент Бисмарка, смотрящий одним глазом (половина лица у памятника была снесена советским снарядом) на советскую регулировщицу. Казалось, что объединитель Германии пребывал в недоумении. Он как бы молча спрашивал: "Откуда здесь русские? Кто им позволил?"[469]

Конец сопротивления в Восточной Пруссии и Померании был ознаменован еще одной трагедией. В ночь на 16 апреля советская подводная лодка пустила на дно госпитальное судно "Гойя", на борту которого находилось около семи тысяч беженцев[470]. Спасти удалось всего сто шестьдесят пять человек.

Начало наступления на Берлин можно было ожидать в любой момент. В сводке штаба группы армий "Висла" за 6 апреля говорилось: "На фронте 9-й армии отмечена оживленная активность противника — шум моторов и лязг танковых гусениц в районе Райтвайн, юго-западнее Кюстрина, и далее на северо-восток к Кинитцу"[471]. Штаб группы предполагал, что атака

начнется в течение ближайших двух дней.

Однако спустя пять дней русские все еще не начинали атаку. 11 апреля генерал Кребс сообщил Хейнрици, что "фюрер ожидает русского наступления 12 или 13 апреля"[472]. На следующий день Гитлер приказал Кребсу вновь позвонить Хейнрици и передать тому, что "инстинктивно чувствует — начало русской атаки является вопросом всего одного или двух дней; то есть ее следует ожидать 13 или 14 апреля"[473]. В свое время Гитлер пытался предсказать точную дату высадки западных союзников в Нормандии, однако ошибся. Теперь же он снова решил войти в роль человека, которому заранее известны все планы противников. Предсказания оставались, пожалуй, его единственной возможностью демонстрировать свой контроль над ситуацией.

Вечером 12 апреля Берлинская филармония давала последний концерт. Альберт Шпеер, который был организатором представления, пригласил на него гросс-адмирала Дёница и адъютанта Гитлера полковника фон Белова. По этому случаю, несмотря на строжайшую экономию, в зале было включено достаточно яркое освещение. Фон Белов писал, что "концерт возвратил нас в другой мир"[474]. Программа включала в себя произведения Бетховена, Восьмую симфонию Брукнера и, наконец, "Гёттердэммерунг" Вагнера. Позднее Шпеер утверждал, что предупредил весь оркестр о необходимости немедленно покинуть Берлин сразу после концерта.

Это было сделано ради того, чтобы музыкантов не мобилизовали в фольксштурм и не отправили оборонять столицу Германии. Однако даже Вагнер не смог долго удержать слушателей в состоянии отрешенности от происходящего вокруг них. Существуют, данные, что нацистские официальные лица организовали в фойе филармонии дежурство членов гитлерюгенда. Подростки держали в руках корзины, наполненные капсулами с цианистым калием. Они предлагали яд всем слушателям, выходившим из зала[475].

14 апреля Гитлер подписал очередной приказ, предназначенный для командования и военнослужащих группы армий "Висла"[476]. В нем подчеркивалось, что "любой человек, который перестанет выполнять свои обязанности, будет рассматриваться как предатель нашего народа". Далее в документе приводились различные примеры из военной истории. В частности, говорилось об отпоре, который получили турки под Веной, и утверждалось, что "теперь большевики испытают на себе то же самое, что и в древности выпало на долю азиатов". Тот факт, что столица Австрии к тому времени уже была захвачена

"азиатскими ордами большевиков", казалось, не имел для фюрера никакого значения.

На следующий день шестнадцатилетний берлинец Дитер Борковски стал свидетелем следующей сцены, разыгравшейся на переполненном Ангальтском железнодорожном вокзале. "На лицах людей запечатлелась печать ужаса, вспоминал он. — Сами они находились в состоянии гнева, перемешанного с отчаянием. До этого я никогда не слышал столько проклятий. Внезапно шум в нашем вагоне был прерван сильным голосом: "Тихо!" Мы увидели невзрачного запачканного солдата. На его гимнастерке было два Железных и один Золотой крест, а на рукаве светился значок с изображением четырех металлических танков. Это означало, что он уничтожил в ближнем бою четыре вражеских танка. "Мне нужно вам что-то сказать! — прокричал солдат, и весь вагон мгновенно замер. — И если вы даже не хотите меня слушать, прекратите скулить. Мы должны выиграть эту войну. Мы не должны терять мужества. Если войну выиграют другие и если они сделают с нами лишь малую часть того, что мы сотворили на оккупированных территориях, то всего через пару недель от Германии ничего не останется". В вагоне стало настолько тихо, что можно было услышать, как падает иголка"[477].

Глава тринадцатая
Американцы на Эльбе

По мере того как союзные армии с обеих сторон все ближе подходили к сердцу Германии, шутки берлинцев становились все более актуальными. "Оптимисты учат английский язык, — отмечали они, — а пессимисты русский"[478]. Министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, которому было явно не до шуток, во время одного из ужинов для иностранных дипломатов объявил: "Да, Германия проиграла войну, но у нее все еще остается выбор, кому именно сдаться"[479]. Именно эта гипотетическая альтернатива так сильно и беспокоила Сталина в начале апреля.

Когда 2 апреля в "рурском котле" были окружены триста тысяч человек из группы армий "Б" фельдмаршала Моделя, для американской 9-й армии открылся прямой путь к центру Германии — к берегам Эльбы. Этот путь выводил ее непосредственно к столице германского рейха. Как рядовые солдаты 9-й армии, так и ее командующий, генерал Симпсон, были убеждены, что главной целью их объединения является Берлин. После того как у Эйзенхауэра произошли трения с британским командованием, вопрос о взятии столицы Германии должен был решаться исходя из конкретных обстоятельств и возможностей. Во второй части своего приказа Симпсону главнокомандующий союзными войсками в Европе предписывал 9-й армии "использовать любую возможность для захвата плацдарма на Эльбе и готовиться продолжить наступление либо на Берлин, либо на северо-восток".

2-я моторизованная дивизия 9-й армии, которую окрестили "чертями на колесах", считалась самой сильной в американской армии. Большинство ее военнослужащих являлись упрямыми южанами, которые стали вливаться в состав этого соединения еще со времен Великой депрессии начала 1930-х годов. Командир дивизии, генерал-майор Исаак Д. Уайт, спланировал свое наступление до самого Берлина. Согласно его расчетам, им предстояло форсировать Эльбу в районе Магдебурга. Тогда вся 9-я армия могла бы использовать проходящий через город автобан в качестве главного вектора наступления. Ближайшим соперником Уайта в предстоящей гонке к столице рейха была 83-я пехотная дивизия, известная также под названием "барахольщики". Это имя прикрепилось к соединению из-за огромного числа используемых в нем трофейных автомашин и

военных материалов. Краску на немецкой технике меняли на оливковую и рисовали на ней белую пятиконечную звезду.

Далее к северу, в направлении Тангермюнде, наступала 5-я моторизованная дивизия, а на самом левом фланге армии Симпсона находились 84-я и 102-я пехотные дивизии. Их полоса наступления пролегала также в направлении Эльбы — в район слияния ее с Хафелем. Скорость продвижения американских войск была высокой. Лишь изредка они натыкались на сопротивление разрозненных частей противника (в основном окруженных подразделений СС). Большинство же немцев считало за благо попасть в спасительный плен к западным союзникам. Экипажи американских танков и бронемашин останавливались лишь тогда, когда требовался ремонт или пополнение запасов горючего. Они не теряли времени на то, чтобы смыть с себя грязь или побриться. Адреналин, гулявший по их крови, практически заглушил в них желание отоспаться. Стремительный бросок 84-й дивизии был несколько приостановлен приказом взять Ганновер. Однако уже через сорок восемь часов соединение было готово продолжать свое наступление. 8 апреля генерал Эйзенхауэр приехал в Ганновер и посетил командира дивизии генерал-майора Александера Боллинга.

" — Алекс, что ты собираешься делать дальше? — спросил главнокомандующий.

— Генерал, мы собираемся продолжить движение вперед. Перед нами лежит свободный путь до самого Берлина, и ничто не сможет нас остановить.

— Действуй, — произнес главнокомандующий, положив руку на плечо Боллинга. — Я желаю вам удачи и не позволю никому вас остановить"[480].

Все эти слова Боллинг воспринял не иначе, как ясное указание, что его целью является Берлин.

На левом фланге 9-й армии британская 2-я армия генерала Демпси достигла Целле и была близка к освобождению концентрационного лагеря в Бельзене. Тем временем на правом фланге Симпсона наступала американская 1-я армия генерала Ходжеса, вектор удара которой был направлен в сторону Дессау и Лейпцига, 3-я армия генерала Паттона прокладывала себе путь в горах Гарца, обходя Лейпциг с южного направления. В четверг 5 апреля Мартин Борман записал в своем дневнике: "Большевики рядом с Веной. Американцы в Тюрингском лесу"[481]. Лучшего комментария к положению на фронтах придумать было невозможно. Наступление союзников разрезало Германию на части.

По причине быстрого продвижения армии Паттона немцы

просто не имели возможности скрывать следы своих преступлений над заключенными. Перед союзниками стали открываться страшные картины зверств и насилия. Подразделения СС (часто при помощи местных фольксштурмовцев) в спешке осуществляли экзекуции в концентрационных лагерях для военнопленных и иностранных рабочих. К северо-востоку от Лейпцига, на предприятии "Текла", производившем крылья для самолетов, эсэсовцы и фольксштурмовцы заперли в одном из домов триста заключенных[482]. Забив все окна здания, солдаты СС забросали его зажигательными гранатами. Те из заключенных, кому все же удавалось вырваться наружу, расстреливались из пулеметов. Осталось в живых лишь три француза. Более ста граждан союзных государств — в основном французские политические заключенные — были казнены в самой лейпцигской тюрьме. В двух километрах к северо-востоку от Лейпцига авиация союзников обнаружила большую колонну, двигавшуюся в направлении Дрездена. Как потом выяснилось, в ней находилось более шести с половиной тысяч женщин различных национальностей, работавших в системе концерна HASAG. Многие из них были настолько ослаблены, что больше уже не могли передвигаться. Упавших женщин эсэсовцы расстреливали прямо на месте, а их тела сбрасывали в придорожный кювет. Бело-голубые полосы на одежде убитых были хорошо заметны с воздуха. Они окаймляли всю дорогу на протяжении движения колонны.

В Южной Германии вела наступление 6-я группа армий под командованием генерала Диверса. В нее входили 7-я армия генерала Пэтча и французская 1-я армия генерала де Латра де Тассиньи. Преодолев Шварцвальд, группа вышла своим левым флангом к территории Швабии. После захвата Карлсруэ она устремилась к Штутгарту. Эйзенхауэр все еще боялся, что немцы создадут на юге Германии так называемую "Альпийскую крепость", поэтому он приказал, чтобы две эти армии продолжали наступление в юго-восточном направлении к Зальцбургу и соединились с русскими войсками на дунайской равнине.

Вид американских солдат приводил немецкое гражданское население в неподдельное изумление. Развалившиеся в своих джипах "джи аи", курившие или жевавшие резинку, никак не подходили под устоявшийся в германском сознании имидж солдата. На многих автомашинах армии США, и даже на танках, были выведены имена любимых женщин американских парней. Однако некоторые вещи, творимые американцами, казались немцам хорошо знакомыми и привычными. Бесстыдный грабеж

мирных жителей начали еще сами военнослужащие вермахта. Теперь эстафету от них приняли освободители от нацистской чумы.

Факты грабежа со стороны союзных войск были зафиксированы еще задолго до того, как их части пересекли границу рейха. "На основе обнаруженных у солдат предметов, — говорилось в тексте доклада, подготовленного для американского командования в период арденнского сражения, — можно сделать однозначный вывод: грабеж имущества бельгийского гражданского населения осуществляется в значительных масштабах"[483]. Имел место подрыв сейфов ради присвоения себе их содержимого. Перед въездом в какую-нибудь деревню, расположенную в Центральной или Южной Германии, американская военная полиция устанавливала специальные плакаты, гласившие: "Не превышать скорость, не грабить, не брататься с гражданским населением". Однако все эти предупреждения не оказывали на союзных солдат никакого эффекта[484].

Далее к северу наступали британские войска. Офицер шотландской гвардии, впоследствии ставший судьей, замечал, что операцию по форсированию Рейна точнее было бы назвать "операцией Грабеж"[485]. Он описывал, как разбитые окна магазинов являли собой то, что можно назвать "раем для воров". "Предотвратить грабеж было невозможно, — вспоминал бывший шотландский офицер, — лишь только ограничить его до присвоения себе предметов, имевших небольшие размеры. Здесь в лучшем положении оказывались танкисты, которые могли разместить в своих боевых машинах все — от печатных машинок до радиоприемников… Я стал кричать на солдат своего взвода, которые грабили дом вместо того, чтобы провести в нем зачистку. Но внезапно я обнаружил, что на мне самом уже висят два прихваченных где-то бинокля!"

Более независимые в своих действиях, как, например, команды SAS, являлись соответственно и более амбициозными. Один офицер впоследствии отмечал, что "Монти [фельдмаршал Монтгомери] был обеспокоен проблемой грабежей"[486]. Тогда как фельдмаршал Александер, по-видимому, "относился к ней более спокойно". В одном или двух случаях на загородных виллах были совершены дерзкие ограбления, которые могли бы быть вписаны в историю криминального мира, поскольку похищенными оказались очень дорогие ювелирные украшения. Одно из подразделений SAS обнаружило запасник произведений искусства, который принадлежал жене Геринга. Снял сливки с этой коллекции сам командир подразделения. После чего он

позволил подчиненным сделать свой выбор. Холсты были вырезаны из рамок, свернуты и положены в стволы минометов.

Отношение к ведущейся войне среди союзных войск было различным. Многие американцы и канадцы являлись идеалистами. Они уверили себя, что должны спасти Старый свет, а затем как можно скорее вернуться домой. Их более циничные собратья по оружию видели свой интерес в торговле на черном рынке. Офицеры французской армии, особенно из старого кадрового состава, считали необходимым отомстить немцам за поражение 1940 года и тем самым восстановить в своей стране чувство национальной гордости. Вновь прибывающие на фронт офицеры британской армии считали, что примут участие в "борьбе не на жизнь, а на смерть за демократию и свободный мир"[487]. Однако вскоре они обнаруживали, что текущая война представляет собой скорее "страничку из истории их полка, вступившего в состязание против не слишком подготовленного в спортивном отношении противника". Естественно, что ничего подобного не наблюдалось на русском фронте.

Неожиданно быстрое продвижение союзников в Центральной Германии вызвало в Кремле сильное беспокойство. В поведении советского руководства появились даже черты оскорбленного самолюбия. Лидеры СССР, ранее так часто обвинявшие западные державы в затяжке открытия второго фронта, теперь ужаснулись перспективе взятия Берлина англо-американскими войсками. В Москве самым серьезным образом относились к воздушной мощи западных союзников и отмечали тот факт, что немцы больше боятся "тайфунов" и "мустангов", чем советских штурмовиков.

Сталин никогда не искал нормального объяснения поведению германских солдат, которые предпочитали сдаваться войскам западных держав, а не Красной Армии. На самом деле это было вполне естественным явлением, поскольку советский плен означал для немцев практическую реализацию "отмщения" со стороны русских.

Илья Эренбург с горечью писал в газете "Красная звезда", что американские танкисты совершают экскурсии по живописным горам Гарца, в то время как немцы сдаются им в плен "с фанатическим упорством"[488]. Немцы, мол, ведут себя по отношению к солдатам армии США как к представителям некоего "нейтрального государства". Посла США в СССР, Аверелла Гарримана, более всего рассердило высказывание Эренбурга о том, что американец — это "завоеватель с фотоаппаратом"[489].

Сталин, который судил об окружающих только по себе, подозревал, что западные союзники для того, чтобы захватить Берлин первыми, не побоятся пойти на сделку с нацистской

кликой. Контакты Аллена Даллеса с обергруппенфюре-ром СС Вольфом в Берне относительно капитуляции немецких войск в Италии он воспринимал как еще одно доказательство ведения союзниками двойной игры[490]. Даллес также имел контакты с представителем Кальтенбруннера, который сообщил, что организация СС хочет совершить в рейхе переворот, направленный как против нацистской партии, так и тех эсэсовцев, которые собираются сражаться до самого конца. Когда переворот будет совершен, организация СС могла бы "передать административные функции управления западным державам"[491]. Представитель Кальтенбруннера упомянул также и о возможности открытия фронта на западе и переброске немецких частей на восток — против русских. Именно такого сценария больше всего боялся Сталин. К счастью, многие детали переговоров представителей американской разведки с эмиссарами СС советскому лидеру стали известны лишь позднее. Однако его информировали о том, что англичане и американцы подготовили специальные десантные части, готовые в любой момент высадиться в Берлине в случае внезапного краха нацистского режима. Является фактом, что 101-я и 82-я парашютные дивизии имели задачу высадиться соответственно на аэродромах Темпельхоф и Гатов, тогда как британские десантные части — в Ораниенбурге. Тем не менее следует подчеркнуть, что все эти гипотетические планы нельзя рассматривать в связи с вышеупомянутыми переговорами, проводившимися Алленом Даллесом. Данные проекты стали нереальными после приказа союзным войскам не продвигаться восточнее Эльбы. Более того, еще со времени конференции в Касабланке, на которой западные союзники согласились только на безоговорочную капитуляцию Германии, ни Рузвельт, ни Черчилль не рассматривали всерьез возможность достижения какого-либо компромисса с нацистскими лидерами.

Оптимизм относительно ведения дел со Сталиным, имевшийся в феврале марте 1945 года как у Рузвельта, так и у Эйзенхауэра, в первых числах апреля стал быстро испаряться. Как уже говорилось, Эйзенхауэр в своем послании советскому лидеру от 28 марта представил детальный план действий союзных войск. Но он не получил ничего подобного в ответ. Фактически Сталин просто обманул союзного главнокомандующего, сообщив 1 апреля о том, что Берлин теперь потерял свое стратегическое значение. Одновременно он отметил, что основные советские силы будут сконцентрированы южнее германской столицы для того, чтобы встретиться там с войсками Эйзенхауэра, и наступление начнется, вероятнее всего, во второй половине мая.

А на берлинском направлении советское командование, по словам Сталина, собиралось выставить лишь второстепенные части.

Эйзенхауэр, которого так ловко обвели вокруг пальца, впоследствии информировал Монтгомери о том, что Берлин является теперь "не больше чем географическим пунктом". Он не собирался также оказывать содействие настойчивым требованиям Черчилля "пожать руки русским как можно дальше на востоке". В этом отношении его поддерживал генерал Маршалл. Эйзенхауэр не верил словам британского премьера, что, пока в Берлине развевается немецкий флаг, он остается "самым важным пунктом Германии". Напротив, союзный главнокомандующий считал, что наступление по линии Лейпциг — Дрезден, разделяющей Германию на две части, является самым предпочтительным. И он был убежден, что Сталин придерживается точно такого же мнения.

Кроме того, Эйзенхауэр отрицал, что попал под влияние Сталина в польском вопросе. Но здесь следует упомянуть, что худшие подозрения Черчилля относительно разрешения русскими проблемы Польши вскоре оправдались. Шестнадцать лидеров польских демократических партий, которых пригласили на совещание с Жуковым, в конце марта арестовали органы НКВД и переправили их в Москву. И тем не менее нельзя сказать, чтобы советский лидер был удовлетворен текущим состоянием дел. Несмотря на то что ему удалось провести Эйзенхауэра, советский лидер с присущей ему паранойей продолжал подозревать союзного главнокомандующего в ведении скрытой игры. Сталину также хотелось заставить американцев почувствовать себя виноватыми. В своем агрессивном послании Рузвельту 7 апреля он вновь сделал упор на переговорах Даллеса с немцами в Швейцарии. Сталин также отметил, что у немцев на Восточном фронте, против Красной Армии, имеется гораздо больше дивизий, чем на Западном против войск союзников. " [Немцы] продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию [Земляницу] в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, — сообщал Сталин президенту Рузвельту, — но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным".

Союзники между тем все больше приходили к убеждению, что Гитлер собирается создать в Южной Германии последний очаг обороны — "Альпийскую крепость". Одним из доказательств этого по иронии судьбы стала очередная ошибка фюрера. Несмотря на

то что Берлин находился в угрожающем положении, он приказал перебросить 6-ю танковую армию СС не на защиту столицы, а на юг — к Вене. 10 апреля 1945 года. Объединенный разведывательный комитет Главного командования союзных экспедиционных сил в Европе сообщил: "Подтверждения о том, что стратегия германского командования целиком и полностью подчинена созданию обороны в так называемом Национальном редуте нет"[492]. Однако далее сотрудники комитета добавили, что целью создания такого редута является затянуть войну до следующей зимы в надежде на то, что западные союзники и Советский Союз перессорятся и будут драться уже между собой. Заслуживает внимания еще один доклад, появившийся в тот же день и касавшийся той же проблемы. В нем говорилось, что "из показаний немецких генералов и старших офицеров, недавно захваченных в плен, становится очевидным, что никто из них не слышал о так называемом Национальном редуте. Все они рассматривают подобный план как "нелепый и неприемлемый"[493].

Ни Сталин, ни Черчилль в то время не знали, что президент Рузвельт уже не в состоянии самостоятельно читать их телеграммы, хотя он все еще отвечал на них. В пятницу 30 марта Рузвельта посадили на поезд, отправлявшийся в Уорм-Спрингс, штат Джорджия. Эта была его последняя поездка. Когда президент садился в ожидавший его лимузин, он производил впечатление человека, едва осознающего, что с ним происходит. Все присутствующие были глубоко шокированы его состоянием. Менее чем через две недели Рузвельт скончался. Его место в Белом доме занял вице-президент Гарри Трумэн.

11 апреля американские войска достигли Магдебурга. На следующий день они форсировали Эльбу южнее города Дессау. Прорабатывался план, по которому американцы могли быть в Берлине уже через сорок восемь часов. Эти расчеты вовсе не являлись фантастическими. К западу от немецкой столицы в то время находились лишь отдельные подразделения СС.

В тот же самый день многих немцев потрясли слова, прозвучавшие в эфире радиостанции французского правительства, обосновавшейся в Кельне: "Германия, твое жизненное пространство является теперь твоим пространством смерти"[494]. Подобные фразы германское население могло бы скорее ожидать из уст Ильи Эренбурга.

11 апреля в газете "Красная звезда" вышла последняя и самая противоречивая за годы войны статья Эренбурга. Она называлась "Хватит"[495]. В ней писатель отмечал, что Германия умирает жалко, "без пафоса и достоинства". Эренбург призвал читателей

вспомнить, с чего все начиналось парады, Шпортпаласт в Берлине, где Гитлер кричал о том, что он собирается покорить весь мир. "Но где он сейчас? В какой норе?" Эренбург писал о том, что Гитлер подвел германский народ к пропасти, а сам предпочитает не показываться на людях. Писатель был убежден, что Германии уже не существует, а есть только одна огромная банда. В той же самой статье Эренбург не без горечи сравнивал сопротивление, оказываемое немцами на Восточном фронте, с их поведением на Западном. Он взывал к "ужасным ранам", нанесенным России, о которых западные союзники не хотят знать. После этого он упомянул о некоторых преступлениях немцев во Франции, в частности о жертвах деревни Орадур. Эренбург заметил, что подобных деревень во Франции всего четыре, но сколько их в Белоруссии? Сколько в Ленинградской области?

Возбуждающая риторика Эренбурга часто не стыковалась с его собственной точкой зрения. В своей статье он как бы оправдывает грабеж. Он признает, что германские женщины теряют свои меховые пальто и ложки, которые у них крадут. Здесь следует добавить, что традиционно в Красной Армии грабеж сопровождался еще и изнасилованием. Однако, выступая незадолго до этого перед слушателями Академии имени Фрунзе, Эренбург критиковал Красную Армию за грабежи и разрушения, содеянные ею в Восточной Пруссии, и списывал все эти факты на чрезвычайно низкий культурный уровень войск. Лишь однажды он косвенно упомянул об изнасилованиях, отметив, что советские солдаты не прочь делать "комплименты" немецким женщинам[496]. Глава СМЕРШа Абакумов донес Сталину о неверных оценках Эренбурга. Тот, в свою очередь, расценил поведение писателя как "политически вредное". Донесению Абакумова вторила информация о положении в Восточной Пруссии от графа фон Айнзиделя, сотрудника контролируемого НКВД национального комитета "Свободная Германия". Все вместе это привело к большому пересмотру советской политики в отношении немецкого населения.

Тон и содержание статьи Эренбурга от 12 апреля не являлись более кровожадным, чем его предыдущие обличительные статьи. Однако, к изумлению автора, эта публикация подверглась уничтожающей атаке, организованной в самых высших эшелонах власти, что свидетельствовало об изменении всей партийной линии. Огорченный Эренбург позднее признавал, что принятая им роль бича, занесенного над немцами, неизбежно сделала лично его символическим предметом, который необходимо было принести в жертву в создавшихся условиях. Советское руководство достаточно поздно, но все же осознало, что ужас,

который немцы испытывают перед Красной Армией, лишь усиливает сопротивление частей вермахта и может усложнить работу советской оккупационной администрации в послевоенной Германии. По словам Эренбурга, советское руководство хотело теперь подорвать способность врага к сопротивлению, обещая прощение как раз тем немцам, которые и выполняли все приказы Гитлера[497].

14 апреля 1945 года в газете "Правда" была опубликована статья Георгия Александрова, главного идеолога в Центральном Комитете Коммунистической партии и руководителя советской пропаганды[498]. Статья резко критиковала Эренбурга. Особое внимание обращали на себя те строки, где отвергались рассуждения писателя о быстром отступления противника на Западном фронте и ставились под сомнение его утверждения, что от Германии осталась лишь одна банда. Нет сомнения, что эта часть статьи Александрова была внимательно просмотрена Сталиным (либо даже написана под его диктовку). Далее в тексте говорилось о том, что, пока одни германские офицеры сражаются за преступный режим, другие кидают в него бомбы или убеждают немецких солдат сложить оружие [генерал фон Зейдлиц и Союз германских офицеров]. То, что гестапо охотится за противниками Режима, как раз и доказывает: не все немцы являются одинаковыми. Но нацистское правительство сумело сыграть на национальных чувствах немцев. Александров также процитировал фразу Сталина, которую тот впервые сказал еще 23 февраля 1942 года, но широкое распространение она получила лишь сейчас: "Гитлеры приходят и уходят, но Германия и германский народ остаются".

Статья Александрова транслировалась по московскому радио, а газета "Красная звезда" перепечатала ее. Опустошенный Эренбург почувствовал себя находящимся в политической изоляции. Его письмо к Сталину с просьбой оградить его от несправедливых упреков осталось без ответа. Однако Эренбург, возможно, так и не осознал, что имелись и другие причины его отставки. Они касались критических выступлений писателя по поводу поведения советских военнослужащих и особенно неспособности офицеров контролировать своих подчиненных. В одном из сообщений с фронта Эренбург упомянул о диалоге, произошедшем между генералом и солдатом. Последний вырезал из дивана кусок кожаного покрытия, когда к нему подошел генерал и предложил прекратить это делать, поскольку данный предмет мебели может быть передан какой-нибудь семье. В ответ солдат лишь произнес, что "ваша жена, может, и получит этот диван, но моя точно — нет", и продолжал резать покрытие[499].

Однако самым серьезным обвинением, припасенным Абакумовым против Эренбурга, было выступление писателя перед слушателями Академии имени Фрунзе. В нем, в частности, говорилось, что русские, возвращающиеся из немецкого рабства, выглядят достаточно хорошо. Девушки, например, накормлены и одеты. Эренбург считал, что статьи, появляющиеся в газетах о жестоком обращении с угнанным в Германию населением, кажутся совершенно неубедительными. Если бы у Эренбурга не было столько страстных поклонников в Красной Армии, то за такие речи он легко мог угодить прямо в ГУЛАГ.

Тем временем ситуация с политическим воспитанием военнослужащих на фронте продолжала оставаться непростой. Политуправления были чрезвычайно обеспокоены тем, что еще остается достаточное количество офицеров, продолжающих поддерживать Эренбурга. По словам политработников, эти военнослужащие верили, что бойцы Красной Армии должны быть безжалостны и к немцам, и к тем западным союзникам, которые начинают с нацистами флиртовать[500]. Однако партийная линия теперь была совершенно очевидна. Советскую территорию уже очистили от противника. Соответственно лозунг "убивай немца, где бы ты его ни увидел", ранее казавшийся совершенно правильным, теперь должен быть изменен. Пришло время справедливого возмездия врагу за все его преступления. Офицеры политуправлений также цитировали сталинское изречение о том, что "Гитлеры приходят и уходят…". Однако этот новый поворот в пропаганде, похоже, не оказывал на военнослужащих никакого влияния. Один из политработников отмечал, что многие солдаты ищут статьи Эренбурга в любой газете и пытаются выяснить, продолжает ли он еще публиковаться.

Изменение политической линии произошло слишком поздно. Накануне большого наступления уже было невозможно направить в нужное русло ту ненависть к противнику, которая пропагандировалась в Красной Армии на протяжении последних трех лет. Показательно в этом смысле высказывание, принадлежащее перу одного из командиров дивизий, генерала Маслова. Он описывал немецких детей, которые плакали от отчаяния, пытаясь найти своих родителей в горящем городе. Маслов вопрошал — а что в этом особенного, ведь точно так же плакали советские дети[501]. Лишь немногие красноармейцы относились к немцам как к человеческим существам. Если германские идеологи считали славян "недочеловеками", советская пропаганда мести убеждала своих граждан, что все немцы являются прожорливыми хищниками.

Быстрое продвижение вперед войск западных союзников

беспокоило советское командование еще по одной причине. Оно опасалось, что большая часть польских 1-й и 2-й армий, действующих под общим оперативным руководством Красной Армии, присоединится к тем силам, которые были подчинены польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. 14 апреля Серов, представитель НКВД на 1-м Белорусском фронте, сообщал Берии о том, что в связи с быстрым продвижением англо-американских войск в рядах 1-й армии Войска Польского начинают развиваться нездоровые настроения. Офицерами СМЕРШа были мгновенно предприняты упреждающие меры[502], которые сопровождались массовыми арестами среди поляков.

Серов отмечал, что в 1-й армии Войска Польского выявлено и взято под контроль почти две тысячи [sic] бывших военнослужащих армии Андерса и Армии Крайовой, а также солдат, которые имеют близких родственников в армии Андерса. "Враждебное отношение" этих поляков к Советскому Союзу подчеркивалось, по мнению Серова, тем фактом, что они скрывали свои настоящие адреса от штабных работников, чтобы их семьи не подверглись репрессиям. Однако Серов не упоминал о том факте, что сорок три тысячи человек, вошедших в польские прокоммунистические войска, направили на фронт прямо из лагерей ГУЛАГа[503]. Соответственно нельзя было ожидать, что они будут питать по отношению к Советскому Союзу братские чувства. В самой Польше у бывших военнослужащих Армии Крайовой, арестованных органами НКВД, имелся только один выбор — отправиться в сибирский трудовой лагерь либо вступить в прокоммунистическую армию: "В Сибирь или в армию?"[504]

Информаторы СМЕРШа сообщали своему начальству, что польские солдаты регулярно слушают "лондонское радио". Более того, многие поляки были убеждены, что армия Андерса, находящаяся в составе английских экспедиционных сил, подходит к Берлину с запада. Как полагал один из офицеров, эти польские военнослужащие собирались перейти на сторону Андерса, поскольку ранее перенесли много страданий в Сибири. Другой офицер, начальник штаба батальона, сказал информатору, что после войны, когда с Германией будет покончено, поляки снова начнут воевать против русских — только в армии Андерса насчитывается три миллиона человек. Командир 2-й артиллерийской бригады также был недоволен русскими и говорил, что они сунули полякам в лицо свою "демократию". И, как только польские прокоммунистические войска войдут в соприкосновение с армией Андерса, они скажут "до свидания" подконтрольному Москве временному правительству. В Польшу переедут представители из Лондона, и все будет так, как было до

1939 года. Англия и Америка помогут полякам избавиться от русских. Серов обвинял командование 1-й армии Войска Польского в том, что его представители не проводят должной разъяснительной работы среди личного состава частей.

В то время как американские 3-я и 9-я армии продолжали стремительное продвижение к Эльбе, окруженные в Руре немецкие силы под командованием фельдмаршала Моделя все глубже зарывались в землю. Группа армий "Б" несла большие потери от бомбардировок союзной авиации. Модель являлся одним из немногих немецких командующих, которому Гитлер полностью доверял. Однако фронтовые командиры относились к фельдмаршалу не столь уважительно и считали его "очень грубым и недобросовестным"[505]. В войсках Модель был известен и как "катастрофический генерал", поскольку стало уже традицией посылать его на тот участок фронта, где в данный момент положение было критическим. И вот Рур стал для Моделя самым последним заданием — последней катастрофой. Оказавшись в безнадежном положении, он тем не менее отказался покинуть "котел" на самолете. 21 апреля, когда началась массовая сдача в плен военнослужащих группы армий "Б", фельдмаршал застрелился. Именно этого шага и ждал от него Гитлер.

Из окружения успели вылететь семнадцать немецких самолетов, забитых старшими офицерами группы армий "Б". Однако только три из них добрались до Ютерборга — аэродрома, расположенного к югу от Берлина. В одной из машин находился полковник Гюнтер Райхельм, начальник оперативного управления группировки. Сразу же по прилету Райхельм был посажен в автомашину и отправлен в Цоссен, где он и рухнул в постель от изнеможения, Он проснулся только тогда, когда к нему на кровать присел бывший заместитель Гудериана, генерал Венк. Последний вновь потребовался на службе. И, как только Венк поправился после автомобильной аварии, произошедшей во время проведения операции "Солнцестояние", он был назначен командующим немецкой 12-й армией. У Венка существовали серьезные опасения насчет того, что эта вновь сформированная армия существует по большей части на бумаге и ей не по силам выполнять поставленную задачу — держать фронт на Эльбе против американских войск.

"Вы будете моим начальником штаба"[506], - услышал Райхельм. Но прежде всего Венк попросил его сделать доклад о ситуации, сложившейся в группе армий "Б". Затем позвонил генерал Йодль и попросил Райхельма явиться в рейхсканцелярию. Спустившись в бункер, Райхельм обнаружил, что, кроме Гитлера, там находились еще Геринг и адмирал Дёниц. Он честно

доложил, что в группе армий "Б" больше не осталось снарядов для орудий, а танки лишены горючего. Гитлер долгое время хранил молчание. Наконец он произнес: "Фельдмаршал Модель был моим лучшим командующим". В этот момент Райхельму подумалось, что фюрер осознал неизбежность скорого финала. Но он ошибся. Гитлер продолжил: "Вы назначаетесь начальником штаба 12-й армии. Вы не должны попасть под дурное влияние штабного генералитета. Вы должны учиться у русских, которые своей силой воли переборoли немцев, стоявших уже у ворот Москвы".

Затем Гитлер объявил, что германские части должны валить деревья в горах Гарца на пути продвижения войск генерала Паттона. Немцы должны организовать там партизанское движение. Он обратился к подробной карте местности (подобной той, которую обычно используют командиры рот) и стал объяснять по ней поставленные задачи. Йодль попытался было остановить фюрера, но тот настаивал, что знает Гарц очень хорошо. Тогда Йодль, который обычно держал себя под контролем, резко произнес: "Я совершенно не знаю этого района, но хорошо знаю ситуацию". Тем временем, как вспоминал Райхельм, Геринг уединился в кресле и заснул прямо с картой, лежащей на его лице. Полковник подумал, что рейхсмаршал, видимо, принял порядочную дозу снотворного. В заключение Гитлер сообщил Райхельму, что тот может отправляться в войска, но перед этим должен заехать на военную базу в Дёберитце. Там ему предстояло получить для 12-й армии двести автомобилей фирмы "Фольксваген" (джипы "кюбельваген").

Покинув этот "дурдом", Райхельм испытал чувство облегчения. В Дёберитце ему досталось всего десяток машин. Найти самого Венка и штаб 12-й армии оказалось достаточно сложно. В конце концов он обнаружил командующего в саперном училище в Росслау на противоположном от Дессау берегу Эльбы. К радости Райхельма, начальником оперативного управления штаба армии оказался его старый друг барон Хубертус фон Гумбольдт-Дахрёден. Тот, в частности, рассказал, что некоторые части 12-й армии состоят из "молодых и удивительно волевых солдат, полгода обучавшихся в офицерских училищах, а также из унтер-офицеров, уже имеющих фронтовой опыт и недавно вернувшихся из госпиталей". Оба друга были чрезвычайно рады, что их командующим является такой генерал, как Венк. Тот имел хорошую репутацию в войсках, считался молодым и толковым офицером, который "не боится смотреть своим солдатам прямо в глаза".

Несмотря на то что в штабе армии недоставало

радиотехнических средств, связь функционировала нормально. Офицеры могли использовать для докладов обычную телефонную сеть, которая работала все еще хорошо. Положение с боеприпасами также было сносным благодаря запасам, имевшимся на складах в Альтенграбове и баржах на Хафельзее. Венк отказался выполнять приказ фюрера о "выжженной земле" и распорядился не трогать электростанцию в Гольпе, находившуюся к юго-востоку от Дессау. Это предприятие имело важнейшее значение для снабжения электричеством германской столицы. Его охрана от какого-нибудь фанатика-подрывника обеспечивалась достаточными силами, выделенными пехотной дивизией "Хуттен".

Основной задачей 12-й армии было не допустить продвижение 9-й армии США по обеим сторонам шоссе Ганновер — Магдебург[507]. Предполагалось, что американские войска попытаются захватить плацдарм на восточном берегу Эльбы и ударить с него по Берлину. Наступление противника началось даже раньше, чем ожидалось. "12 апреля, — говорилось в донесении, — войска противника совершили попытку форсировать реку в районе Шёнебека и Барби". На следующий день пехотная дивизия "Шарнхорст" произвела контратаку силами одного батальона и нескольких штурмовых орудий. Немцам удалось на какое-то время задержать противника, но уже спустя сутки они осознали, что силы слишком неравны. Американцы превосходили их по всем статьям.

Райхельм отдавал себе полный отчет: если американцам удастся форсировать Эльбу большими силами, то у 12-й армии "не останется другого выхода, как капитулировать"[508]. Армия не смогла бы продолжать сопротивление "больше одного или двух дней". Гумбольдт придерживался точно такого же мнения. На самом деле передовые американские подразделения уже форсировали Эльбу в нескольких местах. 14 апреля в сводке Главного командования союзных экспедиционных сил в Европе говорилось, что "9-я армия заняла Виттенберге, находящийся в 100 километрах к северу от Магдебурга"[509]. Тем временем 5-я моторизованная дивизия достигла Эльбы на двадцатипятикилометровом участке в районе Тангермюнде. 15 апреля части армии Венка контратаковали 83-ю пехотную дивизию противника неподалеку от Цербста, но развить успех им не удалось.

Казалось, что захват плацдармов на восточном берегу Эльбы стал для Эйзенхауэра скорее головной болью, чем решительным успехом. Он попросил генерала Брэдли, командующего группой армий, высказать свое мнение по поводу наступления на Берлин. Главнокомандующего интересовали вероятные потери союзных

войск при продвижении к германской столице. Брэдли посчитал, что потери будут составлять приблизительно сто тысяч человек (впоследствии к этой цифре стали относиться как к сильно преувеличенной). Он также добавил, что такие потери являются чересчур большой ценой для захвата объекта, имеющего лишь престижное значение, поскольку союзным войскам все равно придется его покинуть после окончания войны. Эта оценка ситуации полностью соответствовала мнению самого Эйзенхауэра, хотя позднее он заявлял, что "будущий раздел Германии совершенно не влиял на военные планы" союзников[510].

Эйзенхауэр был также обеспокоен состоянием коммуникаций экспедиционных сил. Они действительно были сильно растянутыми. Британская 2-я армия находилась на окраинах Бремена, 1-я армия США подходила к Лейпцигу, а передовые части Паттона были уже недалеко от Чехословацкой границы. Расстояния являлись настолько большими, что передовые подразделения приходилось снабжать с помощью авиации. Более того, союзникам необходимо было кормить не только собственных солдат, но и огромное число беженцев, бывших узников концентрационных лагерей и иностранных рабочих. Для всего этого требовалось поставлять солидные ресурсы. Подобно многим союзным командующим, Эйзенхауэр оказался абсолютно не готов столкнуться со всем тем ужасом, который открылся после освобождения нацистских лагерей. Большинство военнослужащих были потрясены невероятными страданиями людей, находившихся в гитлеровских застенках.

Командиры частей и соединений, действующих в составе англо-американских войск, мало что знали о положении дел на Восточном фронте. Они не представляли, насколько страстно немцы желают пустить их в Берлин еще до того, как туда войдет Красная Армия. "Солдаты и офицеры, — отмечал полковник ОКХ де Мезьер, — полагали, что лучше быть разбитыми силами западных союзников. Истощенные части вермахта сражались лишь потому, что хотели оставить русским как можно меньше территории для оккупации"[511]. Командующий 9-й армией Симпсон и подчиненные ему командиры соединений инстинктивно понимали ситуацию лучше, чем сам главнокомандующий. По их мнению, на пути к Берлину, который теперь находился от них менее чем в ста километрах, союзные войска встретят лишь очаги сопротивления немецких частей. Но даже эти очаги можно будет легко обойти.

К тому времени 83-я пехотная дивизия уже успела навести переправу через Эльбу. В ночь на субботу 14 апреля первые

подразделения 2-й моторизованной дивизии стали переправляться на другой берег. Количество американских сил на захваченном плацдарме быстро увеличивалось. Он простирался теперь до самого Цербста. Американцы пребывали в сильном возбуждении. Они с нетерпением ожидали приказа двигаться дальше. Однако утром в воскресенье, 15 апреля, генерал Симпсон был вызван в штаб генерала Брэдли, находящийся в Висбадене. Брэдли встретил командующего 9-й армией прямо на аэродроме. После того как два офицера пожали друг другу руки, Брэдли без всякого предисловия объявил, что армия Симпсона должна оставаться на Эльбе. Любое дальнейшее продвижение в направлении Берлина запрещалось.

" — Какого черта! Кто вам это сказал? — спросил Симпсон.

— Айк (Дуайт Эйзенхауэр. — Примеч. ред.), — ответил Брэдли"[512].

Ошарашенный и расстроенный, Симпсон вылетел обратно в штаб 9-й армии и по пути долго соображал, как все это преподнести подчиненным ему офицерам.

Приказ стоять на реке Эльбе практически совпал по времени со смертью президента Рузвельта. Оба события нанесли большой удар по моральному состоянию американской армии. Рузвельт умер 12 апреля, но новость об этом пришла в войска только на следующий день. Геббельс пребывал в экстазе. Вернувшись с участка фронта под Кюстрином, он сразу же позвонил Гитлеру. "Мой фюрер, я поздравляю вас! — произнес в трубку министр пропаганды. Рузвельт мертв. Звезды указывали на то, что вторая половина апреля будет для нас поворотным пунктом. Сегодня тринадцатое апреля. Это поворотный пункт!"[513]

Всего за несколько дней до этого события Геббельс прочитал Гитлеру отрывок из "Истории Фридриха II Прусского". Он явно желал вывести фюрера из депрессии. В книге был отрывок, посвященный тому, как терпящий поражение в Семилетней войне Фридрих Великий уже готовился принять яд. Но неожиданно пришло известие о смерти русской императрицы Елизаветы. После строчек о том, что "произошло чудо и спасло династию Бранденбургов", глаза Гитлера наполнились слезами. Геббельс не верил в астрологические прогнозы, но был готов испробовать все, чтобы поддержать ослабевший дух своего фюрера, внушить ему оптимистическое настроение. Стену бункера рейхсканцелярии теперь украшал огромный портрет Фридриха Великого, который сюда специально принесли ради фюрера. 14 апреля Гитлер издал приказ по войскам, в котором говорилось: "Теперь, когда с лица земли исчез один из величайших преступников всех времен, наступил решающий поворот во всей войне"[514].

С именем Фридриха Великого было связано еще одно событие, но Гитлер предпочитал умалчивать об этом. Во время ночного рейда авиация союзников разбомбила Потсдам. (В этом городе находилась одна из резиденций прусских королей. — Примеч. ред.) Один из членов гитлерюгенда, прятавшийся в подвале, с изумлением наблюдал, как рушится стена большого дома. Она напоминала ему поврежденный корабль, быстро уходящий под воду[515]. Бомбежка уничтожила большую часть старого города, включая гарнизонную церковь — духовное прибежище прусской военной касты и аристократии. Урсула фон Кардорф расплакалась прямо на улице, когда узнала об этой потере. Она записала в дневнике, что "вместе с церковью рухнул и весь мир"[516].

Однако лишь немногие немецкие офицеры были готовы в то время признать, что они также несут ответственность за все преступления режима, поскольку оказывали Гитлеру поддержку. Разговоры о чести германского офицера вряд ли могли вызвать симпатии даже у самых рассудительных противников вермахта. О какой чести можно было говорить, когда в освобожденных союзниками концлагерях открывались страшные картины преступлений гитлеровского режима? Того самого режима, за который и воевали немецкие офицеры

Глава четырнадцатая
Накануне сражения

Несмотря на все меры предосторожности и талант к маскировке, присущий советским бойцам, командование Красной Армии не могло рассчитывать, что его подготовка к наступлению на Берлин останется не замеченной для противника. 1-й Белорусский фронт Жукова и 1-й Украинский фронт Конева должны были начать атаку 16 апреля. 2-му Белорусскому фронту Рокоссовского, отстоявшему дальше на север, предстояло как можно скорее присоединиться к наступлению. Рокоссовский имел непростую задачу форсировать реку Одер в ее нижнем течении. Советские войска насчитывали два с половиной миллиона человек[517]. Всего для штурма Берлина было сосредоточено сорок одна тысяча шестьсот орудий и минометов, шесть тысяч двести пятьдесят танков и самоходных артиллерийских установок и привлечена авиация целых четырех воздушных армий. Командование Красной Армии достигло самой большой концентрации боевой мощи на одном направлении, которую когда-либо знала история.

14 апреля советские войска произвели разведку боем на кюстринском плацдарме. Она имела успех. Части 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова смогли продвинуться от двух до пяти километров и потеснить 20-ю моторизованную дивизию[518]. Гитлер был настолько разозлен происшедшим, что приказал сорвать все ордена и медали с военнослужащих этой дивизии, пока они не вернут обратно утраченную территорию.

Расширение плацдарма позволило советскому командованию перебросить на него дополнительные силы. В ту же ночь, под покровом темноты, через Одер стали переправляться бригады 1-й гвардейской танковой армии. Танки, орудия, загруженные снарядами "студебекеры", воинские колонны шли вперед беспрерывным потоком[519]. Женщины-регулировщицы отчаянно махали флажками, предупреждая танкистов, чтобы те не выезжали за границы белых разделительных полос. 7-е отделы политуправлений транслировали на немецкие окопы пропагандистские тексты, которые перемежались звуками музыки. Советская сторона надеялась, что музыка заглушит шум танковых моторов. Но немцы прекрасно понимали, что происходит.

Весь день 15 апреля советские разведчики наблюдали за немецкими позициями. Их зрение было напряжено до предела,

так что даже начинали слезиться глаза. Они высматривали — не придет ли на фронт новая германская часть либо произойдут какие-то перестановки в оборонительных линиях. В пойме Одера, на кочках, уже появились первые весенние цветы, однако в воде все еще плавали большие льдины. Они спускались вниз по реке вместе с ветками и сорной травой и натыкались на разрушенные опоры железнодорожного моста. Весь день в сосновом лесу на восточном берегу Одера сохранялась "таинственная тишина". Между тем под маскировочной сеткой и сломанными ветками скрывались тысячи боевых машин и орудий, готовых к бою.

На Нейсе, к югу от фронта Жукова, политическая работа среди военнослужащих 1-го Украинского фронта продолжалась до самого последнего момента перед наступлением. Активные члены комсомольских организаций обучали молодых солдат, как нужно обращаться с техникой. Они говорили им, что необходимо любить свой танк и стараться использовать на полную мощь его боевой потенциал[520]. Очевидно, что статья Александрова в передовых частях не обсуждалась. Политработники, как и прежде, призывали солдат к отмщению. Последним их лозунгом, относящимся к немцам, был следующий: "Прощения не будет. Они посеяли ветер, а теперь пожинают бурю"[521].

Командование 1-го Украинского фронта особо заботилось о поддержании в частях жесткой радиодисципликы. Даже войска НКВД использовали в своих переговорах старые коды и несуществующие позывные[522]. Ни одной из частей не позволили передавать информацию в эфире. Все их рации были настроены только на прием[523]. Меры по сохранности военной тайны стали поистине драконовскими, когда в ночь на 15 апреля в войска пришли новые коды, которыми предстояло пользоваться вплоть до конца мая 1945 года[524].

Несмотря на то что офицеры не имели права отдавать приказы ранее чем за три часа до атаки, представители СМЕРШа были сильно обеспокоены возможностью предательства. В последнюю минуту кто-либо мог совершить дезертирство и успеть предупредить врага о начале наступления. Смершевцы особо предупреждали всех политработников на фронте о необходимости проверки каждого человека и выявлении тех бойцов, которые кажутся подозрительными или "морально и политически нестойкими"[525]. Органы СМЕРШа арестовывали также и тех военнослужащих, которые негативно высказывались в отношении колхозов[526]. Были выставлены специальные кордоны, призванные задерживать возможных изменников, которые попытаются перебежать к противнику. Данные кордоны имели и другую задачу — воспрепятствовать захвату немцами

советских "языков". Однако все эти огромные усилия оказались тщетными. 15 апреля военнослужащий Красной Армии, захваченный в плен в районе Кюстрина, рассказал допрашивавшим его немецким офицерам, что наступление начнется ранним утром следующего дня.

Еще большее беспокоилось о возможном дезертирстве с фронта германское командование. Офицеры вермахта прекрасно понимали, что близость поражения, несомненно, увеличит поток немцев, покидающих боевые позиции при первом подвернувшемся случае. Командующий группой армий "Висла" генерал Хейнрици подписал приказ, по которому командирам частей предписывалось не оставлять в одном подразделении военнослужащих-земляков, поскольку солдат редко останавливал сослуживца-дезертира, если последний был родом из тех же, что и он сам, мест[527].

Один из офицеров охранного полка "Великая Германия" отмечал, что молодые солдаты его батальона не стремятся отдавать свои жизни за идеи национал-социализма. "Многие из них хотели, чтобы их побыстрее ранили и отправили в полевой госпиталь"[528]. Они продолжали выполнять свои обязанности только из страха быть приговоренными к смертной казни. Офицеры полка приходили в ужас от следующего факта. Прослушав трансляцию советской пропагандистской передачи, немцы вступали с красноармейцами в перекличку, спрашивая о деталях обращения в советском плену. Их интересовал вопрос: будут ли они посланы в Сибирь? Как русские обращаются с немецким гражданским населением на оккупированной германской территории?

Некоторые немецкие командиры из 4-й танковой армии отдали распоряжение конфисковать у подчиненных белые носовые платки. Это, по мнению офицеров, помешает солдатам использовать их в качестве сигнала для сдачи в плен. Немцы, задумавшие дезертирство, в некоторых случаях начинали копать траншею или ход сообщения в сторону от главных позиций — там их исчезновение было бы заметить тяжелее. Многие страстно желали скрыться на какое-то время в густом лесу и таким образом сдаться противнику вдали от глаз начальства. Это спасало семью военнослужащего от репрессий со стороны гестапо.

Командиры рот применяли все меры для того, чтобы повысить моральное состояние подчиненных. Некоторые использовали для этой цели информацию о смерти президента Рузвельта, распространившуюся в войсках вечером 14 апреля. Офицеры говорили, что теперь американские танки уже точно не

перейдут в наступление. Некоторые доходили до того, что сообщали солдатам о резко ухудшившихся отношениях между русскими и англо-американскими союзниками. Это, мол, означало, что западные державы теперь присоединятся к Германии и вместе с ней будут выбивать Красную Армию с оккупированных территорий. Резервисты из 391-й охранной дивизии рассказывали, как военнослужащие из дивизии СС "30 января" шли на лекцию, организованную для них по случаю смерти Рузвельта. Особое внимание нацистские пропагандисты уделяли связи между этим событием и чудом, которое спасло Фридриха Великого в середине XVIII столетия. Конечно, такая пропаганда не могла убедить даже самых доверчивых солдат. Однако они продолжали ожидать мощного контрнаступления, приуроченного ко дню рождения фюрера — 20 апреля. Ходили слухи, что именно в этот день германское командование наконец отдаст приказ о применении нового "чудо-оружия".

Обозленные военными неудачами офицеры не упускали возможности напомнить ветеранам боев на Восточном фронте о тех насилиях, которые там творились. По их мнению, русские будут еще более беспощадны, как только прорвутся к Берлину. "Ты не можешь себе представить, — писал старший лейтенант вермахта своей жене, — какая ненависть сейчас поднимается среди наших солдат. Мы готовы разорвать русских. Насильники наших женщин и детей должны испытать на себе всю силу нашего гнева. Невозможно себе представить, что эти звери творили. Мы все дали клятву, что каждый из нас должен убить по крайней мере десять большевиков. Да поможет нам Бог"[529].

Однако большинство молодых солдат и резервистов, недавно призванных на фронт, прежде всего хотели выжить. Сражаться за идею они уже не желали. Командир полка 303-й пехотной дивизии "Дёберитц" дал совет одному из своих батальонных командиров: "Мы должны удержать фронт любой ценой. И вы также несете за это персональную ответственность. Если увидите, что некоторые солдаты начинают покидать свои позиции, вы должны немедленно отдать приказ об их расстреле. Если вы уже не в силах будете справиться с потоком беглецов и ситуация станет безнадежной, тогда у вас останется один выбор застрелиться самому"[530].

Накануне наступления над Зееловскими высотами опустилась почти полная тишина[531]. Лишь изредка советская сторона открывала беспокоящий огонь из артиллерийских орудий и пулеметов. Германские солдаты, только что вышедшие с передовых позиций в ближайший тыл, чистили оружие, умывались, готовили пищу. Некоторые из них, если работала

полевая почта, писали письма на родину. Однако многие солдаты теперь просто не знали, по какому адресу отправлять корреспонденцию — их родственники либо уже находились на оккупированной территории, либо вовсе исчезли в неизвестном направлении.

Оберлейтенант Вуст послал подчиненных ему военнослужащих (недавних техников люфтваффе) к полевой кухне, которая располагалась в деревне сразу за второй линией траншей. Сам он остался в передовой траншее в компании с унтер-офицером из его роты. Они внимательно смотрели на пойму реки Одер и на советские линии укреплений, откуда в ближайшем будущем ожидалось русское наступление. Внезапно Вуст задрожал. Обернувшись к товарищу, он спросил: "Скажи, тебе тоже холодно?" "Нет, господин оберлейтенант, нам не холодно, ответил тот. — Мы просто боимся".

Тем временем в самом Берлине Мартин Борман рассылал последние распоряжения гауляйтерам. Он приказывал им быть стойкими и подавить в себе страх[532]. На улицах германской столицы немцы возводили импровизированные баррикады. Они переворачивали трамвайные вагоны, ставили их поперек путей и забивали битым кирпичом или щебенкой. Полным ходом шла мобилизация фольксштурма. Комплектов обмундирования хватало не для всех, поэтому некоторые фольксштурмовцы носили серо-голубые французские шлемы и даже униформу французской армии. Это были последние трофеи, оставшиеся после громких побед немецкой армии в 1940 и 1941 годах.

Гитлер не был одинок в проведении эпохальных параллелей между текущими событиями и Семилетней войной. В газете "Правда" также вышла статья, посвященная захвату русскими Берлина 9 октября 1760 года. Тогда в прусскую столицу вошел русский авангард, состоящий из пяти казачьих полков. Ключи от Берлина были переправлены в Санкт-Петербург и оставлены на вечное хранение в Казанском соборе. "Правда" призывала советских бойцов помнить это историческое событие и выполнить приказ Родины и товарища Сталина[533]. Символический ключ от ворот Берлина был теперь вручен командующему 8-й гвардейской армией генералу Чуйкову. Он служил напоминанием советским частям, что русские войска подходят к городу уже не в первый раз.

В войсках распространялись и более современные символы, призванные мобилизовать солдат на героические поступки. Каждой дивизии первого эшелона наступления были вручены красные знамена. Их предстояло водружать на самых значительных берлинских зданиях. Это являлось своего рода

"социалистическим соревнованием", которое было призвано еще больше повысить моральный дух красноармейцев и заставить их безоглядно жертвовать жизнями. Самая высокая честь выпадала на долю того соединения, которому посчастливится штурмовать сам рейхстаг — объект, выбранный Сталиным в качестве последнего прибежища "лживого фашистского зверя". В вечер перед наступлением в частях Красной Армии происходило то, что можно назвать массовым светским крещением. Более двух тысяч солдат и офицеров 1-го Белорусского фронта были приняты в ряды Коммунистической партии.

Советское командование не сомневалось, что ему удастся прорвать немецкую линию обороны, но оно продолжало опасаться, что англо-американские войска достигнут германской столицы первыми. Такая вероятность рассматривалась как наихудшее унижение. Берлин мог принадлежать только Красной Армии. Считалось, что она завоевала это право как своими победами, так и огромными жертвами. Командующие на фронте прекрасно понимали, с каким нетерпением Верховный (их непосредственный начальник) ожидает начала атаки. Однако генералы знали далеко не все. Они, например, не были осведомлены, в какое негодование пришел Сталин после прочтения одного непроверенного репортажа, появившегося в западной прессе. В нем говорилось о том, что передовые подразделения американских войск подошли к Берлину с запада уже 13 апреля. Однако затем они были отведены назад. Причиной такого отступления стал протест со стороны Москвы[534].

Из фронтового начальства в полном объеме замысел всей Берлинской операции знали только Жуков, Конев и их ближайшие помощники. Предусматривалось прежде всего окружить немецкую столицу. Подход к ней частей западных союзников в этом случае был бы надежно закрыт. Но даже командующие фронтами не ведали, какое внимание Сталин и Берия уделяли скорейшему захвату институтов, занимающихся ядерными исследованиями. Особое место в этой связи отводилось Институту физических исследований кайзера Вильгельма в Далеме.

Накануне наступления Сталин продолжал обманывать своих союзников. Генерал Дин подготовил донесение об очередной встрече с советским руководителем, предназначенное только "для глаз Эйзенхауэра". В конце достаточно долгого обсуждения проблем, связанных с предстоящим участием Советского Союза в войне на Дальнем Востоке против Японии, "Гарриман заметил, что немцы объявили о том, что русские готовятся возобновить наступление на Берлин в ближайшем будущем. Маршал [Сталин]

ответил, что действительно он собирается возобновить наступление. Но он не знает, насколько успешным оно будет. Однако главный удар будет произведен в направлении Дрездена, как он уже сообщал об этом Эйзенхауэру"[535].

Сталин не только обманывал своих союзников, он также скрывал нервозную обстановку, создавшуюся в советском руководстве. Между тем ни Гарриман, ни Дин не подозревали, что их обводят вокруг пальца. За день до этой встречи генерал Антонов докладывал членам Ставки о полученном от Эйзенхауэра послании, в котором речь шла о мерах по предотвращению боевых столкновений между частями западных союзников и Красной Армии. Прежде всего советский генеральный штаб интересовало, означает ли это какое-либо изменение относительно ранее согласованных зон оккупации Германии. Когда союзники ответили, что речь может идти только об изменениях тактического характера и никаких корректив в зоны оккупации вносить не предполагается, начальник генштаба попросил подтвердить это разъяснение самого Эйзенхауэра. Антонов также хотел убедиться, что после завершения тактических операций англо-американские силы будут отведены назад и освободят зону, предназначенную для оккупации советских войск. Такое подтверждение пришло от Эйзенхауэра 16 апреля.

Солдаты Красной Армии, собирающиеся завтра идти в атаку, считали для себя первой необходимостью побриться. Их внешний вид должен соответствовать облику победителей. Пока еще было светло, бойцы брили лица опасными бритвами — многим солдатам их заменяли осколки разбитого стекла. Лишь некоторые смогли заснуть. Как отмечал офицер из 3-й ударной армии, бойцы сочиняли письма домой[536].

Они укрывались шинелью и писали при помощи света карманного фонарика или зажигалки. В основном красноармейские письма были краткими и малоинформативными: "Привет с фронта", или что-то в этом роде. Солдаты писали, что они находятся уже недалеко от Берлина и ожидают большого сражения. В ближайшее время придет приказ о наступлении, и они двинутся вперед. Бойцы надеялись на скорую победу, но не знали, останутся ли они живы[537].

Некоторые солдаты писали послания отнюдь не своим женам или невестам, а тем женщинам, с которыми они познакомились заочно. Тысячи молодых женщин, работавших на предприятиях Урала или Сибири, связывались с военнослужащими по почте. Спустя некоторое время они обменивались фотографиями.

Однако в этой переписке секс не был главной движущей силой для солдат. Самым важным для них являлось то, что где-то далеко их ждет женщина. И это было единственным, что оставалось у них от нормальной жизни.

Сержант Василенко с 1-го Украинского фронта в своем письме привел строки песни, сочиненной на мотив известной всем "Землянки", той самой, где"…до смерти четыре шага":

Разгоняет коптилочка тьму,
Освещает мне путь для пера,
Мы с тобою близки по письму,
Мы с тобою как брат и сестра.
О тебе я на фронте грущу,
И тебя после дней боевых
Я в глубоком тылу разыщу,
Если только останусь в живых.
Ну, а если случится беда,
Если жизни сосчитаны дни,
Вспоминай обо мне иногда,
Добрым словом меня вспомяни.
Ну, пока до свиданья. Пора
Мне на немца в атаку идти,
Я хочу даже в крике "Ура!"
Твое имя вперед пронести[538].

"Жди меня" — еще одна из самых популярных песен войны — родилась на основе знаменитого стихотворения Константина Симонова, написанного в 1942 году. Симонов обращался в нем к суеверным чувствам солдат. Считалось, что если подруга останется верной и не изменит бойцу, находящемуся на фронте, то он останется в живых. Это стихотворение было разрешено к публикации лишь потому, что оно, по мнению партийного и литературного начальства, усиливало у солдат чувство патриотизма. Многие военнослужащие постоянно хранили в левом нагрудном кармане гимнастерки маленький клочок бумаги со словами "жди меня". Они шептали их, словно молитву, перед боем.

Песня "Синий платочек" также была посвящена верности и любви, женщине, прощающейся с солдатом, уходящим на фронт. Она была настолько популярна в войсках, что многие солдаты, идя в атаку, выкрикивали название песни после официальных лозунгов: "За Родину, за Сталина, за синий платочек!!!"

Большое число комсомольцев носило с собой фотографию Зои Космодемьянской и газетную вырезку со статьей о ее подвиге. Немцы пытали и казнили юную партизанку, комсомолку Зою Космодемьянскую[539]. Теперь же советские солдаты называли ее

именем свои танки и самолеты.

Однако некоторые произведения советских поэтов ждала другая судьба. Так, одно из стихотворений Константина Симонова было отнесено к разряду "случайных", "вульгарных" и "вредных в морально-политическом плане". По иронии оно носило название "Лирическое"[540]:

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война…
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали — милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.
А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Однако большинству советских официальных лиц не нравились песни про женскую верность. Дело в том, что эти ярые борцы за мораль были обескуражены случаями, когда солдаты вульгарно переделывали слова официальной версии той или иной песни. Так, выбивающая слезу "Темная ночь" — песня о жене солдата, сидящей возле кроватки с ребенком и "тайком" вытирающей слезу, была переделана в песню, где жена принимает "тайком стрептоцид". Во время войны этим лекарством лечили венерические заболевания.

Официальные патриотические песни никогда не имели среди бойцов большой популярности. Единственное исключение составляет "Песня артиллеристов", которая прозвучала в фильме "В шесть часов вечера после войны". Фильм попал на фронт как раз накануне битвы за Берлин. Он был посвящен артиллерийскому офицеру, который остался в живых и встретился со своей любимой в Москве во время празднования Дня Победы. И хотя этот фильм, с одной стороны, благотворно воздействовал на морально-политическое состояние военнослужащих, с другой — он никак не мог избавить их от страха быть убитыми в самом конце войны, когда победа уже так близка.

В некоторых песнях, так же, как и в упомянутом фильме, речь

шла уже о послевоенном времени — о том, что ждет солдата после окончания боев. Среди военнослужащих 4-й гвардейской танковой армии была распространена песня на мотив широко известной "Давай закурим", но только с другими словами. В новом варианте фронтового хита говорилось о том, что скоро все они вернутся домой и там их встретят любимые женщины. Для них будут светить звезды Урала, и когда-нибудь они вспомнят о минувших боях. Они вспомнят Каменец-Подольский и голубые Карпатские горы, грохот танков, Львов, поля за Вислой. Эти дни не забудутся, о них они будут рассказывать своим детям. Когда-нибудь они вспомнят…[541]

Бойцы Красной Армии страстно желали побыстрее закончить войну. Но чем ближе был ее конец, тем сильнее становилось их желание остаться в живых. И еще они хотели вернуться домой с медалью. Награды позволяли солдату иметь совершенно иное положение в обществе и особенно в своей собственной семье. Однако была одна вещь, которой военнослужащие боялись больше смерти, больше страха быть убитыми в самые последние часы войны. Они боялись остаться покалеченными, потерять ноги или руки. Ветеранов-инвалидов называли еще "самоварами"; к ним относились как к людям отверженным.

После захода солнца, вечером 15 апреля, начальник политуправления 47-й армии полковник Калашник приказал капитану Владимиру Галлу и молодому лейтенанту Конраду Вольфу отправиться на передовую линию. У них был приказ подготовиться к допросам первых пленных после начала наступления. Кони Вольф, немец по национальности, являлся сыном известного драматурга, коммуниста Фридриха Вольфа, эмигрировавшего в Москву еще в 1933 году, когда к власти в Германии пришли нацисты. Кстати говоря, старший брат Кони Вольфа, Миша, стал в годы "холодной войны" пресловутым Маркусом Вольфом — главой восточногерманского шпионажа.

Когда два друга, вооруженные лишь пистолетами, достигли берега Одера, уже почти стемнело. Они обнаружили, что вокруг них находится огромное количество людей и военной техники. Повсюду проглядывали силуэты замаскированных танков. Было ясно, что огромные силы изготовились к наступлению. Все выглядело так, словно советская сторона натянула огромную пружину и была готова ее спустить[542].

Саперные подразделения уже занимались своей опасной работой. Они разминировали нейтральную полосу. Капитан Шота Сулханишвили из 3-й ударной армии вспоминал, что все стрелковые части были предупреждены о ведущихся работах по снятию минного заграждения[543]. Однако эксцессов избежать не

удалось. Заснувший на посту солдат спутал с немцем возвращавшегося с боевого задания сапера. Очнувшись от внезапного шороха, он, не долго думая, бросил в него гранату. Сулханишвили был взбешен. Он избил несчастного стрелка почти до полусмерти. Для него каждый подчиненный ему сапер был на вес золота.

Те из советских солдат, которые уже приобрели наручные часы, все время поглядывали на циферблат. Они страстно желали знать только одно — сколько времени осталось до начала атаки. Зажигать какой-либо свет в траншеях категорически запрещалось. Но мысли военнослужащих крутились только вокруг предстоящего наступления.

Глава пятнадцатая
Жуков на Райтвайн-Шпуре

Наилучший обзор поймы Одера и немецких укреплений на Зееловских высотах имелся в районе Райтвайн-Шпура — на наблюдательном пункте 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова. Чуйков был не особенно рад, когда узнал, что Жуков желает прибыть к нему и вместе с ним следить за артиллерийской подготовкой и началом атаки. Генерал приказал капитану Мережко, своему штабному офицеру, который находился вместе с ним еще со Сталинграда, отправиться в тыл, встретить там маршала и переправить его вместе со всей свитой через Одер.

Чуйков пришел в еще большее неудовольствие, когда увидел конвой автомашин, сопровождавший Жукова. Свет их фар, несомненно, был виден на очень большом расстоянии. Предубеждение против Жукова появилось у Чуйкова, по всей вероятности, еще зимой 1942/43 годов. Ему казалось, что его 62-й армии, героически оборонявшей Сталинград, было уделено недостаточно много внимания, тогда как роль самого Жукова в тех событиях необоснованно завышена. В дополнение к этому Чуйков был чрезвычайно обижен замечанием маршала, будто он, Чуйков, слишком много времени потратил на взятие Познани. Сам Чуйков также раздражал Жукова. Командующему 1-м Белорусским фронтом не нравились его комментарии по поводу того, что Берлин можно было взять еще в феврале.

Прямо перед взором Чуйкова простирались советские траншеи. Было слышно, как в них позвякивают солдатские котелки. Перед атакой бойцов сытно кормили горячей нищей. На самом передовом рубеже солдаты уже прикладывали губы к фляжкам с водкой. Телефоны, расположенные на наблюдательном пункте, звонили не переставая. Связные то появлялись, то исчезали вновь.

Прибыл Жуков. В его свиту входили генерал Казаков, командующий артиллерией, и генерал Телегин, начальник политуправления фронта[544]. Они прошли по тропинке, ведущей мимо отрога, и спустились в бункер, построенный армейскими инженерами под основанием небольшого утеса Наблюдательный пункт находился наверху. "Часовые стрелки как никогда медленно двигались по кругу, — вспоминал Жуков. — Чтобы как-то заполнить оставшиеся минуты, мы решили выпить горячего крепкого чая, который тут же, в землянке, приготовила нам

девушка. Помнится, что ее почему-то звали нерусским именем Марго. Пили чай молча, каждый был занят своими мыслями"[545].

В распоряжении генерала Казакова имелось восемь тысяч девятьсот восемьдесят три артиллерийских орудия. На направлении главных ударов было сосредоточено двести семьдесят орудийных стволов на один километр фронта, включая 152- и 203-миллиметровые гаубицы, тяжелые минометы и дивизионы реактивной артиллерии. 1-й Белорусский фронт имел на своих складах более семи миллионов снарядов, из которых миллион двести тридцать шесть тысяч было выпущено в первый день наступления. Подавляющее превосходство советских войск в личном составе и вооружении стало причиной недооценки Жуковым предстоящего сопротивления противника.

Обычно маршал еще до начала атаки лично осматривал участок будущего наступления. Однако на этот раз, в основном из-за того, что его постоянно теребил Сталин, Жуков решил положиться на данные, полученные в ходе авиаразведки. Теперь же командующий фронтом с тревогой замечал, что фотографии района атаки, сделанные с воздуха, совершенно не передают всех сложностей рельефа местности. И действительно, ему было от чего волноваться. Немецкие укрепления, расположенные на Зееловских высотах, занимали господствующее положение по отношению к советскому плацдарму.

Еще во время подготовки к наступлению у Жукова возникла идея ослепить обороняющегося противника. Для этой цели к передовым позициям подтянули сто сорок три зенитных прожектора, которые должны были включиться в момент перехода в атаку советской пехоты.

За три минуты до начала артиллерийской подготовки маршал и его генералы поднялись по тропинке к замаскированному наблюдательному пункту. Пойму реки Одер покрыл предрассветный туман. Жуков посмотрел на часы: было ровно 5 часов утра по московскому времени, или 3 часа — по берлинскому.

"И тотчас же, — вспоминал маршал, — от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных "катюш" ярко озарилась вся местность". История войны еще не знала столь интенсивной артподготовки. Артиллеристы генерала Казакова работали в бешеном темпе[546]. Командир одной из батарей 3-й ударной армии вспоминал, что повсюду стоял ужасный грохот. Казалось бы, артиллеристы должны были привыкнуть к подобной какофонии. Но на этот раз ему просто хотелось заткнуть чем-либо уши. Он чувствовал, что его барабанные перепонки буквально разрываются. Номера орудийных расчетов помнили о

необходимости держать рты постоянно открытыми, иначе артиллеристы просто могли бы лишиться слуха.

При первых разрывах некоторые немецкие новобранцы подумали, что русские завели свой обычный "утренний концерт". Однако фронтовики, имевшие опыт боев на Восточном фронте, быстро смекнули, что на сей раз речь идет о начале большого наступления. Унтер-офицеры немедленно стали отдавать необходимые приказы: "Тревога! Всем занять свои места!"[547] Оставшиеся в живых впоследствии вспоминали, как внутри у них все похолодело, а рты моментально пересохли. "Началось", — шептали они про себя.

Те из немцев, кто находился в передовых траншеях, попали в своего рода ловушку. Выжить в ней удалось лишь немногим. Счастливчики описывали впоследствии все пережитое ими примерно в следующих выражениях: "ад", "чертов ад" или "землетрясение". Многие сразу же потеряли способность воспринимать окружающую действительность. "Спустя всего несколько секунд после начала огня, — вспоминал военнослужащий 27-го парашютного полка Герд Вагнер, — десять моих товарищей были уже убиты"[548]. Сам Вагнер на какое-то время потерял сознание. Когда он очнулся, то обнаружил, что ранен и лежит на дне дымящейся воронки от снаряда. Тем не менее Вагнер смог встать и направиться в сторону второй линии траншей. Артиллерийский огонь пронесся по траншеям, словно смерч, похоронив под собой и убитых, и раненых. Их тела до сих пор находят в земле — на месте, где раньше проходила оборона.

Даже те немцы, которые находились в ближайшем тылу, хорошо ощущали, как дрожит под ними земля. Офицеры внимательно следили за тем, что происходит впереди. Командир 502-го тяжелого танкового батальона, наблюдавший за боем из башни "тигра", вспоминал, что "все небо на востоке, насколько хватало видимости, было залито пламенем"[549]. Другой свидетель отмечал "горящие дома, фермы, пелену дыма, простиравшуюся до самого горизонта"[550]. Один из офицеров штаба смог только пробормотать: "Боже, упокой душу этих ребят"[551].

Радужные дни германской армии (когда "война есть война, и шнапс есть шнапс") канули в Лету. Выжившие в страшном огне если и не были полностью дезориентированы, то испытали сильнейшее эмоциональное и психологическое потрясение. Внимание немецкого военного корреспондента, прикрепленного к пропагандистской роте СС, привлекла группа солдат вермахта. Потрясенные вражеским огнем, они бросили оружие и теперь бесцельно блуждали по лесу. Это было первое впечатление

корреспондента, полученное им на фронте. До того он служил на Западе, "брея офицеров в Париже"[552].

Несмотря на то что советские снаряды перепахали буквально каждый квадратный метр земли на фронте перед Зееловскими высотами, потери германских войск оказались не такими высокими, как это можно было ожидать. Генерал Хейнрици, получивший информацию о времени начала советского наступления (от захваченного в плен в районе Кюстрина советского солдата), приказал отвести большую часть сил 9-й армии на вторую линию траншей. Однако южнее Франкфурта-на-Одере, в полосе наступления советской 33-й армии, многие обороняющиеся части оказались отданными на заклание. На передовые позиции дивизии СС "30 января" были посланы фольксштурмовцы и подразделения, состоявшие из венгров. Позднее оберштурмфюрер Гельмут Шварц вспоминал, что "главное командование использовало этих людей в качестве пушечного мяса"[553]. Оно хотело тем самым спасти от уничтожения регулярные войска. Большинство фольксштурмовцев являлись ветеранами еще Первой мировой войны. У многих из них не было не только униформы, но и оружия.

Жуков был так обрадован отсутствием сопротивления со стороны передовых немецких частей, что преждевременно уверил себя в коллапсе всей германской обороны. "Казалось, на стороне врага не осталось живого существа, вспоминал позднее маршал. — В течение тридцатиминутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела"[554]. Жуков отдал приказ начать общую атаку. "В воздух взвились тысячи разноцветных ракет". По этому сигналу вспыхнули сто сорок три прожектора, расположенные через каждые двести метров.

Советский полковник, командир саперной части, вечером того же дня писал домой, что все пространство вплоть до горизонта осветилось ярким светом[555]. Ночь превратилась в день. На германской стороне все было покрыто густым смогом. Виднелись лишь толстые фонтаны артиллерийских разрывов, которые поднимали в небо тонны земли и бревен. Огромные стаи птиц, напуганные происходящим, беспомощно кружили над районом обстрела. Ничего не было слышно, кроме постоянного гула и громыхания от разрывов. Полковнику пришлось закрыть уши руками, чтобы не повредились барабанные перепонки. Через некоторое время завелись моторы танков. Еще через мгновение со всех сторон донесся мощный крик: "На Берлин!"

Некоторые германские солдаты, очевидно, не в меру

наслушавшись рассказов о "чудо-оружии", приняли свет ослеплявших их прожекторов за новейшее советское средство ведения вооруженной борьбы. Многие красноармейцы, видимо, предположили, что свет исходит от заградительных отрядов, стоявших за их спиной. Капитан Сулханишвили из 3-й ударной армии вспоминал, что прожектора светили настолько ярко, что обернуться назад оказалось практически невозможно. Можно было двигаться и смотреть только вперед[556]. Тем не менее следует признать, что это "изобретение" Жукова, которым он так гордился, больше дезориентировало самих атакующих, чем обороняющихся. Дело в том, что свет отражался от густого дыма и пыли, поднятой артиллерийскими разрывами. Командиры передовых подразделений были вынуждены посылать назад связных с заданием выключить прожектора на их участке. Затем следовал контрприказ — снова включить их. Все это способствовало неразберихе среди советских солдат.

Однако применение прожекторов стало не главной ошибкой Жукова. Интенсивный огонь по передовым позициям противника пришелся в основном по пустому месту. Жуков не признал этого обстоятельства в своих мемуарах, равно как и того факта, что был неприятно удивлен силой германского сопротивления во время продвижения советских частей в глубину обороны противника. Без сомнения, он находился в то время в крайне раздраженном состоянии. Оно еще более усиливалось воспоминаниями о последнем совещании перед началом операции, на котором некоторые старшие офицеры предлагали сконцентрировать огонь именно на второй оборонительной полосе[557].

Удар с главного плацдарма в районе Кюстрина нанесли 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова с левого фланга и 5-я ударная армия генерала Берзарина — с правого. Еще за четыре дня до начала наступления Жуков испросил разрешения Сталина несколько изменить план операции. Теперь 1-я гвардейская танковая армия Катукова должна была действовать в полосе армии Чуйкова. Вместе им предстояло пробить путь к южным окраинам Берлина. Севернее участка армии Берзарина располагались боевые порядки 2-й гвардейской танковой армии, 3-й ударной и 47-й армий.

На самом крайнем правом фланге Жукова располагались 1-я армия Войска Польского и 61-я армия. Им еще предстояло захватить плацдармы на Одере, и стало ясно, что делать это придется под плотным огнем противника. Передовые батальоны были посажены в автомобили-амфибии (американские DUKW), управление которыми осуществлялось женским персоналом. Однако большей части подразделений пришлось осуществлять

переправу на обычных лодках. Потери советских войск в этой операции были чрезвычайно велики. Лодки давали течь, и многие из них утонули — "планируемые потери"[558]. Германское сопротивление здесь также было исключительно ожесточенным. Во время форсирования Одера одним из батальонов 12-й гвардейской стрелковой дивизии только восемь человек смогли добраться до западного берега реки. Не обошлось и без элементов паники. Это видно из отчетов вышестоящему начальству, в которых, в частности, говорилось, что во время переправы некоторые политработники "проявили нерешительность". Смысл этой закодированной фразы в том, что этим политрукам следовало бы более активно использовать в своей пропаганде личное оружие.

На крайнем левом фланге Жукова действовали 33-я и 69-я армии. Им предстояло со своих плацдармов к югу и к северу от Франкфурта-на-Одере продвинуться вперед и окружить город вместе со всем его гарнизоном.

Взметнувшиеся в небо разноцветные ракеты означали начало атаки советской пехоты. Стрелки встали в полный рост из своих окопов и побежали вперед. Маршал Жуков, наименее сентиментальный из советских полководцев, послал пехоту прямо на минные поля. Тем самым стрелковые части расчищали дорогу для следующей за ними танковой армии. Один из советских капитанов вспоминал, насколько ужасным было видеть зрелище подорванного на противотанковой мине человека[559].

Первоначально наступление 8-й гвардейской армии развивалось достаточно успешно. Войска были воодушевлены отсутствием сколько-нибудь значительного сопротивления. Над их головами постоянно проносились сотни штурмовиков 16-й воздушной армии, которые обрабатывали передовые рубежи противника. Чуть выше летели полки тяжелой бомбардировочной авиации 18-й воздушной армии, наносившие удары в глубине вражеской обороны. В течение первых суток сражения в полосе 1-го Белорусского фронта было проведено шесть с половиной тысяч самолето-вылетов. Однако следует признать, что видимость при бомбометании была достаточно плохой. Цели скрывались за плотной пеленой дыма от разрывов снарядов и туманом, исходящим от реки. В результате урон, нанесенный вражеской обороне авиацией, был сравнительно небольшой. К несчастью для германской 9-й армии, и так испытывавшей огромную нехватку в средствах ведения вооруженной борьбы, один из воздушных ударов пришелся как раз по основному складу боеприпасов. Все запасы снарядов, находившиеся на складе в Альт-Цешдорфе, к западу от Лебуса, были уничтожены.

В самом уязвимом положении находились те немецкие части, которые оказались во время бомбежки не в траншеях, а на открытом пространстве. Так, рота фольксштурма под командованием Ериха Шредера (сорокалетнего немца, призванного всего десять дней назад) в 7 часов утра получила приказ срочно погрузиться на автомобили и как можно быстрее выдвинуться в сторону линии фронта[560]. Воздушный налет застал их врасплох, и у них не было времени хоть как-то окопаться. Шредер услышал два почти одновременных взрыва от авиабомбы. Один из осколков оторвал ему большой палец на ноге, второй впился в икру на ноге, а третий — застрял в пояснице. Оставаться на месте было нельзя, и он попытался встать, чтобы найти укрытие. Большинство автомобилей, которые только что выгрузили роту фольксштурма, оказались подбиты и горели. В них рвались остававшиеся фаустпатроны. По всей вероятности, Шредера обнаружили и положили в одну из неповрежденных машин. Он был переправлен на перевязочный пункт на станции Фюрстенвальде. Однако новый налет советской авиации, произведенный той же ночью, до основания уничтожил здание, в котором располагался этот пункт. Лишь благодаря счастливой случайности уцелел подвал, где на тот момент находились раненые.

Огневая подготовка перед наступлением и свет прожекторов вызвали панику среди многих немецких новобранцев. Открыть огонь по противнику оказались готовы лишь достаточно опытные солдаты. Но проблема состояла в том, что им не так-то легко было обнаружить цели для поражения. Советские войска двигались вперед в пелене речного тумана и дыма от разрывов снарядов и авиабомб. Обороняющиеся уже слышали, как русские что-то кричат друг другу, подбираясь все ближе к окопам, но сами фигуры атакующих оставались еще вне поля зрения. Вслед за криками людей до слуха германских солдат донеслись звуки напряженно работающих танковых моторов. Несмотря на широкие гусеницы, танкам Т-34 было совсем не просто преодолевать участок пространства, расположенный в пойме реки. Практически они двигались по глубокой грязи, наполовину перемешанной с водой. Оставшиеся в живых немцы бросали оружие и бежали с передовых позиций в ближайший тыл. По пути они кричали: "Иван уже здесь!" Один молодой германский солдат, со всех ног стремившийся побыстрее добраться до второй линии траншей, вдруг увидел, что прямо перед ним бежит еще один человек. Он окликнул попутчика. Но, когда тот обернулся, оказалось, что это красноармеец. Они отскочили друг от друга и начали стрелять. К удивлению самого немецкого юноши, он убил

русского.

Земля была настолько перепахана снарядами, что советские артиллеристы оказались не в состоянии поспевать вслед за наступающей пехотой. Отставали и автомобили реактивной артиллерии. Тем не менее военнослужащие гвардейских минометных частей с большим удовлетворением наблюдали за первыми немецкими военнопленными, идущими им навстречу. Германские солдаты с неподдельным интересом смотрели на знаменитые "катюши", боевая работа которых вызывала столько страха в их рядах.

Немецкие пленные могли видеть также огромные колонны советской техники, ожидающие, пока войска 8-й гвардейской армии Чуйкова и 5-й ударной армии Берзарина откроют им путь на запад. Однако продвижение вперед в этот день было очень незначительным. На своем наблюдательном посту Жуков начал терять терпение. Он подгонял командиров, угрожал, что снимет их с должности и отправит в штрафную роту. Досталось и генералу Чуйкову. Его части застряли в болоте перед немецкими позициями, находящимися на возвышенности.

К обеду Жуков решил внести изменения в план операции. Несомненно, это было сделано после очередного телефонного разговора со Сталиным. Первоначально предполагалось, что танковые армии будут вводиться в сражение только после того, как пехота прорвет вражеские укрепления и достигнет Зееловских высот. Но ждать дальше Жуков больше не мог. Чуйков попытался отговорить маршала от преждевременного использования танковых соединений, предвидя, какой хаос они внесут в наступательные порядки стрелковых подразделений. Но Жуков был непреклонен. В 3 часа дня он позвонил Сталину и доложил ему обстановку. Верховный, выслушав доклад командующего, заключил, что тот явно недооценил силу противника на берлинском направлении[561]. Сталин предполагал, что Жуков уже на подходе к Берлину, но войска 1-го Белорусского фронта еще не взяли Зееловские высоты. Верховный был недоволен, но Жуков прекрасно знал, что все зависит от конечного результата.

Во второй половине дня 1-я гвардейская танковая армия Катукова получила приказ нанести удар в направлении Зееловских высот, тогда как 2-я гвардейская танковая армия Богданова — на участке Нойгарденберга. Преждевременный ввод в сражение танковых соединений означал, в частности, и то, что стрелковым войскам не следует ожидать бесперебойной артиллерийской поддержки. Состояние почвы после прохода танков было таково, что многие батареи не могли сдвинуться с места. Как и предвидел Чуйков, возник хаос. На плацдарме

скопилось слишком уж много единиц боевой техники. Направить их потоки в нужном направлении было поистине кошмарным занятием для девушек-регулировщиц.

На правом фланге, где наступала армия Богданова, советские танкисты столкнулись с огневым противодействием 88-миллиметровых орудий. Много хлопот им доставляли контратаки небольших групп противника в районе Нойгарденберга. Немецкие пехотинцы широко использовали фаустпатроны. Взвод штурмовых орудий из 111-й учебной бригады, возглавляемый вахмистром Гернертом, вступил в огневое противоборство с большим количеством советских танков в районе Нойтреббина. Только боевой машиной, которой командовал сам Гернерт, в том бою было подбито семь советских танков. На следующий день его личный счет сожженных вражеских танков достиг сорока четырех. Командир взвода был награжден рыцарским крестом. В приказе, подписанном генералом Хейнрици, говорилось, что "его мужество и тактически грамотное руководство стабилизировали обстановку на фланге бригады"[562]. Но к тому моменту, когда данный документ появился на свет, 28 апреля, эта учебная бригада, да и вся 9-я армия уже перестали существовать как боеспособные единицы.

В конце концов передовые советские танковые соединения достигли подножия Зееловских высот и начали постепенное восхождение. Моторы ревели от перенапряжения. В некоторых местах угол подъема оказался настолько крутым, что командиры танковых экипажей были вынуждены искать обходной путь. Зачастую он приводил их прямо к укрепленному пункту противника.

Наступавшая на левом фланге бригада танковой армии Катукова получила самый болезненный удар юго-восточнее Зеелова, во время движения по дороге Долгелин — Фридерсдорф. Бронированные машины обстрелял 502-й тяжелый танковый батальон СС, на вооружении которого состояли танки "тигр". Передовые советские подразделения понесли серьезные потери и были вынуждены искать укрытия.

Тем временем 9-я парашютная дивизия, находившаяся в центре фронта между Зееловом и Нойгарденбергом, — оказалась буквально раздавлена советским ударом. Как только началась огневая подготовка, командный пункт 27-го парашютного полка был перемещен из поместья в Шлосс-Гузове в бункер, расположенный в близлежащем лесу. Для поддержания связи с другими службами на прежнем месте был оставлен капитан Финклер. Дым от разрывов не давал ему возможности точно представить, что на самом деле происходит впереди. Однако

вскоре картина прояснилась. Стало ясно, что полк разгромлен. С передовой позиции в тыл бежали молодые солдаты люфтваффе. По пути они бросали свое оружие. В тот же момент появился лейтенант, который сказал, что русские уже на краю деревни. Командир полка полковник Менке приказал немедленно организовать контратаку. Финклеру удалось собрать вокруг себя человек десять штабных работников и повести их прямо навстречу противнику. Почти все они были убиты. Самому Финклеру и лейтенанту удалось спрятаться под подбитым немецким танком.

На командном пункте обороны Берлина на Гогенцоллерндамм полковник Рефиор, начальник штаба генерала Реймана, был "отнюдь не удивлен", когда ранним утром его разбудило "эхо канонады, доносящееся с востока"[563]. Интенсивность огневой подготовки была настолько высокой, что восточные окраины германской столицы, находившиеся в шестидесяти километрах от линии фронта, потряхивало, точно от небольшого землетрясения. Стены домов дрожали, картины падали на пол, а телефоны начинали непроизвольно звонить. Люди на улицах приглушенно обращались друг к другу — "началось". Ни у кого не было иллюзий по поводу того, что на самом деле происходит. Этим серым утром они внимательно прислушивались к звукам доносящейся канонады[564]. Самым волнующим для берлинцев был вопрос: спасут ли их теперь американцы — смогут ли они достигнуть немецкой столицы раньше, чем русские?

Громкие заявления ответственных лиц о том, что фронт на Одере будет стоять непоколебимо, вызывали у берлинцев большое недоверие. Они входили в противоречие с активным строительством оборонительных укреплений в самом городе. Геббельс произнес пламенную, но малоубедительную речь. В ней говорилось, что орды монголов разобьются о стену, построенную защитниками рейха. Однако наиболее насущной проблемой, стоящей перед горожанами, было запастись как можно большим количеством еды на случай осады столицы. Очереди к продовольственным магазинам и булочным становились все длиннее и длиннее.

К счастью, в столичном округе нашлись здравые головы, которые поспешили эвакуировать детские лечебные заведения. Так, детская клиника при госпитале в Потсдаме была спешно переправлена в западном направлении. Сам потсдамский госпиталь подвергся жестокому налету союзной авиации еще в ночь на 14 апреля. К несчастью, одна из бомб поразила эшелон с боеприпасами, стоявший на ближайшей станции. Все это еще более усилило разрушения. В тот день больных и раненых детей

положили на повозки и повезли в больницу Красного Креста, расположенную во дворце Цецилиенхоф. Престарелый кронпринц покинул Потсдам еще несколько недель назад. Но несколько его адъютантов, принадлежавших к офицерскому корпусу старой прусской армии, продолжали прятаться в подвалах дворца. Они не догадывались, что Потсдам находится в том районе страны, который после войны должен отойти к зоне оккупации советских войск.

Утром 16 апреля медсестры получили распоряжение двигаться со своими несчастными детьми дальше. Их путь лежал на юго-запад — в Хайльштеттен, что близ Беелитца. Почти все берлинские госпитали, включая Шарите, Августе-Виктория и клинику Роберта Коха, были эвакуированы сюда и размещены в закамуфлированных каменных бараках. Комплекс находящихся здесь построек стал использоваться в качестве госпиталя еще со времен Первой мировой войны. В 1916 году здесь после полученного на фронте ранения лечился и Гитлер. Однако дети и тут не были в полной безопасности. Как только их выгрузили из автобусов, послышался громкий крик: "Внимание! Воздух!" В небе появился антикварный советский биплан По-2, прозванный немцами "кофемолкой". Пролетая на высоте чуть выше деревьев, он открыл огонь из пулемета.

В подземном бункере Цоссена телефоны звонили беспрестанно. Утомленный генерал Кребс в тот день осушил не одну рюмку вермута из бутылки, стоявшей в его сейфе. Поскольку удары советской артиллерии и авиации прервали связь с командными пунктами многих соединений, то приходилось поддерживать связь со штабами подчиненных им частей. Одновременно увеличилось число звонков из различных министерств и от генерала Бургдорфа из рейхсканцелярии. Все требовали предоставить им самую последнюю информацию. Однако мысли штабных офицеров были прикованы к развитию ситуации на фронте.

На совещании в 11 часов утра прозвучало несколько вопросов, касающихся возможных планов эвакуации. Всем было понятно, что месторасположение Цоссена, к югу от Берлина, является чрезвычайно уязвимым. Оно может подвергнуться внезапной атаке сил 1-го Украинского фронта, только что перешедшего в наступление с фронта на реке Нейсе. Было сделано также одно или два осторожных замечания, что, по мнению фюрера, Берлин — это не основная цель русских, они всего-навсего осуществляют обманный маневр. Главное для Красной Армии — Прага. К ужасу генерала Хейнрици, Гитлер даже приказал передать под командование недавно

произведенного в фельдмаршалы Шёрнера три танковые дивизии.

Командующему 9-й армией генералу Буссе как никогда требовались эти три дивизии. Они могли составить костяк резерва, предназначенного для проведения контратаки. Три его корпуса — 101-й армейский корпус на левом фланге, 56-й танковый корпус генерала Вейдлинга в центре и 11-й танковый корпус СС на правом фланге — испытывали огромный недостаток в бронированных машинах. Они были лишены маневра и могли держать оборону лишь до тех пор, пока фронт не будет прорван в каком-либо месте.

К югу от Франкфурта-на-Одере находился 5-й горный корпус СС. Он занимал оборону в полосе между клиньями двух главных советских ударов. Несмотря на то что этот корпус также был атакован частями советской 69-й армии, он смог устоять и сохранить за собой оборонительные позиции.

В пойме Одера и на Зееловских высотах сражение по-прежнему развивалось с хаотической непоследовательностью. Из-за плохой видимости большую часть потерь стороны несли в процессе ближнего боя. Один из ветеранов охранного полка СС "Великая Германия" вспоминал позднее, что близлежащее болото было "даже не полем боя, а какой-то бойней"[565].

Офицер советской саперной части Петр Себелев рассказал в письме на родину о своих впечатлениях, полученных в первый день наступления. Он с товарищами пробирался по полю, которое было до неузнаваемости перерыто воронками от снарядов. Повсюду валялось разбитое немецкое оружие, автомашины, подбитые танки и много трупов. Советские команды собирали погибших и относили их к местам захоронения. Погода была пасмурной, накрапывал дождь. Время от времени над головами военнослужащих в сторону немецких позиций пролетали штурмовики. Как писал Себелев, многие немцы уже сдавались в плен. Они не хотели продолжать воевать и отдавать свои жизни за Гитлера[566].

Другой советский офицер, капитан Клочков, описывал увиденную им картину в еще более восторженных тонах. Весь участок наступления 3-й ударной армии, по его словам, был завален трупами убитых немецких солдат[567]. Однако Клочков добавлял, что, к удивлению советских бойцов, некоторые — казалось бы, погибшие германские военнослужащие, — неожиданно поднимались на ноги, вылезали из траншей и поднимали руки вверх.

И все же такие описания немецких потерь кажутся сегодня преувеличенными. На самом деле 1-й Белорусский фронт потерял почти в три раза больше человек, чем германские войска[568].

Реалии первого дня наступления выявили множество недоработок советского командования. Плохая организация операции обнаружилась и в войсках 5-й ударной армии[569]. Части не соблюдали радиодисциплину. Линии коммуникаций постоянно прерывались, так что командиры подразделений порой не знали, что происходит у них впереди, и соответственно докладывали неправильную обстановку. Положение осложнял и явный излишек кодовых сигналов. Штабы просто не имели возможности вовремя дешифровать все поступавшие сообщения. В результате информация, по которой необходимо было принять самые срочные меры, запаздывала. Более того, армейским командирам нередко предписывалось занять те населенные пункты, которые находились слишком далеко от их передовых частей. Сейчас трудно сказать, что послужило основной причиной отдачи подобных приказов — общая неразбериха либо непрекращающееся давление со стороны вышестоящего начальства.

Все начиналось с Жукова, который на чем свет поносил командующих соединениями. Те, в свою очередь, обрушивались с руганью на подчиненных им командиров частей. Такая практика управления была обычной для Красной Армии. Несладко пришлось командиру 26-го гвардейского стрелкового корпуса. Он доложил, что его войска взяли деревню и продвинулись вперед еще на два километра. Но эта информация оказалась ложной.

В 248-й стрелковой дивизии один командир потерял целый полк. В другой дивизии батальон был послан в неправильном направлении, в результате чего боевая часть не смогла вовремя начать атаку. А когда она все же началась, то стрелковые подразделения потеряли контакт друг с другом из-за дыма и гари. Разведка не смогла обнаружить вражескую огневую точку, что привело в конце концов к тяжелым потерям среди пехотинцев. Вышестоящее руководство обвиняло полевых командиров в недостаточной продуманности своих действий. Отмечалось, что их единственным желанием было как можно скорее продвигаться вперед. Они не задумывались над тем, чтобы найти наиболее уязвимое место в обороне противника и именно там нанести концентрированный удар. Кстати говоря, политическое управление считало, что причиной этого явления стало отсутствие в передовых подразделениях должного партийного контроля. О сильном давлении со стороны вышестоящего начальства, конечно же, не упоминалось.

Как это нередко случалось и в предыдущих наступательных операциях, советские стрелковые части несли потери не только от огня противника, но и от обстрела собственной артиллерии.

Виновными в подобных происшествиях считали тех офицеров, которые не могли должным образом использовать соответствующие технические приборы. Видимо, имелось в виду, что командиры неверно определяли направление движения частей по компасу и не выходили вовремя на связь. Так, в первый же день наступления, когда 266-я стрелковая дивизия достигла третьей линии немецких траншей, она подверглась сильному огневому налету со стороны советской же артиллерии. На следующий день, 17 апреля, та же участь постигла 248-ю и 301-ю стрелковые дивизии. В донесении штаба 5-й ударной армии говорилось о том, что ее войска уже успели взять в плен тридцать три тысячи германских военнослужащих, однако в нем не упоминалось о собственных потерях объединения.

Положение 8-й гвардейской армии было еще более тяжелым. Ее войскам пока не удавалось добиться сколько-нибудь значительного успеха. Но виной тому был не генерал Чуйков, а сам маршал Жуков. В донесениях наступающих частей утверждалось, что огонь советской артиллерии уничтожил передовые немецкие укрепления и позволил пехоте взять первую линию траншей. Однако ни артподготовка, ни бомбово-штурмовые удары советской авиации не смогли подавить систему вражеского огня на Зееловских высотах. Было даже несколько случаев, когда советские бомбардировщики сбрасывали смертоносный груз на свои же части. В этом обвинялись не летчики, а командиры стрелковых подразделений, которые неправильно сигнализировали авиации. Следует, однако, отметить, что такие ошибки были неизбежны. Обозначать свои позиции следовало либо белыми, либо желтыми ракетами. Но войска постоянно жаловались на их отсутствие.

В докладах частей говорилось, что артиллерия не оказывает им должной поддержки и не поспевает за передовыми подразделениями. Этот факт также стал следствием ошибки фронтового командования. Оно просто забыло учесть в своих расчетах то обстоятельство, что вся земля в полосе продвижения частей будет изрыта снарядами и бомбами, и это сделает невозможным быстрое выдвижение орудий на новые позиции.

В тяжелом положении оказалась медицинская служба фронта. Зачастую раненые не получали вовремя необходимой помощи по причине переполненности госпиталей и плохо организованной эвакуации с поля боя[570]. В одном из донесений упоминалось об автоматчике, который пролежал без медицинской помощи целых двадцать часов. Некоторые раненые из 27-й гвардейской стрелковой дивизии оставлялись без присмотра от четырех до пяти часов. В санитарных батальонах имелось всего по четыре

операционных стола.

Наступление 33-й армии в полосе к югу от Франкфурта-на-Одере также развивалось достаточно медленно. Там держали оборону части 5-го горнострелкового корпуса СС. 33-я армия, подобно другим объединениям, испытывала сильный недостаток в медицинском обслуживании. Советские офицеры были вынуждены привлекать к эвакуации раненых даже немецких военнопленных. Этот факт сильно напугал политуправление армии, которое стало обвинять замполитов в отсутствии пропаганды среди пленных немцев. Первой их задачей должно было стать перевоспитание военнопленных. Наиболее антифашистски настроенных солдат следовало отправлять обратно за линию фронта для деморализации еще сопротивляющихся частей вермахта. Этот факт еще раз свидетельствовал о том, насколько низкой была забота советского командования о своих же собственных раненых. Более того, офицеры СМЕРШа никогда не испытывали колебаний, если им необходимо было оторвать какого-нибудь врача прямо от операционного стола для проверки лица, подозреваемого в "самострела". Подобные случаи саморанения, как отмечалось в донесениях, стали особенно частыми после начала наступательной операции[571].

(В скобках отметим, что работа врачей во время войны была настолько тяжелой, что многие из них бросили медицину после окончания войны[572].)

Сражение за Зееловские высоты оказалось отнюдь не самым ярким моментом в карьере маршала Жукова. Управление войсками во время боя во многом было ошибочным. Тем не менее наступление продолжало развиваться прежде всего благодаря выдающемуся мужеству, выносливости и самопожертвованию большинства советских солдат и младших офицеров. Их героизм — правда, совсем не тот, который воспевался официальной пропагандой, — очевиден. К сожалению, самопожертвование солдат не трогало сердца высшего командного и политического состава. Они, как и прежде, оставались бездушными. Примечательны в этом отношении кодовые названия для обозначения потерь — в своих телефонных переговорах советские командиры часто спрашивали: "Как много спичек сгорело?" или "Как много сломано карандашей?"[573].

Генерал Хейнрици, командующий группой армий "Висла", и генерал Буссе сделали все возможное, чтобы удержать ситуацию под контролем. В сложившихся обстоятельствах ожидать лучшего не приходилось. Выжившие во время первого удара германские военнослужащие имели все основания благодарить свое

начальство за то, что оно отвело их на запасные позиции незадолго до начала советской артиллерийской подготовки. Некоторые старшие офицеры все еще продолжали верить Адольфу Гитлеру. Но многие — уже нет. Вечером 16 апреля полковник Ганс Оскар Вёлерман, командир артиллерии 56-го танкового корпуса, отправился в штаб своего непосредственного начальника генерала Вейдлинга, расположенный в Вальдзиферсдорфе, что северо-западнее Мюнхеберга. Командный пункт Вейдлинга был размещен в загородном доме одной из семей, постоянно проживавшей в Берлине. Помещение первого этажа освещала всего одна-единственная свеча. Вейдлинг, который уже потерял всякие иллюзии по поводу ведущейся войны, открыто высказал свои мысли Вёлерману. Последний был немало обескуражен и даже испуган. Позднее он писал: "Даже этот искушенный и безрассудно смелый солдат, наш старый "крепкий орешек", как о нем говорили в войсках, потерял веру в высшее руководство страной".

Доверительный разговор двух офицеров был внезапно прерван воздушной бомбардировкой. Сразу же вслед за этим поступило донесение о прорыве русских на правом фланге 56-го танкового корпуса, на его стыке с 11-м танковым корпусом СС, и расширении бреши на левом фланге — в полосе действия 101-го корпуса генерала Берлина. Оборона, которая, по образному выражению Геббельса, представляла собой неприступную стену против "орд монгольских завоевателей", начала быстро рушиться.

Первая ночь после начала операции стала, пожалуй, самой тяжелой в карьере Жукова. Внимание всей армии и — что важнее — Кремля было приковано теперь к Зееловским высотам. И именно его фронт никак не мог преодолеть это препятствие. О том, чтобы захватить Берлин в течение шести дней, как это предполагалось ранее, речь уже не шла[574]. Но определенные успехи все же были достигнуты: передовые части армии Чуйкова подошли к городу Зеелов, а некоторые танковые подразделения Катукова достигли гребня высот. Однако совсем не этого ожидал от Жукова Сталин.

Советский лидер, который несколько успокоился днем 16 апреля, вновь пришел в ярость, когда Жуков позвонил ему незадолго до полуночи. Командующему фронтом пришлось признаться, что высоты еще не захвачены. Сталин стал обвинять маршала в том, что он без всякого основания изменил план операции, утвержденный Ставкой. "Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете зееловский рубеж?"[575] — спросил Сталин. "Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана, — стараясь быть спокойным, ответил Жуков. —

Считаю, что, чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем быстрее мы возьмем затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в городе".

Однако Сталин был в этом отнюдь не убежден. Возможно, что в тот момент он думал даже не о крепости немецкой обороны, а об американских частях, которые могли внезапно появиться на юго-западных окраинах германской столицы. "Мы думаем, — продолжил советский лидер, — приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера"[576]. В конце разговора Сталин лишь сухо произнес "до свидания" и положил трубку. Вскоре начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал Малинин получил подтверждение, что Конев и в самом деле получил директиву Ставки наступать своими танковыми армиями на Берлин с южного направления.

Русские солдаты образца 1945 года, равно как и их предки в 1814 году, с презрением относились даже к самым крупным рекам Западной Европы. В их глазах они выглядели лишь жалким подобием величественных рек, протекающих по родной земле. Тем не менее водные преграды являлись для советских военнослужащих своеобразными символами, знаменующими этапы освобождения собственной страны и дальнейшего наступления на вражеское логово. Так, младший лейтенант Маслов говорил своим боевым товарищам, что даже тогда, когда его тяжело ранили на Волге, в боях за Сталинград, он твердо знал, что вернется на фронт и закончит войну на проклятой Шпрее[577].

Река Нейсе между Форстом и Мускау была наполовину уже Одера на фронте наступления армий Жукова. Однако форсирование этой водной преграды на глазах у противника представлялось довольно непростой задачей. И маршал Конев решил, что следует предварительно провести мощную огневую подготовку.

Артиллерийская канонада на этом участке началась в 6 часов утра по московскому времени, или в 4 часа утра — по берлинскому. Было задействовано двести сорок девять орудий на один километр фронта — что стало наивысшей концентрацией артиллерийского огня за всю историю войны. Наземные средства поражения противника были усилены ковровыми бомбардировками авиации 2-й воздушной армии. Один из советских офицеров вспоминал, что гул от канонады и разрывов авиабомб оказался настолько сильным, что он не слышал слов

товарища, стоящего всего в метре от него. Огневая подготовка на фронте Конева была еще и более продолжительной по времени, чем на фронте Жукова. Она заняла сто сорок пять минут. "Бог войны" сегодня прекрасно поработал, отметил командир одной из батарей во время небольшой паузы[578]. Артиллеристы действовали слаженно. Одна мысль о том, что они стреляют по территории противника, воодушевляла их сердца. Приказы командиров ничем не отличались от лозунгов: "По фашистскому зверю — огонь!", "По логову Гитлера — огонь!", "За кровь и страдания нашего народа — огонь!"[579].

Наблюдать за началом операции на Нейсе маршал Конев прибыл со своего командного пункта возле Бреслау. Осада этого города все еще продолжалась. Он отправился на наблюдательный пункт командующего 13-й армией генерала Пухова[580]. Этот пункт располагался на небольшом холме, с которого хорошо просматривалась поверхность реки и немецкие позиции, расположенные на ее западном берегу. Конев внимательно смотрел в стереотрубу за тем, как проводится артиллерийская подготовка. Однако вскоре следить за развитием боя стало практически невозможно. Дело в том, что бомбардировщики 2-й воздушной армии, летевшие на бреющем полете, поставили перед немецкими траншеями дымовую завесу. Дым распространился на фронте в триста девяносто километров, что не позволило командованию немецкой 4-й танковой армии вовремя определить, где атакующие наносят свой главный удар. Фортуна явно благоприятствовала Коневу. Умеренный ветер разнес дым на большей части фронта, но не позволил ему испариться раньше времени.

В тот же момент от берега оттолкнулись лодки, в которых находились советские штурмовые отряды. Причем переправа началась еще до того, как закончилась артиллерийская подготовка. В докладах, поступавших из боевых частей, говорилось, что в первых рядах атакующих находились коммунисты и комсомольцы, которые личным примером воодушевляли бойцов на ратный подвиг[581]. С криками "За Родину! За Сталина!" они прыгали с лодок и устремлялись на вражеские позиции. Как только первая волна десанта высадилась на берег и захватила небольшой плацдарм, тотчас же на нем заблестели красные штурмовые флажки. Они должны были поднять моральный дух тех солдат, которые все еще находились на середине реки. Некоторые подразделения переправлялись вплавь или с помощью подручных средств, как нередко это делали в предыдущие годы ветераны, прошедшие фронтовыми дорогами через всю Украину и Белоруссию. Некоторые

подразделения переходили реку вброд. Чтобы не замочить оружие, солдаты держали его высоко над головой. За штурмовыми отрядами, не отставая, следовали саперы. Они сразу же приступили к строительству понтонных переправ. Спустя какое-то время на западном берегу Нейсе образовалось уже несколько плацдармов. Командование срочно перебрасывало на них противотанковые орудия и боеприпасы.

Мощная огневая подготовка развалила немецкую оборону, не позволила частям вермахта оказать эффективное сопротивление наступавшим. Многие германские военнослужащие были просто подавлены шквалом огня, обрушившимся на них. "Мы просто не знали, где нам спрятаться, — говорил советским офицерам захваченный в плен обер-ефрейтор Карл Пафлик. — Воздух был заполнен гарью. Кругом стояли дикий грохот и свист. Наши потери исчислению не поддавались. Те, кому удалось пережить артподготовку, шарахались по траншее, словно сумасшедшие, думая лишь о том, как спасти свои жизни. Люди потеряли дар речи"[582]. Многие немцы воспользовались смогом и поставленной русскими дымовой завесой для того, чтобы вовремя сдаться в плен. Так поступили двадцать пять солдат из 500-го штрафного полка, которые имели к такому шагу очень серьезные основания — гораздо более серьезные, чем военнослужащие обычных частей. Германские солдаты группами или поодиночке поднимали руки вверх и кричали подбегающим советским бойцам: "Иван, не стреляй, мы сдаемся!"[583] Дезертир из 500-го штрафного полка на допросе в советском штабе рассказал, что единственное обещание, которое Гитлер выполнил за время своего правления, было следующим: "Дайте мне десять лет, и вы не узнаете Германии". Другой немецкий фронтовик с горечью замечал, что офицеры откровенно лгали им, что на фронте вскоре появится новое немецкое оружие ракеты Фау-3 и Фау-4[584].

Вскоре через Нейсе протянули железные тросы и организовали паромную переправу. Это значило, что в бой вступали советские танки. Всего саперным частям 1-го Украинского фронта предстояло организовать через Нейсе сто тридцать три переправы. Причем инженерным подразделениям, приданным к 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям, нужно было постоянно держать свою технику в развернутом состоянии. Впереди их ждала новая преграда — река Шпрее. Вскоре после полудня в полосе наступления 5-й гвардейской армии был наведен понтонный мост, способный выдержать нагрузку в шестьдесят тонн. По нему стали переправляться боевые машины 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко. Во второй половине дня в бой вступили уже основные силы. Темпы наступления

значительно ускорились. Передовые танковые бригады, отразив контрудар немецкой 21-й танковой дивизии 4-й танковой армии, продолжили путь вперед. На южном фланге фронта успешно завершали форсирование реки 2-я армия Войска Польского и 52-я советская армии. Они наступали на дрезденском направлении.

Конев имел все основания быть довольным успехами своих войск. Итоги первого дня операции оказались впечатляющими. Передовые части фронта преодолели уже практически половину пути до реки Шпрее. Единственным слабым местом оказалась эвакуация раненых с поля боя[585]. Но, как и большинство других командующих, Конева мало волновал тот факт, что многие раненые оставались без медицинской помощи довольно долгое время. В полночь Конев сообщил Сталину, что наступление 1-го Украинского фронта развивается успешно. Со своей стороны, Верховный информировал его, что у Жукова дела идут не так хорошо[586]. Сталин приказал Коневу повернуть 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко и 4-ю гвардейскую танковую армию Лелюшенко в направлении Целендорфа (юго-западная окраина Берлина). Этот шаг Ставка предусматривала ранее в качестве одного из вариантов развития операции. Конев очень хорошо помнил последнее совещание со Сталиным и особенно тот момент, когда Верховный провел разграничительную черту между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами лишь до города Люббена, открывая тем самым возможность для Конева выйти к южным окраинам Берлина,

Выбор Сталиным Целендорфа в качестве ближайшей цели для наступления танковых армий 1-го Украинского фронта весьма примечателен. Вождь, несомненно, держал в уме то обстоятельство, что сюда — на юго-западные окраины германской столицы — могут быстро выйти американские войска. Последние были достаточно сильны, чтобы совершить рывок к Берлину со своего плацдарма в районе Цербста. Кроме того, именно здесь располагался упомянутый ранее Институт кайзера Вильгельма со своим оборудованием для ядерного производства.

За три часа до того, как Сталин связался с маршалом Коневым, генерал Антонов вновь попытался обвести вокруг пальца представителей западных союзников, следуя, естественно, инструкциям, полученным свыше. Государственный департамент США был проинформирован о состоявшейся между ними встрече. На замечание американцев о том, что к ним поступили данные из немецких источников о начале русского наступления на берлинском направлении, Антонов заявил следующее: "Действительно, советские войска проводят широкомасштабную разведку на центральном участке фронта с целью выяснить

характер германской обороны в этом секторе"[587].

Глава шестнадцатая
Зееловские высоты и Шпрее

Переговоры Сталина с командующими фронтами в ночь на 17 апреля явились своеобразным рубежом в соревновании между Жуковым и Коневым. Теперь оно было поставлено на качественно новую ступень. Конев, воодушевленный карт-бланшем, полученным от Верховного, был готов действовать со всей решительностью. Жуков, хотя и несколько обескураженный неудачным развитием событий на Зееловских высотах, тем не менее считал, что Берлин по праву может принадлежать только ему, 17 апреля погода на фронте наступления советских войск несколько улучшилась. Облачность рассеялась, что дало возможность советским штурмовикам усилить удары по узлам немецкой обороны. Любое местечко, деревушка или даже отдельный дом становились целью для советской артиллерии. Пожары не прекращались. В результате весь воздух был наполнен удушливой гарью, в которой ясно чувствовался запах паленого мяса. Горели останки как людей, так и животных. Советские артиллеристы поджигали любой сарай, если у них возникало хоть малейшее подозрение, что там мог укрыться вражеский штаб или наблюдательный пункт.

В ближайшем германском тылу все полевые лазареты были переполнены ранеными. Врачей катастрофически не хватало. Ранение в живот являлось равносильным смертному приговору, поскольку быстро доставить пораженного военнослужащего на хирургический стол никаких шансов не было. Основное внимание уделялось лишь тем солдатам, ранения которых не являлись смертельными и позволяли бойцам быстро встать в строй. Время от времени в лазаретах появлялись офицеры со специальным предписанием — организовывать команды из легкораненых военнослужащих, способных держать оружие, и немедленно отправлять их на боевые позиции.

Полевая жандармерия тщательно проверяла всех солдат, идущих по дорогам в тыл, — независимо от того, были они ранеными или нет. Тут же из них набирались сборные команды, которые вновь отправлялись на фронт. Солдаты называли полевых жандармов не только "цепными псами", но и "героями-ворами". Последняя кличка являла собой игру слов и шла от нацистского пропагандистского термина "konlenklan", использовавшегося для обвинения тех, кто воровал государственный уголь для отопления собственного дома.

Среди задержанных жандармами военнослужащих большую часть составляли те солдаты, которые отстали от своих частей. Таких людей отправляли на пополнение боевых подразделений, основу личного состава которых составляли пятнадцати-, шестнадцатилетние юнцы, а то и вовсе тринадцати-, четырнадцатилетние подростки из гитлерюгенда. Германские фабрики к тому времени произвели на свет лишь очень незначительное число касок малого размера, поэтому большинство юношей носили стальные шлемы, предназначенные для взрослых солдат. Их худые, изможденные лица были едьа заметны под таким несуразным головным убором. Подразделение советских саперов из 3-й ударной армии, расчищавшее минное поле, наткнулась на группу германских солдат, внезапно появившуюся из блиндажа. Они шли с поднятыми руками, желая сдаться в плен. Вдруг из блиндажа вылез еще один немец, который выглядел как мальчишка. Капитан Сулханишвили вспоминал, что он был одет в очень длинную шинель и пилотку[588]. Подросток выстрелил в Сулханишвили из автомата, но, видя, что советский офицер не падает, бросил оружие, упал на колени и разрыдался. В его крике можно было разобрать следующие слова: "Гитлер капут, Сталин гут!" В этот момент Сулханишвили рассмеялся. Затем он разочек ударил подростка кулаком, правда, не испытывая к нему никакой злости. Напротив, ему было даже жалко его.

Однако те члены гитлерюгенда, чьи дома находились уже на оккупированной территории Германии, являлись довольно опасным контингентом для советских солдат. Эти юноши считали своей святой обязанностью погибнуть в бою, но унести с собой в могилу как можно больше проклятых большевиков.

Германская армия, хотя и истекала кровью, могла еще больно ужалить противника. В этом Жуков мог убедиться утром второго дня наступления. После новой порции артиллерийских и авиационных ударов по немецким позициям танковые армии Катукова и Богданова возобновили наступательные операции. Однако быстрого успеха, который Жуков обещал Сталину, достигнуть не удалось. Немецкие 88-миллиметровые зенитные орудия и команды истребителей танков, вооруженные фаустпатронами, вывели из строя большое количество советских бронированных машин. Более того, в середине дня, как только передовые бригады Катукова достигли Долгелина и Фридерсдорфа, они подверглись контратаке со стороны "пантер" немецкой танковой дивизии "Курмарк".

Тем не менее танкисты 11-го танкового корпуса генерала Ющука смогли взять в кольцо город Зеелов, оседлав при этом

Райхсштрассе-1 — шоссе, связывающее Берлин со столицей уже оккупированной советскими войсками Восточной Пруссии. Не обошлось, правда, без недоразумений. Внезапно части генерала Ющука обнаружили, что находятся под сильным артиллерийским огнем. Оказалось, что их обстреливали орудия соседней 5-й гвардейской армии[589]. Последовало жесткое объяснение с генералом Берзариным, чьи артиллеристы, как отмечалось, стреляли не по точно разведанным целям, а "по площадям"[590].

В процессе боя танки Ющука не раз натыкались на группы немецких солдат, вооруженных фаустпатронами. Для того чтобы минимизировать ударную силу этого оружия, советские танкисты прикрепляли к броне своих боевых машин найденные в близлежащих домах матрасы с железными пружинами. Это импровизированное защитное средство заставляло фаустпатрон детонировать раньше времени — еще до того, как он достигал танковой брони.

Т-34 и ИСы утюжили гусеницами и поливали огнем буквально каждый окоп, встречавшийся на их пути, — хотя большинство позиций перед их появлением было уже оставлено. На самом северном фланге фронта успех сопутствовал 3-й ударной и 47-й армиям, которые смогли смять оборону 101-го немецкого корпуса. Большинство частей, входящих в этот корпус, состояло из молодых солдат и курсантов военных училищ. Потери среди них были очень высокими. Так, в строю полка "Потсдам", отступившего к Нойтреббину, оставалось всего тридцать четыре юноши. Но не успели они толком прийти в себя после предыдущего боя, как вновь услышали шум моторов приближающихся советских танков. Один из тех солдат, кому посчастливилось остаться в живых, отмечал впоследствии, что "пехоту вновь использовали, как сборище идиотов. От них требовали задержать советское наступление в то время, как все соседние немецкие части уже отошли на запад"[591]. Для отражения массированной атаки выдвинулось всего несколько самоходных орудий. Расчеты дивизионной артиллерии, израсходовав последние снаряды, взорвали свои пушки и также покинули позиции. Нет ничего удивительного в том, что вслед за ними устремились и сами пехотинцы. Дисциплина упала до катастрофических размеров. На моральное состояние солдат большое влияние оказывали и слухи о том, что в тылу уже слышен гул канонады наступающих частей западных союзников.

Оборона 9-й парашютной дивизии, занимавшей позиции на центральном участке фронта, была полностью уничтожена. Командующим этим соединением являлся генерал Бруно Бройер, который в 1941 году руководил десантом в районе Ираклиона на

острове Крит. Позднее этот элегантный офицер стал командующим критским гарнизоном. Несмотря на все заявления Геринга о сверхчеловеческих способностях личного состава парашютных частей, под началом Бройера находились всего-навсего обычные механики и обслуживающий персонал люфтваффе. Большинство из них никогда и не прыгали с парашютом. После начала артподготовки офицеры были уже не в состоянии поддерживать контроль над подчиненными. Когда же огонь по немецким позициям открыли советские "катюши", среди "парашютистов" возникла уже полнейшая паника.

Командир 27-го парашютного полка полковник Менке был убит сразу же после того, как первый советский танк прорвался к его командному пункту. Лишь к концу дня 17 апреля 9-я парашютная дивизия смогла немного прийти в себя благодаря огневой поддержке танков "пантера" и T-IV. Однако вскоре хаос на ее позициях разразился с новой силой. Вёлерман, командир артиллерии 56-го корпуса, прибыв на командный пункт Бройера, застал последнего в полнейшем упадке духа. Тот был шокирован массовым бегством своих солдат с оборонительных позиций[592]. Стало ясно, что продолжать командование дивизией Бройер уже не в состоянии. Его освободили от занимаемого поста. Но на этом несчастья этого военачальника не закончились. Вскоре после войны он был передан греческим властям и приговорен в 1947 году к смертной казни за преступления, совершенные совсем другим генералом во время немецкой оккупации Крита.

В половине седьмого вечера 17 апреля в штаб генерала Вейдлинга неожиданно прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Он потребовал краткого доклада о сложившейся ситуации. Случайно в тот же момент в помещении появился и Вёлерман. "Это мой командир артиллерии, который только что прибыл с фронта"[593], - произнес Вейдлинг. Вёлерману ничего не оставалось, как пожать вялую руку Риббентропа. "Он может доложить вам о ситуации, — добавил Вейдлинг". После этого генерал сел рядом с министром и приготовился слушать. Доклад Вёлермана "потряс Риббентропа". Он задал лишь один или два вопроса хриплым и едва слышным голосом. Затем министр сказал что-то невнятное по поводу возможного изменения обстановки в течение ближайших двенадцати часов и намекнул о ведущихся сейчас переговорах с американскими и британскими представителями. Возможно, что именно этот намек побудил генерала Буссе послать в войска сигнал следующего содержания: "Продержитесь еще пару дней, и все наладится". Между тем слова нацистского руководства о том, что с западными союзниками возможна какая-то договоренность,

являлись абсолютной ложью.

Немецкие подразделения, которые были вынуждены отходить с оборонительных позиций у Одера в лесные массивы на Зееловских высотах, часто попадали в новую ловушку. Передовые советские части находились уже за их спиной. Нервы солдат были напряжены до предела. Нередко они открывали огонь по своим же товарищам. Советская артиллерия и авиация продолжала наносить удары как по вражеским, так и по своим частям. Командование люфтваффе задействовало в этот день максимально возможное число самолетов и попыталось, в частности, уничтожить понтонную переправу через Одер[594]. Но эта затея провалилась. Согласно утверждению одного источника (точное имя которого до сих пор не установлено), "немецкие летчики нередко шли на таран советского бомбардировщика, в результате чего обе машины, объятые пламенем, падали на землю"[595]. Если это свидетельство является правдой, то следует констатировать, что с начала войны роли пилотов противоборствующих сторон существенным образом поменялись. Теперь, в 1945 году, офицеры люфтваффе решались на то, на что в 1941 году шли отчаянно смелые соколы советских Военно-Воздушных Сил.

Еще более поразительным являются данные о появлении в немецкой авиации эскадрильи камикадзе, которую предстояло использовать против советских переправ на Одере. В люфтваффе появился новый термин "миссия самопожертвования". Местом базирования этой специальной эскадрильи, получившей название "Леонидас"[596], был выбран аэродром в Ютербоге. Ею командовал подполковник Хайнер Ланге. Все летчики, вступавшие в состав эскадрильи, должны были подписать документ, заканчивавшийся словами: "Я отдаю себе полный отчет в том, что операция, в которой мне предстоит участвовать, должна закончиться моей смертью". Вечером 16 апреля для пилотов эскадрильи были устроены танцы, на них пригласили женский обслуживающий персонал аэродрома и связисток. В конце мероприятия прозвучала прощальная песня. Генерал-майор Фукс, осуществлявший общее руководство операцией, едва мог сдерживать слезы.

На следующее утро первая группа летчиков вылетела на операцию, которая получила название "тотальная миссия". Перед ними стояла задача уничтожить тридцать два моста через Одер, построенные или восстановленные советскими саперами. В операции были задействованы различные типы самолетов "Фокке-вульфы-190", "Мессершмитты-109" и "Юнкерсы-88", то есть все машины, которые на тот момент оказались под руками. 18 апреля

на задание отправился и пилот Эрнст Байхл. Его "фокке-вульф" нес с собой пятисоткилограммовую бомбу. Перед ним стояла цель атаковать понтонный мост в районе Целлина. Позднее немецкая разведка докладывала, что этот объект был уничтожен. Однако следует признать, что утверждения командования германской авиации о ликвидации целых семнадцати переправ в течение всего трех дней являются явным преувеличением. Кроме моста в районе Целлина, достоверно известно лишь о поражении еще одной переправы — железнодорожного моста неподалеку от Кюстрина. Тридцать пять опытных пилотов и боевых машин, потерянные в этой самоубийственной "тотальной миссии", кажутся слишком большой ценой, заплаченной за минимальный и временный ущерб, нанесенный советской стороне. Однако генерал-майор Фукс был несказанно рад послать фюреру в день его пятидесятишестилетия список имен всех тридцати пяти пилотов, участвовавших в операции. Естественно, что для фюрера эти фамилии явились одним из самых дорогих подарков.

Тем не менее операцию вскоре пришлось прекратить. Дело в том, что танковые соединения маршала Конева быстро продвигались к Берлину с юго-восточного направления, и аэродром в Ютербоге оказался под угрозой захвата.

Удача все еще не покидала маршала Конева. После быстрого форсирования Нейсе и прорыва войсками 13-й и 5-й гвардейских армий второй линии немецких укрепленных позиций командующий 1-м Украинским фронтом ввел в дело танковые соединения. Им предстояло в кратчайшие сроки достичь реки Шпрее между Котбусом и Шпрембергом. Путь предстоял нелегкий. На пути танковых колонн горели сосновые леса, подожженные огнем советской артиллерии и авиации. Двигаясь по лесным дорогам, танкисты сильно рисковали, поскольку их боевые машины несли на себе дополнительные баки с горючим, которые могли в любой момент взорваться. Но скорость была превыше всего. Конев рассчитывал выйти к Шпрее еще до того, как силы немецкой 4-й танковой армии сумеют перегруппироваться и организовать новую линию обороны. Части 1-го Украинского фронта предвкушали скорую победу. Солдаты 4-й гвардейской танковой армии считали, что если уж они прорвали рубеж на Нейсе, то и дальше противник не сможет оказывать им сколько-нибудь значительного сопротивления[597]. Перед новой атакой командиры тщательно проверяли оружие у подчиненных. Обнаружилось, что один военнослужащий, член Коммунистической партии, проявил недостаточную заботу о состоянии своего автомата. Офицер сделал ему строгое замечание. Коммунист не должен был подводить подразделение,

а напротив — служить во всем примером для своих боевых товарищей[598]

Быстрый прорыв танковых объединений Конева в направлении Берлина имел одну слабую сторону — немцы могли неожиданно ударить по их коммуникациям. Чтобы предотвратить такое развитие событий, командующий 1-м Украинским фронтом приказал 5-й гвардейской армии Жадова прикрыть правый фланг ударных частей и наступать в направлении Шпремберга, а 3-й гвардейской армии обезопасить левый фланг, продвигаясь в направлении Котбуса.

В тот же вечер первые танки 3-й гвардейской танковой армии вышли к Шпрее. Командующий армией генерал Рыбалко не стал терять времени и ждать подхода саперных частей. Выбрав участок реки, который не казался столь глубоким, он приказал начать форсирование немедленно. Ширина Шпрее в этом месте достигала пятидесяти метров, но вода, закрыв лишь гусеницы танков, выше уже не поднялась. Переправу танков можно было сравнить с переправой боевой кавалерии. Но в отличие от кавалерии бронированным машинам был не страшен огонь немецких пулеметов, замаскированных на противоположном берегу. В течение ночи основная масса армии смогла форсировать Шпрее и продолжить наступление.

Конев знал, что район Лаузитца очень удобен в плане организации обороны — его пересекали многочисленные лесные массивы, озера, речушки, болота. Но если он будет двигаться с максимально возможной скоростью, то немцы просто не сумеют возвести укрепления вдоль дорог, ведущих к столице. Конев сделал ставку именно на это. Он также понимал, что командование немецкой 4-й танковой армии будет стараться во что бы то ни стало удержать вторую линию обороны, в то время как внимание германских частей, находящихся в самом Берлине, полностью приковано к наступлению войск маршала Жукова. Таким образом, Конев имел все шансы на успех.

Он, как и Жуков, был убежден, что противника легче разгромить в открытом сражении, чем потом добивать его в городских кварталах Берлина. Однако сказать об этом Сталину во время вечерней связи со Ставкой Конев не решился. Он почти закончил свой доклад, когда Верховный Главнокомандующий неожиданно прервал его. Слова Сталина прозвучали для Конева довольно неожиданно. Поскольку войска Жукова все еще никак не могли прорвать вражеские укрепленные позиции на Зееловских высотах, он спросил Конева, не согласился ли бы тот ввести ударные части 1-го Белорусского фронта на своем участке. Возможно, что такое предложение являлось лишь

психологическим маневром со стороны Сталина с целью побудить Конева высказать свой собственный план.

Конев ответил однозначно, что такая перегруппировка займет достаточно много времени и вызовет неразбериху среди наступающих войск. Но, поскольку его войска продвигались очень успешно и имели достаточно сил и средств, он, Конев, мог позволить повернуть обе свои танковые армии в направлении Берлина. Затем командующий 1-м Украинским фронтом отметил, что его ударные войска смогли бы продвинуться в направлении Цоссена, который являлся, как это было известно, местом пребывания штаба ОКХ.

"Очень хорошо, — ответил Сталин. — Я согласен". Верховный Главнокомандующий дал разрешение повернуть танковые армии Конева в направлении Берлина.

Тем временем в самом Берлине действия нацистского руководства сковал почти полный паралич. Оно не знало, что делать дальше. Максимум, на что были способны нацистские лидеры, так это издавать новые постановления, ужесточающие наказания предателей рейха. "Ни один германский город не имеет права объявить себя открытым для вступления войск противника, — говорилось в приказе Гиммлера, разосланном командующим на фронтах. — Каждая деревня и каждый город должны обороняться до последней возможности. Немец, отказывающийся выполнять свои обязанности перед нацией, теряет свою честь. Равным образом он будет лишен и своей жизни"[599]. Гиммлера абсолютно не волновал тот факт, что германской артиллерии уже не хватало снарядов, а танкам — горючего, что немецкие солдаты голодали.

Нацистская бюрократия, даже ее самое нижнее звено, оставалась верна себе. Несмотря на приближающийся конец, машина продолжала работать по отработанному сценарию. 17 апреля небольшой городок Вольтерсдорф, расположенный чуть южнее шоссе Райхсштрассе-1, заполнили толпы беженцев. Однако нацистские представители позволяли покидать город только тем гражданам, которые не привлекались на различных работах, не являлись членами фольксштурма и имели письменное подтверждение, что им будет предоставлен кров в том месте, куда они собрались уезжать[600]. Более того, каждому немцу следовало получить специальное разрешение на эвакуацию от крайсабшниттсляйтера — районного нацистского начальника. Однако на местах дух фанатичного сопротивления был не особо высок. Взвод фольксштурма, сформированный в городе, старался избегать дополнительных работ по организации обороны.

Войска Конева теперь находились всего в восьмидесяти

километрах к юго-востоку от командных пунктов ОКХ и ОКВ, расположенных в Цоссене. Однако ни командование 4-й танковой армии, ни командующий группой армий "Центр" фельдмаршал Шёрнер еще не докладывали о том, что советские 3-я и 4-я гвардейские танковые армии с ходу форсировали реку Шпрее и что нет никаких дополнительных резервов, дабы остановить их быстрое продвижение вперед. Все внимание штабных офицеров в Цоссене в данный момент было приковано к сражению, развернувшемуся на Зееловских высотах.

Генерал Хейнрици уже послал большую часть резервов своей группы армий 3-й "Германский" танковый корпус СС под командованием Штейнера — на помощь обороняющейся 9-й армии Буссе. 11-я дивизия СС "Нордланд" днем 17 апреля получила приказ выдвинуться в район южнее города Зеелов. Эта дивизия состояла в основном из датчан и норвежцев, хотя в ней было и немалое количество шведов, финнов и эстонцев. Ходили слухи, что там воевали и несколько англичан, однако данные утверждения кажутся достаточно сомнительными[601]. Командовал соединением бригаденфюрер СС Иоахим Циглер. В его подчинении находилось порядка пятидесяти бронемашин и танковый батальон "Герман фон Зальца". Наиболее боеспособными к тому времени оставались моторизованные полки "Дания" и "Норвегия", а также саперный батальон. Дивизия "Нордланд" была эвакуирована с Курляндского полуострова и принимала участие в сражении за устье реки Одер восточнее Штеттина. С начала 1945 года ее потери составили около пятнадцати тысяч человек, из которых четыре с половиной тысячи числились убитыми или пропавшими без вести.

Далее к югу Хейнрици послал еще одно иностранное соединение СС дивизию "Нидерланды". Ей предстояло войти в подчинение 5-го горнострелкового корпуса СС и занять оборону юго-западнее Франкфурта-на-Одере и в районе Мюльрозе. Взаимоотношения между командованием войсками СС и руководством вермахта вновь сильно обострились. Гиммлер был чрезвычайно недоволен тем, что Хейнрици лишил корпус СС Штейнера его сильнейших дивизий. Со своей стороны, командование дивизией "Нордланд" также возмущалось необходимостью встать под командование армейских генералов. Оно отнюдь не спешило занять предназначенный соединению участок линии фронта.

18 апреля утренняя заря окрасила все небо на востоке в красный цвет. Среди немецких солдат, которые все еще цеплялись за оборонительные позиции на Зееловских высотах, возникло нехорошее предчувствие. Спустя некоторое время они услышали

шум моторов приближающихся советских танков. Одновременно в небе появились краснозвездные самолеты. Штурмовики начали бомбить колонну дивизии "Нордланд", когда она еще находилась на марше. Солдаты были вынуждены постоянно спрыгивать с грузовиков и прятаться вдоль дороги. Явившись в штаб генерала Вейдлинга, Циглер доложил, что у большинства его автомобилей закончилось горючее, поэтому он никак не мог ускорить движение колонн. Вейдлинг находился на грани бешенства.

Настроение Жукова в то утро также нельзя было назвать слишком хорошим. Теперь он знал, что танковым армиям Конева было позволено повернуть в сторону Берлина. Сталин также рассматривал возможность продвижения к германской столице и фронта Рокоссовского, после того как тот закончит форсирование Одера в его нижнем течении. Верховный фактически занимался подстрекательством, как бы указывая Жукову, что он должен решительнее управлять своим фронтом. Приказы Жукова подчиненным генералам и без того были чрезвычайно жесткими. Он предписывал им постоянно находиться в действующих войсках и докладывать оттуда о складывающейся ситуации. Артиллерии следовало выдвигаться на открытые позиции и прямой наводкой уничтожать окопавшегося противника. Наступление необходимо было ускорить и вести его днем и ночью. Снова и снова простые солдаты расплачивались жизнями за ошибки, допущенные командованием. А само командование находилось под жестким прессом верховного руководства.

После новой порции металла, обрушившегося на оборонительные позиции противника, войска Жукова перешли в очередную атаку. На правом фланге фронта части 47-й армии продвинулись в направлении Врицена. 3-я ударная армия достигла дороги Врицен — Зеелов, но там встретила сильное сопротивление врага в районе Кунерсдорфа. 5-я ударная и 2-я гвардейская танковые армии смогли оседлать дорогу севернее Нойгарденберга, но также были остановлены контратаками противника. Тем временем 8-я гвардейская армия Чуйкова и 1-я гвардейская танковая армия продолжали бои за город Зеелов и участок фронта в районе Фридерсдорф — Долгелин. Чуйков был раздражен тем фактом, что соседняя с ним 69-я армия вовсе не имела никакого продвижения вперед. Это создавало серьезную угрозу его левому флангу. К счастью, генерал Буссе уже не имел ни одной резервной части, чтобы воспользоваться таким положением.

Следует отметить, что войска, действовавшие на обоих флангах 1-го Белорусского фронта, имели самый незначительный успех. Южнее Франкфурта-на-Одере 33-я армия все еще

прогрызала оборону эсэсовской дивизии "30 января", входящей в состав 5-го горнострелкового корпуса СС. 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, наступавшие на крайнем северном фланге, после захвата города Врицен более не имели никакого продвижения.

Тем не менее вскоре в обороне немецких войск образовалась брешь. Прорыв неожиданно произошел в районе шоссе Райхсштрассе-1, неподалеку от Зеелова. В 9 часов 40 минут полковник Айсман, находившийся в штабе группы армий "Висла", получил сообщение, что механизированные силы противника прорвались через Дидерсдорф. Они быстрыми темпами приближались по шоссе к Мюнхебергу. Немецкая пехота покинула свои траншеи и бежит в тыл. Двадцать минут спустя, по настоянию Хейнрици, полковник Аисман позвонил в ОКХ полковнику де Мезьеру, пытаясь разузнать, что случилось с 7-й танковой дивизией, силами которой предполагалось заткнуть брешь между 9-й и 3-й танковыми армиями.

В полдень Хейнрици позвонил генерал Буссе. Последний сообщил, что "настал момент кризиса"[602]. Русские наносили два главных удара юго-западнее Врицена и вдоль шоссе Райхсштрассе-1. Буссе прекрасно видел, что его армия не выдерживает напора противника. 3-я ударная и 5-я ударная армии устремились в образовавшуюся брешь между городами Врицен и Зеелов. В пяти километрах западнее Зеелова, возле деревни Альт-Розенталь, немцы организовали контратаку. Майора Андреева из 248-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии этот факт не привел в замешательство. Он оставил две роты отражать вражеский удар, а сам повел еще одну роту в обход немецких боевых порядков. Его батальон уничтожил в том бою сто пятьдесят три вражеских солдата и офицера и подбил два германских танка.

Это было безжалостное сражение. В районе Хермерсдорфа немцы подожгли фаустпатроном советский танк Т-34. Советские пехотинцы тем не менее смогли продвинуться вперед. Они поравнялись с подбитым танком, когда тот еще продолжал дымить. Неожиданно из близлежащего окопа послышались стоны. Там лежал немецкий солдат, моливший о помощи[603]. Гранатой ему оторвало обе ступни, и он просто не мог выбраться наружу. Однако стоны раненого не произвели на красноармейцев никакого впечатления. Они оставили его умирать в окопе в отместку за гибель советского танкового экипажа.

В 16 часов 20 минут рейхсмаршал Геринг, разгневанный поражением 9-й парашютной дивизии, позвонил в штаб группы армий "Висла" и распорядился немедленно снять со своего поста

генерала Бройера. В 18 часов 45 минут генерал Буссе связался с Хейнрици. В этот момент отступление 9-й армии стало уже неизбежным. Буссе спросил командующего группой армий "Висла", какой участок, по его мнению, более важен — северный или южный.

В 19 часов 50 минут связной офицер люфтваффе представил в штаб генерала Хейнрици доклад, из коего следовало, что немецкая авиация уничтожила в тот день пятьдесят три вражеских самолета и сорок три танка, к которым, "возможно", следует добавить еще девятнадцать танков. Кто-то из штабных офицеров поставил карандашную пометку на этом документе, свидетельствующую о недоверии к представленным цифрам. Да, борьба была безжалостной, однако немецкие данные о советских потерях выглядели явно преувеличенными. Так, германская газета "Дер Ангрифф" утверждала, что только за один день немецкие войска уничтожили четыреста двадцать шесть советских танков[604]. И все же следует признать, что потери Красной Армии в тех боях были намного большими, чем у немцев. Только в сражении за Зееловские высоты фронт Жукова потерял тридцать тысяч человек убитыми, тогда как немцы всего двенадцать тысяч.

Германские военнопленные, отправляющиеся в тыл Красной Армии, шли мимо нескончаемых колонн советских танков, самоходных орудий, бронемашин, грузовиков. Головы многих немцев посещала тогда мысль: "И это все та же армия, которая в 1941 году была фактически на последнем издыхании"[605]. Советские пехотинцы кричали идущим им навстречу пленным: "Гитлер капут!" после чего раздавался взрыв радостного смеха.

Один из германских пленных был убежден, что тела убитых военнослужащих, валяющихся вдоль дороги, являлись трупами советских солдат, которых раздавили их же собственные танки. Он также видел, как красноармейцы пытались испытывать захваченные ими фаустпатроны, целясь в стены полуразрушенных зданий. Некоторые советские солдаты снимали шинели со своих убитых товарищей, другие в этот момент тренировались в стрельбе по котелку, стоявшему на подставке. Даже после боя у них не пропадало желание стрелять. Часть военнопленных была временно размещена в великолепных помещениях замка в Нойгарденберге. Ночью они были разбужены сильной стрельбой. Советские охранники выпустили несколько очередей из автоматов в висевшую над ними люстру. Появившийся в дверях офицер сделал им строгий выговор. Но они, как показалось военнопленному, не обратили на его угрозы практически никакого внимания.

В городе Гузов[606] одно из подразделений 5-й ударной армии

освободило шестнадцать советских женщин, угнанных ранее на работы в Германию. Как отмечалось в донесении, рядовой Цымбалкж признал в одной из них девушку, с которой он был знаком еще до войны. Ее звали Татьяна Шестерякова. Девушка рассказала солдату о том ужасном времени, которое ей пришлось пережить в немецкой неволе. Татьяна упомянула также один интересный факт: перед тем как ее хозяйка фрау Фишке бежала на запад, она призналась, что "для нас русские хуже, чем смерть". Политуправление армии отмечало, что красноармейцы были глубоко оскорблены "фашистской пропагандой" в виде надписей на стенах домов, которые призывали спасти немецких женщин от хищных лап большевиков.

Днем 18 апреля маршал Конев получил одну неприятную информацию. Командующий группой армий "Центр" фельдмаршал Шёрнер, встревоженный прорывом русских войск к реке Шпрее, приказал немедленно произвести контратаку в районе Гёрлица. Немецкий удар пришелся по флангу советской 52-й армии, наступавшей в направлении Дрездена. Однако германскому командованию не удалось на долгое время остановить советское наступление. Немецкие части вводились в бой в спешке и разрозненно. Поэтому командование 52-й армии быстро справилось с ситуацией и отбросило атакующего противника. Тем не менее темпы продвижения вперед 2-й армии Войска Польского несколько замедлились.

Вслед за танковыми соединениями, прорвавшими вражеский рубеж на реке Шпрее, Конев послал стрелковые части 13-й армии. 3-я гвардейская армия генерала Гордова оказывала сильный нажим на немцев в районе Котбуса, а 5-я гвардейская армия генерала Жадова атаковала Шпремберг, обеспечивая тем самым свободный проход через образовавшуюся брешь. Конев отдал распоряжение своим подчиненным командирам как можно больше использовать для перевозки людей грузовой транспорт. Войска 28-й армии, уже форсировавшие Нейсе, теперь должны были поддержать своими силами передовые танковые соединения, рвущиеся к Берлину. К концу дня 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко находилась уже в тридцати пяти километрах западнее Шпрее, а танки генерала Лелюшенко, встретившие меньшее сопротивление, продвинулись еще дальше — на сорок пять километров.

18 апреля генерал Рейман, командующий берлинским оборонительным районом, получил приказ выдвинуть все части фольксштурма, находящиеся в городе, на помощь 9-й армии. Они должны были занять новую линию укреплений восточнее столицы. Рейман пришел в ужас — этот приказ практически

оголял оборону самих городских кварталов. Когда же Геббельс, рейхскомиссар обороны Берлина, подтвердил это распоряжение, Рейман счел своим долгом предупредить, что "теперь защита столицы третьего рейха немыслима"[607]. Рейман, конечно, не знал, что такое развитие ситуации как нельзя лучше отвечало замыслам Шпеера и Хейнрици, задумавшим спасти Берлин от разрушений. На следующее утро десять батальонов фольксштурма и несколько подразделений зенитных орудий покинули городские кварталы в западном направлении. Эта новость, по свидетельству самого Шпеера, возбудила у населения подозрения, что Берлин будет объявлен командованием "открытым городом"[608].

К явному неудовольствию генерала Вейдлинга, в тот день его посетила еще одна важная персона из Берлина. На сей раз это был Артур Аксман, руководитель немецкого гитлерюгенда. Вейдлинг попытался убедить Аксмана в том, что пятнадцати — и шестнадцатилетние подростки не могут решить исход сражения. Они лишь напрасно прольют кровь[609]. Нельзя жертвовать детьми ради уже совершенно проигранного дела. В ответ на это Аксман лишь признал, что его самые юные подростки "не получили еще достаточной тренировки". Далее он заверил Вейдлинга, что не будет посылать их в бой. Однако эти слова оказались неправдой. Аксман практически ничего не сделал для того, чтобы уберечь своих воспитанников от ужасов войны. Между тем агония нацистского режима еще продолжалась. В тот же день в тюрьме для политических преступников в Плётцензее были казнены тридцать заключенных.

* * *

101-й корпус, оборонявшийся на северном фланге 9-й армии, за весь день 18 апреля отступил лишь на незначительное расстояние. Однако этот факт никак не улучшил его оперативного положения. Соседи оголили фланги корпуса, и вскоре его командование обнаружило русские части у себя в тылу. Командир одного из подразделений, входившего в состав учебного полка, приказал группе военнослужащих найти полевые кухни и доставить обед на передовые позиции. Те отправились в тыл, но вскоре двое из них прибежали назад. От волнения они долго не могли вымолвить ни слова. Наконец один из вернувшихся солдат объявил, что их обед уже съели русские[610]. Никто не имел понятия, в каком именно месте был прорван фронт и где в настоящее время проходит линия обороны. Командир подразделения приказал оставить все тяжелое оружие и прорываться на запад. Уставшие солдаты вышли в ночь, стараясь обходить встречающиеся на их пути населенные пункты.

Со всех сторон темное небо освещалось отблесками многочисленных пожаров.

Той же ночью залпы "катюш" накрыли деревню Вульков, расположенную рядом с Нойгарденбергом. Все дома в ней были переполнены ранеными и уставшими немецкими солдатами. Вид мечущихся между горящими домами и падающих от разрывов ракетных снарядов людей был поистине ужасен. Тяжелые потери от огня советских реактивных установок понес и разведывательный батальон дивизии СС "Нордланд". Всего за несколько минут подразделение потеряло огромное число военнослужащих — больше, чем за все время тяжелой обороны в районе Штеттина.

19 апреля, как того и опасался генерал Буссе, войска 9-й армии были расчленены на три части. Советские соединения захватили Врицен. 3-я ударная армия продвинулась вперед и вышла в район западнее Нойгарденберга. 101-й германский корпус был вынужден отойти к Эберсвальде и к северным окраинам Берлина. 56-й танковый корпус Вейдлинга, расположенный в центре фронта, также начал отступление к германской столице. А на правом фланге 11-й танковый корпус СС уходил в юго-западном направлении. В дивизии "Курмарк" к тому времени осталось менее десяти танков "пантера".

В течение всего дня 1-я гвардейская танковая армия и 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова вели успешное наступление вдоль шоссе Райхсштрассе-1 в направлении Мюнхеберга. Перед их боевыми порядками в панике бежали остатки 9-й парашютной дивизии. Немецкие солдаты громко кричали всем встречавшимся на их пути: "Иван уже здесь!"[611] К тому моменту разведывательный батальон дивизии "Нордланд" наконец-то достиг линии фронта. Встречавшиеся на его пути "парашютисты" останавливались, вооружались и вновь отправлялись на боевые позиции. Вместе с эсэсовцами им предстояло участвовать в контратаке, которая могла иметь лишь временный успех.

Отступление вдоль шоссе Райхсштрассе-1 вскоре превратилось в хаос. Немцы в испуге спрашивали друг друга: "Ваша часть уходила последней?" Ответ всегда был однозначный: "Русские прямо за нами!" Военнослужащие различных частей и подразделений перемешались в один клубок. Рядом шли и солдаты вермахта, и эсэсовцы. Те, кто от истощения уже был не в состоянии передвигаться, просто ложились под ближайшее дерево и вытягивали ноги. Местное население, прослышав о крушении фронта, также двинулось в путь, надеясь найти укрытие непосредственно в самом Берлине. Повозки беженцев часто ломались, что создавало на дорогах огромные пробки.

Офицеры, ехавшие в своих автомобилях, во все горло орали на этих несчастных, стараясь согнать их в сторону. Если словесные угрозы не помогали, тогда в дело вступали солдаты, сбрасывая повозки в кювет. Многие офицеры начинали замечать — для того чтобы навести порядок, приходится все чаще и чаще доставать из кобуры пистолет.

Тем временем полевая жандармерия и отряды СС продолжали вылавливать дезертиров. Точных данных о том, сколько людей было повешено тогда на придорожных деревьях, не существует. Однако экзекуции проводились в массовом количестве, и среди повешенных были даже члены гитлерюгенда. Советские источники утверждают, что в 1945 году за предательство было приговорено к смерти двадцать пять тысяч немцев[612]. Эта цифра почти наверняка преувеличена, хотя ясно, что повешенных оказалось никак не меньше десяти тысяч человек.

Казни, совершенные тогда отрядами СС, были величайшим преступлением. Интересно заметить, что сами эсэсовцы уже получили к тому времени приказ на отход. Причем отступать они должны были в район Шлезвиг-Гольштейна[613] — на территорию земли, расположенную в непосредственной близости от датской границы. Ясно, что воевать там с русскими они отнюдь не собирались. До них еще не дошла информация о том, что британская 2-я армия уже вышла к Эльбе в районе Лауенбурга, что юго-восточнее Гамбурга.

Погода 19 апреля обещала вновь быть ясной и солнечной. Это давало прекрасную возможность авиации Красной Армии усилить атаки на немецкие позиции. Над дорогами, заполненными солдатами и беженцами, то и дело появлялись советские штурмовики. Они безжалостно обстреливали все движущиеся по ним объекты. Несчастные женщины из близлежащих деревень, напуганные рассказами о поведении красноармейцев, кричали проходящим мимо немецким солдатам: "Возьмите нас с собой, возьмите, пожалуйста!" Однако некоторые немцы, в том числе и те, кто проживал неподалеку от линии фронта, казалось, все еще не представляли себе всей серьезности ситуации. Так, господин Заальборн[614] из Вольтерсдорфа послал 19 апреля письмо бургомистру этого города, в котором он требовал подтверждения, что получит обратно свой велосипед, отданный для нужд фольксштурма. Данное требование обосновывалось статьей 15-й закона от 1 сентября 1939 года.

Остатки учебных батальонов 101-го корпуса отступали в направлении Бернау, расположенного севернее Берлина. Солдаты были сильно истощены, многие из них шли на последнем издыхании. Но их мучили не только усталость и чувство голода.

Военнослужащие были морально подавлены происходящими событиями, изменить которые они оказались уже не в состоянии. Как только отдавалась команда на перекур, они моментально засыпали, и офицерам приходилось несколько раз толкать их для того, чтобы поднять на ноги и заставить вновь продолжить путь. Никто не знал, что в данный момент происходит на фронте и в тылу. Все рации и полевые телефоны либо вышли из строя, либо были просто выброшены. Надежд на восстановление нормальной линии фронта уже не существовало. Все попытки продолжить эффективное сопротивление были обречены на провал, несмотря на отчаянные усилия опытных германских офицеров собрать под свою команду разрозненные группы отступающих солдат.

Основное внимание генерала Хейнрици было приковано теперь к северному флангу фронта, простиравшемуся от Балтийского моря до канала Гогенцоллерн. Войска маршала Рокоссовского завершали подготовку к наступлению на западном берегу Одера, и этот факт не ушел от внимания генерала Мантейфеля. Накануне он сел на разведывательный самолет и пролетел над советскими позициями. Перед 2-м Белорусским фронтом стояла непростая задача. К северу от Шведта Одер разделялся на два рукава, причем вся местность в этом районе была сильно заболочена. В ночь на 19 апреля Рокоссовский доложил Сталину, что наступление начнется на следующее утро одновременно с восходом солнца. Ему будет предшествовать массированная артиллерийская и авиационная подготовка.

Перед наступлением советское командование провело масштабную перегруппировку своих сил и средств. Многие части совершали марш-бросок от Данцига и устья Вислы до нижнего течения Одера. Именно поэтому Жуков, хорошо понимавший, что представляют собой транспортные проблемы, еще 29 марта предупреждал Сталина, что, видимо, начнет наступление, не дожидаясь войск 2-го Белорусского фронта[615]. По мнению Жукова, он мог достаточно легко обойтись без них. Очевидно, что в то время Сталин был согласен с Жуковым, но теперь, когда обстоятельства изменились, советский лидер придавал наступлению сил Рокоссовского гораздо большее значение.

Глава семнадцатая
Последний день рождения фюрера

20 апреля в Берлине стояла ясная и теплая погода. В этот день Гитлеру предстояло отметить свой пятьдесят шестой день рождения. Однако теперь только закоренелые нацисты, причем находящиеся в нетрезвом состоянии, могли говорить о чудесах, творимых природой в столь знаменательный день. Большинство берлинцев уже не верили в сверхчеловеческие способности вождя. Тем не менее оставалось еще немало твердолобых бюрократов, которые развешивали на руинах города нацистские флаги и плакаты с поздравлениями: "Сражающийся Берлин поздравляет своего фюрера!"

В прошлые годы день рождения фюрера становился событием экстраординарным. Рейхсканцелярия всегда заполнялась многочисленными подарками, присланными из разных концов Германии. В 1939 году профессор Лутц Хек из Берлинского зоопарка подарил фюреру "с выражением самых сердечных поздравлений" страусиное яйцо весом в тысячу двести тридцать граммов для того, чтобы тот сделал себе яичницу[616]. Но в 1945 году писем и подарков было уже совсем немного, и не только потому, что система почтовой связи почти полностью бездействовала. Кстати говоря, зоопарк к тому времени оказался уже наполовину разрушен, а многие животные, обитавшие в нем, погибли.

Командование британских и американских ВВС было хорошо осведомлено о том, что представляет собой дата 20 апреля. В день рождения Гитлера они приготовили ему свой собственный подарок. С самого раннего утра над городом завыли сирены, возвещающие начало массированного воздушного удара. Интенсивность атаки на Берлин ВВС США и Великобритании в этот день была особенно высокой. Количество сброшенных бомб почти в два раза превысило среднемесячные показатели. Поскольку советские войска уже приближались к городу, эта бомбардировка стала предпоследней в истории налетов союзной авиации на германскую столицу.

Утренний грохот канонады перешедшего в наступление фронта Рокоссовского застал Геринга в Каринхолле — в своем поместье, расположенном к северу от Берлина. У подъезда рейхсмаршала уже поджидал целый конвой автомобилей, забитых награбленным имуществом. В пути его должен был сопровождать эскорт мотоциклистов. Геринг сказал несколько напутственных

слов офицерам люфтваффе и проследил за отправкой автомобилей. Вскоре к нему подошел сапер, ответственный за минирование здания, и сообщил, что все готово для взрыва. Геринг захотел сам повернуть рычаг, приводящий механизм в действие. Взрыв потряс воздух и обрушил на землю роскошный памятник тщеславия одного из нацистских лидеров. Не оборачиваясь, рейхсмаршал прошагал к своему лимузину и приказал везти себя в Берлин. Он должен был попасть в рейхсканцелярию ровно в полдень, чтобы успеть поздравить фюрера с днем рождения.

Тем временем Гиммлер возвратился в санаторий в Хохенлихене. В ночь на 20 апреля он приказал подать ему в палату бутылку шампанского. Ровно в полночь Гиммлер поднял бокал за здоровье Гитлера. Однако последний еще не знал, что рейхсфюрер СС уже договорился о встрече с графом Фольке Бернадоттом, представителем Красного Креста, и Норбертом Мазуром, сотрудником Всемирного еврейского конгресса, которые только что тайно прибыли на аэродром Темпельхоф. Бернадотт и Мазур уяснили для себя, что Гиммлер готов вести дискуссию об освобождении заключенных, хотя на самом деле истинной целью рейхсфюрера было установить линию связи с западными союзниками. Оставаясь на словах лояльным своему боссу, Гиммлер считал, что способен в скором времени занять его место. Он убедил себя, что принадлежит к числу тех людей, с которыми западные союзники будут иметь дело. Все, что от него требуется, — это сказать евреям, что он, Гиммлер, не поддерживает "окончательное решение" их вопроса и может приступить к обсуждению с ними более насущных проблем.

Геббельс был единственным нацистским лидером, который действительно решил остаться с Гитлером до самого конца. Утром он выступил по радио и произнес праздничную речь по случаю дня рождения фюрера. Геббельс призвал всех немецких граждан продолжать слепо верить своему великому вождю, который, несмотря на все трудности, приведет Германию к своему будущему. "Был ли он сумасшедшим, — писала Урсула фон Кардорф в дневнике о министре пропаганды, — либо играл в какую-то свою игру?"[617]

В полдень в рейхсканцелярии появились Геринг, Риббентроп, Дёниц, Гиммлер, Кальтенбруннер, Шпеер, Кейтель, Йодль и Кребс. Их провели через многочисленные отделанные мрамором комнаты, входные двери которых поднимались почти до самого потолка. Полупустые помещения этого огромного строения, призванного символизировать силу и могущество "третьего рейха", теперь казались еще более безвкусными. Однако они по-

прежнему нагнетали на посетителей мрачные мысли.

Многим поздравившим в этот день Гитлера показалось, что последний выглядит как минимум на двадцать лет старше своего возраста. Ближайшее окружение убеждало его немедленно выехать в Баварию, пока еще не поздно. Со своей стороны, фюрер заявил, что уверен в поражении русских войск у стен германской столицы. Особое внимание он уделил адмиралу Дёницу, который был назначен командовать боевыми операциями на севере Германии. К Герингу, который объявил, что собирается организовать оборону в Баварии, фюрер, напротив, отнесся с прохладой. Согласно свидетельству Шпеера, Гитлера "обескуражила трусость Геринга и других присутствующих лиц"[618]. Ранее он был убежден, что все его последователи — люди честные и мужественные.

Во время оперативного совещания, состоявшегося в тот же день, главным являлся вопрос о том, как скоро союзники разделят Германию на две части, соединившись друг с другом к югу от Берлина. Неоккупированная территория "третьего рейха" с каждым днем становилась все меньше и меньше. Британские войска уже достигли Люнебургской пустоши и угрожали Гамбургу. Американцы же вышли к среднему течению Эльбы. Они находились неподалеку от границы Чехословакии и уже вторглись на территорию Баварии. Французская 1-я армия наступала в Южной Германии. Части Красной Армии продвинулись западнее Вены, а войска союзников, действующие в Италии, вышли в долину реки По.

Нацистская бюрократия думала теперь только о том, как поскорее эвакуироваться из Берлина. Поэтому для партийных лидеров и эсэсовцев самым неожиданным образом прозвучали слова Гитлера, что он "останется в Берлине и только в самый последний момент вылетит из него в южном направлении". После совещания ведущие представители нацистской партии стали искать любой официальный предлог, чтобы покинуть столицу рейха. Гиммлер, Риббентроп и Кальтенбруннер — все они устремились из города в разных направлениях. Некоторые сотрудники рейхсканцелярии получили предписание на следующий же день отправиться в Бергхоф. "День рождения фюрера. Но, к сожалению, нет никакого праздничного настроения, — записал Борман в своем дневнике. Первой партии приказано лететь в Зальцбург"[619].

Во второй половине дня, в разрушенном саду рейхсканцелярии, Гитлер обходил почетный караул членов гитлерюгенда; некоторые из них получили Железные кресты за уничтоженные советские танки. Гитлер не мог самостоятельно

вручать награды. Для того чтобы было не так заметно, как трясется его левая рука, он постоянно держал ее за спиной, придерживая правой ладонью. Он отпускал левую руку лишь на несколько кратких мгновений. Со стороны Гитлер мог показаться педофилом. Задерживаясь возле какого-нибудь подростка, он трепал того по щеке или щипал за ухо. Улыбка на лице фюрера напоминала скорее злобную ухмылку.

После беседы со своим ближайшим окружением Гитлер отправился в постель раньше обычного для себя времени. Ева Браун провела собравшихся в столовую. Праздничный ужин выглядел довольно странно. Среди приглашенных были Борман и доктор Морель. Был накрыт большой круглый стол, который сервировал сам Шпеер. Гости пили шампанское и даже пытались танцевать. На патефоне крутилась всего одна пластинка с мелодией "Кроваво-красных роз", которая рассказывала людям о счастье. Как вспоминала секретарша Гитлера Траудл Юнге, разговоры гостей часто прерывались истерическим смехом. Все это выглядело настолько ужасным, что она больше не могла оставаться в помещении и отправилась спать[620].

Вопрос об эвакуации действительно стал самым насущным среди окружения фюрера. Еще в воскресенье, 15 апреля, Ева Браун рассказала Гитлеру, что его личный врач, доктор Карл Брандт, отправил свою семью в Тюрингию. К ужасу Евы, эти слова вызвали у фюрера взрыв негодования. Он сказал, что врач выбрал именно то место, которое скоро будет захвачено войсками западных союзников. По его мнению, это являлось предательством. Борман получил задание расследовать дело. Он побеседовал с Евой Браун и доктором Штумпфеггером[621], эсэсовским врачом, заменившим доктора Брандта. В письме к своей лучшей подруге, Герте Остермайер, Ева объясняла, что произошла какая-то "непонятная глупость"[622]. Находясь среди самых влиятельных нацистских лидеров, она так и не смогла разобраться в механизме, который приводил в действие гигантскую машину национал-социалистской диктатуры.

На следующий день Брандт был обвинен в пораженчестве. На организованном против него судебном процессе председательствовал Аксман. Приговор оказался вполне предсказуем — смертная казнь. Однако приведение его в исполнение было отложено, и в этом немалую роль сыграли противники Бормана, включая самого Гиммлера. Рейхсфюрер СС остался также доволен, что Борман замарал свое имя участием в этом процессе. На этот раз Брандту повезло, однако смертный приговор все же настиг его. И случилось это уже после того, как он попал в руки союзников.

(В октябре 1944 года Брандт обвинил доктора Мореля в том, что тот снабжает Гитлера опасными лекарствами. После этого Брандт был назначен рейхскомиссаром здравоохранения и санитарии. После поражения Германии союзники признали Брандта ответственным за проведение актов эвтаназии и медицинских экспериментов над заключенными. Его оправдания в том, что он не осуществлял контроль над учреждениями, где все это происходило, не были приняты во внимание.)

Уже находясь в заключении в лагере "Ашкан", Брандт, считавшийся ранее доверенным членом оберзальцбергского кружка, написал для своих американских следователей целый труд под названием "Женщины в окружении Гитлера". В частности, он отмечал, что Гитлер никогда не женился по причине того, что он хотел "сохранить в сердцах миллионов германских женщин мистическую легенду". "У них должна была сохраняться надежда на то, — продолжал Брандт, — что имеется шанс в один из дней стать его возлюбленной, поскольку фюрер все еще остается холостяком". Очевидно, эту проблему Гитлер обсуждал и с Евой Браун. В 1934 году он, в частности, заметил в ее присутствии: "Чем величественнее мужчина, тем незначительней для него должна являться женщина"[623].

Брандт полагал, что характер взаимоотношений в этой паре более точно определяет сочетание "отец — дочь", чем "учитель — студентка". Вопрос о том, был ли он прав в этом или нет, — остается открытым. Ясно другое, любовница фюрера совсем не походила на госпожу Помпадур. Она никогда не организовывала интриг в окружении своего сюзерена. Однако, исполняя долгое время роль служанки при Гитлере и поддерживая миф о его обете безбрачия, совсем неудивительно, что Ева время от времени все же пыталась предстать перед окружающими ее людьми в качестве некоей придворной дамы. Согласно свидетельству Брандта, она относилась к младшей сестре Гретл, которую выдала замуж за Фегеляйна, почти как к своей "личной прислуге".

Совсем недавно вопрос о сексуальных пристрастиях Гитлера вновь стал предметом различных спекуляций. Вполне очевидно, что фюрер подавлял в себе сексуальные желания в интересах сохранения своего имиджа как мужественного и великого фюрера. Во многом именно этим объясняются многочисленные мифы о его безудержной, маниакальной энергии. Некоторые персоны из ближайшего окружения Гитлера утверждают, что он никогда не занимался любовью с Евой Браун. Но ее служанка была убеждена, что это неправда, поскольку во время своих визитов в Бергхоф Ева использовала специальные таблетки, чтобы прервать менструальный цикл. Ужасающее физическое состояние

Гитлера под конец войны сделало его еще менее привлекательным в сексуальном смысле, однако Ева, как и большинство особ женского пола из гитлеровского окружения, была буквально помешана на нем. Вряд ли сегодня удастся найти твердые доказательства того, что отношения между Гитлером и Евой Браун являлись более близкими, чем это официально признано. Но тот страстный поцелуй, которым он наградил свою подругу в момент, когда она отказалась покинуть его в бункере и уехать в Баварию, свидетельствует в пользу версии, что некая форма сексуального контакта между ними все-таки была.

На Еву Браун, равно как и на самого Гитлера, неизгладимое впечатление оказывали художественные фильмы. Обсуждение различных картин стало основным предметом их разговоров между собой. Еву всегда расстраивал тот факт, что она не может участвовать вместе со звездами экрана в официальных приемах, устраиваемых доктором Геббельсом. Возможно также, что под влиянием кинокартин она определила для себя и свой жизненный финал, который должен был свершиться рядом с любимым человеком. Последние письма Евы навеяны мелодраматическими настроениями. Более того, в них чувствуется, что она приписывает себе роль героини, которая долгое время оставалась в тени любимого человека. Однако подходит час, когда ее истинное предназначение станет очевидным для всех.

15 апреля личные вещи и мебель Евы Браун были перенесены в комнату, располагавшуюся по соседству с апартаментами самого фюрера. Здесь Ева оставалась и на ночь. "Она всегда выглядела просто безупречно, — вспоминал адъютант Гитлера по люфтваффе Николаус фон Белов. — Она была очаровательна и до самого конца не показала ни единого признака слабости"[624]. Боязнь оказаться в руках русских заставила Еву и секретаря Гитлера начать тренировки в стрельбе из пистолета. Занятия, которые очень понравились женщинам, происходили во дворе полуразрушенного здания министерства иностранных дел. Они даже вызывали на соревнование офицеров, которые работали в бункере фюрера.

"Мы уже можем слышать гром канонады, — писала Ева своей подруге Герте Остермайер. — Вся моя жизнь проходит сейчас в бункере. Как ты можешь себе представить, поспать удается совсем немного. Но я так счастлива сейчас, что нахожусь рядом с ним… Вчера я позвонила Гретл, вероятно, в последний раз. Сегодня это сделать уже невозможно. Но у меня сохраняется непоколебимая вера в то, что все еще изменится в лучшую сторону, и он также полон надежд"[625].

После отбоя воздушной тревоги берлинские женщины вновь

выстраивались в очереди перед продовольственными магазинами. Отдаленный гул артиллерийской канонады напоминал им, что, может быть, это их последняя возможность пополнить запасы питания. Несмотря на все невзгоды, теплое весеннее солнце поднимало настроение горожан. "Неожиданно люди вспомнили, что на дворе весна, — писала одна молодая девушка. — Сквозь смрад дымящихся руин до нас доносился душистый запах сирени, распускавшейся в соседнем саду"[626].

Последние новости с фронта сделались столь же необходимыми для берлинцев, как и продукты питания. Толпы народа уже заранее собирались у газетного киоска, ожидая прибытия разносчика газет. "Газета" теперь представляла собой всего один листок бумаги, заполненный с обеих сторон скорее не информацией, а пропагандистским материалом. Единственно полезным разделом в ней являлась ежедневная сводка событий, представленная командованием вермахта. Несмотря на свою витиеватую многословность, сводка тем не менее содержала названия населенных пунктов, захваченных противником. Именно исходя из этих названий берлинцы судили о том, как скоро можно ожидать прихода к ним русских войск. На сей раз в сводке был упомянут город Мюнхеберг, лежащий уже в семнадцати километрах к западу от Зеелова. Это означало, что фронт на Одере окончательно прорван.

Однако первоочередной заботой горожан оставалась еда. До них уже дошли слухи о том, что жители, уехавшие из Берлина в Силезию, доведены до скотского состояния. Они вынуждены питаться корнями деревьев и травой. Нередко в очередях слышались высказывания, что русские обязательно будут морить немцев голодом. Люди буквально помешались на пище. Она стала представлять для них основную заботу.

Следом за продуктами питания приоритетами для берлинцев являлись те вещи, которые можно поменять на еду. В этот день было объявлено, что горожане начнут получать так называемый "кризисный рацион". Он состоял из порций колбасы или бекона, риса, сушеного гороха, бобов или чечевицы, нескольких кусков сахара и небольшого количества жиров. Выдача этого "рациона" стала косвенным признанием властей, что город находится уже на осадном положении.

Подача газа, воды и электричества прерывалась за день по нескольку раз. Все это снижало жизненные условия существования берлинцев почти до примитивного уровня. Многие из них уже были вынуждены варить картофель на своем балконе на маленьком костре, обложенном тремя кирпичами. Предусмотрительные хозяйки паковали чемоданы с необходимой

провизией и спускали их в подвалы, где предстояло прятаться во время боев в самом городе.

С начала февраля на город уже было совершено восемьдесят три авиационных налета. Подобие нормальной жизни, которую берлинцы пытались поддерживать, несмотря на все невзгоды, разрушилось в прах.

Маршал Жуков вспоминал, что во второй половине дня 20 апреля дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии уже открыла огонь по самому Берлину[627]. Однако мало кто из берлинцев слышал об этом ударе. Жуков не знал, что 20 апреля являлось днем рождения Гитлера. Его основной целью было во что бы то ни стало открыть огонь по столице "третьего рейха" раньше войск Конева. Орудия стреляли с предельной дистанции, и снаряды могли долететь лишь до северо-восточных окраин города.

Когда Жуков получил подтверждение о том, что танки Конева в быстром темпе продвигаются к Берлину с южного направления, он отдал срочный приказ генералам Катукову и Богданову, командующим 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями. Маршал поставил перед ними "историческую задачу" — первыми ворваться в столицу Германии и водрузить над ней знамя Победы[628]. Генералам необходимо было выделить в каждом корпусе по одной лучшей бригаде и послать их на прорыв позиций противника. К 4 часам утра следующего дня Жуков ждал их доклада о выходе на окраины Берлина. Этот доклад предстояло немедленно послать Сталину и информировать о нем прессу. Однако первые танки Жукова появились на окраинах Берлина лишь вечером 21 апреля.

Тем временем юго-восточнее немецкой столицы танки Конева быстро продвигались в районе Шпреевальда. Основное внимание маршала было приковано теперь к 3-й танковой армии, приближающейся к южным окраинам столицы. Еще днем передовые соединения генерала Рыбалко попытались с ходу взять город Барут, расположенный в двадцати километрах к югу от Цоссена. Но первая попытка оказалась неудачной. Конев был недоволен. Он отругал Рыбалко за то, что генерал "двигается со скоростью червяка" и воюет всего лишь одной бригадой, тогда как вся армия стоит на месте[629]. Маршал приказал танкистам прорваться через линию Барут — Лукенвальде сквозь болота, используя те несколько дорог, которые проходили в этом районе. Приказ оканчивался словами "об исполнении донести". Барут взяли всего через два часа.

Вектор наступления 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко был направлено через Ютербог на Потсдам. Сталин

все еще опасался, что западные союзники могут неожиданно появиться на юго-западных окраинах Берлина. В тот же день Ставка предупредила Жукова, Конева и Рокоссовского о возможной скорой встрече с англо-американскими войсками и необходимости в этой связи иметь опознавательные сигналы[630]. Однако ни Ставку, ни самого Конева, казалось, не беспокоил тот факт, что войска 1-го Украинского фронта могут еще наткнуться на части немецкой 9-й армии Буссе, отходящие на запад по дорогам, расположенным южнее Берлина. Все мысли Конева, равно как и Жукова, были сосредоточены только на скорейшем прорыве к Берлину. Ночью Конев послал новый приказ своим командующим танковыми армиями Рыбалко и Лелюшенко, в котором категорически требовал уже днем ворваться в германскую столицу[631].

* * *

Отступление германских частей с Зееловских высот 19 и 20 апреля, по сути дела, означало крушение всего фронта обороны Берлина. Истощенные немецкие войска отступали так быстро, как только могли, и пытались защищаться только в том случае, если им угрожала непосредственная опасность со стороны прорвавшихся советских частей. Штаб немецкой 9-й армии еще информировал генерала Хейнрици об узлах германской обороны[632]. Однако эта оборона представляла собой не более чем карандашную отметку на карте попытку штабных офицеров сохранить хоть какой-то порядок в развернувшемся вокруг них хаосе.

Вечером 19 апреля 5-я ударная армия генерала Берзарина достигла окраин Штраусберга. Перед отступающими германскими войсками стояла непростая задача. Все дороги, ведущие в западном направлении, были переполнены беженцами. Когда советские танки Т-34 прорвались к аэродрому Вернойхен, немецкое командование приказало развернуть против них 88-миллиметровые зенитные орудия. Бой развернулся восточнее Берлина. Но, как вспоминал один из германских участников тех событий, "было абсолютно ясно, что этот бой не мог продолжаться долго"[633].

В течение всего утра 19 апреля дивизия СС "Нордланд" вела оборону северо-западнее Мюнхеберга. Штаб генерала Вейдлинга покинул этот район лишь накануне. Полк "Норвегия" был вынужден в срочном порядке отступить от Притцхагена, а полк "Дания" — в направлении лесного массива у Букова. Там в состав этой части влились подразделения гитлерюгенда и остатки 18-й моторизованной дивизии.

Вейдлинг приказал немедленно организовать контратаку

против наступающих советских частей. Но она окончилась неудачей. Разведывательный батальон дивизии "Нордланд" был практически окружен и вновь понес тяжелые потери. В еще худшее положение попали подразделения гитлерюгенда, которые оказались отрезаны от остальных немецких частей и попали под жестокий огонь советской артиллерии. Красноармейские танки предусмотрительно не приближались к немецким позициям, боясь выстрелов из

фаустпатронов. "Затем они стали стрелять по верхушкам деревьев, — как отмечалось в докладе командира подразделения Бекера. — Летящие сверху осколки поражали солдат, находящихся внизу"[634].

Оставшиеся в живых немцы были вынуждены срочно отступить в направлении Штраусберга по дороге, ведущей через сосновый лес. Русская пехота, при поддержке огня из танковых орудий, начала быстрое преследование. Входящие в дивизию "Нордланд" скандинавские части СС имели на вооружении лишь стрелковое оружие и всего несколько минометов. Брошенная им на поддержку самоходная артиллерийская установка была почти сразу же уничтожена советскими танками. К счастью, вскоре подошел "королевский тигр", который поджег два танка Т-34 и в конце концов спас ситуацию.

Остатки разведывательного батальона сосредоточились в лесу возле Штраусберга. Солдаты перевязывали раны, ремонтировали транспорт и чистили оружие. Плачевный вид военнослужащих ничуть не смутил штурмбаннфюрера СС Заальбаха, и он произнес перед ними торжественную речь, посвященную дню рождения фюрера и историческому значению битвы против большевиков, происходившей в настоящий момент.

Получивший ранение оберштурмбаннфюрер Лангендорф был отправлен в эсэсовский полевой госпиталь. Трансляция выступления Геббельса началась как раз в тот момент, когда его положили на операционный стол. Он успел услышать, как склонившийся над ним хирург проворчал: "Что хотели, то и получили"[635]. Медсестры, работавшие в госпитале, добровольно приехали в Германию из Голландии, Фландрии, Дании и Норвегии. Одна из норвежек, вспоминал Лангендорф, неожиданно обнаружила, что среди тяжелораненых солдат, только что привезенных в госпиталь, находится и ее возлюбленный. Она обняла его и положила руку раненого себе на колени. "Девушка оставалась вместе с ним до тех пор, пока он не умер". Как и большинство иностранных фашистов и национал-социалистов, скандинавские эсэсовцы, потеряв вначале свою родину, теряли теперь и весь смысл собственного существования.

Этот. факт, помноженный на дикую ненависть эсэсовцев к большевизму, делал их грозными противниками Красной Армии в период битвы за Берлин.

Большую часть дня полки "Дания" и "Норвегия" обороняли подходы к аэродрому в Штраусберге против наступающих танков генерала Катукова. Оберштурмбаннфюрер Клоц, командир полка "Дания", был убит прямым попаданием в его автомобиль советского снаряда. Останки своего командира эсэсовские солдаты отнесли в небольшую часовню на близлежащем кладбище. У них не было времени нормально похоронить его. Вскоре они получили приказ о дальнейшем отступлении в юго-западном направлении — к кольцевой дороге вокруг Берлина.

Командование дивизии "Нордланд" избегало при отходе передвижения по большим дорогам. Шоссе Райхсштрассе-1 было забито беженцами, в районе Рюдерсдорфа движение и вовсе напоминало хаос. Колонны автомобилей постоянно застревали в пробках, создаваемых повозками мирных жителей. Все они становились прекрасными мишенями для атак советских штурмовиков. Германские солдаты, не получавшие нормального питания уже в течение целых пяти дней, не задумываясь, врывались в дома, оставленные своими хозяевами. Некоторые из них оказались настолько истощены, что валились с ног и засыпали, едва наполнив желудок какой-нибудь едой. Они даже не снимали шинелей, на которых все еще была окопная грязь. Солдаты могли спать столько времени, сколько им позволял противник. Многие просыпались, лишь заслышав звуки стрельбы. Один член гитлерюгенда провалился в сон настолько глубоко, что очнулся лишь тогда, когда бой шел уже вокруг дома, где он находился.

Германские офицеры старались навести порядок всеми возможными способами. Однако применять для этой цели личное оружие теперь было опасно. Один майор остановил самоходное зенитное орудие, на борту которого находились раненые военнослужащие. Он приказал водителю разворачиваться и двигаться в сторону фронта. В ответ ему сказали, что орудие выведено из строя и в бою все равно будет бесполезным. Тем не менее майор продолжал настаивать на своем и распорядился, чтобы раненые были сняты на землю. Неожиданно послышался громкий крик фольксштурмовца, стоявшего неподалеку: "Да пристрелите вы его! Убейте его!" Майору пришлось срочно ретироваться. Авторитет офицера, если он не поддерживался автоматами полевой жандармерии, уже не оказывал на отступающих солдат большого эффекта.

Хаос, творящийся на дорогах, усиливался всевозможными

паническими слухами. Информация о том, что "Иван уже здесь!" (фальшивая либо достоверная), то и дело распространялась в колоннах немецких солдат. Германские военнослужащие утверждали, что часто видели "предателей Зейдлица", которые говорили, что имеют приказ отступать до Потсдама, расположенного к юго-западу от Берлина. Возможно, что эти утверждения являлись сущей правдой, поскольку 7-е отделы политуправлений советских армий посылали "антифашистски настроенных" военнопленных для выполнения специальных заданий на германской стороне. Причем рисковали в этом случае только сами военнопленные.

Некоторые бойцы, все еще одетые в шапки-ушанки и телогрейки, испытывали большую зависть к тем, кто уже перешел на летнюю форму одежды. Зато во время боев в лесных массивах у восточных окраин немецкой столицы красноармейцы чувствовали себя почти как дома. "Чем ближе мы подходили к воротам Берлина, — отмечал один из русских солдат, — тем больше окружающая местность напоминала окраины Москвы"[636]. Вспоминали красноармейцы и свои привычки. Так, 20 апреля, как отмечалось в одном из донесений, город Мюнхеберг подвергся разграблению солдатами и офицерами в основном специальных (танковых и артиллерийских) частей. Более чем пятьдесят военнослужащих пришлось арестовать, некоторые из них затем были переведены в стрелковые подразделения. Они воровали одежду, ботинки и другие вещи практически на глазах у местного населения. Свои поступки советские солдаты объясняли желанием послать что-нибудь к себе домой[637].

Пока войска 56-го корпуса Вейдлинга отходили под напором противника к западным окраинам Берлина, остатки 101-го корпуса отступали севернее столицы. Часть сил этого объединения в ночь на 19 апреля вышла в район Бернау. Поскольку в распоряжении командования оставалось все меньше исправных автомобилей, раненых приходилось оставлять прямо у дорог. Большинство из них, по всей видимости, вскоре погибли от огня советской артиллерии и авиации.

Войска, прибывающие в Бернау, являлись в основном либо учебными частями, либо разношерстными подразделениями, состоящими из военнослужащих различных родов войск. Как только солдаты добирались до места отдыха — школы или жилого дома, — они тотчас же валились спать. Одна группа связистов нашла себе убежище в заброшенном сарае. Но с рассветом 20 апреля немцы были вновь атакованы частями 125-го стрелкового корпуса 47-й армии. Унтер-офицер растолкал спящих

германских военнослужащих и приказал занять оборону. "Все это было уже бесполезно"[638], - комментировал позднее события того дня один из бывших офицеров вермахта. Однако солдаты поднимались и вновь шли в бой, поскольку никто им пока не отдавал другого приказа.

Бой за Бернау — последняя сколько-нибудь значительная оборонительная акция перед началом сражений в самом Берлине — был чрезвычайно кровопролитным, хаотичным и коротким. Немецкие офицеры, командовавшие молодыми солдатами, довольно быстро осознали, что не в силах предотвратить возникшей паники. Вслед за ней началось массовое бегство в тыл. Как только Бернау взяли войска советской 47-й армии, батарея 30-й гвардейской артиллерийской бригады была развернута в сторону Берлина и открыла огонь по столице Германии[639]. Тем временем части 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова вышли к северо-восточным пригородам города в район кольцевой автодороги. О ней ходили слухи как о выдающемся шедевре инженерной мысли, однако те из советских бойцов, кто был знаком с достижениями сталинского режима, отнеслись к ней достаточно презрительно.

7-е отделы все в большем количестве стали использовать для пропаганды плененных солдат противника. Так, 20 апреля на фронте 3-й ударной армии обратно к своим товарищам было послано сразу пять пленных фольксштурмовцев. Согласно донесению, все они возвратились на следующий день, приведя с собой почти целый батальон[640]. Однако, несмотря на все уверения советской пропаганды в хорошем отношении к сдающемся в плен вражеским солдатам, многие красноармейцы упорно продолжали искать среди немцев военнослужащих частей СС. Они еще не утолили свое чувство мести. "Ты — эсэсовец!" — то и дело кричали они какому-нибудь солдату противника. Те немцы, которые в ответ на это удивленно улыбались, подвергали себя большой опасности быть избитыми. Некоторые из германских военнослужащих, захваченные частями НКВД, были обвинены в участии в организации "Вервольф". Их вынуждали признаваться в том, что они имели задание отравлять колодцы и реки[641].

Штаб генерала Буссе и основные силы его 9-й армии (11-й танковый корпус СС, 5-й горнострелковый корпус и гарнизон, оборонявший Франкфурт-на-Одере) начали отступление в юго-западном направлении. Их путь лежал теперь к Шпреевальде, хотя из гитлеровского бункера следовали приказы, что фронт на Одере не должен быть сдан ни при каких обстоятельствах.

Вечером 20 апреля у фюрера вновь возникло желание любой

ценой продолжить контратаки. В то время как маршалы Жуков и Конев стали поторапливать свои армии, Гитлер приказал генералу Кребсу организовать удар из района западнее Берлина против войск 1-го Украинского фронта, стремящихся окружить город[642]. Группировка, которая должна была опрокинуть 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии, состояла из дивизии "Фридрих Людвиг Ян", набранной из служащих рабочих батальонов, и так называемого "Танкового отряда Вюнсдорфа", в котором едва насчитывалось полдюжины танков из учебного центра, располагавшегося в этом городе.

В тот же день в район Штраусберга был послан полицейский батальон, перед которым стояла задача "вылавливать и судить дезертиров, расстреливать любого солдата, который покинул свою позицию без приказа сверху"[643]. Но теперь в разразившемся всеобщем хаосе эти полицейские бежали порой впереди самих дезертиров. Один из немецких солдат, добровольно сдавшийся в русский плен, рассказал на допросе, что "еще до того, как советские войска начали наступление, в Берлине было повешено до сорока тысяч военнослужащих, обвиненных в дезертирстве". По мнению этого солдата, число казней значительно возросло после начала операции, хотя полиция и гестапо все равно не могли держать ситуацию под контролем.

Глава восемнадцатая
Отлет "золотых фазанов"

Субботним утром 21 апреля, сразу после того как авиация западных союзников произвела свой последний налет на Берлин, штаб генерала Реймана, расположенный на Гогенцоллерндамм, заполнился людьми в коричневой униформе. Высшие партийные чиновники прибыли сюда, чтобы испросить официального разрешения покинуть столицу рейха. Наконец-то настал тот момент, когда "золотые фазаны" были вынуждены обратиться с прошением к армейскому начальству. Дело в том, что Геббельс, как рейхскомиссар обороны Берлина, отдал приказ, который гласил: "Ни один человек, еще способный держать оружие, не может выехать из столицы"[644]. Следовательно, для чиновников оставалась лишь одна возможность — пойти за разрешением в штаб обороны Берлина.

"Крысы бегут с тонущего корабля", — прокомментировал все это представление начальник штаба Реймана полковник фон Рефиор. Рейман получил подтверждение, что может выдавать подобные разрешения. В течение короткого времени он приказал оформить две тысячи пропусков для "кабинетных бойцов", которые ранее всегда обвиняли армию в пораженческих настроениях. Рейман заявил, что оборона города только выиграет от того, что он избавится от этих трусов.

Некоторое время спустя вопрос о трусости и предательстве вновь возник на повестке дня. Его озвучил Геббельс в своей речи, транслировавшейся радиостанцией "Вервольфа", расположенной в Кёнигс-Вустерхаузене. Геббельс призвал всех членов "Вервольфа", находящихся в Берлине и Бранденбурге, подниматься на борьбу против врага[645]. Он утверждал, что все трусы и предатели уже покинули столицу Германии. Но "фюрер не улетел в Южную Германию. Он остался в Берлине, и вместе с ним находятся его доверенные люди, которые будут участвовать в этом историческом сражении… Солдаты и офицеры на фронте, — продолжал министр пропаганды, — теперь вы становитесь не просто свидетелями величайшей битвы в истории рейха, но и участвуете в завершающем этапе национал-социалистской революции. В нашем строю остались лишь самые решительные и бескомпромиссные революционные борцы". Геббельс, однако, не упоминал о том, что огромное число фольксштурмовцев и молодых призывников шли на фронт только под страхом смерти — из-за угрозы в противном случае быть повешенными за

трусость и предательство.

Интенсивный артиллерийский обстрел Берлина начался в 9 часов 30 минут, спустя всего два часа после завершения последнего налета на столицу союзной авиации. Адъютант фюрера по войскам СС Отто Гюнше отмечал, что спустя всего несколько минут после пробуждения от сна Гитлер появился в коридоре бункера, который одновременно являлся и прихожей. Он был злым и небритым. "Что происходит? — прокричал он стоявшим рядом генералу Бургдорфу, полковнику фон Белову и самому Гюнше. — Откуда ведется огонь?"[646]

Бургдорф ответил, что центр Берлина находится под обстрелом тяжелой советской артиллерии. "Неужели русские так близко?" — спросил Гитлер, явно шокированный этим известием.

Генерал Казаков выдвинул вперед дивизии артиллерийского прорыва и батареи тяжелых орудий, включая 152-миллиметровые и 203-миллиметровые гаубицы. Многие советские снаряды были разрисованы специальными "посланиями": "По крысе Геббельсу!", "За Сталинград!", "По жирному Герингу!", "За наших вдов и сирот!"[647]. Политработники призывали бойцов вести огонь безостановочно. Старшие артиллерийские командиры были особенно горды своей ролью в этой битве и не раз отмечали, что являются "богом войны"[648]. Начиная с этого дня и до 2 мая 1945 года по Берлину было выпущено миллион восемьсот тысяч советских снарядов[649].

Потери среди горожан, особенно среди женщин, стоявших в очередях несмотря ни на что, были очень большими. Их искалеченные тела были разбросаны по всей Германплац на юго-западе Берлина — это были те люди, которые стояли в очередь к универсальному магазину "Карштадт". Других берлинцев разрывы снарядов накрыли в очереди за питьевой водой. Пересечение какой-нибудь улицы превратилось в смертельно опасное предприятие. Большинство горожан опасалось теперь без крайней необходимости покидать подвалы домов. Однако некоторые из них все же шли на риск, чтобы спрятать во дворе или в саду оставшиеся у них ценные вещи — золотые либо серебряные изделия. Однако непрекращающийся артиллерийский огонь вскоре снова загонял их в укрытия.

Находящиеся в подвалах и бомбоубежищах берлинцы безошибочно определяли национальность пилотов, которые в данный момент сбрасывали на них свой смертоносный груз. Днем это были "ами" (американцы), а ночью — "томми" (англичане). "Подземное племя"[650], как называли тогда всех берлинцев, все же не было совершенно однородно. Различие между жителями престижных районов и рабочих окраин оставалось. И в любом

укрытии можно было найти одного или двух закоренелых нацистов, которые убеждали других и, видимо, самих себя, что окончательная победа Германии неизбежна. Поэтому простые горожане, разговаривая о фюрере, не называли его по имени, а говорили просто "он" или "этот".

Тот или иной талисман приобрел для людей особое значение. Так, мать постоянно таскала с собой запасной протез ноги своего искалеченного сына, все еще остававшегося в осажденном Бреслау. Многие берлинцы выработали для себя определенные правила поведения, которые, как они верили, помогут им остаться в живых. Например, некоторые из них полагали, что им нечего бояться прямого попадания авиабомбы, если, ложась спать, они обернут вокруг головы полотенце. Другие убедили себя в том, что, наклоняясь вперед во время разрыва снаряда или бомбы, они уберегают легкие от деформации. Суеверие людей доходило почти до абсурда. Когда звучал сигнал отбоя воздушной тревоги, в бомбоубежищах еще долго слышался нервный смех и плоские шутки. Наибольшим успехом среди женщин, и прежде всего женщин пожилого возраста, пользовалось следующее выражение: "Лучше русский на твоем животе, чем американец на твоей голове".

В течение всего дня, пока потрепанные германские части продолжали отступление, Гитлер продолжал требовать от генерала Буссе удерживать занимаемые позиции. Однако 9-я армия оставила их еще два дня назад. Остаток левого фланга объединения — 101-й корпус — был вынужден отойти из района Бернау. Военнослужащий охранного полка "Великая Германия" Вольфрам Кертц был ранен неподалеку от Блумберга, в районе шоссе, ведущего к северо-восточным окраинам Берлина. Из более чем тысячи солдат и офицеров этого полка лишь сорок добрались до города. Теперь все зависело от "солдатского везения". Кертц был оставлен товарищами под стеной храма. Вскоре появились русские и обнаружили его. Красноармейцы, увидев на шее Кертца Железный крест, спросили: "Ты генерал?"[651] Затем они положили его на повозку и отправили в штаб для допроса. Первое, что хотел выяснить у него советский офицер, жив ли еще Гитлер или нет. Затем он попросил Кертца рассказать все, что он знает о планах немцев договориться с американцами и совместно с ними ударить против Красной Армии.

Несомненно, что корни такого подозрительного отношения к своим союзникам произрастали из Кремля. На самом деле американцы были еще полны решимости уничтожать противника, где бы они его ни встретили. Севернее Дессау их сухопутные войска и авиация наносили непрекращающиеся удары по дивизии

"Шарнхорст"[652], входящей в 12-ю армию. Так американское командование мстило за неожиданное нападение сил люфтваффе на переправы через Эльбу. К 21 апреля в строю батальона из дивизии "Шарнхорст", которым командовал Петер Реттих, осталось всего пятьдесят человек.

На центральном участке 9-й армии отступал 56-й танковый корпус генерала Вейдлинга. Советские войска уже теснили его за кольцевую автодорогу. По обеим сторонам шоссе валялись убитые, которые стали жертвами налетов советских штурмовиков. Тем не менее поток беженцев не уменьшался.

Мирные жители окружали немецких солдат, требуя от них последних новостей о продвижении противника. Однако сами германские военнослужащие имели слабое представление о том, что на самом деле происходит на фронте. На всех перекрестках стояли посты полевой жандармерии. Они останавливали одиночек и целые группы военнослужащих и формировали из них маршевые роты. Придорожные деревья использовались для экзекуций, на груди повешенных немецких солдат висели таблички — "Я был трусом". Самыми счастливыми оказались тс германские военнослужащие, которых посылали оборонять дома в стороне от дорог. Там впервые за много дней они могли нормально поесть, помыться и сбрить щетину с лица.

Рота под командованием штурмбаннфюрера Лоренца, входящая в состав дивизии "Нордланд", заняла оборону в районе Петерсхагена. Ей была поставлена следующая задача — при поддержке огня нескольких бронеавтомобилей сдерживать атаки подразделений 8-й гвардейской армии. Внезапно рота подверглась массированному обстрелу со стороны советской реактивной артиллерии. Некоторые данные свидетельствуют, что снаряды "катюш" были начинены специальным веществом, напоминающим напалм. Многие немецкие бронеавтомобили мгновенно загорелись, а некоторые из них взорвались. Германские солдаты в панике бросились к машинам и покинули район обстрела. Но на земле осталось много раненых, которые теперь были предоставлены собственной судьбе. Несмотря на угрозу жизни, Лоренц и его радист не потеряли присутствие духа и стали оказывать помощь этим несчастным. Лоренц остановил один из бронеавтомобилей и приказал загрузить в него тех раненых, которых еще можно было спасти. Затем они отправились в полевой лазарет, разместившийся в амбаре неподалеку от командного пункта. У Лоренца возникло дурное предчувствие[653], и действительно — следующий залп "катюш" накрыл уже их машину. Сам он получил ранение в плечо, тогда как все его попутчики, по-видимому, были убиты.

Неподалеку от этого места отходила колонна курсантов учебного батальона, в составе которой находился Герхард Тиллери. У шлагбаума перед Хоппегартеном он неожиданно увидел полковника из штаба их дивизии. Офицер приветствовал удивленных курсантов возгласом: "Рад видеть вас дома живыми и здоровыми"[654]. Однако эти слова оказались преждевременными. Тиллери попал в состав только что сформированной роты, командование которой принял молодой и очень решительный артиллерийский офицер. Как быстро выяснилось, он не имел никакого боевого опыта. Подразделение было вновь послано в сторону фронта и заняло оборонительную позицию прямо посреди кладбища. Справа от них находились подразделения фольксштурма и полицейский батальон. Во время кратковременного затишья Тиллери и несколько его товарищей были посланы в близлежащую деревню, чтобы достать там хоть немного еды. После того как они успешно выполнили это поручение, Тиллери стал готовиться к бою. Все солдаты прекрасно понимали, что ждать русского наступления долго не придется, и твердо знали, что перед атакой советская артиллерия и минометы проутюжат каждый клочок земли, который будет хоть сколько-нибудь напоминать оборонительный рубеж.

К востоку от Берлина остаткам 9-й армии противостояли соединения 5-й ударной армии и 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова. Однако Жуков поставил перед 8-й гвардейской армией задачу продвигаться не только к восточным, но и к южным окраинам города в направлении реки Шпрее. Он хотел, чтобы совместными действиями армия Чуйкова и 1-я гвардейская танковая армия Катукова ворвались в германскую столицу с юго-запада. Жуков надеялся, что такой демарш закроет Коневу путь на Берлин. 21 апреля танковые бригады Катукова и стрелковые части 8-й гвардейской армии захватили Эркнер, находящийся южнее Рюдерсдорфа.

Для того чтобы окружить Берлин с северного фланга, Жуков приказал 47-й армии наступать в направлении Шпандау, а 2-й гвардейской танковой армии — на Ораниенбург. Давление со стороны Сталина вынуждало маршала подгонять командующих соединениями. Он предупреждал их — поскольку советские части продвигаются недостаточно быстро, союзники могут внезапно подойти к Берлину и взять его[655]. Действительно, передовые танковые бригады, которые должны были ворваться в германскую столицу еще 20 апреля, появились на окраинах города только вечером 21 апреля. Жуков отказывался признавать тот факт, что наступление танков в таком сильно застроенном пространстве неизбежно приведет к большим потерям. За каждым домом по

обеим сторонам дорог, за каждым деревом и даже кустом мог скрываться член гитлерюгенда или фольксштурма, вооруженный фаустпатроном. Этой же ночью на окраины Мальхова и Гогеншёнхаузена вышли передовые стрелковые части 3-й и 5-й ударных армий.

Тем временем в двадцати километрах к югу от Берлина, в Цоссене, царила атмосфера тревожного ожидания. За день до этого (когда появилась информация о возможном прорыве советских танков с южного направления) генерал Кребс распорядился послать на разведку одно из подразделений по охране штаба ОКХ. В 6 часов 21 апреля адъютант Кребса, капитан Болдт, был разбужен неожиданно раздавшимся телефонным звонком. На связь вышел оберлейтенант Кренкель, который сообщил, что заметил в районе Барута колонну из сорока советских танков, двигающуюся по направлению к Цоссену. Кренкель был намерен атаковать их. Однако капитан Болдт прекрасно понимал, что легкие разведывательные бронемашины не могут составить никакой конкуренции танкам Т-34. О сложившейся ситуации был немедленно информирован генерал Кребс, который позвонил в рейхсканцелярию и попросил разрешения как можно скорее эвакуировать все штабные службы. Но Гитлер категорически запретил это делать. К 11 часам, незадолго до начала оперативного совещания в Цоссене, уже можно было слышать выстрелы из танковых орудий. Один из штабных офицеров предупредил, что советские бронированные машины могут появиться здесь уже через полчаса. Последовало новое сообщение от оберлейтенанта Кренкеля. Организованная им атака захлебнулась, и разведывательное подразделение понесло большие потери. Теперь уже не оставалось никаких сил, чтобы остановить советские танки.

Генерал Кребс обратился к офицерам, собравшимся на последнее оперативное совещание в Цоссене, привычной фразой: "Если вы готовы, господа…" Но всем присутствующим было тяжело сосредоточить мысли на чем-либо ином, кроме как на угрозе со стороны приближающихся советских танков. Офицеры думали о своем неизбежном пленении и последующей отправке в сибирские лагеря. Однако вскоре звуки выстрелов из башенных орудий прекратились. Советские танки остановились к северу от Барута по той простой причине, что у них закончилось горючее. Затем пришло еще более обнадеживающее известие. В час дня из рейхсканцелярии позвонил генерал Бургдорф и сообщил, что ответственные офицеры штаба ОКХ должны переехать на базу люфтваффе в Эйхе, расположенную неподалеку от Потсдама, а их коллеги из примыкающих бункеров штаба ОКБ — на танковую

базу в Крампнице. Это решение было принято как раз вовремя.

Кроме того, в юго-восточном направлении, в Баварию, отправили большую колонну автомобилей, в которой находилось штабное оборудование и обслуживающий персонал, ранее работавший в Цоссене. Это был ужасный марш. Еще ничего не зная о танках генерала Лелюшенко, уже перерезавших их путь впереди, германские штабисты попали под бомбежку собственных самолетов, совершавших один из своих последних боевых рейдов. Немецкие летчики ошиблись и приняли машины вермахта за советскую колонну. Тем временем германские автомобили, отправленные в Потсдам, двигались параллельным курсом с передовыми бригадами армии Лелюшенко.

Во второй половине дня советские части достигли Цоссена. Солдаты передвигались по брошенному в спешке штабному комплексу с осторожностью и изумлением. Строения, известные под условными названиями "Майбах-I" и "Майбах-II", располагались неподалеку друг от друга и были замаскированы деревьями и специальной камуфляжной сеткой. Красноармейцев и их командиров удивил вид массивных железобетонных конструкций и брошенных в них документов. Некоторые из бойцов совершили тур по подземному бункеру, их сопровождал местный служащий. Он провел их по длинным галереям, в которых стояли мощные генераторы. Там же лежали оперативные карты, телефонные и телеграфные аппараты. Первым делом бойцы заинтересовались линиями связи. Совсем недавно, когда германская армия находилась на вершине славы, эти линии простирались на огромном пространстве, соединяя штабы ОКБ и ОКХ с частями вермахта, разбросанными от Волги до Пиренеев и от мыса Нордкап в Норвегии до пустыни Сахара. Кроме штабного работника, красноармейцы нашли в бункере всего четырех немецких военнослужащих. Три из них сразу же сдались. Четвертый этого сделать не смог по причине того, что был смертельно пьян.

Внезапно зазвонил телефон. К нему подошел советский солдат и снял трубку. На другом конце провода, очевидно, находился старший германский офицер, спрашивавший об оперативной обстановке. "Иван уже здесь", — ответил советский солдат и предложил немцу идти к чертовой матери.

Пока штабная колонна генерала Кребса двигалась в направлении западных окраин Берлина, среди немецкого командования распространился слух, что генерал Вейдлинг также передислоцировал свой командный пункт в район к северу от Потсдама — в Дёберитц. Этот слух стал причиной трагикомедии, разыгравшейся два дня спустя, когда Гитлер вначале хотел

расстрелять Вейдлинга за предательство и трусость, но затем назначил его командующим обороной Берлина.

Фюрер воспринял начало артиллерийского обстрела германской столицы как личное оскорбление. Судя по "посланиям", написанным на советских снарядах, оно не было таким уж безосновательным капризом. Гитлер сразу же стал обвинять командование люфтваффе, которое, по его мнению, несло ответственность за подобное развитие событий.

Не в первый раз фюрер стал угрожать расстрелом генералу Коллеру. Его нисколько не беспокоил тот факт, что число исправных немецких самолетов снижалось катастрофическим образом. Не было и горючего для их заправки. Но Гитлер считал, что лишь его гнев мог побудить генералов к действию. Он также полагал, что русские, в попытке окружить Берлин с севера, сильно растянули свой правый фланг, и именно здесь немецкие части должны нанести мощный контрудар. В этой связи он упомянул находившийся к северо-востоку от Эберсвальде 3-й "Германский" корпус СС, которым командовал обергруппенфюрер Феликс Штейнер. Гитлер не принимал в расчет, что генерал Хейнрици уже перебросил большинство имевшихся в его распоряжении дивизий на подмогу 9-й армии. Теперь корпус Штейнера, по данным штаба группы армий "Висла", располагал силами, эквивалентными всего трем пехотным батальонам, которые могли поддержать лишь несколько танков[656].

Гитлер, потерявший чувство реальности, стал даже говорить об "армейской группе Штейнера", что уже не укладывалось ни в какие рамки. На все возражения он отвечал, что эта "группа" в любом случае должна быть усилена частями 101-го корпуса, отходящего в район к северу от Берлина. Он даже подумал о том, не передать ли Штейнеру еще и личную охрану Геринга в Каринхолле — но к тому моменту охранники уже испарились. В решающее сражение предстояло идти всем пехотинцам, морякам и летчикам, которые еще были способны держать в руках оружие или штурвал. Командиру, оставившему свою боевую часть, грозил расстрел. Смертный приговор надлежало приводить в действие не позднее пяти часов после ареста. Гитлер слепо верил в истинность замечания, сделанного когда-то Фридрихом Великим: "Того, кто бросает в бой свой последний батальон, ждет слава победителя". Фюрер был убежден, что безрассудный риск и игра чужими жизнями придают полководцу печать величия.

Штейнера ошарашил телефонный звонок из бункера фюрера и приказ об организации атаки на противника. После того как генерал привел свои нервы в порядок, он связался с Кребсом и попытался объяснить тому истинное положение дел. Но как раз в

этот момент Кребс стоял рядом с Гитлером.

К тому же было уже поздно что-то менять. Штейнеру предстояло ударить по наступающим войскам правого фланга 1-го Белорусского фронта. В противном случае ему угрожал расстрел. Когда генерал Хейнрици позвонил в рейхсканцелярию и стал протестовать против этого приказа, в ответ он услышал от Кребса, что решение уже принято, а связать его по телефону с фюрером нельзя, поскольку тот очень занят. Ночью Гитлер снял генерала Реймана с поста командующего обороной Берлина. В этом решении его убедил генерал Бургдорф. Фигура Реймана не вызывала поддержки и у рейхскомиссара обороны Берлина Геббельса. Тот невзлюбил генерала еще после того, как Рейман отказался переместить свой командный пункт в бункер, расположенный на территории зоопарка, то есть по соседству с бункером самого Геббельса. Теперь Рейману предстояло принять командование недоукомплектованной дивизией в Потсдаме, которая получила громкий титул "группа армий "Шпрее". Две кандидатуры, предложенные на пост командующего обороной Берлина, были отвергнуты Гитлером. В конце концов он остановился на полковнике Кетере, который имел одно неоспоримое преимущество перед другими лицами: Кетер являлся специалистом по национал-социалистскому воспитанию. Ему было присвоено звание генерал-майора, а потом и генерал-лейтенанта, однако на следующий же день это новое назначение было отменено. Таким образом, должность командующего обороной столицы рейха на момент прорыва советских танков к окраинам города все еще оставалась вакантной.

Жуков по-прежнему считал, что его войска наступают слишком медленно. Воскресенье 22 апреля являлось той датой, когда он уже должен был докладывать в Ставку о падении Берлина, но к этому времени передовые части 1-го Белорусского фронта всего лишь приблизились к городским кварталам. Утром Жуков информировал своих командующих армиями, что оборона германской столицы на самом деле организована достаточно слабо, однако советские части продвигаются вперед очень медленно[657]. Он приказал вести наступление круглые сутки[658]. Со своей стороны, политуправление фронта напоминало красноармейцам и их командирам, что 22 апреля является днем рождения Ленина, и распорядилось выделить для боевых частей дополнительное количество красных флагов. Их предстояло закрепить на многоэтажных столичных зданиях, стоящих на пути наступающих войск.

Река Шпрее отнюдь не испугала советских бойцов. Один из офицеров отзывался о ней как о "грязной и заболоченной

речке"[659]. Однако здесь, в районе Бранденбурга, Жуков вновь недооценил условий местности, как это ранее случилось с ним перед Зееловскими высотами. Многочисленные лесные массивы, речки, каналы и озера являлись серьезным препятствием для наступающих частей. Только благодаря большому опыту, который уже имелся у советских бойцов, грамотным действиям разведчиков и саперных подразделений темпы наступления фронта по-прежнему оставались высокими. 1-я гвардейская танковая армия, выйдя к Шпрее в районе Кёпеника, стала быстро наводить понтонную переправу и приготовилась форсировать реку с ходу.

Стрелковые части 8-й гвардейской армии, наступавшие вместе с танкистами, сломали оборону 56-го корпуса генерала Вейдлинга и вынудили немцев к отходу в городские кварталы. Справа от 8-й гвардейской армии к восточным окраинам Берлина вышла 5-я ударная армия, тогда как 3-я ударная армия продвигалась к северной части города и далее имела задачу наступать в направлении центра. 2-я гвардейская танковая армия должна была ворваться в столицу рейха через Зименсштадт и наступать в сторону Шарлоттенбурга. Еще далее на западе находились колонны 47-й армии, ошеломившей французских военнопленных в Ораниенбурге видом своих повозок на верблюжьей тяге. Перед ней стояла цель завершить окружение вражеской группировки, находящейся в Берлине, с северного направления.

Утром 22 апреля генерал Вейдлинг собрал на совещание своих командиров дивизий. Им предстояло обсудить сложившуюся ситуацию. Все офицеры высказались за то, чтобы срочно организовать прорыв в южном направлении и соединиться там с остатками двух корпусов 9-й армии генерала Буссе. Особое мнение имел лишь бригаденфюрер СС Циглер, командир дивизии "Нордланд". К удивлению Вейдлинга, он не скрывал своего желания присоединиться к Штейнеру. Трудно было сказать, чем руководствовался в тот момент Циглер — эсэсовским фанатизмом либо желанием выручить скандинавских добровольцев и вместе с ними уйти к датской границе.

Дивизия "Нордланд" продолжала пока оборонять Мальедорф и ворота в Берлин на шоссе Райхсштрассе-1. В Фридрихсфельде одно из немецких подразделений заставило французских военнопленных копать траншеи и укреплять огневые позиции орудий. После сильной советской атаки, произошедшей днем, эсэсовская дивизия была вынуждена отойти к Карлсхорсту. Германские военнослужащие, не успев как следует закрепиться на новом месте, снова попали под ураганный огонь советской

артиллерии[660].

Прошла уже неделя с тех пор, как немецкие солдаты получили свой последний паек, который состоял лишь из нескольких граммов сыра, порции черствого хлеба и бутылки, наполненной чаем или кофе. Теперь они могли рассчитывать не более чем на кусок свинины, оставленный хозяевами какого-нибудь брошенного дома. Обычно немцы не стеснялись и открывали двери таких домов с помощью прикладов. Солдаты были грязными, небритыми, с кроваво-красными от усталости и недосыпания глазами.

Соединения 9-й армии, отступавшие к юго-востоку от дивизии "Нордланд", находились в еще более худшем состоянии. Приказ Гитлера удерживать позиции на Одере потерял всякий смысл. Остатки 11-го танкового корпуса СС, 5-го горнострелкового корпуса СС и гарнизона Франкфурта-на-Одере начали отход в направлении Шпреевальда. Солдаты шли группами и поодиночке. Из них уже было невозможно сформировать боеспособные части, которые бы строго подчинялись приказам штаба 9-й армии. По обеим сторонам дорог стояли брошенные автомобили, у них закончилось горючее.

Отступление немецких войск прикрывали слабые авангарды, сопротивление которых советским танковым соединениям не могло продолжаться долгое время. Рейнгардт Аппель был среди тех подростков из гитлерюгенда, из каковых вначале наспех сформировали боевое подразделение на Олимпийском

стадионе, а затем приказали двигаться в сторону Мюльрозе и сменить там солдат из дивизии "30 января". Аппель наверняка бы погиб, но, к счастью, его жизнь спас опытный унтер-офицер, не раз награжденный в ходе боев на Восточном фронте. Когда к их позициям стали приближаться советские солдаты, Аппель, желая подороже продать свою жизнь, поднялся на ноги и приготовился кинуть гранату. Но в этот момент унтер-офицер схватил его за плечо, вырвал гранату и зажал ее в руке. Он обругал подростка за бездумную храбрость в совершенно безнадежной ситуации. Подбежавшие русские приказали немецким солдатам выходить из укрытий. Аппель и унтер-офицер прикрепили к палке белый носовой платок и подняли руки вверх. Советские автоматчики стали кричать им "Война капут!" и "Гитлер капут!" Затем они разоружили германских военнослужащих и отняли у них наручные часы. Члену гитлерюгенда и унтер-офицеру было приказано становиться в колонну вместе с другими молодыми солдатами и двигаться к востоку, в направлении Одера.

А за день до этого в восьмидесяти километрах от Мюль-розе наступающие соединения 3-й гвардейской танковой армии

ворвались в Кёнигс-Вустерхаузен. Всего за шесть суток советские танкисты преодолели расстояние в сто семьдесят четыре километра. От передовых частей 8-й гвардейской армии Чуйкова, находящихся на северном берегу Мюггельзее, их отделяла цепь озер и каналов. Это означало, что остатки 9-й армии генерала Буссе оказались в фактическом окружении.

После получения информации о большой концентрации сил противника в Шпреевальде маршал Конев приказал командованию 28-й армии ускорить движение[661]. Части армии, посаженные на автомашины, должны были прикрыть брешь, образовавшуюся между 3-й гвардейской армией генерала Гордова, ведущей боевые действия в районе Котбуса, и 3-й гвардейской танковой армией генерала Рыбалко, наступающей на Берлин. Конев распорядился также усилить армию Рыбалко корпусом артиллерийского прорыва — "мощной кувалдой" — и зенитным дивизионом.

К вечеру 22 апреля три танковых корпуса армии генерала Рыбалко вышли к Тельтов-каналу — южному периметру линии обороны Берлина. Немецкие солдаты немало удивились, столкнувшись лицом к лицу с советскими боевыми машинами[662]. В донесении командования 3-й гвардейской танковой армии об этом событии было образно сказано, что советские танки свалились на голову немцам как "снег посреди лета"[663]. Германские линии связи работали настолько плохо, что штаб группы армий "Висла" ничего не знал об этом русском прорыве. Были предприняты отчаянные шаги для того, чтобы спасти хотя бы часть припасов, находящихся в складах на южном берегу канала. Однако, "даже когда русские танки находились на расстоянии всего в несколько сот метров от складов, — говорилось в отчете германской части, — их служащие все еще отказывались удовлетворять заявку на снабжение подразделения фольксштурма, находящегося на северном берегу канала, поскольку заявка не была заполнена по всей форме". Теперь вместо провизии фольксштурмовцам предстояло получить полновесную порцию огня из советских орудий.

Советский 9-й механизированный корпус вел бои за Лихтенраде, 6-й гвардейский танковый корпус захватил Тельтов, а действующий на его левом фланге 7-й гвардейский танковый корпус ворвался в Штаисдорф. Часть сил 4-й гвардейской танковой армии находилась уже в десяти километрах от Потсдама, а два корпуса генерала Лелюшенко, обходя Берлин с западного направления, прокладывали себе путь навстречу 47-й армии 1-го Белорусского фронта. Войска двух фронтов разделяли всего сорок километров.

Французские военнопленные из Шталаг-III, расположенного неподалеку от Тельтов-канала, грелись на солнце, наслаждаясь теплой весенней погодой, когда неожиданно услышали лязг гусениц и скрежет рвущейся колючей проволоки, опоясывающей их лагерь. "Примерно в пять часов вечера, — вспоминал один из французов, — появился первый русский солдат. Было видно, что он находится в хорошем расположении духа, но свой автомат он держал наготове. Солдат шел по краю дороги. Он даже не удосужился посмотреть в нашу сторону"[664]. Спустя некоторое время в лагере появились советские офицеры. Всем заключенным из СССР было приказано срочно построиться. Затем им вручили автоматы. По всей видимости, этих людей сразу же бросили в бой.

Другой французский военнопленный вспоминал, как он встретился глазами с подростком из гитлерюгенда. Его лицо было почти как у ребенка. Глаза мальчишки тоскливо смотрели из-под огромного стального шлема, надетого на голову. Парнишка из гитлерюгенда сидел в небольшом окопе и держал в руках фаустпатрон. Казалось, он нисколько не сомневается, что скоро этот окоп станет его могилой.

Быстро продвигаясь в северном направлении, танковые соединения 1-го Украинского фронта отрезали пути отхода многотысячным колоннам немецких беженцев. В повозках мирных жителей пряталось теперь немало германских военнослужащих, переодевшихся в гражданскую одежду. Те немецкие солдаты, которые все же прорвались по тылам 4-й гвардейской танковой армии на запад, немедленно разносили слух о скором приближении частей Красной Армии. В то время как целых три советских корпуса завершали окружение Берлина с западного направления, 5-й гвардейский механизированный корпус получил приказ наступать в сторону Эльбы, для того чтобы сорвать любую попытку 12-й армии генерала Венка пробиться к остаткам 9-й армии генерала Буссе.

Медсестра Рут Шварц, которая помогала эвакуировать больных детей из Потсдама, теперь работала в госпитале неподалеку от Беелитц-Хайльштеттена. 21 апреля она была поражена новостью о том, что русские находятся уже в Ютербоге, менее чем в сорока километрах отсюда. Немедленно решили раздать больным и раненым сухой паек, состоящий из шоколада, копченой колбасы и галет. Медсестры стали ночевать группами по четыре человека в каждой палате в надежде, что это может уберечь их во время прихода русских солдат. Их сердца трепетали от страха в ожидании встречи с красноармейцами[665].

22 апреля до них дошла информация, что русские уже взяли

Шёнефельд, до которого было всего десять километров. Старшая медсестра Элизабет фон Клеве, которая прибыла сюда с частью медицинского персонала и ранеными из потсдамского госпиталя, распорядилась об организации церковной службы и сама зажгла свечи перед алтарем. На службу пришли сотни пациентов, которые молились о спасении своей души. Когда они запели псалмы, по их щекам потекли слезы. У больных, раненых и медсестер оставалась лишь одна-единственная надежда, которая основывалась на слухе, будто Беелитц-Хайльштеттен объявлен интернациональной зоной под протекторатом швейцарского Красного Креста. Но эта надежда рухнула уже на следующий день, когда им сообщили, что русские вошли в Беелитц и там начались "грабежи, пожары и насилия". "Для своей защиты, — вспоминала Рут Шварц, — я приготовила маленькие маникюрные ножницы". Затем она и остальные медсестры продолжили свою обычную работу.

Советское командование не теряло бдительности в собственном тылу. Там существовали свои проблемы. То и дело поступала информация об отдельных группах немецких солдат, которые старались вырваться из окружения в западном направлении. Они уже долгое время не получали нормального питания и, отчаявшись, нападали на конные повозки и даже на отдельных красноармейцев, пытаясь завладеть хоть какой-нибудь едой[666].

Несмотря на приближающийся конец войны, военнослужащие частей НКВД продолжали крайне подозрительно относиться к поведению и моральному облику красноармейцев. Так, в одном донесении присутствовала информация о чрезвычайном происшествии с поваром Марией Мазуркевич. Встретив офицера из дивизии, в которой она служила ранее, Мазуркевич села в его автомобиль и уехала. Этот случай рассматривался как дезертирство, и были приняты все меры к поимке девушки[667]. Добавим, что доклад о происшествии появился на фоне непрекращающихся грабежей, насилий и убийств. Но фактически никто не предпринимал никаких жестких шагов для предотвращения подобных явлений.

В это время из Москвы на 1-й Белорусский фронт вернулся Василий Гроссман. Фронтовая дорога привела его в Ландсберг. Внимание писателя привлекли дети, игравшие в войну на плоской крыше дома. И это все происходило в тот момент, когда германский империализм, как отмечал Гроссман, доживал свои последние дни в осажденном Берлине. Длинноногие, коротко остриженные мальчишки со светлыми челками были вооружены деревянными мечами и дубинками. Они прыгали, бегали и

изображали боевые схватки. Гроссману подумалось в тот момент, что так будет продолжаться вечно. Это невозможно устранить из человеческой натуры. Но пессимистические настроения писателя вскоре развеялись. Он увидел Бранденбург, залитый лучами солнечного света. Кругом распускались цветы, благоухали сирень, яблони, тюльпаны, пели птицы. Казалось, что самой природе не было никакого дела до того, что в этот момент происходит с фашистским режимом[668]. На своем пути Гроссман повстречал колонну бывших военнопленных. Люди ехали на повозках, шли пешком. Многие из них толкали перед собой тачки или коляски. О том, что это были французы, писатель догадался по самодельному трехцветному флагу, развевавшемуся во главе колонны.

Одним из признаков скорого поражения Германии стало быстрое сокращение активности нацистской пропаганды. 21 апреля прекратили работу Трансокеанское агентство новостей и студия государственного радио в Берлине. На следующий день профашистски настроенные националисты из Ирландской редакции озвучили свое последнее обвинение в адрес англичан и американцев, которые продали Европу Советскому Союзу. Но это была уже агония. Через два дня передатчик в Науене захватили советские войска.

Все больше и больше берлинцев отваживались слушать передачи Би-би-си по оставшимся у них радиоприемникам. Некоторые даже заводили дискуссии вокруг последних новостей от западных союзников. Однако отключение электроэнергии стало теперь серьезным препятствием в получении информации. Эффективность такой "цензуры" превзошла все предыдущие усилия полицейских органов. Лондон пока не располагал достоверными данными о характере советского наступления на берлинском направлении, однако упоминание в его радиопередаче об освобождении к северу от Берлина концентрационного лагеря Заксенхаузен-Ораниенбург давало ясное представление о глубине продвижения частей Красной Армии и о ее намерении окружить германскую столицу. Би-би-си рассказывала о содеянных нацистами преступлениях, и это было еще одним предупреждением берлинцам, что им не избежать мести со стороны победителей. Однако большинство горожан продолжали верить, что истории о концентрационных лагерях являются не более чем вражеской пропагандой.

За исключением работающих от батареи радиоприемников и расклеенных объявлений о новых рационах продовольственного снабжения, большинство новостей теперь распространялось посредством устного общения. Берлинцам становилось все

сложнее отделять реальные факты от слухов. Надежды, остававшиеся у людей, неожиданно и резко сменялись ожиданием кошмарного конца — как если бы на разогретого солнечным теплом человека вдруг обрушивался холодный проливной дождь. Мирным гражданам было тяжело поверить, что они уже не живут в столице могущественной империи, оккупировавшей всю Европу. Сравнение своего прежнего статуса с окружающей реальностью, с лежащими в руинах городскими кварталами вызывало шок. Гнетущее впечатление производил и новый образ германской армии, считавшейся когда-то всесильной моторизованной машиной. Теперь же перед глазами берлинцев проходили колонны усталых пехотинцев, за которыми следовали повозки, запряженные маленькими польскими лошадьми.

Постоянные обстрелы города артиллеристами генерала Казакова накалили нервы берлинцев до предела. Они вдруг осознали, что выражение "грохот пушек" может использоваться отнюдь не только в поэзии, но и по своему прямому назначению. Грохот разрывов сливался в единую какофонию и напоминал гигантский шторм. Погибнуть боялись все жители, но у женской половины был и свой особый страх перед приближающейся лавиной русских войск. Автор одного анонимного дневника отмечала, что женщины, стоя в очередях за продуктами и обсуждая вопрос, насколько далеко продвинулся противник, соблюдали негласное соглашение: "Никто не должен говорить про "это"[669].

"Мы живем в странное время, — добавляла она. — Будущие историки могут, наверное, посвятить целые книги событиям всего одного дня. Однако сейчас мои мысли заняты только повседневными заботами и страхами. Моя история очень скучная. Завтра я хочу собрать немного крапивы и поискать угля".

Гитлер, напротив, считал, что историей является он сам, и его личность уже стала бессмертной. Не в пример Гиммлеру он не желал что-либо менять в своем образе и давать повод говорить о себе в более мягких тонах. Его убежденность в необходимости самой кровавой и тотальной развязке теперь лишь усилилась. Одна из причин, по которой он остался в Берлине, была достаточно очевидной. Захват его цитадели в Берхтесгадене не мог идти ни в какое сравнение с падением Берлина. Только гибель в столице созданной им империи, среди величественных монументов нацистского режима, могла поставить завершающую точку в его земной карьере.

Поздним вечером 21 апреля, после отдачи приказа Штейнеру организовать контратаку, Гитлер буквально свалился с ног. Личный врач фюрера, доктор Морель, нашел его в таком слабом

состоянии, что предложил сделать инъекцию лекарства, стимулирующего организм. Гитлер пришел в негодование. Он давно подозревал, что генералы хотят одурманить его морфином и отправить на самолете в Зальцбург. Практически все время, за исключением лишь тех моментов, когда он руководил оперативным совещанием, фюрер находился в бункере. Он сидел в комнате, погруженный в свои мысли, и не сводил глаз с портрета Фридриха Великого. Кайзер стал для него иконой.

Все утро 22 апреля Гитлер требовал срочных новостей об атаке частей генерала Штейнера. Он приказал генералу Коллеру, начальнику штаба люфтваффе, послать специальный самолет и убедиться, что Штейнер уже перешел в наступление. Он также попросил Гиммлера узнать подробности о складывающейся ситуации. Но рейхсфюрера СС сейчас мало интересовал вопрос о положении на фронте к северу от Берлина. Он и его выдвиженец, группенфюрер Вальтер Шелленберг (Шелленберг дослужился только до бригаденфюрера, — Примеч. ред.), были заняты организацией секретных переговоров с западными союзниками через графа Бернадотта. Гиммлер, нисколько не задумываясь, дал очень оптимистическую оценку положения, которую Гитлер воспринял как реальный факт.

Однако на совещании, происходившем в полдень, до Гитлера дошла информация, что части Штейнера не продвинулись ни на шаг. Более того, советские войска прорвали северную часть периметра обороны вокруг германской столицы и продолжали наступление. Гитлер взорвался. Раньше его обманывали только армейские генералы, а теперь это стали делать и высшие чины СС. Его негодование было еще более сильным, чем во время последнего совещания с Гудерианом. После того как фюрер выпустил из себя все эмоции, он рухнул в кресло. Впервые Гитлер открыто, при всех, сказал, что война проиграна. Кейтель, Йодль, Кребс и Бургдорф были шокированы этим признанием. Далее Гитлер продолжил, что, поскольку он слишком слаб и не может принять смерть в бою, то застрелит себя сам, дабы не попасть в руки противника. Окружающие военачальники постарались убедить фюрера вылететь, пока не поздно, в Берхтесгаден, но тот уже принял окончательное решение. Гитлер приказал Кейтелю, Йодлю и Борману отправляться на юг Германии, но те отказались. Фюрер отметил, что любой, кто еще хочет улететь, может это сделать, но сам он останется в Берлине до конца. Гитлер также распорядился, чтобы о таком его решении было сделано официальное заявление.

Вскоре в рейхсканцелярию прибыл Геббельс, который также имел намерение убедить Гитлера покинуть Берлин. Но перед ним

стояла практически непосильная задача, поскольку он сам уже решил, что останется в столице Германии. Некоторое время министр пропаганды разговаривал с Гитлером в отдельной комнате, стараясь успокоить последнего. Выйдя из комнаты, Геббельс объявил всем присутствующим, что в бункер должна прибыть его семья. Он и его жена Магда приняли решение убить себя и всех своих шестерых детей, о чем оповещен фюрер.

Затем появился сам Гитлер. Все присутствовавшие были удивлены его убийственным спокойствием. В этот момент Йодль предложил фюреру произвести перегруппировку 12-й армии Венка — вывести ее с Западного фронта на Эльбе и направить на помощь осажденному Берлину. Гитлер согласился. "Фельдмаршалу Кейтелю, — записал Йодль, — приказано координировать совместные действия 12-й и 9-й армий, которые должны были прорвать кольцо окружения"[670]. Кейтель хотел уже уходить, но на некоторое время его попросили задержаться. Фюрер распорядился, чтобы фельдмаршала снабдили в дорогу бутербродами, шоколадом и бутылкой коньяка. Лишь после этого Кейтель отправился в штаб 12-й армии Венка, а Йодль — в штаб ОКВ, расположенный на новой базе в Крампнице, к северу от Потсдама.

Споры среди историков о психическом состоянии Гитлера в то время, о его возможном сумасшествии, видимо, никогда не прекратятся. Но полковник де Мезьер, видевший фюрера вечером 22 апреля, а ранее присутствовавший на ряде оперативных совещаний в рейхсканцелярии, был убежден, что "умственное помешательство Гитлера основывалось на гипертрофированном отождествлении самого себя со своей нацией"[671]. Этот момент во многом объясняет, почему фюрер, в частности, считал, что вместе с ним в Берлине должны погибнуть и все его жители. Однако Гитлер не сожалел об этих потерях. Крушение созданной им империи могло сопровождаться только гибелью всего немецкого народа, который в час катастрофы должен был унести с собой в могилу как можно больше своих врагов. Мысль об этом, видимо, доставляла фюреру реальное наслаждение. "Потери никогда не могут быть слишком большими, — отмечал он еще в 1942 году во время разговора с фельдмаршалом Рейхенау (последний докладывал о тяжелом положении в эсэсовском соединении "Лейбштандарт Адольф Гитлер"), — Они являются семенами будущей славы"[672].

Мероприятия по эвакуации в Берхтесгаден (операция "Зераглио") ускорялись всеми возможными мерами. Была создана специальная команда. Адмирал фон Путткамер, адъютант Гитлера по военно-морскому флоту, получил задание уничтожить все

официальные бумаги фюрера, находящиеся в Бергхофе. Юлиус Шауб, личный адъютант Гитлера, который ранее занимался оформлением документов в рейхсканцелярии, должен был сжечь всю его частную корреспонденцию. Двоих из четырех секретарш фюрера уже отослали на юг. Доктор Морель, который, по-видимому, трясся от страха, договорился, чтобы он также был принят в эту команду. С собой он захватил портфель, набитый записями о медицинском освидетельствовании Гитлера.

До разведслужб западных союзников доходила и более экстравагантная информация о путях эвакуации из Берлина. Государственный департамент США предупредил свое посольство в Мадриде, что "нацистские лидеры планируют вылететь в Японию через Норвегию. До Норвегии они якобы долетят на "Хейнкеле-177С", где их уже будут ожидать специальные самолеты — возможно, "викинги" — для беспосадочного полета в Японию"[673]. Имелись данные и о том, что испанские нацисты разрабатывают планы отправки в Германию подводных лодок, загруженных продовольствием. Причем на обратном пути они должны были захватить с собой германских вождей. Подтверждалось и наличие госпиталей в Швейцарии, в которых также "под предлогом ранения или болезни находились граждане Германии. На самом деле, — говорилось в документе, — там скрываются важные нацистские персоны"[674]. Однако более достоверными, видимо, являлись данные, что "замаскированные немецкие самолеты продолжают переправлять в Испанию видных нацистов". Среди них был и бывший премьер-министр вишистского правительства Франции Пьер Лаваль, который был посажен в Германии на "юнкере" без опознавательных знаков и доставлен в Барселону. Франко посчитал необходимым вернуть Лаваля во Францию, хотя ряд других нацистов получили в Испании убежище.

Огромное количество людей, укрывавшихся теперь в рейхсканцелярии, вынудило обслуживающий персонал бункера держать двери внутренних помещений постоянно открытыми. Майор Фрайтаг фон Лорингхофен, прибывший в бункер вместе с генералом Кребсом, заметил, что вентиляция работает все еще хорошо. Однако в комнате, где проходило оперативное совещание, собралось примерно человек двадцать, и там практически невозможно было дышать. Все присутствующие стояли. Единственным исключением являлся сам Адольф Гитлер, сидевший в кресле. Утомленные генералы, казалось, почти спали и готовы были рухнуть на пол. Непрекращающиеся бомбардировки и артобстрелы стали причиной появления в стенах бункера многочисленных трещин. Воздух был заполнен

едкой пылью. Поскольку в нижних отсеках бункера, где, собственно, и располагались апартаменты Гитлера, курить категорически запрещалось, люди, которые не могли обойтись без сигарет, поднимались на верхний уровень подземной конструкции. В то время когда на улицах города простые берлинцы стояли в очередях за скудным продовольственным пайком, здесь, внизу, кладовые ломились от запасов еды и алкоголя[675]. Огромное количество спиртного не располагало к здравым размышлениям. "В бункере, — вспоминал полковник де Мезьер, — царила атмосфера полного разложения. Здесь можно было увидеть и смертельно пьяных людей, и тех, кто продолжал работать в бешеном ритме. Никакой дисциплины практически уже не существовало"[676]. Распутство стало казаться еще более отвратительным на фоне появления в бункере осколка "семейных ценностей". Сюда вместе со своими шестью детьми прибыла фрау Геббельс. Жестокость и сентиментальность создавали в подземелье ни с чем не сравнимый контраст.

Фрайтаг фон Лорингхофен находился на верхнем ярусе бункера, когда увидел, как Магда Геббельс спускается вниз по бетонной лестнице с детьми. Она выглядела в этот момент очень "женственной". Ее дети — Хельга, Хильда, Хельмут, Хольде, Хедда и Хайде — были в возрасте от пяти до двенадцати лет. Их имена начинались с одной и той же буквы отнюдь не по морской традиции называть таким образом корабли одного класса, а потому, что эта буква была первой в имени самого фюрера (Hitler). Магда вела своих детей, словно бы в школу. Их бледные лица резко выделялись на фоне черных костюмов. Старшая дочь Хельга казалась очень расстроенной, но не плакала. Гитлер знал о принятом Геббельсом и его женой решении убить своих детей прежде, чем они сами покончат жизнь самоубийством. Это доказательство тотальной лояльности фюреру побудило последнего вручить Магде собственный золотой значок нацистской партии, который он никогда ранее не снимал со своего пиджака. На тех, кто наблюдал за прибытием в бункер семейства Геббельса, данное событие произвело отрезвляющий эффект. Теперь уже всем было известно, что эти дети будут убиты собственными родителями в качестве высшего доказательства преданности вождю партии и нации.

Во второй половине дня, истощив запасы своего гнева, Гитлер отправился в комнату Евы Браун[677]. Он распорядился позвать сюда также двух своих секретарш, Герду Кристиан и Траудл Юнге, своего австрийского диетолога Констанцию Манзиали и секретаршу Бормана Эльзу Крюгер. Гитлер сказал женщинам, что они должны срочно покинуть Берлин и выехать в Бергхоф вместе

с остальным персоналом. В ответ на это Ева Браун улыбнулась и подошла к своему возлюбленному. "Вы прекрасно знаете, что я никогда не покину вас, — сказала она. — Я останусь с вами до конца". Гитлер приблизился к ней и публично поцеловал прямо в губы. Этот поступок удивил всех, кто хорошо знал фюрера. Траудл Юнге и Герда Кристиан сказали, что они также останутся здесь. Гитлер посмотрел на них с любовью в глазах. "Если бы хоть один из моих генералов был таким же храбрым, как вы…" — заметил он. После этого Гитлер раздал женщинам в качестве прощального подарка таблетки цианида.

Видимо, сразу после этого Ева Браун написала последнее письмо своей лучшей подруге, Герте Остермайер. Послание должны были отправить по адресу вместе со всеми ее ювелирными украшениями. В письме Ева давала указания, каким образом следует распорядиться драгоценностями. В основном она хотела, чтобы они помогли друзьям "удержаться на плаву", когда настанут тяжелые времена. "Извини меня, если я пишу немного сбивчиво, — продолжала Ева, — но сейчас я окружена шестью детьми Геббельса], и они не думают успокаиваться. Что еще я должна сказать тебе? Я не могу понять, как мы дошли до этого, но после всего происшедшего более невозможно верить в Бога"[678].

Глава девятнадцатая
Город под обстрелом

23 апреля пражское радио, находящееся пока под германским контролем, сообщило, что решение фюрера остаться в столице "третьего рейха" означает начало "битвы, которая определит судьбу всей Европы"[679]. Тем же утром газета 3-й ударной армии вышла под заголовком: "Родина радуется! Мы на улицах Берлина!" События последних лет произвели странную метаморфозу: национал-социализм приобрел международную окраску, тогда как интернациональный коммунизм — сделался очень патриотическим.

Однако жителей Берлина теперь мало волновали идеологические особенности. Под непрекращающимся артиллерийским обстрелом у них был лишь один интерес — выжить. Самое худшее еще только начиналось. Генерал Казаков подтянул к восточным окраинам города — на линию, ведущую к Силезскому вокзалу, — тяжелые 600-миллиметровые осадные орудия, двигающиеся на специальных широких гусеницах[680]. Каждый снаряд такого орудия весил полтонны.

Кроме бомбоубежищ, расположенных под тремя башнями для зенитных орудий, самым большим укрытием в Берлине являлся бункер возле Ангальтского вокзала. Это массивное железобетонное сооружение имело три нижних яруса и два этажа над поверхностью земли. Толщина его стен достигала четырех с половиной метров. Внутри граждане могли пользоваться деревянными столами и табуретками. Им также должны были предоставлять паек, состоящий из консервированных сардин. Однако, как правило, с едой и обогревом случались постоянные перебои. Одним из главных достоинств бункера у Ангальтского вокзала была его прямая связь с тоннелем метрополитена, хотя сами поезда метро уже не ходили. Люди имели возможность пройти отсюда пять километров пешком до самого вокзала Нордбанхоф, ни разу не подвергнув свою жизнь опасности.

Условия пребывания в бункере стали теперь поистине ужасными, поскольку здесь размещались не менее чем двенадцать тысяч человек на площади в три тысячи шестьсот квадратных метров. Три такой давке люди не имели никакой возможности добраться до уборной, даже если она и была открытой. Одна женщина рассказывала о том, как ей пришлось целых шесть дней провести на одном и том же месте. Для немцев, привыкших к гигиене, это было тяжелым испытанием, однако теперь, когда

городские коммуникации оказались повреждены, главной проблемой для них стал дефицит питьевой воды. Рядом со станцией еще работала одна колонка, и молодые женщины, часто подвергая себя смертельному риску, брали ведра и перебегали улицу, чтобы набрать воды. Многие из них погибли, поскольку станция являлась одной из главных целей для советской артиллерии. Но те, кому удавалось вернуться обратно живыми, получали огромную благодарность от больных и ослабших горожан, которые нуждались в глотке чистой влаги. Иногда люди, которые не отваживались совершить такой опасный рейд к колонке, обменивали воду на съестные припасы.

Баррикады, возведенные берлинцами против советских танков, служили основными пунктами контроля полевой жандармерии. Здесь задерживали всякого, кто мог походить на дезертира. Тем не менее в подвалах домов стало появляться все больше солдат и офицеров, переодевшихся в гражданскую одежду. "Дезертирство стало теперь вполне обычным, даже оправданным явлением"[681], - отмечала 23 апреля в дневнике одна из берлинских женщин. Она думала в тот момент о трехстах спартанцах царя Леонида во время сражения при Фермопилах, о котором им рассказывали еще в школе. "Может быть, и найдется сейчас триста немецких солдат, — продолжала она, — которые будут вести себя подобным образом, но остальные три миллиона военнослужащих — нет. По своей природе мы, женщины, не приемлем героизма. Мы практичны и разумны. Мы оппортунисты. Мы предпочитаем видеть мужчин живыми".

Когда на следующее утро эта женщина отправилась на железнодорожные пути в поисках угля, то увидела, что военные заблокировали тоннель, ведущий в южном направлении. Его закрыли, опасаясь прорыва через него русских подразделений, уже вышедших на южные окраины Берлина. Очевидцы рассказали ей, что на другой стороне тоннеля висит казненный немецкий солдат, которого обвинили в дезертирстве. По-видимому, он был подвешен не так высоко от земли, поскольку немецкие дети развлекались тем, что закручивали его тело то в одну, то в другую сторону, а затем смотрели, как оно начинает вращаться в обратном направлении.

На обратном пути ее ужаснул вид "худых и бледных мальчишеских лиц, едва заметных под массивными стальными касками… Они казались такими тощими в своей форме, которая была им совсем не по размеру". Женщина спрашивала себя, почему ее так взволновал вид этих подростков. Ведь, если бы они оказались всего на несколько лет старше, она не была бы столь огорчена. Женщина пришла к заключению, что нарушен один из

основных законов природы человечества инстинкт самосохранения, и теперь на убой посылаются его еще совершенно незрелые плоды. Все это является не чем иным, как "симптомом сумасшествия".

Однако человеческая природа продолжала сопротивляться. Одним из побочных эффектов нарушения ее законов стала преждевременная сексуальная зрелость юнцов, отправляющихся на смерть. Приближение врага к стенам столицы сделало их желание поскорее потерять свою невинность особо острым. С другой стороны, девушки, хорошо осведомленные о том, что может случиться после прихода Красной Армии, предпочитали сделать это в первый раз с молодым немецким парнем, чем с пьяным и, возможно, грубым советским солдатом. В радиоцентре "Гроссдойчер рундфунк" на Мазуреналлее две трети персонала, состоящего в общей сложности из пятисот человек, являлись молодыми девушками, многим из которых едва исполнилось восемнадцать лет. В последних числах апреля среди груд бумаг и музыкальных пластинок распространилось "реальное чувство разложения"[682]. Одновременно усилилась сексуальная активность людей различных возрастов, местом проявления которой служили всяческие рабочие помещения, подвалы и кладовые. Эффект, оказываемый смертельной опасностью на сексуальные инстинкты людей, уже достаточно хорошо изучен и не может рассматриваться как некий феномен.

Один норвежский журналист, описывая атмосферу, творившуюся в городе, отмечал, что парни и девушки в униформе просто "следовали своим инстинктам" в "лихорадочном поиске удовольствия"[683]. Но все это происходило во многом на бессознательном уровне, особенно среди девушек, подвергавшихся риску быть изнасилованными. В любом случае, за исключением тех парочек, которые совокуплялись в районе бомбоубежища Зоо или в самом Тиргартене, как и в обычные дни, молодые люди занимались сексом из-за отчаянного желания получить успокоение.

Другим инстинктом берлинцев стало их стихийное желание создать как можно больше запасов. Они крутились теперь словно белки. Девятнадцатилетняя Герда Петерсон, работавшая секретарем в компании "Люфтганза", находилась в своем доме в Нойкёльне, когда до нее донесся слух, что на ближайшей железнодорожной станции целый вагон с припасами для люфтваффе сошел с рельсов. Девушка и все ее соседи моментально оценили ситуацию и устремились туда в надежде чем-либо поживиться. Они вскрывали все находившиеся в вагоне ящики, рассчитывая найти что-нибудь полезное. Внезапно

раздался гул низко летящих самолетов. Герда успела заметить стоящую рядом с ней женщину, обе руки которой были заняты рулонами туалетной бумаги. Советские самолеты сбросили на станцию несколько небольших бомб и обстреляли ее из пулеметов. Герда едва успела спрятаться под вагоном. Но женщина, которая держала в руках туалетную бумагу, была убита. "За какую ерунду она погибла!"[684] подумала в этот момент девушка. Последнее, что она успела взять с собой, перед тем как отправиться обратно домой, был пакет с "чрезвычайным" пайком для летчиков, в котором находились шока-кола и солодовые таблетки. И в дальнейшем эти таблетки самым неожиданным образом очень ей пригодились.

До людей доходили слухи о грабежах, совершенных в универмаге "Карштадт" на Германплац, где 21 апреля артиллерийский обстрел разметал в разные стороны длинную очередь покупателей. Согласно некоторым сведениям, эсэсовцы позволили мирным жителям забрать из магазина все, что они захотят, до того, как будет произведен подрыв этого здания. Когда же заложенная там мина сработала, то она убила многих людей, слишком увлекшихся сбором "подарков" и не слышавших последнего предупреждения. Однако на самом деле командование дивизии "Нордланд", дислоцировавшееся в этом районе, и не думало производить взрыв универмага. Напротив, это здание использовалось в качестве наблюдательного поста, с которого хорошо просматривались все передвижения советских войск в Нойкёльне и на аэродроме Темпельхоф.

По мере того как отключалось электричество и заканчивалось питание батарей у радиоприемников, слухи становились единственным источником информации. Неудивительно, что наибольшее распространение получали не подлинные факты, а непроверенные истории. Согласно одной из версий, фельдмаршал Модель вовсе не кончил жизнь самоубийством, а был тайно арестован агентами гестапо[685]. Ложь, которая распространялась нацистским режимом на протяжении многих лет, теперь заставляла берлинцев верить во что угодно, пусть и в совершенно неправдоподобные вещи.

7-й отдел политуправления 1-го Белорусского фронта[686] распространял среди жителей Берлина собственную информацию. В пропагандистских листовках, сброшенных над городом, говорилось, что сопротивление Красной Армии стало "полностью бесполезным". Единственный способ спасти свои жизни, предупреждали они, — это капитуляция, — глупо погибать за обанкротившийся нацистский режим. Некоторые листовки оформлялись в виде "пропуска", который должен был

предъявляться советским солдатам во время сдачи в плен. Офицеры 7-го отдела утверждали, что такой способ пропаганды имел большой успех, поскольку до пятидесяти процентов сдавшихся немецких солдат имели на руках подобные "пропуска". В общей сложности было сброшено девяносто пять различных видов листовок, напечатанных пятидесятимиллионным тиражом. Еще миллион шестьсот шестьдесят тысяч листовок распространили среди германских солдат и мирных жителей, посланных обратно в сторону немецких позиций. Во время Берлинской операции подобным образом использовали две тысячи триста шестьдесят пять граждан и две тысячи сто тридцать военнопленных. Причем последних возвратилась назад тысяча восемьсот сорок пять человек, и они привели с собой еще восемь тысяч триста сорок военнослужащих, пожелавших сдаться на милость советского командования. Тактика оказалась настолько удачной, что командующий 3-й ударной армией приказал выпускать немецких солдат в массовом порядке и использовать их на усмотрение политических работников.

Хорошо обученные и проинструктированные бывшие немецкие военнопленные "войска Зейдлица", как они еще проходили в сводках германского командования, — посылались через линию фронта вместе с письмами своим родным от недавно сдавшихся германских солдат. Капрал Макс С., например, писал: "Мои дорогие родители. Вчера я сдался русским солдатам. Раньше нам рассказывали, что русские расстреливают всех военнопленных, но это неправда. Русские относятся ко всем пленным очень хорошо. Они накормили и согрели меня. Я чувствую себя хорошо. Война скоро кончится, и я снова увижу вас, мои дорогие. Не беспокойтесь обо мне. Я жив и здоров". Сам стиль письма ясно свидетельствует, что оно писалось скорее всего под диктовку советского офицера, но, даже если это так, эффект, произведенный таким посланием, был куда более сильным, чем пропагандистский материал, заложенный в тысяче обычных листовок.

Одна из советских листовок, сброшенная над Берлином, содержала специальное обращение к немецким женщинам. Поскольку фашистская клика боится наказания, говорилось в ней, она хочет продолжения войны. По мнению советских политработников, берлинским женщинам нечего бояться. Никто не собирается их трогать[687]. Главная задача женщин — убедить германских солдат и офицеров сдаваться в плен. Конечно, советское командование должно было знать, что творилось на территории Германии, уже занятой войсками Красной Армии, и все эти успокоительные заверения являлись не чем иным, как

обманом. Советские пропагандисты организовали также специальные радиопередачи для "женщин, актеров, священников и профессоров", пытаясь убедить этих слушателей, что никакого вреда им нанесено не будет.

Более эффективное "послание" пришло к солдатам берлинского гарнизона "от жителей Фридрихсхафена"[688]. В нем, в частности, говорилось, что "спустя всего день после прихода Красной Армии жизнь в городе вошла в нормальное русло. Было организовано снабжение населения продуктами питания. Жители Фридрихсхафена, — отмечалось далее, — призывают вас не верить лживой пропаганде Геббельса о Красной Армии". Очевидно, что боязнь голода, и прежде всего голода среди своих детей, волновала женщин на тот момент даже больше, чем возможность подвергнуться изнасилованию.

Фельдмаршал Кейтель, за день до этого покинувший бункер рейхсканцелярии и снабженный заботливым Гитлером в дорогу бутербродами, шоколадом и коньяком, держал путь на юго-запад от столицы. Ему повезло, и он не встретился с танкистами генерала Лелюшенко. Первым делом Кейтель собирался заехать в штаб 20-го корпуса в Визенбурге, находящийся всего в тридцати километрах от американского плацдарма в районе Цербста. Этот корпус, находящийся под командованием генерала Кёлера, состоял в основном из так называемых "новых" дивизий, военнослужащие которых проходили до этого службу в рабочих батальонах. Конечно, им явно недоставало военной подготовки, однако их боевой дух, как это вскоре обнаружил генерал Венк, находился на достаточно высоком уровне.

Ранним утром 23 апреля фельдмаршал Кейтель добрался до командного пункта 12-й армии, расположенного в лесном массиве. Ему предстояло встретиться с генералом Венком и его начальником штаба полковником Райхельмом. Невозможно было найти двух более различных военачальников, чем Кейтель и Венк. Первый отличался помпезностью, тщеславием, глупостью, жестокостью и подобострастием к фюреру. Второй — молодостью, несмотря на то что имел уже седые волосы, ярко выраженной интеллигентностью и большим авторитетом среди коллег и подчиненных. Полковник Райхельм также отзывался о Кейтеле в крайне нелицеприятном тоне — "превосходный слуга, но отнюдь не фельдмаршал"[689]. Но такое отношение можно считать достаточно мягким. Кейтеля, который во всех вопросах безоговорочно придерживался точки зрения Гитлера, ненавидели практически все боевые офицеры как "могильщика армии"[690].

Кейтель начал читать нотации Венку и Райхельму о том, насколько необходима 12-я армия для спасения фюрера в

осажденном Берлине. Он говорил так, словно бы выступал на съезде нацистской партии, потрясая своим маршальским жезлом. "Мы дали ему возможность высказаться, и мы позволили ему уйти", — отмечал впоследствии Райхельм. Но у Венка в тот момент родилась уже другая идея. Он на самом деле собирался нанести удар в направлении Берлина, но только не для того, чтобы спасти Гитлера. Генерал хотел пробить коридор от германской столицы до Эльбы, чтобы позволить солдатам и мирным жителям избежать излишних жертв и насилий. Это была спасательная операция.

Гитлер, не доверяя своим генералам, распорядился, чтобы его приказ 12-й армии был транслирован по радио в качестве обращения "к солдатам армии Венка"[691]. Возможно, что это стало единственным случаем в истории, когда оперативный приказ получал публичную огласку еще в процессе сражения. Радио организации "Вервольф" немедленно исполнило желание Гитлера со следующим добавлением: "Фюрер, находящийся в Берлине, приказал, чтобы немецкие части, противостоящие американским войскам, были срочно переброшены на восток для обороны столицы. Шестнадцать дивизий уже начали передислокацию, их прибытие можно ожидать в любой момент"[692]. Одной из целью такого сообщения было заставить берлинцев поверить в то, что США теперь помогают Германии в борьбе против Красной Армии. По стечению ряда обстоятельств активность американской авиации на фронте у Эльбы в этот день несколько снизилась, что стало огромным облегчением для солдат 12-й армии.

Венк прекрасно понимал, что Кейтель является таким же фантазером, как и сам Гитлер. Любое предположение о том, что 12-я армия сможет опрокинуть войска целых двух советских танковых армий, являлось более чем сомнительным. "Поэтому мы издали свои собственные приказы"[693], - отмечал начальник оперативного отдела штаба армии Венка полковник Гумбольдт. Венк планировал ударить на Потсдам лишь частью своих сил, тогда как основная масса его объединения должна была продвигаться в восточном направлении — южнее Берлина — для оказания помощи окруженной 9-й армии генерала Буссе. "Мы находились в радиоконтакте со штабом 9-й армии, — продолжал Гумбольдт, — и знали, где находятся его войска". На фронте против американцев должны были остаться только заградительные отряды.

Во второй половине дня командиры соединений 12-й армии получили подробные приказы об организации атаки. Сам генерал Венк сел в автомобиль и отправился в войска для того, чтобы

лично обратиться к молодым солдатам. Одним предстояло наступать на северо-восток — в направлении Потсдама, а другим — на Тройенбритцен и Беелитц, где располагался госпитальный комплекс. "Ребята, вы должны сделать еще одно усилие, — сказал им Венк. — Речь уже не идет о Берлине, и даже не о рейхе"[694]. Перед солдатами 12-й армии стояла задача спасти людей от смерти и от русского плена. Ханс Дитрих Геншер, служивший в то время сапером в составе армии Венка, вспоминал, что в этот момент всех солдат и офицеров охватило "чувство сопричастности, ответственности и боевого товарищества"[695].

Все солдаты были воодушевлены предстоящим наступлением, несмотря на то что его задачи виделись ими по-разному. Одни действительно считали предстоящую операцию гуманитарной миссией, другие же шли в бой из-за того, что им противостояли теперь русские, а не американцы. "Итак, мы поворачиваем свой фронт! — писал Петер Реттих, командир потрепанного американцами батальона из дивизии "Шарнхорст". — Теперь нам предстоит марш на восток против Иванов"[696].

Другой ключевой фигурой обороны Берлина в этот момент стал генерал Гельмут Вейдлинг, командир 56-го танкового корпуса. Вейдлинг чрезвычайно напоминал Эриха Штрогейма (вероятно, имеется в виду известный американский киноактер. — Примеч. ред.}, только с волосами на голове и профессорской внешностью.

Утром 23 апреля Вейдлинг дозвонился до бункера фюрера, чтобы доложить о сложившейся ситуации. На другом конце провода ему ответил генерал Кребс, который разговаривал "подозрительно холодно". Он вдруг сообщил Вейдлингу, что тот уже приговорен к смертной казни за трусость. Однако эти слова не смутили командира корпуса. Тем же вечером он, как ни в чем не бывало, появился в бункере фюрера. Гитлер был шокирован. Он решил, что если уж этот человек не испугался появиться у него на глазах, не испугался расстрела, то именно он должен теперь руководить обороной всего Берлина. Полковник Рефиор расценил это решение фюрера как очередную "трагикомедию", типичную для нацистского режима[697].

56-й корпус находился в ужасном состоянии[698]. От 9-й парашютной дивизии осталось лишь несколько основательно потрепанных подразделений. То же самое можно было сказать и о танковой дивизии "Мюнхеберг". 20-я моторизованная дивизия находилась чуть в лучшем состоянии, однако ее командир, генерал-майор Шольц, незадолго до вступления его соединения в Берлин покончил жизнь самоубийством. Только дивизия "Нордланд" и 18-я моторизованная дивизия могли считаться

относительно боеспособными формированиями. Вейдлинг принял решение отвести 18-ю моторизованную дивизию назад и держать ее в резерве для нанесения контрудара. Остальные соединения он распределил по всем секторам обороны, эти боевые единицы должны были составить ее главный каркас.

Оборона города делилась на восемь секторов, обозначавшихся буквами алфавита — от "А" до "Н". Каждый сектор возглавлял свой командир ~ генерал или полковник, однако мало кто из них имел фронтовой опыт. За внешним периметром обороны располагался внутренний, который проходил по кольцевой железнодорожной линии[699]. Оборона самого центра ограничивалась каналом Ландвер на юге и рекой Шпрее — на севере. Достойными препятствиями на пути наступающих советских войск могли служить лишь три бетонные зенитные башни Зообункер, Гумбольдтхайн и Фридрихсхайн. В их арсеналах было еще много снарядов для 128- и 20-миллиметровых орудий. Кроме того, башни имели хорошую связь со всеми столичными районами, проходившую по подземным кабелям. Самой большой проблемой являлось то, что там находились уже тысячи раненых солдат и гражданских лиц.

Вейдлинга не могло не тревожить, что ему предстояло оборонять Берлин против полутора миллионов советских солдат, имея в распоряжении всего около сорока пяти тысяч военнослужащих вермахта и войск СС и порядка сорока тысяч фольксштурмовцев. Его бронированный кулак состоял всего из шестидесяти танков, большинство из которых входило в его собственный корпус. По идее в подчинение Вейдлинга должен был войти батальон истребителей танков, оснащенный автомобилями "фольксваген" — по шесть противотанковых ракет в каждом, но никто не мог найти следы этого подразделения. В центральном, правительственном, округе обороной командовал бригаденфюрер СС Монке, в подчинении у которого находилось две тысячи человек, охранявших рейхсканцелярию.

(По советским оценкам, германские войска в Берлине насчитывали сто восемьдесят тысяч человек. Эта цифра появилась за счет того, что в нее включались все военнопленные, которые впоследствии были захвачены частями Красной Армии. Однако пленными считались и невооруженные фольксштурмовцы, и полицейские, и железнодорожные служащие, и личный состав рабочих батальонов. Конечно, немалую роль в этих подсчетах играла и пропаганда.)

Первое, с чем пришлось столкнуться генералу Вейдлингу во второй половине дня 23 апреля, — угроза прорыва в город с востока и юго-востока соединений советских 5-й ударной, 8-й

гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Ночью он приказал бронированным машинам отойти в сторону аэродрома Темпельхоф и произвести там дозаправку. Здесь они имели возможность укрыться под защитой большого административного здания, вокруг которого стояли искалеченные немецкие самолеты — в основном "фокке-вульфы". Подразделение получило приказ готовиться к контратаке. Ему на подмогу было выделено несколько "королевских тигров" и реактивных минометов. Однако главным противотанковым оружием оставался фаустпатрон или, как его еще в шутку называли солдаты, "штука на ногах".

В 15 часов Кейтель, завершив визит в 12-ю армию, вернулся в рейхсканцелярию. В последний раз он и Йодль отправились на встречу с Гитлером. Когда они приехали в Крампниц, временное место размещения штаба ОКБ, до них дошла информация о быстром приближении с северного направления советской 47-й армии. Поэтому штаб должен был срочно эвакуироваться на следующее же утро.

Вторая половина дня была чрезвычайно хлопотной и для фюрера. После ухода Вейдлинга Гитлер внимательно выслушал доклад Кейтеля о посещении им 12-й армии. Слова фельдмаршала вновь возбудили в нем неоправданное чувство оптимизма. Словно наркоман, он вновь и вновь продолжал убеждать себя, что Красная Армия еще может быть разгромлена. Затем, к большому удивлению всех обитателей бункера и самого Гитлера, с ним приехал повидаться Альберт Шпеер[700]. Казалось, что последнему было недостаточно официального прощания с фюрером после празднования его дня рождения — видимо, потому, что тогда там присутствовало слишком много народа. Хотя Шпеер уже во многом изменил свое мнение о Гитлере, он тем не менее все еще гордился дружбой с этим человеком, которую многие считали выходящей за рамки нормальных мужских отношений.

Шпеер добирался до Берлина от самого Гамбурга, стараясь избегать дорог, переполненных беженцами. Однако, не доезжая до Наусна, он обнаружил, что дальше его путь продолжаться не может — части Красной Армии уже захватили этот пункт. Тогда Шпеер отправился на аэродром люфтваффе и сел в двухместный учебный самолет "фокке-вульф", который доставил его в Гатов. Здесь он пересел на легкий спортивный самолет и приземлился на нем в самом центре Берлина, неподалеку от Бранденбургских ворот. Ева Браун, которой всегда нравился Шпеер, встретила его особенно тепло. Даже Борман, ранее ревновавший его к Гитлеру, был обрадован появлением министра и приветствовал его у дверей бункера. Альберт Шпеер являлся, пожалуй, единственным

человеком, который все еще мог убедить фюрера покинуть Берлин. Для Бормана это было шансом на спасение собственной шеи, поскольку он, не в пример окружающим его лицам, особенно Геббельсу, не собирался кончать жизнь самоубийством.

Шпеер нашел Гитлера в крайне отрешенном состоянии, таком, какое бывает у старика, уже приготовившегося к смерти. Фюрер поинтересовался его мнением об адмирале Дёнице, из чего Шпеер сразу заключил, что вождь собирается сделать его своим преемником. Гитлер также спросил министра, стоит ли ему лететь в Берхтесгаден или все же остаться в Берлине. Шпеер ответил, что будет лучше, если все кончится именно здесь, в Берлине, чем на задворках государства, где "легенды рождаются достаточно тяжело"[701]. Гитлера, казалось, успокоили эти слова, подтверждавшие его собственный выбор. Потом он рассказал о своем решении покончить жизнь самоубийством и о том, что Ева Браун собирается умереть вместе с ним.

Вечером 23 апреля Шпеер находился еще в бункере, когда в него ворвался Борман со срочным посланием от Геринга, находившегося в Баварии. Дело в том, что рейхсмаршал получил через третьи руки, от генерала Коллера, информацию о слабом физическом состоянии фюрера и о желании последнего, оставшись в Берлине, покончить жизнь самоубийством. Геринг все еще оставался официальным преемником Гитлера и, вероятно, испугался, что теперь Борман, Геббельс или Гиммлер могут взять реванш и отодвинуть его в сторону. Он также не знал, что Гитлер уже принял решение назначить своим преемником Дёница. Добрую половину дня Геринг провел в совещаниях со своими помощниками и с генералом Коллером, который только что прилетел из Берлина и привез собственную версию того, что в данный момент происходит в бункере фюрера. Затем рейхсмаршал составил послание, этой же ночью переправленное в Берлин. Оно гласило: "Мой фюрер! Исходя из Вашего решения остаться на своем посту в крепости Берлин, соглашаетесь ли Вы на то, чтобы я, являющийся Вашим заместителем, наконец взял на себя всю полноту власти в рейхе, которая предоставит мне свободу действий как внутри страны, так и на международной арене, что предусмотрено Вашим законом от 29 июня 1941 года? Если до 10 часов утра от Вас не последует никакого ответа, я буду считать, что Вы потеряли свободу действий, принятый Вами закон вступил в силу, и я буду исполнять свои обязанности во благо нашей страны и нашего народа. Вы знаете, что я чувствую в этот самый трагический час в моей жизни. Эти чувства не передать словами. Да поможет Вам Бог побыстрее избавиться от страданий. Преданный Вам Герман Геринг"[702].

Этого документа Борману было вполне достаточно, чтобы полностью дискредитировать Геринга в глазах Гитлера. Еще одна телеграмма рейхсмаршала, направленная Риббентропу и призывавшая того к обмену мнениями о создавшемся положении, окончательно убедила фюрера, что Геринг является предателем. Борман немедленно предложил Гитлеру составить ответное послание. В нем Геринг ставился в известность, что лишается всех своих должностей, званий и титулов. Однако ему предлагалось уйти в отставку по состоянию здоровья. Это гарантировало его от смертного приговора. Рейхсмаршалу ничего не оставалось, как согласиться. Несмотря на это, Борман приказал эсэсовским частям окружить Бергхоф, что сделало Геринга фактическим пленником. Более того, все кухни в резиденции были закрыты, вероятно, для того, чтобы не дать возможности рейхсмаршалу отравить самого себя.

После всей этой драмы Шпеер нанес визит Магде Геббельс, лежащей на кровати в тесной бетонированной комнате. Она недавно перенесла приступ ангины и была очень бледна. Вскоре появился и ее муж. Около полуночи, когда Гитлер отправился спать, ординарец сообщил Шпееру, что его хочет видеть Ева Браун. Она приказала принести в свои апартаменты пирожные и шампанское, которое помогло им обратиться к сладким воспоминаниям о былой жизни: Мюнхен, лыжные прогулки в выходные, Бергхоф. Шпееру всегда нравилась Ева Браун "простая мюнхенская девушка"[703], в которой он теперь еще больше ценил "благородство и почти непринужденное спокойствие". В 3 часа ночи вновь появился ординарец и сказал, что Гитлер вновь встал с кровати. Шпеер оставил Еву, для того чтобы нанести свой прощальный визит человеку, который сделал его знаменитым. Он продолжался всего несколько мгновений. Гитлер был резок и холоден. Бывшего фаворита для него уже больше не существовало.

В тот же вечер Ева Браун написала письмо Гретл Фегеляйн. "Германа сейчас нет с нами, — сообщала она своей сестре о местонахождении ее мужа. Он уехал в Науен для того, чтобы сформировать там батальон или что-то в этом роде"[704]. Она совершенно не подозревала, что Фегеляйн отправился в Науен для встречи с Гиммлером, который предпринимал отчаянные попытки договориться с западными союзниками. "Он хочет добраться до Баварии, — продолжала Ева, и там продолжать борьбу независимо от того, сколько времени она еще может продлиться". Ева сильно ошибалась. Ее зять поднялся слишком высоко, чтобы стать простым партизаном.

Далее Ева дала указание сестре уничтожить всю ее частную

корреспонденцию и предупреждала, что "обязательно нужно найти счета Хайзе". Хайзе являлся ее личным портным, и Ева не хотела, чтобы широкая общественность узнала, насколько шикарно она одевалась за счет фюрера. Вновь Ева беспокоилась о судьбе своих драгоценностей. "Мои бриллиантовые часы, писала она, — к сожалению, в ремонте". Гретл предписывалось найти унтершарфюрера Штегемана, который договаривался с часовым мастером. Почти наверняка этот мастер являлся евреем, "эвакуированным" в последний момент из концентрационного лагеря в Ораниенбурге.

Глава двадцатая
Несбыточные надежды

Запуганные до смерти берлинцы теперь могли поверить всему, чему угодно. Страх заставлял их принимать за чистую монету и заверения Геббельса, что им на помощь полным ходом движется армия генерала Венка и что американцы теперь присоединились к германским войскам и вместе с ними воюют против Красной Армии. Многие жители слышали в ночь на 23 апреля звуки летящих над городом самолетов,

которые не сбрасывали никаких бомб. Эти самолеты, говорили берлинцы друг другу, наверняка являются американскими. Они десантировали парашютистов. Однако две десантные дивизии вооруженных сил США так никогда и не были задействованы на берлинском направлении.

И все же одно боеспособное подразделение в тот момент шло на помощь осажденному Берлину. Но состояло оно отнюдь не из американцев и даже не из немцев — а из французов. Во вторник 24 апреля, в 4 часа утра, бригаденфюрер СС Крукенберг[705], находящийся с остатками дивизии "Шарлемань"[706] в лагере неподалеку от Нойштрелитца, был разбужен тревожным зуммером. Звонили из штаба группы армий "Висла". Очевидно, генерал Вейдлинг уже сообщил Хейнрици о своем желании сместить с поста командира дивизии "Нордланд" бригаденфюрера СС Циглера. Крукенбергу предписывалось срочно отправляться в Берлин. Никаких дополнительных объяснений, кроме того, что ему следовало по прибытии в рейхсканцелярию доложить об этом группенфюреру СС Фегеляйну, дано не было. Штабные офицеры посоветовали Крукенбергу взять с собой надежную охрану, поскольку на пути к столице могут встретиться всякие неожиданности.

Немедленно последовал приказ поднять по тревоге батальон под командованием Анри Фене. Крукенберг, одетый в черный кожаный плащ, обратился к построившимся солдатам и офицерам. Он попросил выйти из строя добровольцев, которые будут сопровождать его до Берлина. Почти все военнослужащие сделали шаг вперед. Крукенберг выбрал из них всего девятнадцать человек, поскольку больше просто не влезло бы в имевшиеся автомобили. В основном они были офицерами, включая дивизионного капеллана, монсеньера графа Мейоля де Люпе. После войны Крукенберг утверждал, что никто из них не являлся национал-социалистом. Возможно, с чисто формальной

точки зрения он прав, но французский фашизм был, пожалуй, даже более близок к национал-социализму, чем его итальянская или испанская редакции. По крайней мере эти добровольцы, выразившие готовность умереть в руинах осажденного Берлина, являлись фанатичными антибольшевиками, независимо оттого — верили они в "новый европейский порядок" или в "старую добрую Францию".

Добровольцы набили патронами подсумки и карманы и взяли с собой оставшиеся в батальоне фаустпатроны. В 8 часов 30 минут, в тот момент, когда они занимали свои места в автомобилях, их внимание обратил на себя проезжавший мимо открытый "мерседес", которым управлял не кто иной, как сам рейхсфюрер СС. Гиммлер ехал без всякой охраны. Только много лет спустя Крукенберг осознал, что Гиммлер, должно быть, возвращался в Хохенлихен из Любека, где прошлой ночью он встречался там с графом Фольке Бернадоттом, представителем шведского Красного Креста.

Колонна, состоящая из двух бронеавтомобилей и трех грузовиков, двинулась в путь. До них уже дошла информация о том, что советские танки взяли Ораниенбург, поэтому Крукенберг решил ехать по более западному маршруту. Задача стояла нелегкая. Навстречу добровольцам шел нескончаемый поток беженцев, военнослужащих, иностранных рабочих. Многие солдаты вермахта кричали эсэсовцам, что они двигаются в неправильном направлении. Другие знаками показывали, что те являются просто сумасшедшими и что война уже закончилась. На их пути встретилось даже подразделение связи из дивизии "Нордланд". Его командир сказал, что имеет приказ двигаться в направлении Шлезвиг-Гольштейна. Крукенберг не имел тогда никакой возможности проверить правдивость этого утверждения. Он также не имел понятия о том, что произошло между Циглером и Вейдлингом.

После того как их колонну обстрелял советский истребитель, убив при этом одного человека, Крукенберг решил свернуть на проселочную дорогу, которую он знал еще с довоенного времени. Впереди уже ясно слышалась приближающаяся канонада советской артиллерии. Добровольцам повезло. Под покровом соснового леса они смогли избежать атаки советской авиации и приблизиться к Берлину. Однако дальнейший путь им перегородили многочисленные завалы на дорогах и взорванные мосты. Поэтому Крукенберг приказал возвратиться назад к Нойштрелитцу. Его команда бросила все транспортные средства, кроме двух бронеавтомобилей.

Большинству добровольцев пришлось преодолевать

оставшиеся двадцать километров до цели пешком.

К 22 часам они наконец добрались до Райхсшпортфельда, расположенного поблизости от Олимпийского стадиона. Валившиеся с ног люди смогли подкрепить себя только разбавленным какао, найденным в брошенном складе люфтваффе. Но мало кто из них мог затем уснуть. Сам Крукенберг, сопровождаемый адъютантом, капитаном Пэче, отправился через пустынный Берлин в рейхсканцелярию докладывать о своем прибытии. Тем временем среди французских добровольцев пронесся слух, что их прибудет инспектировать сам Адольф Гитлер.

Между тем прямой начальник французских эсэсовцев, рейхсфюрер СС Гиммлер, уже перешел свой Рубикон. "Преданный Генрих", как его называли в гитлеровском окружении, действовал, соблюдая все меры предосторожности. Он не обладал талантом заговорщика и не был убежден, что у него все получится. Но в игре, которую вел Гиммлер, он обладал одним очень сильным козырем Гитлер просто представить себе не мог, что рейхсфюрер СС, чьим устам принадлежал лозунг: "Моя честь — это верность", мог оказаться предателем.

Согласно свидетельству Шпеера, Гиммлер в то время был очень рассержен на фюрера — ведь вождь приказал лишить нарукавных шевронов дивизии СС, сражавшиеся в Венгрии. Но если бы Гитлер в этот момент приблизил к себе Гиммлера и оказал бы ему больше знаков внимания, чем Борману, то глаза рейхсфюрера наверняка бы вновь наполнились слезами умиления и он безоговорочно встал бы на сторону своего хозяина. Как результат, Гиммлер пребывал в нерешительности. А одной из его главных ошибок являлась неоправданная уверенность в том, что он представляет весьма желательную фигуру для западных союзников, поскольку только один рейхсфюрер может "навести порядок" в Германии[707].

Во время первых двух встреч с графом Бернадоттом Гиммлер не отважился пойти дальше разговоров об освобождении заключенных из концентрационных лагерей. "Рейхсфюрер больше не отдает себе отчета о реальном положении дел"[708], - сказал Бернадотт Шелленбергу после встречи с Гиммлером, произошедшей на следующие сутки после дня рождения Гитлера. Гиммлер не последовал совету Шелленберга, который предлагал ему свергнуть или даже убить человека, которому он раньше был так предан.

Тем не менее вечером 22 апреля Шелленбергу удалось убедить Гиммлера не возвращаться в бункер Гитлера, поскольку от Фегеляйна поступила информация, что фюрер пребывает в

ярости. Шелленберг боялся, что если его шеф еще раз увидит Гитлера, то его решимость идти до конца ослабнет. Через своего связного Гиммлер предложил Гитлеру усилить оборону Берлина эсэсовским охранным батальоном. Фюрер немедленно согласился и показал на карте, куда это подразделение должно быть направлено. Ему предстояло занять позиции в Тиргартене, неподалеку от рейхсканцелярии. Гитлер приказал также перевести в надежное место видных заключенных, которых предстояло уничтожить в самый последний момент.

В ночь на 23 апреля Гиммлер и Шелленберг встретились с Бернадоттом в Любеке. Рейхсфюрер СС, уже осведомленный о желании Гитлера покончить жизнь самоубийством, наконец решился занять его место и начать переговоры с западными союзниками. Он сделал официальное предложение Бернадотту войти в контакт с англо-американским командованием и передать его желание договориться о прекращении огня на Западном фронте. Гиммлер обещал также что все заключенные из Скандинавии будут отправлены в Швецию. При этом Гиммлер, в типичном для него отрыве от реальности, продолжал задаваться вопросом, должен ли он при встрече с Эйзенхауэром кланяться ему или пожимать руку.

Для тех немногих евреев, которые еще оставались в берлинских тюрьмах, приближение Красной Армии означало либо скорый конец их кошмарному рабству, либо казнь в последний момент перед освобождением. Ганс Оскар Лёвенштайн был арестован в Потсдаме, а затем переведен в транзитный лагерь на Шульштрассе[709], располагавшийся на севере Берлина, в Веддинте, в помещениях Берлинского еврейского госпиталя. Почти шестьсот человек, запертых на двух этажах здания, кормили лишь "водяным супом" с добавлением туда картофельных очисток и сырой свеклы. Среди заключенных было много полукровок, подобно самому Лёвенштайну. Нацисты называли их "метисами". Там были также и члены привилегированной группы евреев, находившихся под защитой ("шутцюден"), в которую входили, в частности, лица, организовавшие берлинские Олимпийские игры. Не трогали пока и иностранных евреев, особенно из Южной Америки, родственники которых посылали эсэсовской администрации кофейные зерна.

Комендант лагеря, оберштурмбаннфюрер СС Доберке, получил приказ расстрелять всех его заключенных. Однако он нервничал и явно не торопился исполнять распоряжение. Дело в том, что к нему обратился выборный представитель от обитателей лагеря и сказал довольно простую вещь. "Война

закончена, — услышал Доберке. — Если вы спасете наши жизни, мы спасем вашу". Был приготовлен большой документ, подписанный всеми заключенными, в котором говорилось, что оберштурмбаннфюрер Доберке спас их жизни. Спустя всего два часа после вручения этой бумаги заключенные обнаружили, что ворота лагеря распахнуты, а эсэсовская охрана исчезла. Однако радость освобождения оказалась несколько преждевременной. Появившиеся советские солдаты стали насиловать еврейских девушек и женщин, не зная, что ранее они были осуждены нацистами.

По мере приближения советских армий к Берлину они получали все больше приветствий от "настоящего интернационала, состоящего из бывших советских, французских, британских, американских и норвежских военнопленных"[710]. Навстречу русским частям двигались также колонны женщин и девушек, угнанных в Германию на рабскую работу из различных концов Европы. Маршал Конев наблюдал, как эти люди шли по дороге, стараясь ступать по следам от танковых гусениц, что гарантировало их от подрыва на мине.

Гроссман, находившийся в составе войск, наступающих на Берлин с востока, также видел сотни бородатых русских крестьян вместе с женщинами и детьми[711]. Он отмечал угрюмое отчаяние, которое было написано на лицах бородатых "дядек". По его словам, это были "старосты" и негодяи из полицейских подразделений, которых немцы забрали с собой в Берлин. Теперь у них не оставалось другого выхода, как быть "освобожденными".

Внимание писателя привлекла женщина, голова которой была повязана какой-то шалью. Она выглядела, словно пилигрим, кочующий по бескрайним просторам России. На плече она несла зонтик, к ручке которого была прикреплена огромная алюминиевая кастрюля[712].

Гитлер еще не полностью воспринял идею переброски немецких частей с Западного фронта против русских, но Кейтель и Йодль уже считали, что альтернативы более не существует. Штаб ОКБ издал соответствующие приказы. Казалось, сбывались пророчества, основанные на сталинских подозрениях и советской политике отмщения врагу.

Сталина также мучили черные подозрения в отношении Польши. Он абсолютно не собирался следовать договоренностям о составе ее временного правительства. Желания польского народа для него ничего не значили, поскольку и так все было ясно. "Советский Союз, — писал Сталин президенту Трумэну 24 апреля, — имеет права добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу

Правительство"[713]. Естественно, в устах советского лидера это означало правительство, находящееся под полным советским контролем. "Следует также учесть и то обстоятельство, — говорилось в послании, — что Польша граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США"[714]. Теперь, когда Берлин был фактически окружен, Сталину не имело смысла смягчать свою позицию. Более того, Кремль и не подумал извиняться, когда в этот же день шесть советских самолетов атаковали по ошибке две американские крылатые машины и одну из них сбили. Все это происходило на фоне предыдущих советских обвинений в адрес ВВС США[715].

Сталин все еще нажимал на двух своих маршалов, Жукова и Конева, стимулируя соревнование между ними. С рассвета 23 апреля разделительная линия между их фронтами была протянута далее от Люббена, но теперь ее вектор был направлен к центру Берлина. Правый фланг войск Конева устремился к Ангальтскому вокзалу. Один из танковых корпусов армии Рыбалко находился уже в пяти километрах от него — в Мариендорфе. До вечера 23 апреля Жуков не подозревал, что соединения 1-го Украинского фронта уже достигли германской столицы, и был чрезвычайно раздосадован, когда об этом сообщил связной офицер из танковой армии Катукова.

Выйдя вечером 22 апреля к Тельтов-каналу, три корпуса танковой армии Рыбалко целые сутки готовились к его форсированию. Серьезным препятствием на их пути являлись бетонные откосы и укрепления на северном берегу канала. Фольксштурмовцы не могли представлять серьезной опасности для частей 3-й гвардейской танковой армии, основу немецкой обороны в этом районе составляли 18-я и 20-я моторизованные дивизии. Советское командование заранее приказало артиллерийским частям прорыва подтянуться к каналу, однако все дороги были настолько перегружены автотранспортом и конными повозками, что их подход задерживался. Если бы силы люфтваффе оставались еще боеспособными, то советская техника, скопившаяся на дорогах, представляла бы для них превосходную цель. 48-й гвардейский стрелковый корпус прибыл на место вовремя и был готов форсировать водную преграду с ходу. Вскоре на месте оказалась и тяжелая артиллерия. Ее переброска стала отнюдь не простой вещью. К вечеру 23 апреля предстояло сосредоточить в этом районе почти три тысячи орудий и тяжелых минометов. На один километр фронта приходилось в среднем шестьсот пятьдесят стволов артиллерии, включая 152-миллиметровые и 203-миллиметровые гаубицы.

24 апреля артиллерийская подготовка на Тельтов-канале

началась в 6 часов 20 минут. Концентрация огня на этом узком участке фронта была невиданной. Конев прибыл на командный пункт генерала Рыбалко в тот момент, когда артиллеристы уже почти закончили свою работу. С крыши восьмиэтажного здания маршал наблюдал за тем, как снаряды орудий и бомбы, сброшенные советскими самолетами, стирали с лица земли все постройки и укрепления на противоположном берегу. Теперь в бой вступали стрелковые подразделения. Советские солдаты начали форсирование на подручных средствах, используя для этой цели даже ящики от снарядов. К семи часам утра первый батальон уже закрепился на северном берегу канала. Вскоре после полудня был наведен понтонный мост, по которому пошли советские танки.

Тем временем 8-я гвардейская армия Чуйкова продолжала давление на юго-восточные окраины Берлина. К рассвету 23 апреля некоторые его части уже смогли форсировать Шпрее южнее Кёпеника. Солдаты воспользовались многочисленными плавательными средствами, включая баркасы и весельные лодки. В течение дня и последующей ночи гвардейские дивизии Чуйкова и передовые танковые бригады армии Катукова продвигались в направлении Бритца и Нойкёльна. Командование 28-го гвардейского стрелкового корпуса утверждало, что гражданское немецкое население было настолько напугано, что помогало советским бойцам спускать лодки на воду[716]. Утром 24 апреля один из корпусов 5-й ударной армии, поддержанный кораблями Днепровской флотилии, также форсировал Шпрее севернее Трептов-парка.

С рассветом 24 апреля остатки корпуса генерала Вейдлинга, дислоцированные на аэродроме Темпельхоф, перешли в контратаку против этой двойной угрозы, обозначившейся со стороны советских войск. Несмотря на то что немногим оставшимся в строю "королевским тиграм" из батальона "Герман фон Зальца", входящего в состав дивизии "Нордланд", удалось подбить несколько советских танков ИС, силы Красной Армии оставались превосходящими. В течение всего трех часов, как отмечалось в докладе одного из командиров дивизии 5-й ударной армии, эсэсовские части шесть раз переходили в атаку, но каждый раз отступали[717]. Все поле боя было покрыто горящими "пантерами" и "фердинандами", между которыми валялись тела немецких солдат в черной униформе. Уже к полудню советская дивизия смогла вновь перейти в наступление. Она очистила от противника весь Трептов-парк и к вечеру достигла кольцевой железной дороги. "Это была кровавая, ожесточенная схватка, — писал один из германских свидетелей тех событий, — без всякой

пощады"[718]. В борьбе все средства хороши. Советские политработники говорили солдатам, что против них воюют генерал Власов и его части[719]. Но это было ложью. Все власовские соединения уже находились к тому времени в районе Праги.

Пока передовые танковые соединения маршала Конева форсировали Тельтов-канал, фланги 1-го Украинского фронта оказались в опасном положении. Дело в том, что с запада им угрожала армия Венка, продвигающаяся в направлении Тройенбритцена и Беелитца, а с востока — 9-я армия, пытающаяся вырваться из лесного массива юго-восточнее Берлина.

Генерал Лучинский стал разворачивать свою 28-ю армию фронтом на восток и занимать позиции вдоль шоссе Берлин — Котбус. В свою очередь, Ставка ВГК, ранее не обращавшая особого внимания на изолированную 9-ю армию, теперь среагировала достаточно быстро. Командующий авиацией Красной Армии маршал Новиков получил приказ сконцентрировать усилия 2-й, 16-й и 18-й воздушных армий против восьмидесятитысячной немецкой группировки, продвигающейся через леса. Следует, однако, отметить, что советское командование пока не знало, куда будет направлен удар 9-й армии — в сторону Берлина или навстречу 12-й армии Венка.

Нехорошие предчувствия медсестер из госпитального комплекса в Беелитц-Хайльштеттене оправдались утром 24 апреля. Внезапно задрожала земля и послышался шум танковых моторов и лязг гусениц. В госпитальный комплекс, разгоняя на пути представителей швейцарского Красного Креста, входила колонна бронированных машин армии Лелюшенко. Танкисты, вооруженные автоматами, спрыгивали на землю. В первый момент они интересовались только наручными часами и кричали "Ур! Ур!". Однако вскоре до госпиталя долетела весть, что в самом Беелитце творятся насилия, грабежи и убийства[720]. Медсестры и пациенты приготовились к самому худшему. Только дети, ранее переведенные сюда из Потсдама, не могли понять, что же происходит вокруг.

Медсестры не знали, что в это время им на выручку спешили молодые солдаты из армии генерала Венка. Между тем сам Гитлер был убежден, что 12-я армия движется к Берлину для спасения его собственной персоны. О так называемой "армейской группе Штейнера" в бункере больше не вспоминали. Преданный адмирал Дёниц сообщил, что в ответ на запрос фюрера он посылает в Берлин моряков, готовых отдать жизни за Великую Германию. Моряки должны были вылететь на "Юнкерсе-528" и

совершить аварийную посадку в центре столицы. Этот план еще раз доказывал отрыв немецкого командования от реального положения дел и их наплевательское отношение к судьбам своих подчиненных.

Появление бригаденфюрера Крукенберга в гитлеровском бункере вызвало удивление, поскольку мало кто из его обитателей ожидал, что сюда еще можно прорваться. Генерал Кребс, которого Крукенберг знал еще с 1943 года по группе армий "Центр", не скрывал радости. Он открыто признал, что за последние сорок восемь часов в Берлин было вызвано большое количество частей, но "только вы один смогли сделать это"[721].

Бункер фюрера, несмотря на огромные затраты на его строительство, был недостаточно обеспечен средствами связи[722]. В результате майор Фрайтаг фон Лорингхофен и капитан Болдт могли использовать лишь единственный метод получения информации о продвижении русских войск. Они просто звонили на частные квартиры берлинцев, расположенные в разных концах города. Их номера они выбирали из обычной телефонной книги. Если хозяева жилища отвечали на звонок, то их спрашивали, не видят ли они наступающих советских войск. Если же в трубке звучала русская речь, обычно снабженная крепкими выражениями, то вывод был самоочевиден. Относительно общеевропейской ситуации офицеры получали информацию от Хайнца Лоренца, пресс-секретаря Гитлера. Фрайтаг фон Лорингхофен с удивлением обнаружил, что все те нацистские чиновники, которые первоначально были недовольны их появлением в бункере, теперь стали относиться к ним чрезвычайно уважительно. Причиной тому стала возможность получения от штабных офицеров хоть какой-нибудь достоверной информации.

Большинству обитателей бункера на самом деле там было просто нечего делать. Они либо пьянствовали, либо бесцельно шатались по коридорам. Нередко они обсуждали следующий вопрос: какой способ самоубийства предпочтительней с помощью яда или выстрела из пистолета? Казалось, все пришли к общему заключению — нельзя покидать бункер живыми. Несмотря на то что в подземных помещениях оказалось довольно холодно и сыро, условия пребывания в них были все-таки намного лучше, чем в подвалах и бомбоубежищах в остальной части города. В бункере имелись вода и электрическое освещение от генератора, а также в больших количествах запасы еды и алкоголя. Кухни рейхсканцелярии еще работали, и в меню постоянно входило жареное или тушеное мясо.

Берлинцы называли теперь свой город не иначе, как

"погребальный костер рейха". Потери мирных граждан от огня артиллерии и развернувшихся боевых действий на улицах города постоянно возрастали. Капитан из 2-й гвардейской танковой армии Ратенко, уроженец Тулы, постучал в дверь подвала, находившегося под домом в северо-западной части Берлина. Поскольку никто не ответил, он вошел в помещение и сразу же был убит очередью из автомата. Его боевые товарищи немедленно открыли ответный огонь. Они убили самого стрелка, очевидно, немецкого офицера, переодевшегося в гражданскую одежду, а также женщину и ребенка. В докладе говорилось, что затем советские солдаты окружили весь дом и подожгли его.

Органы СМЕРШа первым делом интересовались выявлением переодевшихся в гражданское платье немецких военнослужащих. Была создана даже поисковая группа, в состав которой входила специальная "ищейка" — член нацистской партии с 1927 года Он обещал помогать советским офицерам в обмен на сохранение его собственной жизни. В общей сложности с помощью этой группы было обнаружено двадцать человек, включая одного полковника. Еще один офицер — как говорилось в отчете о проделанной работе, — когда в его дверь постучали, убил вначале жену, а затем выстрелил в самого себя[723].

Военнослужащие Красной Армии также использовали местные телефонные линии. Однако они делали это больше для развлечения, чем для получения информации. Во время зачистки зданий они подходили к телефонному аппарату и набирали первый попавшийся номер. Если отвечал голос на немецком языке, солдаты безапелляционно объявляли о своем прибытии в столицу рейха. Все это, как свидетельствовали политические работники, "чрезвычайно удивляло берлинцев"[724]. Политическое управление 5-й ударной армии вскоре докладывало о распространившихся в частях "ненормальных явлениях"[725], которые включали и грабежи, и езду в нетрезвом виде на автомобилях, и нарушения морального кодекса военнослужащего.

Многие настоящие фронтовики вели себя достойно. Когда одно из подразделений саперов из 5-й ударной армии вошло в жилое помещение, "маленькая бабушка"[726] сказала им, что ее дочь больна и лежит на кровати. Определенно она хотела тем самым защитить дочь от возможного насилия. Советские солдаты даже не стали проверять правдивость слов старой женщины, а дали ей кое-какие продукты и ушли в другое место. Однако другие солдаты могли оказаться менее жалостливыми. Их поведение объяснялось "жестоким влиянием самой войны"[727], они так же действовали на территории противника, как немцы — на российской земле[728]. Один из историков отмечал, что с

приходом советских войск поднялась волна насилий над женщинами, которая затем довольно быстро затихла[729]. Однако все повторилось после подхода новых частей.

24 апреля 3-я ударная армия столкнулась на узком участке фронта с довольно ожесточенным сопротивлением немецких подразделений. Сюда была переброшена 5-я дивизия артиллерийского прорыва. Тяжелые советские орудия разрушили семнадцать домов, убив при этом сто двадцать германских солдат. Красноармейцы впоследствии утверждали, что в четырех домах оборонявшиеся немцы выкидывали белые флаги, но затем вновь открывали огонь. Такие инциденты стали обычным явлением. Многие немецкие военнослужащие, особенно фольксштурмовцы, желали сдаться в плен, но стоявшие рядом с ними фанатики не позволяли это сделать и продолжали вести бой до последнего.

На одном из участков фронта немцы произвели контратаку, поддержанную тремя штурмовыми орудиями, однако она была сорвана героизмом, проявленным солдатом-разведчиком по фамилии Шульжёнок[730]. Завидев атакующие порядки врага, Шульжёнок занял позицию в руинах разрушенного здания. В его распоряжении имелось три трофейных фаустпатрона. Один из вражеских снарядов разорвался совсем рядом с ним, завалив осколками битого кирпича. Однако это не остановило советского разведчика. Он сумел подбить одну из бронемашин и повредить другую. Оставшееся в строю третье штурмовое орудие врага быстро ретировалось. Шульжёнка представили к званию Героя Советского Союза, но на следующий день он был убит "террористом, одетым в гражданскую одежду". Судя по всему, этим "террористом" являлся плохо экипированный фольксштурмовец. Впрочем, понимание термина "террор" в Красной Армии мало чем отличалось от того, что подразумевало под этим понятием командование вермахта в начале операции "Барбаросса". "Бандитами" и "террористами" назывались тогда советские партизаны и подпольщики.

Совсем неподалеку от этого места, в округе Вайссензее — тыловом районе 3-й ударной армии, — писатель Василий Гроссман приказал водителю на несколько минут остановиться. Тотчас его джип окружила толпа немецких мальчишек, жалобно клянчивших чего-нибудь сладкого и с удивлением разглядывавших карту, которую Гроссман развернул на коленях — ему нужно было определить свое местонахождение. Писатель был поражен достаточно дерзким поведением этих детей. В следующий момент ему подумалось, сколь разительный контраст представляли советские представления о Берлине как о скопище

военных казарм, с реальностью — многочисленными парками, зелеными дворами, цветущими клумбами. Вовсю грохотала канонада советской артиллерии, но в моменты затишья можно было слышать даже пение птиц[731].

Утро 25 апреля, когда Крукенберг покидал здание рейхсканцелярии, было ясным и прохладным. Западная часть Берлина по-прежнему оставалась пустынной и спокойной. Охрана штаба генерала Вейдлинга на Гогенцоллерндамм вела себя достаточно небрежно — у всех входящих требовала только личные документы. Вейдлинг рассказал Крукенбергу, что его сильно потрепанный корпус разбавлен юнцами из гитлерюгенда и фольксштурмовцами, от которых трудно ожидать стойкого сопротивления. Крукенбергу предстояло принять командование сектором "С" на юго-востоке Берлина, где оборону держала, в частности, 11-я моторизованная дивизия СС "Нордланд". Бывший командир дивизии Циглер был снят с должности в связи с потерей управления над соединением, которое привело к его распаду.

Но что послужило истинной причиной отставки Циглера, остается вопросом. Полковник Рефиор, начальник штаба генерала Вейдлинга, считал, что "Циглер получил секретный приказ от Гиммлера отступить в Шлезвиг-Гольштейн", и это стало основанием для его ареста[732]. Несомненно, Циглер был одним из немногих эсэсовских офицеров, которые прекрасно понимали всю бесполезность дальнейшего сопротивления. Незадолго до своего снятия с должности он попросил гауптштурмфюрера Перссона сходить в шведское посольство и выяснить у его работников, не будут ли они препятствовать возвращению домой остающихся в дивизии "Норланд" шведов.

Один из свидетелей утверждал, что Циглер был арестован тем же утром в своем штабе на Хазенхайдештрассе, севернее аэродрома Темпельхоф, неизвестным бригаденфюрером СС. Здание штаба окружил эскорт автоматчиков. После этого из него вышел сам Циглер, которого уже ждала машина. Бывший командир приветствовал своих офицеров, стоявших на крыльце и удивленно взиравших на все происходящие: "Господа, всего вам хорошего!"[733] Циглера отвезли в рейхсканцелярию и посадили под арест. В момент отправки один из штабных работников, штурмбаннфюрер Фольмер, воскликнул: "Что за черт? Что же мы теперь, останемся без командира?" По словам самого Крукенберга, смена командования проходила обычным образом, и Циглер самостоятельно уехал в направлении рейхсканцелярии.

В любом случае междуцарствие продолжалось недолго, и уже днем Крукенберг вступил в должность. Вскоре к нему

присоединилось подразделение добровольцев из дивизии "Шарлемань" под командованием Фене. Крукенберг был шокирован, когда узнал, что численность моторизованных полков "Норвегия" и "Дания", входящих в его подчинение, не превышает теперь численности одного батальона. Большую тревогу у него вызывало и состояние раненых, находящихся в полевом госпитале, развернутом в подвале на улице Германплац. Они лежали там "на перепачканных кровью скамейках, словно на столе у мясника"[734].

Не успел Крукенберг вступить в должность, как до него дошла информация, что последний плацдарм на южном берегу Тельтов-канала в панике оставлен немецкими подразделениями[735]. Остатки полков "Норвегия" и "Дания" с нетерпением ожидали приезда автотранспорта, который должен был увезти их от канала. Но машины задерживались из-за ужасного состояния дорог. Когда же грузовики наконец прибыли, раздался внезапный крик: "Танки!" Паника, основанная на танкобоязни, распространилась как среди молодых солдат, так и ветеранов. Прибывшие машины смешались в одну кучу и служили теперь отличной мишенью для двух прорвавшихся Т-34. Началось поспешное бегство. Военнослужащие, не успевшие усесться в кузов, цеплялись за борта автомобилей.

Когда оставшимся в живых солдатам удалось вырваться на север, в направлении Германштрассе, они увидели на одной из стен следующую надпись: "Эсэсовские предатели продлевают войну!"[736] В тот момент военнослужащие не сомневались, что это работа "немецких коммунистов". "Неужели, — думали они, — мы будем продолжать воевать, если враг находится уже среди нас?"

Вскоре советские танки атаковали аэродром Темпельхоф, который обороняли остатки танковой дивизии "Мюнхеберг".

Бой шел среди поврежденных самолетов "фокке-вульф", чьи обгоревшие корпуса обнажили внутренние каркасы некогда грозных боевых машин. Русское прозвище этих самолетов "рама" теперь казалось как никогда точным. Снаряды советской артиллерии, а затем и ракеты "катюш" стали достигать уже командного пункта Крукенберга. Он получил легкое осколочное ранение в лицо.

Пока продолжались тяжелые бои в Нойкёльне, Крукенберг приказал подготовить запасные позиции в районе Германплац. Башни здания универмага "Карштадт" давали немцам отличную возможность наблюдать за продвижением сразу четырех советских армий — 5-й ударной армии со стороны Трептов-парка, 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой армии от

Нойкёльна и 3-й гвардейской танковой армии фронта маршала Конева от Мариендорфа.

Крукенберг приказал французам Анри Фене занять позицию на Германплац и быть готовыми отразить с помощью фаустпатронов атаку советских танков. Фене были приданы также около ста бойцов из гитлерюгенда. Всех их проинструктировали, что огонь следует открывать только с близкого расстояния и целиться в башню танка. Эсэсовцы полагали, что прямое попадание в башню является наиболее удачным, поскольку в результате взрыва уничтожается весь экипаж боевой машины.

В течение вечера и последовавшей за ним ночи французы под командованием Фене смогли подбить четырнадцать советских танков. Такое сопротивление стало неожиданностью для советского командования, и оно отдало приказ отступить. В то же время на мосту Халензее, в восточной части Курфюрстендамм, три молодых солдата из батальона, сформированного имперской службой занятости, вооруженные всего одним пулеметом, смогли сдерживать советские атаки в течение сорока восьми часов.

Бой за аэродром Темпельхоф продолжался все последующие сутки. Советские орудия и "катюши" сметали с лица земли все располагавшиеся в этом районе административные здания. Внутри их коридоров слышались стоны раненых и чувствовался запах гари. "Тишина, возникшая после последнего разрыва, продолжалась недолго. Она являлась лишь прелюдией раздавшемуся поблизости гулу моторов советских танков. Началась новая атака"[737].

Пока немецкие части всю вторую половину дня 25 апреля продолжали с боями отходить к центру города, Гитлер вызвал к себе генерала Вейдлинга и сообщил ему, что вскоре все должно измениться к лучшему. "12-я армия генерала Венка" — продолжил он, — приближается к Берлину с юго-запада. Вместе с 9-й армией они нанесут жестокий удар по противнику. Тем временем войска Шёрнера подойдут с юга. Все эти удары должны изменить ситуацию в нашу пользу"[738]. Однако слова фюрера были далеки от действительности. Практически весь Восточный фронт уже рушился. Генерал фон Мантейфель доносил, что войска 2-го Белорусского фронта Рокоссовского прорвали немецкую оборону южнее Штеттина. Штабной офицер ОКВ генерал-майор Детлефзен, бывший в тот момент в бункере Гитлера, отмечал, что его обитатели пребывали в состоянии "самообмана, граничившего с гипнозом"[739].

Вечером Крукенберг получил сообщение от генерала Кребса, что дивизия "Нордланд" должна на следующий день отойти в сектор "Z" ("центр"). Директиву передали из министерства

авиации на Вильгельмштрассе, расположенного чуть севернее гестапо. Позднее, когда Крукенберг отправился туда с докладом, он обнаружил, что все подвалы здания министерства забиты персоналом люфтваффе, который ничем не занимается. Свой собственный командный пункт Крукенберг расположил в подвале оперного театра на Унтер-ден-Линден, в нескольких стах метрах от здания бывшего советского посольства. Именно сюда, в это посольство, Деканозов возвратился утром 22 июня 1941 года, после того как услышал от Риббентропа сообщение, что Германия объявила Советскому Союзу войну. Теперь же Унтер-ден-Линден была пустынной, насколько хватало глаз. Огромное кресло, которое раньше стояло в императорской ложе оперного театра, дало возможность Крукенбергу поспать пару часов в достаточно комфортных условиях. Противник на некоторое время оставил их в покое. В воздухе не видно было даже вездесущих бипланов У-2, сбрасывающих свои небольшие бомбы.

Осознав, что падение Берлина должно произойти в ближайшее время, Главное командование союзных сил на европейском театре переслало в Москву следующий запрос: "Генерал Эйзенхауэр хотел бы аккредитовать в Берлине после его захвата Красной Армией как минимум 23 военных корреспондента. Если возможно послать большее число, то это было бы очень желательно, поскольку генерал считает, что "падение Берлина будет одной из самых важных мировых новостей"[740]. Никакого ответа из Москвы не последовало. Сталин явно не хотел, чтобы в Берлине присутствовали какие-либо журналисты, особенно западные. Однако вскоре они все-таки доставили ему неожиданные хлопоты.

25 апреля основная радиостанция нацистов "Дойчланд-зендер" прекратила свою работу[741]. В этот же день произошло событие, известие о котором вскоре облетело весь мир. В районе Торгау на Эльбе передовые подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Владимира Русакова встретилась с американскими солдатами из 69-й дивизии вооруженных сил США. Германия оказалась разделена на две части. Прямая связь протянулась теперь от этого места в обе стороны света — на запад через генерала Брэдли к Эйзенхауэру и на восток — через Конева и Антонова в Ставку ВГК. Были немедленно информированы первые лица государств, Сталин и Трумэн, которые обменялись приветственными телеграммами. Первой реакцией Эйзенхауэра на это событие стала посылка в район Торгау военных журналистов. Однако он вскоре пожалел об этом решении.

Генерал Глеб Владимирович Бакланов, командир 34-го

корпуса, приказал организовать на месте встречи типичный советский банкет. Со стороны политического отдела были приготовлены праздничные транспаранты и выделена красная материя для декорации столов и трибуны. Повсюду развесили огромные портреты Сталина и небольшие президента Трумэна, обрамленные материей с интересным сочетанием звезд и полос. На стол были выставлены всевозможные алкогольные напитки. Штаб 5-й гвардейской армии послал в Торгау своих самых привлекательных девушек-военнослужащих, предварительно переодев их в новую форму.

Генерал Бакланов подготовил обычные по такому случаю тосты — за победу, за мир и дружбу между народами и окончательное уничтожение фашистского зверя. Однако он оказался не готов встретиться с группой шумных американских журналистов, которые были не прочь хорошо выпить и повеселиться. Советские бойцы также имели возможность принять изрядную долю алкоголя, благо охрана в тот день выглядела не столь строгой.

В самый разгар торжества, пока русские офицеры танцевали "с приятными русскими женщинами", Эндрю Тулли из "Бостон трэвеллер" "в шутку предложил Вирджинии Ирвин из "Сент-Луис пост диспетч": "А не съездить ли нам в Берлин?" "О'кей", — ответила она. Журналисты незаметно покинули компанию, сели в свой джип и отправились в сторону Эльбы. На переправе они показали советским солдатам пропуска, подписанные Главным командованием союзных войск. Красноармейцы, не имевшие никаких инструкций на этот случай, посчитали, что лучше будет пропустить иностранцев.

Двое журналистов, опасаясь, что в подобной ситуации их могут принять за шпионов, прикрепили к своей машине небольшой американский флаг, который они украли с места торжества в Торгау. С собой они имели карту, по которой можно было добраться до района Лукенвальде. Если на пути их останавливал советский патруль, журналисты просто-напросто говорили, что они "американцы". "Больше улыбайся", — не переставал повторять Тулли Вирджинии Ирвин.

Они добрались до Берлина еще до темноты. На пути журналисты встретили майора Ковалевского, молодого человека с белыми, как снег, волосами. Им удалось пообщаться с ним на ломаном французском. Поначалу Ковалевский подозрительно отнесся к двум иностранцам, но, после того как они убедили его, что являются корреспондентами союзной державы и едут в Берлин, майор успокоился. Бедный советский офицер не мог себе вообразить, что двое американцев не имеют никакого разрешения

на эту поездку. Ковалевский пригласил журналистов на свой командный пункт, расположенный в полуразрушенном доме. Он позвал солдата, похожего на монгола, с большим шрамом на лице, и приказал принести для гостей горячей воды. Вирджиния Ирвин получила также в свое распоряжение бутылку, на четверть заполненную одеколоном, кусок зеркала и коробочку с пудрой. Затем начался банкет. На столы были поставлены свечи и букеты весенних цветов. Основным блюдом являлось картофельное пюре с мясом, затем подали сыр и сладкое. Тосты сыпались один за другим. Советские офицеры вставали, произносили заздравную речь и опрокидывали очередной стакан водки. Кроме водки, был еще коньяк и напиток с эффектом динамита, который майор называл просто "спиртом". Звучали тосты за бывшего президента Рузвельта, за Сталина, за Трумэна, за Черчилля, за Красную Армию и "за американский джип".

На следующий день в радужном настроении американские журналисты возвратились в Торгау. Позднее Тулли рассказывал, что это путешествие стало "самым идиотским поступком, который он совершил за всю свою жизнь". Корреспондент не мог себе представить, какие последствия он повлечет за собой. Представители военного руководства США были сильно недовольны, но их раздражение не шло ни в какое сравнение с тем гневом, который обуял командование Красной Армии. Немедленно посыпались депеши из Реймса, Вашингтона и Москвы. Раздраженный Эйзенхауэр решил, что, поскольку журналисты проникли в Берлин нелегально, их репортаж не будет опубликован без предварительной цензуры в Москве. Он успокаивал себя мыслью, что события теперь развиваются очень быстро и вся эта история в самое ближайшее время отойдет на второй план. Естественно, Эйзенхауэр опасался, что из-за этого проступка двух американцев Москва может запретить аккредитацию в Берлине других журналистов союзных держав. Однако наиболее пострадавшими от необдуманных действий Тулли и Ирвин были как раз те советские офицеры, которые оказывали помощь корреспондентам и развлекали их[742]. По всей видимости, даже те представители советского командования, которые находились в Торгау, стали объектом подозрений в период послевоенных чисток в армии. На них лежало клеймо, поскольку они входили в контакт с людьми из капиталистического мира.

Сталин желал как можно скорее окружить Берлин и создать к западу от него санитарный кордой. Это означало, что советские войска должны были быстро продвинуться к Эльбе и занять территорию, являвшуюся частью будущей советской зоны

оккупации Германии. Все соединения маршала Конева, которые не были задействованы в сражении за Берлин или в боях против 9-й армии Буссе, устремились на запад. 24 и 25 апреля его войска вышли к Эльбе на различных участках ее среднего течения. Здесь оказались части 5-й гвардейской армии, 32-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Родимцева (прославленного героя Сталинграда) и 4-го гвардейского танкового корпуса. 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала Баранова пошел еще дальше. Конев дал кавалеристам специальное задание, о котором его попросил старый товарищ Сталина, маршал Семен Буденный. Советская разведка прослышала, что жеребцы из самого известного конезавода Советского Союза, расположенного на Северном Кавказе, в 1942 году были перевезены в Германию и содержались к западу от Эльбы в районе Ризы. Гвардейцы форсировали реку, обнаружили их и перевели на другую сторону. Этот налет кавалеристов вполне сравним с рейдами контрабандистов через Рио-Гранде (пограничная река между США и Мексикой. Примеч. ред.).

Чтобы удовлетворить сталинское нетерпение, генерал Серов подготовил для него специальный доклад о положении в Берлине. 25 апреля этот документ лег на стол руководителя советского государства. Серов отмечал, что разрушения в городе особенно велики в его центре, где многие дома еще находятся под огнем артиллерии. На стенах можно увидеть надписи "Pst" (что могло означать "тихо")[743]. Берлинцы объясняли, что, по всей видимости, нацисты тем самым старались заглушить их критику в период кризиса. Жители уже интересовались, каким именно образом теперь будет осуществляться управление городским хозяйством. Однако ни один из десяти немцев, которым предложили стать местным бургомистром, не согласился занять эту должность. Все они с извинениями отказались под разными предлогами. Серов отмечал, что они, видимо, опасались за возможные последствия такого шага, поэтому предлагал выбирать бургомистров из числа немецких военнопленных, живших до войны в Берлине. Без сомнения, Серов имел в виду антифашистски настроенных военнослужащих, которых уже хорошо обработали в политическом плане.

Допросы бывших фольксштурмовцев выявили интересный факт. Когда их спросили, почему среди сдавшихся защитников Берлина нет солдат регулярной армии, пленные пояснили, что те опасаются ответственности за содеянное ими в России. Поэтому они будут сдаваться американцам. Фольксштурмовцы же могут сдаваться большевикам, поскольку им не за что, в сущности, отвечать. Не теряя времени, Серов разместил вокруг Берлина

заградительные кордоны, состоящие из подразделений 105, 157 и 33-го полков НКВД по охране тыла.

Наибольшее удивление у Серова вызвало состояние самой обороны германской столицы. Он отмечал, что в десяти-, пятнадцатикилометровой зоне вокруг Берлина не обнаружено никаких серьезных оборонительных укреплений. Лишь на ряде участков производилось минирование дорог и были вырыты траншеи и эскарпы. По мере приближения к окраинам столицы сеть укреплений становилась более разветвленной, но в любом случае она не выдерживала сравнения с оборонительными позициями перед другими городами, которые Красной Армии приходилось брать с боем. Допросы фольксштурмовцев подтверждали, сколь малое количество регулярных войск защищало Берлин, какую большую нехватку боеприпасов испытывали немцы и с какой неохотой сражались сами фольксштурмовцы. Серов отмечал, что противовоздушная оборона Берлина практически прекратила свое существование и советская авиация беспрепятственно могла летать над городскими кварталами. Все эти наблюдения, естественно, держались под строгим секретом, поскольку коммунистическая пропаганда делала упор на том, что в Берлине победоносные войска Красной Армии встретили ожесточенное сопротивление.

В одном из своих выводов, в котором нет и намека на какое-либо политическое обобщение, Серов говорил о причинах продолжающегося германского сопротивления. По его мнению, допросы военнопленных свидетельствовали, что среди немцев сильно распространён страх перед большевиками.

В свою очередь, Берия считал, что необходимо изменить отношение военнослужащих Красной Армии к военнопленным и гражданскому населению[744]. Это стало бы хорошей базой для нормальной работы советской военной администрации, в функции которой входило и решение гражданских вопросов. Данное рассуждение Берия дополнил достаточно интересным предложением. Для того чтобы создать нормальную атмосферу на оккупированной территории, он рекомендовал, кроме всего прочего, создать новую должность — заместителя командующего фронтом по гражданским делам. Не стоило и говорить, что в каждом случае им мог стать только представитель НКВД: Серов на 1-м Белорусском фронте, генерал Мешик на 1-м Украинском и Цанава на 2-м Белорусском. То есть заместитель командующего фронтом являлся бы в то же время представителем Народного комиссариата внутренних дел СССР и нес ответственность перед НКВД за работу по нейтрализации вражеских элементов. Другими словами, эти заместители не подчинялись напрямую военному

командованию. Данное предложение выглядело совершенно естественно на фоне недоверия, которое Сталин и Берия испытывали к своим генералам на фронте. Необходимость быстрого принятия решений по гражданским делам подчеркивалась тем фактом, что американцы уже разработали механизм администрации в своей зоне оккупации, тогда как Советский Союз еще нет. По имевшейся у советского руководства информации, на территории Западной Германии союзники основали должность специального заместителя командующего, ответственного за решение гражданских вопросов. Им стал генерал-майор Лусиус Клей, который до этого являлся заместителем главы Администрации по мобилизации военных ресурсов США. Вполне очевидно, что Берию сильно впечатлил тот факт, что под началом генерала Клея должно находиться до трех тысяч обученных специалистов, имеющих опыт управления экономическими и административными делами. Советской стороне было понятно, что в Германии ей требуются люди, имеющие различные специальности. Соответствующий доклад Сталину заканчивался словами: "Прошу Вашего решения. Берия".

Глава двадцать первая
Бои в городе

Сами берлинцы имели очень смутное представление о реалиях советского режима. Кроме того, пока шли бои, перед ними стояли более насущные проблемы. Необходимо было выжить. Единственным хорошим событием, произошедшим утром в четверг 26 апреля, стала гроза, обрушившаяся на пылающий Берлин. Проливной дождь затушил на время некоторые пожары. Однако дым, поднимающийся из руин, стал еще более едким.

Число жертв среди гражданского населения было очень большим. Германские женщины, словно наполеоновские солдаты в битве при Ватерлоо, стойко держались друг за другом в очереди за продовольствием. Их не смущали ни копоть, ни осколки снарядов, поражающие многих несчастных. Никто из них не хотел покидать свое место. Свидетели утверждали, что некоторые женщины вытаскивали у убитых соседей продовольственные карточки, стирали с них кровь и предъявляли как свои собственные. "Теперь они стояли, подобно стене, отмечал анонимный источник. — Это были те же самые женщины, которые совсем недавно бежали в укрытие, едва услышав, что над центральной частью Германии появились всего три вражеских самолета"[745]. Женщины стояли в очереди, чтобы получить паек, состоящий из масла и копченой колбасы, тогда как мужчины появлялись здесь только в том случае, если выдавался шнапс. И это было символично — женщины решали проблему выживания, тогда как мужчины старались с помощью алкоголя спрятаться от всего, что происходило вокруг них.

Разрушение системы водоснабжения означало появление на улицах города еще более длинных, а потому и более уязвимых очередей. Женщины стояли в линию перед водяной колонкой и с раздражением слушали, как впереди скрипит ржавая ручка насоса. Проклятия и грубые замечания, которые раньше не входили в лексикон воспитанных фрау, теперь вылетали из их уст вполне натурально. "В эти дни я снова и снова замечаю, — писала неизвестный автор дневника, — что не только мое личное отношение к мужчинам, но и отношение к ним почти всех женщин сильно изменилось. Нам стыдно за них. Они выглядят очень жалкими и лишенными силы. Слабый пол. Среди женщин растет чувство коллективного разочарования. Нацистский мир, который был основан на прославлении мужской силы, зашатался и стал рушиться. И вместе с ним рухнул миф о "сильном

мужчине".

В прошлые годы нацистский режим не желал, чтобы женщины каким-либо образом участвовали в боевых действиях. Офицерский корпус опасался, что они своими действиями на войне запятнают это благородное мужское занятие. Женщине в "третьем рейхе" отводилась лишь ниша материнства. Теперь же, оказавшись в отчаянном положении, режим объявил, что девушки должны встать в строй наравне с парнями. В эфире одной из немецких радиостанций прозвучало обращение к женщинам и девушкам рейха: "Подбирайте оружие из рук павших и раненых солдат и сражайтесь за них. Защищайте свою свободу, свою честь и свою жизнь!"[746] Эту передачу в основном услышали немцы, находящиеся вдали от Берлина. Они были шокированы этим "ужасным следствием тотальной войны". До того времени лишь очень небольшой процент немецких женщин решился надеть военную форму. В основном таких отчаянных фрау направляли во вспомогательные подразделения СС. И лишь единицы (и то по причине каких-то особых обстоятельств или романтических побуждений) добивались отправки в боевые части. Так, например, поступила актриса Хильдегард Кнеф. Для того чтобы не расставаться со своим возлюбленным, Эвальдом фон Демандовски, она надела военную форму и встала в строй подчиненной ему роты, оборонявшей Шмаргендорф.

Тем временем в бомбоубежищах и подвалах домов семейные пары продолжали борьбу за выживание. При приеме пищи взрослые супруги старались не встречаться глазами с соседями. Все это весьма походило на обед в вагоне поезда во время долгого путешествия. Не имея возможности уединиться, семья тем не менее претендовала на свою обособленность. Но, если до граждан доходила информация о каком-нибудь складе, оставленном без охраны, все подобие цивилизации в момент испарялось. Люди превращались в простых грабителей и тащили все, что попадалось им под руку. Сразу вслед за этим начинался спонтанный процесс обмена краденым имуществом. Вопрос о морали не стоял на повестке дня, поскольку каждый из горожан был свидетелем недостойного поведения соседа. Какой-либо фиксированной таксы обмена не существовало, все зависело от насущных потребностей в данный момент времени. Батон хлеба менялся на бутылку шнапса, а карманный фонарик на кусок сыра. Грабежу подвергались и закрытые магазины. В народе все еще сильны были воспоминания о событиях зимы 1918 года. Но теперь уже выросло новое поколение "хомяков", запасающихся едой в преддверии катастрофы.

Однако голод являлся отнюдь не самой большой опасностью

для горожан. Многие из них были просто не готовы поверить, что русские будут им мстить, хотя немцы регулярно слушали пропагандистские речи Геббельса. "Мы не представляли себе, что может произойти"[747], - вспоминала секретарь компании "Люфтганза" Герда Петерсон. Солдаты, воевавшие на Восточном фронте, никогда не рассказывали родственникам о том, как они вели себя в отношении советского населения. Несмотря на то что немецкие женщины ужасно боялись изнасилования, тем не менее они считали, что все это может происходить где-нибудь за городом. Здесь, на виду у всех, такое вряд ли может случиться.

Девятнадцатилетняя Герда, укравшая из вагона на станции Нойкёльн солодовые таблетки из рациона летчиков люфтваффе, жила в одном доме с другой девушкой по имени Кармен. Последняя являлась членом Союза германских девушек — женского эквивалента гитлерюгенда. Над ее кроватью всегда висели открытки с изображением немецких асов, и она ужасно рыдала, когда погиб Мольдерс — знаменитый герой воздушных боев. Ночь на 26 апреля, когда советские войска вступили в Нойкёльн, была необычно спокойной. Все жители дома спрятались в подвале, До них доносился грохот танков, идущих по улице. Спустя некоторое время пахнуло свежим воздухом, который означал, что дверь подвала отворилась. Первым русским словом, которое они услышали, было "Стой!". Советский солдат из Средней Азии собрал у несчастных немцев кольца, наручные часы и ювелирные украшения. Мать Герды спрятала свою другую дочь под кучей белья. Через некоторое время появился второй солдат и знаком показал, что хочет забрать с собой сестру Герды. Однако мать положила своего ребенка на колени и опустила глаза. Тогда солдат обратился к сидевшему рядом мужчине и приказал ему объяснить женщине, что от нее хотят. Но мужчина сделал вид, что ничего не понял. Русский продолжал настаивать, но сестра Герды не сдвинулась с места. Обескураженный молодой солдат был вынужден ретироваться.

Утром жителям дома показалось, что они отделались достаточно легко. До них уже дошли слухи о том, что творилось в близлежащих кварталах. В частности, была убита дочь мясника, которая попыталась сопротивляться насилию. Невестку Герды, которая также жила неподалеку, жестоко изнасиловали русские солдаты, и вся ее семья решила покончить жизнь самоубийством. Родители этой несчастной повесились, но саму девушку соседи успели вытащить из петли и привести в квартиру Петерсонов. На ее шее были хорошо видны следы от веревки. Осознав, что ее родители умерли, а она осталась жива, девушка забилась в угол и не отвечала ни на какие вопросы.

На следующую ночь жители дома решили наконец покинуть подвал. Все они разместились в одной комнате, поскольку боялись оставаться наедине. Здесь собралось больше двадцати женщин и детей. Фрау Петерсон решила спрятать Гер-ду, свою вторую дочь и невестку под столом, покрытым большой скатертью, свисавшей почти до пола. Это было сделано очень вовремя, поскольку вскоре Герда услышала русскую речь и звуки шагов советских солдат. Один из них подошел настолько близко к столу, что она без труда могла бы дотронуться до его сапог. Солдаты забрали из комнаты трех женщин, среди которых была Кармен, и удалились. Герда хорошо слышала ее пронзительный крик. Ей показалось очень странным, что Кармен постоянно выкрикивала ее имя. Вскоре крик сменили рыдания.

Видя, что русские солдаты заняты другими жертвами, фрау Петерсон приняла отчаянное решение. Она прошептала трем молодым женщинам, сидевшим под столом: "Они еще вернутся", — и повела их за собой. Фрау Петерсон отвела их на самый верх, в свою собственную комнату на полуразрушенном последнем этаже дома. Всю ночь Герда провела на балконе, решив про себя, что обязательно спрыгнет с него, если здесь появятся русские солдаты. Но самой большой проблемой для нее было предотвратить плач маленькой дочери своей сестры. Совершенно случайно Герда вспомнила о солодовых таблетках из рациона люфтваффе, и, как только девочка была близка к тому, чтобы разрыдаться, женщины клали ей в рот очередную таблетку. Лицо ребенка вскоре покрылось коричневыми пятнами, но все же такая тактика оправдала себя.

Следующее утро принесло некоторое облегчение. Часть советских солдат отсыпалась после вчерашнего дебоша, другая — ушла в бой. Это дало возможность женщинам возвратиться в свои апартаменты. Там они обнаружили мятые кровати, на которых ночью развлекались солдаты, а также военную форму брата Герды, лежащую на полу. Очевидно, что она также служила в качестве постели.

Герда подошла к Кармен, чтобы сказать ей несколько сочувственных слов, а также поинтересоваться, почему она так настойчиво выкрикивала ее имя. В этот момент Кармен подняла глаза на Герду и внимательно посмотрела на нее. Та увидела, что они полны ненависти. В следующую секунду все прояснилось. "Почему это была я, а не ты?" — произнесла Кармен. Вот что послужило причиной этих криков. Две женщины больше никогда не разговаривали друг с другом.

Несмотря на то что подобного рода поведение стало широко распространенным среди советских солдат, реальность никогда

невозможно было предсказать. Обитатели другого берлинского дома также дрожали от страха, когда после боя к ним в подвал спустился красноармеец, вооруженный автоматом. Однако, подойдя к немцам, он лишь радостно приветствовал их возгласом: "Сегодня на нашей улице праздник!"[748] — и сразу же удалился, даже не отобрав наручных часов. Но следующая волна военнослужащих оказалась более агрессивной. Солдаты схватили Клауса Бёзелера, четырнадцатилетнего юношу, рост которого был выше шести футов. Глядя на белобрысого парня, один из русских военнослужащих прокричал: "Ты — СС!" Этот крик не был вопросом, а именно утверждением. Советские солдаты, казалось, уже решили расстрелять бедного юношу, но за него вступились соседи. Они сумели знаками убедить красноармейцев, что Клаус еще ребенок школьного возраста.

Обладая высоким ростом, Бёзелер, естественно, постоянно ощущал чувство голода. Он не испытывал отвращения, отрезая кусок мяса от лошади, убитой разрывом снаряда. Дома его мать обильно полила эту добычу уксусом и положила в кастрюлю. Советских солдат очень удивило, с какой скоростью берлинцы, которые не были "ни кулаками, ни помещиками"[749], разделали эту лошадь до костей. Зная о том, что русские любят детей, Клаус взял с собой на улицу трехлетнюю сестру. Вместе они подошли к костру, у которого сидели советские солдаты. Те дали им буханку хлеба, а затем добавили к ней еще и кусок масла. На следующий день их накормили супом. Однако вскоре Клаус услышал, что в соседнем квартале произошли случаи жестокого изнасилования, поэтому он решил на целых три дня спрятать свою мать в угольном подвале.

Немецкие стандарты чистоты и гигиены рушились буквально на глазах. Одежда и кожа граждан быстро покрывалась пылью от штукатурки и битого кирпича. О том, чтобы использовать воду для помывки и гигиены тела, уже никто не думал. Предусмотрительные берлинцы заранее кипятили чистую воду и сливали ее в нержавеющие канистры. Они прекрасно знали, что в ближайшее время питьевая вода станет для них на вес золота.

Всего несколько оставшихся в Берлине госпиталей были настолько переполнены, что большинство новых раненых приходилось отправлять обратно. Ситуация в госпиталях вскоре достигла критической отметки, поскольку в них не хватало обслуживающего персонала. Еще в период, когда город подвергался только налетам авиации, санитары каждый раз эвакуировали пациентов в убежище, заслышав сигнал воздушной тревоги. Но теперь, когда Берлин находился под постоянным обстрелом артиллерии, эти телодвижения потеряли всякий

смысл. Добровольная помощница, пришедшая в госпиталь, обнаружила в нем хаос и "восковые лица, обмотанные кровавыми бинтами"[750]. Один из французских хирургов, лечивший своих военнопленных сограждан, рассказывал, в каких условиях им приходилось работать. Операции проходили в подвале на деревянном столе, "почти без применения обеззараживающих препаратов. Инструменты едва успевали прокипятить до того, как приносили следующего несчастного. У врачей не было воды, чтобы смыть кровь со своих халатов, а электрическое освещение зависело от динамика, прикрепленного к колесу велосипеда"[751].

Поскольку раненым немецким солдатам фактически было невозможно получить помощь в оставшихся госпиталях, то многие из них стремились добраться до подвалов собственных домов. Там о них могли позаботиться матери или жены. Однако это являлось довольно рискованным шагом, поскольку реакция русских на присутствие в убежище хотя бы одного германского военнослужащего была непредсказуема. Нередко они воспринимали такой подвал за очередную огневую точку противника. Чтобы избежать подобной реакции советских солдат, женщины обычно снимали с раненых военную форму, сжигали ее и переодевали их в гражданское платье. Еще одна опасность проистекала от фольксштурмовцев, которые перед самым появлением советских войск бросали свое оружие и разбегались по домам[752]. Если жильцы находили какую-нибудь винтовку, то немедленно выбрасывали ее подальше на улицу. Ходили слухи, что русские расстреливают всех обитателей дома, если в нем находилось оружие.

Водяная колонка у церковного прихода была основным местом обмена последними новостями. Официальной информации уже никто не доверял. "Панцербэр" ("Бронированный медведь"), листок с новостями, получивший свое название в честь косолапого лесного зверя — символа Берлина, — утверждал, что некоторые германские города, такие, как, например, Ораниенбург, уже освобождены от русских. Активность министерства пропаганды "третьего рейха", или "Проми", как его еще называли берлинцы, свелась теперь к изданию небольших листовок, так как практически все радиостанции были уже в руках противника. "Берлинцы! — говорилось в одной из листовок. — Держитесь. Армия Венка идет вам на помощь. Потерпите еще несколько дней, и Берлин снова будет свободным"[753]. Однако горожане уже не обращали внимания на эти слова. Тяжело было поверить в то, что всего одна армия способна прорваться к городу, который осадили несколько вражеских армий. Тем не менее многие берлинцы еще питали

иллюзии, что им на выручку могут подоспеть американцы, хотя оснований для таких надежд абсолютно не имелось — город плотно блокировали советские войска.

В один из редких моментов затишья в полосе наступления 2-й гвардейской танковой армии в районе Зименсштадта полковник Себелев решил написать письмо родным. Он находился вместе с товарищами на пятом этаже только что захваченного здания. Вокруг бегали связные, которые приносили донесения и вновь исчезали с очередным приказом. Советские войска двигались к центру германской столицы, и кругом гремели залпы орудий и стелился дым. Солдаты осторожно перебегали от одного дома к другому. Себелев отмечал, что немцы стреляли по советским танкам из окон и дверей зданий, но танкисты генерала Богданова выбрали умелую тактику. Они двигались не по центру улицы, а по тротуарам. И пока одни танки стреляли по домам на правой стороне улицы, другие — уничтожали противника на ее левой стороне. В результате немцы бросали все и убегали из зданий. Во дворах уже можно было видеть, как советские бойцы раздают продукты голодающим берлинцам. Горожане выглядели очень измученными. По мнению Себелева, Берлин не казался красивым городом. Его узкие улицы перегораживали баррикады, кругом стояли разбитые машины и трамваи. Дома казались брошенными, поскольку все население пряталось по подвалам. Себелев был рад, что на его родине уже началась посевная кампания. Он мечтал поскорее увидеть родную картошку, помидоры, огурцы, все, что ему было так знакомо и привычно[754].

Себелев, однако, не упомянул, что тактика советских танкистов первоначально не была столь умелой, и этот факт привел к большим потерям. Жуков очень торопился и одновременно послал в город сразу две танковые армии, причем боевые машины двигались вначале не по тротуарам, а прямо по центру берлинских улиц. Даже командование 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, имевшее опыт боев в Сталинграде, первоначально наделало много ошибок. Теперь, в Берлине, роли противников поменялись — Красная Армия атаковала, используя свое полное превосходство в танках и самолетах, а вермахт оборонялся, применяя тактику нападения из укрытия.

Военнослужащие войск СС не особо стремились занять позиции на баррикадах. Они прекрасно понимали, что эти искусственные сооружения станут первоочередной целью для советской артиллерии. Логичнее казалось размещать стрелков на верхних этажах зданий или на крышах, поскольку советские танки не могли слишком высоко поднимать свои орудия. Но стрелять из фаустпатрона по бронетехнике противника сверху

также было достаточно неудобно, и такая тактика не гарантировала точного попадания в цель. Поэтому солдаты с фаустпатронами устраивали засады в подвалах домов, ведя огонь из их окон или специально проделанных амбразур. Члены гитлерюгенда с энтузиазмом повторяли все действия эсэсовцев. Вскоре за ними последовали и те фольксштурмовцы, которые не успели разбежаться по домам. Советские солдаты называли членов гитлерюгенда и фольксштурмовцев "тоталами", поскольку те являлись продуктом "тотальной мобилизации". Офицеры вермахта придумали для этого контингента другое наименование — "кастрюли", так как этот личный состав представлял собой смесь старого мяса и зеленых овощей[755].

Большие потери в танках, особенно в 1-й гвардейской танковой армии, вынудили советское командование пересмотреть тактику ведения боевых действий[756]. Вначале командование приказало посадить на танки автоматчиков, которые должны были поливать свинцом любое подозрительное окно или амбразуру. Однако бойцы, находящиеся на броне, затрудняли поворот башни. Поэтому танкисты считали, что лучшим способом защиты их машины от фаустпатрона являются матрасы с железными пружинами или другие металлические конструкции, которые заставят боевой заряд сдетонировать раньше, чем он коснется брони. В любом случае и танкисты, и пехота полагали, что самый безопасный путь для них открывается после обстрела противника прямой наводкой из тяжелых орудий — в 152 и 203 миллиметра — гаубиц. В 3-й ударной армии широко применялись и зенитные пушки, уничтожавшие немцев, засевших на крышах и верхних этажах домов[757].

Генерал Чуйков хорошо знал, что такое бои в городе. После Сталинграда он активно занимался обобщением полученного им тогда опыта и даже подготовил специальные наставления. После штурма Познани Чуйков серьезно пересмотрел многие тактические установки. Свои наставления он начинал со следующего правила — наступление в городе большими силами никогда не достигнет успеха, если оно будет осуществляться как обычная фронтовая или армейская операция[758]. Отметим, что штурм Берлина именно так и начинался (как обычная фронтовая операция), когда целых две танковые армии вошли в город, словно в открытое поле. Чуйков подчеркивал важность тщательной разведки, которая обязана выяснять не только пути подхода к противнику, но и возможные маршруты его отступления. Дым и темнота должны использоваться пехотой для максимального сближения с врагом. Нужно стараться подобраться к нему на расстояние в тридцать метров, иначе

потери могут оказаться чрезвычайно большими.

Предусматривалось создание штурмовых групп численностью от шести до восьми человек, за которыми следовали группы поддержки и резервы, готовые отразить контратаку противника. Предусматривалось, что штурмовые группы, как и в дни Сталинградской битвы, будут иметь на вооружении "гранаты, автоматы, кинжалы и саперные лопатки". Все это предстояло использовать в рукопашной схватке. Группам поддержки требовалось иметь более тяжелое оружие — пулеметы и противотанковые ружья. С ними должны были идти и саперы, готовые взорвать стену, отделяющую их от противника. Правда, возникла проблема: кто первым кинет гранату в образовавшееся отверстие? Однако советские солдаты вскоре осознали, что трофейный фаустпатрон позволяет более эффективно устранять возникающие перед ними препятствия. Мощности его заряда вполне хватало, чтобы пробить дырку в стене, а заодно и уничтожить всех, кто за ней в тот момент находился.

Пока одни штурмовые группы пробирались от дома к дому по земле, другие — занимали крыши и подвалы, неожиданно нападая на вражеских стрелков и уничтожая их. Широко применялись огнеметы и взрывчатые вещества. Саперы часто прикрепляли толовые шашки к куску железнодорожного рельса — во время взрыва осколки рельса поражали врага, словно шрапнель[759].

Тактика советских войск не зависела от наличия в городе большого числа мирных жителей. Советские солдаты не стесняясь выгоняли их из подвалов на улицу, независимо от того, что в данный момент там происходило. Многие советские офицеры, сожалевшие о потерях среди гражданских лиц, стремились проводить их эвакуацию с помощью силы (точно так же, как это пыталось сделать командование немецкой 6-й армией в Сталинграде). Один из советских командиров отмечал, что его подчиненные не имеют времени определять, кто есть враг, а кто — мирный житель[760]. Иной раз они просто бросают в подвал гранату и идут дальше. Обычно такие действия оправдывались тем, что в подвалах и убежищах прятались немецкие офицеры, которые переоделись в гражданскую одежду. Однако, как свидетельствовали сами мирные жители, любого немецкого военнослужащего, приходившего в подвал, прежде всего заставляли выбросить свое оружие и боеприпасы. Случаи, когда какой-нибудь немецкий солдат стрелял в спину русских бойцов, были чрезвычайно редкими.

Чуйков стремился к тому, чтобы его солдаты действовали безжалостно и быстро. Сразу после того, как боец кидал гранату,

он должен совершать рывок вперед. Его союзниками являлись быстрота, инициатива и выносливость. В любой момент он должен быть готов встретиться с неожиданностью. Солдат мог оказаться в лабиринте комнат и коридоров, за которыми таилась опасность. Тогда нужно было кидать гранату за ближайший угол и продолжать движение вперед, поливая помещение автоматным огнем. Если на пути оказывалась новая комната, туда должна лететь вторая граната. Нельзя упускать темп атаки.

Все эти наставления Чуйкова были, конечно, правильными, но грамотно использовать их на практике могли только опытные бойцы. На самом же деле в его армии служило много молодых командиров, которые только что закончили ускоренные офицерские курсы и порой не имели представления, как нужно руководить своими подчиненными в подобных условиях. Тем более что после боев на Одере и безостановочного наступления к германской столице силы военнослужащих, находящихся в передовых частях фронта Жукова, были на исходе. Накопившаяся усталость замедляла их реакцию. Бывали случаи, когда по этой причине бойцы ошибались в самых элементарных ситуациях: минометные мины разрывались прямо в стволе орудия, а немецкие трофейные гранаты — в руках самих бросающих. При этом погибало и калечилось довольно много людей.

Велики были потери от огня собственной артиллерии. Несмотря на то что артиллерийские разведчики пользовались данными авиации (пилотов бипланов У-2), зачастую крупнокалиберные орудия и "катюши" стреляли по своим же войскам. По мере продвижения их к центру Берлина подобные случаи стали возрастать. Ошибки артиллеристов не раз отмечались в донесениях командующего 28-й армии генерала Лучинского[761]. Это объединение поддерживало своими действиями 3-ю гвардейскую танковую армию генерала Рыбалко. Дым и смог, стоявшие над городом, служили причиной и неправильного бомбометания. Действовавшие над Берлином три воздушные армии нередко сбрасывали смертоносный груз на собственные войска. Так, на юге германской столицы авиаполки, поддерживавшие наступление 1-го Украинского фронта, совершали атаки на подразделения 8-й гвардейской армии. Чуйков просил Жукова убрать таких "соседей" подальше из полосы действия его войск.

Большую часть дня 26 апреля 8-я гвардейская армия и 1-я гвардейская танковая армия продолжали бои за аэродром Темпельхоф. Контратаки немецкой дивизии "Мюнхеберг" не увенчались успехом. В строю оставалось все меньше боевых машин. Германские танки были вынуждены действовать

разрозненно, при поддержке небольших групп пехоты и юнцов из гитлерюгенда, вооруженных фаустпатронами. Истощенные немцы пытались продержаться до темноты. Штурмбаннфюрер СС Заальбах приказал оттянуть к Ангальтскому вокзалу неповрежденные бронеавтомобили разведывательного батальона дивизии "Нордланд". 8 "тигров" и 3 батальона "Герман фон Зальца" и несколько штурмовых орудий были направлены в район Тиргартена.

Следующее утро началось с интенсивной артиллерийской подготовки. "Бедный город"[762], - записала в дневнике германская женщина, жившая в районе Пренцлауерберг. В районе Тиргартена снаряды ложились особенно плотно. Теперь этот парк, почерневший от дыма и копоти, узнать стало практически невозможно. Еще тяжелее было представить, что он когда-то являлся любимым местом для прогулок почтенных семейных пар.

Генералы Чуйков и Катуков приказали своим частям продвигаться в двух направлениях — в сторону площади Белле-Аллиансеплац (названной так в честь победы у Ватерлоо и по иронии судьбы обороняемой сейчас французскими добровольцами войск СС) и к Ангальтскому вокзалу. Соперничество между войсками Жукова и Конева стало еще более очевидным. Порой дело доходило до смешного. Один из командиров корпуса из армии Чуйкова сказал писателю Василию Гроссману, что теперь его солдаты должны опасаться не противника, а собственных соседей[763]. Более того, он приказал блокировать пути подхода к рейхстагу частей соседнего фронта своими и немецкими подбитыми танками. По мнению этого командира, не было ничего обиднее, чем слышать об успехах войск Конева.

Самому Чуйкову было теперь не до смеха. Он приказал левофланговым соединениям своей армии выйти в полосу наступления 3-й гвардейской танковой армии, развернуть боевые порядки и наступать на рейхстаг впереди танкистов из фронта маршала Конева. Он даже не предупредил об этом маневре генерала Рыбалко. Поэтому почти наверняка немало его собственных людей было убито огнем артиллерии, поддерживавшей 1-й Украинский фронт.

Реактивные залпы "катюш" ("молнии с неба"[764]) продолжали использоваться советским командованием с двойной целью — в качестве психологического оружия и надежной зачистки конкретных площадей. Ранним утром 26 апреля снаряды стали рваться уже неподалеку от штаба на Гогенцоллерндамм. Этот факт заставил полковника Рефиора очнуться от беспокойного сна. Русские явно вели пристрелочный огонь. "Опытные

военнослужащие знали, — отмечал Рефиор, — что такой огонь является своеобразным "приветствием" русских перед тем, как они обрушат на противника залпы реактивных установок"[765]. А поскольку штаб теперь оказывался в пределах досягаемости "катюш", то пришла пора переносить его в другой район. Генерал Вейдлинг уже выбрал для него место под названием "Бендлерблок" бывший командный пункт армии, расположенный на Бендлерштрассе. Именно здесь после неудачной попытки покушения на Гитлера был казнен полковник фон Штауффенберг. Достоинством нового места являлись хорошее бомбоубежище и близкое расположение от рейхсканцелярии, куда Вейдлинга постоянно вызывали.

В бункере "Бендлерблока" штабным работникам порой было тяжело определить, что сейчас на дворе — день или ночь? Они поддерживали работоспособность с помощью кофе и сигарет. Благодаря генератору электрическое освещение не прерывалось, но во всех помещениях было сыро и душно. В штаб нескончаемым потоком шли запросы о помощи от командующих секторами обороны, но никаких боеспособных резервов в наличие уже не имелось.

Вечером Вейдлинг предложил Гитлеру план массированного прорыва из германской столицы, который давал надежду на спасение людей и предотвратил бы дальнейшие разрушения. В основе идеи этого плана лежало создание ударной группы, которая одновременно являлась бы эскортом самого фюрера. В авангарде группы должны были наступать оставшиеся в строю танки (примерно сорок штук) и большая часть пехотных соединений. Следом за ними выдвигалась так называемая "группа фюрера", в которую входили сам Гитлер, весь штат рейхсканцелярии и другие "выдающиеся" нацисты. Для прикрытия оставлялся арьергард, состоящий из одной усиленной дивизии. Прорыв намечалось осуществить ночью 28 апреля. Когда Вейдлинг закончил доклад, Гитлер лишь покачал головой. "Ваше предложение превосходно, это правда, — сказал он. Но зачем все это? Я не собираюсь плутать по лесам. Я остаюсь здесь и погибну вместе с моими войсками. Вы же продолжайте обороняться"[766].

Тщетность любых попыток Вейдлинга повлиять на Гитлера лишь подчеркивалась словами, написанными на стенах многих зданий: "Берлин остается немецким". Однако в одном из этих мест надпись была перечеркнута и поверх нее выведены слова на русском языке: "Но я уже здесь, в Берлине", далее следовала подпись: "Сидоров".

Красная Армия не просто вошла в Берлин, она уже приступила в нем к созданию новой местной администрации.

Необходимость возобновления работы важнейших городских служб была очевидной. Жуков, незнакомый с бериевским планом военной администрации (которая находилась бы под полным контролем НКВД), успел назначить комендантом Берлина генерал-полковника Берзарина, командующего 5-й ударной армией. Фельдмаршал Суворов еще в XVIII веке настаивал на том, чтобы полководец, чьи войска первыми врывались в город, назначался и его первым комендантом. Красная Армия не желала прерывать эту традицию[767]. Можно только догадываться, как отнесся к решению Жукова прославленный герой Сталинграда генерал Чуйков (ведь назначали комендантом не его).

26 апреля штаб генерала Берзарина посетил Василий Гроссман. В своей записной книжке он отметил, что комендант Берлина — человек достаточно упитанный, с карими глазами и ранней сединой[768]. Он — очень умный, выдержанный и волевой. Гроссман продолжал, что в этот день происходит "рождение нового мира". К Берзарину были вызваны местные бургомистры, директора электростанций, ответственные лица. Пришли люди, ведавшие снабжением города водой, работой канализации, метро, трамваев, газоснабжением, а также собственники фабрик и общественные деятели. Все они получали новые назначения именно здесь, в штабе Берзарина. Вице-директора становились директорами, руководители местного производства делались фигурами общенационального значения. Больше всего Гроссмана впечатлили даже не произносившиеся в тот момент слова, а сами телодвижения и знаки людей шарканье ног, приветствия, шепот. В дверях появился старый немецкий коммунист, вступивший в партию еще до прихода нацистов к власти. Он пришел поучаствовать в строительстве нового государства. Достав из кармана партийный билет, немец пояснил, что является коммунистом с 1920 года. Офицер из штаба Берзарина, посмотрев на этот документ, лишь тихо произнес: "Садитесь".

Как и многие другие русские, присутствовавшие тогда в штабе Берзарина, Гроссман был обескуражен словами одного из новых бургомистров. После того как его попросили организовать рабочие бригады по расчистке улиц, он задал вопрос: "А сколько людям будут платить?" После всего того, что творилось с советскими людьми, угнанными в Германию на рабскую работу, ответ был вполне очевиден. Гроссману показалось, что каждый приходящий сюда немец очень трепетно относился к своим правам. На следующий день, 27 апреля, многие жители города оказались шокированы, когда советские солдаты окружили на южных окраинах города примерно две тысячи женщин и повели их в сторону аэродрома Темпельхоф расчищать его от сожженных

машин. Командование Красной Армии желало, чтобы советская авиация смогла использовать посадочные площадки уже в ближайшие двадцать четыре часа.

По мере приближения к центру города (сектор "Z") бои становились все более ожесточенными. То место, откуда был произведен выстрел из фаустпатрона, немедленно накрывалось огнем тяжелой артиллерии или залпом "катюш". Подобная практика напоминала уничтожение заложников в ответ на нападение партизан.

В одном из боев советские солдаты захватили в плен небольшую группу французских эсэсовцев, вооруженную фаустпатронами. Пленный командир подразделения рассказал, что все они до начала наступления Красной Армии на Одере являлись всего-навсего насильственно угнанными рабочими, и лишь затем их переодели в военную форму и вручили оружие. Этим пленным повезло, что советские солдаты оказались столь доверчивыми. Русские тогда, видимо, еще не знали о специальных эсэсовских татуировках.

В тот же вечер произошла гротесковая мелодрама, которая как нельзя лучше характеризовала атмосферу последних дней "третьего рейха". В прихожей гитлеровского бункера неожиданно появился генерал Риттер фон Грайм, которого фюрер вызвал к себе, чтобы назначить на должность командующего люфтваффе вместо смещенного со всех постов Геринга. Генерал был ранен осколком от советского зенитного снаряда. Грайма сопровождала его любовница, летчик-испытатель Ханна Райч, женщина, беззаветно преданная делу фюрера. Пролетая над Грюневальдом, их самолет попал под обстрел и получил много пробоин. Тем не менее Ханна Райч сумела посадить машину рядом с Бранденбургскими воротами. Этот подвиг совершить можно было, только обладая солидным опытом пилотирования и незаурядной смелостью. Выходило так, что Гитлер, желая самолично произвести Грайма в новую должность, едва не погубил его. Добавим, что руководить фон Грайму было уже фактически нечем.

27 апреля генерал Кребс последовал по стопам тех нацистских лидеров, которые уже долгое время обманывали военнослужащих германской армии. Хотя и не говоря напрямую о возможных переговорах с западными союзниками, он тем не менее объявил, что "американцы могут быстро преодолеть те девяносто километров, которые отделяют их от Берлина. В этом случае все изменилось бы в лучшую сторону"[769].

Немецкие командиры навязчиво приставали к вышестоящему руководству с просьбой о новых подкреплениях. Но откуда их

теперь взять? Монке был чрезвычайно доволен, докладывая Крукенбергу о прилете в Берлин целой роты матросов. Морякам приказали занять оборону в парке неподалеку от министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. Однако сам Крукенберг больше радовался тому, что дивизия "Нордланд" наконец получила восемь штурмовых орудий из состава 503-го эсэсовского батальона тяжелых танков. В одну из боевых групп дивизии входили латвийские добровольцы. Крукенберг даже заявлял, что вскоре вся Европа будет представлена в его секторе обороны. Он был недалек от истины. К 1945 году практически половина войск ОС состояла из представителей негерманской национальности. Падение Берлина кажется еще более символичным, когда мы говорим о тех силах и идеологиях, что столкнулись среди его дымящихся кварталов. Коммунисты и фашисты, манипулируя принципами и просчитывая альтернативы, уже задолго до этой кровавой развязки развернули друг против друга своеобразную гражданскую войну. И она впоследствии охватила весь мир[770]. Падение Берлина в этой связи как нельзя лучше символизирует конец одной из армий непримиримых противников, одной из армий, поддерживающей идеологию экстремизма.

Штаб Крукенберга теперь помещался всего в одном вагоне поезда метрополитена, который стоял на станции Штадтмитте. Здесь не было ни электрического освещения, ни телефонов. Люди Крукенберга еще стояли на ногах, поскольку им удалось запастись продуктами в близлежащих магазинах на Гендарменмаркт. Основным оружием военнослужащих стали фаустпатроны, взятые из арсеналов рейхсканцелярии. Французские добровольцы, равно как и другие обороняющиеся, использовали теперь это оружие и по прямому назначению против танков, и в ближнем бою против советской пехоты. На подмогу к ним подошло подразделение, возглавляемое гауптштурмфюрером Перссоном. Вскоре здесь появились и четыре броневика, захваченные у Красной Армии, и две бронированные машины на колесно-гусеничном ходу, принадлежащие дивизии "Нордланд". Остальную технику пришлось бросить из-за отсутствия горючего и поломок во время отступления от Номкёльна.

Раненые военнослужащие вермахта, оборонявшие сектор "Z", направлялись в полевой госпиталь, расположенный в подвалах отеля "Адлон". Эсэсовцев помещали в другое место — в подвалы рейхсканцелярии, где их оперировали свои собственные врачи. К концу битвы там находилось порядка пятисот раненых. Самый большой лазарет — "Томаскеллер" — напоминал бойню для скота. И военным, и гражданским медицинским учреждениям не

хватало воды и продуктов питания, равно как и обезболивающих препаратов.

Наступление советских войск к центру Берлина шло с разных направлений. 47-я армия, завершив окружение города вместе с 4-й гвардейской танковой армией фронта Конева, вошла в северо-западные районы германской столицы. Советские войска приблизились к Шпандау. Армейские офицеры и понятия не имели, что гигантская цитадель, расположенная здесь, является исследовательским центром по изучению нервно-паралитических газов, таких, например, как зарин. В районе аэродрома Гатов советские части натолкнулись на сильное сопротивления фольксштурмовцев и курсантов авиационных училищ. Немцы использовали против советских танков и бронемашин 88-миллиметровые зенитные орудия.

На севере Берлина ожесточенные боевые действия вела 2-я гвардейская танковая армия, продвигавшаяся со стороны Зименштадта, тогда как 3-я ударная армия вышла к северной границе Тиргартена и Пренцлауерберга. Части 3-й ударной армии предпочли обойти стоявшую на их пути зенитную башню Гумбольдтхайн. Вести дело с ее защитниками было поручено тяжелой артиллерии и бомбардировщикам. Далее по часовой стрелке шла 5-я ударная армия, вошедшая в Берлин с восточного направления. Подобно 3-й ударной армии, она обошла зенитную башню, расположенную в полосе ее наступления, — Фридрихсхайн. Основные ее силы, после того как 9-й корпус достиг Трептова, находились между Франкфуртераллее и южным берегом Шпрее.

В южных районах германской столицы 8-я гвардейская армия и 1-я гвардейская танковая армия к 27 апреля вышли к каналу Ландвер и навели через него переправу. Это была последняя значительная преграда на пути к правительственному кварталу. Отсюда до рейхсканцелярии оставалось всего два километра. Тем не менее командование всех армий Жукова считало, что главной целью для них является именно рейхстаг. На юго-западных окраинах Берлина действовала 3-я гвардейская танковая армия, которая, войдя в Шарлоттенбург, своим левым флангом теснила в Грюневальде остатки 18-й моторизованной дивизии противника.

24 апреля части Красной Армии достигли района Далем. На следующий день был захвачен Институт физических исследований кайзера Вильгельма. Залпы "катюш" и грохот танков казались чем-то неестественным среди зеленых лужаек и просторных вилл. Вслед за танками и передовыми подразделениями появились тыловые повозки, запряженные низкорослыми лошадьми и даже верблюдами.

Никто из подчиненных генерала Рыбалко, и даже он сам, не догадывались, какое значение для Кремля имеет только что захваченный Институт. В последующие два дня весь комплекс зданий на Больцманштрассе был взят под строгую охрану частей НКВД.

Одним из основных факторов, сдерживавшим попытки СССР интенсифицировать свои атомные исследования и догнать разработчиков Манхэттенского проекта, являлось отсутствие достаточного количества урана. Именно поэтому Сталин так торопился захватить германские лаборатории вместе со всем имеющимся в них оборудованием и материалами. Кремль надеялся также заполучить известных немецких ученых, имевших доступ к ядерным экспериментам. Берия провел большую работу в этом направлении. Главой специальной комиссии был назначен генерал-полковник Махнев. Части НКВД, взявшие под охрану лаборатории и места складирования урана, подчинялись непосредственно генералу Хрулеву, начальнику тыла всей Красной Армии. На окраине Берлина была основана база, куда вскоре прибыли ученые, наблюдавшие за перевозкой материалов и оборудования. Ей руководил главный металлург НКВД генерал Завенягин.

Согласно докладу комиссии НКВД, в Институте кайзера Вильгельма ей удалось обнаружить большое количество оборудования, а также двести пятьдесят килограммов металлического урана, три тонны урановой окиси, двадцать литров тяжелой воды. Три тонны урановой окиси, попавшей в Далем по ошибке, были действительно приятным сюрпризом. Теперь следовало спешить. Берия и Маленков решили еще раз напомнить Сталину, что Институт кайзера Вильгельма расположен на территории, которая в будущем должна отойти западным союзникам. Принимая во внимание огромную важность всех обнаруженных там материалов и оборудования, они просили Сталина ускорить их эвакуацию в Советский Союз.

Государственный Комитет Обороны СССР издал соответствующее постановление, по которому комиссии НКВД под руководством Махнева предписывалось эвакуировать в Советский Союз — в Лабораторию № 2 Академии наук и в лабораторию НКВД, занимающуюся вопросами металлургии, — все материалы и оборудование Института кайзера Вильгельма в Берлине.

Сотрудниками генерала Махнева были также задержаны и переправлены в Москву профессор Петер Тиссен и доктор Людвиг Бевилогуа[771]. Однако ведущие ученые института — Вернер Гейзенберг, Макс фон Лауэ, Карл Фридрих фон Вайцзс-кер и Отто

Ган, которые являлись лауреатами Нобелевской премии в области химии, — оказались за пределами их досягаемости. На них наложили руки англичане, которые переправили ученых в Фарм-Холл — центр, организованный для немецких ученых в Восточной Англии.

Оборудование менее значимых лабораторий и институтов было также эвакуировано, а работавшие в них ученые переведены в специальные помещения в концентрационном лагере Заксенхаузен. Профессор барон фон Арденне считался добровольцем. По указанию генерала Завенягина он написал заявление в адрес Совета Народных Комиссаров СССР о том, что желает работать вместе с советскими физиками и передает весь свой институт и самого себя в распоряжение советского правительства.

Ученые, подчиненные Берии и Курчатову, наконец-то получили уран в необходимом количестве и были готовы ускорить исследования. Однако они полагали, что в будущем им понадобится еще большее количество материалов. Генерал Серов получил задание сконцентрировать все усилия на поиске урановых хранилищ как в Чехословакии, так и в Саксонии — в районе, расположенном южнее Дрездена. Советское командование чрезвычайно опасалось присутствия здесь частей американской 3-й армии, возглавляемой бескомпромиссным генералом Паттоном. Кремль волновал вопрос, уйдут ли американцы отсюда в отведенную им зону оккупации.

Тем временем в Далеме группа советских офицеров нанесла визит старшей сестре местной клиники для сирот и молодых матерей[772]. Сестра Кунигунде сообщила русским, что в больничных палатах нет ни одного немецкого солдата. Офицеры вели себя достойно и интеллигентно. Они даже предупредили се, что следует опасаться не фронтовиков, а тыловых частей Красной Армии, которые вскоре появятся здесь. Их предсказания оказались верными, однако монахиням, беременным женщинам, пожилым медсестрам и молодым матерям, которые только что произвели на свет потомство, бежать было некуда. Все они стали объектами безжалостного насилия. Одна из женщин сравнивала все происходившие там события с "ужасами Средневековья"[773], другие образованные фрау — с Тридцатилетней войной.

Образ солдат, выбирающих себе жертву, освещая факелами лица несчастных женщин, прячущихся по подвалам, характерен, пожалуй, для всех советских армий, участвовавших в битве за Берлин. Со времен боев в Восточной Пруссии произошли некоторые изменения. Теперь советские солдаты не насиловали первых попавшихся женщин, они выбирали. На этой второй

стадии женщина стала для них скорее добычей, удовлетворявшей сексуальные потребности, чем предметом, на котором возможно было вымести гнев за преступления вражеской армии[774] [775].

Под изнасилованием часто понимают жестокий акт, который не имеет прямого отношения к сексу. Но такое определение было бы правильным только с точки зрения жертвы. Чтобы полнее понять мотивы преступления, необходимо взглянуть на насилие глазами самого преступника. Что двигало солдатами, когда первая волна жестокости в отношении немецких женщин схлынула и ее сменили более разборчивые действия? Военнослужащие Красной Армии, видимо, чувствовали, что вправе удовлетворить свои сексуальные потребности после столь долгого времени, проведенного на фронте. В основном теперь они не были безрассудно жестокими, следовательно, и женщины не оказывали им большого сопротивления. Третья, а потом и четвертая стадии отношения советских солдат к немецким женщинам, как будет показано далее, проявились спустя несколько недель. Но в основе всего данного явления, какую бы стадию мы ни рассматривали, лежит следующее обстоятельство — на войне недисциплинированные и не боящиеся наказания солдаты могут достаточно быстро превратиться в примитивную сексуальную машину. Тем не менее различное отношение к женщине, проявленное советскими солдатами на разных этапах войны (вначале в Восточной Пруссии, а затем в Центральной Германии и Берлине), говорит о том, что не может существовать одного общего определения для их преступления. С другой стороны, логично было бы предположить, что здесь мы подходим к самой темной стороне мужской сексуальной жизни, которая так легко проявляется на войне, особенно когда человек не связан социальными или дисциплинарными запретами. Многое также зависит от военной культуры той или иной национальной армии. В случае группового изнасилования женщин солдатами Красной Армии мы, возможно, имеем дело с одной из форм круговой поруки, имевшей глубокие общественные корни.

Политработники Красной Армии придумали отговорку, что акты насилия это нежелательный побочный продукт мести советских солдат своим врагам[776]. В докладе политуправления 1-го Белорусского фронта имелась такая информация: в момент вхождения советских частей в Берлин многие военнослужащие были вовлечены в акты насилия против гражданского населения и грабежи. Офицеры-политработники постарались сразу же взять дисциплину под строгий контроль. Были, в частности, организованы собрания со следующими повестками дня: "Честь и достоинство воина Красной Армии", "Воровство — злейший враг

Красной Армии" и "Что мы понимаем под местью врагу"[777]. Но политическое перевоспитание советских военнослужащих после изменения партийной линии по отношению к немецкому населению оказалось малоэффективным.

Сами немцы были глубоко шокированы отсутствием среди солдат Красной Армии надлежащей дисциплины и неспособностью офицеров поддерживать порядок среди своих подчиненных, за исключением разве тех особых случаев, когда следовал расстрел на месте. Более того, многие женщины встречали полнейшее безразличие, обращаясь к красноармейским командирам с просьбой наказать преступников, которые их изнасиловали. "Ну и что? Это не принесет вам никакого вреда, — сказал один из советских офицеров группе немецких женщин, пришедших просить у него защиты от насильников. — Наши люди — совершенно здоровые"[778]. К сожалению, это не было правдой. Многие из красноармейцев имели различные венерические заболевания, которые вскоре обнаружили у себя и немецкие женщины.

Глава двадцать вторая
Сражение в лесах

"Кто бы мог предположить, — сокрушался один из батальонных командиров дивизии "Шарнхорст" во время ее подхода к Беелитцу, — что Западный и Восточный фронты будет разделять расстояние, которое можно преодолеть всего за один день марша?"[779]

20-й корпус армии генерала Венка начал наступление в восточном направлении 24 апреля. Перед ним стояла задача прорваться через русские заслоны к частям немецкой 9-й армии, окруженной в лесах в тыловом районе фронта маршала Конева. Тем же вечером молодые немецкие солдаты из дивизии "Теодор Кернер" атаковали в районе Тройенбритцена 5-й гвардейский механизированный корпус генерала Ермакова. На следующий день дивизия "Шарнхорст" подошла к Беелитцу. Германские военнослужащие не имели понятия, что находится впереди, поскольку их путь пролегал сквозь густой смешанный лес, где старые сосны перемежались с молодой порослью деревьев. Вся операция "весьма походила на армейскую разведку", — вспоминал упомянутый батальонный командир. Перед самым Беелитцем немецкие части наткнулись на госпитальный комплекс Хайльштеттен.

Медицинские сестры и пациенты госпиталя, всего задень до этого подвергшиеся насилию со стороны солдат Красной Армии и бывших восточных рабочих, внезапно услышали звуки артиллерийской стрельбы. Однако никто не знал, где именно идет бой. Один из снарядов угодил прямо в больничное здание, поэтому детей срочно перевели в подвалы, Сестры с надеждой спрашивали друг друга, не американцы ли это. Чуть позднее они увидели небольшие группы немецких солдат, перебегающих от одного дерева к другому. В этот момент к ним выбежали две сестры и закричали: "Выгоните отсюда русских!"[780] Перестрелка усилилась, и начальник госпиталя, доктор Почка, решил войти в контакт с американским командованием на Эльбе. Там ему могли помочь швейцарцы из Красного Креста.

Бои за Беелитц продолжались несколько дней. Погибло семьдесят шесть мирных жителей, включая пятнадцать детей. "Это было отчаянное сражение, вспоминал батальонный командир из дивизии "Теодор Кернер", — и пленных никто не брал"[781]. Он и его подчиненные пришли в ужас, когда советские солдаты захватили дом, в подвале которого находились их

раненые боевые товарищи. Молодые немецкие военнослужащие — многие из них настолько юные, что жители Беелитца называли их не иначе как "киндер-солдатами", — поначалу испытывали сильную "танкобоязнь" перед советскими тридцатьчетверками и тяжелыми ИСами. Но уже через два дня они сумели подбить с помощью фаустпатронов четыре советских ИСа[782]. Командир подразделения Петер Реттих отмечал, что его подчиненные проявляют "чудеса храбрости и самоотверженности", затем он добавил, что посылать таких юнцов в самое пекло сражения "не просто постыдно, но и преступно".

28 апреля три тысячи раненых германских военнослужащих и больных детей солдаты дивизии "Ульрих фон Хуттен" загрузили в вагоны товарного поезда, который медленно повез их в направлении Барби. Здесь была восстановлена детская клиника, а американцы присвоили раненым статус военнопленных. Однако перед Венком стояла еще более важная задача. Дивизии "Ульрих фон Хуттен" предстояло пробить коридор к Потсдаму, тогда как остальным немецким частям ставилась задача помочь 9-й армии выйти из окружения.

Тем временем в лесах к юго-востоку от Берлина остатки немецких войск прорывались на запад. Вместе с ними шло и очень много мирных жителей, напуганных приближающейся Красной Армией. В общей сложности здесь находилось порядка восьмидесяти тысяч военнослужащих из различных армий. В основном это были солдаты и офицеры из 9-й армии генерала Буссе — 11-й танковый корпус и 5-й горнострелковый корпус СС. Некоторое время назад к ним присоединился и гарнизон Франкфурта. До того как войска Конева, наступавшие на Берлин, не опрокинули оборону 5-го корпуса 4-й танковой армии, это объединение прикрывало южный фланг окруженной группировки.

(Советские источники утверждали, что окруженные войска 9-й армии Буссе насчитывали двести тысяч человек, триста танков и две тысячи орудий[783]. Однако эти цифры следует считать сильно преувеличенными пропагандистской машиной Красной Армии. В одном из детальных отчетов армии США говорится лишь о сорока тысячах окруженных в этом районе[784].)

Буссе после консультации с генералом Венком принял решение прорываться через леса на запад — навстречу немецкой 12-й армии. После этого объединенная германская группировка должна была выйти к Эльбе. Главной проблемой для 9-й армии являлось то, что ее арьергардные части находились в постоянном боевом контакте с войсками Жукова, и Буссе предупреждал Венка, что территория, остающаяся под его контролем, быстро сокращается[785]. В тот момент ни Буссе, ни Венк более не желали

выполнять истеричный приказ Гитлера прорываться в направлении Берлина. В полночь 25 апреля Буссе получил от командования 12-й армии свободу рук в выборе направления главного удара[786]. Для того чтобы противник не имел точных данных о месте его нахождения, он приказал командующим частей не отвечать ни на какие радиосигналы. Впрочем, к тому времени многие радиостанции уже вышли из строя.

Солдаты армии Буссе, равно как и присоединившиеся к ним гражданские лица, уже не имели никаких съестных припасов. Автомашины двигались до тех пор, пока в них оставалось горючее, затем их просто оставляли на обочине дорог. Тем не менее у Буссе еще имелся тридцать один танк: полдесятка "пантер" из дивизии "Курмарк", остатки 21-й танковой дивизии генерала Ганса фон Лука и порядка десяти "королевских тигров" из 502-го тяжелого танкового батальона СС. Командующий надеялся, что они составят ударную силу прорыва через заслоны советских войск фронта маршала Конева. Немецкие танкисты использовали любую возможность дозаправки своих боевых машин горючим из баков брошенных автомобилей. Артиллеристы тащили с собой последние снаряды, которые предполагалось выпустить по врагу в момент решительного удара.

Находясь юго-восточнее Фюрстенвальде, окруженные немцы были блокированы войсками сразу двух советских фронтов — Конева и Жукова. Днем 25 апреля Жуков приказал начать наступление против вражеской группировки. С востока и севера в атаку перешли советские 3-я армия, 2-й гвардейский кавалерийский корпус, хорошо адаптированный к боевым действиям в лесной местности, 33-я и 69-я армии.

После внимательного изучения обстановки на оперативной карте Конев пришел к заключению, что немцы имеют очень незначительные шансы на успешный прорыв. Им предстояло пересечь шоссе Берлин — Дрезден к югу от цепочки озер в районе Тойпитца. Реакция командующего 1-м Украинским фронтом не заставила себя ждать. 25 апреля 3-й гвардейской армии генерала Гордова было приказано выйти к шоссе Берлин — Дрезден и блокировать все лесные дороги, ведущие с востока на запад[787]. На всех путях возможного подхода противника советские солдаты устраивали завалы из деревьев. Однако Гордову не удалось полностью взять под контроль южную часть сектора, где предполагался германский прорыв. Несмотря на то что советская 28-я армия вышла в район восточнее Барута, между ней и соединениями Гордова оставалась небольшая брешь.

Утром 26 апреля авангард группировки генерала Буссе сумел нащупать это слабое звено в кольце советских армий. Немцы

пересекли шоссе Берлин Дрезден и достигли дороги Барут — Цоссен, которая являлась в то время линией снабжения танковой армии Рыбалко, действующей в Берлине. В этой связи генерал Лучинский вынужден был организовать срочную контратаку частями 50-й и 96-й гвардейских стрелковых дивизий, хотя не имел еще четкого представления о сложившейся ситуации[788]. Сражение приняло хаотический характер, тем не менее мощные авиаудары советской 2-й воздушной армии и контратаки стрелковых частей вынудили большую часть прорвавшихся немцев вновь отступить в леса в районе Хальбе. Экипажи германских танков попали в сложную ситуацию — их боевые машины с большим трудом продвигались по песчаной почве соснового леса, тогда как все дороги находились под постоянным прицелом советской авиации.

Группу, которая все же смогла прорваться через шоссе и дорогу Барут Цоссен, обнаружил пилот немецкого самолета. Информация о ее местонахождении немедленно была переправлена в штаб группы армий "Висла" и генералу Йодлю. Гитлер пришел в бешенство, когда узнал, что окруженные части движутся не на Берлин, а на запад, но он все еще не мог поверить, что Буссе может обманывать его. Гитлер приказал Йодлю отправить следующую шифровку: "Фюрер приказал, что скоординированные атаки 9-й и 12-й армий должны иметь целью не только спасение 9-й армии, но и спасение Берлина. Остающийся в Берлине фюрер верит, что командование этих армий исполнит свой долг. История и германский народ проклянут тех людей, которые в этот тяжелый час откажутся делать все, что в их силах, чтобы исправить ситуацию и спасти своего фюрера"[789]. Гитлер продолжал требовать лояльности к себе, не обращая внимания на то, что его распоряжения обрекают людей на верную гибель. Приказ фюрера был повторен в эфире несколько раз, однако никакого ответа на него не последовало.

В течение ночи и всего последующего дня, 27 апреля, немцы продолжали атаки по двум векторам; на юге — от Хальбе в направлении Барута и на севере — со стороны Тойпитца. На севере несколько тысяч германских солдат при поддержке танков смогли вклиниться в расположение 54-й гвардейской стрелковой дивизии, захватить Цеш-на-Зее и окружить часть подразделений 160-го стрелкового полка. На юге германский удар отрезал от основного фронта в районе Раделанда 291-й гвардейский стрелковый полк подполковника Андрющенко. Советским солдатам пришлось занять круговую оборону и отбивать атаки противника до тех пор, пока им на выручку из Барута не подоспел 150-й гвардейский стрелковый полк. В этом бою немцы снова

"понесли очень большие потери".

Изложенное выше развитий событий основано на оперативных документах, в которых офицеры, естественно, старались описывать ситуации более или менее последовательно. На самом же деле в лесах вокруг Хальбе творился; невообразимый хаос, в котором все действия немецких частей определялись интенсивностью огня советской артиллерии и авиации.

"Несмотря на то что первая попытка разорвать кольцо окружения удалась, — рассказывал на допросе советским офицерам взятый в плен командир 90-го полка 35-й полицейской моторизованной дивизии майор Диль, прорвавшиеся подразделения немедленно попали под удар артиллерии и авиации. Потери были чрезвычайно велики. Буквально невозможно оказалось поднять голову" и я был не способен руководить боем. Все, что мне оставалось делать, так это лежать вместе со своим адъютантом под танком и смотреть на карту"[790].

Немцы" которые получили ранение в живот или грудь, оставлялись на месте на произвол судьбы. Причиной большинства ранений были летящие со скоростью металлических осколков деревянные щепки. Экипажи советских танков специально целились по макушкам деревьев. Для тех немцев, которые находились внизу, от таких разрывов не было никакого спасения. Они не могли вырыть для себя глубоких окопов, поскольку почва среди деревьев вся переплетена корнями. Некоторые военнослужащие с отчаянием обреченных начинали копать землю своими стальными шлемами или даже прикладами от винтовок, но углубиться больше чем на полметра они были не в состоянии.

Воздушная бомбардировка и артиллерийский обстрел стали причиной возникновения паники даже среди самых опытных солдат. Немцы открывали беспорядочную стрельбу по проносившимся над их головами советским самолетам, не нанося им никакого вреда. Если раненый или истощенный человек падал на дорогу, вскоре он становился жертвой проезжавших следом автомашин или танков[791].

Определить, где точно проходила линия фронта, было практически невозможно. Ожесточенные бои разворачивались в различных районах огромного лесного массива. Отряд немцев, состоящий из одного "тигра" и одной "пантеры", за которыми двигались немецкие бронемашины с ранеными и изможденными солдатами, внезапно нарвался на прицельный огонь советского танка. Немецкие орудия стали разворачиваться в сторону

противника, сметая при этом сидящих на броне германских солдат. Но экипаж советского танка действовал быстрее. Следующий снаряд угодил в броневик, который, по несчастью, был загружен канистрами с горючим. Прозвучал мощный взрыв, после которого лес озарился ярким пламенем.

Дым горящего леса застилал глаза и не давал возможности нормально дышать. Стволы деревьев напоминали теперь кафедральные колонны. Хотя советское командование и отрицало, что использовало в боях фосфоросодержащие и другие легковоспламеняющиеся вещества, этот факт, видимо, имел место. Взрывы пугали лошадей, которые переворачивали повозки с ранеными. Кругом раздавались крики и стоны людей, просящих о помощи. Все смешалось. Солдаты и офицеры вермахта шли теперь бок о бок с военнослужащими войск СС. Тем не менее взаимная подозрительность среди них лишь усилилась. Эсэсовцы утверждали, что армейские офицеры отказывались подбирать их раненых. Однако не было никаких свидетельств и о том, что сами военнослужащие войск СС как-то помогали потерявшим дееспособность солдатам вермахта. Единственное, что эсэсовцы сделали для них, это давили гусеницами боевых машин. Чувство взаимного отчуждения армии и войск СС достигло, казалось, своей кульминационной точки. Солдаты вермахта с негодованием смотрели на эсэсовцев, среди которых можно было заметить и женщин в черной униформе.

После первой неудачной попытки немцы стали прорываться небольшими группами в различных направлениях. Одно из германских подразделений вышло на позицию советской артиллерийской батареи, которая всего за день до этого была в эпицентре боя. Немцы пересекли шоссе и обнаружили убитых красноармейцев, все еще остававшихся в своих окопах. Затем они пошли дальше на запад в обход Куммерсдорфа. Теперь перед ними стояла более сложная задача: пересечь дорогу Барут — Цоссен, вдоль которой была построена еще одна советская оборонительная линия.

Ночью 28 апреля немцы предприняли еще одну попытку массового прорыва из окружения в районе Хальбе, В отчаянном порыве они смогли рассечь оборону 50-й гвардейской стрелковой дивизии. Однако за это, по словам генерала Лучинского, "им пришлось заплатить очень дорогую цену"[792]. Конев был уверен, что прорвавшиеся германские войска будут уничтожены. Он усилил фланги и приказал забаррикадировать все дороги, идущие на запад. Позади них выстраивались засады из противотанковых орудий. Стрелковые части произвели несколько мощных контратак в восточном направлении.

Войска генерала Буссе оказались разбросаны в лесу на площади в несколько десятков квадратных километров. Основная их масса была сосредоточена в районе Хальбе, но цепочка более мелких отрядов тянулась вплоть до Шторкова, где шли арьергардные бои против армий Жукова. Советское командование намечало разбить окруженных по частям. В течение всего светлого времени суток над лесом кружили бипланы У-2, выискивающие группы противника и сообщая их координаты артиллеристам и летчикам-штурмовикам. В общей сложности авиация, приданная 1-му Украинскому фронту, совершила две тысячи четыреста пятьдесят девять штурмовых и тысячу шестьсот восемьдесят три бомбовых удара по врагу[793].

Дым от пожаров, распространившийся в лесу, сделал невозможной правильную ориентировку на местности без карты и компаса. Смог застилал даже солнце. Большинство заблудившихся и истощенных немецких солдат теперь просто плелись по песчаной почве в неизвестном для них направлении. Они презирали щеголеватых офицеров ("джентльменов из штаба"), передвигавшихся на автомобилях и даже не останавливающихся, чтобы подобрать раненых. Возле каждого перекрестка дорог валялись сотни трупов погибших немцев в серо-зеленой форме[794]. Шесть солдат из 36-й моторизованной дивизии СС, которой командовал генерал-майор Оскар Дирлевангер (ставший широко известным после подавления варшавских восстаний в 1943 и 1944 годах), решили" что с них довольно, и поспешили сдаться в плен, несмотря на риск получить пулю в спину. На допросе в расположении советских войск один из этих немцев сообщил, что "уже прошло пять дней с того момента, когда они последний раз видели своего офицера"[795]. Далее он сказал: "Мы чувствуем, что война подходит к концу, и не хотим умирать". Но все же эсэсовцы сдавались очень редко. Большинство из них были убеждены: если они попадут в плен, то будут либо тотчас же убиты выстрелом в затылок, либо в лучшем случае их отправят в Сибирь.

Битва на уничтожение в районе деревни Хальбе продолжалась в течение 28 и 29 апреля. Советские войска, поддержанные массированным огнем тяжелой артиллерии и "катюш", атаковали противника с юга. Многие молодые немецкие солдаты были настолько потрясены силой советского огня, что, по выражению одного из деревенских жителей, буквально "накладывали себе в штаны". Местные селяне прятались по подвалам домов, и, когда к ним приходили юнцы из вермахта, они давали солдатам какую-нибудь одежду, чтобы те могли переодеться в штатское. Однако эсэсовцы старались

предотвратить этот процесс, угрожая солдатам расстрелом. Харди Буль находился в подвале вместе с семьей, другими деревенскими жителями и военнослужащими вермахта — всего около сорока человек, — когда там появился эсэсовец, вооруженный фаустпатроном. Он был явно готов применить к ним оружие[796]. Взрыв в таком небольшом помещении, безусловно, убил бы всех его обитателей. Однако стоявший за дверью солдат вермахта оказался проворней и выстрелил эсэсовцу в спину. Существует много других свидетельств о вооруженных стычках между военнослужащими вермахта и войск СС во время боев у Хальбе, однако все они требуют дополнительного подтверждения.

Была сделана еще одна попытка прорваться на запад из района Хальбе. Молодой курсант Зигфрид Юргс, отступавший вместе с остатками учебного полка № 1239, описал в дневнике, что ему удалось увидеть, находясь на броне немецкого танка, шедшего во главе колонны. По обеим сторонам дороги валялись сотни раненых, которым никто не собирался помогать. Но Зигфрид не мог себе и представить, что спустя всего час он окажется среди этих несчастных[797]. Перед самой атакой на советское заградительное подразделение курсант вместе с другими солдатами спрыгнул с танка и занял позицию в кювете. Но в следующий момент рядом раздался взрыв минометной мины, и Зигфрид получил ранение в спину. Осколки другой мины застряли у него в плече и в груди. Тем не менее Юргсу повезло больше, чем другим раненым, которых он видел незадолго до этого. Спустя несколько часов его подобрали и положили в грузовик. Весь кузов автомобиля уже был переполнен ранеными, которые начинали кричать и стонать от боли, едва колеса наезжали на очередную кочку. Тех же немцев, раны которых не позволяли перевозить их на автотранспорте, просто оставляли возле дороги. Лишь очень немногие военнослужащие находили в себе силы закапывать убитых. В лучшем случае убитого перетаскивали к придорожному кювету или к воронке от снаряда и слегла прикапывали песчаным грунтом.

На лесных дорогах стояли сгоревшие автомашины, валялись убитые и мечущиеся в агонии лошади. Вся земля вокруг была усыпана брошенным оружием, касками, колясками, тачками и мешками. Сама деревня Хальбе, по признанию очевидцев, представляла собой адское пекло. "Танки шли по Линденштрассе, вспоминала Эрика Менце, которой тогда исполнилось семнадцать лет. — И на каждом из них было полно раненых. Внезапно один из раненых упал с брони прямо в колею дороги. Идущий следом танк наехал на него гусеницами, затем по этому место проехал

еще один танк. На месте человека осталась одна кровавая лужа"[798]. Весь двор перед пекарней был завален трупами. Между ними не имелось ни одного свободного места. "Их лица, — продолжала девушка, — были желто-серыми, а руки черными. Я хорошо видела, как на них блестели золотые обручальные кольца".

С каждым днем у окруженцев оставалось все меньше и меньше транспортных средств. В строю находилось всего несколько танков, восемь разведывательных бронеавтомобилей и некоторое количество машин на колесно-гусеничном ходу, Основная масса солдат шла пешком. С рассветом 29 апреля дождь прекратился и выглянуло солнце. Для многих оно стало ориентиром для определения правильного направления пути.

Выжившие военнослужащие вспоминали такие моменты, которые по прошествии определенного времени стали казаться им галлюцинациями, появившимися вследствие усталости и недоедания. Неподалеку от Мюкендорфа молодой курсант, как и все окружающие его германские солдаты, упал на землю, заслышав пулеметные очереди, раздавшиеся неподалеку. Советские солдаты вели огонь с фланга. Немцы открыли ответную стрельбу, но, не видя цели, тратили патроны впустую. Вдруг перед ними появились две женщины, одетые в эсэсовскую униформу. Они закричали на солдат; "Поднимайтесь! В атаку, трусы!"[799] Когда перестрелка закончилась, обе "фанатичные женщины" внезапно исчезли.

Писатель Константин Симонов проехал через этот район сразу же после завершения боев. Его путь лежал тогда на Берлин. Южнее Тойпитца взору Симонова предстала картина, которую, по словам автора, ему никогда не удастся забыть. "В этом месте, — писал он, — по обе стороны автострады густой лес и через него поперечная просека, которой и в ту и в другую стороны не видно конца… [просека] сплошь забитая чем-то совершенно невероятным — нагромождение танков, легковых машин, броневиков, грузовиков, специальных машин, санитарных автобусов. Все это буквально налезшее друг на друга, перевернутое, вздыбленное, опрокинутое и, очевидно, в попытках развернуться и спастись искрошившее вокруг себя сотни деревьев. И в этой каше из железа, дерева, оружия, чемоданов, бумаг, среди чего-то непонятного, сожженного и почерневшего — месиво изуродованных человеческих тел. И все это уходит вдоль по просеке буквально в бесконечность. А кругом в лесу снова трупы, трупы, трупы разбегавшихся под огнем людей. Трупы вперемешку, как я вдруг замечаю, с живыми. Эти живые — раненые — лежат на шинелях, на одеялах, сидят, прислонившись

к деревьям, одни перевязанные, другие окровавленные и еще не перевязанные"[800]. Некоторые раненые лежали на одеялах и шинелях вдоль самой обочины дороги. Их было так много, что, по-видимому, никто еще не мог помочь им. На асфальте дороги виднелись пятна масла, бензина, крови. Как Симонову объяснил какой-то офицер, вся эта колонна "была накрыта здесь огнем нескольких полков тяжелой артиллерии и нескольких полков "катюш"[801].

Политуправления советских армий проводили большую работу, направленную на то, чтобы убедить еще сопротивляющихся солдат противника побыстрее сдаваться в плен. В частности, над лесным массивом, где оказались окружены германские войска, было сброшено порядка четверти миллиона пропагандистских листовок. Через громкоговорители раздавались призывы немецких "антифашистов" из бывших военнопленных вермахта. Да и сами советские солдаты громко кричали засевшим между деревьев военнослужащим противника: "Война капут! Домой! Война капут!!" Одновременно политуправление 1-го Украинского фронта укрепляло моральный дух собственных солдат и офицеров. Оно убеждало их в том, что остатки германских орд засели в лесу, словно дикие звери, и любой ценой пытаются пробиться к Берлину. Но они не пройдут[802].

Действительно, большинство немцев так и остались навсегда в том лесу. Порядка тридцати тысяч человек из их числа похоронено на кладбище в Хальбе, и с каждым годом в лесу находят все новые и новые человеческие останки. В июне 1999 года в воронке неподалеку от дороги была найдена шифровальная машина из штаба 9-й армии. Никто не знает, сколько полегло тогда мирных жителей, шедших вместе с военнослужащими, но, видимо, их количество достигает десяти тысяч человек. Потери советских войск составляют по крайней мере двадцать тысяч убитыми. Большинство из них похоронено на кладбище возле дороги Барут — Цоссен, но тела незахороненных русских также до сих пор можно найти в воронках в глубине лесного массива.

Но самая удивительная часть всей этой истории — не количество убитых или взятых в плен, а то, что порядка двадцати пяти тысяч немецких солдат и несколько тысяч беженцев все же сумели прорваться через заслоны советских войск и выйти в район Беелитца в расположение армии Венка, (Маршал Конев не признает, что от трех до четырех тысяч военнослужащих противника просочились через заслоны его фронта[803].) На пути из леса до спасительного "американского" берега Эльбы им пришлось испытать невероятные лишения и потерять в последние

дни войны многих боевых товарищей.

Штаб группы армий "Висла" не имел четкого представления о том, что происходит в данный момент с частями 9-й армии Буссе. Чтобы установить с ними контакт, на поиски окруженных формирований был послан легкий разведывательный самолет. Но эта попытка полностью провалилась. 9-я армия была предоставлена своей собственной судьбе, что одновременно означало: группа армий "Висла" перестала существовать как боевое объединение[804].

В безвыходном положении находилась и 3-я танковая армия генерала Хассо фон Мантейфеля. Войска 2-го Белорусского фронта находились уже на западном берегу Одера и быстро продвигались вперед. Генерал Хейнрици разрешил Мантейфелю отвести свои соединения в западном направлении к Мекленбургу. Однако он не проинформировал об этом ни фельдмаршала Кейтеля, ни генерала Кребса, поскольку такое решение противоречило всем приказам фюрера.

Наступление войск Рокоссовского на запад по территории, расположенной между побережьем Балтийского моря и столичным районом, стало причиной немедленной эвакуации штаба Хейнрици из Хасслебена. Неподалеку от этого места сворачивал свою деятельность и командный пункт Гиммлера в Хохенлихсне. Проезжавшие мимо него штабные работники встретились с колонной юнцов из гитлерюгенда, средний возраст которых не превышал четырнадцати лет. Эти юнцы, согнувшиеся под тяжестью оружия и амуниции, старались придать своим лицам бодрый вид. Один из армейских офицеров заговорил с командиром колонны, сказав ему, что это преступление — посылать детей против закаленного в боях противника"[805]. Однако его слова растворились в воздухе. "Третий рейх" в своей смертельной агонии действовал бессмысленно и беспощадно.

Генерал Хейнрици прекрасно понимал, что реакция на то, что он позволил отступить войскам Мантейфеля, последует достаточно быстро. 29 апреля, как только один из "могильщиков армии" фельдмаршал Кейтель осознал, что именно произошло, он немедленно позвонил командующему группой армий "Висла". Кейтель обвинил Хейнрици "в неповиновении и слабости"[806] и проинформировал его, что тот освобожден от занимаемой должности. Начальник штаба ОКБ попытался назначить на этот пост генерала Мантейфеля, но получил отказ. Через некоторое время с Хейнрици связался Йодль. Он также обвинил генерала в трусости и слабости, а также в некомпетентном руководстве. Хейнрици было приказано немедленно явиться для доклада на новый командный пункт ОКБ. Однако помощники генерала

убедили его не ехать туда, поскольку весьма резонно опасались за жизнь своего шефа. Хейнрици могли либо просто расстрелять за предательство, либо заставить совершить самоубийство, как Роммеля. Неизвестно, какой была бы его дальнейшая судьба, если бы не скорое окончание войны.

Глава двадцать третья
Предательство преданных

По мере отступления к центру Берлина эсэсовские отряды с еще большей настойчивостью и фанатизмом приводили в исполнение смертные приговоры "предателям" и "дезертирам". На Курфюрстендамм они заходили в каждый дом, где появлялся белый флаг, и расстреливали всех людей, которые находились там на данный момент. Геббельс приветствовал эту жестокость, называя белые флаги на домах "чумными бациллами". Однако генерал Муммерт, командир танковой дивизии "Мюнхеберг", приказал всем эсэсовцам и полевым жандармам покинуть сектор его обороны в районе Ангальтского вокзала, в противном случае угрожая расстреливать палачей на месте.

Ситуация для обороняющихся немцев становилась все хуже и хуже. Германским частям не хватало питьевой воды. Они вынуждены были пользоваться грязной водой из каналов. У многих солдат возникали нервные срывы от истощения и постоянного артиллерийского огня. Количество раненых в подвале Ангальтского вокзала достигло таких размеров, что молодые медсестры решили повесить на здании самодельный белый флаг с прилепленным на нем красным крестом. Однако этот международный знак не произвел никакого эффекта на советских артиллеристов. Даже если артиллерийские наблюдатели и заметили его, они были не вправе приказать прекратить огонь. Бункер оставался бункером. И тот факт, что в нем могли находиться мирные жители, к делу не относился. Правда, число гражданских лиц в подземных помещениях вокзала быстро уменьшалось. Ночью 27 апреля женщины и дети стали уходить оттуда по тоннелям метро. Они буквально ускользнули из-под самого носа наступающих частей 5-й ударной и 8-й гвардейской армий.

5-я ударная армия, наступавшая с восточного направления к северной оконечности Ландвер-канала, теснила остатки дивизий "Нордланд" и "Мюнхеберг" от Белле-Аллиансеплац к Ангальтскому вокзалу. В этот район подходила также 61-я стрелковая дивизия советской 28-й армии[807]. На левом фланге 5-й ударной армии с южного направления к каналу вышли части 8-й гвардейской армии. Командир 301-й стрелковой дивизии, полковник Антонов, немедленно вошел в контакт с командиром своего корпуса, генералом Рослым. Антонов вспоминал, что обычно спокойный генерал Рослый выглядел теперь очень

взволнованным[808]. По его мнению, не было никаких причин позволять гвардейцам заходить в полосу наступления их частей. Он приказал Антонову не смешиваться с войсками соседней армии, а наступать в направлении Вильгельмштрассе и Саарландштрассе, захватить штаб-квартиру гестапо, министерство авиации и рейхсканцелярию. Последний не стал терять времени, но Жукову потребовалось еще более суток, чтобы навести порядок и провести новую разграничительную линию между различными армиями. Вскоре из Берлина оказалась выведена и основная масса войск маршала Конева. Солдаты и офицеры 1-го Украинского фронта были недовольны, что их лишили привилегии добить врага в столице "третьего рейха" и послали в направлении Праги. Они говорили, что их выдернули из города, "словно гвоздь".

28 апреля части 3-й ударной армии приблизились с севера к колонне Зигесзойле, расположенной в Тиргартене. Советские солдаты между собой называли ее "большой женщиной", поскольку самый ее верх был увенчан статуей крылатой Богини победы. Оборона германских войск в Берлине теперь представляла собой полосу шириной менее чем в пять километров и длиной — в пятнадцать километров. Она протянулась от Александерплац на востоке до Шарлоттенбурга и Имперского спортивного стадиона на западе, где юнцы из Гитлерюгенда укрепляли оборону на мосту через Хафель. Командир артиллерии штаба генерала Вейдлинга с ужасом смотрел на то, что происходит вокруг, с высоты зенитной башни у зоопарка. Перед ним лежала панорама "горящего, тлеющего и дымящегося города", сцена, которая "заставляла трепетать его сердце"[809]. Тем не менее генерал Кребс все еще продолжал утверждать вслед за Гитлером, что армия Венка вот-вот должна подойти к Берлину с юго-западного направления.

Для того чтобы поддержать дух сопротивления противнику, Мартин Борман, равно как Геббельс и Риббентроп, стал распространять ложные слухи о возможности соглашения с западными союзниками. Утром 26 апреля он разослал гауляйтерам приказ, в котором призывал их "стойко держаться и фанатично сражаться"[810]. Борман также отмечал, что "мы не сдаемся и продолжаем бороться. Мы надеемся на определенное развитие событий за рубежом". Эта ложь выглядела теперь достаточно правдоподобно, особенно после того как последовала реакция Гитлера и Геббельса на попытки Гиммлера договориться о прекращении огня на Западном фронте.

Об этих попытках выйти на контакт с союзниками через графа Бернадотта Трумэн и Черчилль немедленно

информировали Кремль. 26 апреля Сталин ответил Трумэну: "Считаю Ваш предполагаемый ответ Гиммлеру… совершенно правильным"[811]. В то время в бункере никто не имел ясного представления о том, что происходит вокруг, и чувство подозрительности ко всему и всем охватило также и Бормана. 27 апреля он записал в дневнике: "Гиммлер и Йодль останавливают те дивизии, которые мы бросаем в бой. Мы будем сражаться, и мы умрем вместе с нашим фюрером, которому мы останемся верными до самого конца. Многие сейчас собираются действовать исходя из соображений "высшего порядка". Но они приносят в жертву своего фюрера. Фу! Что за свиньи. Они потеряли всякую честь. Наша рейхсканцелярия превращается в руины. Весь мир теперь висит на волоске. Союзники требуют от нас безоговорочной капитуляции. Но это будет означать измену по отношению к своему Отечеству. Фегеляйн унизил сам себя. Он пытался бежать из Берлина в гражданской одежде"[812]. Борман быстро дистанцировался от своего бывшего компаньона.

Во время дневного оперативного совещания фюрер внезапно обратил внимание на отсутствие Германа Фегеляйна. Борман из приватных разговоров в сауне, видимо, знал, где в тот момент мог находиться любимец фюрера. Группе гестаповцев было приказано обыскать апартаменты в Шарлоттенбурге, которые Фегеляйн не раз использовал для своих частных дел. Действительно, там они нашли пьяного Фегеляйна вместе с любовницей. Он уже приготовился к побегу. Его сумки были набиты деньгами, ювелирными изделиями и фальшивыми паспортами. Фегеляйн настаивал на том, что должен позвонить в бункер и поговорить со свояченицей, но Ева Браун, шокированная тем, что он пытался предать горячо любимого ею фюрера, отказалась чем-либо помочь. Она не поверила Фегеляйну, хотя тот попытался убедить ее, что хотел убежать лишь потому, чтобы оставаться вместе с Гретл, которая была беременна. Любимца фюрера доставили в рейхсканцелярию и посадили под строгий арест в одном из подвалов.

Днем 28 апреля Гитлеру сообщили, что стокгольмское радио передало информацию о попытке Гиммлера войти в контакт с западными союзниками. То, что "преданный Генрих" мог пойти на такой шаг, казалось фюреру достаточно нелепым, несмотря на то что у него закрались сомнения в лояльности войск СС еще после неудачной попытки Штейнера перейти в контрнаступление против советских войск, окружавших Берлин. Гитлер позвонил Дёницу, который связался с Гиммлером. Рейхсфюрер СС категорически отрицал весь имеющийся на него компромат. Но тем же вечером пресс-атташе фюрера Лоренц принес копию

сообщения агентства Рейтер, которое подтверждало предыдущую информацию. Гитлер пришел в неистовство. От гнева его лицо стало белым. Он приказал допросить Фегеляйна, что и сделал, по-видимому, группенфюрер Мюллер, шеф гестапо. Арестованный признался, что знал о контактах Гиммлера с Бернадоттом. Фрайтаг фон Лорингхофен наблюдал за тем, как Фегеляйн под сильной охраной эсэсовцев был выведен по лестнице во двор. В тот момент он не имел уже столь лощеного вида, а с его формы содрали все знаки различия и ордена. Там же, во дворе, Фегеляйн и был расстрелян[813]. Теперь Гитлер пришел к убеждению, что, равно как и армия, войска СС замышляли покушение на его персону.

После решения проблемы с Фегеляйном Гитлер отправился прямиком в помещение, где лежал раненый маршал Риттер фон Грайм, только что назначенный на новую должность командующего люфтваффе. Фюрер приказал ему немедленно вылететь из Берлина и организовать за его пределами воздушные атаки против советских танков, уже достигших Потсдамерплац. Кроме того, он попросил его проследить за тем, чтобы деяния Гиммлера не остались безнаказанными. "Предатель никогда не станет после меня новым фюрером! — прокричал он Грайму. — Вы должны вылететь и проследить, чтобы этого не случилось!"[814] Грайм не стал терять времени. Ханна Райч помогла ему подняться наверх. Там уже ждал бронеавтомобиль, который должен был доставить их к специально вызванному в Берлин самолету "Арадо-96". Эта учебная машина стояла неподалеку от Бранденбургских ворот. Советские солдаты, ведущие бой в Тиргартене, с изумлением смотрели на то, как перед самым их носом взлетает вражеский самолет. Первое, о чем они подумали, — в нем находится сам Гитлер, покидающий обреченный Берлин. Советские войска открыли по самолету бешеный огонь из зениток и всех видов стрелкового оружия, но цель так и не была поражена. Риттер фон Грайм и Ханна Райч в последний момент ускользнули из рук русских солдат.

Но события бурного дня на этом не закончились. Обитав тел и бункера стали свидетелями еще более удивительной картины. Адольф Гитлер объявил, что решил жениться на свояченице того человека, которого он только что приказал расстрелять. Геббельс привел в комнату фюрера господина Вальтера Вагнера, официального чиновника берлинского округа, который имел полномочия проводить церемонии заключения браков. Испытывавший перед Гитлером благоговейный страх Вагнер вошел в помещение в коричневой нацистской униформе с повязкой фольксштурма на рукаве. Гитлер был одет в свой

обычный костюм. Ева Браун нарядилась в длинное платье из черного шелка, которое весьма нравилось фюреру. К тому же этот цвет был весьма подходящим в подобной ситуации. Дрожащий от волнения Вагнер спросил фюрера и фройлен Браун, являются ли они чистыми арийцами и не страдают ли наследственными болезнями. Вся церемония прошла по сокращенному сценарию военного времени и заняла не больше нескольких минут. Затем новобрачные подошли к столу, чтобы расписаться. Свидетелями брака выступали Геббельс и Борман. Ева Браун начала было писать свое привычное имя, но спохватилась. Она зачеркнула букву "Б" в своей фамилии и поверх нее вывела "Ева Гитлер, урожд[енная] Браун". Подпись самого Гитлера была совершенно неразборчивой, его рука в этот момент сильно тряслась.

Вскоре пара новобрачных появилась в коридоре бункера, который одновременно служил приемным залом. Затем они прошли в гостиную, где уже был накрыт небольшой праздничный стол с шампанским. Ева попросила прислугу обращаться к ней теперь "фрау Гитлер". Наконец-то она добилась своего. Ей выпала долгожданная награда за свою лояльность в том мире, где господствовало предательство. Чуть позднее к молодоженам присоединились Борман, Геббельс с женой Магдой и две секретарши фюрера Герда Кристиан и Траудл Юнге. Еще спустя некоторое время Гитлер позвал Траудл Юнге в соседнюю комнату, где продиктовал ей текст своего политического и личного завещания. Нервы Траудл были напряжены до предела. Она полагала, что сейчас фюрер расскажет об истинных причинах всех тех огромных жертв, на которые он подвиг свой народ. Но вместо этого из уст Гитлера вновь полился поток политических клише и обвинений. Он говорил, что никогда не хотел войны, но она была навязана ему международными еврейскими силами. Гитлер подчеркивал, что, несмотря на все неудачи, эта война в один прекрасный день будет признана историей как самое героическое и славное проявление жизненных сил немецкого народа[815].

Гитлер повелевал назначить рейхспрезидентом Германии гросс-адмирала Дёница, командующего военно-морскими силами. Поскольку армия, люфтваффе и войска СС предали его, такое решение было вполне логичным. Дёниц выглядел вполне лояльным человеком на фоне интриганов. Новым рейхсканцлером становился Геббельс, тогда как "мой верный партийный товарищ, Мартин Борман" выдвигался на пост председателя партии. Борману также поручалась забота об исполнении персональной воли Гитлера. Фюрер явно желал даже из собственной могилы продолжать свою политику "разделяй и

властвуй", составляя конфигурацию будущего правительства Германии. Наиболее причудливым стало назначение на должность нового рейхсфюрера СС гауляйтера Карла Ханке. Ханке, бывший до войны любовником Магды Геббельс, теперь находился в осажденном Бреслау и продолжал руководить бессмысленным и самоубийственным для мирных жителей сопротивлением. Между тем Геббельс уже сам выбрал путь для себя и своей семьи. Он решил, что останется вместе с фюрером "до самой смерти". Одна из копий гитлеровского завещания была послана через доверенного офицера фельдмаршалу Шёрнеру, который стал новым командующим всей армии. В сопроводительной записке к ней генерал Бургдорф отметил, что "шокирующая новость о предательстве Гиммлера" стала для фюрера последним ударом.

Тем временем на верхних ярусах бункера шла совершенно другая жизнь. После того как Гитлер закончил диктовать завещание и ушел отдыхать вместе с фрау Гитлер, Траудл Юнге поднялась наверх, чтобы поискать какую-нибудь еду для детей Магды Геббельс. Было 4 часа утра 29 апреля. Сцена, которая открылась перед Траудл недалеко от того места, где располагались раненые, буквально шокировала ее. "Казалось, что сексуальная лихорадка охватила всех окружающих, — вспоминала женщина. — Везде, даже на кресле стоматолога, я видела обнимающиеся человеческие тела. Женщины, отбросив всякую стыдливость, похотливо оголяли свои интимные места"[816]. Офицеры СС, которые в данный момент были свободны от службы (то есть не обыскивали подвалы в поисках дезертиров и не занимались их расстрелом), выискивали хорошеньких молодых девушек и вели их в подвалы рейхсканцелярии. Эсэсовцы поили девушек шампанским и совращали их, предлагая им взамен предоставления любовных услуг какие-нибудь продукты из неистощимых запасов бункера. Это был апокалипсис тоталитарного режима, железобетонный символ которого — рейхсканцелярия теперь медленно опускался в ад.

Окружающая берлинцев реальность становилась все более и более ужасной. 28 апреля советские войска добрались до улицы, где проживала некая женщина, ведшая в то время дневник. "Я стала испытывать легкую тошноту, — писала она, — примерно такую же, какая случалась у меня раньше в школе перед экзаменами: дискомфорт и беспокойство, стремление закончить дела". С верхнего этажа здания она и ее соседи наблюдали, как по улице передвигаются тылы передовых советских частей — конные повозки с различными припасами, рядом с которыми семенили

молодые жеребята. Всю дорогу уже загадил лошадиный помет. На тротуаре была развернута полевая кухня. Вокруг женщина не видела ни одного мирного жителя. "Иваны" в это время развлекались тем, что учились езде на найденных ими велосипедах. Вся эта картина успокаивала женщину. В тот момент солдаты казались ей большими детьми.

Первый вопрос, который ей задали русские, был следующим: "А есть ли у тебя муж?" Она сумела отговориться и парировать первоначально неуклюжее приставание со стороны солдат. Но затем женщина увидела, что в глазах красноармейцев появился какой-то нездоровый блеск, и в этот момент она почувствовала неподдельный страх. Когда она повернулась и пошла обратно в подвал, за ней последовал солдат, от которого сильно пахло алкоголем. Пошатываясь на ходу, солдат вошел в помещение, где сидело еще несколько застывших от ужаса женщин. Он стал внимательно разглядывать их. Автору дневника удалось ускользнуть из подвала и вновь очутиться на улице, в то время как туда спустилась целая группа русских военнослужащих и отобрала у мирных жителей все наручные часы. Пока они никого не насиловали. Однако вечером, после того как солдаты поужинали и заправились алкоголем, они начали свою охоту. Женщину, автора дневника, поймали сразу трое русских, которые стали по очереди насиловать ее. Когда она оказалась под вторым солдатом, его действия были внезапно прерваны появлением еще одной группы советских военнослужащих, среди которых находилась и одна девушка в военной форме. Но это событие стало лишь временной передышкой. После нескольких коротких реплик жертва услышала лишь громкий смех. Причем хохотала и русская девушка.

Совершенно истощенная немецкая женщина добралась до своей комнаты и, прежде чем лечь в постель, забаррикадировала дверь с помощью мебели. В доме совершенно не имелось воды, что делало ее муки еще более невыносимыми. Можно себе представить, сколь много в Берлине в то время было подобных случаев.

Как только женщина легла на кровать, тотчас же послышался сильный стук в дверь. Ее баррикада разлетелась в пух и прах, и в квартиру ворвалась группа советских военнослужащих. Они прошли на кухню, где принялись за еду и выпивку. Женщина попыталась под шумок улизнуть из помещения, но гигант по имени Петька поймал ее на выходе. Она умоляла его делать, что ему захочется, но по крайней мере не позволять другим солдатам насиловать ее. Проснувшись утром, Петька сказал, что ему пора на службу. Прощаясь с женщиной, он сильно сжал ее ладонь в

рукопожатии и объявил, что придет обратно в 7 часов вечера.

Следует отметить, что многие немецкие женщины старались в то время найти себе так называемую "протекцию" в лице какого-нибудь советского солдата. Они надеялись" что он защитит их от группового изнасилования. Двадцатичетырехлетняя актриса Магда Виланд встретила советские войска, находясь в доме на Гизебрехтштрассе, неподалеку от Курфюрстендамм. Для нее это был "самый страшный момент за всю войну". Действуя почти бессознательно, она попыталась спрятаться в платяном шкафу, но ворвавшиеся в квартиру советские солдаты быстро обнаружили ее укрытие. Из шкафа актрису вытащил очень молодой солдат, призванный, очевидно, из Средней Азии. Он был так взволнован и зачарован видом белокурой красавицы, что испытал преждевременное семяизвержение. На языке знаков женщина предложила ему стать его "подругой", но только в том случае, если он защитит ее от посягательств других советских военнослужащих. От этого предложения молодой солдат пришел в еще большее возбуждение и вышел из комнаты, чтобы похвастаться своей добычей перед товарищами. Однако спустя некоторое время в помещение вошел другой солдат и жестоко изнасиловал женщину.

Тем временем в подвале дома пряталась еврейка Эллен Гётц, Это была подруга Магды, которой чудом удалось бежать из тюрьмы на Лертерштрассе, после того как тюремное здание оказалось разрушено бомбами. Эллен также обнаружили советские солдаты и изнасиловали ее. Когда соседи пытались объяснить русским, что эта женщина не немка, а еврейка, и что гестаповцы долгое время содержали ее в тюрьме, солдаты спокойно возразили: "Женщина есть женщина". Чуть позднее в доме появились советские офицеры. Сами они вели себя достаточно корректно, но не пошевелили и пальцем, чтобы приструнить своих подчиненных.

Население Гизебрехтштрассе представляло собой довольно странное сообщество немцев. В доме под номером десять жил известный журналист Ганс Гензеке, которого обвиняли в укрывательстве евреев. На третьем же этаже здания располагались апартаменты женщины, являвшейся любовницей самого Кальтенбруннера. Она развлекала своего господина в комнатах, украшенных дорогой мебелью и коврами, которые, несомненно, были украдены из оккупированных стран Европы. В следующем доме под номером одиннадцать располагался так называемый "Салон Китти" — нацистский бордель для важных персон[817]. В нем работали шестнадцать молодых проституток, специально отобранных Гейдрихом и Шелленбергом. Таким

образом, разведка СС получила возможность собирать компрометирующий материал и шантажировать различных чиновников, офицеров и иностранных дипломатов. Во всех комнатах борделя были спрятаны "жучки", и, когда сотрудники НКВД после падения Берлина стали обыскивать здание, они проявили огромный интерес к подобного рода техническим приспособлениям. Следующим по счету шел дом, в котором до своего ареста за участие в июльском заговоре против Гитлера жил комендант Берлина, генерал-полковник Пауль фон Хазе.

Опасность подстерегала берлинцев с обеих сторон. В любой момент они могли стать жертвой советского артиллерийского снаряда либо быть расстрелянными эсэсовцами за то, что выкинули белый флаг. Из руин дымящихся зданий тянуло смрадом горящих трупов, тогда как из подвалов — запахом уже разлагающихся останков. Сейчас Берлин был совсем не похож на тот город, каким его целых три года изображала советская пропаганда — "серым, мрачным, угрожающим центром бандитского капитализма"[818].

Спокойно в нем не могли себя чувствовать даже коммунисты. В районе Веддинга, где в 1933 году были сильно распространены прокоммунистические и леворадикальные настроения, навстречу наступающим советским войскам вышли активисты с Юлихерштрассе. Они держали в руках партийные билеты, которые прятали от нацистов в течение целых двенадцати лет. Рядом с мужчинами шли их жены и дети, предлагавшие помощь на кухне, по санитарной обработке солдат и т. п. Однако, как свидетельствовал один бывший французский военнопленный, "в тот же вечер советские военнослужащие стали насиловать их"[819].

Пока все внимание обитателей бункера фюрера сосредоточилось на продвижении советских таков от Потсдамерплац к Вильгельмштрассе, советское командование больше волновалось за положение в северной части центрального района города. Войска советской 3-й ударной армии, наступавшие в районе Моабита — северо-восточнее Шпрее, были нацелены на рейхстаг.

Командир 150-й стрелковой дивизии, генерал Шатилов, почему-то полагал, что обороной тюрьмы Моабит может руководить сам Геббельс, и поэтому существует реальная возможность взять его живым[820]. Позднее он вспоминал, что тогда перед его глазами лежало мрачное, громоздкое здание с узкими бойницами окон[821]. (Для русских действительно едва ли не каждый дом в Берлине являлся символом зла. Чуть раньше, сразу после перехода немецкой границы, они видели его в

каждом дереве.) Штурм Моабитской тюрьмы был отнюдь не простой задачей[822]. Как всегда, вперед выдвинулась советская тяжелая артиллерия, но вести прицельный огонь ей мешала бешеная стрельба из стрелкового оружия, открытая немцами из окон здания. Расчеты орудий несли существенные потери. Тем не менее вскоре в тюремной стене была пробита брешь, в которую устремились штурмовые группы. Как только советские бойцы оказались во внутренних помещениях, немецкие солдаты стали поднимать руки вверх. Затем в дело вступили советские саперы. Каждый немецкий военнопленный тщательно обыскивался — советское командование не теряло надежды, что среди них может оказаться Геббельс. Были открыты двери темниц, из которых на солнечный свет вышли тюремные узники.

Взятие других объектов германской столицы обходилось советским войскам еще дороже. Редактор газеты "Воин Родины", посетивший в то время Берлин, с горечью констатировал, какую огромную цену платят советские солдаты за каждый шаг, приближающий их к победе. Спустя каких-то несколько секунд он сам был убит разрывом снаряда. Смерть в преддверии окончания войны казалась еще более нелепой и мучительной. Многих военнослужащих потрясла гибель Михаила Шмонина — молодого и всеми любимого командира взвода. "За мной!" крикнул он бойцам и побежал по направлению к зданию, где засели немцы. Но в этот момент в дом попали сразу три тяжелых снаряда — без сомнения, советские. Стена дома с грохотом обвалилась, и молодой "розовощекий лейтенант с открытым лицом и большими светлыми глазами" был погребен под ее руинами.

Несмотря на то что советские солдаты вскоре осознали, как нужно действовать в уличных боях в укрепленном городе, где за каждой баррикадой прятались враги с фаустпатронами, а каждый дом был превращен в огневую точку, они все больше и больше полагались на тяжелые артиллерийские орудия 152- и 203-миллиметровые гаубицы, стрелявшие прямой наводкой[823]. Теперь штурмовые группы не переходили в атаку, пока артиллеристы не прокладывали для них дорогу в каменном мешке. Тем не менее в Берлине существовал один боевой район, в котором красноармейцы чувствовали себя особенно уязвимо. Им являлась целая сеть тоннелей метро и подземных бункеров, которых в городе насчитывалось свыше одной тысячи. Советское командование было сильно обеспокоено возможностью пребывания в бомбоубежищах для мирного населения вооруженных немецких военнослужащих. Оно полагало, что те будут отчаянно сопротивляться и стрелять в спину русских войск. Поэтому наступающие советские части проверяли буквально

каждый подвал, встречающийся на их пути. Гражданские жители, прятавшиеся там, могли легко стать жертвами автоматной очереди. Ходили слухи, которые по большей части можно отнести к параноидальным, что русские пускали по тоннелям метро танки Т-34. Единственным достоверным свидетельством о существовании "подземных танков" был случай, когда механик-водитель советской боевой машины не заметил входа на станцию "Александерплац" и Т-34 просто съехал вниз по лестнице. К сведениям о том, что русские ставили легкие орудия в вагоны метро и таким образом создавали нечто вроде бронепоездов, следует также относиться с осторожностью.

От Моабитской тюрьмы до моста Мольтке через Шпрее было восемьсот метров; а уже оттуда до рейхстага оставалось чуть более полукилометра. В моменты, когда интенсивность огня несколько снижалась, советские бойцы могли видеть это громадное здание — символ германского рейха. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий были почти у цели, но никто из красноармейцев не питал иллюзий. Все знали, что впереди их поджидают еще очень грозные опасности и, прежде чем знамя победы будет водружено над рейхстагом, многие из них погибнут. Советские командиры, желая угодить Сталину, подгоняли подчиненных, чтобы о взятии Берлина можно было доложить именно в день празднования в Москве Первого мая.

В полдень 28 апреля советские войска перешли в атаку на мост Мольтке. Подойдя к нему, бойцы передовых батальонов увидели, что с обеих сторон мост забаррикадирован и находится под прицельным огнем немецких подразделений. Более того, его пролеты были заминированы. В 18 часов раздался мощный взрыв. Когда дым рассеялся, стало ясно, что немецким саперам несколько не повезло. Мост осел, но полностью разрушен не был. По крайней мере по нему могла пройти пехота.

Командир батальона капитан Неустроев приказал сержанту Пятницкому поднять свой взвод в атаку и достигнуть противоположного берега реки. Пятницкому и его людям удалось совершить быстрый рывок и закрепиться за баррикадой, которую возвели сами немцы. Сразу же вслед за этим Неустроев вызвал огневую поддержку. Артиллерийским наблюдателям потребовалось некоторое время, чтобы произвести рекогносцировку, но еще до темноты лавина советских снарядов обрушилась на вражеские позиции. Она смела на своем пути все немецкие укрепления и проложила дорогу вперед остальным стрелковым подразделениям. Вскоре советские войска уже вышли на Кронпринценуфер и Мольткештрассе[824]. К середине ночи, как раз к тому моменту, когда Гитлер женился на Еве Браун, на

другом берегу Шпрее был создан уже солидный плацдарм. К утру на нем находились основные силы 150-й и 171-й стрелковых дивизий.

В южной части Мольткештрассе 150-я дивизия штурмовала министерство внутренних дел. Это массивное здание, получившее у красноармейцев название "дом Гиммлера", немцы превратили практически в крепость. Все его окна они приспособили под бойницы, из которых вели прицельный огонь по расчетам советских орудий, выдвигавшихся вперед[825]. Для штурма были срочно подтянуты "катюши", однако основным оружием ближнего боя оставались гранаты и пистолеты-пулеметы.

Несмотря на то что все советские бойцы боялись смерти и страстно желали дожить до близкой уже победы, они тем не менее сохраняли бодрость духа и желали произвести подобающее впечатление на своих родственников, живущих в России. Как покорители Берлина, они считали, что станут элитой в послевоенной стране. Владимир Борисович Переверзев писал 29 апреля домой, что он жив, здоров и только немного пьян[826]. Однако, по его мнению, небольшая доза трехзвездочного коньяка повредить не могла, она лишь поддерживала ему боевое настроение; более того, солдаты сами наказывали тех лиц, которые не знали меры в спиртном. Переверзев отмечал, что советские войска все туже затягивают кольцо в центре города, — он сам находился уже в пятистах метрах от рейхстага, и через несколько дней всем "фрицам и гансам будет капут". Немцы все еще пишут на стенах города "Берлин остается немецким", но русские солдаты возражают на это — "Всем немцам капут". Переверзев сожалел, что не может послать родным в настоящий момент свои фотографии — он уже не раз снимался в Берлине, но все не находилось времени проявить пленку. Фото, по его словам, должны получиться очень интересными там он был изображен с автоматом на груди, с маузером и гранатами за поясом. Немцы в тот момент бросали очень много оружия. Переверзев обещал уже завтра быть в рейхстаге. Он также добавлял, что пока не может послать домой посылку (то есть награбленное имущество), у него просто не было для этого времени, так как они занимаются сейчас более важным делом. Заканчивая письмо, Переверзев успокаивал родных, ранее сообщивших ему об обвалившейся на кухне крыше. Здесь, в Берлине, на его глазах упало целое шестиэтажное здание, и ему с остальными бойцами пришлось откапывать своих боевых товарищей. Так солдат описывал то, что творилось тогда вокруг него. К сожалению, ему не удалось вновь увидеть родной дом. Вскоре после того, как Переверзев закончил письмо, он был тяжело ранен. Его смерть наступила как раз в тот день, когда

было объявлено о победе над Германией.

"Воскресенье, 29, - записал в дневнике Мартин Борман. — Второй день начинается с ураганного огня. В ночь с 28 на 29 апреля поступили сведения из иностранной прессы о предложениях Гиммлера о капитуляции. Свадьба Гитлера и Евы Браун. Фюрер диктует свое политическое и личное завещание. Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставили нас наедине с большевиками. Ураганный огонь начинается вновь. По информации из стана противника, американцы ворвались в Мюнхен"[827].

Несмотря на то что настроение Гитлера до последнего времени шарахалось из стороны в сторону — от оптимизма до пессимизма, теперь он наконец-то осознал, что все потеряно. Последняя засекреченная линия связи, радиотелефон, рухнула в буквальном смысле слова. Воздушный баллон, который держал в воздухе антенну, был прострелен и упал на землю. Поэтому советские станции, прослушивавшие эфир, могли читать всю информацию, которая выходила из бункера Гитлера[828]. Борман и Кребс подписали совместное послание всем немецким командирам, продолжающим руководить подчиненными войсками: "Фюрер ожидает беспрекословного подчинения от Шёрнера, Венка и других. Он также ожидает, что Шёрнер и Венк спасут его в осажденном Берлине". На что Шёрнер ответил, что "весь германский тыл полностью дезорганизован. Эвакуация беженцев затрудняет проведение операций". В конце концов Венк расставил все точки над i, сообщив, что от 12-й армии не следует ожидать никакого чуда: "Войска армии понесли большие потери и испытывают огромный недостаток в вооружении".

Те лица, которые все еще оставались в гитлеровском бункере, чувствовали, что чем дольше фюрер будет оттягивать самоубийство, тем большее количество людей в результате лишатся своих жизней. После того как Гиммлер и Геринг оказались обвинены в предательстве, ожидать прекращения огня еще до смерти Гитлера было бессмысленно. Проблема состояла в следующем: будет ли фюрер ждать того момента, когда русские вплотную подойдут к дверям рейхсканцелярии, или решится умереть раньше. В первом случае у его окружения практически не оставалось шансов на выживание.

Фрайтаг фон Лорингхофен совершенно не собирался погибать в подобного рода компании. После того как из бункера были отправлены связные офицеры, несшие с собой копии завещания Гитлера, в его голове родилась идея, каким образом можно покинуть осажденный город под благовидным предлогом. Вместе с Болдтом фон Лорингхофен решил просить разрешения

начальства присоединиться к войскам, сражающимся за пределами столицы. "Господин генерал, — обратился он к генералу Кребсу, — я не хочу умирать здесь, подобно крысе. Я хочу присоединиться к сражающимся частям"[829]. Поначалу Кребс не проявил особого желания отпускать офицеров. Он обратился за советом к генералу Бургдофу. Тот ответил, что все военные помощники, которые желают покинуть столицу, — могут это сделать. Вместе с Фрайтагом фон Лорингхофеном собирались отправиться подполковник Вайс и капитан Болдт[830].

После дневного оперативного совещания Фрайтаг фон Лорингхофен подошел к фюреру для получения от него личного разрешения покинуть бункер. "А каким образом вы собираетесь выйти из Берлина?" — спросил Гитлер. Фрайтаг фон Лорингхофен объяснил ему возможный маршрут, который пролегал из рейхсканцелярии до Хафеля. Там им предстояло найти лодку. Фюрер начал интересоваться деталями. "Вы должны обязательно взять лодку с электрическим мотором, — добавил он, — поскольку она не дает никакого шума, и вы спокойно можете пересечь линию фронта русских". Фрайтаг фон Лорингхофен, опасаясь, что любой нюанс может послужить причиной отказа фюрера выпустить их из бункера, промолвил, что действительно лодка с электрическим мотором является наилучшим средством передвижения, но если потребуется, то они могут воспользоваться и альтернативными вариантами. После этого Гитлер как-то внезапно обмяк, пожал руки офицерам и отпустил их.

Военнослужащие дивизии СС "Нордланд" прекрасно знали, что русские находятся уже очень близко от рейхсканцелярии. Три танка Т-34 совершили попытку прорыва на Вильгельмштрассе, но были подбиты французскими добровольцами с помощью фаустпатронов.

Ранним утром 29 апреля, в тот момент как пара молодоженов, Адольф и Ева Гитлер, ушли к себе отдыхать, командир 301-й стрелковой дивизии полковник Антонов приказал возобновить атаку на противника. Два полка его соединения пошли на штурм здания штаб-квартиры гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Оно получило значительные повреждения еще в ходе воздушного налета 3 февраля[831]. По уже сложившейся практике советское командование выдвинуло вперед тяжелые орудия (203-миллиметровые гаубицы) и открыло огонь прямой наводкой. Вслед за этим к зданию устремились пехотинцы. Вскоре на нем уже развевалось красное знамя. Однако в советских источниках не упоминается о том, что штурм штаб-квартиры гестапо занял довольно длительное время и стоил

красноармейцам большой крови. После ожесточенного боя немцы перешли в контратаку и к вечеру сумели отбить здание. Советское командование первоначально не имело понятия — остались ли в его подвалах какие-либо заключенные. Позднее стало известно, что там еще содержались семь человек, которых по специальному распоряжению оставили пока в живых и не казнили вместе с остальными узниками 23 апреля.

Командира дивизии "Нордланд" Монке, находившегося вместе со своим штабом в рейхсканцелярии, постоянно "кормили"[832] обещаниями — то о скором подходе к Берлину 12-й армии генерала Венка, то о начавшихся мирных переговорах с западными союзниками. Но единственным пополнением, которое прибыло под начало Крукенберга, оказались сто пожилых полицейских чиновников. Подчиненные ему солдаты были настолько истощены, что стали равнодушно относиться ко всей информации, поступающей сверху. Их утомляли теперь даже обычные разговоры. Лица солдат были пустыми[833]. Для того чтобы разбудить спящего военнослужащего, командиру приходилось несколько раз сильно толкать его в бок. Борьба с русскими танками превратилась для немцев "десантом в ад"[834].

Подразделение истребителей танков, состоящее из французских добровольцев, сыграло особенно большую роль при обороне германской столицы. На его счету было в общей сложности сто восемь подбитых советских машин. Анри Фене особо отмечал семнадцатилетнего юношу по имени Роже из Сен-Назара, который в одиночку охотился за русскими танками[835]. Двадцатилетний унтершарфюрер Эжен Ванло, бывший водопроводчик, являлся самым метким стрелком — он уничтожил восемь танков. Еще в Нойкёльне он подбил две машины, а затем в центральном секторе шесть штук всего за одни сутки. Во второй половине дня 29 апреля Крукенберг вызвал Ванло к себе в штаб, расположенный в вагоне поезда метро, и повесил ему на грудь один из двух оставшихся рыцарских крестов. Другой крест достался майору Херцигу, командиру 503-го эсэсовского батальона тяжелых танков. Сам Крукенберг получил рыцарский крест из рук Монке. Награды были вручены также Фене и курсанту Аполло за то, что каждый из них уничтожил по пять русских танков. Один скандинавский эсэсовец, имевший звание оберштурмфюрера, по этому случаю принес для героев три бутылки французского вина.

Фене, раненный в ногу, объяснял, что они продолжали сражаться лишь потому, что в их головах прочно засела одна-единственная мысль: "коммунисты должны быть остановлены" и времени для "философствования" нет.[836] Среди французских

добровольцев, оборонявших Берлин, находился русский эмигрант и белогвардеец, участвовавший в гражданской войне, Протопопов. Он также полагал, что символ гораздо важнее реальности. Уже после окончания войны несколько выживших эсэсовцев попытались оправдать свое участие в бессмысленном сопротивлении тем, что их борьба против большевиков стала якобы примером для будущих поколений. Даже гибель самых юных парней они считали в этом случае вполне оправданной.

К западу от Вильгельмштрассе подразделения 8-й гвардейской армии Чуйкова форсировали Ландвер-канал и вышли к парку Тиргартен. Многие солдаты просто бросались в воду и пересекали канал вплавь, другие использовали для переправы подручные средства. Атаку советских войск прикрывал мощный огонь артиллерии и авиации.

На Потсдамском мосту советские танкисты использовали один хитроумный прием. Они прикрепили на задней броне своих боевых машин обугленные канистры и промоченные соляркой тряпки. Когда танки вышли к мосту, эти тряпки были подожжены. Расчеты немецких противотанковых орудий и экипажи "тигров", открывшие поначалу прицельный огонь, вскоре прекратили его, решив, что с советскими танкистами покончено. Однако спустя некоторое время русские танки вновь рванулись вперед. Пока немцы приходили в себя и осознавали, что произошло, нападавшие сумели пересечь мост и ворваться в расположение обороны противника. Вслед за передовой группой тридцатьчетверок последовали и остальные боевые машины.

Во второй половине дня русские применили еще один трюк. Из комплекса подземных тоннелей к ним навстречу вышли три мирных жителя, державшие в руках белые флаги. Они спросили советских солдат, позволит ли их командование выйти наружу гражданским лицам. К ним на переговоры вышел политработник гвардии майор Кухарев, которого сопровождали переводчик и десять автоматчиков. Три мирных жителя провели Кухарева к входу в тоннель, где вскоре появились еще три немецких офицера. Они предложили майору надеть повязку на глаза и сказали, что собираются обсудить все внутри. Однако Кухарев возразил и настоял на том, чтобы переговоры велись наверху. В конце концов стороны достигли соглашения о выходе из тоннеля полутора тысяч мирных граждан. После того как их эвакуация закончилась, германский капитан громко объявил, что оставшиеся солдаты и офицеры вермахта должны спуститься вниз и до конца выполнить свой долг перед фюрером. "Но товарищ Кухарев был не так прост"[837], - говорилось в советском отчете об этом событии. Он неожиданно выхватил маленький пистолет,

который прятал в рукаве, и застрелил всех троих немецких офицеров, включая капитана. Сразу после этого в тоннель ворвались советские автоматчики из 170-й стрелковой дивизии и взяли в плен остальных немцев. Растерявшись, те быстро подняли руки вверх. Среди плененных оказалось много молодых курсантов.

В районе Ландвер-канала войска правого фланга 8-й гвардейской армии Чуйкова находились практически напротив штаба генерала Вейдлинга в "Бендлерблоке". Однако советское командование пока не имело понятия, какой важности объект сейчас лежит перед наступающими частями. Вейдлинг, прекрасно сознававший, что конец уже близок, созвал на совещание всех дивизионных командиров. Он сообщил им, что последние переговоры по радио со штабом генерала Реймана в Потсдаме имели место сутки назад. Часть сил 12-й армии генерала Венка сумела прорваться в район южнее Потсдама, но никто не мог дать точного ответа, была ли пробита брешь в советском кольце вокруг Берлина или нет. Далее Вейдлинг объявил офицерам, что собрал их для того, чтобы обсудить план возможного прорыва из города в западном направлении вдоль Хеерштрассе. "Время "Н" назначалось на 22 часа следующего дня.

Глава двадцать четвертая
Самоубийство Гитлера

Начало штурма рейхстага было запланировано советским командованием на утро 30 апреля. Оно очень хотело объявить о его захвате к Первомайскому параду в Москве. Армейских командиров постоянно подгоняли, но давление шло уже со стороны фронтового командования, а не от Сталина. После того как Берлин был окружен, советский лидер несколько расслабился. Его успокаивала мысль, что американцы теперь не смогут подойти к городу. Так или иначе, все советские солдаты и офицеры считали, что символом победы над "фашистским зверем" является именно взятие рейхстага, и поэтому его штурм находился в центре внимания всей пропагандистской машины Красной Армии.

Один советский военный корреспондент был вызван в штаб 150-й стрелковой дивизии всего за несколько часов до начала штурма. Его немедленно попросили сдать на хранение свой пистолет. Он подчинился, поскольку опасался, что за неповиновение может быть отослан обратно. Однако вскоре корреспондент был приятно удивлен. Капитан, отобравший у него личный пистолет, провел его в соседнюю комнату, целиком забитую новым, только что прибывшим на фронт оружием. Он пояснил, что поступил приказ — тот, кто идет на штурм рейхстага, обязательно должен иметь при себе автомат[838].

Окружным путем военного корреспондента провели к "дому Гиммлера" министерству внутренних дел. На верхних этажах здания все еще продолжался бой. То и дело оттуда слышались автоматные очереди и разрывы гранат. Однако внизу красноармейцы уже успели установить полевую кухню, в которой готовился завтрак для штурмовых подразделений. На первым этаже капитан Неустроев расположил командный пункт батальона. Он внимательно рассматривал карту, стараясь определить свое точное местонахождение. То и дело он отрывал от нее взгляд и поворачивал голову в сторону большого серого здания, стоявшего перед фронтом его подразделения. Внезапно перед ним появился командир полка, явно недовольный задержкой наступления.

Капитан Неустроев стал объяснять ему, что продвижению вперед мешает именно это большое серое здание[839]. Командир полка отобрал у него карту, посмотрел на нее и раздраженно произнес: "Неустроев! Это рейхстаг!" Молодой командир

батальона не мог себе и представить, что финальный объект войны находится уже так близко.

Корреспондент подошел к окну и посмотрел наружу. Лежащая прямо перед ним Кёнигсплац озарялась яркими разрывами снарядов и летящими в разные стороны трассирующими пулями. До рейхстага оставалось не более четырехсот метров. Позднее он записал: если бы не шли боевые действия, такое расстояние можно было пройти всего за несколько минут. Но теперь это казалось совершенно невероятным. Вся площадь была покрыта воронками от разрывов снарядов и бомб, противотанковыми ежами, траншеями и обрывками колючей проволоки.

Немцы протянули оборонительную линию вокруг всего здания рейхстага. Одним из самым серьезных препятствий для атакующих войск был водный канал, пересекавший Кёнигсплац. Он возник вследствие разрушения во время бомбежки подземного тоннеля и заполнения образовавшегося пространства водой реки Шпрее. В свое время Альберт Шпеер намечал создать на этом месте огромный "народный дворец", который бы стал главной достопримечательностью столицы "третьего рейха"[840].

После завтрака советские бойцы занялись проверкой своего оружия и заправкой магазинов. В 6 часов в атаку перешла первая рота пехотинцев. Не успели солдаты пробежать первые пятьдесят метров, как ураганный огонь противника заставил их прижаться к земле. Вскоре вперед были выдвинуты еще два стрелковых батальона, однако враг нанес им существенный урон в живой силе. Активный огонь немцы вели не только со стороны рейхстага, но и из здания "Кроль опера", расположенного на западной стороне Кёнигсплац. Поскольку атакующие части попали под перекрестный огонь, советское командование приказало срочно перебросить в этот район еще одну дивизию. Ей предстояло захватить здание "Кроль опера" и прилегающие к нему строения. Для поддержки пехоты на площади Кёнигсплац к мосту Мольтке выдвинули дополнительные бронесилы — танки и самоходные артиллерийские установки. Огонь был настолько интенсивным, что дым от разрывов снарядов и бомб застилал практически все небо.

К 11 часам благодаря поддержке артиллерии и танков подразделениям 150-й стрелковой дивизии удалось подойти к водной преграде. Однако вскоре пехотинцы оказались накрыты огнем зенитных орудий, расположенных на башне у зоопарка. Немецкие пушки стреляли с расстояния двух километров. Красноармейцам пришлось отойти и ждать наступления темноты. Тем временем всю вторую половину дня подразделения 171-й

стрелковой дивизии зачищали здания, расположенные в дипломатическом квартале на северной стороне Кёнигсплац. Здесь также пехотинцам оказывали мощную поддержку советские танки и САУ. Обстрел самого рейхстага вели порядка девяноста орудий, включая 152-, 203-миллиметровые гаубицы и "катюши"[841]. Лишь благодаря прочности своей конструкции здание, которое было построено пятьдесят лет назад — во времена "второго рейха", могло выдерживать подобную канонаду.

Еще одно знаменитое здание, которому в этот день была оказана особая честь, являлось министерством авиации.

Оно находилось на Вильгельмштрассе. Железобетонные стены строения также хорошо выдерживали мощные удары артиллерии и авиации. Благодаря надежности конструкции и близости к рейхсканцелярии здание министерства стало пунктом сбора различных нацистских чиновников, претендовавших на то, чтобы считаться участниками величайшего в истории сражения. Здесь можно было встретить людей, одетых в униформу самых различных родов войск и частей: среди летчиков и эсэсовцев находились пожилые фольксштурмовцы, наряженные в кители, сохранившиеся еще со времен Первой мировой войны. Порой казалось, что все они не военнослужащие, а экспонаты, взятые из музея восковых фигур[842].

В район правительственных учреждений выдавливались войска, оборонявшие ранее различные части города. Всего здесь насчитывалось порядка десяти тысяч человек, среди которых значительное число составляли иностранные добровольцы войск СС. К этому времени путь на запад для них уже был закрыт. Продвижению 8-й гвардейской армии в южной части Тиргартена и 3-й ударной армии — в северном его секторе мешал только огонь со стороны зенитной башни у зоопарка. С юга продвигался также танковый корпус из фронта Конева единственное соединение этого фронта, которое осталось в Берлине. Части 2-й гвардейской танковой армии фронта Жукова наступали с севера, захватив по дороге уже большую часть Шарлоттенбурга. К западу от центра, в районе Хеерштрассе и Пихельсдорфа, подразделения гитлерюгенда все еще продолжали оборонять мост через Хафель. В двух километрах к северу от этого места немцы также держали мост по дороге к Шпандау.

Французские добровольцы, окопавшиеся на Вильгельмштрассе, были настолько голодны, что, когда в их расположение кто-то привел захваченного в плен советского солдата, они немедленно вскрыли его вещевой мешок в поисках продовольствия. Напуганный пленник рассказал французам, что он не русский, а украинец, и что на следующий день его

командование наметило новую большую атаку. К тому времени в батальоне "Шарлемань" оставалось не более тридцати человек. Основным оружием добровольцев являлись фаустпатроны, взятые из запасов рейхсканцелярии. Последние несколько "тигров" из батальона "Герман фон Зальца" были переброшены к Тиргартену — против советских танков, поддерживающих стрелковые части 3-й ударной и 8-й гвардейской армий.

Утро 30 апреля — дня смерти Гитлера — ничем не отличалось от предыдущих[843]. Германские офицеры так же, как и раньше, бегали по помещениям бункера — то уходили, то появлялись вновь. Тем не менее во всей атмосфере чувствовалось большое напряжение. Гитлер, опасавшийся, что яд, который ему предложил доктор Штумпфеггер, не сработает, за день до этого решил протестировать одну из ампул с цианидом. Очевидным кандидатом для эксперимента была Блонди, любимая собака фюрера. Начало страсти Гитлера к разведению собак датируется еще 1921 годом. Тогда он был очень беден и не имел достаточно места в комнате, чтобы содержать домашних животных. Поэтому, когда ему подарили собаку, он вскоре передал ее другому хозяину. Но животное оказалось настолько предано Гитлеру, что убежало С нового места и вернулось к нему. И, хотя Блонди была также предана своему фюреру, этот факт не повлиял на ее судьбу, равно как и на судьбу четырех ее щенков, которых отнесли во двор рейхсканцелярии и там умертвили. Дети Геббельса играли с ними всего за час до этого.

Наряду с обстоятельствами предательства Гиммлера мысли фюрера были заняты и другим вопросом — как не попасть живым в руки русских. До Гитлера уже дошла информация о казни Муссолини, и самое главное — каким именно образом была проведена экзекуция. Дуче и его любовница, Клара Петаччи, были повешены вверх ногами на площади в Милане. Специально для фюрера напечатали текст сообщения по радио об этом событии, и, вероятно, именно он подчеркнул в нем слова — "повешены вверх ногами"[844]. Гитлер был глубоко убежден, что его собственное тело после смерти следовало немедленно сжечь, чтобы его не отвезли в Москву и не выставили там напоказ. Но фюрера беспокоило и то, что про него будут говорить впоследствии. Его новобрачная добровольно согласилась совершить самоубийство вместе с ним.

Но если бы Ева вдруг не стала этого делать, то Гитлер вряд ли захотел бы, чтобы она осталась в живых после его смерти. Он не желал, чтобы его жену допрашивали после войны победившие враги рейха. Непреложным условием их любовного контракта являлась гарантированная обоюдная смерть[845].

Еще ночью было получено сообщение от фельдмаршала Кейтеля, что никакого освобождения Берлина ожидать более не приходится. А на утро, когда возобновился ураганный огонь советской артиллерии, бригаденфюрер Монке донес, что окончательный крах является вопросом всего двух, а то и менее дней. Чуть позднее в бункер прибыл генерал Вейдлинг. По его мнению, конец можно было ожидать уже следующей ночью, поскольку в войсках кончаются боеприпасы. Он снова попросил разрешения совершить прорыв из Берлина. Гитлер не дал ему немедленного ответа.

В то время пока фюрер разговаривал с генералом Вейдлингом, Ева Гитлер позвала к себе в комнату Траудл Юнге. Она попросила ее примерить свою шапку из лисьего меха, которую затем и подарила секретарше фюрера. Траудл, по всей видимости, никогда более не надевала этот головной убор вновь. Она поинтересовалась у Евы, о чем та разговаривала с фюрером, когда осталась с ним наедине. Ее всегда волновал вопрос, что обсуждают между собой только что поженившиеся пары. Траудл также беспокоилась, удастся ли ей покинуть центр Берлина с лисьей шапкой[846]. (Ева получила эту шапку от самого Гитлера. Следует признать, что в последние годы жизни его подарки любовнице заметно улучшились в качестве. На Рождество 1937 года он презентовал ей книгу "Египетские гробницы"[847].)

Тем временем генерал Вейдлинг вернулся к себе на командный пункт в Бендлерблоке. Для пятидесятилетнего человека это был довольно непростой путь. Под сильным артобстрелом ему пришлось преодолеть многочисленные завалы и воронки. Всего через час после его возвращения, в 13.00, к нему явился штурмфюрер СС, сопровождаемый небольшим эскортом охранников, и вручил секретный пакет. На большом конверте стояла печать с орлом и свастикой и слово "фюрер", состоявшее из заглавных букв золотого цвета. Гитлер сообщал Вейдлингу, что о капитуляции не может быть и речи. Прорыв из Берлина возможен лишь в том случае, если он преследует цель соединения с другими боевыми частями. "Если же таковых не обнаружится, — продолжал фюрер, — то войска должны разделиться на мелкие группы и продолжать сражение в лесах". У Вейдлинга сразу поднялось настроение. Он приказал срочно отправить одну разведывательную бронемашину из дивизии "Нордланд" на позиции подчиненных ему частей и информировать их командиров о начале подготовки к прорыву. Удар был назначен на 22 часа этого же дня.

Незадолго до обеда Гитлер пригласил к себе своего адъютанта Отто Гюнше и дал ему подробные инструкции по

поводу того, как следует поступать с его собственным телом и телом Евы Гитлер после смерти. (В подробном отчете управления контрразведки СМЕРШ, подготовленном в начале мая, говорится о том, что еще 29 апреля Гитлер приказал своему шоферу Эриху Кемпке принести канистры с бензином из гаража рейхсканцелярии.) После этого Гитлер пообедал в компании со своим диетологом Манзиали и двумя секретаршами, Траудл Юнге и Гердой Кристиан. Евы Гитлер за столом не было. По-видимому, у нее отсутствовал аппетит. Несмотря на то что сам Гитлер по большей мере сохранял молчание, его соседки попытались завести небольшую беседу.

После обеда фюрер прошел в спальню супруги. Спустя некоторое время они вдвоем вышли в коридор, где Гюнше уже собрал ближайшее окружение фюрера. Последнее прощание произошло в присутствии Геббельса, Бормана, генерала Кребса, генерала Бургдорфа и двух секретарей. Магда Геббельс, очевидно, пребывала в сильном волнении и не смогла выйти из своей комнаты, которую до нее занимал доктор Морель. Гитлер был одет в свой обычный наряд — "черные брюки, серо-зеленый военный китель" и белую рубашку с галстуком[848]. Этот костюм отличал его от других партийных лидеров. Ева Гитлер была в темном платье с "розовыми цветами на груди". Фюрер холодно пожал руки ближайшим помощникам и удалился вместе с Евой.

Нижний уровень бункера очистили от посторонних. Но вместо ожидаемой могильной тишины с верхних этажей, из кухни рейхсканцелярии, доносились громкие звуки[849], Рохус Миш, телефонист войск СС, получил приказ позвонить туда и добиться прекращения всего этого безобразия. Но на звонок никто не ответил. Еще один охранник был послан наверх с заданием остановить несвоевременное веселье. Сам Гюнше и два офицера остались в коридоре для того, чтобы обеспечить покой Гитлера и его супруги в последние минуты перед смертью. Но выполнить это задание в полном объеме ему так и не удалось. Внезапно в коридор ворвалась Магда Геббельс и стала умолять офицеров пропустить ее в последний раз к фюреру. Когда дверь немного приоткрылась, Магда сумела проскочить мимо Гюнше. Однако Гитлер сразу же отправил ее обратно. В свою комнату она возвратилась вся в слезах.

Кажется, никто из присутствующих не слышал звука выстрела, который Гитлер произвел себе в голову. Вскоре после 15 часов 15 минут его слуга Хайнц Линге, сопровождаемый Гюнше, Геббельсом, Борманом и недавно прибывшим Аксманом, вошли в апартаменты фюрера. Остальные свидетели сумели лишь бросить быстрый взгляд поверх плеч шагавших впереди людей.

Дверь была закрыта перед самым их носом. Гюнше и Линге завернули тело Гитлера в солдатское одеяло и вынесли его вверх по лестнице в сад рейхсканцелярии. Линге даже удалось снять с руки своего хозяина наручные часы, однако, перед тем как попасть в советский плен, ему пришлось избавиться от них. Затем наверх вынесли и тело Евы Гитлер. Ее губы были немного сморщены, очевидно вследствие применения яда. Еву положили рядом с трупом фюрера неподалеку от входа в бункер. Их тела были облиты бензином из канистры. На улицу вышли также Борман, Кребс и Бургдорф. Они последний раз салютовали Гитлеру нацистским приветствием. Одновременно на тела был брошен пылающий кусок бумаги. Один из эсэсовских охранников, пьянствовавший в столовой рейхсканцелярии, наблюдал за всем, что творилось в саду. Он поспешил поделиться увиденным с товарищами. "Хозяин горит, — позвал он Рохуса Миша. Хочешь посмотреть?"[850]

Управление контрразведки СМЕРШ 3-й ударной армии за день до этого получило задание продвигаться вместе с войсками в направлении правительственного квартала. Истинной целью советских контрразведчиков являлась рейхсканцелярия. Елена Ржевская, переводчик в составе группы офицеров СМЕРШа, позднее вспоминала, что информация, которую они имели в своем распоряжении, была очень скудной, противоречивой и недостоверной[851].

Одной из разведывательных рот поставили задачу — взять Гитлера живым, но советское командование не знало точно, остался фюрер в Берлине или нет. Группа сотрудников СМЕРШа сумела захватить "языка", но им оказался ничего не знающий пятнадцатилетний член гитлерюгенда с красными глазами и трясущимися от страха губами. Поначалу он стал отстреливаться, отмечала Елена Ржевская, но когда у него отобрали оружие, парнишка опустился на землю и беспомощно смотрел на советских солдат, не понимая, что происходит вокруг. Это был всего-навсего ребенок. Вечером 29 апреля контрразведчикам повезло несколько больше. Они захватили медсестру, которая пробиралась из центра города в дом своей матери. Выяснилось, что всего сутки назад она находилась вместе с ранеными немцами, лежавшими в бункере рейхсканцелярии. Медсестра также слышала, что Гитлер находится на нижнем уровне этого подземного сооружения.

Ржевская рассказывала о том, как они ехали на своем американском джипе через груды развалин и разрушенных баррикад. Они старались не съезжать с проложенной гусеницами танков колеи, по обеим сторонам которой валялись пустые баки

из-под горючего. По мере приближения к центру воздух становился все более тяжелым. Все, кто был в то время в Берлине, должны помнить этот едкий дым, полумглу от смога и кирпичную пыль, постоянно скрежетавшую на зубах[852].

Вскоре контрразведчикам пришлось оставить машину. Груды щебня и воронки от снарядов сделали невозможным дальнейшее передвижение на автотранспорте. Карта города также мало чем могла им помочь. Все указатели улиц были снесены артиллерийским огнем, поэтому о своем местонахождении приходилось спрашивать у местных жителей. На пути группы то и дело попадались подразделения красноармейцев, связисты, повозки с продовольствием и ранеными, Практически из всех окон домов были выкинуты белые флаги в виде простыней или наволочек. Артиллерийский обстрел города продолжался с прежней силой, а контрразведчики шли все дальше вперед, перебегая от одного укрытия к другому. В одном из подвалов немецкая женщина спросила их: "Когда весь этот кошмар закончится?" Спустя некоторое время Елена Ржевская увидела на улице пожилую даму, которая шла без головного убора с белой повязкой на рукаве. Она вела за руки маленькую девочку и мальчика. У этих опрятно причесанных детей также были белые повязки. Как только женщина прошла мимо группы контрразведчиков, она громко закричала, видимо, совершенно не беспокоясь, поймут ее или нет: "Они сироты! Наш дом разбомбили! Я веду их в другое место! Они сироты!"

Шестерым детям Геббельса не грозила возможность стать сиротами. Родители собирались взять их вместе с собой; вернее будет сказать пропустить вперед.

Детям Геббельса, казалось, понравилось жить в новой обстановке, в которой они очутились. Хельмут воспринимал каждый разрыв снаряда наверху, как если бы он был частью некой игры. "Дядя Адольф" баловал их сандвичами и пирожными. Они ели за столом, покрытым накрахмаленной скатертью с какими-то монограммами. Им даже позволялось мыться в ванне самого фюрера единственной во всем бункере. Но родители уже решили судьбу своих детей. Еще вечером 27 апреля Магда Геббельс встретилась в коридоре бункера с недавно прибывшим сюда эсэсовским доктором, Хельмутом Кунцем. "Она сказала, что хочет поговорить со мной о чем-то ужасно важном, — рассказывал впоследствии на допросе доктор Кунц. — Она добавила, что ситуация складывается таким образом, что, по всей видимости, мне придется помочь ей убить своих детей. Я согласился"[853].

Детям не сказали, что именно произошло днем 30 апреля, но по опустошенному виду матери они должны были догадаться, что

случилось что-то страшное. По мере того как развивались все эти зловещие события, никто не догадался обратить внимание, что дети сидят некормленные. Лишь спустя некоторое время Траудл Юнге вспомнила о них.

Пока трупы фюрера и Евы Гитлер догорали в саду рейхсканцелярии, настроение всех оставшихся обитателей бункера стало быстро меняться. Казалось, что с их плеч свалился огромный камень. Многие стали пьянствовать. Однако Борман не позволял себе расслабиться. Его мысли были заняты вопросами передачи власти и образования нового правительства. Он послал сообщение гросс-адмиралу Дёницу в его штаб в Плене, расположенный на побережье Балтийского моря, неподалеку от Киля. Борман информировал адмирала о том, что он назначен преемником фюрера вместо рейхсмаршала Геринга. "Письменные полномочия уже в пути, — добавил он. — Немедленно принимайте все возможные меры, которые требует ситуация". Борман не стал сообщать Дёницу, что фюрер уже мертв. Возможно, он сделал это потому, что без Гитлера начальник партийной канцелярии не чувствовал твердой опоры под ногами. Хуже всего было то, что вместе с Дёницем в Плене находился и Гиммлер, а адмирал не арестовал его за предательство. Если Борман рассчитывал занять впоследствии место в новом нацистском правительстве и вести дела с Гиммлером, ему необходимо было покинуть Берлин. Тем временем Геббельс, Кребс и Бургдорф собирались остаться здесь и покончить жизнь самоубийством.

Среди тех, кто также решил не умирать, были остатки 9-й армии генерала Буссе, зажатые в кольцо в лесах южнее Берлина и старающиеся вырваться из него на запад. Порядка двадцати пяти тысяч германских военнослужащих и несколько тысяч беженцев смогли пробиться или просочиться через заслоны частей фронта маршала Конева. Они шли по лесу, словно дикие звери, многие на последнем издыхании.

Некоторые группы уже смогли достичь района Куммерсдорфа, тогда как другие были еще за много километров от него. В ходе предыдущего дня немцы готовились совершить еще одну попытку прорыва с использованием нескольких оставшихся танков. Беженцы были готовы сразу же последовать за военнослужащими. Но немецкие боевые отряды оказались рассеяны внезапным артиллерийским обстрелом. Советские бойцы из 530-го противотанкового артиллерийского полка, которым поставили задачу охранять узел дорог неподалеку от Куммерсдорфа, обнаружили, что они почти окружены немецкими солдатами, старающимися прорваться на запад. Не имея

поддержки со стороны пехоты, расчеты советских орудий в ряде случаев были вынуждены брать в руки автоматы и отстреливаться от наседающего противника. В боевых сводках приводились явно преувеличенные данные о потерях врага. Советские командиры насчитали, что перед позициями их артполка немцы якобы оставили тысячу восемьсот убитых солдат, девять сожженных танков и семь подбитых броневиков[854].

Капрал из дивизии "Курмарк" стал свидетелем поджога трех самых последних "королевских тигров", у которых закончилось горючее. Даже старшие офицеры штаба 9-й армии передвигались теперь пешком — их автомобили также вышли из строя. Они выглядели достаточно нелепо — в стальных касках, с карабинами, но все еще в брюках с красными лампасами. Как свидетельствовал упомянутый капрал, офицеры явно нервничали: для них дыхание близкого боя было достаточно непривычным. Но самая большая опасность проистекала пока от бомбежки с воздуха и стрельбы советских танковых орудий по верхушкам деревьев. "Когда мы вышли на небольшую поляну, — продолжал капрал, — то увидели немецкий танк, который все еще оставался в строю. Вся его броня была буквально усыпана ранеными. Перед нами предстала следующая картина — со всех сторон к танку бежали немецкие солдаты. Сталкивая друг друга, они старались занять удобное место. Это было настолько горькое и постыдное зрелище, что мы сразу развернулись и пошли в другую сторону"[855]. Те, кто победил в этой схватке за место под солнцем, не стесняясь, сталкивали на землю раненых товарищей, у многих из которых оказались оторваны конечности.

Еще одним признаком полной дезорганизации войск стало проявление необоснованной подозрительности немецких военнослужащих ко всем окружающим. В одной из групп германских солдат возникла потасовка, причиной которой стал вопрос о том, в каком направлении они двигались. Один из немцев накинулся на другого со словами: "Ты — предатель! Ты хотел нас привести прямо в лапы противника! Ты из тех немцев, которые продались русским!" И еще до того, как окружающие смогли остановить взорвавшегося военнослужащего, он выхватил пистолет и выстрелил в обвиненного им человека.

Кошмар боевых действий, проникший в центр Берлина, продолжался. Чтобы отвлечь себя от мрачных мыслей, жители города старались ежесекундно заниматься каким-либо рутинным делом. Приготовление пищи занимало в этом отношении особое место. Хозяйка доставала салфетки, клала на них маленькие кусочки хлеба и затем намазывала эти кусочки джемом. Только после выполнения всех необходимых процедур пища раздавалась

остальным членам семьи.

Нервы простых немцев были напряжены до предела. Многие из них оказались близки к сумасшествию, В одном из подвалов молодая женщина, рядом с которой сидел ее худой и бледный ребенок, постоянно рассказывала окружающим о своем муже. Тот служил раньше пожарным, но два года назад был послан на фронт. С тех пор она его ни разу не видела, Женщина говорила, что ее мужу еще много чего надо сделать по дому — поменять дверную ручку, вставить в окно новое стекло и т. д. Ее сейчас нисколько не волновало, что все эти домашние дела потеряли всякий смысл — здание, в котором они жили, было полностью разрушено. Елена Ржевская заметила, как болезненно реагировал сын этой женщины на ее слова. Ему, видимо, было тяжело в сотый раз слушать одну и ту же историю[856].

В то же время мирные жители очень боялись оказаться жертвами необоснованных репрессий со стороны русских солдат. Если позволяла обстановка, немецкие женщины поднимались наверх, к себе в квартиру, и в спешке уничтожали все имевшиеся у них фотографии Гитлера, равно как и другие вещи, которые могли бы свидетельствовать о том, что они поддерживали нацистский режим. Дело доходило до того, что они сжигали фотографии мужей, братьев и любовников только потому, что там они были запечатлены в униформе вермахта.

Лишь немногие берлинцы, запертые в центре города, понимали тогда, что на самом деле происходит в остальном мире. К северу от столицы Германии войска Рокоссовского освободили концентрационный лагерь Равенсбркж, в котором содержались заключенные женщины. Тем временем командование западных союзников осознало, что продвижение 2-го Белорусского фронта к Мекленбургу может вызвать у Кремля желание захватить Данию. Реакция англичан была молниеносной. Их войска начали быстрое наступление в направление Гамбурга и Киля для того, чтобы, выйдя к Балтийскому морю, преградить русским путь на полуостров Ютландия.

30 апреля президент Трумэн информировал генерала Маршалла о британском запросе, в котором предлагалось бросить основные силы американской 3-й армии Паттона в направлении Праги и захватить город еще до подхода к нему русских войск. "Что касается меня, — сообщил генерал Маршалл Эйзенхауэру, — то я не хотел бы рисковать жизнями американцев ради достижения чисто политических целей"[857].

Американские лидеры все еще не осознали до конца тот непреложный факт, что германские войска, продолжая отчаянно сопротивляться на Востоке, стремятся во что бы то ни стало

выйти на Запад, чтобы сдаться командованию англоамериканских войск. Франц фон Папен, тот самый человек, который помог Гитлеру прийти к власти в 1933 году, во второй половине апреля рассказывал допрашивавшим его американским офицерам: немцы боятся, что все мужчины, оказавшиеся в советской зоне оккупации, будут посланы в СССР и превращены там в рабов. Они подозревают, что "в Ялте заключено секретное соглашение, по которому русским для их нужд были обещаны необходимые людские ресурсы"[858].

Тот же самый штурмфюрер, ранее доставивший генералу Вейдлингу пакет от фюрера, вернулся на его командный пункт в Бендлерблоке в 18 часов. Вейдлинг и его штаб заканчивали подготовку к прорыву, который был санкционирован Гитлером. Однако в только что принесенном новом конверте содержался приказ, который отменял все предыдущие распоряжения. Прорыв запрещался. Вместо этого Вейдлингу предписывалось срочно прибыть в рейхсканцелярию.

В бункере Гитлера генерала встретили Геббельс, Борман и Кребс[859]. Они провели его в комнату фюрера, где незадолго до этого пара молодоженов совершила самоубийство, и рассказали о том, что затем трупы были подняты наверх, сожжены и закопаны в воронке в саду рейхсканцелярии. С Вейдлинга было взято честное слово, что ни один немец не узнает от него об этой новости. Единственным человеком, который должен получить информацию о смерти Гитлера, являлся Сталин. Этой ночью будет предпринята попытка добиться перемирия. Генералу Кребсу надлежало сообщить о кончине фюрера советскому командованию, которое немедленно свяжется с Кремлем.

Вейдлинг немедленно позвонил на свой командный пункт в Бендлерблоке и сказал изумленному полковнику Рефиору, что он не может сейчас сообщить ему, что именно произошло, но требует, чтобы к нему срочно прибыли ряд старших офицеров, включая полковника фон Дуфвинга.

Советская тяжелая артиллерия продолжала обстреливать рейхстаг, находящийся в менее километра к северу от рейхсканцелярии. Капитана Неустроева буквально осаждали командиры взводов его батальона, просившие о том, чтобы именно их подразделения были посланы на завершающий штурм. Всем хотелось оказаться первыми, и каждый хотел лично водрузить красное знамя 3-й ударной армии на рейхстаге. Однако путь до его купола стоил советским бойцам большой крови. Один из штурмовых отрядов, которому была поставлена эта задача, состоял целиком из комсомольцев. Членов группы, находившейся в составе батальона Неустроева, специально отбирали советские

политработники. Один из ее бойцов был по национальности грузином, что являлось "специальным подарком для Сталина"[860]. Следует отметить, что представители некоторых национальностей — таких как чеченцы, калмыки и крымские татары — ни за что не могли быть выбраны на роль знаменосцев. Было запрещено рекомендовать к званию Героя Советского Союза представителей народов, отправленных в ссылку.

Генерал Шатилов, командир дивизии, в которую входил батальон Неустроева, в один из моментов решил, что рейхстаг уже взят, и сообщил эту ошибочную информацию вышестоящему командованию. Новость была немедленно передана в Москву. Теперь генерал всячески подгонял подчиненных, чтобы те любой ценой, но, главное, быстро водрузили знамя победы над рейхстагом. Благодаря смогу сумерки наступили гораздо раньше положенного срока. В 18 часов три полка 150-й стрелковой дивизии начали атаку на последний оплот германского сопротивления. Пехотинцев поддерживало значительное количество танков.

Советским стрелкам требовалась также и мощная артиллерийская поддержка, поскольку все окна и двери рейхстага были либо забаррикадированы, либо замурованы кирпичом. Ценой больших усилий бойцам удалось достичь главного входа, но здесь они наткнулись на сильный заградительный огонь с верхних этажей и балконов здания. В памяти старшего лейтенанта Беляева, свидетеля той атаки, навсегда остались пятна крови на его громадных колоннах[861].

Потери были большими, но советские бойцы, используя привычную тактику, прокладывали себе путь вверх по главной лестнице. Они уничтожали противника гранатами и автоматным огнем. Часть гарнизона рейхстага — сборная группа, состоящая из матросов, эсэсовцев и членов гитлерюгенда — отступила в подвал. Другая часть, отстреливаясь, отходила на верхние этажи здания. От разрывов гранат и фаустпатронов во многих коридорах и комнатах возникли пожары, и вскоре все помещения были заполнены едким дымом.

Со стороны все это могло казаться матчем по регби, только с той разницей, что неудачные игроки в нем не просто калечили себя, а погибали. Когда бой достиг апогея и все смешалось в едином хаосе, два человека из группы, несшей красное знамя, отделились от основной массы бойцов и устремились к куполу. Они сумели достичь второго этажа здания, но огонь вражеского пулемета задержал их дальнейший путь наверх. Еще одна попытка прорваться на крышу, как отмечалось в полковом донесении, была совершена в 22 часа 50 минут, и красный флаг

все же оказался водружен над куполом рейхстага. Тем не менее к этому факту следует относиться с большой осторожностью, поскольку необходимо помнить, что вся советская пропагандистская машина была буквально одержима идеей объявить о захвате рейхстага именно к Первому мая — в день праздника.

Независимо от того, когда именно водрузили "Красное Знамя Победы", само это событие нисколько не повлияло на ход сражения. Даже официальные источники свидетельствуют, что жестокий бой продолжался затем всю ночь. Пока советские бойцы прокладывали себе путь наверх, немцы, засевшие в подвалах, стреляли им в спину. В какой-то момент лейтенант Клочков обнаружил, что несколько его солдат собрались в кружок и что-то разглядывают на полу. Внезапно они все разом отпрянули в сторону, и Клочков увидел, что в полу было небольшое отверстие. Его бойцы только что бросили туда гранату — прямо на головы немцев, засевших этажом ниже[862].

В центре Берлина продолжали полыхать пожары. Ночью зарево огня и полуразрушенные здания выглядели еще более зловеще. От дыма и пыли было уже почти невозможно дышать. То и дело раздавался сильный грохот — обрушивалась очередная стена какого-нибудь дома. Дополнительный эффект всей этой картине придавали лучи зенитных прожекторов, рыскающих по небу, уже свободному от самолетов люфтваффе.

Утомленная группа иностранных добровольцев СС нашла себе укрытие в подвале отеля "Континенталь". Все помещение было заполнено мирными жителями, которые смотрели на своих защитников отнюдь не по-доброму. К эсэсовцам подошел один из немцев и спросил, не хотят ли они перебраться в другое убежище, расположенное на Якобштрассе. Добровольцы были чрезвычайно обижены, что они, жертвуя своими жизнями ради берлинцев, в то же время чувствуют на себе их косые взгляды. Тем не менее эсэсовцам не оставалось ничего другого, как уйти в другое место. Они не являлись больше теми бравыми солдатами, которыми все так гордились. Напротив, теперь эсэсовцы представляли большую опасность для гражданского населения. В госпиталях немецкие медсестры первым делом отбирали у раненых военнослужащих оружие. Они очень боялись, что ворвавшиеся русские не помилуют никого, при ком окажется винтовка или автомат.

Бывший командир дивизии "Нордланд", бригаденфюрер Циглер, до этого все время находившийся вместе с Монке в рейхсканцелярии, внезапно появился в здании министерства авиации на Вильгельмштрассе. Ему не нужно было рассказывать о том, насколько безнадежной являлась ситуация. Однако спустя

некоторое время сюда же пришла группа эсэсовцев из двадцати человек под командованием одного бельгийца. Все солдаты громко смеялись, будто их армия только что выиграла войну[863]. Эти эсэсовцы были истребителями танков и держали оборону в районе Ангальтского вокзала. По их словам, они превратили привокзальную площадь в "танковое кладбище". Среди иностранных добровольцев, оборонявших последнюю цитадель "третьего рейха", возникло совершенно экстраординарное боевое товарищество. В помещениях министерства авиации, которые занимали военнослужащие из дивизии "Нордланд", находились представители различных национальностей. Здесь были не только скандинавы, но и три латыша, а также "два Ивана", которые, без сомнения, являлись "хиви" бывшими военнопленными, находившимися при германских частях в качестве "добровольных помощников".

Полковник Рефиор, находящийся в Бендлерблоке, получил из рейхсканцелярии новое распоряжение. Он должен был сообщить советскому командованию о том, что генерал Кребс желает договориться с ним о времени и месте переговоров.

Процесс приостановки огня на фронте 8-й гвардейской армии занял время с 22 часов до утра следующего дня — 1 мая. Генерал Чуйков отдал приказ, чтобы Кребсу обеспечили охрану и провели его через фронт советских войск в его штаб, расположенный в Шуленбургринге, на западной окраине аэродрома Темпельхоф. В тот момент Чуйков сидел за праздничным столом в компании с писателем Всеволодом Вишневским, поэтом Долматовским и композитором Блантером, которые были посланы в Берлин для создания гимна победы.

Генерал Кребс, в сопровождении полковника фон Дуфвинга, оберштурмфюрера Найландиса и латвийского переводчика Дуфвинга подошли к линии соприкосновения войск примерно в 22 часа. Кребс, оставаясь ярым сторонником бескомпромиссного сопротивления противнику, тем не менее каждый день старался освежать в памяти свои знания русского языка. Обычно он делал это вдали от посторонних глаз, например перед зеркалом для бритья. Германские полномочные представители были приведены на командный пункт Чуйкова в 4 часа утра. Блантеру, единственному члену веселой компании, который не был одет в военную униформу, приказали спрятаться в шкафу. Одетые же в офицерские мундиры Вишневский и Долматовский, являвшиеся одновременно военными корреспондентами, остались на месте — они могли сойти за обычных штабных офицеров.

Кребс сказал Чуйкову, что собирается сообщить ему совершенно секретную информацию. Чуйков, по мнению

немецкого генерала, был первым иностранцем, которому сообщали, что 30 апреля Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством[864]. Чуйков, однако, ответил, что советское командование знает об этом факте. Он намеренно обманул Кребса, чтобы сбить с толку своего оппонента. Затем Кребс зачитал Чуйкову текст завещания Гитлера и письмо Геббельса с предложением начать "мирные переговоры между державами, которые понесли в войне наибольшие потери". Вишневский, сидевший справа от Чуйкова, записывал в блокнот все детали разговора.

После того как Кребс удалился, Чуйков позвонил маршалу Жукову в Штраусберг и сообщил ему об этой последней новости. Жуков немедленно попросил выехать в штаб 8-й гвардейской армии своего заместителя генерала Соколовского. Он не желал, чтобы Чуйков, его главный критик, впоследствии утверждал, что именно он принял германскую капитуляцию. Затем Жуков сразу же связался с Москвой. Сталин находился на своей даче. Начальник его охраны, генерал Власик, ответил: "Сталин только что лег спать". — "Прошу разбудить его, — произнес Жуков. — Дело срочное и до утра ждать не может"[865].

Очень скоро Сталин подошел к телефону, и Жуков доложил ему о смерти Гитлера. "Доигрался подлец, — прокомментировал эту новость советский руководитель. — Жаль, что не удалось взять его живым". Затем он спросил, где находится труп Гитлера. Жуков сообщил, что, по словам Кребса, тело было сожжено. "Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести, — подчеркнул Сталин, а потом добавил: — Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад".

Жуков совершенно забыл, что спустя несколько часов Сталин должен был участвовать в Первомайском параде на Красной площади. По этому поводу Берия даже изменил в Москве время начала и окончания комендантского часа. Жуков подумал о том, как сейчас для парада выдвигаются войска Московского гарнизона, где они должны пройти торжественным маршем перед трибуной Мавзолея Ленина, на которой будет стоять и сам Сталин.

Каждый раз, как только Чуйков возвращался к вопросу о безоговорочной капитуляции, Кребс начинал играть роль дипломата. Он говорил о том, что Советский Союз должен вначале признать правительство Дёница. Только после этого немцы могут заявить о капитуляции перед Красной Армией. В противном случае "предатель" Гиммлер способен заключить

сепаратный мир с англичанами и американцами за спиной у Москвы. Но Чуйков благодаря своей крестьянской смекалке сумел быстро раскусить тактику Кребса.

Генерал Соколовский, который вскоре присоединился к переговорам, позвонил Жукову и сообщил о том, что Кребс хитрит, заявляя о том, что не имеет полномочий принимать решения о безоговорочной капитуляции. По словам Кребса, этот шаг может сделать якобы только правительство Дёница. Соколовский предложил Жукову послать всех немецких переговорщиков к чертовой матери, если те немедленно не согласятся на советские условия. Жуков согласился с этим и попросил своего заместителя передать немцам: если Геббельс и Борман не согласятся с безоговорочной капитуляцией, советские войска сотрут Берлин в порошок. После консультации со Ставкой Жуков сообщил, что советское командование дает немцам время на размышление до 10 часов 15 минут 1 мая.

Никакого ответа от германского командования к назначенному времени получено не было. Спустя еще двадцать пять минут части Красной Армии возобновили "ураганный огонь" по остаткам немецкого гарнизона.

Глава двадцать пятая
Рейхсканцелярия и рейхстаг

Рассвет берлинского Первомая многие советские солдаты встречали, пребывая еще во сне. Смертельно уставшие бойцы устраивали себе постель прямо на улице, под стенами какого-нибудь здания. Переводчик Елена Ржевская, ожидавшая захвата рейхсканцелярии, наблюдала за тем, как один солдат спал, подложив себе под голову вместо подушки кусок разбитой двери. Те же, кто бодрствовал, готовили себе пищу либо чистили оружие. Никто из бойцов пока не знал, что Гитлер уже покончил жизнь самоубийством. Они еще называли любого немецкого военнопленного "гитлеровским дураком".

На германской стороне известие о смерти фюрера держалось под строгим секретом в течение ночи и всего последующего утра. Лишь затем эта новость стала просачиваться к старшим офицерам. Бригаденфюрер СС Монке, отведя Крукенберга в сторону, конфиденциально сообщил ему о потере вождя. Правда, он не смог при этом избежать помпезной нацистской риторики. "Пылающая комета погасла"[866], - произнес Монке.

Германские офицеры с нетерпением ожидали информации о том, ведутся ли переговоры с русскими и достигнуты ли на них какие-нибудь результаты. Но после возобновления огня советской артиллерии все встало на свои места. Было ясно, что генералу Кребсу не удалось договориться с советским командованием. Русские настаивали на безоговорочной капитуляции, но Геббельс отказался. Тяжелые орудия и "катюши" 3-й ударной, 8-й гвардейской и 5-й ударной советских армий продолжили свою разрушительную работу.

Монке также сказал Крукенбергу, что опасается за возможность проникновения русских войск в тоннели метро. В этом случае они могут обойти рейхсканцелярию под землей и неожиданно появиться в немецком тылу. Крукенберг в спешном порядке послал группу саперов из дивизии "Нордланд" в тоннель с задачей добраться до Потсдамерплац[867]. Впоследствии он не уточнял никаких деталей, но, вероятнее всего, им был отдан недвусмысленный приказ. То, что произошло далее, до сих пор является предметом ожесточенной полемики — взрыв тоннеля, проходящего под Ландвер-каналом в районе Треббинерштрассе.

Скорее всего эсэсовцам пришлось прокопать шурф в потолке тоннеля и лишь затем заложить туда заряд[868]. Иначе взрыв вряд ли смог пробить брешь, достаточную для поступления в тоннель

воды из Ландвер-канала. Данные о точном времени и даже дате взрыва сильно варьируются. Это неудивительно, поскольку у многих мирных жителей, прятавшихся под землей, советские солдаты уже отобрали наручные часы. Определить же время по положению солнца они, естественно, не могли. Наиболее достоверной представляется версия о том, что взрыв прогремел ранним утром 2 мая. Другими словами, либо эсэсовцы поставили заряд с часовым механизмом, рассчитанным на длительное время, либо им потребовались значительные усилия, чтобы прокопать шурф.

Как бы там ни было, взрыв привел к разрушению тоннеля и заполнению его водой на двадцатипятикилометровом участке. Сведения о количестве жертв этого подземного наводнения также различны — от пятидесяти до пятнадцати тысяч человек[869]. Некоторые берлинцы утверждали, что советские военнослужащие перевозили всех утонувших в небольшой порт, расположенный на берегу канала неподалеку от Ангальтского вокзала. Туда же, по их мнению, доставляли и трупы жителей, погибших под обломками зданий. Более достоверными выглядят данные о том, что под водой погибло порядка ста человек. Конечно, в тоннелях находились многие тысячи людей, среди которых были раненые, дети, женщины и старики, но вода не распространялась по подземным коммуникациям слишком быстро. Более того, она растекалась под землей в различных направлениях. Безусловно, картина наступающей воды вызывала в людях неподдельный ужас. И часть раненых, равно как и пьяных солдат, а также мирных жителей, стали ее неизбежными жертвами. Но говорить о тысячах погибших было бы сильным преувеличением. В большинстве мест вода едва достигала полутораметровой глубины, и у обитателей тоннелей имелось достаточно времени, чтобы эвакуироваться самим и спасти многочисленных раненых, находившихся в "госпитальных вагонах" рядом со станцией "Штадтмитте". Вполне вероятно, что многие из погибших, чьи тела впоследствии поднимали на поверхность, на самом деле умерли не от воды, а от ран и болезней еще до разрушения тоннеля. Все трупы затем перемешались, и определить точное количество погибших в результате взрыва оказалось практически невозможно. Ряд трупов определенно принадлежал эсэсовцам. Скорее всего их похоронили вместе с останками других людей в количестве около пятидесяти человек на еврейском кладбище на Гросс-Гамбургерштрассе.

Тем временем бой в рейхстаге продолжался с прежней ожесточенностью. Красный флаг над куполом здания выглядел теперь своего рода насмешкой над тем, что происходило внутри.

Один советский боец схватил брошенную в его сторону немецкую гранату и швырнул ее обратно к врагу[870]. Но он не рассчитал свои силы. Граната попала в дверь, отскочила от нее и вновь упала к ногам красноармейца. Прогремел взрыв, в результате которого ему оторвало обе ноги. Несмотря ни на какую усталость, солдаты противоборствующих сторон продолжали сражаться. Их глотки воспалились от крика и попадающей в горло пыли. Одному советскому офицеру горящее здание напомнило события 1933 года, когда рейхстаг подожгли сами нацисты, но обвинили в этом коммунистов.

Бой продолжался до вечера. Наконец немцы, засевшие в подвалах, стали кричать, что хотят вступить в контакт с каким-нибудь старшим советским офицером. Тогда молодой капитан Неустроев попросил своего подчиненного лейтенанта Береста изобразить из себя полковника. На Береста надели дубленый полушубок, скрывавший его погоны, и послали на переговоры. Вскоре на поверхности стали появляться первые сдающиеся немцы. Они выходили в грязных шинелях и гимнастерках, небритые, с моргающими от страха глазами. Многие из них улыбались, "словно покорные собаки"[871]. Порядка трехсот германских солдат и офицеров сложили тогда оружие. Еще двести немцев было убито. Кроме того, в подвалах рейхстага обнаружили около пятисот раненых военнослужащих, но многие из них попали туда еще до начала штурма.

Еще более мощное укрепление представляла массивная зенитная башня Зоо, расположенная возле юго-западной оконечности Тиргартена. Хотя железобетонные стены этой крепости были настолько прочными, что могли выдерживать прямое попадание 203-миллиметрового гаубичного снаряда, положение осажденных в ней людей было катастрофическим. Кроме солдат, внутри находилось несколько тысяч мирных жителей, среди которых — сотни раненых и больных.

1-я гвардейская танковая армия Катукова и 8-я гвардейская армия Чуйкова вели наступление на Тиргартен с южного направления, вдоль Ландвер-канала. Задачу блокировать башню Зоо поставили перед двумя полками из 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Штурмовать такое мощное укрепление было безумием. Поэтому 30 апреля советское командование послало к засевшим в крепости немцам парламентеров из числа военнопленных вермахта. Они несли с собой ультиматум, в котором содержалось предложение сдачи в плен и гарантия сохранения жизни всем обороняющимся, включая военнослужащих СС и СА[872].

1 мая парламентеры вернулись со следующим ответом: "Ваше

письмо было получено в 11 вечера. Мы капитулируем сегодня ночью. Галлер, командующий гарнизоном". На самом деле Галлер не являлся командующим гарнизоном, и задержка с капитуляцией была нужна немцам для того, чтобы подготовиться к прорыву из кольца.

* * *

Еще одним осажденным укреплением оставалась цитадель Шпандау на северо-западной оконечности Берлина. Благодаря своей архитектуре эта цитадель действительно походила на настоящую крепость. Она была построена еще в 1630 году на острове, образовавшемся на месте слияния Хафеля и Шпрее. Во время войны в ней располагалась организация под названием "Армейские лаборатории противогазовой защиты", но эта вывеска являлась лишь камуфляжем, скрывающим ее истинное предназначение.

К 30 апреля войска 47-й армии наконец смогли сжать кольцо вокруг Шпандау, чьи орудия держали под прицелом значительный участок территории, включая мосты через Ха-фель. В надежде избежать полномасштабного штурма строения генерал Перхорович приказал майору Гришину передать командующему немецким гарнизоном предложение о капитуляции. Сразу после получения этого приказа Гришин вызвал к себе подчиненных офицеров. Поскольку предстоящая миссия была чрезвычайно опасной, майор посчитал не вправе назначать парламентера своим распоряжением[873]. Он сказал, что пойдет в крепость сам и просит, чтобы с ним пошел еще один помощник. Все семь офицеров, стоявшие рядом с ним, вызвались добровольцами. Гришин сказал Конраду Вольфу, будущему восточногерманскому кинорежиссеру и брату Маркуса Вольфа, что тот идти не может. В цитадели засели эсэсовцы, и если у них возникнет подозрение, что Конрад не русский, а немец, одетый в советскую форму, то они могут расстрелять его на месте. Вместо Конрада пошел его друг, Владимир Галл. Вдвоем с Гришиным они показались перед немецкими укреплениями, размахивая белым флагом, и осторожно приблизились к баррикаде, выстроенной немцами на мосту через ров. Здесь же стоял и подбитый "тигр".

Немецкие солдаты, увидев приближающихся русских, выкинули с балкона здания веревочную лестницу длиной около десяти метров. Гришин и Галл поднялись по ней на балкон и вошли в неосвещенную комнату. Тотчас же к ним подошла группа офицеров вермахта и войск СС. Среди них находились командующий гарнизоном полковник Юнг и его заместитель подполковник Кох. Юнг представлял собой уже довольно пожилого седовласого мужчину с прямым лицом, на котором

светились очки в металлической оправе. Воротник его кителя был не первой свежести. Он вовсе не походил на профессионального военного. Но в то время ни Гришин, ни Галл не имели понятия о той роли, которую играл здесь этот человек.

С советской стороны переговоры вел практически только один Галл, филолог еврейского происхождения. Гришин имел лишь очень небольшие познания в немецком языке. Кох начал объяснять, что, согласно приказу фюрера, любой находящийся в крепости немец, который попытается сдаться, должен быть расстрелян на месте. К сожалению, до штаба 47-й армии в то время еще не дошла информация о смерти Гитлера. В этот момент Галл почувствовал, в каком нервном напряжении находятся германские военные, особенно эсэсовцы. Казалось, что они готовы немедленно расстрелять русских парламентеров независимо от последствий. Галл сказал, что Берлин почти полностью захвачен советскими войсками, Красная Армия уже соединилась с американцами на Эльбе и дальнейшее сопротивление будет лишь означать новые и никому не нужные жертвы. Если гарнизон крепости сдастся, то его солдатам гарантируется жизнь и еда, а раненым — медицинская помощь. Он дал также понять немцам: если сопротивление продолжится, то ни одна из этих гарантий силы иметь не будет. Все они солдаты и хорошо понимают, к чему может привести новая кровь. Возможны самые неприятные последствия. Далее Галл отметил, что отказ от капитуляции повлечет за собой гибель многих мирных жителей, находящихся здесь. Немцы и так потеряли много людей на этой войне, и пора уже подумать о будущих поколениях.

Пока Галл говорил, эсэсовцы смотрели на него с нескрываемой ненавистью. Напряжение было настолько велико, что ему казалось: любая малейшая искра может вызвать мощнейший взрыв. Согласно полученной от Гришина инструкции, он предупредил немцев, что советское командование будет ждать от них ответа до 15 часов. В атмосфере гробовой тишины два советских офицера молча повернулись и пошли обратно к окну. Пока они спускались по лестнице, их сердца все еще бешено колотились. Галл очень опасался, что немцы в последний момент перережут веревки.

Оказавшись на земле, они быстро побежали назад под прикрытие деревьев, где их уже ждали свои бойцы. Галл и Гришин немедленно попали в тесные объятия товарищей, но им пришлось сразу же объяснить, что никакого ответа от немцев пока не последовало. Необходимо было подождать. Известие о том, что среди осажденных находились эсэсовские офицеры, отнюдь не

вселяло оптимизм.

Тем временем генерал Перхорович задавал недавним парламентерам один и тот же вопрос: "Они собираются сдаваться?" Галл отвечал, что никто этого не знает. Немцам дали время до 15 часов, как и было условленно, и если они согласятся, то пошлют к советским позициям своего парламентера. Перхорович уяснил ситуацию и лишь добавил, чтобы Галл был наготове, если германский гарнизон объявит о капитуляции.

По мере приближения стрелки часов к отметке три напряжение в стане советских войск все возрастало. Среди работников штаба стали звучать шутки, касающиеся невероятной пунктуальности немцев.

"Товарищ капитан! — внезапно послышался голос солдата. — Смотрите! Они идут, они идут!"

На балконе здания появились два немецких эмиссара, которые готовились спуститься вниз по веревочной лестнице. Галл приказал себе успокоиться и действовать так, словно бы принятие капитуляции вражеской крепости было для него совершенно нормальным делом — частью обычной работы.

Когда немецкие парламентеры, лейтенанты Эббингхауз и Бретшнайдер, появились возле штаба, русские офицеры вышли им навстречу и приветливо похлопали их по плечу. Немцы объяснили Галлу, что они согласны с условиями капитуляции, но должны сперва получить их в письменном виде. Затем германских офицеров с триумфом проводили на командный пункт 47-й армии, где на столах стояло много откупоренных бутылок, оставшихся после празднования Первого мая. На полу был постелен матрас, на котором все еще спал советский старший офицер. Проснувшись и увидев двух немцев, он приказал приготовить для них какую-нибудь еду. Затем появился майор Гришин. Он сказал, что командование германского гарнизона желает прежде всего получить письменные заверения от русской стороны. "Типичные немцы"[874], - добавил майор.

Когда были обговорены все детали и документ подписан, советские офицеры откупорили еще одну бутылку коньяка и подняли тост за победу. Они пили залпом, тогда как лейтенант Бретшнайдер, голодавший всю последнюю неделю, лишь пригубил стакан. Русские засмеялись и долили лейтенанту еще. Они объясняли ему, что "война капут" и можно уже ничего не бояться.

Спонтанное празднество было внезапно прервано появлением на командном пункте армии полковника из штаба 1-го Белорусского фронта. Ему объяснили сложившуюся ситуацию. Полковник повернулся к лейтенанту Эббингхаузу, который

казался старше своего второго коллеги, и спросил его, как долго крепость могла еще держаться, если бы русские продолжали обстреливать ее из тяжелых орудий и бомбить авиацией. "По крайней мере неделю", — ответил Эббингхауз. Русский офицер с недоверием посмотрел на него.

"Война закончена, — повторил майор Гришин. — И ваши полномочия как офицера закончены". На столе находилась коробка дорогих сигар "Ритмеестер". Эббингхауз взял одну из них и прикурил.

Спустя два часа Гришин и Галл вновь вошли в крепость, теперь уже не через балкон, а через главный вход. Вскоре из нее стали выходить сдающиеся немцы, они складывали оружие и строились в колонны.

К стоящим поодаль двум советским офицерам подошли Юнг и Кох. Неожиданно Кох на чистом русском языке сказал, что хотел бы теперь попрощаться. Увидев, что советские офицеры застыли в изумлении, он улыбнулся и добавил: "Да, я разговариваю немного по-русски. В детстве я жил в Санкт-Петербурге".

Галл только сейчас сообразил, какая опасность грозила: им во время переговоров в крепости. Кох мог слышать и понимать каждое слово, которым Владимир обменивался с Гришиным. Он припомнил, что в один из моментов Гришин сказал что-то вроде "Обещай им все, что они хотят, разберемся позже".

Вместе со сдающимися немецкими солдатами во двор крепости выходили и мирные жители. Генерал Перхорович приказал Галлу объяснить им, что все они могут расходиться по домам. Одна женщина с платком на голове (в них теперь ходили многие немки, скрывая тем самым свои немытые волосы) приблизилась к советским офицерам. Она несла на руках маленького ребенка. Женщина поблагодарила русских за то, что они убедили командование германского гарнизона капитулировать, предотвратив тем самым дальнейшее кровопролитие. Затем немка расплакалась и ушла прочь.

Однако эта берущая за душу картина капитуляции Шпандау была несколько подпорчена последующими событиями. Полковник Юнг и подполковник Кох на самом деле являлись профессором Герхардом Юнгом и доктором Эдгаром Кохом ведущими специалистами, занимавшимися исследованиями в области боевых отравляющих веществ (включая нервно-паралитические газы зарин и табун). Хотя название их лаборатории говорило о том, что в ней могут создаваться лишь защитные средства против различных газов, на самом деле ученые занимались именно вопросами применения отравляющих

веществ на поле боя[875].

Подполковник из штаба 47-й армии быстро осознал все значение оборудования, найденного в Шпандау, и немедленно сообщил о нем генералу, находящемуся в группе советских экспертов. На погонах этих экспертов светились значки в виде гаечного ключа и зубчатого колеса. Генерал собирался допросить немецких специалистов на следующий день, но его опередили сотрудники НКВД. Каким-то образом они прознали о находке в Шпандау и уже вечером 1 мая были в крепости. После этого Юнг и Кох исчезли в неизвестном направлении. Генерал был сильно разозлен. Армейскому начальству потребовалось целых полтора месяца — до середины июня, — чтобы выяснить, где именно НКВД содержит теперь Юнга и Коха. В конечном итоге немецкие ученые в августе объявились в Москве.

Двух других германских специалистов в области отравляющих веществ, доктора Штульдреера и доктора Шульте-Оверберга, оставили под охраной в самом Шпандау и приказали продолжить свои исследования, Штульдреер ранее занимался применением газов против танковых соединений и использовал для экспериментов полигон в Куммерсдорфе (именно через него прорывались из окружения остатки немецкой 9-й армии). Но Штульдреер, равно как и Шульте-Оверберг отказались признаваться в том, что они участвовали в экспериментах с нервно-паралитическими газами. Поскольку все запасы отравляющих веществ были заблаговременно уничтожены, советские офицеры не могли ничего доказать.

Летом 1945 года Штульдреера и Шульте-Оверберга переправили в Советский Союз. Их посадили вместе с Юнгом и Кохом в специальный лагерь, расположенный в Красногорске. Однако эта вновь образованная группа, возглавляемая профессором Юнгом, отказалась сотрудничать с советскими властями. Немецкие специалисты настаивали на том, что являются военнопленными и на них распространяются соответствующие их статусу положения. Русские пытались воздействовать на членов группы различными путями. К ним даже приставляли других немецких ученых, уже сотрудничающих с СССР. Но никакого положительного результата достигнуто не было. Тем не менее с этими учеными обращались довольно корректно, и они все-таки вернулись в Германию с одной из самых последних партий германских военнопленных в январе 1954 года.

Южнее Берлина остатки немецкой 9-й армии готовились совершить последнюю попытку прорыва через советские заслоны фронта маршала Конева. 12-я армия генерала Венка смогла

закрепиться в районе Беелитца и некоторое время продолжала его удерживать. Всего этого оказалось достаточно, чтобы открыть путь на запад многим военнослужащим армии Буссе, равно как и порядка двадцати тысячам человек из так называемой группы армий "Шпрее" под командованием генерала Реймана. Остатки этой группы вели оборону в районе Потсдама. Однако давление со стороны русских войск постоянно возрастало. Беелитц находился под жестоким обстрелом советских самоходных артиллерийских установок, подходящих со стороны Потсдама. С самого утра в небе появились советские штурмовики, сбрасывавшие на немцев небольшие бомбы и поливающие их огнем из авиационных пушек.

Один из советских стрелковых полков занял деревню Эльсхольц, находившуюся всего в шести километрах к югу от Беелитца. Она являлась ключевым пунктом в немецкой обороне, поскольку здесь пересекались сразу несколько дорог, по которым выходили из окружения изможденные германские солдаты. К счастью для немцев, в этом районе внезапно появились последние четыре "пантеры" из дивизии "Курмарк". Они атаковали русских и вынудили их отступить. Все эти четыре боевые машины так и остались на поле боя — их пришлось бросить из-за недостатка горючего. Однако путь на запад был открыт. Многие немцы оказались настолько истощены, что, едва добравшись до Эльсхольца, буквально валились с ног. Мирные жители деревни чем могли делились с солдатами. Они давали им пищу и перевязывали раненых. Тех военнослужащих, которые уже окончательно потеряли возможность передвигаться, переносили в полевой госпиталь, организованный прямо в местной школе. Врачи и медсестры, работавшие там, сутками не отходили от своих пациентов, стараясь спасти как можно больше жизней. Только одной германской части хватило сил не останавливаться в деревне и пройти мимо нее не задерживаясь. Это были эсэсовцы.

Бой в лесу все еще продолжался. Соединения 1-го Украинского фронта дожимали остатки 9-й армии и уничтожали разрозненные немецкие отряды по частям. Утром 1 мая в лес была послана одна из бригад 4-й гвардейской танковой армии с задачей уничтожить достаточно большую группу германских солдат, пробивавшуюся на запад[876]. В строках боевого донесения присутствовала информация о том, что советские "тридцатьчетверки" ворвались в колонну немецких танков и бронемашин. В ходе двухчасового боя враг потерял тринадцать броневиков, три штурмовых орудия, три танка и пятнадцать грузовиков. Однако поверить в достоверность этих сведений весьма сложно. К тому времени у немцев вряд ли уже оставалось

так много исправных боевых машин, находящихся в одной группе.

Советские войска атаковали и сам Беелитц. Отряд германских солдат в количестве около двухсот человек при поддержке одного "тигра" и одного штурмового орудия отходил к югу от Беелитца. После того как он пересек большое поле, немцы оказались под прицельным огнем из автоматического оружия. Все, что им было нужно теперь, — это добраться до леса и перейти вброд реку Ниплитц. За ней лежал путь к Эльбе и к спасительному мосту на американский берег.

Генерал Венк приказал офицерам использовать любую исправную машину для перевозки раненых и изможденных военнослужащих. В спешном порядке были развернуты дополнительные полевые кухни, которым предстояло накормить двадцать пять тысяч солдат и еще несколько тысяч беженцев[877]. Полковник Райхельм из штаба Венка вспоминал, что большинство выходивших из окружения немцев буквально сразу же падали на землю. "Иногда нам приходилось чуть ли не бить их, — добавлял он, — поскольку иначе эти смертельно усталые люди просто не проснулись бы и не полезли в грузовик. Они так и умерли бы на дороге. Все это было ужасно". Бывший когда-то полным генерал Буссе сильно похудел. "Он находился на пределе сил".

Многие из тех немцев, которые испытали на себе весь ужас боев в районе Хальбе, теперь озлобились на своих командиров. Они обвиняли старших офицеров, что те продолжали вести сражение, когда уже все было потеряно. "Являлось ли это действительно беспрекословным подчинением, — писал один из выживших свидетелей тех событий, — либо просто трусостью, боязнью личной ответственности?" Былая поддержка своего фюрера теперь оставляла в сердцах представителей германского офицерского корпуса горький осадок. В эти последние дни войны они спасали собственные жизни, жизни своих подчиненных, женщин и детей[878].

Несмотря на критику в адрес германских офицеров, многие их действия не могут не вызывать уважения. Особенно это касается командиров частей и подразделений 12-й армии, жертвовавших своими жизнями ради спасения окруженных солдат и мирных жителей. Даже в рядах немецкой 9-й армии не все выглядело только в черном свете. Еще один выживший немец стал свидетелем гибели майора Отто Кристера фон Альбедиля, ранее пережившего разгром своей армии и разорение фамильного поместья неподалеку от Райтвайн-Шпура. Майора убили в тот момент, когда он пытался спасти тяжело раненного солдата. "Горячо любимый командир"[879] был похоронен своими солдатами у дороги, ведущей к деревне Эльсхольц.

Глазам полковника Райхельма предстал эпизод совершенно другого рода. Это было постыдное проявление трусости со стороны старшего офицера, который бросил подчиненных ему солдат. В 2 часа на командном пункте 12-й армии, расположенном между Гентином и Тангермюнде, появился командующий 41-м танковым корпусом генерал Хольсте. "Что вы здесь делаете, генерал? — с удивлением спросил его Райхельм. — Почему вы не со своими войсками?"

"У меня нет больше войск"[880], - ответил Хольсте.

На самом деле он просто-напросто бросил своих людей. Он бежал вместе с женой, прихватив две повозки, запряженные лучшими лошадьми. Райхельм сказал, что он должен доложить об этом генералу Венку. Войдя к генералу, он заметил, что Хольсте следует немедленно арестовать. Однако Венк был слишком переутомлен, чтобы принимать сейчас такие жесткие решения. Райхельм вернулся ни с чем. "Вы могли бросить Гитлера, поскольку он является преступником, сказал он Хольсте, — но вы не должны были бросать своих солдат". Хольсте не обратил никакого внимания на слова полковника и продолжил дальнейший путь к Эльбе.

Днем в штаб дивизии "Нордланд" из рейхсканцелярии пришел приказ о передаче последнего танка "тигр" в распоряжение генерала Монке[881]. Никаких дополнительных пояснений дано не было. Скорее всего этот факт свидетельствовал о начале подготовки Бормана и Монке к побегу из Берлина. Очевидно также, что они не рассказали о своем намерении Геббельсу, который отказывался даже разговаривать о возможной капитуляции. Эти двое нацистов, Борман и Монке, которые ранее угрожали расстрелом любому человеку, который откажется до конца выполнять свои обязанности перед рейхом, теперь примеряли на себя гражданское платье, с помощью которого были намерены улизнуть из германской столицы.

Возобновившийся артиллерийский обстрел центра города до крайности затруднил прямую связь бункера с командным пунктом генерала Крукенберга. Раненый Фене и его подчиненные французы все еще продолжали держать оборону возле штаб-квартиры гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. В ста метрах к востоку от них — в районе станции метро "Кохштрассе" — засели остатки полка "Дания". На левом фланге — на Лейпцигштрассе и Шпительмаркте — располагались позиции полка "Норвегия".

Геббельс, осознавший близость конца, вызвал к себе эсэсовского доктора Кунца, ранее согласившегося помочь убить его шестерых детей. Когда Кунц вошел в кабинет Геббельса, тот разговаривал с Науманом, статс-секретарем министерства

пропаганды. Доктору пришлось подождать минут десять, прежде чем Геббельс и Науман оставили его наедине с Магдой Геббельс. Она сказала, что смерть фюрера сделала их решение неотвратимым. Сегодня ночью войска совершат последнюю попытку прорыва из Берлина, следовательно, вся их семья должна умереть. Кунц постарался еще раз убедить Магду послать своих детей в госпиталь, после чего они могли бы оказаться под защитой Красного Креста, но фрау Геббельс отвергла это предложение. "После примерно двадцатиминутного разговора с Магдой, — вспоминал Кунц, — в комнате вновь появился Геббельс и произнес: "Доктор, я был бы очень признателен вам, если бы вы помогли моей жене убить детей"[882]. После этого Кунц попытался еще раз убедить чету Геббельсов сохранить им жизнь, но министр пропаганды остался непоколебим. "Это невозможно, — ответил он. — Они дети Геббельса". Сразу после этих слов он покинул помещение. Кунц оставался с Магдой еще примерно около часа.

Затем вновь вернулся Геббельс. "Русские могут ворваться в любой момент, — произнесла его жена, — и прервать наши планы. Поэтому мы должны спешить, чтобы исполнить то, что задумали".

Магда провела Кунца в ванную, где они взяли шприцы, заправленные морфином. Затем вошли в детскую спальню. Пять девочек Геббельса и один мальчик уже находились в кроватях в ночных пижамах, но еще не спали. "Не волнуйтесь, — сказала им Магда. — Доктор введет вам вакцину, которую прививают сейчас всем детям и солдатам". Магда покинула комнату, оставив в ней Кунца. Доктор занялся своим делом. "После этого, — рассказывал он на допросе офицерам СМЕРШа, — я вышел из спальни и прошел в комнату, где находилась фрау Геббельс. Мы должны были подождать примерно минут десять, пока дети не уснут. Я посмотрел на свои часы — было без двадцати минут девять".

Кунц сказал, что не может давать яд спящим детям. Тогда Магда попросила его позвать Штумпфеггера, личного доктора Гитлера. Вместе с Штумпфеггером она открывала рот своим спящим детям, просовывала между их зубами ампулу с ядом и затем сжимала челюсти. Впоследствии на лице ее старшей дочери Хельги был обнаружен большой синяк, который вызвал подозрение в том, что одной дозы морфина оказалось для нее недостаточно. Хельга не спала, и двое взрослых людей приложили немало усилий, прежде чем смогли открыть ей рот.

После того, как дело было сделано, Штумпфеггер удалился к себе, а Кунц прошел вместе с Магдой в кабинет Геббельса. Министр пропаганды нервно прохаживался по помещению. "С

детьми покончено, — произнесла Магда. — Теперь мы должны подумать о себе".

"Поторопимся, — ответил Геббельс. — У нас очень мало времени".

Магда взяла с собой золотой значок нацистской партии, который Гитлер подарил ей 27 апреля, и портсигар с выгравированной надписью "Адольф Гитлер, 29 мая 1934 года". Затем супруги поднялись вверх по лестнице во двор рейхсканцелярии. Их сопровождал личный адъютант министра пропаганды Гюнтер Швагерман. Геббельс и Магда имели при себе два пистолета "вальтер". Встав друг против друга, в нескольких метрах от того места, где был сожжен труп Гитлера и его жены, они раздавили во рту ампулы с цианидом. Возможно, в тот же момент они одновременно выстрелили в себя, хотя вполне вероятно, что "выстрелы милосердия" произвел Швагерман[883]. Оба пистолета так и остались лежать перед мертвыми телами, которые Швагерман облил бензином и поджег. Он выполнил то, что обещал супружеской чете.

(Некоторые историки утверждают, что при самоубийствах четы Гитлеров и четы Геббельсов использовался яд пруссик ацид ("prussic acid"), а не цианид. Однако яд пруссик ацид на самом деле является производной формой цианида. Во всяком случае, в докладе советских медиков, вскрывавших тела Адольфа и Евы Гитлер, говорится, что в их полости рта были обнаружены осколки ампул, содержавших компоненты цианида. Этот яд был идентичен тому, который нашли во рту Геббельса и его жены.)

В 21 час 30 минут радиостанция Гамбурга объявила своим слушателям, что вскоре будет сделано чрезвычайно важное и горькое сообщение. Перед самым обращением к нации гросс-адмирала Дёница в эфире звучали траурные мелодии из музыки Вагнера и Седьмой симфонии Брукнера. Дёниц сказал, что фюрер пал в сражении "во главе своих войск"[884]. Затем адмирал зачитал состав нового правительства. Лишь очень немногие люди в Берлине смогли слышать это выступление.

Тем временем Борман с нетерпением ожидал, когда наконец окончится драма с семьей Геббельс; Капитуляция генерала Вейдлинга ожидалась в полночь, поэтому прорыв группы Бормана в северном направлении — через Шпрее — должен был осуществиться за час до этого момента. Обитателей бункера, включая Траудл Юнге, Герду Кристиан и Констанцию Манзиали, также поставили в известность о побеге. Вся группа не должна была попасть на глаза Кребса и Бургдорфа, которые позднее собирались застрелиться.

В штабе Монке Крукенберг встретился с Артуром Аксманом и

Циглером, бывшим командиром дивизии "Нордланд". Монке спросил Крукенберга, желает ли он, как старший офицер, продолжать оборону центра города. Он добавил, что генерал Вейдлинг отдал приказ прорываться из Берлина в северо-западном направлении, но около полуночи должно вступить в силу соглашение о прекращении огня с

немецкой стороны. Крукенберг сказал, что он стоит за то, чтобы прорываться из города. После этого Крукенберг и Циглер отправились на позиции, чтобы подготовить части дивизии "Нордланд" к выходу из окружения. Крукенберг отправил одного из своих адъютантов вперед с задачей информировать об этом все оставшиеся боеспособными подразделения. Однако группа под командованием капитана Фене, оборонявшая гестапо, так ничего и не узнала о планах прорыва. Вероятнее всего, адъютанта Крукенберга убили еще до того, как он сумел добраться до Принц-Альбрехтштрассе.

Хаос в бункере принял невообразимый характер. Борман и Монке старались, как могли, распределить людей по различным группам. Выйти из бункера они сумели только около 23 часов. Первая группа, возглавляемая Монке, вышла на улицу через подвал рейхсканцелярии и стала прокладывать себе путь к вокзалу Фридрихштрассе. За ней, с небольшими интервалами, последовали и остальные группы. Наиболее опасным участком пути являлся район севернее вокзала, где беглецам предстояло форсировать Шпрее. Ночь не стала для них большим помощником, поскольку вся округа была ярко озарена огнем от пожаров. Монке разумно отказался перебираться на другой берег реки по мосту Вайдендаммер. Он решил вести своих людей далее вниз по течению, до пешеходного трехсотметрового моста, ведущего к госпиталю Шарите.

К мосту Вайдендаммер выдвинулись последние германские бронесилы — танк "тигр" и самоходная артиллерийская установка. Прозвучал приказ об атаке, и к мосту устремились несколько сотен эсэсовцев и военнослужащих вермахта. За ними следовала толпа гражданских лиц. Такое большое скопление людей тяжело было не обнаружить. Советские войска открыли по немцам уничтожающий огонь. Несмотря на то что некоторым германским солдатам под прикрытием танка удалось прорваться на северный берег реки, на Цигельштрассе они оказались блокированы советскими подразделениями. После того как советские противотанковые орудия подбили единственный "тигр", немцы стали нести еще большие потери. Был ранен Аксман. Но он продолжал свой путь вперед. Борман и доктор Штумпфеггер были накрыты взрывной волной от снаряда, подбившего

германский танк. Однако в тот момент им удалось остаться в живых. Вместе с собой Борман нес копию завещания Гитлера, которую он надеялся представить перед Дёницем в Шлезвиг-Гольштейне, заявив при этом о своих правах занять пост в новом нацистском правительстве.

Вскоре была осуществлена еще одна попытка прорыва через мост. Теперь немцев поддерживала самоходная установка с четырехствольным 20-миллиметровым зенитным пулеметом. Однако и этот прорыв не удался. Третья попытка имела место в час ночи, четвертая — еще часом позже. Борман, Штумпфеггер, Швагерман и Аксман какое-то время держались вместе. Они пробирались вдоль железнодорожного полотна, ведущего к вокзалу Лертерштрассе. Там их пути разошлись. Борман и Штумпфеггер повернули на северо-восток, к Штеттинскому вокзалу, а Аксман пошел в другую сторону. Однако вскоре Аксман наткнулся на советский патруль и возвратился назад. Теперь он решил пойти по следам Бормана. Через какое-то расстояние Аксман увидел на земле два трупа. Ими оказались Борман и Штумпфеггер. Определить точную причину смерти Аксману так и не удалось — просто не было времени. Таким образом, Мартин Борман, сам того не желая, стал единственным человеком из высшей нацистской иерархии, который погиб от пули большевиков. Другие лидеры рейха — Гитлер, Геббельс, Гиммлер и Геринг — покончили жизнь самоубийством.

Тем временем Крукенберг сумел собрать вокруг себя подчиненных ему французов. Его отряд и люди Циглера присоединились к довольно многочисленной группе эсэсовцев из дивизии "Нордланд". Крукенберг вспоминал, что среди них было теперь по крайней мере четыре иди пять кавалеров рыцарского креста. Незадолго до рассвета группа смогла форсировать Шпрее. Но неподалеку от станции метро "Гезундбруннен" она наткнулась на советский заслон. Завязался сильный бой, в ходе которого Циглер был смертельно ранен. Получил ранение и молодой эсэсовец Эжен Ванло, который лишь совсем недавно получил рыцарский крест. Он скончался тремя днями позже, лежа на полу подвала.

Советские войска получили подкрепление, поэтому у Крукенберга не оставалось иного выбора, как отойти на исходный рубеж. В конце Цигельштрассе его люди наткнулись на "тигр", который был оставлен своим экипажем. Неподалеку от него один из офицеров Крукенберга обнаружил мастерскую, в которой находились комплекты рабочих халатов. Эсэсовцы немедленно переоделись в них. Самому Крукенбергу удалось впоследствии добраться до Далема, где он около недели прятался на квартире у

друзей. Но его положение было безвыходным, и ему пришлось сдаться.

Получив от командующего 3-й ударной армией информацию о попытке немецкого прорыва, Жуков приказал немедленно поднять все войска по тревоге. Его сильно волновало "неприятное предположение"[885], что вместе с беглецами могут находиться высшие нацистские руководители, включая Гитлера, Геббельса и Бормана. Если бы им удалось уйти, то нетрудно представить, какой гнев обрушился бы тогда на него со стороны Сталина. В спешном порядке советские командиры поднимали на ноги людей, которые еще не успели отойти от празднования Первого мая, сопровождавшегося обильной выпивкой и поиском женщин. Вдогонку прорывающимся германским группам была послана целая бригада 2-й гвардейской танковой армии. На пути возможного появления немцев выставили дополнительные кордоны. Все эти срочные меры возымели действие. Попытка группы, возглавляемой генерал-майором Беренфенгером, пробиться в северном направлении вдоль Шёнхаузераллее не увенчалась успехом. После того, как была потеряна последняя надежда, закоренелый нацист Беренфенгер и его молодая жена покончили жизнь самоубийством[886].

Незадолго до полуночи, как раз в то время, когда полковник Галлер обещал произвести капитуляцию гарнизона зенитной башни Зоо, в западной части Тиргартена закончили сосредоточение остатки танковой дивизии "Мюнхеберг" и 18-й моторизованной дивизии. Им предстояло совершить рывок в северо-западном направлении к Олимпийскому стадиону и Шпандау. В подразделениях распространились ложные слухи, что армия Венка уже подошла к Науену, расположенному у северо-западных окраин города. Более того, солдаты почему-то верили, что там их уже поджидают санитарные поезда, готовые везти раненых аж до Гамбурга. Тысячи военнослужащих и гражданских лиц устремились вперед. Среди них находилась и группа из пятидесяти человек, разместившихся на трех грузовиках. Это был оставшийся в Берлине персонал радиостанции "Гроссдойчер рундфунк". На одном из грузовиков ехал младший брат Гиммлера, Эрнст, — ведущий технический работник студии[887].

Мост через Хафель, ведущий к Шпандау, Шарлоттенбрюкке, все еще удерживался отрядом гитлерюгенда. Под проливным дождем и сильным обстрелом артиллерии советской 47-й армии немецкие боевые машины все же смогли перебраться на другой берег. Вслед за ними бежали толпы военнослужащих и мирных жителей. Потери были ужасными. Выжившие свидетели рассказывали, что повсюду текла кровь и горели подбитые

машины[888]. Однако вскоре немцы подогнали к переправе 20-миллиметровую зенитную установку и открыли по русским позициям заградительный огонь. Это позволило перебраться на другой берег еще одной группе солдат и мирных жителей. Они стали прятаться в руинах зданий, расположенных напротив моста. Те, кто хоть на секунду промедлил, были убиты разрывами советских снарядов. Волна за волной мост принимал на себя все новые толпы беженцев. Грузовики ехали прямо по телам убитых людей. Эрнст Гиммлер оказался одним из тех многих несчастных, которые погибли на Шарлоттенбрюкке. Достоверно неизвестно — был ли он сражен пулей, или осколком, либо раздавлен ужасной толпой.

Несмотря на многочисленные жертвы, немцам все же удалось потеснить русские заслоны от берега реки. Однако советские пулеметы, расположенные на крепости Шпандау, продолжали вести прицельный огонь по прорывающимся группам. Подошедшие два немецких "тигра" обстреляли ратушу, и на ее штурм была отправлена небольшая группа из 9-й парашютной дивизии. Основные силы моторизованной группы теперь старались прорваться в направлении Штаакена, но в течение двух последующих дней большая их часть была окружена. Только горсть немецких солдат смогла в конце концов добраться до Эльбы.

Согласно полученным инструкциям из штаба 1-го Белорусского фронта, советские офицеры очень тщательно обследовали все подбитые немецкие танки. Чуть позднее Жуков сообщал, что среди погибших членов экипажей германских боевых машин никого из гитлеровского окружения обнаружено не было. Однако он добавлял, что разобраться, кто именно находился в сгоревших танках, теперь не представляется никакой возможности[889]. Никто не знает, как много людей погибло в этих отчаянных попытках прорваться из окруженного города.

В 1 час 55 минут ночи 2 мая восемнадцатилетний диктор "Гроссдойчер рундфунк" Рихард Байер, находившийся в подземной студии на Мазуреналлее, сделал последнее за историю существования этого радио объявление. "Фюрер мертв, — прочитал он специально заготовленный текст. — Да здравствует рейх!"[890]

Глава двадцать шестая
Конец битвы

Где-то около часа ночи 2 мая генерала Чуйкова вновь разбудили. Советские связисты приняли повторяющийся радиосигнал из штаба немецкого 56-го танкового корпуса. Германское командование просило прекратить огонь. Оно посылало в расположение советских войск, к Потсдамскому мосту, своих парламентеров с белым флагом. Вскоре там появился полковник Дуфвинг в сопровождении двух майоров вермахта. После кратких переговоров с одним из советских командиров Дуфвинг вернулся к генералу Вейдлингу. Вейдлинг сдался вместе со всем своим штабом в 6 часов утра. Сразу после этого он был доставлен на командный пункт генерала Чуйкова, где подготовил приказ о капитуляции по всему немецкому гарнизону.

В это прохладное весеннее утро еще никто из оставшихся в живых узников, находящихся в подвале штаб-квартиры гестапо, не знал, как повернется их дальнейшая судьба, Все могло решиться в любую минуту — либо их освободит Красная Армия, либо в последний момент их расстреляет охрана. Пастор Райнеке был единственным священником, которого гестаповцы не казнили в ходе последней экзекуции, проведенной неделю назад. "Садизм, который я перенес в течение последних полутора недель, — вспоминал он позднее, — описанию не поддается"[891].

Выжившие заключенные представляли собой довольно разношерстную компанию. Одним из соседей Райнеке являлся коммунист Франц Ланге. Ланге отмечал впоследствии, что, несмотря на то что уже с шестнадцати лет порвал с церковью, он никогда не забудет тихие молитвы Райнеке, с помощью которых тот находил в себе силы и продолжал борьбу за существование. Еще одним обитателем тюремного подвала был Йозеф Вагнер, бывший гауляйтер Силезии. Нацистское руководство обвиняло его в слишком большой приверженности к католицизму. После июльского покушения на Гитлера Вагнер был арестован гестапо.

1 мая гестаповские охранники ворвались в подвал и стали выгонять заключенных в коридор. По пути они убили одного военнослужащего вермахта. Оставшиеся шесть человек были посажены в другую камеру, где на столе уже стояли еда и напитки. Ланге удалось подслушать, как штурмбаннфюрер СС говорил одному из своих подчиненных: "Мы сохраним им жизнь, и это будет доказательством того, что мы не расстреливали

заключенных"[892]. Данные слова как нельзя более соответствовали типичной эсэсовской логике поведения. В течение всего дня было слышно, как охранники готовились к побегу. Ночью выключили свет, и заключенные поняли, что они остались одни. Однако подойти поближе к двери они не могли, поскольку были прикованы наручниками к стене, словно средневековые узники.

Вскоре после рассвета 2 мая наверху неожиданно послышались какие-то голоса. Железные ставни на окне в подвал распахнулись. Кто-то попросил их на русском языке дать ключ, чтобы открыть входную дверь. "Нет ключа, — ответил коммунист Ланге, который немного знал этот язык. — Мы заключенные". Человек снаружи куда-то удалился, но через несколько минут послышался сильный стук и скрежет металла. Дверь распахнулась. На пороге стоял молодой и улыбающийся русский солдат.

Солдат и его товарищи отвели заключенных в гестаповскую столовую и предложили им поесть, В этот момент случился трагический инцидент. Один из советских солдат случайно нажал на гашетку автомата, и произошел непроизвольный выстрел. (Случай довольно типичный для Красной Армии.) Бывший гауляйтер Йозеф Вагнер повалился на землю к ногам пастора Райнеке. Его рана оказалась смертельной.

Другие военнослужащие Красной Армии времени зря не теряли. Они сдирали со стен приемной рейхсфюрера Гиммлера шелковую обивку и сворачивали ее в рулоны. Нужно было торопиться, чтобы собрать очередную пятикилограммовую посылку домой.

Генералы Кребс и Бургдорф, отказавшиеся покинуть рейхсканцелярию, еще какое-то время оставались в живых. Ранним утром 2 мая они сели друг против друга, зарядили парабеллумы и приставили их к виску. Военнослужащий "Лейбштандарта" Рохус Миш, пожалуй, последний из охранников фюрера покинувший бункер, успел заметить лежащие рядом тела этих двух генералов. Судя по количеству спиртного, выпитого ими накануне, самоубийство, видимо, не стало для них слишком болезненным шагом. Вместе с двумя высшими офицерами застрелился и начальник охраны рейхсканцелярии капитан Шедле. Убежать вместе с Борманом он просто не мог, поскольку был ранен в ногу. В тот момент, когда Миш выходил во двор, в бункере не оставалось никого, кроме раненых, докторов и медсестер.

К свидетельствам о драматическом штурме рейхсканцелярии в это утро следует относиться довольно скептически. Ясно, что

советское командование было напугано возможностью сильного немецкого сопротивления в бункере, поскольку незадолго до этого из него пытались прорваться эсэсовцы под командованием Монке и Крукенберга. К дверям рейхсканцелярии даже подвели крупнокалиберную гаубицу, чтобы открыть путь советским солдатам в подземные коридоры. В целом командование Красной Армии хотело представить дело таким образом, что штурм резиденции фюрера можно было сравнить со штурмом рейхстага. Офицер политотдела 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии генерала Берзарина, майор Анна Никулина, водрузила красное знамя на крыше рейхсканцелярии, тогда как сержант Горбачев и рядовой Бондарев повесили красное полотнище над ее дверями[893].

Из всех групп, которые покинули бункер предыдущей ночью, только первая из них, возглавляемая бригаденфюрером Монке, сумела сохраниться к утру в качестве боевой единицы. Кроме самого Монке, в нее входили также личный пилот Гитлера Ганс Баур, сотрудник его охраны Ганс Раттенхубер, секретарши и диетолог фюрера Констанция Манзиали[894]. Ранним утром 2 мая эти беглецы были вынуждены спрятаться в одном из подвалов на Шёнхаузераллее, поскольку всю близлежащую округу заполнили советские солдаты. До середины дня им удавалось оставаться незамеченными, но вскоре их укрытие обнаружили. Сопротивляться было бесполезно. Мужчин немедленно арестовали, но женщинам позволили уйти.

Траудл Юнге и Герда Кристиан не вызвали внимания у советских бойцов, тогда как яркая уроженка Тироля Констанция Манзиали была немедленно отведена ими в сторону. Согласно одному из свидетельств, она попала в руки громадного советского солдата, который использовал ее со своими товарищами в качестве боевого трофея. Никто не знает, что произошло с Констанцией потом. Возможно, она раздавила во рту ампулу с цианидом, которую незадолго до этого ей подарил сам Гитлер. В любом случае ее уже больше никто не видел. Однако Траудл Юнге и Герде Кристиан удалось в конце концов добраться до Эльбы.

Многие германские солдаты и офицеры провели последнюю ночь на свободе в пивных заведениях. Капитан Финклер из 9-й парашютной дивизии встретил в пивной на Принцлауерберг своего полкового командира. Поскольку целых бокалов там уже не было, им пришлось по очереди прикладываться к горлышку бутылки. В пивной на Шультхайс молодой зенитчик спросил своих собутыльников, почему он постоянно слышит какие-то выстрелы. "Час настал, — сказал один из его товарищей. —

Эсэсовцы начали стреляться. Тебя это волнует?"[895] В пивных было много иностранных добровольцев из войск СС.

В одной из пивных захватили в плен адъютанта Гитлера по войскам СС Отто Гюнше[896]. Его самого, равно как Монке, Раттенхубера и других эсэсовцев, немедленно доставили для допроса в управление контрразведки СМЕРШ. Сталин желал знать достоверно, что на самом деле произошло с Гитлером и не мог ли он убежать.

Принятое 29 апреля решение послать к рейхсканцелярии сотрудников отдела СМЕРШ 3-й ударной армии (в то время как этот объект, очевидно, лежал в зоне ответственности 5-й ударной армии) могло быть принято только на самом высшем уровне. В любом случае Берия и Абакумов не только не поставили в известность об этом решении маршала Жукова, но и отодвинули в сторону генерала Серова, представителя НКВД на 1-м Белорусском фронте. Серов считался конкурентом Абакумова.

Группа офицеров СМЕРШа, которая имела собственные радиостанции, возможно, прослушивала переговоры командиров 5-й ударной армии. Является фактом, что контрразведчики прибыли к рейхсканцелярии спустя всего несколько минут после сообщения о штурме объекта. Генерал Берзарин обещал "Золотую Звезду" Героя Советского Союза тому военнослужащему, который обнаружит тело Гитлера. Поэтому солдаты и офицеры его армии были сильно раздосадованы, когда к бункеру подъехала группа СМЕРШ и приказала всем им немедленно удалиться прочь[897]. На месте осталось лишь внешнее кольцо оцепления, состоящее из подразделений 5-й ударной армии. Еще большее недовольство берзаринских подчиненных вызвал тот факт, что саперы, вызванные контрразведчиками, были также не из их армии, а из 3-й ударной. Им предстояло проверить бункер на предмет нахождения в нем мин.

Капитан Шота Сулханишвили, который как раз и командовал этими саперами, был отнюдь не рад представившейся ему возможности работать бок о бок с офицерами СМЕРШа. Капитан вспоминал, что он и его товарищи старались всегда держаться подальше от этих людей. Они боялись их[898]. Но сами контрразведчики боялись подорваться на минах и терпеливо ждали, когда закончится проверка помещений. На самом деле единственными взрывоопасными предметами, обнаруженными подразделением Сулханишвили, являлись связки фаустпатронов. Саперы также наткнулись на большие запасы шампанских вин и оранжевых брикетов хлеба, завернутых в целлофан. Сулханишвили, участнику боев на Волге, сразу припомнился закаменевший сталинградский хлеб, который невозможно было

разрубить даже топором. Во дворе канцелярии его подчиненные увидели также два съежившихся тела, чем-то похожих на мертвых щенков[899]. Закончившим свою работу саперам приказали быстро удалиться. Офицеры СМЕРШа быстро идентифицировали один из трупов как тело Геббельса. В этом им помогли ботинки погибшего и форма его головы, которая не могла остаться не замеченной для советских карикатуристов. Рядом с министром пропаганды лежала его жена Магда, у которой были обнаружены золотой портсигар и значок нацистской партии, подаренные Гитлером[900].

Группа контрразведчиков находилась под непосредственным контролем генерал-лейтенанта Александра Анатольевича Вадиса, начальника управления СМЕРШа при 1-м Белорусском фронте. Его главной заботой теперь был поиск тела самого Гитлера. Давление из Москвы все возрастало. В это же утро в газете "Правда" вышла заметка, в которой говорилось о том, что заявление о смерти фюрера представляет собой очередной нацистский трюк. Можно вполне уверенно говорить, что эта заметка была инициирована самим Сталиным или по крайне мере вышла с его одобрения. Судьба Гитлера приобрела теперь огромное политическое значение. Маршал Жуков, хорошо знавший, какой большой интерес проявляет Сталин ко всему этому делу, решил в тот же день нанести визит в рейхсканцелярию. Позднее он признался, что его не пустили в бункер[901]. Спустя двадцать лет после войны маршал узнал истинную причину подобного запрета. Но в тот майский день ему просто сообщили, что внизу небезопасно. Кроме того, Жукову сказали, что немцы сожгли

все мертвые тела, но кто это сделал и где это произошло, пока неизвестно[902]. Интересно, что труп Геббельса отнюдь не сгорел, его нашли почти сразу же. Спустя два дня Жукову вновь запретили посетить рейхсканцелярию. Штаб 1-го Белорусского фронта просто информировали, что было найдено тело Геббельса, и на этом все закончилось. Начальник политуправления фронта, генерал Телегин, срочно связался со Ставкой и попросил выслать ответственных экспертов.

Офицеры СМЕРШа внимательно осматривали все помещения бункера, изучали одежду Гитлера и его личные вещи. Тем временем Елена Ржевская работала с найденными внутри документами. Она обнаружила десять толстых тетрадей, которые представляли собой дневник Геббельса, вплоть до июля 1941 года. (Генерал Вадис утверждал, что его нашел именно он.) В какой-то момент она увидела, как Рая, связистка, примеряет на себе вечернее платье Евы Браун. Однако Рая отвергла его как

достаточно неприличное из-за декольте. Молодая девушка оставила себе только пару голубых туфель жены Гитлера.

В подземных помещениях профессор Хаазе и доктор Кунц продолжали ухаживать за немецкими ранеными. Вместе с ними осталась лишь горстка медсестер — в основном это были молодые девушки, ранее находившиеся в составе подразделений гитлерюгенда на Олимпийском стадионе. Со стадиона они были вызваны к отелю "Адлон" для помощи в эвакуации раненых из его подвалов. В конце концов судьба привела их в бункер фюрера. Контрразведчики не стали беспокоить раненых. Одна из медсестер описала поведение советских офицеров как "примерное"[903]. Один из них даже посоветовал им запереть на ночь дверь, поскольку он не может ручаться за своих солдат.

Вскоре контрразведчики начали сортировать пленников. Тех, кого они отбирали для допроса, отвозили в Имперский институт глазных болезней, расположенный на Ораниенштрассе. Однако следователи отказывались верить тем людям, которые подтверждали, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Генерал Вадис посылал в бункер все большее количество людей для работы с документами. Советским офицерам приходилось действовать в довольно тяжелых условиях. Генератор, вырабатывающий электричество, сломался, и читать различные бумаги приходилось при свете мерцающих факелов. Вскоре воздух наполнился едким дымом — вентиляция также вышла из строя,

Ввиду отсутствия результатов Сталин приказал Берии послать в Берлин еще одного генерала НКВД, который должен был представлять Ставку и постоянно докладывать о ведущихся поисках. Даже офицеры из группы СМЕРШ, работавшей в бункере, не знали фамилии нового начальника[904]. Майору Быстрову и его коллегам было приказано зачитывать все свидетельские показания немцев лично перед этим генералом. Прослушав текст очередного документа, он немедленно шел к телефону и связывался с Берией. Степень секретности была настолько жесткой, что Елене Ржевской в конце каждой копии пришлось расписываться в том, что она знает, какие последствия влечет за собой распространение даже самых незначительных сведений из показаний. Все они считались секретом особой государственной важности.

Когда гарнизон башни зоопарка, состоящий из трехсот пятидесяти человек, наконец капитулировал, полковник Галлер[905] отозвал в сторону советского офицера и сказал ему, что внутри спрятались два немецких генерала, ранее имевшие намерение улизнуть из Берлина. К тому моменту, когда на

четвертом этаже здания красноармейцы обнаружили генеральское убежище, один из германских военачальников уже успел застрелиться. Вместе с другими солдатами к его телу подошел и писатель Константин Симонов.

Симонов сумел добраться до Берлина только утром 2 мая. На улицах города все еще были слышны выстрелы из автоматического оружия. Советские бойцы стреляли по зданиям, где засели эсэсовцы, отказывающиеся сдаваться. Симонов считал это сопротивление предсмертными судорогами[906]. Поскольку в зенитной башне зоопарка свет был отключен, поднимавшимся наверх красноармейцам пришлось зажечь факелы. Один из офицеров указал Симонову на небольшое бетонированное помещение. Там с открытыми глазами на красивом и спокойном лице лежал мертвый немецкий генерал, возраст которого не превышал сорока пяти лет. Он был коротко пострижен. В ладони правой руки немец сжимал пистолет, тогда как его левая рука обнимала тело мертвой женщины — молодой жены генерала. Глаза женщины, красивой и очень хорошо одетой, были закрыты. Симонов заметил на ней английскую блузку с короткими рукавами и серую форменную юбку. Сам генерал был одет в рубашку металлического цвета, высокие ботинки и китель, пуговицы которого оказались расстегнуты. Между ногами генерала стояла бутылка из-под шампанского, на три четверти полная. Кончина этого человека являлась, по мнению Симонова, частью конца "бандитской славы бывшей фашистской империи". Писатель также обратил внимание, что человек, который принимал капитуляцию в столице рейха, был генерал Чуйков, именно тот военачальник, который руководил обороной Сталинграда. Казалось, что сама история постаралась сделать все от нее зависящее, чтобы привести армию Чуйкова в Берлин и сделать капитуляцию германских войск особенно символичной.

Простым берлинцам в этот момент было отнюдь не до символов. Они накрывали лица убитых солдат кусками газет или шинелями и стояли в очереди к полевым кухням, развернутым красноармейцами по приказу генерала Берзарина. Тот факт, что в этот самый момент в Средней Азии свирепствовал голод и даже имелись случаи каннибализма[907], не влиял на новую политику советского руководства, призванную завоевать доверие немецкого народа[908]. Но изменения в партийной линии еще не проникли глубоко во все части огромного механизма Красной Армии.

Советские солдаты спускались в подвалы, где лежали раненые немецкие солдаты, внимательно осматривали их и тыкали в грудь стволами от автоматов. "Ты СС?" — спрашивали они. Когда один из красноармейцев подошел к раненому

шведскому добровольцу из дивизии СС "Нордланд", то больно ударил его по животу и задал тот же вопрос. Бедный швед попытался объяснить, что он лишь простой солдат вермахта.

"Да, да. Ты СС!" — повторил красноармеец. Шведский доброволец, который уничтожил все личные документы, включая паспорт и другие бумаги, свидетельствовавшие о том, что он воевал против русских на стороне финнов, смог изобразить на лице слабую улыбку. Тем самым он, видимо, хотел показать, какими нелепыми ему кажутся слова, произнесенные советским бойцом. В конце концов красноармеец сдался, так и не заметив, что раненый, лежавший перед ним, весь покрылся холодным потом. Лишь спустя полгода сотрудники НКВД научились быстро распознавать таких людей. Каждый эсэсовец имел специальную татуировку на внутренней стороне левой руки, обозначавшую его группу крови[909].

На Александерплац и Паризерплац немецкие раненые, накрытые солдатскими одеялами, лежали прямо на улице. Они продолжали оставаться под присмотром медсестер. Чуть к северу от этого района советские орудия продолжали обстреливать группу обреченных эсэсовцев, засевших в здании на берегу Шпрее. Во многих местах города черный дым пожарищ продолжал подниматься к небу. Красноармейцы выгоняли на улицу и строили в шеренги сдающихся военнослужащих вермахта, эсэсовцев, членов гитлерюгенда и фольксштурма. Грязные и оборванные, с черными от копоти лицами немцы появлялись из различных укрытий, подвалов, тоннелей. Советские бойцы кричали им "хэндэ хох!", после чего те бросали на землю оружие и поднимали руки вверх так высоко, как это было возможно. Некоторые гражданские лица бочком подходили к советским офицерам и указывали им на те места, где еще прятались германские солдаты[910].

Василий Гроссман сопровождал генерала Берзарина во время осмотра центра Берлина. Писатель тяжело переступал через многочисленные обломки кирпичей и бетонных строений, интересуясь про себя, как много зданий было разрушено еще до штурма Берлина — американскими и английскими бомбардировщиками. Неожиданно к нему подошли еврейская женщина и ее пожилой муж. Они спросили Гроссмана о судьбе тех евреев, которых нацисты вывезли в неизвестном направлении. После того, как писатель подтвердил их самые страшные подозрения, мужчина разразился слезами.

Немного позднее Гроссман встретил привлекательную немку, которая была одета в длинное пальто, похожее на астраханский халат. Они мило побеседовали. В конце разговора женщина вдруг

поинтересовалась у него: "Вы ведь не еврейский комиссар?"[911]

Немецкие офицеры, которые в самый последний момент стали подписывать документы о демобилизации своих подчиненных, напрасно теряли время. Все лица, которые были задержаны в форме (будь то форма пожарных или железнодорожников), немедленно брались под арест и строились в колонны, идущие на восток.

Все, что окружало Гроссмана в тот момент, производило на него неизгладимое впечатление. Огонь, дым, гигантские колонны военнопленных. На лицах этих людей отпечаталась трагедия, глубоко засевшая в их душах. Чувствовалось, что их мучает не только собственное незавидное положение, но и переживание за жителей разрушенного города. Горе и страх, обрушившиеся на людей, идущих теперь в колоннах, действительно были велики. Оно чувствовалось и во взглядах женщин и детей, смотрящих вслед уходящим мужчинам и подросткам. Гроссман наблюдал за тем, как среди пленных солдат идут полицейские, различные служащие, пожилые люди и почти мальчишки[912]. Многие мужчины шли со своими женами, красивыми молодыми женщинами, некоторые из них улыбались и старались, как могли, приободрить мужей. Один солдат вел с собой двоих детей, девочку и мальчика. Стоящие на обочине дороги люди старались помочь несчастным. Они давали им воду и хлеб. В Тиргартене внимание Гроссмана привлек раненый немецкий военнослужащий, сидящий на скамейке в обнимку с молодой медсестрой. Они ни на кого не смотрели. Весь мир перестал для них существовать. Когда писатель спустя час шел в обратном направлении, эта пара так и продолжала сидеть в том же положении[913].

Этот пасмурный, холодный и дождливый день, по мнению Гроссмана, как нельзя лучше символизировал конец Германии. Конец, происходивший в дыму, среди тлеющих руин и сотен тел, разбросанных на улицах города. Многие из погибших, как он успел заметить, были раздавлены танками, "подобно тюбикам". Его внимание привлекла мертвая пожилая немка, сидевшая на матрасе возле двери, прислонившись головой к стене. На ее лице застыло выражение нескончаемого горя. Но всего в нескольких минутах ходьбы от этого места все русские поражались обязательностью германских "домохозяек". На тех улицах, где уже было спокойно, они расчищали завалы и даже подметали тротуары. Причем делали немки это настолько тщательно, словно убирались в собственной комнате.

Весь день Гроссман ходил по центру Берлина. Возле рейхстага он видел советских солдат, жгущих костры прямо

напротив главного входа, наливающих воду в котелки и открывающих банки с консервами[914].

Пока контрразведчики обыскивали подвалы гитлеровского бункера, Гроссману вместе с другими военными журналистами позволили пройтись по просторным залам рейхсканцелярии. В одном из них он увидел огромный металлический глобус, который был прострелен и свален на пол. В другом помещении молодой темноволосый казак с широкими скулами учился ездить на велосипеде. Гроссман, подобно многим посетителям этого здания, забрал с собой в Москву в качестве сувениров пару найденных там предметов нацистского обихода.

В берлинском зоопарке, рядом с которым шел сильный бой за зенитную башню, глазам Гроссмана предстали разбитые клетки, тела убитых обезьян, тропических птиц и медведей. На острове бабуинов маленькие звереныши прижимали тонкие руки к животам своих матерей. Перед клеткой с убитой гориллой Гроссман встретился с пожилым сотрудником зоопарка, который проработал здесь уже тридцать семь лет. Писатель спросил его, была ли горилла свирепой. Сотрудник покачал головой и ответил, что совсем нет. Она только кричала громко. Люди намного свирепей зверей.

В тот же день Гроссман повстречал на своем пути громадное количество самых разных людей. Освобожденные иностранные рабочие пели песни и в то же время выкрикивали проклятия в адрес пленных немецких солдат. Только во второй половине дня боевые действия в городе окончательно прекратились, и стало понятно, что пришла победа[915]. Спонтанное празднование торжества началось у колонны победы в Тиргартене. Все советские танки покрылись цветами и красными флагами, так что их тяжело даже было различить под этим нарядом. Украшенные цветами стволы пушек и гаубиц походили теперь на деревья, распустившиеся весной. Все плясали, веселились, смеялись. Сотни осветительных ракет взмывали ввысь. Каждый считал своим долгом выстрелить в небо из автомата, винтовки или пистолета[916]. Однако Гроссман впоследствии осознал, что многие из этих праздновавших победителей были на самом деле уже "живыми трупами". Их сгубило пристрастие к спиртным напиткам. Солдаты нашли в железных канистрах какой-то растворитель и приняли его за алкоголь. Те, кто выпил эту жидкость, пребывали в агонии еще по крайней мере три дня.

К юго-западу от Берлина солдаты армии Венка продолжали эвакуировать к Эльбе остатки немецкой 9-й армии и беженцев. Они очень надеялись, что им также удастся попасть на американский берег. В общей сложности на запад двигалось

порядка ста тысяч военнослужащих и примерно столько же мирных жителей. Тем временем советские войска оказывали сильное давление на германские заслоны. Продвижение частей Красной Армии между Хафельбергом и Ратенау грозило отрезать немцам все пути к отступлению.

3 мая до Венка дошла информация об окончательном падении Берлина. Он немедленно издал приказ восстановить в войсках отдание чести по армейского образцу вместо введенного ранее нацистского приветствия. "Все кончено! писал Петер Реттих, командир батальона дивизии "Шарнхорст". — Гитлер мертв, закончив свои дни в рейхсканцелярии. Берлин взят русскими. Государство рухнуло. Все это ужасно, но ничего уже нельзя поделать"[917]. Сам Реттих и остатки его подразделения шли теперь к Эльбе так быстро, как только могли. Когда солдаты проходили через Гентин, они видели канал, в котором плавало огромное количество пустых бутылок из-под шнапса. Военнослужащие частей, двигавшиеся впереди них, видимо, разгромили какой-то винный склад или магазин. "Явный признак разложения!" — отметил Реттих в дневнике.

Генерал Венк издал еще один приказ, который предусматривал отход с боями к Эльбе и оставление на ее восточном берегу небольшого плацдарма. Этот плацдарм должен обороняться до тех пор, пока на американский берег не перейдет последний немецкий военнослужащий или мирный житель. Венк вызвал к себе командира одного из его корпусов, генерала Эдельсхайма, и попросил его начать переговоры со штабом американской 9-й армии. 3 мая Эдельсхайм и офицеры его штаба пересекли реку в районе Тангермюнде на автомобиле-амфибии и вступили в контакт с командиром одной из частей вооруженных сил США. Переговоры о капитуляции начались на следующий день в Штендале[918]. Американский генерал Уильям Симпсон находился в довольно щекотливом положении. Ему нужно было учитывать не только гуманитарный аспект проблемы, но и обязательства Соединенных Штатов перед своим русским союзником, равно как и практические вопросы питания и размещения такой огромной массы людей. Он принял взвешенное решение — пропустить на западный берег раненых и безоружных военнослужащих, но отказать Эдельсхайму в строительстве и восстановлении мостов через Эльбу для организации массовой эвакуации. Симпсон также отказался принимать гражданских лиц. После войны они все равно должны были возвратиться на места своего проживания.

На следующее утро, 5 мая, форсирование Эльбы началось как минимум в трех пунктах: по сильно разрушенному

железнодорожному мосту между Штендалем и Шёнхаузеном, по остаткам автомобильного моста возле Тангермюнде и по переправе у Ферхланда, находившейся десятью километрами южнее. Первыми шли к берегу выжившие военнослужащие 9-й армии. Всех, кто пока оставался на восточном берегу, мучил один и тот же вопрос, сколько времени имеется еще в их распоряжении. Периметр обороны немецкой 12-й армии с каждым часом становился все меньше. Германские части контролировали плацдарм шириной в двадцать пять километров и глубиной восемнадцать километров. Сильный огонь советской артиллерии наносил огромные потери как боевым частям, так и мирным жителям.

Настроения в рядах военнослужащих 12-й армии на тот момент были очень противоречивыми. Конечно, они гордились выпавшей на их долю миссией вызволения из окружения остатков 9-й армии. В то же время они ненавидели Красную Армию, были обозлены на американцев, которые не захотели продвинуться еще дальше, и презирали нацистский режим, который обманул собственный народ. Все эти мысли и чувства крутились в головах солдат, шедших по дороге на Тангермюнде. По ее сторонам еще можно было заметить плакаты, славословившие фюрера[919].

На контрольно-пропускных пунктах американские солдаты тщательно осматривали всех проходящих германских военнослужащих, стараясь определить нет ли среди них эсэсовцев, иностранцев или гражданских лиц. Некоторые американцы отбирали у немцев наручные часы, медали, равно как и личное оружие. В ряде случаев солдаты вермахта отдавали беженцам свои стальные шлемы и шинели, надеясь, что союзники не заметят этот трюк. Но в большинстве случаев американцы быстро распознавали, кто есть кто. В очереди на другой берег стояли не только немцы, но и напуганные до смерти "хиви", рожденные в Советском Союзе. Одетые в германскую униформу, они все еще надеялись избежать советского плена, прекрасно понимая, что их ожидает дома. На начало апреля в составе немецкой 9-й армии было девять тысяч сто тридцать девять "хиви"[920], однако только порядка пяти тысяч из них сумели добраться до Эльбы[921].

До военнослужащих войск СС дошли слухи, что американцы в любом случае собираются отдавать их в руки Красной Армии, поэтому они в спешном порядке сжигали все свои документы и срывали с себя эсэсовские значки. Некоторые из иностранных добровольцев СС выдавали себя за угнанных в рабство рабочих. Бывший зубной врач в госпитале при дивизии СС "Нидерланды"[922] Йоост ван Кетель в первый раз сумел избежать

ареста в лесу в районе Хальбе. "Я не СС, — сказал он красноармейцу. — Я ваш товарищ, я из Голландии". При этом он показал бойцу красно-бело-голубую нашивку на своем кителе. После этого он был отпущен.

Второй раз ван Кетель проделал тот же трюк с американцами в районе Дессау. Однако его немецкий компаньон, шедший вместе с ним, был немедленно схвачен.

Генерал Венк основал свой последний командный пункт в городском парке Шёнхаузена. Когда-то этот парк принадлежал самому Бисмарку. Тот факт, что все должно было закончиться именно здесь, заставлял задуматься об иронии судьбы. Хорошо известно, что Бисмарк предупреждал, что Германия любой ценой должна избегать войны с Россией, К 6 мая плацдарм на восточном берегу Эльбы сузился до шести километров в ширину и двух километров в глубину. У подразделений, которые еще оставались на боевых позициях, заканчивались последние боеприпасы. Советские танки, артиллерия, "катюши" держали очереди к переправе под постоянным прицелом. Мирные жители и солдаты вермахта гибли тысячами. Все теперь зависело от простого "солдатского счастья". Никому не хотелось умирать в самые последние дни войны. Неослабевающее давление на плацдарм со стороны советских войск не только затруднило работу американских контрольно-пропускных пунктов, но и сделало ее чрезвычайно опасной. Американское командование, опасаясь за жизни своих солдат, приказало отвести их на другой берег. Казалось, что этого немцы только и ждали. Теперь они могли пересекать реку там, где только возможно.

Начальник штаба армии Венка, полковник Райхельм, отмечал, что лишь немногие люди сочли нужным покончить жизнь самоубийством[923]. Они застрелились на восточном берегу Эльбы. Остальные пытались всеми силами пересечь широкий и быстрый водный поток, используя в качестве переправочных средств все доступные предметы — бревна, связанные пустые канистры и т. п. Откуда-то появлялись небольшие лодки, байдарки, ялики. "Самой большой проблемой, — вспоминал он, — являлось то, что по крайней мере один человек должен был возвратить лодку назад. Но среди бегущих немцев находилось очень мало таких добровольцев"[924]. Американцы, встречавшие немцев на западном берегу Эльбы, старались отправить их назад, но остановить всех оказалось практически невозможно. Генерал фон Эдельсхайм утверждал, что американское командование отдало своим войскам приказ стрелять по немецким лодкам, перевозившим беженцев, однако эти сведения являются непроверенными. Сильные люди плыли вперед, держа в зубах

телефонный провод. Выбравшись на берег, они привязывали один его конец к дереву. Более слабые люди пересекали затем реку, следуя вдоль этой самодельной переправы. Однако провод часто лопался, и людей уносило вниз по течению. Число утонувших тогда людей было очень велико, не менее нескольких сотен человек.

Утром 7 мая периметр германской обороны окончательно рухнул. Оставшиеся в 12-й армии несколько орудий выпустили по противнику несколько последних снарядов и были взорваны. "Это стало самым тяжелым моментом для артиллерийских расчетов", — вспоминал Реттих. Несмотря на то что Реттиха шокировал хаос, разразившийся во многих немецких частях, он был горд за солдат из дивизии "Шарнхорст", "возможно, последней боеспособной единицы вермахта на севере Германии". В самый последний момент перед приходом русских войск германские военнослужащие уничтожали автомашины, которые могли быть еще использованы врагом, Сам Реттих облил бензином свою "татру", отошел в сторону и бросил в нее гранату, По берегу в этот момент носились сотни брошенных лошадей. Один из солдат попытался заставить их войти в воду, но у него ничего не получилось. Это было ужасное зрелище.

У моста Шёнхаузен Реттих собрал своих оставшихся людей и произнес перед ними прощальную речь. Он вспомнил о том долгом пути, который им вместе пришлось пройти, напомнил подчиненным о громких победах и горьких поражениях. Перед тем как начать свой последний марш, солдаты прокричали дружное "Зиг Хайль!" Германии. Идя по мосту на западный берег Эльбы, они бросали в мутную воду оружие, патроны, бинокли и другую амуницию.

В тот же день генерал Венк также пересек Эльбу в районе Шёнхаузена. Он и его штаб откладывали этот момент до последнего. Дело дошло до того, что советские войска обстреляли их лодку, плывущую к американскому берегу, ранив двоих унтер-офицеров (одного из них смертельно).

* * *

Тем временем в Берлине продолжались поиски тела Гитлера, правда, пока безрезультатно. Трупы шестерых детей Геббельса были обнаружены только 3 мая. Их нашли под одеялом на своих койках. Яд покрыл лица детей темноватым румянцем, поэтому могло показаться, что они вовсе не погибли, а просто заснули крепким сном. Для идентификации тел контрразведчики привели вице-адмирала Босса, адъютанта Гитлера по военно-морскому флоту. Босса, по-видимому, глубоко травмировало представшее перед ним зрелище.

В момент посещения рейхсканцелярии генералами 1-го Белорусского фронта там было найдено тело мертвого человека, имевшего усы и челку, чрезвычайно похожие на гитлеровские. Однако радость оказалась преждевременной. Дело в том, что у этого человека были рваные носки. Все эксперты согласились с тем, что носки фюрера не могли быть доведены до такого состояния. Сталин, кстати говоря, был чрезвычайно разозлен, услышав, что тело Геббельса видели простые солдаты. Виновные в этом офицеры были наказаны.

Переводчица Елена Ржевская, давшая подписку о неразглашении тайны местонахождения тела Гитлера, отмечала, что сталинская система нуждалась как во внешних, так и во внутренних врагах[925]. Этот дуализм мог быть использован для доказательства существования некоего антисоветского заговора. Даже когда тело Гитлера на следующий день действительно нашли, из Кремля последовал строгий приказ, категорически запрещавший передавать кому-либо эти сведения. Стратегия Сталина была достаточно очевидна: обвинив союзников в том, что они спрятали Гитлера, ассоциировать Запад с нацистским режимом. На высшем уровне уже циркулировали слухи, что фюрер мог скрыться через тоннель или улететь в последний момент вместе с Ханной Райч и теперь прятался в американской оккупационной зоне в Баварии. Несомненно, что эти слухи являлись частью так называемой черной пропаганды, которая была основана на подозрении Сталина в том, что союзники не прочь вступить в контакт с нацистами за его спиной.

5 мая тела Гитлера и Евы Браун наконец-то нашли. Это был пасмурный и дождливый день. Накануне поступил приказ вновь и еще более тщательно обыскать сад рейхсканцелярии. Один из советских военнослужащих обратил внимание на край солдатского одеяла, выглядывавший из глубины обожженной воронки. Когда он и его товарищи копнули поглубже, то обнаружили два обгоревших трупа. В той же воронке были найдены взрослая собака и щенок. Генерала Вадиса немедленно информировали об этой находке.

Завернув останки Гитлера и его жены в простое покрывало, капитан Дерябин и его водитель еще до рассвета следующего дня провезли их мимо кордона армии генерала Берзарина на базу СМЕРШ в Бухе, на северо-восточных окраинах Берлина. Там же, в небольшой клинике, доктор Фауст, полковник Краевский и другие патологоанатомы (ранее приглашенные для вскрытия тела Геббельса) приступили к изучению самых важных останков "третьего рейха". Как свидетельствовала Елена Ржевская, эксперты были чрезвычайно раздосадованы, когда им приказали сохранять

все подробности вскрытия в абсолютном секрете. Остается вопросом, знал ли Телегин об обнаружении тела Гитлера. Позднее он был арестован Берией, правда, совсем по другому обвинению. Но ни Берзарина, ни самого Жукова не поставили в известность. Два десятилетия спустя, когда прославленный маршал наконец-то узнал все обстоятельства дела, он почувствовал себя глубоко оскорбленным.

Генерал Вадис, перед тем как доложить Сталину и Берии о том, что останки найдены, приказал провести дополнительную проверку. Контрразведчики нашли ассистентку зубного врача Гитлера. Она внимательно осмотрела челюсти трупа и подтвердила, что это именно фюрер. Врач хорошо помнила зубной протез своего пациента. Челюсти были аккуратно отделены от черепа и положены в красный футляр, примерно такой, какой используют для хранения дешевых ювелирных украшений[926]. 7 мая Вадис наконец полностью уверился в том, что труп Гитлера найден. Теперь он мог писать итоговый доклад в Кремль.

Смерть Гитлера, хотя и не означала немедленного прекращения войны в Европе, стала ее последним звонком. 2 мая в Северной Италии и в южных районах Австрии капитулировало около одного миллиона немецких солдат и офицеров. Черчилль намеревался совершить бросок к Фиуму и захватить Триест до того, как к нему подойдут югославские партизаны под командованием Иосипа Броз Тито. Гонку к балтийскому побережью Шлезвиг-Гольштейна выиграла британская 2-я армия, продвинувшаяся к Любеку и Травемюнде. Союзные войска готовились к освобождению Дании. Соединения Рокоссовского, которым путь на полуостров Ютландия теперь был закрыт, занимали Мекленбург. Армии 2-го Белорусского фронта брали пока сравнительно мало военнопленных. К большому негодованию русских, остатки 3-й танковой армии Мантейфеля и 21-й армии генерала Типпельскирха быстрыми темпами отходили на запад, чтобы сдаться британским войскам. Эта массовая капитуляция перед западными союзниками лишала Советский Союз столь необходимой ему рабочей силы, призванной компенсировать разрушения, нанесенные германской агрессией. Незадолго до окончательной победы Эйзенхауэр, не желая еще больше раздражать Кремль, информировал Ставку ВГК, что немецкие войска, включая соединения Шёрнера, являются трофеем русских. Генерал Антонов воспринял это сообщение с большим удовлетворением[927].

Днем 4 мая адмирал фон Фридебург и генерал Кинцель, бывший начальник штаба генерала Хейнрици, прибыли на

командный пункт фельдмаршала Монтгомери в Люнебургской пустоши для того, чтобы подписать условия капитуляции всех германских сил, расположенных в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии. Когда генерал Брэдли встретился с маршалом Коневым 5 мая, он вручил ему детальную карту, на которой была указана диспозиция каждой американской дивизии[928]. Однако в ответ он не получил ничего, за исключением лишь предупреждения о том, что американцы не должны вмешиваться в дела Чехословакии. Подобные сигналы, поступающие с советской стороны, союзники расценивали как недружественные, если не сказать враждебные. Тем временем в Сан-Франциско Молотов сказал шокированному Э. Стеттиниусу, государственному секретарю Соединенных Штатов Америки, что шестнадцать польских представителей, посланные для переговоров с временным польским правительством, контролируемым из Москвы, были арестованы по обвинению в убийстве двухсот военнослужащих Красной Армии.

Войска маршала Конева получили приказ повернуть на юг и двигаться в направлении Праги. В этот момент в чешской столице местные патриоты подняли восстание против частей фельдмаршала Шёрнера. Генерал Власов поддержал восставших, хотя этот шаг уже никак не мог повлиять на его судьбу[929].

Еще 30 апреля Черчилль попросил американцев послать в направлении Праги 3-ю армию генерала Паттона, чтобы захватить город раньше русских. Однако генерал Маршалл отказался это сделать. Вена, Берлин и Прага, все эти ключевые пункты, оказались в руках русских, а вместе с ними и вся Центральная Европа. Даже не проконсультировавшись с союзниками, советские оккупационные власти основали в Австрии временное правительство. 6 мая, после почти трехмесячной блокады, пал Бреслау.

Ранее Власов не думал предавать немцев. Но теперь наступал последний час, и нужно было решаться. Но, чтобы он теперь ни делал, его судьба уже решилась. Начальник политуправления 1-го Белорусского фронта сообщал, что "предателя Родины генерала Власова" захватили военнослужащие 25-го танкового корпуса неподалеку от города Пльзень в Чехословакии 12 мая 1945 года[930]. Обстоятельства захвата были следующими: к одному подполковнику из 25-го танкового корпуса подошел капитан из армии Власова и указал на одиночную машину, двигающуюся по дороге на запад. Он сообщил, что в ней находится генерал Власов. Танкисты немедленно организовали преследование и захватили предателя в плен. Власов, который пытался укрыться в машине под ворохом одеял, по некоторым сведениям, имел при

себе американский паспорт (что, естественно, могло подлить масла в огонь антизападной пропаганды), партийный билет и копию приказа своим войскам, предписывающего сложить оружие и сдаваться Красной Армии. Первоначально Власова доставили в штаб маршала Конева, откуда он уже был переправлен в Москву[931]. В конце концов Власова казнили. Позднее появились данные о том, что перед смертью его долго пытали. 13 и 14 мая порядка двадцати тысяч его людей были захвачены в районе города Пльзень и отправлены в специальные лагеря для допроса офицерами СМЕРШа.

Тем временем к югу от этого места американские войска, продвигавшиеся в восточном и юго-восточном направлении от Мюнхена и проникшие в Тироль, вскоре были остановлены приказом Эйзенхауэра. Французы захватили Брегенц на озере Констанца. Генерал фон Заукен с остатками своей 2-й армии все еще держался в дельте Вислы — на западной оконечности Восточной Пруссии. Несмотря на все бомбардировки и обстрелы, продолжали сопротивление немецкие дивизии, оставленные Гитлером в Курляндии. Военно-морской флот Германии продолжал их эвакуацию, равно как и других немецких частей, прижатых к морю. Однако самое ожесточенное сопротивление наступающим советским войскам обозначилось в районе Праги, где действовали остатки группы армий "Центр" под командованием фельдмаршала Шёрнера.

Ранним утром 7 мая в штабе Эйзенхауэра в Реймсе генерал Йодль по поручению адмирала Дёница и ОКВ подписал условия капитуляции германской армии. С советской стороны подпись под документом поставил генерал Суслопаров, представитель Красной Армии при Верховном командовании союзных экспедиционных войск в Европе[932]. Когда Сталин услышал об этом, он пришел в неистовство. По его мнению, капитуляцию следовало подписать только в Берлине, на глазах у победоносной Красной Армии, вынесшей на своих плечах основную тяжесть войны. Еще больше его разозлило то обстоятельство, что западные союзники собирались объявить о победе уже на следующий день, поскольку невозможно было предотвратить проникновение сведений об этом событии в печать. Неудивительно, что Сталин расценивал такие действия как преждевременные. Несмотря на подписание капитуляции в Реймсе, немецкие войска оказывали сопротивление советским частям в Чехословакии, в дельте Вислы и в Курляндии. Однако 8 мая тысячи лондонцев вышли на улицы города праздновать победу, поскольку Черчилль настаивал на том, чтобы о ней объявили уже в этот день. Сталин согласился на некоторый

компромисс и хотел, чтобы официальное заявление о победе было сделано сразу же после полуночи, 9 мая, после того как будут подписаны условия капитуляции в Берлине.

Советское командование тем не менее не смогло скрыть свершившийся факт перед собственными войсками. Красноармейцы выходили на улицы и радостно стреляли вверх. Офицер 7-го отдела политуправления 47-й армии Кони Вольф, который весь день 8 мая прослушивал радиоэфир, поймал сообщение из Лондона. В нем говорилось о победе союзников в Европе. Вскоре эта информация быстро разлетелась по Берлину. Молодые девушки-военнослужащие стали чистить свою форму, тогда как мужчины устремились на поиски новых порций алкоголя. Коллеги-контрразведчики пригласили на праздничный ужин и Елену Ржевскую. Ей пришлось провести довольно тяжелый вечер. Поскольку Елена отвечала головой за гитлеровские челюсти, она одной рукой разливала в кружки алкогольные напитки, а другой крепко сжимала особо ценный красный футляр. В сложившихся обстоятельствах эта предосторожность отнюдь не являлась излишней.

Для тех же советских солдат, которые вели боевые действия против немцев до самого последнего момента, весть о победе была еще более радостной. Части Красной Армии, наступавшие на оборонительный периметр 12-й германской армии у Шёнхаузена на Эльбе, продолжали нести большие потери. Во время атаки на позиции дивизии "Шарнхорст" 5 мая батальон Юрия Грибова потерял почти половину бойцов. Его полковой командир, Герой Советского Союза, погиб двумя днями позднее. Но вечером 8 мая огонь наконец-то был прекращен. Советских солдат вывели на широкую лесную поляну для торжественного построения. Они не дали своему командиру дивизии докончить праздничную речь. Бойцы взметнули в небо винтовки и автоматы и салютовали в честь победы[933]. Свидетели этого события вспоминали, что в тот момент их сердца наполнились счастьем, а из глаз струились слезы. Радость была неотделима от печали. Первый тост звучал за победу, второй — за погибших друзей[934].

Писатель Константин Симонов стал свидетелем последней драмы, произошедшей в Берлине. Утром 8 мая он находился на аэродроме Темпельхоф, уже очищенном от немецких самолетов. Рядом выстроился почетный караул, состоявший из трехсот солдат. Маленький и толстый полковник[935] постоянно подходил к бойцам и проверял их строевую выправку. На аэродроме появился заместитель Жукова генерал Соколовский. Вскоре на посадочную полосу приземлился первый самолет. Из него с целой группой сопровождающих дипломатов вышел Андрей Вышинский

— бывший прокурор на показательных процессах 1930-х годов, а теперь заместитель наркома иностранных дел СССР. Ему предстояло стать политическим советником Жукова.

Через полтора часа совершил посадку второй самолет, который доставил в Берлин главного маршала авиации Теддера, заместителя генерала Эйзенхауэра, и генерала Карла Спаатса, командующего военно-воздушными силами США в Европе. Как отмечал Симонов, Теддер представлял собой стройного молодого и динамичного офицера, который часто и, видимо, неискренне улыбался. Соколовский поспешил им навстречу, для того чтобы провести почетных гостей перед строем почетного караула.

С трапа третьего самолета сошли на землю Кейтель, адмирал Фридебург и генерал Штумпф, представлявший люфтваффе. Теперь настала очередь поторопиться генералу Серову, который взял под опеку немецких военачальников. Он провел их в стороне от почетного караула, опасаясь, что советские бойцы могут отдать честь и этим представителям поверженного врага. Впереди всех шел Кейтель. Он был при полном параде, с маршальским жезлом в правой руке. Кейтель шел широкими шагами, не оглядываясь по сторонам.

Тем временем на улицах города молодые советские регулировщицы в беретах и с автоматами за плечами стояли на дороге, ведущей в новую штаб-квартиру Жукова в Карлсхорсте. Они останавливали весь случайный транспорт и пропускали вперед автомобили, везущие важное начальство. Конвой штабных автомашин поднял на дороге большое облако пыли. В этот момент Симонов пытался представить себе, что чувствуют немцы, наблюдавшие за своими генералами, едущими подписывать условия безоговорочной капитуляции.

Незадолго до полуночи представители союзных армий появились в зале двухэтажного здания, которое раньше являлось столовой военно-инженерной школы в Карлсхорсте[936]. Несколько советских генералов, включая командующего 2-й гвардейской танковой армией Богданова, по ошибке сели за стол, предназначенный для германской делегации. К ним незаметно подошел штабной офицер и что-то тихо прошептал на ухо. Генералы подпрыгнули со стульев как ужаленные и пересели за другой стол[937]. Западные журналисты и кинооператоры вели себя словно сумасшедшие. В борьбе за наиболее выгодную позицию перед главным столом, украшенным четырьмя союзными флагами, они чуть ли не отодвигали генералов в сторону. Наконец появился маршал Жуков. Теддер устроился по его правую руку, а генералы Спаатс и де Латр де Тассиньи — по левую.

В зал пригласили немецкую делегацию. Фридебург и Штумпф выглядели достаточно спокойно, тогда как Кейтель старался держаться высокомерно. Время от времени он презрительно смотрел в сторону Жукова. Симонов догадывался, что в этот момент его душа была объята пламенем гнева. Жуков также успел заметить, что лицо Кейтеля стало красным. На стол представителей союзников положили документ о капитуляции. В нем по очереди поставили подписи Жуков, Теддер, Спаатс и де Латр де Тассиньи. Кейтель сидел в своем кресле прямо, сжав пальцы в кулак. Его голова поднималась все выше и выше. Прямо за ним стоял штабной немецкий офицер, на глазах которого выступили слезы, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

Жуков встал с места и пригласил подписать акт о капитуляции германскую делегацию. Маршал говорил по-русски, и переводчик начал было переводить его слова для немцев. Но в этот момент Кейтель прервал его, показав, что понимает, о чем идет речь, и попросил, чтобы все бумаги принесли на его стол. Однако Жуков показал рукой на край своего стола.

Переводчика он попросил объяснить немцам, что от них требуется.

Кейтель поднялся и пошел в направлении союзных представителей. Показным жестом он снял с ладони перчатку и взялся за перо. Кейтель совершенно не догадывался, что старший советский офицер, стоявший за его спиной и наблюдавший за тем, как он подписывает документ, был не кто иной, как сотрудник Берии генерал Серов. Выполнив свою часть процедуры, Кейтель вновь надел перчатку и возвратился на место. Вслед за ним акт о капитуляции подписали Штумпф и Фридебург.

Жуков объявил, что теперь германская делегация может покинуть зал. Три немца поднялись из-за стола. Кейтель поднял вверх свой маршальский жезл и салютовал им. Затем он круто развернулся и вышел прочь.

Как только за германской делегацией закрылась дверь, все собравшиеся в зале как будто разом с облегчением вздохнули. Напряжение испарилось. Жуков весело улыбался, то же самое делал и Теддер. Все начали говорить и пожимать друг другу руки. Советские офицеры крепко обнимались. Веселье продолжалось почти до самого утра. Сам Жуков пустился в пляс под аплодисменты своих генералов. Снаружи доносилась громкая ружейная канонада — солдаты и офицеры расстреливали свой последний боезапас в ночное небо. Война закончилась.

Глава двадцать седьмая
Vae Victis[938]!

По мнению Сталина, захват Берлина стал закономерной наградой Советскому Союзу за все жертвы, которые он понес в войне. Но "урожай" трофеев, который удалось там собрать, вызывал глубокое чувство разочарования. Более того, сами трофеи расточались без всякой пользы. Главной целью для НКВД был берлинский Рейхсбанк. Серов подсчитал, что к моменту его захвата Красной Армией там хранилось две тысячи триста восемьдесят девять килограммов золота, двенадцать тонн серебряных монет и миллионные сбережения в денежных единицах многих стран, находившихся под оккупацией держав оси[939]. Тем не менее основная часть нацистского золота была переправлена в западном направлении. Позднее Серов был обвинен в том, что определенную часть "урожая" пустил для операционных нужд НКВД.

Перед оккупационными властями стояла задача как можно быстрее переместить из Германии в СССР все важнейшие исследовательские центры, цеха и предприятия, оказавшиеся в советской зоне оккупации. Даже НКВД в Москве предоставило свой список оборудования, необходимого для подопечных его наркомату лабораторий[940]. Наибольшим приоритетом пользовалась советская атомная программа, "Операция Бородино". Однако значительные усилия были сделаны и для того, чтобы перевести в СССР немецких ученых, занимавшихся разработкой ракет Фау-2, инженеров с заводов "Сименса" и других ведущих технологов, которые могли бы помочь советской военной индустрии догнать американские аналоги[941]. Лишь немногие немецкие ученые, среди которых были профессор Юнг и его помощники (отказавшиеся помогать Москве в разработке новых образцов нервно-паралитического газа), нашли в себе силы сопротивляться нажиму НКВД. Большинство остальных согласилось поделиться имевшимися у них знаниями в обмен на возможность существовать в СССР в сравнительно комфортных для себя и членов своих семей условиях.

Однако научное оборудование оказалось не таким сговорчивым, как его создатели. Большинство приборов и станков, привезенных в Москву, так и осталось невостребованным по причине того, что работа с ними нуждалась еще и в соответствующей технологической подготовке местных инженеров. По признанию одного из советских ученых,

мобилизованного на работу по снятию оборудования с берлинских предприятий, социалистическая система была не способна переварить все, что оказалось в ее руках, несмотря на то что в распоряжение СССР попала практически вся технологическая инфраструктура другого государства[942].

Большая часть работы по снятию оборудования протекала в хаосе. Этот процесс угрожал и самим советским солдатам. Военнослужащие, которые натыкались на запасы метилового спирта, не только пробовали его сами, но и делились с товарищами. Содержимое мастерских выносилось на улицу рабочими бригадами, состоящими в основном из немецких женщин, и оставлялось на открытом воздухе. В результате этого оно быстро ржавело. Когда же оборудование наконец переправлялось в Советский Союз, то найти там ему применение было достаточно тяжело. Сталинские надежды на успех индустриальной экспроприации оказались тщетными. В общем и целом отношение Красной Армии к германской собственности оказалось совершенно нерациональным. Бывшие французские военнопленные были чрезвычайно удивлены тому, как красноармейцы "систематически разрушали промышленное оборудование, которое при надлежащем ремонте могло бы еще принести много пользы"[943]. Очень много ценного и полезного было навсегда потеряно в советской зоне оккупации Германии[944].

Разграбление личного имущества немецких граждан продолжалось практически с той же интенсивностью, с какой оно происходило в Восточной Пруссии. Однако грабеж стал приобретать несколько экзотические формы. Советские генералы вели себя словно восточные паши, Василий Гроссман имел возможность наблюдать за одним корпусным командиром из армии Чуйкова в самые последние дни сражения. По его свидетельству, этого генерала постоянно сопровождали два адъютанта, а также попугай и павлин[945]. В своем блокноте Гроссман записал, что на командном пункте генерала было всегда весело.

Самые роскошные предметы доставались, естественно, генералам. Их подчиненные считали за честь отобрать в захваченном дворце или усадьбе какой-нибудь подарок для своего непосредственного начальства. Так, Жукову была вручена пара охотничьих ружей "Holland & Holland"[946]. Позднее именно они фигурировали в документах, подготовленных Абакумовым для дискредитации маршала. Причем в них число этих ружей было уже завышено до двадцати единиц. Несомненно, все это дело могло быть инициировано только с согласия самого

Сталина.

Простые красноармейцы также не теряли времени зря. Военнослужащие женского пола старались захватить с собой домой что-нибудь из приданого немецких "Гретхен". Они все еще не теряли надежды выйти замуж в стране, где существовал острый недостаток мужчин. Женатые солдаты занимались сбором одежды для своих родных, при этом также осматривая сундуки различных "фрау". Следует отметить, что подобного рода подарки вызывали у них дома нездоровую ревность. Многие жены фронтовиков были убеждены, что немецкие женщины соблазняли в Германии их дорогих мужей.

Однако внимание большинства военнослужащих сконцентрировалось на предметах, которые могли пригодиться для ремонта и восстановления домашнего хозяйства. Их нисколько не смущал тот факт, что вес таких вещей намного превышал установленный лимит для посылок в пять килограммов. Один из советских офицеров рассказывал писателю Симонову, что его подчиненные вынимали из зданий оконные рамы, перекладывали их деревянными рейками, оборачивали проволокой и в таком виде посылали на родину. Ему запомнилась сцена, происходившая на пункте приема солдатских посылок. Один из бойцов долго уговаривал почтальона взять его превышающую стандартные размеры посылку. На все возражения у него был один железный аргумент — немцы разрушили его дом. Солдат кричал, что если почтальон не отправит его посылку, то зачем он вообще тогда здесь нужен[947].

Многие приносили на почту мешки с гвоздями. Кто-то принес даже пилу, свернутую в кольцо. Работник приемного пункта сказал этому бойцу, что тот мог хотя бы ее во что-нибудь завернуть. Солдат без лишних рассуждений отметил, что на это у него не было времени, он только что прибыл с передовой. На вопрос, куда же ее следует посылать, боец указал на пилу и сказал, что там все написано. Адрес был вычерчен им прямо на зубчатом лезвии.

Другой солдат, подкупив немецкую женщину с помощью куска хлеба, заставил ее обшивать простыней свои награбленные трофеи. Таким образом его посылки приобрели привычный всем вид. Считалось делом чести послать домой, для родных или друзей, такие предметы обихода, как шляпы или часы. Мания обладания ручными часами вела к тому, что у многих военнослужащих их накопилось уже по нескольку штук. Часто солдаты носили часы на обеих руках, причем одни указывали берлинское, а другие — московское время. Даже после капитуляции Германии советские бойцы продолжали тыкать

прикладами в животы простых немцев и жестко требовать "Ур, ур!" (часы, часы!). В свою очередь немцы старались, как могли, объяснить приставшим к ним русским, что у них нет часов, их давно отняли: "Ур шён камерад" (часы уже у товарища)[948].

В Берлине объявились и русские подростки, многим из которых было всего по двенадцать лет. Они также надеялись здесь чем-то поживиться. Когда двоих из них поймали, то те признались, что приехали в германскую столицу из Вологды[949]. Естественно, что в атмосфере хаоса и неразберихи не растерялись и бывшие подневольные рабочие, ранее угнанные в рейх. Согласно докладу, подготовленному для американского командования, на них лежала большая доля ответственности за происходившие в то время грабежи": "Мужчин в основном интересовали винные подвалы, женщин — магазины для одежды. Но те и другие сметали на своем пути все продовольственные товары, которые оказывались в поле их зрения". Однако в докладе подчеркивалось, что "многие грабежи, которые приписывались иностранным рабочим, на самом деле совершали сами немцы[950].

Немцы и боялись, и продолжали ненавидеть бывших подневольных рабочих. Они пришли в ужас, когда западные союзники объявили, что в первую очередь будут кормить именно эту категорию людей. "Даже архиепископ Министерский, писал Мёрфи в докладе государственному секретарю США 1 мая, — на примере граждан из Советского Союза выражает свое общее отношение ко всем перемещенным лицам и требует от союзников защитить Германию от этой "низшей категории людей"[951]. Однако несмотря на все тревожные ожидания, подневольные рабочие совершили не так уж много актов насилия. Этот факт можно считать достаточно удивительным, исходя из того, как сами немцы относились к перемещенным лицам в период их нахождения в Германии.

В самом Берлине отношение немцев к русским оказалось совершенно неоднозначным. Берлинцы были озлоблены грабежами и насилием, творящимися над ними, но в то же время у них возникало чувство удивления и благодарности за те усилия, которые Красная Армия предпринимала, чтобы накормить их. Нацистская пропаганда на протяжении долгого времени вдалбливала немцам в голову, что после прихода советских войск они будут постоянно голодать. Генерал Берзарин, который подходил и разговаривал с немцами, стоящими в очереди к русской полевой кухне, вскоре стал для них таким же героем, каким он был для своих собственных солдат. Смерть генерала, произошедшая спустя небольшой промежуток времени в

результате управления мотоциклом в нетрезвом виде, послужила причиной возникновения среди берлинцев слухов о том, что его убили по приказу НКВД.

Немцы были удивлены даже и такими формами оказания им продовольственной помощи, которые нельзя назвать чисто альтруистическими. Зачастую красноармейцы приходили в квартиры берлинцев с каким-нибудь куском сырого мяса и просили их приготовить его для еды в обмен на то, что они поделятся с ними частью готового блюда. Подобно большинству солдат, они хотели "сидеть за столом" в настоящей столовой и в настоящем доме. С собой они всегда приносили алкоголь. Во время еды все должны были пить "за мир". Но после этого уже следовал тост "за женщин".

Пожалуй, самой большой ошибкой германских чиновников в Берлине было то, что перед приходом Красной Армии они не позволили уничтожить все запасы алкогольных напитков. Существовало мнение, что пьяный противник просто не сможет нормально сражаться. Однако, к несчастью для женской половины горожан, алкоголь был именно тем предметом, который прибавлял красноармейцам куража во время осуществления актов насилия. Более того, он давал им возможность с надлежащим размахом отпраздновать конец тяжелейшей войны.

Празднование советскими солдатами победы над врагом отнюдь не означало, что простые немцы могут вздохнуть свободней и расслабиться. Для многих красноармейцев изнасилование берлинских женщин стало неотъемлемым продолжением радостного веселья. Молодой советский инженер, занимавшийся любовью с одной восемнадцатилетней немкой, услышал от нее рассказ о том, как в ночь на 1 мая офицер Красной Армии изнасиловал ее. При этом офицер засунул ей в рот дуло пистолета, вероятно для того, чтобы она и не думала сопротивляться[952].

Немецкие женщины вскоре осознали, что по вечерам, во время так называемых "часов для охоты", на улицах города лучше было не появляться. Матери прятали молодых дочерей по чердакам и подвалам. Сами они отваживались ходить за водой только ранним утром, когда советские солдаты еще отсыпались после ночных пьянок. Будучи пойманными, они зачастую выдавали места, где прятались их соседи, пытаясь тем самым спасти собственных отпрысков[953].

Берлинцы помнят пронзительные крики по ночам, раздававшиеся в домах с выбитыми окнами. По оценкам двух главных берлинских госпиталей, число жертв изнасилованных

советскими солдатами колеблется от девяноста пяти до ста тридцати тысяч человек. Один доктор сделал вывод, что только в Берлине было изнасиловано примерно сто тысяч женщин. Причем около десяти тысяч из них погибло в основном в результате самоубийства. Число смертей по всей Восточной Германии, видимо, намного больше, если принимать во внимание миллион четыреста тысяч изнасилованных в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Представляется, что всего было изнасиловано порядка двух миллионов немецких женщин, многие из которых (если не большинство) перенесли это унижение по нескольку раз[954]. Подруга Урсулы фон Кардорф и советского шпиона Шульце-Бойзена была изнасилована "по очереди двадцатью тремя солдатами"[955]. Позднее, находясь уже в госпитале, она накинула на себя петлю.

Реакция немецких женщин на изнасилование была тем не менее различной. Для многих молодых девушек этот факт стал тяжелейшим психологическим шоком, который всю оставшуюся жизнь оказывал влияние на их поведение. Им было чрезвычайно трудно вступать в нормальные половые отношения с мужчинами. Более пожилые женщины, как правило матери, думали в первую очередь не о себе, а о своих дочерях, поэтому акты насилия не наносили им столь тяжелой душевной травмы. Остальные женщины просто-напросто старались стереть из памяти ужас пережитого. "Я должна была подавить в себе многое, чтобы продолжать жить"[956], - замечала одна немка, отказываясь говорить о своем горьком опыте. Те женщины, которые смогли отделить настоящее от того, что с ними случилось раньше, несомненно, чувствовали себя намного лучше. Некоторые из них даже убедили себя, что все произошедшее было как бы не с ними, а с каким-то другим посторонним телом. "Всю оставшуюся жизнь, — писала одна немка, — такое ощущение позволяло мне избегать слишком частого обращения к страшным воспоминаниям"[957].

Крепкое чувство цинизма также немало помогало берлинцам. "Все — значит, все, — отмечала автор анонимного дневника 4 мая. — Мы постепенно начинаем смотреть на акты насилия с определенной долей юмора, хотя этот юмор достаточно черный"[958]. Берлинцы замечали, что "Иваны" любят охотиться за полными женщинами. Этот факт вызывал у многих скрытое удовлетворение. Те дамы, которые умудрились не потерять в весе за последние полуголодные месяцы, являлись, как правило, женами партийных функционеров и других представителей привилегированных сословий.

По мнению автора дневника, изнасилование стало таким

опытом, который приобрел уже всеобщую коллективную окраску. Поэтому он перестал быть фактом сугубо личного переживания. Женщины не стеснялись говорить об этом между собой. Однако возвратившиеся домой мужчины всеми мерами пытались запретить всякое упоминание о тех вещах, которые творились дома за время их отсутствия. Жены быстро осознали, что откровенный рассказ о том, что им пришлось пережить, причинял мужьям острую боль. Мужчины же, которые в то время находились в городе, взваливали на себя всю тяжесть вины, поскольку не смогли предотвратить насилия. Ганна Герлиц уступила двум пьяным советским солдатам ради спасения жизни мужа, равно как и своей собственной. "Чуть позднее, — писала она, — я постаралась утешить мужа и восстановить его душевные силы. Но он плакал, как ребенок"[959].

Мужчины, которые возвратились домой сразу после войны, либо те, которых быстро отпустили из лагеря для военнопленных, казались эмоционально замороженными и часто совершенно не воспринимали информации о том, что их жены или любовницы стали жертвами изнасилования. Многие немцы, которые находились в лагерях более длительное время, в результате тяжелой работы и недоедания превращались в сексуально неполноценных людей[960]. Представить подобные сцены они были не в состоянии. С другой стороны, Урсула фон Кардорф слышала о том, что один молодой аристократ немедленно прервал все отношения с возлюбленной, когда узнал, что она была изнасилована сразу пятью советскими солдатами[961]. Женщина, автор анонимного дневника, передавала реакцию своего бывшего любовника, который, вернувшись домой, неожиданно узнал все подробности творившегося в их доме кошмара. "Вы превратились в бесстыдных сук! — кричал он. — Все вы стали ими. Я не намерен выслушивать все эти истории. Вы потеряли все свое естество, свое доброе имя!"[962] Когда же женщина дала ему почитать собственный дневник и тот узнал, что ей пришлось пережить за все это время, мужчина посмотрел на свою любовницу так, словно принял окончательное решение. Пару дней спустя он вышел из дома, сказав, что пойдет поищет каких-нибудь продуктов. Больше она его никогда не видела.

Молодая девушка, ее мать и бабушка — все они стали жертвами изнасилования в своем доме, находящемся на окраинах Берлина. Тем не менее они нашли достаточно оригинальную форму успокоения душевного состояния. Женщины сумели убедить самих себя, что, если бы в доме на тот момент находился сам хозяин (погибший на фронте), его, несомненно, застрелили бы русские при попытке защитить их честь[963]. Однако на самом

деле лишь очень немного немецких мужчин проявили в то время мужество, спасая честь своих женщин. Так, скончался от удара бутылкой по голове известный актер Гарри Либке, пытавшийся спрятать в своей комнате молодую девушку. Но этот случай относится скорее к разряду исключений. Автор анонимного дневника, находясь в очереди за водой, услышала потрясающий рассказ соседки. По ее словам, когда русские солдаты вытаскивали эту женщину из подвала, живущий в том же доме мужчина говорил ей: "Иди, иди ради Бога! Ты всем нам создаешь одни только неприятности"[964].

Если кто и пытался защитить немецких женщин от насилия красноармейцев, это были либо их отцы, либо сыновья. Сосед тринадцатилетнего Дитера Заля[965] рассказал в письме о следующем случае. Когда советский солдат стал насиловать мать Дитера прямо на его глазах, тот набросился на русского с кулаками. Но Дитер "ничего не добился, за исключением того, что получил удар в зубы".

Возможно, самым большим мифом советской пропаганды было заявление о том, что германская разведка специально оставила в Берлине много женщин с венерическими заболеваниями, для того чтобы они заражали бойцов и офицеров Красной Армии[966]. Более того, в докладе, подготовленном представителями НКВД, говорилось о специфической активности организации "Вервольф". Подчеркивалось, в частности, что молодые девушки, входившие в состав "Вервольфа", получили от нацистов задание наносить всевозможный вред советским командирам, лишать их способности исполнять свои служебные обязанности[967]. Еще перед самым наступлением на Одере, отмечая увеличение случаев венерических заболеваний среди военнослужащих, командование Красной Армии заявляло, что враг будет использовать любую возможность ослабления и вывода из строя советских войск[968].

Значительное количество немецких женщин вскоре оказались стоящими в очередях к дверям венерических диспансеров. Единственным утешением для них по-прежнему оставался тот факт, что бедствие приобрело всеобщий, коллективный характер. Один доктор, не желая излишнего внимания к своей венерической клинике со стороны советских солдат, вывесил на ее дверях табличку с надписью "Тиф" на русском языке. Пенициллин стал самым ходовым товаром на черном рынке. До невиданных высот взлетело количество совершаемых абортов. Существовали данные (хотя они представляются достаточно преувеличенными), что порядка девяноста процентов забеременевших жертв изнасилований сделали себе аборт.

Многие женщины, все-таки решившие родить ребенка, при выписке не забирали его из госпиталя. Они понимали, что их мужья или любовники никогда не согласятся на присутствие в доме такого новорожденного[969].

Поведение молодых советских офицеров порой может показаться довольно странным. Совершенно непонятно, что больше присутствовало в их отношении к окружающему миру — цинизма или слепого идеализма. Один старший лейтенант совершенно искренне заявлял командиру саперного подразделения, что Красная Армия самая благородная армия во всем мире, что советские солдаты воюют только против вооруженного противника, что независимо от того, где находится боец, он всегда проявляет образцы гуманного отношения к гражданскому населению; грабежи и насилия для него являются абсолютно чуждыми элементами[970].

Действительно, большинство бойцов передовых стрелковых частей демонстрировали намного более крепкую дисциплину, чем военнослужащие танковых или тыловых подразделений. Более того, немецких женщин защищали советские офицеры, которые по национальности были евреями, что выглядело почти как анекдот, если исходить из всей предыдущей политики "третьего рейха". Тем не менее большинство солдат и офицеров Красной Армии не спешили строго выполнять все пункты приказа Ставки ВГК от 20 апреля 1945 года, предписывавшего бойцам лучше относиться к германским гражданам[971]. Кстати говоря, документ подчеркивал, что жестокое обращение с населением провоцирует ожесточенное сопротивление противника.

Один из освобожденных французских военнопленных, находившийся в Берлине, 2 мая подошел к Василию Гроссману. Он откровенно признался, что любит Красную Армию, но именно по этой причине ему больно смотреть, как ее бойцы относятся к немецким девушкам и женщинам. Он отметил, что все это может очень навредить советской пропаганде[972]. Так оно и случилось. Французские коммунисты, находившиеся в своей стране на гребне популярности благодаря победам СССР, ужаснулись, когда до них стала доходить информация о не столь героических делах Красной Армии, совершенных ею в освобожденной Европе. Но прошло еще немало времени, прежде чем выводы из сложившейся ситуации сделали сами советские военачальники и другие ответственные лица.

Многие думают, что грабежи и изнасилования продолжались в Берлине в течение двух недель после его захвата, но это не так. Даже спустя три месяца после победы, 3 августа 1945 года, Жуков был вынужден издать специальный приказ о борьбе с

проявлениями хулиганства, физического насилия и других "скандальных проступков"[973] советских солдат по отношению к немецкому населению. Был выдвинут лозунг "освобождения от фашистской клики". Именно от фашистской, поскольку красноармейцы одинаково плохо обращались со всеми немецкими женщинами, будь то жены нацистов либо германских коммунистов. В приказе подчеркивалось, что такое поведение советских воинов компрометирует их в глазах германских антифашистов. Теперь, когда война закончилась, подобная ситуация просто недопустима — она играет на руку именно тем людям, которые выступают против Красной Армии и советского правительства. Жуков обвинял командиров, которые не следят за подчиненными. В его приказе содержалось требование исключить случаи самовольного оставления военнослужащими своей части. Сержантам и старшинам надлежало проводить утренние и вечерние поверки личного состава. Все солдаты должны были иметь красноармейские книжки. Любые передвижения войск могли совершаться только после получения соответствующего приказа.

Обращает на себя внимание тот факт, что в жуковском приказе говорилось о таких нормах поддержания порядка и дисциплины в войсках, которые являлись совершенно обычными для любой армии западного государства. Западные армии следовали им, даже находясь дома на казарменном положении.

Пресса союзников не стала умалчивать о том, что происходило в это время в советской зоне оккупации Германии. Поэтому Кремль был очень встревожен поднятой западной прессой кампанией и опасался того эффекта, который она может оказать на людей, поддерживающих в различных странах свои национальные коммунистические партии. Заместитель наркома иностранных дел Молотова отмечал, что эта "подлая кампания"[974] имеет целью подорвать престиж Красной Армии и взвалить на нее вину за все то, что происходит в оккупированных странах, на Советский Союз. Друзья СССР по всему миру должны были получить необходимую информацию для ведения контрпропаганды.

Моральные устои людей в то время действительно сильно пошатнулись. Но часто у них просто не было другого выбора. Возвратясь в Берлин, Урсула фон Кардорф имела возможность наблюдать за импровизированной торговлей, развернувшейся возле Бранденбургских ворот. Ей сразу припомнились слова Брехта о том, что является первичным в нашем мире, — вначале люди заботятся о еде, а уж затем о морали[975].

В начале мая Бранденбургские ворота стали основным

центром берлинского черного рынка. Начало ему положили бывшие военнопленные и иностранные рабочие, организовавшие бартер ранее награбленных ими вещей. Урсула фон Кардорф увидела здесь много женщин, торгующих своим телом. Они предлагали себя в обмен на продукты питания либо на сигареты. Один из циников назвал все происходящее — "добро пожаловать в Шанхай". Согласно его наблюдениям, женщины лет тридцати, стоящие на панели, выглядели намного старше своего возраста.

Необходимость найти средства выживания в этом новом для них мире искривляла не только моральные устои немцев. К одной женщине — автору анонимного дневника — подошел молодой советский моряк. Он был настолько молод, что немке казалось: ему еще надо ходить в школу. Матрос попросил ее найти для него приличную и опрятную девушку, которая была бы нежна с ним и имела бы хороший характер. Он мог бы дать ей какие-нибудь продукты питания обычно в этом случае имелись в виду хлеб, мясо и селедка. Писатель Эрнст Юнгер, будучи еще офицером вермахта в оккупированном Париже, не раз замечал по этому поводу, что еда оказывала сильное воздействие на женщин. Это воздействие становилось еще большим, когда женщине необходимо было прокормить своих детей. Так происходило еще во Франции. В Берлине же черный рынок во многом базировался и на "сигаретной валюте"[976]. Кстати говоря, поскольку у солдат американской армии сигарет имелось в изобилии, у них просто не было необходимости совершать акты изнасилования.

В своем чистом виде изнасилования теперь встречались все реже. Можно говорить, что они трансформировались в акты сексуального принуждения. Совсем не нужно было угрожать женщине оружием либо мускулами, когда она в буквальном смысле слова голодала. Можно говорить о начавшемся тогда третьем этапе эволюции насилий в оккупированной Германии[977]. Четвертый этап, последовавший несколько позднее, представлял собой довольно странную форму сожительства советских офицеров с немецкими женщинами. Многие военнослужащие нашли в них замену своим предыдущим "военно-полевым женам". И если ранее настоящие жены офицеров были оскорблены рассказами о существовании института "военно-полевых жен", то теперь, после распространения слухов об "оккупационных женах", их негодование не знало предела. Не могли смотреть на это сквозь пальцы и ответственные чины советского командования. В особое бешенство их привели факты дезертирства некоторых офицеров, пожелавших остаться в Германии вместе со своими немецкими любовницами. Все это происходило как раз в то время, когда уже подходил срок

демобилизации и отправления военнослужащих на родину[978].

Упомянутая женщина — автор анонимного дневника, к которой подошел молодой советский матрос, — спросила у столь культурного русского господина, не могла бы она сама стать для него любовницей (вернее, проституткой). Взамен он мог бы дать ей те самые обещанные для другой девушки продукты и обеспечить ее защиту. Как и большинство своих сослуживцев, оказавшихся в подобной ситуации, молодой человек не стал возражать против предложения получить основы сексуального образования и был даже благодарен ей. Хотя эта немка прекрасно знала, что немецкие мужчины в основном не любят подобный контингент проституток, которые начинают навязывать себя в учителя. Правда жизни состояла в том, что немки желали получить одновременно и еду, и защиту. Выбора особого не имелось — для того чтобы избежать изнасилования, женщинам необходимо было заниматься проституцией. Вся эта ситуация вскоре довела их статус до самой низкой черты, сделала их похожими на примитивных самок.

Урсула фон Кардорф отмечала, что, хотя немецкие женщины оказались более приспособлены к жизни в послевоенной Германии, чем мужчины, завидовать им отнюдь не приходилось. Впереди их ждало еще большее испытание — они должны были оказать моральную поддержку своим мужьям и любимым, возвратившимся домой из плена. Без этой поддержки бывшие солдаты разбитой армии вряд ли смогли бы вернуться к нормальной жизни[979].

Одной из причин, почему Германия воевала так долго и ожесточенно, являлся тот факт, что немцы были убеждены — поражение в войне означает "тотальную катастрофу"[980]. Иными словами, они верили, что их страна будет полностью подчинена другому государству, а все солдаты и офицеры, взятые в плен, проведут остаток жизни в Сибири. Однако когда сопротивление Германии все же было сломлено, а Гитлер покончил жизнь самоубийством, поведение немцев радикальным образом изменилось. Причем оно изменилось настолько, что вызвало удивление даже у русских военнослужащих. Советское командование, ранее ожидавшее от немцев чего-то вроде партизанской войны (подобно той, какая ранее развернулась в СССР), были шокированы вдруг проявившимися в них послушанием и дисциплиной[981]. Серов докладывал Берии, что местное население проявляет безоговорочное повиновение[982]. Один из офицеров армии Чуйкова объяснял это явление довольно просто — укоренившееся в немцах уважение к силе[983]. Однако все было, по-видимому, несколько сложнее. Солдаты Красной

Армии приходили в изумление от того, каким образом немцы создавали коммунистические символы. Они просто беззастенчиво вырезали свастику из нацистских флагов и вывешивали дырявое красное полотнище на улицах. Некоторые берлинцы называли подобное явление "Хайль Сталин!".

Такая покорность германского народа тем не менее не остановила органы СМЕРШ и части НКВД от поисков среди него агентов организации "Вервольф". В начале мая 1945 года каждый полк НКВД арестовывал в день свыше ста человек. Примерно половина этих арестованных немцев передавалась затем в контрразведку. Интересно, что самыми важными помощниками советских офицеров, занимающихся розысками бывших нацистов, были сами нацисты. Возможно, что они старались таким образом заработать себе прощение на будущее, когда взоры контрразведчиков обратятся уже к ним самим. НКВД и СМЕРШ использовали для проверки зданий и помещений специальных розыскных собак. Часто поиски нацистов велись как раз в тех подвалах, в которых совсем недавно от них прятались дезертиры вермахта.

Советское командование очень опасалось, что спрятавшиеся в Берлине нацистские агенты готовят отравление горожан и советских солдат. Они якобы собирались подмешивать яд в бутылки с лимонадом и пивом[984]. От внимания смершевцев не ускользали и дети, игравшие с брошенными фаустпатронами. Контрразведчики наивно подозревали, что те также могут оказаться членами организации "Вервольф", и пытались выбить из них признательные показания. Их опасения, что в городе существует подпольная организация, серьезно возросли, когда на стенах ряда домов были найдены нацистские плакаты, возвещавшие: "Партия продолжает жить!"[985]. Исключительным случаем стал следующий инцидент. В ночь на 20 мая "неизвестное число бандитов"[986] освободило из лагеря НКВД № 10 четыреста шестьдесят шесть заключенных. Майор Кучкин, комендант лагеря, был в тот момент "на банкете". Берия пришел в бешенство. После всех обвинений в отсутствии бдительности именно армейских офицеров подобный случай больно ударил по репутации специальных подразделений. С другой стороны, он являлся исключением из общей атмосферы повиновения германского населения перед советскими властями.

Берлинские женщины всеми силами старались возвратить свою жизнь в нормальное русло. Повсюду в городе можно было встретить так называемых "женщин с мостовых". Берлинки выстраивались в цепи и расчищали улицы от обломков кирпича и булыжника. Мужчин среди них видно не было. Они либо еще

прятались, либо находились в тяжелейшем психологическом состоянии.

Находясь в рабочем отряде, женщины поначалу не получали за свой труд ничего, кроме нескольких картофелин в день. Но все же они не теряли присутствия духа. Более того, продолжали шутить. Каждый район города получал у них новое название. Так, Шарлоттенбург стал "грудой хлама", Штеглиц "пустым местом", Лихтерфельде — "полем с воронками"[987]. По большей части такие названия отражали духовное самочувствие берлинских граждан, их желание спрятать переживания под маской юмора. "Люди живут своей судьбой", — отмечал один молодой немец[988].

Берлинцы выполняли приказ генерала Берзарина о возвращении на свои рабочие места. Здание на Мазуреналлее, где раньше размещался основной офис радио "Гроссдойчер рундфунк", теперь оцепили подразделения НКВД и СМЕРШа[989]. Всем служащим радио было предписано явиться на работу. Те безмерно обрадовались, что ранее им не пришлось разрушать приборы и аппаратуру. Ответственность за весь персонал радио нес контрразведчик майор Попов, которого сопровождали также германские коммунисты. Он не допускал плохого обращения со своими новыми подопечными и, более того, обещал им всяческую защиту. Тем не менее многие женщины, работавшие в здании, были все равно подвергнуты насилию. Это случалось несколько позже, когда они возвращались с работы домой.

Германские коммунисты, возвратившиеся в Берлин из "московской эмиграции", практически раболепствовали перед советскими господами. Да, они оказались на стороне победителя, однако где-то глубоко в их душе все равно кровоточила большая рана. Ее причиной было осознание того факта, что германский рабочий класс не сделал практически ничего для предотвращения нацистского вторжения в Советский Союз летом 1941 года. И их советские начальники также не забывали этого обстоятельства. При каждом удобном случае они напоминали им о несоразмерно большом числе вдруг объявившихся в Германии коммунистов, которые утверждали, что вступили в партию до 1933 года. Русских раздражала такая ситуация. Ведь мало кто из этих партийцев решился поднять оружие против режима. Более того, самый известный акт сопротивления Гитлеру был организован отнюдь не коммунистами, а представителями так называемых "реакционных кругов".

Берия не доверял руководящим лидерам германской коммунистической партии и называл их не иначе как "идиотами" или "карьеристами". Единственным человеком из них, кого он по-настоящему уважал, был ветеран Вильгельм Пик, седовласый

крепыш с круглым носом и квадратной головой. Перед самой отправкой в Германию группу немецких коммунистов пригласили в московский кабинет Пика. Маркус Вольф, позднее ставший шефом восточногерманской разведки, вспоминал, что в то время они (немецкие коммунисты) абсолютно не имели никакого понятия, что им предстоит делать в Германии и будут ли они вообще допущены к управлению страной[990]. "Перед нами, — отмечал он, — была поставлена задача просто поддерживать все мероприятия советских военных властей". Вольф также допускал, что был "достаточно наивным, полагая, что большинство германского народа радо освобождению от нацистского режима и относится к советской армии как к своей освободительнице"[991].

Солнечным весенним днем 27 мая немецкие коммунисты прибыли в Берлин. Советский самолет приземлил их на аэродроме Темпельхоф. Вид разрушенной столицы произвел на немцев шокирующее впечатление. Город лежал в руинах, и было тяжело представить, что его вообще можно будет когда-нибудь восстановить. Оказавшись на родной земле, германские коммунисты испытывали достаточно противоречивые чувства. Для молодых членов группы было и вовсе удивительно слышать на улицах города немецкую речь. Так, Маркус Вольф, который всего две недели назад праздновал вместе со всем советским народом День Победы, вдруг осознал, что тогда, в Москве, он мыслил и чувствовал точно так же, как мыслят и чувствуют именно русские люди. Однако спустя всего несколько дней после прилета в Германию он успел уже наслушаться историй о том, каким образом Красная Армия относится к немецкому гражданскому населению, В своем дневнике от 30 мая он отмечал, что фронтовики производят опустошение страны[992]. "Всех женщин насилуют, писал Вольф. — Ни у кого из берлинцев уже не осталось наручных часов". Пропаганда Геббельса и так нагнала на немцев много страху. "Затем пришла реальность, в результате которой большинство немцев, особенно восточнее Эльбы, оказались очень сильно антисоветски настроенными"[993].

Руководителем группы немецких коммунистов был повсеместно презираемый и ненавидимый Вальтер Ульбрихт, сталинский бюрократ, известный подлыми доносами, в которых он разоблачал своих соперников. Берия называл его подлецом, способным убить родного отца или мать[994]. Вольф хорошо запомнил саксонский акцент и высокий голос этого человека. Он походил на бездушную машину, первой и основной целью которой было следовать в русле советской политики[995]. Ульбрихт откровенно сказал Вольфу, чтобы тот оставил всякую надежду на возвращение в Советский Союз и, соответственно,

мечту о продолжении работы в авиационном конструкторском бюро. Вольф был послан в радиоцентр на Мазуреналлее — радио "Гроссдойчер рундфунк" быстро переименовали в "Берлинер рундфунк", — где ему предстояло заниматься вопросами пропаганды. Вольф стал работником, ответственным за создание программы "Шестая часть земли", в которой в основном рассказывалось об индустриальных достижениях СССР. По приказу генерала Владимира Семенова, представлявшего советское командование, три темы никогда не должны были подниматься в радиопередачах. Эти "три табу" включали в себя "изнасилования, судьбу [немецких] военнопленных и линию Одер — Нейсе"[996]. Последнее означало потерю Германией навсегда земель в Пруссии, Померании и Силезии, которые отходили к Польше.

Несмотря на то что советское командование теперь располагало монопольным правом на ведение радиопропаганды в своей оккупационной зоне Германии, оно тем не менее приказало населению сдать в ближайшую комендатуру все оставшиеся у него беспроводные приемники. Магда Виланд вспоминала, как она уже почти дошла со своим радиоприемником до местной комендатуры, но вдруг увидела стоящих возле нее советских солдат, которые стали осматривать ее сверху донизу. Предвидя, что может произойти впоследствии, Магда просто бросила приемник на землю и со всех ног побежала домой.

Берлинцы действительно могли подумать, что их город оккупировали монгольские орды. Повсюду на улицах горели костры, у которых грелись и где готовили пищу советские солдаты. Мимо них проезжали казаки на небольших лошадях и даже повозки, запряженные верблюдами. Однако термин "монголы" можно отнести больше к последствиям влияния на немцев геббельсовской пропаганды. На сотнях фотографиях, запечатлевших вступление частей Красной Армии в Берлин, можно найти лишь очень небольшое количество солдат, происходивших родом из Средней Азии. Но многие русские военнослужащие к концу войны действительно стали напоминать восточных людей. Постоянное пребывание на свежем воздухе, ветер и солнце делали их кожу грубой, а глаза прищуренными. Кстати говоря, также выглядели британские и французские солдаты в конце Первой мировой войны. Причудливыми казались и сами улицы германской столицы. Дети и подростки играли на сгоревших танках, которые напоминали, скорее, севшие на мель корабли[997]. Но вскоре на их почерневших бортах появились красочные плакаты, призывающие горожан посещать танцевальные классы. Жизнь берлинцев, которая в предыдущие

недели опустилась практически до своей нулевой отметки, постепенно начала возрождаться.

Основной заботой генерала Берзарина было прежде всего наладить нормальное жизнеобеспечение города электричеством, водой и газом-. Большой проблемой оставался вопрос медицинского обслуживания населения. Из имевшихся ранее тридцати трех тысяч госпитальных коек теперь в Берлине оставалось лишь восемь с половиной тысяч. Но наряду с насущными мероприятиями происходили и события, которые можно назвать не иначе как символическими. Раввин, назначенный командованием Красной Армии, провел в пятницу 11 мая первую религиозную службу в Еврейском госпитале на Иранишесштрассе[998]. Для тех евреев, кто долгие годы скрывался от нацистов либо в последний момент был освобожден из заключения, эта служба стала фактом огромной важности.

Более миллиона берлинцев лишились своего крова. Они продолжали жить по подвалам и бомбоубежищам, готовя себе пищу среди развалин домов. Тем не менее женщины всеми силами старались не только накормить своих детей, но и создать для них хоть какой-нибудь уют во временном жилище.

Девяносто пять процентов транспортной системы города было выведено из строя за время боев. Значительная часть тоннелей метро и железнодорожных линий некоторое время оставалась под водой, По этой причине берлинцы просто не имели возможности посещать друзей и родственников, живущих на другом конце города. Добираться до места пешком было очень тяжело — многие граждане продолжали недоедать, и остаток их сил уходил на поиск пропитания. Когда же поезда начали ходить, к ним сразу устремились тысячи жителей. Люди сидели даже на крышах вагонов. Их целью было выбраться из города и попытаться достать какие-нибудь продукты в деревне. Таких людей называли "хомяками". Впервые это прозвище возникло в 1918 году, когда из полуголодного Берлина также отправлялись "экспрессы хомяков"[999].

Однако все беды берлинцев не могли сравниться с тем, что обрушилось на Восточную Пруссию, Померанию и Силезию. Репрессии там не утихали, а, напротив, продолжали возрастать. 5 мая Берия отдал приказ послать в Восточную Пруссию в распоряжение генерал-полковника Аполлонова девять полков НКВД и четыреста оперативных работников СМЕРШа. Перед ними ставилась задача уничтожения всех шпионов, саботажников и других вражеских элементов[1000]. Порядка пятидесяти тысяч врагов к тому времени уже было устранено. Это произошло сразу после вторжения советских войск в Восточную Пруссию в январе

1945 года. К концу мая 1945 года население региона, которое до войны составляло два миллиона двести тысяч человек, уменьшилось до ста девяноста трех тысяч[1001].

Оказавшись первой немецкой землей, куда ступила нога советского солдата, Восточная Пруссия подверглась самому опустошительному разорению. Красноармейцы вымещали на местном населении всю накопившуюся в них ненависть по отношению к Германии. В течение нескольких лет провинция лежала в руинах. Дома были либо сожжены, либо разграблены. Солдаты увозили с собой даже лампочки, хотя в их деревнях еще даже не провели электрический свет. Фермы опустели, Весь находившийся там ранее скот был угнан в СССР. Многие плодородные земли превратились в болота. Однако самые страшные испытания обрушились на самих людей, которые не успели эвакуироваться на запад. Большинство женщин и девушек были организованы в рабочие отряды и отправлены в Советский Союз. Там их бросили на работы по рубке леса, осушению болот, рытью каналов и т. п. Рабочий день продолжался не менее шестнадцати часов[1002]. В течение двух последующих лет более половины из этих людей умерло. Многие из выживших подверглись изнасилованию. Когда в 1947 году эти немцы были возвращены в советскую зону оккупации Германии, им срочно требовалась медицинская помощь, поскольку огромный процент среди них составляли пораженные туберкулезом или венерическими заболеваниями.

Интересно, что в Померании в отличие от других германских земель, оккупированных Красной Армией, остававшееся там немецкое население было настроено к русским гораздо более дружественно. Дело в том, что померанцы с тревогой ожидали того дня, когда их родные места перейдут под контроль Польши. Они приходили в ужас от одной только мысли, какой может быть для них месть со стороны поляков. Еды им, естественно, не хватало. Однако мало кто голодал. Рано пришедшее лето дало населению возможность использовать в качестве питания щавель, крапиву и одуванчики. Мука являлась большим дефицитом, поэтому в нее приходилось подмешивать размельченную кору березы. Невозможно было достать и мыла. В качестве моющего средства немцы научились использовать золу.

Несмотря на то что многие районы Германии, находившиеся в советской зоне оккупации, должны были вскоре перейти под власть поляков, активность органов НКВД в них оказалась не меньшей, а даже большей по сравнению с другими немецкими территориями. По приказу Берии, несомненно получившего до этого указание со стороны Сталина, самые большие репрессивные

мероприятия НКВД должны были быть проведены именно на тех землях Восточной Пруссии, которые отходили к полякам[1003]. И если генерал Серов, ведавший полицейскими вопросами в зоне западнее Одера, получил в свое распоряжение десять полков НКВД, то генерал Селивановский, ответственный за наведение порядка на землях, отходящих Польше, — целых пятнадцать полков. Берия также приказал Селивановскому совместить две должности — представителя НКВД СССР и советника Польского министерства общественной безопасности. Возможно, этот пример стал самым вопиющим нарушением сталинских обещаний в Ялте о том, что СССР желает видеть Польшу сильным, свободным и независимым государством.

Глава двадцать восьмая
Всадник на белом коне

В подсознании победителей незримо присутствовала вина за то, что они остались живы на этой кровавой бойне. Когда эти люди начинали вспоминать, сколько потеряли боевых товарищей, то поневоле начинали задумываться, каким же чудом дожили до конца войны. Фронтовики относились друг к другу как к братьям, но многие из них еще долгое время после прекращения огня не могли нормально спать. Необычная тишина нервировала их. Кроме того, им теперь заново приходилось переживать все случившееся с ними за годы сражений, то есть за то время, когда у них просто не имелось времени спокойно размышлять над жизненной ситуацией.

Не оставалось никаких сомнений, что пережитые годы были не просто самым важным периодом в их собственной жизни, но и во всей мировой истории. Солдаты думали о женах, подругах, о том, какими уважаемыми они станут в послевоенном обществе. Менее радостные размышления посещали в то время головы женщин, одетых в военную форму. Многие из них не испытывали особых надежд найти себе в будущем достойного супруга. Слишком много мужчин полегло на полях сражений. Те женщины, которые успели на фронте забеременеть, понимали, что им придется воспитывать ребенка в одиночестве. Молодая девушка, готовившаяся к увольнению с воинской службы, писала подруге, уже имевшей дочь, что скоро и у нее будет ребенок[1004]. Она пыталась подбодрить ее, говорила, что не стоит так сильно переживать о том, что им придется воспитывать детей без отцов. Многие женщины, возвращавшиеся с фронта домой и имея ребенка на руках, утверждали, что их мужья были убиты в годы войны.

Война стала и уникальным жизненным опытом. После чисток 1937 и 1938 годов для многих военнослужащих она стала настоящим глотком свободы, пусть даже в таких экстремальных условиях бытия. После победы широкое распространение получили надежды на то, что террор в стране больше никогда не повторится. Действительно, фашизм был покорен. Троцкий убит. С западными союзниками заключены необходимые и достойные соглашения. Казалось, что у НКВД просто нет больше оснований продолжать свою параноидальную активность. Но уже в это время некоторые фронтовики стали получать информацию из дома о новых арестах своих друзей. Все это означало, что доносчики

НКВД продолжают действовать, и сотрудники спецслужб, как и раньше, стучатся по утрам в квартиры своих подозреваемых.

Близость смерти во время войны делала людей особенно откровенными. Находясь на передовой, лицом к лицу с противником, они избавились от прежних страхов, основанных на боязни репрессий. Более того, к концу войны их вера в лучшее будущее значительно возросла. Солдаты, призванные из сельскохозяйственных областей, мечтали о том, как, вернувшись домой, они смогут свободно покинуть колхозы. Офицеры, получившие осенью 1942 года полную власть над своими частями и соединениями, которая ранее оспаривалась со стороны комиссаров, полагали, что теперь для советской бюрократии ("номенклатуры") настало время провести в собственных рядах схожие реформы. Примечательно, что во время войны Сталин поддерживал слухи подобного рода, цинично намекая, что такие реформы якобы действительно могут произойти. Однако на самом деле он только и ждал окончания войны, чтобы прекратить всякие разговоры на эту тему.

По мере приближения конца войны органы СМЕРШа и НКВД обращали все более пристальное внимание на поведение и разговоры боевых офицеров Красной Армии. Со своей стороны, политработники не могли простить армии того жестокого оскорбления, которое было нанесено им как раз в период Сталинградской битвы. Большую озабоченность политуправлений вновь вызывали солдатские письма, повествующие о жизненных стандартах в оккупированной Германии и сравнивавшие их с теми, которые имелись в Советском Союзе. Органы СМЕРШа обеспокоились возможностью появления новых "декабристов" среди офицерского корпуса.

Официальные представители власти были хорошо осведомлены о том, какое влияние оказало на русскую армию ее вступление во Францию в 1814 году. Солдаты и командиры тогда также сравнивали жизнь местного населения (французов) с тем, что творилось в самой России. В одном из докладов говорилось, что в то время Франция оказывала прогрессивное влияние на русских людей, поскольку это давало им возможность увидеть, насколько отсталой в культурном отношении являлась их страна, насколько жестоким был царский режим[1005]. Именно этот критический взгляд стал движущей силой для декабристов, совершивших попытку восстания на Сенатской площади в 1825 году. Декабристы первыми осознали необходимость борьбы против царской тирании. Однако в докладе подчеркивалось, что теперь, в 1945 году, существует совершенно иная ситуация. Да, возможно, некоторые частные поместья богаче, чем советские

колхозы. И именно из этого факта несознательные элементы делают вывод о том, что феодальное хозяйство якобы является более прогрессивным, чем социалистическое. Такое представление является абсолютно ложным, и против него необходимо бороться всеми возможными мерами.

Политические работники были также обеспокоены распространившимися среди военнослужащих "антисоветскими высказываниями". Многие солдаты жаловались на то, что на родине к их семьям не относятся с должным вниманием. Один из них утверждал в разговоре с источником, что не верит в улучшение жизни в тыловых районах, поскольку имел случай наблюдать все собственными глазами[1006]. Военнослужащим не нравилось и то, как относятся и к ним самим. Даже в самом конце войны некоторые части были близки к мятежу, узнав об инструкциях, предписывающих раздевать погибших солдат вплоть до нижнего белья. Только офицеры могли быть похоронены при полной форме. Последний факт, кстати, мог служить одной из причин участившихся убийств нелюбимых офицеров своими же собственными подчиненными[1007].

Аресты военнослужащих органами СМЕРШа по политическим причинам в последние месяцы войны и сразу после окончания боевых действий значительно возросли[1008]. Был арестован даже начальник штаба одного из батальонов войск НКВД. Ему инкриминировалось систематическое ведение контрреволюционной пропаганды, клевета на лидеров партии и советского государства, восхваление жизни в Германии и клевета на советскую прессу[1009]. Военный трибунал войск НКВД приговорил его к восьми годам заключения в ГУЛАГе.

Процент арестованных по политическим причинам в 1945 году возрос вдвое по сравнению с 1944 годом. И это учитывая тот факт, что СССР вел активные боевые действия в 1945 году всего четыре с небольшим месяца. В этот победный год не менее чем сто тридцать пять тысяч пятьдесят шесть солдат и офицеров Красной Армии были осуждены военными трибуналами за "контрреволюционные преступления"[1010]. Количество старших офицеров, осужденных в 1945 году за то же преступление Военной коллегией Верховного суда СССР, равняется двумстам семидесяти трем, за 1944 год — всего ста двадцати трем.

Эти цифры отнюдь не учитывают число арестованных органами НКВД бывших военнопленных Красной Армии. 11 мая Сталин издал приказ, чтобы в составе каждого фронта организовали специальные лагеря для проверки бывших военнопленных и насильственно переселенных лиц. Было запланировано организовать сто подобных лагерей, вмещающих

по десять тысяч человек. Бывшим военнопленным предстояло пройти проверку органами НКВД, НКГБ и СМЕРШа[1011]. Из восьмидесяти генералов Красной Армии, захваченных в плен, до Дня Победы дожили всего тридцать семь, одиннадцать из них вскоре были арестованы контрразведчиками и предстали перед трибуналом войск НКВД[1012].

Процесс репатриации советских людей продолжался вплоть до 1 декабря 1946 года. Из пяти с половиной миллионов советских граждан, возвратившихся на родину, миллион восемьсот тридцать три тысячи пятьсот шестьдесят семь являлись бывшими военнопленными. Более полутора миллионов военнослужащих Красной Армии, попавших в свое время в германский плен, после освобождения были направлены либо в лагеря ГУЛАГа (триста тридцать девять тысяч), либо в рабочие батальоны в Сибири и на Крайнем Севере, условия жизни в которых вряд ли оказались лучше. Гражданские лица, насильственным путем угнанные в Германию, рассматривались советским правительством как "потенциальные враги народа" и также находились под неусыпным надзором НКВД. После войны им запрещалось жить в Москве, Ленинграде и Киеве. Под подозрением оставались и члены их семей. Вплоть до 1998 года анкета для поступления на работу в научно-исследовательский институт содержала графу, в которой у претендента на рабочее место спрашивалось, не были ли родственники "во вражеском плену".

Из более чем миллиона восьмисот тысяч выживших советских военнопленных двести семьдесят семь тысяч были отпущены домой, миллион двести тысяч отправлены в армию или рабочие батальоны. К марту 1946 года в рабочих батальонах находилось порядка трехсот тысяч человек. Триста тридцать восемь тысяч человек — как правило, бывшие коллаборационисты и предатели — были переданы специальным органам и заключены в лагеря НКВД. (См.: Война 1941–1945: Факты и документы/Под ред. О.А. Ржешевского, — М., 2001.)

Сталин и его маршалы мало заботились о сохранении жизней своих солдат. Потери всех трех фронтов, вовлеченных в Берлинскую операцию, были очень велики — семьдесят восемь тысяч двести девяносто один погибший и двести семьдесят четыре тысячи сто восемьдесят четыре раненых. Российские историки сегодня признают, что среди причин таких тяжелых потерь было и желание советского командования захватить Берлин раньше союзников, и концентрация на сравнительно небольшом участке сражения большого количества армий, зачастую обстреливавших друг друга.

Отношение официальных советских властей к своим изувеченным ветеранам было абсолютно бессердечным. Счастливчики, получившие протезы, выглядели на них все равно как искалеченные участники Бородинского сражения — те же деревянные и грубые костыли[1013]. Но это было еще не все. Вскоре местные власти больших городов Советского Союза решили, что вид подобных "самоваров" портит вид подчиненных им территорий. Инвалидов хватали и отправляли в провинцию. Многие из них были посланы на Крайний Север, на Белую Землю, как будто они также были узниками ГУЛАГа.

Злость и недовольство советских людей принимали в это лето различные формы. Среди них наиболее ужасными были случаи проявления антисемитизма. Евреи, проживавшие в Средней Азии, вдруг обнаружили, что им угрожает опасность со стороны коренного населения. Нередки были случаи избиения их на рынках и в школах. Местное население кричало евреям, чтобы те подождали еще немного, пока мужчины не возвратятся с фронта. И тогда они убьют всех евреев[1014].

Власти расценивали все эти случаи как проявление простого хулиганства и часто даже не наказывали виновных.

Самый серьезный случай проявления антисемитизма произошел в Киеве. В начале сентября 1945 года два пьяных военнослужащих напали на майора войск НКВД, поскольку тот являлся евреем[1015]. Тем не менее майор сумел вовремя вытащить свой пистолет и застрелить обоих нападавших. Похороны военнослужащих превратились в демонстрацию насилия. Масса людей вышла на улицы и несла гробы на руках. Как нарочно, вскоре на их пути оказался недавно восстановленный еврейский рынок. В тот самый день порядка ста евреев получили телесные травмы — пятеро из них скончались, а еще тридцать шесть были госпитализированы с серьезными ранениями. Все последующие несколько дней в городе сохранялась неспокойная ситуация. Власти Киева были вынуждены даже поставить вокруг рынка постоянную охрану. На этот раз они не могли отделаться объяснением, что в городе произошла простая "хулиганская выходка". Даже членов Центрального комитета и Коммунистической партии Украины назвали "худшими последователями" Геббельса. Но на следующий год "Черная книга" холокоста Гроссмана и Эренбурга была изъята из обращения.

Сегодня невозможно точно определить, насколько глубоко антисемитизм укоренился в самом Сталине и насколько он базировался на его ненависти к Троцкому. Естественно, исходя из того, что и сам Троцкий был интернационалистом, Сталин

полагал, что евреи связаны между собой одной интернациональной сетью, в чем их нельзя не подозревать. Космополитизм в этом смысле подразумевал предательство. Истерия антисемитизма и борьбы с космополитами достигла своего пика в период так называемого "дела врачей", организованного незадолго до смерти Сталина. Несмотря на то что советский лидер был грузином по национальности, он стал к тому времени сродни русскому шовинисту. Подобно другим некоренным вождям, таким как Наполеон или Гитлер, он накинул на себя мантию защитника интересов титульной нации. В своей известной речи по случаю победы, произнесенной на торжественном приеме 24 мая 1945 года, он выделил русский народ среди других национальностей Советского Союза[1016]. Он поблагодарил его "за ясный ум, стойкий характер и терпение". Тем самым Сталин дал и политическую оценку тем народам (проживающим в основном на европейском юге страны), которые были насильственно депортированы в Среднюю Азию. Десятки тысяч представителей этих народов умерли во время ссылки. Однако Сталин в отличие от Гитлера был все же больше политическим практиком, чем расистом.

Поскольку теперь уже ничто не могло умалить достижение русского народа — "русского" триумфа в войне, — партийная линия сосредоточилась на восхвалении одного-единственного человека: "Нашего великого гения и полководца, товарища Сталина", которому страна была обязана своей исторической победой[1017]. Сталин беззастенчиво выставлял собственную фигуру вперед, когда говорилось о победе в какой-нибудь исторической битве, и ни словом не упоминал о себе, когда речь шла о неудачном сражении. Военачальникам всегда приходилось говорить о его выдающейся роли в войне, подчеркивать его мудрость и гениальность. Касаться собственных заслуг генералам было очень опасно.

У Сталина вызывал подозрение любой человек, которого начинали хвалить на Западе. Ему, естественно, не понравилось, когда в американской и британской прессе стали превозносить маршала Жукова. Несмотря на то что советский лидер был напуган возросшей мощью Берии, главной заботой Сталина явилась огромная популярность в войсках его собственного заместителя. Во время визита в СССР генерала Эйзенхауэра Жуков не отставал от него ни на шаг. Маршал даже сопровождал союзного командующего во время перелета в Ленинград, заняв место в персональном самолете Эйзенхауэра. Где бы ни появлялись два полководца, они приветствовались самым торжественным образом. Позднее Эйзенхауэр пригласил Жукова и

его "военно-полевую жену" Лидию З. посетить с визитом Соединенные Штаты. Однако Сталин немедленно вызвал маршала в Москву, что расстроило этот план. Советскому лидеру было совершенно ясно, что Жуков создал абсолютно неформальные отношения с союзным командующим. Жуков прекрасно сознавал, что Берия пытается найти на него компромат. Но ему тяжело было представить в то время, что главная опасность исходит не от этого человека, а от сталинской ревности. В середине июня в Берлине прошла его пресс-конференция перед журналистами. Отвечая на вопрос, относящийся к смерти Гитлера, Жуков был вынужден признать перед всем миром, что тело фюрера еще не найдено и "что стало с ним в дальнейшем, неизвестно"[1018]. Примерно 10 июля Сталин вновь позвонил Жукову и спросил, где находится труп Гитлера. Несомненно, советскому лидеру доставляло удовольствие играть с маршалом подобным образом. Когда спустя двадцать лет Жуков наконец узнал от Елены Ржевской всю правду об обстоятельствах этого дела, он все равно не мог поверить, что таким образом Сталин пытался унизить его. Он настаивал на том, что был очень близок к Сталину. Более того, Сталин якобы спас его от Берии и Абакумова, которые желали устранить маршала. Возможно, что Абакумов, глава СМЕРШа, являлся движущей силой в кампании по дискредитации Жукова, но Сталин хорошо знал, что происходит, и одобрял все действия главы контрразведки[1019].

Тем временем население советской столицы стало называть Жукова не иначе, как "наш Святой Георгий" — Святой Георгий был покровителем Москвы. После девятого мая — дня великой радости и горьких слез — в столице готовились к полномасштабному празднованию победы. На Красной площади намечалось проведение торжественного военного парада. От каждого фронта в нем должны были принять участие по одному сводному полку (равно как и по одному полку от авиации и военно-морского флота). В Москву специально доставили красное знамя, водруженное в мае над рейхстагом. Оно уже тогда сделалось священным символом победы. Привезли и флаги разбитых германских частей. Для них была уготована своя особая роль.

Советским маршалам и генералам стало известно, что Сталин будет принимать парад 24 июня. Понятно, что тот был Верховным Главнокомандующим, соответственно единственным человеком, кому могла принадлежать основная заслуга в достижении великой победы. Однако по русской традиции принимать Парад Победы было положено верхом на лошади.

За неделю до события Сталин позвал Жукова на свою дачу.

Он спросил бывшего кавалериста, не разучился ли тот еще ездить на коне. "Нет, не разучился", — ответил Жуков. "Вот что, — заключил Сталин, — вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский". — "Спасибо за такую честь, — ответил Жуков, — но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам".

Однако Сталин возразил: "Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе"[1020]. Прощаясь, он сказал Жукову, чтобы тот принимал парад на арабском жеребце, который ему покажет маршал Буденный.

На следующий день Жуков был на центральном аэродроме, где наблюдал за репетицией парада. Там к нему подошел сын Сталина, Василий. Последний сказал ему по секрету, что его отец уже готов был сам принимать парад, но случился один курьезный эпизод. Дело в том, что три дня назад лошадь, верхом на которой сидел Сталин, понесла. Тот просто неправильно пришпорил ее. Советский лидер пытался остаться в седле, но не удержался и упал. При этом он ударился головой и плечом. Поднявшись с земли, Сталин сплюнул и сказал, чтобы парад принимал Жуков — тот старый кавалерист. Жуков спросил Василия, на какой лошади ехал его отец. Сын Сталина ответил, что на арабском жеребце, том самом, на котором теперь предстояло принимать парад самому маршалу.

Василий попросил Жукова никому не говорить об их разговоре. Поблагодарив его, маршал принялся за собственную тренировку. За оставшееся время до начала парада он не упускал случая покататься верхом.

Утро дня торжественного парада выдалось пасмурным и дождливым. "Небеса плачут о наших погибших", — комментировали погоду простые москвичи. Вода стекала с козырьков фуражек. Все солдаты и офицеры получили новую форму и медали. Без трех минут десять Жуков, находящийся подле Спасских ворот, взобрался на арабского жеребца. Он мог слышать, как собравшиеся на церемонию люди разразились рукоплесканиями. Лидеры партии и правительства в этот момент взошли на трибуну Мавзолея Ленина. Как только пробили Кремлевские куранты, Жуков выехал на Красную площадь. Оркестр грянул "Славься!" Глинки. После этого все стихло. Рокоссовский также сильно нервничал. Но он крепко держался в седле и отдавал команды твердым голосом. Кульминацией парада стал марш двухсот фронтовиков, бросивших фашистские флаги подле Мавзолея — к ногам советского руководителя. Торжествующий Жуков в тот момент еще не знал, что Абакумов

уже разработал план его смещения.

Вскоре Жуков собрал ближайших друзей на своей даче отпраздновать победу. К этому времени на этой даче уже были спрятаны "жучки", и весь разговор за ужином оказался записан на магнитную пленку. Спецслужбам удалось добыть тогда солидный компромат. Главным криминалом стал тот факт, что первый тост был провозглашен отнюдь не за товарища Сталина, Позднее это явилось основанием для ареста кавалерийского командира генерала Крюкова. Его жена, знаменитая певица Лидия Русланова, была также сослана Абакумовым в ГУЛАГ. Истинной причиной ее заточения стало то, что она с презрением отвергла все блага, которые ей предлагал руководитель СМЕРШа. Комендант лагеря, куда попала певица, приказал ей петь для него и других лагерных офицеров. Но Лидия ответила, что будет петь лишь тогда, когда ее будут слушать не только охранники, но и заключенные ("зэки").

Спустя неделю после парада маршалу Сталину за выдающиеся заслуги в годы Великой Отечественной войны было присвоено звание генералиссимуса[1021]. В дополнение к этому ему вручили Золотую Звезду Героя Советского Союза, орден Ленина и орден Победы — пятиконечную платиновую звезду, украшенную ста тридцатью пятью бриллиантами и пятью большими рубинами. Праздничные банкеты и награждения происходили на фоне голода, существовавшего во многих районах страны. В этом смысле они ничем не отличались от мероприятий, которые организовывало в свое время царское правительство.

В последующие годы Абакумов постарался добыть компромат на Георгия Жукова, выбивая признания из его бывших коллег и подчиненных. В конце концов маршал оказался в заслуженной ссылке — командующим второстепенными военными округами, — а затем на своей даче. Исключая краткое двухгодичное пребывание в должности министра обороны СССР (в период правления Хрущева), ссылка Жукова продолжалась вплоть до 9 мая 1965 года, двадцатой годовщины победы над Германией. В тот день в Кремле была организована торжественная церемония. Когда в президиуме появился Леонид Брежнев, все военачальники, включая министров, генералов и маршалов, поднялись с мест. Следом за ним шел Жуков, которого пригласили на празднование лишь в последний момент. Однако советский лидер вскоре пожалел о подобном решении. Как только публика узнала прославленного маршала, она разразилась громом аплодисментов. Овации и скандирования: "Жуков! Жуков! Жуков!"[1022] — продолжались долгое время. Брежнев стоял рядом

с каменным лицом.

Тем не менее маршалу пришлось прожить остаток жизни, находясь преимущественно на своей даче. Все ее помещения, как и ранее, были усеяны "жучками". Несмотря на то что имя маршала теперь официально реабилитировали, в течение девяти последующих лет его не приглашали на публичные собрания высокого ранга. Но самой большой раной для Георгия Жукова продолжал оставаться сталинский трюк с телом Гитлера.

Несмотря на то что большинство простых немцев были травмированы поражением собственной страны, разрушением жилых домов, крушением всего стиля их жизни, военные и политические лидеры "третьего рейха" отказывались признать свою долю ответственности за совершенные преступления. Американские и британские следователи, допрашивавшие офицеров вермахта, были поражены поведением подопечных арестантов. Те никак не хотели признать свою причастность к тому, что произошло в предыдущие годы. Германские военные считали себя невиновными и готовы были признать только "ошибки", но не "преступления". Все преступления, по их мнению, совершали только нацисты и эсэсовцы.

Более того, генерал Блюментрит относился к нацистскому антисемитизму как к всего лишь "ошибочному направлению развития событий начиная с 1933 года"[1023]. "В результате этого было потеряно много ученых, — отмечал он, что сильно навредило исследованиям, проводившимся в то время". Он явно имел в виду, что если бы нацисты не преследовали евреев, то такие ученые, как Эйнштейн, могли бы помочь немцам произвести еще более качественное "чудо-оружие", возможно, даже атомную бомбу. Это оружие могло бы предотвратить большевистское вторжение в Германию. Порой Блюментрит заговаривался и даже забывал, что его основной целью является дистанцироваться от политики нацистов. Так, он утверждал, что в отличие от 1918 года, когда вспыхнули революционные мятежи, ситуация, сложившаяся к 1945 году, ясно показала, насколько единым было германское общество под руководством Гитлера.

Логика рассуждений германских офицеров являлась абсолютно порочной. Объединенный разведывательный комитет командования союзников на Европейском континенте отмечал, что они имели совершенно извращенные моральные ценности[1024]. "Эти генералы, — говорилось в докладе, подготовленном на основе допросов более трехсот военачальников, — одобряли все действия, которые достигали своей цели. Успех для них являлся главным оправданием. Те действия и поступки, которые не достигали своей цели,

соответственно являлись неправильными. Так, например, было бы правильным на время приостановить антисемитскую кампанию и вновь начать ее после победного завершения войны. Являлось неправильным бомбить Англию в 1940 году. Если бы немцы воздержались от этого, то, возможно, Британия бы присоединилась к Гитлеру в походе против Советского Союза. Было неправильным относиться к русским и полякам [военнопленным] как к скотине, поскольку теперь они сами относятся к немцам подобным образом. Являлось неправильным объявлять войну США и России, поскольку их объединенная сила превышала возможности Германии. Такого мнения придерживаются не только пронацистски настроенные генералы, оно широко распространено среди всех немецких военачальников. Они вовсе не думали о том, насколько это аморально — уничтожать целую расу или совершать насилия над пленниками. Единственное, чего они боялись, что союзники, по какому-то ужасному недоразумению, посчитают их причастными к преступлениям режима".

Даже гражданские лица, как отмечалось в другом докладе, подготовленном армией США, автоматически продолжали повторять заученные ранее пропагандистские штампы. Они, например, инстинктивно называли союзные бомбардировки Германии "террористическим наступлением" (фраза Геббельса), тогда как всему остальному миру было известно название "воздушное наступление", или воздушные атаки. В докладе отмечалось, что подобное явление можно отнести к "рудиментам нацизма"[1025]. Многие немцы старались заострить внимание на собственных страданиях и жертвах, особенно в результате союзных бомбардировок. Но они сразу замолкали, когда речь заходила о жестоких налетах люфтваффе на европейские города.

Все старались уклониться от ответственности. Сами нацисты утверждали, что их просто заставили участвовать в преступлениях. Во всем виноваты только высшие руководители. Простые немцы якобы были тут ни при чем. Их "обманули и предали". Даже генералы утверждали, что они стали жертвами нацистского режима. И если бы Гитлер не вмешивался в управление ими ходом военных действий, то война не была бы проиграна.

Оправдывая свои действия, нацистские генералы и гражданские лица одновременно старались убедить следователей в том, что в нацистской Германии существовала правильная точка зрения на окружавший ее мир. Немцы даже не могли понять, почему вообще США объявили им войну. Когда же им говорили, что войну объявили вовсе не США, а сама Германия, немцы

смотрели на следователей с недоверием. Это полностью противоречило их убеждению, что именно Германия была жертвой войны.

И военные, и гражданские лица старались читать союзникам лекции о том, что Британии и Соединенным Штатам теперь необходимо объединиться и вместе выступить на борьбу с так хорошо им знакомой угрозой "большевизма". Тот факт, что именно германское вторжение в СССР в 1941 году привело в конце концов коммунистов в центр Европейского континента (то есть свершилось то, что коммунистам не удалось сделать во время революционных событий 1917–1921 годов), был за пределами их восприятия. Большевикам удалось использовать ради достижения своих целей приверженность русского народа к автократии. Нацисты также сыграли на тех тенденциях, которые уже давно развивались в германской нации. Прежде всего это касается ложного понимания немцами причин и последствий тех или иных явлений. Некоторые историки подчеркивают, что самый криминальный режим за всю историю человечества возник именно в той стране, народ которой в 1933 году безмерно желал закона и порядка. В результате сами немцы, особенно это касается женщин и детей Восточной Пруссии, подверглись в конце войны такому же насилию, какое немцы применили к гражданскому населению оккупированных областей Польши и Советского Союза.

Новое противостояние в годы "холодной войны" позволило многим ветеранам нацистской гвардии поверить, что их вина заключалась лишь в том, что они жили в плохое время. Однако спустя три десятилетия после войны германское экономическое чудо и жесткие дебаты среди историков радикально изменили ситуацию. Большинство немцев теперь могло спокойно обратиться к осмыслению своего прошлого. Еще ни одна нация, имеющая столь тяжелое наследие, не сделала большего для осознания всей правды истории.

Западногерманское правительство делало также все возможное, чтобы задавить на корню любое возрождение нацизма и появление новых фюреров. Тем не менее останки Гитлера еще долгое время хранились по другую сторону "железного занавеса". В 1970 году Кремль наконец решил уничтожить их. Но сделать это предстояло в строжайшей тайне. Даже теперь труп вождя "третьего рейха" продолжал наводить ужас. Челюсти Гитлера, которые так тщательно оберегала Елена Ржевская в мае 1945 года, были затем переданы в СМЕРШ, тогда как череп фюрера — в НКВД. Эти части тела совсем недавно обнаружили в бывших советских архивах. Сам скелет, закопанный на территории

советской воинской части, размещенной в Магдебурге, эксгумировали и сожгли. Пепел сбросили в городскую канализационную систему.

Но не только тело Гитлера не нашло в годы войны собственной могилы. Бессчетное количество безымянных жертв — военных и гражданских лиц с обеих сторон — было погребено под завалами земли, руинами домов, сгорело в пламени пожаров. Каждый год порядка тысячи новых останков обнаруживается на Зееловских высотах, в сосновых лесах к югу от Берлина, при строительстве домов в новой столице объединенной Германии. Бессмысленная резня, ставшая результатом извращенного гитлеровского тщеславия, — вот о чем забыл вспомнить Альберт Шпеер, когда говорил, что для истории всегда важен "конечный результат". Некомпетентные оценки, яростное нежелание признавать реалии нацистского режима, его бесчеловечность еще долгое время проявлялись в германском обществе.

Избранная библиография

Использованные автором материалы взяты из следующих архивов, сборников документов и коллекций:

Исторический архив Общества Макса Планка, Берлин;

Симпозиум: Искусство и война. "От Вислы до Одера: Советские наступательные операции". Центр по изучению операций сухопутных войск, Военный колледж Армии США, 1986 г.;

Государственный архив, Берлин;

Государственный архив — Военный архив, Фрайбург;

Бранденбургский земельный архив, Потсдам;

Историческая библиотека, Штутгарт;

Государственный архив Российской Федерации, Москва;

Архив Университета Гумбольдта, Берлин;

Институт истории, Мюнхен;

Сборник материалов Международного военного трибунала над главными военными преступниками (Нюрнберг);

История Второй мировой войны: 1939–1945. — М., 1979. — Т. 10;

Военный архив, Стокгольм;

Земельный архив, Берлин;

Библиотека Военно-исторического исследовательского института, Потсдам;

Национальный архив США, Колледж-парк, Мэриленд;

Государственный архив Великобритании, Кью;

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва;

Российский государственный архив социально-политической истории, Москва;

Российский государственный военный архив, Москва;

"Специальный архив" трофейных немецких документов[1026] при Российском государственном военном архиве, Москва;

Центральный архив Министерства обороны РФ, Подольск;

Центр хранения и изучения документальных коллекций, Москва;

Военно-исторический журнал;

Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки. — М., 1999. Т. 3, 4.

Интервью, дневники и неопубликованные комментарии

Шалва Яковлевич Абуладзе (капитан, 8-я гвардейская армия);

Герт Беккер (житель Берлина, Штеглитц);

Рихард Байер (диктор радио "Гроссдойчер рундфунк");

Николай Михайлович Беляев (комсомольский работник 150-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии);

Клаус Бёзелер (Германский молодежный союз, Берлин);

Урсула Бубе, урожденная Эггелинг (берлинская студентка);

Харди Буль (житель Хальбе);

Анри Фене (командир батальона, дивизия СС "Шарлемань");

Анатолий Павлович Федосеев (эксперт по электромагнитному оборудованию, посланный в Берлин);

Эдельтрауд Филлер (секретарь, корпорация "Сименс");

генерал-лейтенант Бернд Фрайер Фрайтаг фон Лорингхофен (помощник генерала Кребса в бункере фюрера);

Владимир Самойлович Галл (капитан, 7-й отдел политуправления 47-й армии);

Ханс Дитрих Геншер (военнослужащий немецкой 12-й армии);

Эльза Хольтцер (жительница Берлина);

полковник Хубертус Фрайхер фон Гумбольдт-Дахрёден (оперативный отдел штаба 12-й немецкой армии);

Светлана Павловна Казакова (штаб 1-го Белорусского фронта);

полковник Вольфрам Кертц (капитан, охранный полк 309-й пехотной дивизии "Берлин");

генерал-майор И.Ф. Клочков (старший лейтенант 150-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии);

Иван Владимирович Коберидзе (капитан, артиллерист 1-го Украинского фронта);

Иван Леонтьевич Коваленко (связист штаба 3-го Белорусского фронта);

Анатолий Кубасов (3-я гвардейская танковая армия);

Р.У. Леон (разведка 9-й армии США);

Эрика Левин (женщина с улицы Розенштрассе);

генерал-майор Рудольф Линднер (1241-й полк дивизии "Курмарк");

Лотар Лёве (гитлерюгенд);

Ганс Оскар, барон Лёвенштайн де Витт (мужчина с улицы Розенштрассе);

генерал Ульрих де Мезьер (полковник генерального штаба, главное командование сухопутных войск вермахта);

Георгий Малашкия (капитан 9-го танкового корпуса);

Николай Андреевич Мальцев (лейтенант 3-й гвардейской танковой армии);

генерал Анатолий Григорьевич Мережко (капитан штаба 8-й гвардейской армии);

Рохус Миш (обершарфюрер "Лейбштандардта" СС в бункере

фюрера);

Герда Петсрсон (секретарь "Люфтганзы", Нойкёльн);

полковник Гюнтер Райхельм (начальник штаба немецкой 12-й армии);

фрау Хельга Ретцке (студентка Берлин-Бух);

Сергей Павлович Ревин (младший сержант 4-й гвардейской танковой армии);

Елена Ржевская (Коган) (переводчик отдела контрразведки СМЕРШа 3-й ударной армии);

Александр Заундерсон (капитан, следователь на Нюрнбергском процессе);

Эрих Шмидтке (мобилизованный фольксштурма в Берлине);

Эрхардт Северин (гражданин);

Шота Шургая (младший лейтенант 16-й воздушной армии);

Вольфганг Штайнке (лейтенант 391-й охранной дивизии немецкой 9-й армии);

Шота Сулханишвили (капитан 3-й ударной армии);

фрау Вальтрауд Зюссмильх (школьница);

фрау Марлене фон Вернер (жительница Ваннзее);

Магда Виланд (актриса);

генерал Маркус Вольф (член группы немецких коммунистов, прибывших в Берлин вместе с Ульбрихтом);

генерал Вуст (лейтенант учебного батальона люфтваффе 309-й пехотной дивизии "Берлин" 9-й армии).

Существуют также еще три человека, которые согласились дать мне интервью при условии, что их имена не будут указаны в книге.

Расшифровка терминов

Фриц — так русские в обиходе называли германского солдата. Множественная форма использовалась для обозначения всех немцев.

Фронтовик — военнослужащий Красной Армии, имеющий фронтовой опыт.

Иван — в обиходе название для советского солдата. Термин использовался как самими русскими, так и немцами.

Ландзер — германский солдат, имеющий фронтовой опыт. Эквивалент русскому "фронтовику".

НКВД — Советская секретная полиция, возглавляемая Лаврентием Берией. Части, дивизии НКВД, которые создавались преимущественно из бывших погранполков, входили в состав каждого советского фронта. Представитель НКВД на фронте подчинялся напрямую только Берии и Сталину, а не армейскому командованию.

ОКХ — главное командование сухопутных войск Германии. В ходе войны играло ведущую роль в разработке и проведении операций на Восточном фронте.

ОКВ — главное командование вермахта. В его подчинение входили сухопутная армия, военно-воздушные силы и военно-морской флот Германии. Руководство ОКБ осуществлял Гитлер через фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля. В ведении ОКБ были операции на всех фронтах, за исключением Восточного.

Политическое управление (политический отдел) — организация, ответственная за политическое воспитание военнослужащих Красной Армии. Политотделы и политуправления армий и фронтов подчинялись Главному политическому управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Москве.

7-й отдел — подразделение, существовавшее в политуправлениях всех армий и фронтов. Основной его задачей была деморализация войск противника. В 7-х отделах работало под советским контролем много германских коммунистов, равно как и бывших военнопленных, получивших "антифашистское" образование в советских лагерях. Немецкие солдаты называли таких людей "войска Зейдлица", по имени генерала фон Зейдлица Курцбаха, захваченного в плен в Сталинграде. Зейдлиц участвовал в организации так называемого Национального комитета "Свободная Германия", находившегося под полным контролем НКВД.

Штрафная рота, штрафной батальон — советские варианты

немецких штрафных частей. В штрафные роты и батальоны попадали провинившиеся офицеры, дезертиры и паникеры, где им в теории предоставлялся шанс "искупить свою вину кровью". На практике это означало, что штрафников бросали на самые горячие участки боя, заставляли идти на минные поля впереди основных сил. Штрафные роты и батальоны всегда находились под наблюдением охраны, готовой на месте расстрелять любого солдата, нарушившего приказ.

СМЕРШ — расшифровывается как "смерть шпионам". Такое имя выбрал для этой контрразведывательной организации сам Сталин. Отделы контрразведки СМЕРШа прикреплялись к штабам соединений и объединений Красной Армии. Организация СМЕРШ, возглавляемая Виктором Абакумовым, была образована в апреле 1943 года. До этого ее функции в войсках выполняли особые отделы НКВД.

Ставка — советское Верховное Главнокомандование, находящееся под контролем Сталина. Начальником Генерального штаба Красной Армии в 1945 году был генерал Антонов.

Верховный, Верховный Главнокомандующий — термин, который использовали советские военачальники в отношении Сталина.

Военные организации

Группа армий и фронт — германская группа армий и советский фронт представляли собой объединение из нескольких армий. В зависимости от обстоятельств их численность могла варьироваться от двухсот пятидесяти тысяч до миллиона и более человек.

Армия — каждая немецкая армия имела в своем составе обычно от сорока тысяч до ста тысяч человек. Советская армия — в основном меньше. Большинство армий включали в свой состав два или три корпуса. В теории советская танковая армия должна была иметь шестьсот танков и сто восемьдесят восемь самоходных артиллерийских установок.

Корпус состоял из нескольких дивизий (обычно двух — четырех). Однако советский танковый корпус имел три бригады, каждая по шестьдесят пять танков. Таким образом, советский танковый корпус был примерно равен по количеству бронированных машин полноценной немецкой танковой дивизии.

Дивизия — число военнослужащих, входящих в ее состав, зависело от ситуации. По штату советским стрелковым дивизиям было положено иметь одиннадцать тысяч семьсот восемьдесят военнослужащих, но в большинстве случаев в них состояло от трех до семи тысяч человек. К 1945 году германская дивизия часто имела еще меньшую численность своего личного состава.

Бригада — часть, занимающая промежуточное положение между дивизией и полком. Такое формирование было более привычным для вооруженных сил Великобритании и США. В составе вермахта и Красной Армии основной единицей считалась дивизия, в состав которой входило по меньшей мере два или три полка. Однако именно из танковых бригад состояли советские танковые корпуса.

Полк — часть, состоящая из двух или трех батальонов по семьсот человек в каждом. На практике количество военнослужащих, входящих в состав батальона, было в основном меньшим.

Батальон — подразделение, состоящее из по меньшей мере трех стрелковых рот (в теории по восемьдесят человек в каждой) и рот обеспечения (пулеметной, минометной, противотанковой, транспортной и др.).

Соотношение между званиями военнослужащих германской, американской и английской армий можно найти по адресу в Интернете: antonybeevor.com.

Избранная библиография

Антонов В. Последние дни войны // Военно-исторический журнал (Далее: ВИЖ). - 1987. - № 7.

Бордзиловский Е. Участие 1-й армии Войска Польского в Берлинской операции // ВИЖ. - 1963. - № 10.

Боков Ф, Наступление 5-й ударной армии с Магнушевского плацдарма // ВИЖ. - 1974. - № 1.

Васильев Н. Красный цвет победы // Всем смертям назло. — М., 2000.

Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки: В 4 т. — М., 1999. -Т. 3, 4.

Гараев М. Георгий Жуков: Жизнь и деятельность после войны// Военная мысль. — 1997. — Т. 6. - № 4.

Грибов Ю. Играл нам в Бранденбурге граммофон… // Строки великой войны. — М., 2000.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах // Под ред. Г. Кривошеева. — М., 1993.

Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. — М., 1995. -Т. 3.

Жуков Г, Воспоминания и размышления. — М., 1995. — Т. 4.

Зиненко И. Организация и ведение боя 164-м стрелковым полком за Батслов под Берлином // ВИЖ. - 1978. - № 1.

Иноземцев Н. Цена победы в той самой войне. — М., 1995.

Исаев С. Вехи фронтового пути // ВИЖ. - 1991. - № 10.

Киреев Н. Применение танковых армий в Висло-Одерской операции // ВИЖ. 1985. - № 1.

Клочков И. Знамя Победы над рейхстагом. — СПб., 2000.

Кондауров И. В 45-м мы сами искали противника // Всем смертям назло.

Кузнецов В., Медлинский Б. Агония // ВИЖ. - 1992. - № 6–7.

Лучинский А. На Берлин! // ВИЖ. - 1965. - № 5.

Макаревский В. 17-я мотоинженерная бригада в Берлинской операции // ВИЖ. - 1976. - № 4.

Морозов Б. Мгновение войны // Строки великой войны. — М., 2000.

Неустроев С. Штурм рейхстага // ВИЖ. - 1960. - № 5.

Переделъский Г., Хорошилов Г. Артиллерия в сражениях от Вислы до Одера // ВИЖ. - 1985. - № 5.

Полян П. Вестарбайтеры: интернированные немцы на советских стройках // Родина. — 1999. - № 9.

По обе стороны фронта / Под ред. А. Шиндела. — М., 1995.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. — М., 1975.

Раманичев Н. Из опыта перегруппировки армий при подготовке Берлинской операции // ВИЖ. - 1985. - № 10.

Ржевская Е. Берлин, май 1945. — М., 1986.

Ржевская Е. Вечерний разговор. — СПб., 2001.

Рокоссовский К. Солдатский долг. — М., 1968.

Рунов Б. Знание немецкого помогло взять в плен сотен шесть немцев // Всем смертям назло.

Сенявская Е. 1941–1945: Фронтовое поколение. — М., 1995.

Сенявская Е. Психология войны в XX веке. — М., 2000.

Смирнов Е, Действия 47-й танковой бригады в передовом отряде танкового корпуса // ВИЖ. - 1978. - № 1.

Файзулин А., Добровольский П. Встреча на Эльбе // ВИЖ. - 1979. - № 4.

Цветаев Е. Жуков: Каким мы его помним. — М., 1988.

Чинарьян И. Мой месяц май // Строки великой войны,

Шатилов Н. У стен рейхстага // Всем смертям назло.

Шатуновский И. И останется добрый след // Всем смертям назло.

Щербаков В, Материальное обеспечение 4-й гвардейской танковой армии в Висло-Одерской операции // ВИЖ. - 1979. - № 6.

Alanbrooke. Field Marshal Lord. War Diaries 1939–1945. - London, 2001,

Albrecht, Gunter, and Hartwig Wolfgang (eds.). Arztc: Erinnerungen, Erlcbnisse, Bekentnisse. Berlin (East), 1982.

Altner, Helmut. Totentanz Berlin: Tagebuchblatter eines Achtzhcnjahrigen. - Offenbach am Main, 1946.

Ambrose, Stephen. Eisenhower and Berlin: The Decision to Halt at the Elbe. - New York, 1967.

Andreas-Friedrich Ruth. Der Schattenmann: Tagebuchaufzeichnungen 1938–1945. - Frankfurt am Main, 1983.

— Schauplatz Berlin: Tagebuchaufzeichnungen 1945–1948. - Frankfurt am Main, 1984.

Annan Noel Changing Enemies: The Defeat and Regeneration of Germany. London, 1995.

Anonymous. A Woman in Berlin. - London, 1955.

Arnold Dietmar. 'Die Flutung des Berliner S-Bahn Tunnels in den letzten Kriegstagen // Nord-Sud-Bahn: Vom Geistertunnel zur City-S-Bahn. - Berlin, 1999.

Babadshanjan A. Hauptstobkraft. - Berlin (East), 1981.

Bacon Edwin. The Gulag at V/ar: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives. - London, 1994.

Bark D. and Cress D. A History of West Germany: From Shadow to Substance: 1945–1963. - Oxford, 1989.

Bauer Frank, Pfundt, Karen, and Le Tissier Tony, Der Todcskampf der Reichshauptstadt. - Berlin, 1994.

Bauer Magna E. Ninth Army's Last Attack and Surrender. - Washington, DC, 1956.

Beelitier Heimatverein. Urn Beelitz barter Kampf. - Potsdam, 1999.

Behrmann, Jdrn. Grundlage Forschung im totalitaren Staat//Yon der Verfuhrbarkeit der Naturuissenschaft / Ed. by. Martin Stohr Frankfurt am Main, 1986.

Below, Nicolaus von. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. Mainz,

Berezhkov V. History in the Making. - Moscow, 1982.

— At Stalin's Side. - New York, 1994.

Beria Sergo. Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin, — London, 2001.

Bernadotte. Count Folke. The Curtain Falls. - New York, 1945.

Bezborodova Irina. Generale dcs Dritten Reiches in sowjetischer Hand, 1943–1956. Graz; Moscow, 1998.

Bezymenski Lev. Der Tod des Adolf Hitler: Unbekannte Dokumente aus Moskauer Archiven. - Hamburg, 1968.

Bokov P.M. Friihjahr des Sieges und der Befreiung, Berlin (East), 1979.

Boldt Gerhard. Die Letzten Tage der Reichskanzlei. Hamburg. 1947.

Bollmann Erika, Baler Eva, Fortsmann Walther, and Remold Marianne. Erinnerungen und Tatsachen — Die ICaiser-Wilhelm-Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften Gottingen-Berlin. - Stuttgart, 1956.

Boree Karl Friedrich. Fruhling 45: Chronik einer Berliner Familie. Darmstadt, 1954.

Borkowski Dieter. Wer weib, ob wir uns wiederschen. Erinnenmg an eine Berliner Jugend. - Berlin, 1991.

Boveri Margret. Tage desUberlebens — Berlin 1945. - Munich, 1968.

Bower Tom. The Paperclip Conspiracy — London, 1987.

Bradley Omar. A Soldier's Story. - London, 1951.

Breloer Heinrich. Geheime Welten. - Frankfurt am Main, 1999.

Bruyn Gtinter de. Zwischenbilanz. Einc Jugend in Berlin. - Frankfurt am Main, 1991.

Burkert Hans-Norbert, and MatuBek, Klaus. Zerstort — ~ Besiegt Befreit. Kampf um Berlin bis zur Kapitulation. - Berlin (West), 1985.

Burleigh Michael. Germany Turns Eastwards: A study of

Ostforschung in the Third Reich. - Cambridge, 1988.

— The Third Reich: A New History. - London, 2000. Basse Theodor. 'Die letzte Schlacht der 9. Armee — Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1954.

Chancy O.P. Zhukov. - Norman, Oklahoma. 1996. Chuikov Vasily. The End of the Third Reich. - London, 1967. Davies Norman, White Eagle, Red Star. London, 1972.

— God's Playground: A History of Poland. - London, 1981. - Vol.2.

Deane J.R. The Strange Alliance. - London, 1947.

Delpla Frangois. Hitler. - Paris, 1999.

Deutschkron Inge. Ich trug den gelben Stern. - Cologne, 1978.

Diem Liselotte. Fliehen oder bleiben? Dramatisches Kriegsendc in Berlin. - Freiburg, 1982.

Dinter Andreas. Berlin in Trummern. - Berlin, 1999.

Djttas M. Conversations with Stalin. - New York, 1962.

Doenitz Admiral Karl. Memoirs. - Cleveland, 1958.

Doernberg Stefan. Befreiung 1945. Ein Augenzeugenbericht. - Berlin (East), 1975.

Domarus M. Reden und Proklamationen: 1932–1945. - Wurzburg, 1962. Vol. II.

Ddnhoff Marion Griifin, Namen die keiner mehr nennt. - Munich, 1964.

Dragunsky David. A Soldier's Life. - Moscow, 1977.

Duffy C. Red Storm on the Reich. - London, 1993.

Ehrenburg Ilya. The War 1941–1945. - New York, 1964.

Eisenhower Dwight. Crusade in Europe. - New York, 1948.

Elliott W.A. Esprit de Corps. - Norwich, 1996.

Erickson John. The Road to Berlin. - London, 1999.

Feis Herbert. The Atomic Bomb and the End of World War II. - Princeton, 1966.

Fest Joachim. The Face of the Third Reich. - London, 1988.

Feuersenger Marianne. Mein Kriegstagebuch: Zuischen Fiihrerhauptquartier und Berliner Wirklichkeit. - Freiburg, 1982.

FindahlTheo. LetzterAkt — Berlin 1939–1945, - Hamburg, 1946.

Foerster Roland G. (ed.). Seelower Hohen 1945. - Hamburg, 1998.

Frdhlich S. General Vlasov, Russen und Deutsche zuischen Hitler und Stalin. - Cologne, 1978.

Gall Vladimir. Mein Weg nach Halle. - Berlin (East), 1988.

Gehlen Reinhard. The Gehlen Memoirs. - London, 1972.

Gellately Robert. Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany. - Oxford, 2001.

Gilbert Martin. Road to Victory. - London, 1986.

Glantz David (ed.). Art of War Symposium. From the Vistula to

the Oder: Soviet Offensive Operations — October 1944 — March 1945. - US Army War College, 1986.

Glantz David, and House Jonathan. When Titans Clashed. - Kansas, 1995.

Glenn Gray J. The Warriors: Reflections on Men in Battle. - New York, 1970.

Goldhagen Daniel. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. - New York, 1996.

Gosztony Peter. Der Kampf um Berlin 1945, in Augenzeugenberichten. Dusseldorf, 1970.

Gross Leonard. The Last Jews in Berlin. - New York, 1982.

Guderian Heinz. Panzer Leader. - New York, 1952.

Gun Nevin E. Eva Braun: Hitler's Mistress. - London, 1969.

Henning Eckhart and Kazemi Marion. Veroffentlichungen aus dem Archiv zur Geschichte der Max-Planck-Gesellschaft. - Berlin (West), 1988. - Vol. I.

Herbert Ulrich. Hitler's Foreign Workers. - Cambridge, 1997.

Hirschfeld Gerhard and Renz Irina. Besiegt und Befreit: Stimmen vom Kriegsende 1945. - Gerlingen, 1995.

Irving David. Adolf Hitler: The Medical Diaries — the Private Diaries of Dr. Theo Morell. - London, 1983.

Italiander Rolf Bauer Arnold and Krafft Herbert. Berlins Stunde Null. Dusseldorf, 1979.

Joachimsthaler A. The Last Days of Hitler. - London, 1996.

Joachimsthaler A. (ed.). Er war mein chef, ans dem Nachlass der Sekretarin von Adolf Hitler, Christa Schroeder. - Munich, 1985.

Kardorff Ursula von, Berliner Aufzeichnungen, 1942 bis 1945. - Munich, 1997.

Kaskewitsch Emanuel. Friihling an der Oder. - Berlin (East), 1953.

Kee Robert. A Crowd is Not Company. - London, 2000.

Kehlenbeck Paul. Schicksal Elbe. Im Zweifrontenkrieg 1945 zwischen Hetide, Harz und Havelland. Ein Bericht nach alten Tagebuchern. - Frankfurt am Main, 1993.

Keiderling Gerhard. Gruppe Ulbricht in Berlin. - Berlin, 1993.

Als Befreier unsere Herzen zerbrachen: Zu den Ubergriffen der Sowjetarmee in Berlin 7W5 // Deutschland Archiv. - 1995. - № 28.

Keitel Wilhelm. The Memoirs of Field Marshal Keitel. - London, 1965.

Kempka Erich. Die ietzten Tage mit Adolf Hitler. - Preussich-Oldendorf, 1976.

Kershaw Ian. The Hitler Myth: Image and Reality in the Third Reich. Oxford, 1989.

The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation. London, 1993.

Hitler: 1889–1936, Hubris. - London, 1998.

Hitler: 1936–1945, Nemesis. - London, 2000.

Kershaw Ian and Lewin Moshe (eds.). Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. - Cambridge, 1998.

Kleine Helmut and Stimpel Hans-Martin. Junge Soldaten in der Mark Brandenburg 1945 — Ruckerinnerungen nach einem halben Jahrhundcrt. - 1995 (MGFA).

Klemperer Victor. To the Bitter End, 1942–1945. - London, 1999.

Kliinov Gregory. The Terror Machine: The Inside Story of the Soviet Administration in Germany. - London, 1953.

Knappe Siegfried. Soldat. - New York, 1993.

Knef Hildegard. The Gift Horse: Report on a Life. - New York, 1971.

Knight Amy, Beria: Stalin's First Lieutenant. - Princeton, NJ, 1993.

Kon Igor. Sex and Russian Society. - Bloomington, Indiana, 1993.

Konev I.S. Year of Victory. - Moscow, 1984.

Kopelev Lev. No Jail for Thought. - London, 1977.

Krockow Christian Graf von. Die Stunde der Frauen. - Munich, 1999.

Kronika Jacob. Der Untergang Berlins. - Hamburg, 1946.

Ladd Brian. The Ghosts of Berlin. - Chicago, 1997.

Lakowski R. Seelow 1945, Die Entschcidungsschlacht an der Oder, Berlin, 1999.

Lakowski JR. and Dorst K. Berlin — Fruhjahr 1945. - Berlin (East), 1975.

Lane Anne and Temperley Howard (eds.). The Rise and Fail of the Grand Alliance, 1941–1945. - London, 1995.

Lange Horst. Tagebttcher aus dem Zweiten Weltkrieg / Ed. by H.D. Schafer Mainz, 1979.

Laufer Jochen. "Genossen, me istdas Gesamtbild?" Ackermann, Ulbricht und Sobottka in Moskau im Juni 1945' // Deutschland Archiv. - 1996. - № 29.

Lehndorf Hans Graf von. OstpreuBlisches Tagebuch — Aufzeichnungen eines Arztes aus den Jahren 1945–1947. - Munich, 1999.

Lemmer Ernst. Manches war dock anders: Erinncrungen erines deutschen Demokraten, — Frankfurt am Main, 1968.

Leon R.W. The Making of an Intelligence Officer. - London, 1994.

Leonhard Wolfgang. Child of the Revolution. - London, 1956.

Le Tissier T. Zhukov at the Oder: The Decisive Battle for Berlin. London, 1996.

— Race for the Reichstag. - London, 1999.

— With Our Backs to Berlin. - Stroud, 2001. Liddell-Hart Basil. The Other Side of the Hill. - London, 1948.

Luck Hans von. Panzer Commander: The Memoirs of Colonel Hans von Luck. - New York, 1989.

Lumans Valdis. Himmler's Auxiliaries: The Volksdeutsche Mittelstelle and the German National Minorities of Europe 1933–1945. - London, 1992.

Mabire Jean. La Division Nordland. - Paris, 1982.

— Mourir a Berlin. - Paris, 1995.

Machtan Lothar. The Hidden Hitler. - London, 2001.

Mackintosh Malcolm. Juggernaut: The Russian Forces, 1918–1996. London, 1967.

Maiziere Ulrich de. In der Pflicht. - Bonn, 1989.

Meinecke Friedrich. Die deutsche Katastrophe. - Wiesbaden, 1947.

Menzel Matthias. Die Stadt ohne Tod. Berliner Tagebuch 1943–1945. Berlin, 1946.

Merridale Catherine. Night of Stone. - London, 2000.

Messerschmidt Manfred. Was damals Recht war… Nationalsozialistische-Militar-und Strafjustiz im Vernichtungskrieg. Essen, 1996.

Meyer Karen. 'Die Flutung des Berliner S-Bahn Tunnels in den letzten Kriegstagen // Berliner S-Bahn-Museum. Nord-Sud-Bahn. - Berlin, 1999.

Meyer Sibylle and Schulze Eva. Wie wir das alles geschafft haben. Alleinstehende Frauen berichten iiber ihr Leben nach 1945. - Munich, 1984.

Murphy David, Kondraschev, Sergei and Bailey George. Battleground Berlin. - London, 1987.

Murphy Robert. Diplomat among Warriors. - New York, 1964.

Musmanno Michael A. Ten Days to Die. - New York, 1950.

Naimark Norman. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. - Cambridge, Mass, 1995.

Noakes Jeremy (ed.). Nazism 1919–1945: A Documentary Reader. - Exeter, 1998. - Vol. IV.

Oven Wilfred von. Mit Goebbels bis zum Ende. - Buenos Aires, 1950. Vol. IV.

Overy Richard. Why the Allies Won. - London, 1995.

Russia's War. - London, 1998.

Owings Alison. Frauen: German Women Recall the Third Reich. - London, 1993.

Padfield P. Himmler: Reichsfuhrer SS. - London, 1990.

Petrova Ada and Watson Peter. The Death of Hitler. - London, 1995.

Pogue Forrest C. 'The Decision to Halt on the Elbe, 1945 // Command Decisions / Ed. by Greenfield Kent. - London, 1960.

Ramm Gerald. Ein unbekannter Kamerad. Deutsche Kriegsgraberstatten zwischen Oderbruch und Spree. - Woltersdorf, 1993.

Gott mit uns — Kriegserlcbnisse aus Brandenburg und Berlin. Woltersdorf, 1994.

Halbe — Bericht uber einen Friedhof. - Woltersdorf, 1995.

Rein Heinz. Finale Berlin. - Frankfurt am Main, 1981.

Richie Alexandra. Faust's Metropolis. - London, 1998.

Rocolle Pierre, Gotterdammerung — La Prise de Berlin, — Indo-China, 1954.

Le sac de Berlin, avril-mai 1945. - Paris, 1992.

Rubenstein Joshua. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg. - New York, 1996.

Ruhl Klaus-Jorg (ed,). Unsere verlorenen lahre — Frauenalltag in Kriegs- und Nachkriegszeit, 7959–7949. - Darmstadt, 1985.

Mrup Reinhard (ed.), Berlin 1945. Erne Dokumentation. - Berlin, 1995.

Topographic des Terrors: Gestapo, SS und Reichssicher-heitshauptamt aufdem Prinz-Albrecht-Gelande. - Berlin, 1997.

Ryan Cornelius. The Last Battle. - London, 1966. Rzheshevsky O.A. 'The Race for Berlin // Journal of Slavic Military Studies. - 1995. - № 8. September.

Der Wettlaufnach Berlin — Ein dokumentarischer Uberblick // Foerster. Seelower Hohen 1945.

Sajer Guy. The Forgotten Soldier. - London, 1997.

Sander Helke and Johr Barbara (eds), Befreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigungen, Kinder. - Munich, 1992.

Schdfer Hans Dieter. Berlin im Zweiten Weltkrieg, Der Untergang der Reichshauptstadt in Augenzeugenberichten. - Munich, 1985.

ScheelKlaus (ed.). Die Befreiimg Berlins 1945. - Berlin (East), 1985.

Schenk Ernst-Giinther, Ich sail Berlin sterbcn. Als Arzt in der Reichskanzlei. - Herford, 1970.

Schmitz-Berning Cornelia. Vokabular des Nationalsozialismus. - Berlin, 1998.

Shultz-Naumann Joachim. Die letzten drei Big Tage. Das Kriegstagebuch des OKW April — May 1945. - Munich, 1980.

Schwarz Hans. - Brennpunkt FHQ: Menschen und MaBtabe im Fuhrerhauptquartier. - Buenos Aires, 1950.

Schwarzer Alice. Marion Donhoff, Ein widcrstandiges Leben. - Munich, 1997.

Schwerin Kerrin Grafm. Frauen im Krieg — Briefe, Dokumcnte, Aufzeichnungen. - Berlin, 1999.

Seaton A, The Russo-German War 1941–1945. - New York, 1972.

Sereny Gitta. Albert Speer: His Battle with Truth. - London, 1995.

Sevruk V, (ed.). How Wars End: Eyewitness Accounts of the Fall of Berlin. - Moscow, 1969.

Shcheglov Dmitry. 'Military Council Representative'// How Wars End/Ed, by Sevruk.

Sherwood Robert E. The White House Papers of Harry L. Hopkins. London, 1948.

Shirer William L, End of a Berlin Diary. - New York, 1947.

Shtemenko S.M. The Last Six.Months. - New York, 1977.

Shukman Harold (ed.). Stalin's Generals. - London, 1993,

Soltfienitsyn A. The Gulag Archipelago. - New York, 1974. - Vol. I.

Prussian Nights (tr. Robert Conquest). New York, 1983.

Deux recits de guerre. - Paris, 2000.

Spahr W, Zhukov: The Rise and Fall of a Great Captain. - Novato, Calif., 1993.

Steinhoff Johannes et al. Voices from the Third Reich: An Oral History. - New York, 1994.

Siudnitz Hans-Georg von. While Berlin Burns. - London, 1964.

Subbotin Vassily // How Wars End/Ed, by Sevruk.

Terkel Studs. The Good War. - London, 2001.

Thorwald Jilrgen. Es begann an der Wcichsel. - Stuttgart, 1950.

— Das Ende an der Elbe. - Stuttgart, 1950.

Tieke Wilhelm. Das Ende zwischen Oder und Elbe — Der Kampf urn Berlin 1945. - Stuttgart, 1981.

Trevor-Roper Hugh, The Last Days of Hitler. - London, 1995.

Tully Andrew. Berlin — the Story of a Battle. - New York, 1963.

Tumarkin Nina. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. - New York, 1994.

Yermehren Isa. Reise durch den letzten Akt, Ein Bcricht. - Hamburg, 1947.

Vishnevsky Vsevolod. 'Berlin Surrenders' // How Wars End/ Ed. by Sevruk.

Volkogonov Dmitri. Stalin — Triumph and Tragedy, — New York, 1991.

Warlimont W. Inside Hitler's Headquarters, 1939–1945. - London, 1964.

Weidling General Helmuth, Der Endkampf in Berlin. - Potsdam, 1962.

Weltlinger S. Hast du es schon vergessen? Erlebnisberichte aus der Zeit der Verfolgung. - Berlin, 1960.

Werth Alexander, Russia at War. - London, 1964.

Wolf Markus. Spionagechefim geheimen Krieg. - Munich, 1997.

— Die Kunst der Verstellung. - Berlin, 1998.

Zaloga Steven J. Target America — the Soviet Union and the Strategic Arms Race, 1945–1964. - Novato, Calif., 1992.

Zayas Alfred M. de. Nemesis at Potsdam: The Expulsion of the Germans from the East. - London, 1989.

Zbarsky Ilya and Hutchinson Samuel. Lenin's Embalmers. - London, 1998.

Ziemke Earl The Battle for Berlin: End of the Third Reich. - London, 1969.

— The Soviets' Lost Opportunity; Berlin in February 1945. - London, 1969.

— The US Army in the Occupation of Germany 1944–1946. - Washington, DC, 1975.

— Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. - Washington, DC, 1987.

Publications

Der Angriff

Der Panzerbar

Freie Welt (DDR)

Исторический архив

"Красная звезда"
"Правда"

notes

Примечания

1

NA 740.0011 EW/5-145.

2

См.: Die Woche. - 2001. - 8 февраля.

3

BLHA Pr. Br. Rep. 6A/363.

4

РГАЛИ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 84. — Л. 1.

Klemperer, II. - 1944. - 4 сентября. — P. 431.

Loewe. Беседа. — 2001. - 9 октября.

Kardorff. — P. 153.

8

Согласно российской историографии, этот населенный пункт имеет название Хеммерсдорф. — Примеч. ред.

9

Беседа с Э. Шмидтке. — 2000. - 15 июля.

10

NA RG 338 B-338.

11

SHAT 7P128.

12

AWS. — P. 86.

13

Guderian. — P. 310–311

14

Below. — P. 398.

15

Ibid. — P. 399.

16

SHAT7P. 128.

17

Oven. -P. 198.

18

HUA-CD 260 °Charite Dir. 421-24/1 Bd x. - P. 125.

BA-MA 218. - P. 3, 725–749.

20

История Второй мировом войны (далее ИВМВ).

21

SHAT 7 P. 128.

Sajer. — P. 382.

23

АМО. — Ф. 233. Оп. 2374. — Д. 337. — Л. 64. ИВМВ — С. 38

24

Там же.

25

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

Guderian. — P. 315.

27

SHAT 7 P. 163.

28

Сталин — Гарриману. — 14 декабря 1944 // NA RG334. - Entry 309. Box 2.

29

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 40.

Цит. по: Сенявская. — 2000. — С. 174.

Сенявская. — 1995. — С. 111.

32

Архив Гроссмана // РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 221.

Там же. — Л. 19.

ВОВ. — Т. III. — С. 232. - № 8.

35

Информация о Константине Рокоссовском почерпнута главным образом у Нормана Дэвиса.

Рокоссовский. — С. 297.

Жуков. — С. 174.

Берия. — С. 130.

См.: Erickson. — P. 177–179.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 337. — Л. 70.

41

AWS. — P. 617.

42

BOB. — T. III. — C. 236.

Конев. — С. 5.

ЦАМО. — Ф. 307. — Оп. 246791. — Д. 2. — Л. 225–227.

45

ЦАМО. — Ф. 307. — Оп. 15733. — Д. 3. — Л. 37–38.

Архив Гроссмана. — Л. 237–238.

47

Дневник Бормана // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

49

Получив письмо Черчилля от 6 января 1945 года, Сталин вполне мог расценить его как просьбу о помощи западным союзникам. Британский премьер, в частности, писал: "На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы… Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января или в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть…" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Т. 1. — С. 298.). — Примеч. пер.

ВИЖ. - 1993. - № 6. — С. 30–31.

51

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

52

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 47. — Л. 14.

53

Архив Гроссмана. — Л. 237–238.

Duffy. — P. 103.

55

Беседа с Гумбольдтом. — 1999. - 11 октября.

Ibid.

57

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

Guderian. — P. 327.

Клочков. — С. 28.

ВОВ. — Т. III. — С. 240

61

Гроссман // Красная звезда. — 9 февраля.

62

"Ярость благородная" — слова из известной песни "Священная война".

Эренбург. — С. 100.

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 47.

Эренбург. — С. 100.

BA-B R55/793. — P. 9.

Красная звезда. — 1944. - 25 ноября.

NARG338. - D-281.

Ramm. - 1994. - P. 164.

Kershaw. - 2000. - P. 406.

Donhoff. - P. 18.

Архив Аграненко // РГАЛИ. — Ф. 2217. — Оп. 2. — Д. 17. — Л. 22.

Копелев. — С. 10.

Ткаченко — Берии // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 94. — Л. 87.

75

ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д. 76 // Цит. по: Сенявская, 1995. — С. 99.

Копелев. — С. 56.

ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д. 78. — Л. 199–203.

Архив Аграненко. — Л. 42.

Копелев. — С. 50.

Беседа с Мальцевым. — 2001. - 29 октября.

Werth. — P. 964.

82

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 58.

Bark and Cress. - P. 33.

Life and Fate. - P. 241.

85

КОп. — Р. 23.

Цит. по: КОп. — Р. 26.

Беседа с Коваленко. — 1999. - 21 сентября.

Архив Аграненко. — Л. 22.

Там же. — Л. 26.

Щеглов. — С. 299.

91

См.: Солженицын. — 2000. — С. 125.

92

ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д. 76. — Л. 92–94.

Там же. — Д. 68. — Л. 12.

Решетникова Н. 9 февраля // Цит. по: Сенявская. — 2000. -Л. 180–181.

Архив Аграненко.

Солженицын. — 1983. — С. 67.

Копелев. — С. 52.

Кривенко — Берии // Решин Леонид. "Товарищ Эренбург упрощает": Подлинная история известной статьи в "Правде" // Новое время. — 1994. - № 8.

Цит. по: Сенявская. — 2000. — С. 273.

100

Шикин — Александрову. — 28 января // РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 320. — Л. 18.

101

Щеглов. — С. 289.

102

BA-B R55/616. -P. 184.

103

KA-FU. - EI: 18. - Vol. 6.

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93. — Л. 343.

105

Merridale. — P. 293.

NA RG338 B-338.

107

Серов — Берии // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93. -Л. 334.

108

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999, - 4 октября.

109

KA-FU. - EI: 18.-Vol. 6.

110

HUA-CD260 ˚Charite Dir. 421-24/1 Bd x. - P. 114, 115.

111

NA RG338 B-627.

112

SHAT 7 P 128; Direction Generale et Inspection des P.G. de l'Axe. — Paris. - 2 февраля.

113

NA RG338, B-627.

114

BA-B R55/995.-P. 166.

Kee. - P. 228–229.

Duffy. - P. 45.

117

Архив Гроссмана. — Л. 65.

118

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

119

Клочков. — С. 31.

120

Архив Гроссмана. — Л. 3.

Чуйков. — С. 91.

122

Мешик — Берии. — 27 января // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 92. — Л. 263.

123

РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 323. — Л. 1–4.

Там же. — Л. 73.

Krockow. — P. 45.

Libussa von Oldershausen // Ibid. - P. 48–49.

127

BA-B R55/616. - P. 158.

Gun. - P. 237, 238.

129

BA-B R55/616. - P. 153.

Ibid. - P. 183.

131

Ibid. - P. 211. Сюда включены Восточная Пруссия — 1 635 000; Данциг и Западная Пруссия — 480 000; Померания — 881 000; Вартеланд — 923 000; Нижняя Саксония — 2 955 000; Верхняя Саксония — 745 000.

Menzel. — P. 116.

133

Беседа с Лёвенштайном. — 2000. - 14 июля.

134

BA-B R55/916. — P. 57.

135

BA-B R55/616. — P. 155.

Сенявская. — 2000. — С. 225. - № 19.

137

BA-B R55/616. — P. 157.

138

BA-B R55/616.

18 февраля // BA-B R55/616. — P. 208.

10 марта // BA-B R55/616. — P. 243.

141

Guderian. — P. 397.

BA-MA MSgl/976.

143

BA-MA MSgl/976. — P. 14.

Ibid. — P. 32.

Krockow. — P. 51–54.

Kardorff. — P. 281.

Feuersenger. — P. 206.

148

NA 740.0011 EW/4-2445.

См.: Riirup (ed.). - 1997. - P. 167–171.

150

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

Ibid, and Maiziere. - 1999. - 9 октября.

Конев. — С. 38–39.

Thorwald. - 1950. — P. 103.

KA-FU.-EI: 18. - Vol. 6.

155

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 123. — Л. 6.

См.: Thorwald. - 1950. — P. 109–113.

157

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2307. — Д. 189. — Л. 78.

Жуков. — Т. IV. — С. 194.

159

Архив Гроссмана // РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 49.

160

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93. — Л. 33.

161

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 227.

Там же. — Л. 229.

163

Там же. — Л. 230.

Беседа с Мережко. — 1999. - 10 ноября.

165

Беседа с Клочковым. — 2000. - 25 июля; Клочков. — С. 34–35.

ЦАМО. — Ф. 345. — Оп. 5502. — Д. 93. — Л. 412,

167

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 231.

168

BA-MA RH 19 XV/9b. — P. 172.

169

BA-MA MSgl/976. — P. 39.

170

BA-MA RH 19 XV/9b. — P. 193.

171

Ibid. — P. 195.

172

BA-MA RH 19 XV/28. — P. 1–4.

173

IfZFa91/5. — P. 1, 253.

Петров и Кобулов — Берии. — 30 января // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 92. — Л. 283-288

175

Жуков. — Т. IV. — С. 196.

Ramm. - 1994. — P. 165.

177

Oven. — P. 229.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 268.

179

Ibid. — P. 61.

BA-MA 332. — P. 656, 709–711.

181

BA-B R55/1305.

182

Ibid.

183

Guderian. - P. 411.

184

BA-B R55/916. - P. 63.

185

BLHA Pr. Br. Rep. 6IB/20.

Kardorff. - P. 291.

187

Дневник Бормана. — Л. 32–48.

188

BA-B R55/616. - P. 172.

189

Alanbrooke. — P. 657.

Gilbert. - P. 1, 187.

Архив Аграненко. — Л. 22.

192

Тегеран. Ялта. Потсдам: Сб. документов, — М., 1970. С. 22 // Цит по: Волкогонов. — С. 489.

193

См. Erickson. — P. 508.

См. Kershaw. - 2000. — P. 779.

195

Беседа с Геншером. — 2000. - 4 сентября.

Eisenhower. — P. 406–407.

Murphy. — P. 233.

198

Deane. - 1944. - 25 декабря // NA RG334. - Entry 309. Box 2.

199

Донесение Шикина // РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. Д. 323. — Л. 35–36.

200

ВОВ. — Т. IV. — С. 180. - № 36.

201

Forrester Larry. Fly for Your Life. - London, 1956.

202

Архив Гроссмана. — Л. 4.

203

Цит. по: Shindei (ed.) — P. 125.

Архив Аграненко.

205

BA-MA MSgl/976. - P. 32.

Ibid. - P. 35.

Беседа с де Мезьером. — 1999. - 9 октября.

Guderian. — P. 412.

Ibid. — P. 413–415.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 186.

211

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 94. — Л. 159–165.

BA-MA 485. — P. 20, 755.

213

Ткаченко — Берии. — 28 февраля // ГАРФ. — Ф. 9401. Оп. 2. — Д. 93. — Л. 324.

BA-B R55/616. — P. 243.

215

Шверник — Молотову // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. Д. 96. — Л. 255–261.

216

РГВА. — Ф. 32904. — Оп. 1. — Д. 19.

217

SHAT 7 P 146.

218

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 47. — Л. 25.

219

Абакумов — Берии // 15 февраля. — ГАРФ. — Оп. 2. — Д. 93. — Л. 6-15.

220

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 4.

Солженицын. — 1974. — С. 126.

Военные архивы России. — 1993. - № 1. — С. 355.

223

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93. — Л. 15.

224

Сталин — Теддеру и Булу. — 15 января // NA RG334. - Entry 309. Box 2.

225

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93. — Л. 255–259.

226

Известно, что о подготовке Варшавского восстания 1944 года советское правительство не было информировано западными союзниками, но о ней знала немецкая разведка. — Примеч. пер

Бережков. — 1982. — С. 364.

Беседа с Казаковым. — 1999. - 6 ноября.

229

Жуков. — Т. IV. -С. 183.

230

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 143.

231

BA-B R55/822. — P. 5–8.

232

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 94. — Л. 61.

233

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

Ibid.

235

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 205.

236

Антонов — Дину // NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

237

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 123.

238

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 80.

239

Там же. — Д. 297. — Л. 8.

240

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 114.

241

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 94.

242

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 48.

243

РГВА. — Ф. 32904. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 99.

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 21.

245

Там же. — Д. 20. — Л. 49.

246

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 4.

247

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 31.

248

РГВА. — Ф. 32904. — Оп. 1. — Д. 19.

249

BA-B R55/1296.

250

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 255.

251

Архив Гроссмана. — Л. 230.

252

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 45.

253

Архив Аграненко. — Л. 31.

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 47.

255

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93. — Л. 279.

Архив Аграненко. — Л. 20.

257

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

258

РГВА. — Ф. 38680. — Оп 1. — Д. 3. — Л. 104.

259

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 94. — Л. 88.

260

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 36.

Сенявская. — 2000. — С. 184. - № 27.

262

РГВА-СА. — Ф. 1382. — Оп. 1. — Д. 62.

263

РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 314.

Иноземцев. — С. 204.

265

Цит. по: Сенявская. — 1995. — С. 181.

266

ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д. 76 и Ф. 372. 6570. — Д. 68.

Беседа с Ржевской. — 2001. - 28 октября.

РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 314.

269

Там же. — Д. 320. — Л. 36.

Там же. — Д. 314.

Там же. — Л. 33.

Солженицын. — 1974. — С. 240.

ЦАМО. — Ф. 2. — Оп. 176495.

275

BOB. — T. IV. — C. 158.

Архив Гроссмана.

277

РГВА, — Ф. 32904.

РГВА. — Ф. 38686.

Действительно, справедливость в отношении военнопленных и репатриированных окончательно восторжествовала в январе 1995 года, когда был подписан указ Президента РФ "О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период". Они получили удостоверения участников Великой Отечественной войны и скромные льготы. Однако действие этого указа не распространяется на тех граждан, которые служили в годы войны в строевых и специальных формированиях вермахта, в полиции и на изменников Родине. — Примеч. пер.

280

SHAT 7 P. 128.

282

РГАСПИ. — Ф. 17. Оп.125. — Д.310.-Л.10.

283

Duffy. -P. 187.

BOB. — T. III. — C. 252.

285

Архив Гроссмана. — Л. 230.

BA-MA MSg2/1283; Беседа с Рене. — 1999. - 19 мая.

287

BA-MA MSgl/976. — P. 67.

Erickson. — P. 522.

Krockow. — P. 61.

Boldt. — P. 81, с пометками Фрайтага фон Лорингхофена. — 2001. Сентябрь.

291

Донесение от 22 марта. — BA-B R55/616. — P. 248.

Sajer. — P. 541.

293

Донесение от 12 апреля // ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д. 68. Л. 17–20.

РГАЛИ. — Ф. 2217. — Оп. 2. — Д. 17. — Л. 42.

Там же. — Л. 39.

Krockow. — P. 99.

Ibid. — P. 76.

Ibid. — P. 114–115.

299

Архив Аграненко. — Л. 42.

Там же. — Л. 41.

301

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 337.

Там же. — Л. 124.

24 марта // IfZ MA 127 // 2. - P. 13025.

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 339. — Л. 65.

305

Там же. — Д. 336. — Л. 60.

306

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 8.

307

Там же. — Л. 9.

Цит. по: Сенявская. — 2000. — С. 236. - № 52.

309

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 391. — Л. 345–346.

ЦАМО. — Ф. 236. Оп. 2675. — Д. 339. Р. 39.

311

BA-MA MSgl/976. — P.39

Ibid.

313

ГАРФ. — Ф. 9401. Оп. 2. -Д. 94. — Л. 163.

IfZ MA 325.

315

IfZ Fa 600. - P. 14.

13 марта // IfZ MA 127/2. - P. 13031-13032.

317

BA-MA MSgl/976. - P. 31.

KA-FU. - EI: 18. - Vol. 6.

319

Ibid.

Ibid.

321

SHAT 7 — P 163.

322

IfZ Fa 138. - P. 15, 16.

323

BA-MA MSgl/976. - P. 61.

BLHA Pr. Br. Rep. 61A/443.

325

21 февраля // BLHA Pr. Br. Rep. 61A/38. IfZ Fa 600. - P. 14.

326

BLHA Pr. Br. Rep. 61A/16, Gauleitimg Mark Brandenburg. - 19 марта.

Guderian. - P. 420.

328

BA-MA MSgl 784. - P. 2.

Schwarz // Цит. по: Gosztony.

Kempka // Ibid. - P. 93.

331

Жуков — Т. IV. — С. 215.

ГАРФ, — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 93.

Жуков. — Т. IV. С. 276. С. 215.

Там же. — С. 218.

335

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

Zaloga. - P. 13–19.

Беседа с доктором Энжелом // FU Archiv. - 2001. - 8 октября.

338

ЦАМО. — Ф. 233, - Оп. 2356. — Д. 5804. — Л. 320–321.

Alanbrooke. — P. 669.

340

Цит. по: David Clay Large // 'Funeral in Berlin'. - P, 355 // What If?/Ed. by Robert Cowley. - New York, 1999.

341

NA RG334, - Entry 309. - Box 3.

Alanbrooke. - P. 669.

343

NARG 218 JCS. - Box 16.

Eisenhower. - P. 433.

345

Churchill papers. - 20/209; Gilbert. - P. 1264.

Переписка Антонова // NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

Eisenhower. - P. 431.

Ibid. - P. 401.

Эйзенхауэр — Маршаллу. — 30 марта // Ibid. - P. 438.

Жуков. — Т. IV. — С. 223–226.

351

NA RG 334. - Entry 309. - Box 2.

352

Конев. — С. 79.

Жуков. — Т. IV. — С. 226.

BOB. — T. III. — C. 267.

355

Там же. — С. 269.

Там же.

KA-FU. - EI: 18. - Vol. 6.

Ibid.

359

Guderian. - P. 426.

360

BA-MA MSgl/976. - P. 78.

361

Беседа с де Мезьером. — 1999. - 9 октября.

Guderian. - P. 420.

363

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

BA-MA MSgl/976. — P. 99.

Ibid. — P. 107.

366

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября. Очевидцы этой встречи расходятся в ряде деталей; данное описание основывается главным образом на отчетах Гудериана и Фрайтага фон Лорингхофена.

Беседа с де Мезьером. — 1999. - 9 октября.

BA-MA MSgl/976. — P. 70.

369

BA-MA MSgl/1207.

Архив Хайнрици // BA-MA MSg2/4231.

371

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

BA-MA MSgl/976. — P. 75.

Ibid. — P. 62.

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

375

IfZ MA 127/2. - P. 13024.

См. Gellately. - P. 237–238.

IMT, XII. - P. 430–431.

Цит. по: Sereny. - P. 485–486.

379

NA 740.0011 EW/5-I45.

Sereny. - P. 491.

381

NA 740.0011 EW/5-I45.

IfZ MA 127/2. - P. 13042-13043.

383

NA 740.0011 EW/5-45.

BA-MA MSgl/976. - P. 92.

Ibid. - P. 76.

Ibid. - P. 72.

IfZ MA 305.

BA-MA MSgl/976. - P. 116.

389

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

390

BA-B R55/I394. - P. 195.

Tillery // Цит. по: Ramm, 1994. - P. 27.

Беседа с Галлом. — 1999. - 2 ноября,

393

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 27.

Tillery//Ibid. — P. 29.

Ibid. — P. 52.

396

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 339. — Л. 63.

397

Там же.

398

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 29.

Erickson. — P. 476

ГАРФ. — Ф. 1914. — Оп. 1. — Д. 1146. — Л. 21.

401

Приказ № 7942 СС от 29 марта; см. также: ГАРФ. — Ф. 8131. — Оп. 38. — Д. 236. — Л. 34–35.

Merridale. — P. 266.

Беседа с Сулханишвили. — 2000. - 12 октября.

404

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 11–13.

405

Там же. — Д. 93. — Л. 685.

Там же. — Л. 700–701.

407

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 21.

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 174.

409

РГВА. — Ф. 36860. — Оп. 1. — Д. 16.

Сенявская. — 2000. — С. 236. - № 50.

411

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 26.

Беседа с Сулханишвили. — 2001. - 16 июня.

Werth. — P. 964, 965.

SHAT 7 P. 128.

Беседа с Галлом. — 1999. - 2 ноября.

416

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 267. — Л. 67-68

417

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 24.

Беседа с Казаковой. 1999. - 6 ноября.

Беседа с Галлом. — 1999. - 2 ноября.

KA-FU. - EI: 18. - Vol. 6.

421

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 384. — Л. 19.

422

NA 740.0011 EW/4-145.

423

Ibid. - EW/5-145.

Беседа с Беляевым. — 2000. - 29 июля.

KA-FU. - EI: 18. - Vol. 6.

Донесение от 9 апреля. — SHAT 7 P 102.

427

Там же.

BA-MA RH19/XV/9a. — P. 94.

429

NA RG260 OMGUS. - Stack 390 41/7/5-6 A2/S4.

Anonymous. - P. 126.

Kleine and Stimpel. - P. 9.

Донесение 2-го бюро от 21 апреля // SHAT 7P 128.

NARG338 MsP-136.

BA-MA MSgl/976.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

NARG338 MsP-136.

NARG338 MsP-136.

РГВА-СА. — Ф. 1367. — Оп. I. — Д. 218.

441

BA-MA MSgl/976. - P. 15.

Ibid.

443

BA-B R55/916. - P. 91.

Беседа со Шмидтке. — 2000. - 15 июля.

445

IfZ MA 485. - P. 20, 755.

KA-FU. - EI: 18. - Vol. 6.

447

Вероятно, речь идет о покушении (или его имитации) в мюнхенском пивном зале "Бюргербройкеллер". — Примеч. ред.

Baumgart // Цит. по: Ramm. - 1994, - P. 65.

449

SHAT 7 P 102.

450

BA-MA MSgl/976. - P. 100.

451

Frohlich. - P. 256.

BA-MA MSgl/976. - P. 100; BA-MA N53/76. - P. 17.

453

Раманишев Н.М. Из опыта перегруппировки армий при подготовке Берлинской операции // ВИЖ. - 1979. - № 8.

Klochkov. — P. 72.

455

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 40.

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 250.

457

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 184.

Берия — Сталину//ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 95. — Л. 253–268.

459

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 130. — Л. 240.

Цит. по: Shindel (ed.). - P. 158–159.

461

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 331.

462

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 440. — Л. 6–8.

463

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 652.

Там же.

Там же. — Л. 695.

Иноземцев. — С. 196.

467

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 68.

Иноземцев. — С. 196.

Там же. — С. 201.

Duffy. — P. 291.

471

BA-MA RH19/XV/9a.

Ibid. -P. 207.

Ibid. -P. 221.

Below. - P. 409.

Sereny. - P. 507.

BA-MA RH19/XV/9b. - P. 34.

Сенявская. — 2000. — С. 275.

Перехваченное письмо Вилли Кляйна // Цит. по: Эренбург // Красная звезда. — 1944. - 25 ноября"

NA 740.0011 EW/4-2445.

Boiling // Цит. по: Ryan. — P. 229.

481

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

482

Донесение капитана Клода Мерри от 28 апреля // SHAT 8 P22.

483

Донесение от 8 марта // NA 740.0011 EW/3-845.

SHAT 8 P. 27.

Elliott. — P. 121, 125, 143.

Интервью с анонимным собеседником. — 2000. - 30 декабря.

Elliott. — P. 12.

Красная звезда. — 11 апреля. — С. 3.

489

NA 740.0011 EW/4-1345.

Следует признать, что у Сталина в то время были довольно веские основания для такого рода подозрений. Уместно также отметить, что многие детали переговоров представителей американского Управления стратегических служб с нацистским генералом Вольфом не рассекречены до сих пор. — Примеч. пер.

491

NA 740.0011 EW/3-2745.

492

NA 740.0011 EW/4-2345.

493

Донесение от 10 апреля // SHAT 7 P. 102.

Kardorff. — P. 306.

Хватит! // Красная звезда. — 11 апреля. — С. 3.

См.: Решин Леонид. "Товарищ Эренбург упрощает" // Новое время. 1994. - № 8.

Эренбург. — С. 176, 177.

Товарищ Эренбург упрощает // Правда. — 14 апреля.

499

Абакумов — Сталину. — 29 марта // Цит. по: Решин Л. Указ. соч.

500

ЦАМО. ~ Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 360–361.

501

Союз ветеранов журналистики. — С. 447.

502

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2, - Д. 95. — Л. 31–35; Серов — Берии. 19 апреля//ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 95. — Л. 91.

503

ГАРФ. — Ф. 1914. — Оп. 1; — Д. 1146.

504

Цит. по: Gerhard Gnauck // 'Wie die Horden Dschingis Khans' // Die Welt. - 2001. - 8 May. - P. 31.

505

SHAT 7 P 128.

Беседа с Райхельмом. — 1999. - 5 октября.

507

Неопубликованные страницы из дневника Петера Реттиха, батальонного командира дивизии "Шарнхорст" 12-й армии // Reichhelm papers.

Беседа с Райхельмом. — 1999. - 5 октября; Беседа с Гумбольдтом. — 1999. - 11 октября.

509

SHAT 8. P. 19.

Eisenhower. — P. 43.

Maiziere. Беседа. — 1999. - 9 октября.

Цит. по: Ryan. — P. 261.

Trevor-Roper. — P. 89–90.

BA-MA RH19/XV/9b. — P. 34.

515

Беседа с Лёве. — 2001. - 9 октября.

Kardorff. — P. 306, 307.

517

Советская военная энциклопедия. — М., 1990. — Т. I. — С. 383.

BOB. — T. III. — C. 272.

519

Макаревский В. 17-я мотоинженерная бригада в Берлинской операции // ВИЖ. - 1976. - № 4. — Апрель.

520

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 440. — Л. 76.

521

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 240.

522

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 440. — Л. 192.

523

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 160.

Там же. — Л. 232.

525

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 454.

Там же. — Д. 92. — Л. 314.

527

BA-MA RH 19XV/9b. — P. 42.

Беседа с Кертцем. — 1999. - 11 октября.

529

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 336. — Л. 57.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 411.

Беседа с Вустом. — 1999. - 10 октября.

532

IfZMA 127/2. — P. 12949.

533

Архив Всеволода Вишневского // РГАЛИ. — Ф. 1038. — Оп. 1. -Д. 1804.

См.: Правда. — 1945. - 25 апреля.

535

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

Клочков. — С. 72.

537

Младший лейтенант медицинской службы Абдул Азиз Бабаханов // Союз ветеранов журналистики. — С. 491.

Сенявская. — 1995. — С. 181.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 314.

Цит. по: Сенявская. — 1995. — С. 101.

541

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 440. — Л. 16.

Беседа с Галлом. — 1999. - 2 ноября.

Беседа с Сулханишвили. — 2000. - 12 октября.

Беседа с Мережко. — 1999. - 10 ноября.

Жуков. — Т. IV. — С. 242–243.

Клочков. — С. 73.

Ramm. - 1994. — P. 33.

Ibid. — P. 200.

549

Kleine and Stimpel. - P. 39.

Цит. по: Ramm. - 1994. - P. 200.

Ibid. - P. 67.

552

BA-MA MSg2/3448. - P. 6.

553

Цит. по: Ramm, 1994. - P. 170.

Жуков. — Т. IV. — С. 244.

555

Письмо П.М. Себелева цит. по: Shindel (ed.). - P. 160.

Беседа с Сулханишвили. — 2000. - 12 октября.

557

В своих мемуарах Жуков откровенно писал, что недооценил силу обороны противника в районе Зееловских высот: "К 13 часам[16 апреля] я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела, и в том боевом построении, в которым мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять… При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности… Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировочной авиации… Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя". (Жуков Г. Воспоминания и размышления. — М: Изд-во АПН, 1987. — Т. 3. — С. 233, 235). — Примеч. пер.

558

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 257–258.

Нагрузка, создаваемая весом человека, недостаточна для приведения в действие взрывателя противотанковой мины. Воспоминания "капитана" отражают, по всей вероятности, один из трагических эпизодов в работе саперов. — Примеч. пер.

Дневник Шредера цит. по: Ramm. - 1994. — P. 177.

Жуков. — Т. III. — С. 245.

562

BA-MA RH19/XV/24. — P. 36.

563

BA-MA MSg 1/976. — P. 17.

Boldt. - P. 108–109.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 270.

Цит. по: Shindel (ed.). - P. 160.

567

Клочков. — С. 73.

568

За всю Берлинскую операцию 1-й Белорусский фронт потерял тридцать семь тысяч шестьсот человек, все фронты — семьдесят восемь тысяч двести девяносто одного бойца, в то же время на берлинском направлении перестала существовать более чем миллионная группировка немецких войск. — Примеч. пер.

569

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 27–30.

Там же. — Л. 31–32.

Там же. — Л. 31.

Сенявская. — 1995. — С. 124.

Ее же. — 2000. — С. 227.

BA-MA MSg2/1096.

BOB. — T. IV. — C. 270.

Уместно привести ответ Жукова на эти слова Сталина: "Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, так как задержится с форсированием Одера". — Примеч. пер.

Жуков. — Т. IV. — С. 247.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 47–48.

Там же. — Л. 32.

Там же. — Л. 34.

581

Конев. — С. 91.

582

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп, 2374. — Д. 194. — Л, 35.

Там же. — Л. 33.

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 336. — Л. 6, 55–56.

585

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 50.

ЦАМО. — ЦГВ. — Оп. 70500. — Д. 2. — Л. 145–149 // Цит. по: Жуков. — Т. IV. — С. 226–227.

587

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

Беседа с Сулханишвили. — 2001. 12 октября.

Erickson. — P. 569.

590

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. Д. 92. — Л. 355.

591

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 35.

BA-MA MSg2/1096. — P. 4.

593

Ibid. — P. 5.

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 130. Л. 259.

595

NA 740.0011 EW/4-2445.

BA-MA MSg2/4429. — P. 1–44.

597

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 149. — Л. 258.

598

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 56.

599

BA-MA RH19/XV/90. - P. 131.

600

BLHA Pr. Br. Rep. 61A/443.

601

BA-MA RH 19/XV/9b. - P. 62

602

BA-MA RH19/XV/9. - P. 264.

603

Kleine and Stimpel. - P. 35.

Der Angriff. - № 92. - 20 April.

Kleine and Stimpel. - P. 35–36.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 356.

607

BA-MA MSgl/976. - P. 18.

Speer interrogation. - 22 мая // NA 740.0011 EW/5-H5.

609

BA-MA MSg2/1096. - P. 6.

Martin Kleint // Цит. по: Ramm. - 1994. - P. 296.

Ibid. - P. 96.

Беседа с Вузом. — 1999. - 10 октября.

613

BA-MA MSg2/3448. - P. 6.

BLHA Pr. Br. Rep. 61A/443.

Жуков. — Т. IV. — С. 224.

616

РГВА-СА. — Ф. 1355. — Оп. 4. — Д. 11. — Л. 54.

Kardorff. — P. 307.

618

Speer interrogation. - 22 May // NA 740.0011 EW/5-145.

619

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

Цит. по: Sereny. - P. 512.

621

Дневник Бормана. — Л. 32–48.

Цит. по: Gun. — P. 247.

623

Архив Брандта // NA RG3I9/22/XE 23 11 00.

Below. — P. 407–408.

625

Цит. по: Gun. — P. 252.

Anonymous. — P. 9.

Жуков. — Т. IV. — С. 250.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2307. — Д. 193. — Л. 88.

629

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2712. — Д. 359. — Л. 35.

630

ЦАМО. — Ф. 132а. — Оп. 2642. — Д. 38. — Л. 14–15.

Цит. по: Erickson. — P. 578,

632

BA-MA RH 19/XV/24. — P. 119.

633

BA-MA MSgl/976. — P. 18.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 96.

Ibid. — P. 97.

Архив Гроссмана. — Л. 240.

637

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 47.

Беседа с Вузом. — 1999. - 10 октября.

639

Клочков. — С. 77.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 722.

641

РГВА. — Ф. 32891. — Оп. 1. — Д. 125. — Л. 289.

BA-MA MSgl/976. — P. 20.

643

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 412.

BA-MA MSgl/976. - P. 17.

645

NA RG 260 OMGUS, Stack 390 41/7/5-6 A2/S4.

Цит. по: Безыменский. — С. 28, 29.

647

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 255; Жуков. — Т. IV. С. 258.

648

Симонов К.М. Тетрадь № 8 // РГАЛИ. — Ф. 1814. — Оп. 4. — Д. 7.

Жуков. — Т. IV. — С. 255.

650

Anonymous. - P. 13–16.

Беседа с Кертцем. — 1999. - 10 октября.

Военный дневник Реттиха // Reichhelm papers.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 98.

Цит. по: Ibid. — P. 40.

655

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 359–360.

BA-MA MSgl/976. — P. 143.

657

ЦАМО. — Ф. 299. — Оп. 17055. — Д. 4. — Л. 305.

Жуков. — Т. IV. — С. 276.

659

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 66.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 99.

661

Лучинский А. "На Берлин!" // ВИЖ. - 1965. - № 5. — Май.

662

NARG338 P-136. — P. 49.

663

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 78.

Rocolle. - 1954. — P. 87.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 229.

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 130. — Л. 269.

667

Там же. — Л. 275.

Архив Гроссмана. — Л. 239.

669

Anonymous. — P. 21.

Выдержки из записок Йодля // ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2356. — Д. 5804. — Л.
201-203.

Maiziere (Мезьер). — P. 106; Беседа с ним же. — 1999. - 9 октября.

Цит. по: Trevor-Roper. — P. 65.

NA 740.0011 EW/3-2245.

NA RG59 740.0011 EW/4-645.

675

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

Беседа с де Мезьером. — 1999. - 9 октября.

Below. — P. 411 и телевизионное интервью Траудл Юнге.

Оригинал письма от 22 апреля воспроизведен: Gun. — P. 176.

679

Uffz. Heinrich V. Дневник. — 23 апреля // BZG-S.

Жуков. — Т. IV. — С. 255.

681

Anonymous. — P. 24.

Беседа с Байером. — 2001. - 9 октября.

Kronika. — P. 98–99.

Беседа с Петерсон. — 2000. - 9 июля.

NA 740.0011 EW/4-2445.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 413, 419.

687

Там же. — Л. 414.

Тамже. — Л. 415.

689

Беседа с Райхельмом. — 1999. - 5 октября; а также: Беседа с Гумбольдтом.

— 1999. - 11 октября.

690

NA 740.0011 EW/4-I045.

691

BA-MA MSgl/976. — P. 28.

692

NA 740.0011 EW.4-2445.

693

Беседа с Гумбольдтом. — 1999. - 11 октября.

Reichhelm papers // Das Letzte Aufgebot.

Беседа с Геншером. — 2000. - 4 сентября.

Дневник Реттиха // Reichhelm papers.

697

BA-MA MSgl/976. - P. 22.

698

BA-MA MSgl/976. - P. 24.

699

NARG338. P136. - P. 46.

700

NA 740.0011 EW/5-145.

701

Ibid.

Цит, по: Trevor-Roper. - P. 1

Sereny. - P. 532.

Gun. - P. 253–254.

705

BA-MA MSg2/1283.

Беседа с Фене. — 1999. - 4 июня.

707

NA 740.0011 EW/5-145.

Trevor-Roper. — P. 103.

Беседа с Лёвснштайном. — 2000. - 14 июля.

Конев. — С. 150.

711

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 239.

Там же. — Л. 240.

713

NARG218 JCS Box 15.

Уместно добавить, что в послании Сталина (текст которого был направлен и Черчиллю) присутствовали также следующие строки: "Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции… Я не знаю, создано ли в Греции действительно представительное Правительство и действительно ли является демократическим Правительство в Бельгии. Советский Союз не спрашивали, когда там создавались эти правительства…" — Примеч. пер.

715

NA RG 334, - Entry 309. - Box 2.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 53.

717

Антонов В.С. Последние дни войны // ВИЖ. - 1987. - № 7. — Июль.

Ramm. - 1994. — P. 102.

719

Архив Гроссмана. — Л. 239.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 229.

721

BA-MA MSg2/1283. -P. 11.

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября; Misch. - 2000.

— 8 июля.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 361.

Там же. — Д. 194. -Л. 78.

Там же. — Д. 92. — Л. 362.

Беседа с Сулханишвили. — 2000. - 12 октября.

Glenn Gray. - P. 66–67.

Naimark. - P. 70.

Ibid. - P. 83.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 333.

Архив Гроссмана. — Л. 240.

BA-MA MSgl/976. — P. 24.

Цит. по: Ramm. - 1994. - P. 104.

Ibid. - P. 108.

BA-MA MSg2/1283.

Цит. по: Ramm. - 1994. - P. 103.

BA-MA N65/126.

738

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2356. — Д. 5804. — Л. 201–203.

739

BA-MA N65/126. - P. 165.

NA RG334. - Entry 309. - Box 2.

741

NA RG59 740.0011 EW/5-1045.

NA RG334. - Entry 309. - Box 6.

Берия — Сталину. — 25 апреля // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 95. — Л. 304-310.

Берия — Сталину // Там же. — Л. 317–328.

Anonymous. — P. 28.

Uffz. Heinrich V. Дневник. — 27 апреля // BZG-S.

Беседа с Петерсон. — 2000. - 9 июля.

Беседа с Бёзелером. — 2000. - 7 июля.

749

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 747.

750

Anonymous. — P. 29.

Rocolle. - 1954. — P. 73.

Toscano-Korvin. Diary-letter. - 7 июля // BZG-S.

753

BA-MA MSgl/976. - P. 28.

Цит. по: Shindel (ed.). - P. 161.

Цит. по: Steinhoff et al. (eds.). - P. 245.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 78.

Васильев Николай. Красный цвет победы // Всем смертям назло. М., 2000.

SHAT 7 P 163.

759

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 78.

760

Интервью с анонимным собеседником. — 1999. - 5 ноября.

761

Лучинский А. На Берлин!

Eva Reuss in Schwerin. - P. 166.

763

Архив Гроссмана. — Л. 241.

Там же. — Л. 240.

765

BA-MA MSgl/976. — P. 25.

Ibid.

Конев. — С. 236.

Архив Гроссмана. — Л. 240.

769

BA-MA MSg2/1283. — P. 22.

Здесь справедливости ради стоит напомнить о "грабительском" Версальском мирном договоре, Мюнхенском соглашении, политике "умиротворения Германии" и подталкивания ее к агрессии против СССР, проводимой правительствами Великобритании и Франции. Именно эти непредвзятые факты историки называют в числе основных причин Второй мировой войны. — Примеч. пер.

771

AGMPG II. Abt, Rep. 1A, A2. IA 9/-Havemann.

Rocolle. - 1992. - P. 108–109.

Marianne Remold // Bollmann et al. - P. 67.

К сожалению, убийства, грабежи, насилия над женщинами — эти неизбежные спутники войны — совершали военнослужащие и советской, и других союзных армий. (В армии США, например, за эти преступления было казнено тогда шестьдесят девять человек.) Но в целом советские бойцы проявили гуманное отношение к мирным немецким жителям, особенно с учетом содеянного гитлеровцами в СССР. Командование Красной Армии предпринимало очень жесткие меры для предотвращения бесчинств в отношении гражданского населения. 19 января 1945 года Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к мирным жителям. В развитие этого приказа Ставки последовали приказы командующих фронтов и армий. Среди бойцов Красной Армии проводилась широкая разъяснительная работа. Наряду с ней принимались и жесткие карательные меры к военнослужащим, совершившим бесчинства по отношению к местному населению. Как свидетельствуют данные военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 года за преступления против гражданского населения было осуждено военными трибуналами четыре тысячи сто сорок восемь офицеров и солдат. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением им смертных приговоров. Между тем в докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта о выполнении директивы Ставки ВГК об изменении отношения к немецкому населению, подготовленном 2 мая 1945 года, отмечалось: "Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливаются на наших военнослужащих…" (Выдержки из документов по этому вопросу см.: Информационный бюллетень Ассоциации историков Второй мировой войны. — 2002, № 7.) — Примеч. пер.

О событиях в Далеме см. также: Naimark. — P. 82.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 706.

Там же. — Л. 650.

Anonymous. — P. 49.

779

Дневник Петера Реттиха // Reichhelm papers.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 231.

781

Дневник Петера Реттиха.

Beelitzer Heimatverein. - P. 18.

Конев. — С. 181; Erickson. - P. 592.

NA RG 338 R-79. - P. 59.

Цит. по: NA RG 338 R-79. - P. 14.

Ibid. - P. 19.

ЦАМО. — Ф. 684. — Оп. 492483. — Д. 1.

Лучинский А. На Берлин!

789

NA RG 338 R-79. - P. 37–38.

790

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 267. — Л. 186.

Беседа с Линднером. — 2001. - 10 октября.

792

Лучинский А. На Берлин!

793

Конев. — С. 182.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 70.

795

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 267. — Л. 189.

Беседа с Булем. — 2001. - 10 октября.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 159–160.

Цит. по: Ramm. - 1995. — P. 25.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 306.

800

Симонов К.М. Тетрадь № 9.

801

В "Дневнике писателя" К. Симонова, который цитирует А. Бивор, автор "Дневника…", в частности, пишет, что среди немецких раненых на лесной просеке, которых он наблюдал в тот момент, уже находились санитары и "кто-то распорядился бросить сюда на помощь медиков из наших медсанбатов". — Примеч. пер.

802

ЦАМО. — Ф. 233. - 2374. - 194. — Р. 76.

803

Конев. — С. 181–182.

804

BA-MA MSgl/976. - P. 138.

Ibid. - P. 143.

Ibid.

807

Лучинский А. На Берлин!

808

Антонов В.С. Последние дни войны; ЦАМО. — Ф. 301sd. - On, 295514. — Д. 1.

— Л. 158.

809

Цит. по: Schultz-Naumann. — P. 178

810

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 102. — Л. 13–17.

811

NA RG218 JCS. - Box 15. - File 94.

812

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

813

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

Цит. по: Trevor-Roper. — P. 152.

815

Ibid. — P. 156–157.

Gun. — P. 273.

817

О салоне Китти см.: Peter Norden (Munich, 1970) и документальный фильм

Розы фон Праунхайм "Meine Oma hatte cinen Nazi-Puff" о внуке Китти Йохене

Маттеле.

818

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 83.

819

Rocolle. - 1954. — P. 69.

Беседа с Клочковым. — 2000. - 25 июля.

821

Шатилов. У стен рейхстага // Всем смертям назло.

Беседа с Сулханишвили. — 2001. - 10 февраля.

823

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 78.

824

Неустроев С. Штурм рейхстага // ВИЖ. - 1960. - № 5. — Май. — С. 42–45.

825

Беседа с Беляевым. — 2000. - 25 июля.

Цит. по: Shindel (ed.). - P. 151.

827

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 32–48.

828

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2356. — Д. 5804. — Л. 147.

829

Беседа с Фрайтагом фон Лорингхофеном. — 1999. - 4 октября.

Ibid.

831

Антонов В.С. Последние дни войны.

832

BA-MA MSg2/1283. — P. 30.

833

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 106.

Ibid. — P. 115.

835

Беседа с Фене. — 1999. - 19 мая.

Ibid.

837

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. Л. 70.

838

Шатилов. У стен рейхстага.

839

Subbotin Vasily. How Wars End. - P. 131.

Kardorff. - P. 175.

841

Неустроев С. Штурм рейхстага. — С. 42–45.

842

BA-MA MSg2/3448. - P. 10.

Беседа с Мишем. — 2000. - 8 июля.

Ржевская. — 1986. — С. 44.

845

О страхах Гитлера по поводу возможного захвата в плен Евы Браун см.: Leon R.W. The Making of an Intelligence Officer. - London, 1994.

Sereny. - P. 538.

847

РГВА-СА. — Ф. 1355. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 18.

Вадис — Берии. — 7 мая // ГАРФ. — Ф. 9401. - On 2 — Д. 96. — Л. 175-182

Sereny. — P. 539; Беседа с Мишем. — 2000. - 8 июля.

850

Беседа с Мишем.

Ржевская. — 1986. — С. 36.

852

Там же. — С. 31.

853

Вадис — Берии. — 7 мая.

854

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 149. — Л. 274.

855

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 309.

Ржевская. — 1986. — С. 31.

857

Цит. по: Gilbert Martin. The Day the War Ended. - London, 1995. - P. 41.

858

NA 740.0011 EW/4-2445.

859

NARG 338 R-79. - P. 11.

Беседа с Клочковым. — 2000. - 25 июля.

861

Беседа с Беляевым. — 2000. - 25 июля.

862

Беседа с Клочковым. — 2000. - 25 июля.

863

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 120.

Вишневский Вс. Берлинский дневник // Как кончаются войны (на англ. яз.).

— С. 162–193.

865

Жуков. — Т. IV. — С. 269–270

866

BA-MA MSg2/3448. — P. 15.

867

BA-MA MSg2/1283. — P. 32.

Meyer Karen. - P. 47–83.

Amt fur die Erfassung der Kriegsopfer. - 1947. - 28 июля; а также обращался к комментариям Дитмара Арнольда.

Беседа с Беляевым. — 2000. - 25 июля.

Беседа с Клочковым. — 2000. - 25 июля,

872

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 458–459.

Беседа с Галлом. — 1999. - 2 ноября.

874

Донесение Бреттшнайдера // Постоянная выставка в цитадели Шпандау.

875

Операция "Возвращение дракона" // STIB. - 1954. - 28 января // PRO DEFE
21/42. — P. 4

ЦАМО. — Ф. 236. — Оп. 2675. — Д. 149. — Р. 276.

NA RG 338 R-79. — P. 49.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 291.

Ibid. — P. 150.

Беседа с Райхельмом. — 1999. - 5 октября.

881

BA-MA MSg2/1283. — P. 34.

882

Вадис — Берии. — 7 мая // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 96. Л. 175–182.

883

Там же.

Trevor-Rope r. — P. 188.

885

Жуков. — Т. IV. — С. 272.

Le Tissier. - 1999. - P. 186.

Беседа с Байером. — 2001. - 9 октября.

Беседа с Лёве. — 2001. - 9 октября.

889

Жуков. — Т. IV. — С. 272.

Беседа с Байером. — 2001. - 9 октября.

Rump (ed.). - 1997. - P. 184.

Prinz-Albrecht-Gelande: Постоянная выставка.

893

Антонов В.С. Последние дни войны.

Musmanno. — P. 39.

Цит. по: Steinhoff et al. (eds.). - P. 434.

Ржевская. — 1986. — С. 212.

Ржевская. — 2000. — С. 286.

Беседа с Сулханишвили. — 2000. - 12 октября.

899

Там же.

900

Вадис — Берии. — 7 мая // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 96. Л. 175–182.

Ржевская. — 2000. — С. 295.

902

Жуков. — Т. IV. — С. 275.

903

Erna Flegel debrief by OSS. - 23 ноября.

Беседа с Ржевской. — 2001. - 28 октября.

905

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 93. — Л. 458–459.

906

Симонов К.М. Тетрадь № 9 // РГАЛИ. — Ф. 1814. — Оп. 4. — Д. 8.

907

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 95. — Л. 57–62, 92–96.

908

Не может не вызвать недоумения тот факт, что бесплатная раздача пищи Красной Армией голодающим немцам вызывает у автора негативную реакцию. — Примеч. пер.

Берия — Сталину. — 20 ноября // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 100. — Л. 492.

Беседа с Беляевым. — 2000. - 25 июля.

911

Архив Гроссмана. — Л. 240.

Там же. — Л. 242.

913

Там же. — Л. 245.

Там же. — Л. 243.

915

Там же. — Л. 244.

Беседа с Геншером. — 2000. - 4 сентября.

917

Дневник Петера Реттиха. — 3 мая.

BA-MA MSgl/236 и Reichhelm // NA RG 338 B-606.

919

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 174.

920

NA RG 338 R-79. — P. 58.

921

Беседа с Геншером. — 2000. - 4 сентября.

Цит. по: Ramm. - 1994. — P. 256.

923

Беседа с Райхельмом. — 1999. - 5 октября.

924

Беседа с Гумбольдтом. — 1999. - 11 октября.

Ржевская. — 2000. — С. 277.

Беседа с Ржевской. — 2001. - 28 октября.

927

Эйзенхауэр — Антонову. — 10 мая // NA RG 334. - Entry 309. - Box 2.

Bradley. - P. 551.

Власов не поддерживал восставших. Войдя в Прагу, подразделения так называемой "Русской освободительной армии" не только не координировали совместные действия с чешскими патриотами, но и вскоре были вынуждены ретироваться оттуда вместе с другими частями вермахта и СС. — Примеч. пер.

930

Донесение Яшечкина в ГлавПУРККА//РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. Д. 310.

931

Конев. — С. 230.

932

Эйзенхауэр — Антонову. — 8 мая // NA RG 334. - Entry 309. - Box 2.

933

Грибов Ю. Играл нам в Бранденбурге граммофон // Строки великой войны. —
М., 2000.

Иноземцев. — С. 206.

935

Симонов К.М. Дневник; Тетрадь № 9.

936

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2356. — Д. 5804. — Л. 155–156.

937

Симонов К.М. Дневник; Тетрадь № 9.

938

Горе побежденным! (лат.)

939

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 96. — Л. 15.

РГВА. — Ф. 32925, - Оп. 1. — Д. 100. — Л. 293.

941

См.: PRO DEFE 41/116; Counter Intelligence Corps NA 319/22/XE 169886; NA
319/22/XE 257685.

942

Заметки Федосеева.

943

Донесение 2-го бюро. — 21 апреля // SHAT 7 P 128.

Автор не приводит каких-либо конкретных примеров. Между тем промышленное оборудование, полученное Советским Союзом из Германии в качестве репараций, имело большое значение для советской экономики. Кроме того, органы, ответственные за репарацию, исходили в своей деятельности как из интересов советской промышленности, так и сохранения производственной базы в самой Германии. Пример тому знаменитое предприятие в Йене, ГДР, "Карл Цейс", часть мощностей которого послужило основой для производства оптических приборов в подмосковном Красногорске. — Примеч. пер.

945

РГАЛИ. — Ф. 1710. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 241.

946

Абакумов — Сталину. — 10 января 1948 // Портреты без ретуши // Военные

архивы России, — 1993. - № 1. — С. 189.

947

Симонов К.М. Дневник; Тетрадь № 8.

948

Toscano-Korvin. Diary-letter. - 7 июля // BZG-S.

949

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 61, 93.

950

NA 740.0011 EW/4-2445.

951

NA 740.0011 EW/5-145.

Zbarsky. — P. 134,

Kardorff. — P. 358. Беседа с Левин. — 1999. - 14 октября.

Цит. по: Sander and Johr. - P. 54, 59.

Kardorff. - P. 358.

Цит. по: Owings, — P. 147.

Цит. по: Steinhoff et al. (eds.). - P. 455.

Anonymous. - P. 102.

Цит. по: Steinhoff et al. (eds.). - P. 459.

См.: Biess Frank. The Protracted War // GHI Bulletin. - 2001. № 28. -
Spring.

961

Kardorff. - P. 358.

962

Anonymous. - P. 202.

963

Цит. по: Owings. - P. 405.

Anonymous. - P. 66.

965

Toscano-Korvin. Diary-letter. - 7 июля // BZG-S.

966

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 82.

967

Там же. — Д. 116. — Л. 428.

968

ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д, 68. — Л. 17–20.

969

Sander and Johr. - P. 17.

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 240.

971

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 296.

Архив Гроссмана. — Л. 244.

973

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 297. — Л. 30–31.

РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 316. — Л. 81.

Kardorff. — P. 364.

Беседа с Берн ер. — 1999. - 15 октября.

Naimark. — P. 93.

OMGUS, NA, RG260 A2 B1 C3. - Box 363.

Kardorff. - P. 341.

Беседа с Лёве. — 2001. - 10 октября.

Zbarsky. — P. 129.

982

Берия — Сталину // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 95. — Л. 395–399.

983

Беседа с Мережко. — 1999. - 10 ноября.

984

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 89.

Там же. — Л. 41.

986

РГВА. — Ф. 38680. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 43.

Беседа с Байером.- 2001. - 9 октября.

Беседа с Лёве. — 2001. - 9 октября.

989

Беседа с Байером. — 2001. - 9 октября.

Беседа с Вольфом. — 2000. - 14 июля.

Беседа с Вольфом. 1997. — P. 47.

Беседа с Вольфом. 1998. — P. 33.

993

Беседа с Вольфом. — 2000. - 14 июля.

Берия. — С. 88.

995

Беседа с Вольфом. — 2000. - 14 июля.

Ibid.

Kardorff. - P. 356.

LA-B 3928.

999

BA-MA MSg2/3626.

1000

Берия — Станину // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 95. — Л. 374.

1001

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 96. — Л. 343–344.

1002

NA RG 260 OMGUS; Stack 390 41/7/5, 6,

1003

Берия — Сталину. — 22 июня // ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 8-
10.

1004

ЦАМО. — Ф. 372. — Оп. 6570. — Д. 68 // Цит. по: Сенявская. 1995. — С. 191.

1005

Там же. — Д. 78. — Л. 30–32.

1006

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 92. — Л. 288.

1007

Беседа с Кубасовым. — 2001. - 27 октября.

1008

РГВА. — Ф. 38686. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 36.

1009

РГВА. — Ф. 32925. — Оп. 1. — Д. 297. — Л. 28.

1010

ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. la. — Д. 165. — Л. 181–183.

1011

ВОВ. — Т. IV. — С. 191. - № 59; С. 193. - № 65.

1012

Безбородова. — С. 15.

1013

Кардин В. // Цит. по: Сенявская. — 2000. — С. 95.

1014

Письмо евреев из Рубцовска (Алтай) председателю Совета национальностей

СССР. - 12 июля // РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 310. Л. 47.

1015

Там же. — Л. 50.

1016

Цит. по: Werth. — P. 1001–1002.

1017

ЦАМО. — Ф. 233. — Оп. 2374. — Д. 194. — Л. 83.

1018

BA-MA MSg2/3626.

Ржевская. — 2000. — С. 292, 301.

Жуков. — Т. IV. — С. 297–298.

1021

BA-MA MSg2/3626.

1022

Беседа с Казаковой. — 1999. - 6 ноября.

1023

NA RG 338 B-338.

1024

NA 740.0011 EW/5-1045.

NA 740.0011 EW/4-2445.

1026

"Специальный архив" трофейных немецких документов содержит порядка ста девяноста четырех тысяч дел, относящихся к деятельности нацистской партии, секретариата рейхсканцелярии, СС, гестапо и др., захваченных советской 59-й армией в Нижней Саксонии (вероятнее всего, в башне Фурстенштайн возле Вальденбурга, а не в башне Альтхорн, о которой говорят некоторые источники). — Примеч. автора.